

ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ

АЛЛАН МЕГИЛЛ

О ГЛОБАЛЬНОЙ ИСТОРИИ ИДЕЙ*

Процессы глобализации ведут к определенной унификации, однако степень этой унификации и, следовательно, степень контроля над миром людей, можно легко переоценить. Некоторые теоретики всемирной/глобальной истории стремятся представить прошлое как наше общее прошлое. Автор видит важную задачу макро- (а возможно и микро-) истории в том, чтобы подвести потребителей такой истории к осознанию (хотя и, почти наверняка, неполному) различий.

Ключевые слова: *глобальная история, история идей, образы прошлого, различия.*

Мы живем в глобализирующемся мире, и этот процесс в какой-то мере ведет к унификации. Но довольно легко переоценить степень этой унификации и, следовательно, степень контроля над миром людей. В то время как у Маркса и Энгельса мы находим образ сознательно управляемого мира, у Делеза, по сути, противоположный образ – образ волнующей тайны, который больше соответствует сложному миру культуры и идей, нежели взгляд Маркса. Некоторые теоретики всемирной или глобальной истории стремятся представить прошлое как наше общее прошлое. Однако важная задача макро- (а возможно и микро-) истории видится в том, чтобы подвести потребителей такой истории к осознанию (хотя и, почти наверняка, неполному) различия.

1. Марксистский подход: глобализация и ее пределы

Наше время является периодом интенсивной глобализации, которая связывает почти все части мира. Классическое определение процессу глобализации было дано Марксом и Энгельсом еще в 1848 г. в «Манифесте Коммунистической партии», где они заявили (хотя и довольно преждевременно), что «буржуазия путем эксплуатации всемирного рынка сделала производство и потребление всех стран космополитическим»¹. С того времени многое изменилось, и большая часть марксистского анализа современного экономического порядка, данного им в 1-м томе «Капитала», равно как и в многочисленных экономических рукописях, не соответствует современным знаниям. Тем не менее, правильность марксистского акцента на динамизме современной экономики

---

* Данная статья продолжает и развивает мои размышления об истории идей и глобализации, высказанные в: Megill. 2005. Рус. пер.: Мегилл. 2005.

¹ Marx, Engels. 1959. Bd. 4. S. 466; рус. пер.: Маркс, Энгельс. 1955. Т. 4. С. 427.

была подтверждена экономической историей последних ста шестидесяти лет. Производство и потребление действительно приобрели «космополитический характер» – если не в каждой стране в одинаковой мере, то в подавляющем большинстве частей и социальных слоев во многих странах мира. Да, существуют значительные различия в уровнях материальной жизни, но «космополитизм потребления» (так можно назвать этот феномен) часто снимает эти различия, иногда удивительным образом. В качестве примера можно привести, например, проникновение сотовых телефонов во многие «развивающиеся страны», где они уже почти стали потребностью повседневной жизни².

И все-таки существуют пределы этой глобализации – пределы, которые Маркс и Энгельс преуменьшили в «Манифесте Коммунистической партии», и которые Маркс обошел своим вниманием в «Капитале». По их мнению, современное производство «привело к появлению всемирного рынка» и в результате его развития «все сословное и застойное исчезает, все священное оскверняется, и люди приходят, наконец, к необходимости взглянуть трезвыми глазами на свое жизненное положение и свои взаимные отношения»³.

Когда мы смотрим на современный мир в том виде, в каком он существует сегодня, нас действительно поражает тот факт, что, несмотря на существенные различия в культуре и политической организации, используемая технология и потребляемые в разных странах и регионах товары если не одинаковы, то, по крайней мере, очень похожи – сети коммуникаций, транспорта и финансов. В понимании динамизма современной экономики, равно как и в существующей внутри нее тенденции к конвергенции, Маркс и Энгельс были наделены даром предвидения. Но они ошибались в том, что порождаемые современным капитализмом экономические и технологические изменения без заметного принуждения уничтожат *все* предыдущие отношения и заставят *все* «исчезнуть». Конечно, многие вещи действительно «исчезли»: например, во многих развитых странах изоляция и отсталость сельской местности, упомянутые Марксом и Энгельсом в замечательной фразе об «идиотизме сельской жизни», больше не являются преобладающими⁴.

Однако не все изменилось. Обратимся, например, к их настойчивому утверждению, согласно которому под влиянием возникшего экономического динамизма «национальная обособленность и противопо-

---

² Giridharadas Anand. 2010.

³ MEW. Bd. 4. S. 465; Маркс, Энгельс. Т. 4. С. 427.

⁴ Ibid. S. 466; там же. С. 428.

ложности народов все более исчезают уже с развитием буржуазии, со свободой торговли, всемирным рынком, с единообразием промышленного производства и соответствующих ему условий жизни⁵. В другом пассаже «Манифеста Коммунистической партии» они отмечают: «На смену старой местной (и национальной замкнутости и существованию за счет продуктов собственного производства) приходит всесторонняя связь и всесторонняя зависимость наций друг от друга. Это в равной мере относится как к материальному, так и к духовному производству. Плоды духовной деятельности отдельных наций становятся общим достоянием. Национальная односторонность и ограниченность становятся все более и более невозможными, и из множества национальных и местных литератур образуется одна всемирная литература»⁶.

В целом, Маркс и Энгельс были уверены в том, что разные национальные литературы могут стать частями единой «мировой литературы» – например, тем же самым путем, каким все образованные европейцы XIX века, включая самого Маркса, пришли к пониманию Шекспира. Но они пошли еще дальше, поскольку заговорили не только о культурном положении буржуа, но и о появляющемся культурном положении пролетариата. По их словам, «современный промышленный труд, современное иго капитала, одинаковое как в Англии, так и во Франции, как в Америке, так и в Германии, стерли с него всякий национальный характер. Законы, мораль, религия – все это для него не более как буржуазные предрассудки, за которыми скрываются буржуазные интересы»⁷.

Или еще один риторический вопрос, которым они задаются в одном из самых поразительных пассажей Манифеста: «Что же доказывает история идей, как не то, что духовное производство преобразуется вместе с материальным? Господствующими идеями любого времени были всегда лишь идеи господствующего класса»⁸.

Однако, как мы все сегодня понимаем, взаимоотношения культуры (философии, литературы, эстетики и вообще образа жизни) и экономики не являются жестко детерминированными. Следует отметить, что утверждение Маркса и Энгельса по поводу того, что «результаты интеллектуальной деятельности отдельных наций превращаются в общую собственность... из многочисленных национальных и местных литератур возникает “мировая литература”», понятно каждому. Маркс – сам

⁵ Ibid. Teil II. Proletarier und Kommunisten // MEW. Bd. 4. S. 479; там же. С. 444.

⁶ Ibid. Teil I. Bd. 4. S. 466; там же. С. 428.

⁷ Ibid. S. 472; там же. С. 434.

⁸ Ibid. Teil. II. S. 480; там же. С. 445.

по себе космополит и полиглот – являл пример способности людей (если у них есть достаточно времени, возможности и способностей) усвоить если не «многочисленные национальные и местные литературы», то, во всяком случае, более одной из них, и увидеть их частями «мировой литературы»⁹. Но их утверждение о том, что культурные различия со временем с легкостью эволюционируют в культурное единство, относится скорее к относительно узкой страте образованных, и в этом смысле привилегированных и секулярно мыслящих европейцев, выдающимся представителем которых был Маркс, чем ко всему человеческому сообществу. Кроме того, в современном глобализирующемся мире существует множество культур, которые при несомненных общих чертах имеют также острые различия и даже несовместимости.

Дивергенция культур (языков, литератур, традиций, религий) существует наряду с заметной конвергенцией в мировой экономической и технологической системах. Но эта конвергенция имеет заметные пределы. Как отметил американский социолог Питер Л. Бергер, в настоящее время существует: глобальное сообщество честолюбивых молодых людей в сфере бизнеса и профессиональной деятельности... своего рода «Интернационал» яппи, представители которого свободно говорят по-английски, соответственно одеваются и ведут себя на работе и во время развлечений, вплоть до того, что они думают сходным образом. Однако следует быть осторожными, утверждая, что это явное единство охватывает все их существование¹⁰. Бергер высказал эту мысль более десятилетия назад. С тех пор распространение современных способов коммуникации и растущее использование во многих частях мира английского языка в качестве *lingua franca* (языка межэтнического общения, часто с ограниченной сферой употребления – *прим. пер.*) привело к появлению еще больших признаков конвергенции и гомогенизации. Однако их появление вводит в заблуждение. Я полагаю, что важная задача истории – и особенно интеллектуальной истории в ее самых широких смыслах (включая всю культуру, а не только сферу четко сформулированных идей) – эксплицировать эти различия между культурами; в противном случае мы можем просто не придать им значения.

2. Делез: Расколотое поле культуры

В 2005 г. американский журналист Томас Л. Фридман в своей получившей широкую известность книге «Плоский мир» поднял вопрос о том, что многочисленные изменения, произошедшие в мире в последнее

---

⁹ Ibid. S. 466; там же. С. 428.

¹⁰ Berger. 2002. P. 4.

время и имеющие преимущественно технологический характер, ведут к превращению мира из «иерархического» в «плоский». Согласно Фридману, «долгое время считалось, что производство любого продукта как по отдельности, так и в целом принимает вид иерархической организации или института»¹¹. Однако сегодня, по утверждению Фридмана, все изменилось благодаря наличию таких «выравнивателей», как Интернет, программное обеспечение технологического процесса, аплоадинг, аутсорсинг, офшоринг, цепи поставок, беспроводные устройства и демократическая революция, которые разрушили эту иерархию. Например, говоря о падении берлинской стены 9 ноября 1989 г., Фридман утверждает, что этот случай изменил баланс сил во всем мире в пользу тех, кто защищает демократическое, согласованное и ориентированное на свободный рынок управление, против тех, кто выступает в защиту авторитарного правления с централизованно-планируемой и управляемой экономикой. С этого времени все больше экономических систем управляются скорее снизу вверх, руководствуясь интересами, требованиями и устремлениями людей, чем сверху вниз, руководствуясь интересами узкой правящей верхушки»¹². Фридман также утверждает, что в «плоском мире» можно вводить инновации, не переезжая в другую страну¹³.

Конечно, верно, что начиная с 1990-х гг., когда возникла всемирная паутина, новые технологии, устройства и методы изменили многие аспекты человеческой жизни для многих людей. Но рецензенты книги Фридмана считали, что, возможно под влиянием своего посещения Бенгалора в южной Индии (центр аутсорсинга) и полета бизнес классом на Люфтганзе, он существенно переоценил степень превращения мира в «новое и более плоское глобальное игровое поле»¹⁴. Для незначительной по величине элиты, состоящей из высокообразованной, творческой и энергичной рабочей интеллигенции и предпринимателей, метафора «плоский мир», безусловно, оправдана. Однако этот интернационально-ориентированный класс явно нетипичен. Для большинства людей понятия места и расстояния еще не потеряли своей актуальности.

Отметим, например, лавинообразный рост городов во всем мире. Тот факт, что многие люди склонны переселяться в мегаполисы, позволяет предположить, что место жительства для них имеет значение. И не везде отмеченные Фридманом технологические изменения и большая

---

¹¹ *Friedman*. 2006. P. 95.

¹² *Ibid.* P. 51.

¹³ *Ibid.* P. 217; см. также p. 346, 479 и 556.

¹⁴ *Friedman*. P. 202. В своей книге Фридман использует метафору «игровое поле» раз тридцать.

открытость границ привели к уменьшению неравенства; в любом случае, границы не исчезли. В некотором смысле неравенство уменьшилось: например, за последние два десятилетия доход на душу населения в КНР повысился по сравнению с доходом на душу населения в США. Однако в другом смысле неравенство увеличилось, например, разрыв между городским и сельским населением в той же КНР. Это дало повод Ричарду Флорида – ученому, который потратил годы на изучение географии творческого потенциала – выдвинуть в своей рецензии на книгу Фридмана возражение, заключающееся в том, что мир стал скорее «заостренным», чем плоским. Флорида утверждает, что значимость места жительства подтверждается множеством фактов. Например, половина населения планеты живет в городах; выбросы света (эквивалент экономической активности), как видно из космоса, в высшей степени сконцентрированы; в мире существует всего лишь несколько центров, где происходит инициирование подавляющего большинства патентов (показатель инноваций), равно как и обеспечивается высокий уровень научной деятельности (измеряемый количеством цитат в научных журналах)¹⁵. Двое экономистов из Нидерландов, Стивен Бракман и Чарльз ван Марвейк, откликнувшись на эти доводы в более академической манере, привели технический аргумент, доказывающий, что местоположение и расстояние по-прежнему сохраняют свою актуальность в экономике¹⁶. Возможно, они остаются значимыми и в других отношениях.

Итак, есть две конкурирующие метафоры человеческого мира, которые могут рассматриваться даже как онтологии. Одна из них великолепно иллюстрируется точкой зрения Фридмана о том, что мир стремительно превращается в «плоский мир», доступный для рассмотрения невооруженным глазом, который обзревается как бы сверху. Метафорическая плоская земля – это видимая земля (опять-таки: это *метафорически* плоская земля, поскольку на ней существуют небоскребы и городские каньоны, не говоря уже о природных каньонах и горных цепях). Рассмотрение невооруженным глазом означает, что плоский мир легко узнаваем, поскольку доступен рассмотрению, и, возможно, также легко управляем, поскольку легко узнаваем. Наши современные технологии (например, видеокамеры, антенны дистанционного наблюдения, GPS, проект Google «Планета Земля» (Google Earth), равно как и высокоскоростной Интернет и сотовые телефоны), заставляют нас думать о мире

---

¹⁵ Florida. 2005. P. 48-51. Ричард Флорида – профессор Школы менеджмента Университета Торонто. См. список его работ: http://www.creativeclass.com/richard_florida/about_richard (время доступа – 23.03.2012).

¹⁶ Brakman, Marrewijk van. 2008.

именно так. Примером использования данной метафоры в действии может служить кампания ЦРУ против движения Талибан на северо-западе Пакистана с использованием беспилотных ракетных авианосцев, управляемых с одной из баз на западе США. Конечно, следует заметить, что при этом погибло много людей, не принадлежащих к этому движению¹⁷.

Другая метафора – это метафора мира, который является не плоским, а миром со своими скрытыми углами, укромными местечками и пещерами, которые не видимы, не полностью познаны и лишь частично управляемы. Его можно назвать «моделью мира Кордильер», имея в виду труднодоступные горные цепи и долины между ними, покрытые маскирующими их лесами и обнажениями горных пород. Однако такое название слишком наводит на мысль о том, что проблема является чисто географической, тогда как география – лишь незначительная часть этой проблемы. Я бы, скорее, предложил на рассмотрение онтологию, автором которой является французский философ Жиль Делез (1925–1995). Как известно, в большинстве своих работ Делез ставит задачей противостоять тому, что он расценивает как придание преимущества идентичности над различием, свойственное господствующей традиции западной философии. Меня интересует при этом не значение используемого Делезом философского понятия *различие*, которое присутствует в его трудах, особенно в его непростой работе «Различие и повторение» (*Différence et répétition*, 1968)¹⁸. Скорее, меня заинтересовали его вариации на тему сложности и невидимости, пронизывающие небольшую книгу Делеза о Лейбнице (*Le pli: Leibniz et le baroque*, 1988)¹⁹, в которой он предлагает способ размышления о «ландшафте истории», который может и должен быть близок историкам.

Делез был философом, а не историком. Он с энтузиазмом занимался тем, что рассматривал как характерную черту философии – разработкой концептов. Он и его соавтор, психоаналитик Феликс Гваттари, в книге *Qu'est-ce que la philosophie?* (1991), которой суждено было стать последней для Делеза, пишут: «Творить все новые концепты – таков предмет философии... Концепты не ждут нас уже готовыми, наподобие небесных тел. У концептов не бывает небес. Их должно изобретать, изготавливать или, скорее, творить, и без подписи сотворившего они ничто. Ницше так характеризовал задачу философии...»²⁰.

¹⁷ Drones in Pakistan. 2011; The Year of the Drone...; Drone Strikes in Pakistan.

¹⁸ Делёз. 1998. Кратко о значении философии Делеза см.: *Smith, Protevi*. (особ. раздел 2. «Делез глазами других философов» и раздел 3. «Философия различия».

¹⁹ Рус. пер.: Делёз. 1997.

²⁰ Гваттари, Делёз. 1998. С. 14.

Историки, напротив, сосредотачивают свои усилия на описании и объяснении отдельных событий и ситуаций в прошлом (события и ситуации, которые могут быть такими мелкими, как незначительная перестрелка на войне, и такими масштабными, как «История России»). Когда философы думают и пишут о прошлом как философы, а не как потенциальные историки, они прогнозируют на выходе получение результата именно концептуального характера²¹. Историки же не стремятся к созданию концептов (хотя иногда им удается создавать концепты, не ставя перед собой такой задачи).

Историки могут изучать концепты, созданные философами и другими мыслителями, в частности основной концепт Делеза “*Le pli*”, который, как следует из названия, является концептом складки. Делез выводит это понятие в процессе своих размышлений о философии Лейбница и характерных чертах стиля барокко, особенно живописи, архитектуры и скульптуры. Стиль барокко дает нам наиболее конкретное и наглядное представление о понятии «складка». Среди работ, к которым отсылает нас Делез, – работа Бернини «Экстаз святой Терезы», законченная в 1652 г. и находящаяся в капелле Корнаро церкви Санта Мария дела Виттория (*Santa Maria della Vittoria*) в Риме. Поразительный аспект этой скульптурной группы – складки на одежде святой Терезы, которые ложатся необычно сложным способом²². Есть несколько вещей, отмеченных в отношении сгибов. Первая состоит в том, что – как отмечает Делез – они «приобретают автономию и целостность, которые являются не просто декоративными эффектами»²³. Уточним эту мысль: складки разрушают связь между одеждой и телом, внешностью и сутью настолько, что складки на одежде, не отсылающие к скрытому под ними телу, сами становятся предметом внимания. Вторая заключается в бесконечной сложности изгибов, в результате чего их описание становится непосильной задачей. Как будто бы само тело к

---

²¹ Иногда встречаются универсальные философы, которые действительно пишут книги, в основе своей исторические, например, книга канадского философа Яна Хакинга (*Hacking*, 1995) о возникновении психического диагноза «раздвоение личности», которую лучше назвать философски-окрашенной историей. Кроме того, существует гибридная область истории философии, которую я здесь не рассматриваю.

²² См.: “Closer view of the central figures, Ecstasy of Saint Theresa,” где подчеркнута одежда святой Терезы и посетившего ее ангела [Электронный ресурс]. – URL: <http://en.wikipedia.org/wiki/File:Teresabernini.jpg>, статья «Экстаз святой Терезы» (время доступа – 27.03.2012).

²³ *Deleuze*. 1993. Глава 9. «Новая гармония», Р. 122.

делу не относится. Мы можем думать о теле как о *невидимом*, но возможно правильное думать о нем как об отсутствующем вовсе.

Складки метафорически родственны сфере культуры, под которой я понимаю не только «культурные продукты» типа новых романов, музыки, кинофильмов и т.п., но и (что более важно) устойчивые габитусы разных народов: их язык, унаследованное искусство и литература, религиозные верования и практики и т.д. Некоторые эксперты глобализации, например, политолог Даниэль Конверси, утверждают, что в сфере культуры существуют мощные тенденции к глобализации и гомогенизации – тенденции, которые особенно активно продуцируются в Соединенных Штатах²⁴. Конверси рассматривает глобализацию как относительно недавнее явление (а не как нечто, восходящее к Римской империи, Чингисхану или Британской империи). Он считает началом глобализации систему «международных договоров, подписанных после 1948 года и обеспечивших глобальный триумф американской державе», и полагает, что лавинообразный характер культурной глобализации начал проявляться только в 1980-е годы, «когда в сжатые сроки произошла отмена контроля над индустрией развлечений, увеличивая ее зависимость от иностранных рынков с целью компенсации за высокие издержки производства и уменьшения отечественных субсидий»²⁵. Я хотел бы добавить, что следует также обратить внимание на такие аспекты культуры, которые пользуются не столь массовым спросом, как акцентированная Конверси поп-культура. Сосредоточив в своей статье внимание на отношениях между «американизацией» и «глобализацией», Конверси преуменьшает те аспекты культуры, которые не могут легко продаваться и покупаться, потому что они являются частью *бытия* народов (например, религия, особенности языка, способы межличностного общения и т.д.). Тем не менее, он, конечно, прав, отмечая, что «за пределами ее рыночного контекста... культурная глобализация» не означает «космополитического столкновения и слияния». Напротив, Конверси считает, что глобализация, которую он рассматривает как «сосредоточенный на главном однонаправленный проект» привела к «созданию границ, новым разрывам в коммуникации и краху межкультурного диалога»²⁶.

---

²⁴ См.: *Conversi*. 2010, где он успешно разъясняет понятия, которые он рассматривает как взаимосвязанные – «глобализация» и «американизация».

²⁵ *Ibid.* P. 37, 39.

²⁶ *Ibid.* P. 49.

3. Всемирная/глобальная история: мифистория, которая объединяет

Что же нам следует понимать под глобальной (или всемирной) историей в свете глобализации (материальной, культурной), столь явно заявившей о себе начиная с 1980-х годов? Во многих странах глобальная история пользуется спросом, часто возникающим в образовательных контекстах и на разных образовательных уровнях. Возьмите, к примеру, рассылку, сделанную своим подписчикам Советом по социальным исследованиям (США) 29 марта 2012 года. В ней содержалась информация об объявлении Советом по социальным исследованиям и Британским советом совместного проекта, озаглавленного как «Наше общее прошлое». Целями проекта является «поощрение новых подходов к программе и содержанию учебных планов по всемирной истории в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Северной Америке»²⁷. Но при этом совершенно не ясно, каким должно быть содержание такой всемирной, или глобальной, истории, равно как и то, какую цель, или цели такая история должна преследовать.

Самый очевидный ответ на этот вопрос состоит в том, что это должна быть общая история человечества с самых его начал (или, по крайней мере, с зафиксированных начал) до сегодняшнего дня. Такой ответ давался еще такими древними мыслителями, как Августин и Ибн Халдун, которые разработали проект «всеобщей истории», основанный на монотеистической структуре христианства и ислама. Впоследствии религиозная традиция всеобщей истории появилась в светской форме в виде историй человеческого прогресса, которые не опирались на библейские или другие источники религиозного происхождения. Схема человеческой истории, нарисованная Марксом и Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии» (равно как и более развернутое ее описание в разделе о Фейербахе в «Немецкой идеологии» (1845–46)), вполне умещается в такой светский вариант традиции «всемирной» истории²⁸.

Существует несколько проблем, которые свойственны всем нарративам такого «объединяющего» характера. Одна из них состоит в том, что подобные нарративы (независимо от того, на сколь широкий охват они претендуют) неизбежно оставляют за пределами своего внимания большие аспекты прошлого и пишутся с одного ракурса, оставляя за

---

²⁷ E-mail-письмо от Совета по социальным исследованиям от 29.03.2012, в котором дана ссылка на сайт: <http://www.ssrc.org/fellowships/our-shared-past/> (время доступа – 31 марта 2012).

²⁸ Краткий обзор традиций всемирной истории см.: *Megill*. 1999. См.: *Marx, Engels*. 1962. S. 17-77; *Маркс, Энгельс*. Т. 3. С. 15-78.

пределами другие – независимо от того, сколь широким предполагает быть такой нарратив. Версия всемирной истории, в основе которой лежала христианская история спасения, уделяла незначительное и недостаточное внимание всем религиям за исключением христианства. Марксистская всемирная история скупо касалась вопросов религии и политики. Более того, до недавнего времени большинство попыток написать всемирную историю имело европоцентристский характер. Как отмечает в своем кратком и четком исследовании «Что такое глобальная история?» Памела Кайл Кроссли (Pamela Kyle Crossley): «Мы не только далеки от создания транскультурного нарратива – лишь немногие из нас создали глобальные, всеобщие или “макро” нарративы, свободные, так или иначе, от оправданного обращения к европейской мировой системе капитализма, ее характерным чертам и пределам. Великая схема европейской истории раннего нового времени и современной истории Европы обладает определенной квази-универсализирующей функцией в области исследований – без реальной универсализации. Все и повсюду могут быть охарактеризованы по отношению к Европе»²⁹.

Фактически в условиях отсутствия религиозного предположения о том, что вся человеческая история находится под наблюдением Бога, или ее секуляризированных версий, предполагающих нашу способность авторитетно идентифицировать единый, унифицированный и коллективный процесс улучшения человечества, понятие «всеобщей истории» трудно, а может быть и невозможно, подкреплять.

Своеобразным ответом на трудность определения того, что входит в понятие «всемирной» или «глобальной» историй, был поворот к *макроистории* (либо в смысле пространственного охвата, либо временного). Предложение Британского Совета и Совета по социальным исследованиям следует именно по этому пути, поскольку ставит своей целью «поощрение новых подходов к программе и содержанию учебных планов по всемирной истории в Европе, на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Северной Америке», т.е. фокусирует свое внимание на ряде крупных и связанных между собой регионов³⁰. Кроссли отмечает не-

---

²⁹ Crossley. 2008. P. 107. Многие авторы, проводя различие между «всемирной» и «глобальной» историями, рассматривают глобальную историю как фокусирующуюся на «крупных, но когерентных паттернах» и, что самое важное, ассоциирующуюся с «глобализацией». Данное сообщение, однако, обращено к общим моментам этих двух жанров, а именно стремлению говорить о человечестве в целом и в рамках этого целого.

³⁰ [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ssrc.org/fellowships/our-shared-past/>, paragraph 1 (время доступа – April 5, 2012).

давнее появление исследований «Индийского океана» и «Атлантического мира», также фокусирующихся на крупных регионах мира³¹. Я могу предложить в качестве предварительных следующие «идеальные типы» макроистории (на практике они часто накладываются друг на друга):

1) Макроистория, внимание которой сосредоточено на сетях и обменах (при желании ее можно назвать *историей сетей и обменов*). В условиях трудности создания когерентного нарратива, охватывающего всю человеческую историю, вероятная альтернативная стратегия состоит в том, чтобы сосредоточить свое внимание на тех временах и пространствах, где и когда наблюдались связи между большими, но весьма удаленными друг от друга частями мира. Примером здесь может служить «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» Фернана Броделя³².

2) Макроистория, которая концентрирует свое внимание на определенных объектах или деятельности, рассматриваемых на протяжении значительного отрезка времени (ее можно назвать *тематической историей*). Конечно, проект *всемирной* тематической истории сразу же натывается на неизбежно возникающую проблему пределов, ограничивающих компетентность и исследовательские способности отдельного историка. Поэтому лучшие примеры создания всемирной тематической истории часто созданы группой историков, каждый из которых является специалистом в своей сфере: например, «Энциклопедия мирового рабства», вышедшая в издательстве Макмиллан под редакцией Пола Финкельмана и Джозефа Миллера³³.

3) Компаративная макроистория, которая часто создается не историками, а исторически-ориентированными политологами и социологами. Примером может служить амбициозная (хотя сегодня уже редко читаемая) книга Питирима Сорокина «Социальная и культурная динамика»; тем не менее, компаративные исторические исследования продолжают проводиться, хотя и меньшего масштаба³⁴.

Однако существует нечто, что обычно упускается в этих различных усилиях по созданию макроистории. Этот недостающий элемент – я еще не назвал его никак – является результатом взаимодействия *между слабыми местами* всемирной истории и *ее востребованностью*. Как отмечает Кроссли, существует разница между тем, каким путем иссле-

---

³¹ Crossley. 2008. P. 117.

³² Braudel. 1979. (особ. т. 2 : *Les jeux de l'échange*).

³³ Macmillan Encyclopedia of World Slavery. 2 vols. 1998.

³⁴ Sorokin. 3 vols. 1937-41. Рус. пер.: *Сорокин*. 2000.

дуются и пишется глобальная история, и теми процедурами, которые используют «обычные» историки при изучении и написании истории.

И действительно, Кроссли доходит до того, что заявляет: «эти историки и создатели глобальной истории имеют мало общего». В то время как обычные историки занимаются исследованием «определенных мест, институтов, феноменов или людей», тот, кто стремится к созданию глобальной истории «пользуется исследовательскими навыками историка в незначительной мере». Не существует «никакого глобального контекста для подобного рода фактов» – скорее, потенциальные глобальные историки подбирают «факты», которые были установлены другими (главным образом, обычными) историками. Поэтому, как отмечает Кроссли, «не вызывает удивления тот факт, что многие создатели глобальной истории являются не историками», а, скорее, «экономистами, социологами, политологами и... писателями»³⁵. Что касается требования, которое (обычно) выдвигается по отношению к всемирной истории, то оно имплицитно присутствует в названии проекта «Наше общее прошлое», инициированного Британским советом и Советом по социальным исследованиям. Оно заключается в том, чтобы рассматриваемая история, показывая «наше» общее прошлое, внесла свой вклад в общечеловеческое единство.

Какова природа этого требования? По существу, это *мифическое* требование. Мифическое, потому что нет никакой возможности собрать и продемонстрировать факты, которые позволили бы оправдать глобальное человеческое единство, а также потому, что создавать единство – задача именно мифа (то, что Ницше называет «бессознательной метафизикой» народа или культуры)³⁶. И следовательно, поскольку история стремится к созданию такого единства, она несет в себе мифический аспект. Стало быть, существует четвертый «идеальный тип» всемирной истории, а именно:

4) Макроистория как *мифистория*, цель которой состоит в развитии чувства человеческого единства, предлагая такое изображение прошлого, которое все люди смогли бы рассматривать как общее.

Действительно, мы можем сказать, что этот четвертый «тип» всемирной истории проникает в упомянутые выше типы истории сетей и

---

³⁵ Crossley. 2008. P. 105.

³⁶ «Обратное явление наступает тогда, когда народ начинает понимать себя исторически и сокрушать вокруг себя мифические валы и ограды, с чем обычно соединяется решительное обмирщение, разрыв с бессознательной метафизикой его прежнего существования во всех этических выводах». – Ницше. 1990.

обмена, тематической истории и компаративной истории в той мере, в какой они стремятся внести свой вклад в общечеловеческое единство. Этот вывод едва ли удивит того, кто следит за литературой по всемирной истории. Хорошо известный всемирный историк Уильям Х. Макнил популяризировал термин «мифистория» в своем президентском послании Американской исторической ассоциации 1985 года – тогда, когда он как раз был увлечен тем, каким образом перейти от занимавшей его ранее европоцентристской макроистории, нашедшей отражение в его работе «Возвышение Запада», к «вселенской истории», которая тем не менее будет иметь «достаточно места для показа человеческого разнообразия во всей его сложности»³⁷.

Современный австралийский историк Дэвид Кристиан также предполагает, что «новая всемирная история» будет «играть такую же роль, какую играли традиционные истории: она будет стремиться создавать картину прошлого как некоего целого», что позволит людям и сообществам во всем мире считать себя частью развивающейся истории всего универсума, точно так же, как когда-то они относили себя к космологии различных религиозных традиций... Новая всемирная история будет предлагать ясное видение человечества как целого, поскольку в рамках ее универсальных образов прошлого легко будет увидеть, что все люди имеют общую, и весьма характерную, историю³⁸.

4. От общего прошлого – к признанию различий

Когда я слышу заявление о том, что мы, историки, должны стремиться к общему прошлому или что у нас есть «профессиональная обязанность двигаться в сторону экуменизма», или что мы нуждаемся в «новой всемирной истории», предполагающей «четкое видение человечества в целом», меня начинают одолевать сомнения³⁹. Если бы наш мир был плоским, а не заостренным, вполне марксистским и совсем не делезианским, с философией и литературой, эстетикой и политикой, отступающими перед человеческим знанием «реальных условий жизни и отношений (человека) с себе подобными», вопрос, возможно, звучал бы иначе. Как справедливо отмечает Макнил, «историческая профессия... до сих пор воздерживается от экуменического представления о развитии человечества»⁴⁰. И действительно: с какой точки зрения этот

³⁷ McNeill. 1986a. P. 8; репринт: McNeill. 1986b. P. 1-10. См.: McNeill. 1963.

³⁸ McNeill. 1986b. P. 8; Christian. 2010. P. 7.

³⁹ [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ssrc.org/fellowships/our-shared-past/>; McNeill. 1986b. P. 8; Christian. 2010. P. 7.

⁴⁰ McNeill. 1986b. P. 8.

вселенский взгляд возможен? Как отмечает другой всемирный историк Джерри Х. Бентли, «до настоящего времени историкам так и не удалось найти никакой архимедовой точки опоры, с которой некое нейтральное или полностью объективное видение глобального прошлого возможно»⁴¹. Он также отмечает, что у нас уже есть мифистории – мифистории, которые «успокаивают коллективный дух национальных, этнических, расовых, религиозных и других групп»⁴².

В мире, в котором глобализация является реальным фактом и в котором в результате этого уровень взаимодействия между различными национальными государствами и культурами выше, чем прежде, потребность во «всемирной» или «глобальной» истории намного сильнее, чем когда бы то ни было в прошлом. Но я утверждаю, что такая «всемирная» или «глобальная» история не должна принимать форму «единственного» и предположительно авторитетного нарратива (является ли этот авторитет мифическим или имеет другой характер). Конечно, помимо знания о том, что «мы» имеем нечто общее, существует большая потребность в чем-то еще. Она существует для лучшего осознания того, что мы *не* разделяем, то есть для лучшего осознания существования различий, отличающих «нас» друг от друга даже при том, что, почти определенно, мы, вероятно, не способны понять эти различия *изнутри*.

Китайский историк Ю Пей (Yu Pei), в статье, в которой он рассматривает отношения между «глобальной» и национальной историями, указывает на то, что до проектов 1960-х годов, для создания глобальной истории «фокусом... исследования для всех была страна или нация». Наряду с другими проектами, он упоминает три книжные серии по древней, средневековой и современной историям, опубликованные в издательстве “Cambridge University Press” между 1902 и 1939 гг.; 14-томную «Всемирную историю», опубликованную Академией наук СССР в 1950–1960-е годы; и «Новую Кембриджскую современную историю», которая начала издаваться в 1950-е годы⁴³. Более того, эти давнишние работы имели европоцентристский характер даже тогда, когда присутствовало намерение показать, каким образом происходило «распространение “цивилизации” из Европы... пока она более-менее не прижилась во всех частях мира» (как это было, например в случае с «Кембриджской современной историей») ⁴⁴. Ю Пей предполагает, что

---

⁴¹ Bentley. 2005. P. 53.

⁴² Ibid. P. 52.

⁴³ Yu Pei. 2009. P. 26-27 (впервые опубликовано в: Shixue lilun yanjiu. 2006. № 1).

⁴⁴ Ibid. P. 27; цит. из: Clark. 1957. P. xxxv.

надлежащим ответом на эту ограниченность должна стать не попытка замены этих ранних европоцентристских проектов какой-то другой попыткой по созданию единой глобальной истории человечества. Скорее, он полагает: если экономическая глобализация – непреодолимая тенденция современного мира, то столь же непреодолимым является и разнообразие культур. Историю называют «культурой культур», и когда она подступает к глобальной истории, не может существовать ее единой модели. Бесспорно, основным содержанием глобальной истории является история «планеты», но это не предполагает единое или единственное понимание этого содержания. У китайской нации, так же, как и у других наций, – своя глобальная история, укорененная в ее собственной национальной исторической памяти⁴⁵.

В свете этой точки зрения (с которой я согласен), можно ли, тем не менее, по-прежнему говорить об универсальной, всемирной или глобальной истории в *общих* понятиях, а не просто обращаясь к частной культуре или стране (ряду стран), которой этот частный проект создания всемирной истории адресован? На мой взгляд, можно.

История поставила своей целью достичь широкого понимания глобального, всемирного, и глобальные историки вплоть до сегодняшнего дня испытывают потребность сосредоточить свое внимание на том, каким образом идеи и практики разных пространственно-временных континуумов имеют сходство и одновременно *отличаются от* идей и практик, принятых в пространственно-временном континууме конкретных историков и той аудитории, которой адресованы работы этих историков. Те аспекты человеческого опыта, который все мы разделяем, гораздо меньше нуждаются в рассмотрении глобальными историками, чем те аспекты этого опыта, в которых мы расходимся. И эти расходящиеся аспекты – в большинстве своем конструкты человеческого сознания (а точнее – сознаний). Следовательно, эти расхождения являются в основном объектами интеллектуальной истории и истории идей. Посредством этих конструктов, – которые частично состоят из четко сформулированных идей, но в большей степени из неясно сформулированных форм *габитуса*, существенно различающихся в каждой культуре – возникает расхождение людей от того общего, что дано им природой и в природе.

Когда нечто раздражается различиями, всегда существует соблазн по возможности минимизировать или даже преодолеть их и достичь

---

⁴⁵ Ibid. P. 41.

таким образом единообразия, например, попытаться, не задумываясь, применить собственные нормы к «другим». Действительно существует убедительная и вполне аргументированная позиция, задача которой превращение – или, скорее, *попытка* превращения – «чужого» в свое собственное. Но в целом, это неподходящая позиция для историка *как для историка* (хотя позиция историка может выражаться и в другой форме, например, в форме политического активизма).

Мы, историки, выбираем в качестве объекта прошлое, которое, по определению, давно умерло и поэтому находится вне наших манипуляций и контроля.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Bentley, Jerry.* Myths, Wagers and Some Moral Implications of World History // *Journal of World History*. Vol. 16. №. 1. 2005. P. 51-82.
- Berger, Peter L.* Introduction: The cultural Dynamics of Globalization // *Many Globalizations: Cultural Diversity in the Contemporary World* / Ed. By Peter L. Berger and Samuel P. Huntington. New York: Oxford University Press, 2002. P. 1-16.
- Brakman Steven, Marrewijk Charles van.* It's a Big World After All: On the Economic Impact of Location and Distance // *Cambridge Journal of Regions, Economy and Society*. Vol. 1. Issue 3 (2008). P. 1-27.
- Braudel, Fernand.* Civilisation matérielle, économie et capitalisme: XVe-XVIIIe siècle. 3 vols. Paris: A. Colin, 1979.
- Conversi, Daniele.* The Limits of Globalisation? // *Journal of Critical Globalisation Studies*. 2010. Vol. 3. P. 36-59.
- Christian, David.* The Return of Universal History // *History and Theory*. Theme Issue 49 (Dec. 2010). P. 6-27.
- Clark, Sir George.* General Introduction // *New Cambridge Modern History* / Ed. G.R. Potter. Cambridge: Cambridge University Press, 1957.
- Crossley, Pamela Kyle.* What is Global History? Cambridge: Polity, 2008.
- Deleuze Gilles and Guattari Felix.* Qu'est-ce que la philosophie. Paris: Minuit, 1991.
- Deleuze Gilles.* The Fold: Leibniz and the Baroque / Trans. Tom Conley. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1993.
- Drone Strikes in Pakistan. URL: http://en.wikipedia.org/wiki/Drone_strikes_in_Pakistan (режим доступа – 22.03.2012).
- Drones in Pakistan: Out of the Blue // *The Economist* (UK). July 30, 2011. URL: <http://www.economist.com/node/21524916>. (режим доступа – 22.03.2012)
- Florida Richard.* The World is Spiky // *Atlantic Monthly*. October 2005. P. 48-51.
- Friedman Thomas L.* The World is Flat: A Brief History of the Twenty-first Century [2005] / Updated and expanded edn. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2006.
- Girdharadas Anand.* Where a Cellphone is Still Cutting Edge // *New York Times*. “Week in Review” section. April 10, 2010 (www.nytimes.com, March 10, 2012).
- Hacking, Ian.* *Rewriting the Soul: Multiple Personality and the Sciences of Memory*. Princeton: Princeton University Press, 1995.
- Macmillan Encyclopedia of World Slavery / Ed. by Paul Finkelman and Joseph C. Miller. 2 vols. New York: Macmillan, 1998.

- Marx K., Engels F.* Manifest der Kommunistischen Partei, Teil I, "Bourgeois und Proletariat," // *Marx-Engels Werke (MEW)*. Berlin: Dietz, 1959, Bd. 4.
- Marx and Engels*, Die deutsche Ideologie // *MEW*. Bd. 3. Berlin: Dietz, 1962. S. 17-77.
- McNeill William H.* Mythistory, or Truth, Myth, History, and Historians // *American Historical Review*. Vol. 91. № 1. Feb. 1986a. P. 1-10.
- McNeill*. Mythistory and Other Essays. Chicago: Un-ty of Chicago Press, 19866. P. 1-10.
- McNeill*. The Rise of the West: A History of the Human Community / Drawings by Béla Petheö. Chicago: University of Chicago Press, 1963.
- Megill, Allan*. Universal History // *Encyclopedia of Historians and Historical Writing* / Ed. Kelly Boyd. 2 vols. London: Fitzroy Dearborn, 1999. Vol. 2. P. 1244-46.
- Megill, Allan*. Globalization and the History of Ideas // *Journal of the History of Ideas*. 2005. Vol. 66. P. 179-187.
- Smith, Daniel and John Protevi*. Gilles Deleuze // *The Stanford Encyclopedia of Philosophy* (Winter 2011 Edition) / Edward N. Zalta (ed.). URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2011/entries/deleuze/> (дата обращения – 22.03.2012).
- Sorokin, Pitirim Aleksandrovich*. Social and Cultural Dynamics. 3 vols. New York: American Book Company, 1937-41.
- The Year of the Drone: An Analysis of U.S. Drone Strikes in Pakistan, 2004-2007 (New America Foundation [Washington DC] Web article). URL: <http://counterterrorism.newamerica.net/drones>. (режим доступа – 22.03.2012).
- Yu Pei*. Global History and National Historical Memory // *Chinese Studies in History*. Vol. 42. № 3. Spring 2009. P. 25-44.
- Гваттари Ф., Делёз Ж.* Что такое философия? = Qu'est-ce que la philosophie? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Ин-т эксперим. социологии; СПб.: Алетея, 1998.
- Делёз Ж.* Различие и повторение. СПб.: Петрополис, 1998.
- Делёз Ж.* Складка. Лейбниц и барокко. М.: Логос, 1997. 264 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. Т. 4. М.: Гослитиздат, 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология. Т. I. 1 Фейербах // *Маркс, Энгельс*. Соч. 2-е изд. Т. 3. М.: Гослитиздат, 1955.
- Мегилл А.* Глобализация и история идей // *Диалог со временем*. 2005. Вып. 14. С. 11-20.
- Ницше Ф.* Рождение трагедии, или Эллинство и пессимизм, глава 23 // Соч.: в 2-х т. Том 1. М.: «Мысль», 1990.
- Сорокин П.А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: Изд-во Рус. христиан. гуманитар. ин-та, 2000. 1054 с.
- Мегилл, Аллан* – профессор истории Университета Вирджинии (США), megill@virginia.edu

Я. Г. ШЕМЯКИН

ФЕНОМЕН «ПОГРАНИЧНОСТИ»

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ СОДЕРЖАНИЕ И ИСТОРИЧЕСКИЕ ТИПЫ

В работе выделяются общие черты «пограничности» как особого состояния человека и общества. В то же время автор отмечает, что социокультурное качество «пограничности» может отличаться разной степенью зрелости и исторической устойчивости. В соответствии с этими критериями разграничиваются понятия «пограничная ситуация» и «пограничная цивилизация». В статье намечены исторические вехи становления основных типов цивилизационной «пограничности».

Ключевые слова: граница, пограничность, пограничная ситуация, пограничная цивилизация, первое осевое время, второе осевое время.

Данная работа основана на результатах многолетних исследований в сфере цивилизационной компаративистики, отраженных в целом ряде публикаций¹. К настоящему времени сложилось несколько трактовок феномена социокультурной «пограничности», в том числе – концепций «пограничных» цивилизаций. Настало время попытаться определить какие-то общие признаки, свойственные всем разновидностям «пограничности» как особого состояния человека и общества.

Первый признак такого рода, который, на мой взгляд, очевиден: граница – это всегда переплетение качественно различных традиций, точнее – сложнейший узел разнообразных типов взаимодействия и взаимосвязи этих традиций. Что главное в «пограничной» реальности? По-видимому, ее определяющая черта – это доминанта многообразия, прямо обусловленная крайне противоречивым сосуществованием разнородных социокультурных пластов. При этом наблюдается парадокс: наличие подобной доминанты не означает полного отсутствия единства, всегда есть нечто, объединяющее эти пласты. Однако общий облик «пограничной» действительности определяет именно фактор многообразия.

Крайне противоречивый характер связи качественно различных составляющих «пограничья» находит свое проявление в таких характеристиках «пограничной» реальности, как амбивалентность социокультурных ориентаций (одновременная направленность в противоположные стороны) и антиномичность (тенденция к «лобовому» столкновению полярностей бытия)².

---

¹ Из основных следует особо выделить следующие: *Шемякин* 2001; 2006; 2007 (а); 2007 (б); 2009; 2011(а); 2011(б); 2008; *Шемякин, Шемякина*. 2009; № 9 и 10.

² *Шемякин*. 2001. С. 246-261; 2009. С. 114; *Шемякин, Шемякина*. 2009. № 9 и 10.

Главная цель, которую я ставлю перед собой в данной работе, заключается в следующем: доказать и проиллюстрировать (в рамках жестких ограничений, заданных объемом текста) тезис, согласно которому социокультурное качество «пограничности» может отличаться различной степенью зрелости и исторической устойчивости. Для дальнейшего изложения принципиальное значение имеет разграничение двух понятий: «пограничная ситуация» и «пограничная цивилизация».

Вывод о необходимости подобного разграничения был сделан мной в свое время в ходе творческих споров с В.Б. Земсковым. Валерий Борисович сделал особый акцент на мысли о том, что те черты, которые автор этих строк и И.Г. Яковенко трактовали как отличительные особенности «пограничного» цивилизационного типа (отсутствие относительно монолитной духовно-ценностной базы, ее гетерогенный характер, постоянное столкновение и конфликтное сосуществование разнородных традиций, а также разделенных герменевтическими барьерами разнотадимальных пластов исторического бытия народа, антиномичность, постоянные «разрывы» социокультурной ткани, раскол между правящей элитой и народной «почвой», ключевая стратегическая роль симбиотического типа связи элементов социокультурной системы и др.), свойственны всем цивилизациям на этапе становления, в силу чего отличия между «пограничными» и «классическими» цивилизациями выглядят, мягко говоря, как весьма относительные³. Между тем, по моему убеждению, речь должна идти в данном случае о коренных структурных различиях двух принципиально отличных друг от друга цивилизационных типов. Чтобы не нарушать цельности изложения, изложу максимально кратко свою позицию по этому вопросу.

Все цивилизации неоднородны (в той или иной мере), состоят из самых разных элементов (культурных, этических, языковых и т.п.) и вместе с тем любая из них представляет собой целостность – единую во всем многообразии ее составляющих. Но соотношение начал (принципов) единства и многообразия, гомогенности и гетерогенности коренным образом отличается в великих цивилизациях Востока и Запада, которые я условно называю «классическими», и в цивилизационных образованиях «пограничного» типа. Облик первых определяет начало целостности, здесь наличествует некий единый стержень, пронизывающий, скрепляющий собой все многообразие составляющих их элементов. Сюда относятся такие, возникшие на базе мировых религий социокультурные макрообщности («субэкумены», по определению Г.С. По-

---

³ Земсков. 1999. С. 97.

меранца)⁴, как западнохристианская, южноазиатская индобуддийская, восточноазиатская конфуцианско-буддийская, исламская. Субэкумены отличает цельное основание – относительно монолитный религиозно-ценностный «фундамент». Для «пограничных» же цивилизаций (как и для всех иных разновидностей «пограничного» состояния) характерна доминанта принципа многообразия, который преобладает над началом единства. Последнее, впрочем, тоже вполне реально. Тем не менее, цельная, относительно монолитная духовная основа здесь отсутствует. К числу цивилизаций «пограничного» типа относились эллинистическая и византийская, из существующих в настоящее время к цивилизационным общностям данного типа относятся российско-евразийская, латиноамериканская, балканская и ибероевропейская⁵.

Возражая против попытки стереть качественную разницу между охарактеризованными типами цивилизаций, я в то же время признал серьезность приводимых Земсковым аргументов и попытался развить его мысль дальше. Действительно, все перечисленные выше признаки «пограничности» можно обнаружить на определенных этапах развития любой цивилизации. Причем не только на этапе генезиса (когда духовно-ценностный фундамент еще не сформировался, не обрел цельности), на что, собственно, и обращал внимание Земсков, но и на этапе кризиса, когда сформировавшаяся ранее цивилизационная основа теряет цельность в результате «надлома» (по Тойнби). В последнем случае цивилизация либо перестраивает себя, переходя на какой-то качественно новый уровень, либо распадается окончательно.

Однако, как показывает исторический опыт, возможен и такой вариант развития событий, когда полярные альтернативы развития системы (распад или обретение нового целостного основания на качественно новом уровне) взаимно нейтрализуют друг друга, в результате чего социокультурная общность так и не выходит из переходного «пограничного» состояния на протяжении длительного исторического срока. В этом случае черты переходности постепенно становятся онтологическими характеристиками данной общности, «пограничное» состояние становится способом ее бытия, она вырабатывает механизмы, обеспечивающие воспроизводство переходной ситуации, которая закрепляется

---

⁴ Померанц. 1995. С. 205-227.

⁵ Здесь необходима оговорка. Преобладающей тенденцией цивилизационного процесса в Испании и Португалии, начиная по меньшей мере с середины XX в., стала тенденция к интеграции в западную субэкумену. Однако, по моему мнению, этот процесс еще не завершен, сохраняется контртенденция к сохранению цивилизационной «особости» Пиренейской Европы.

соответствующей системой ценностей и социальных институтов, обеспечивающих сохранение «пограничного» состояния. Это означает, что возникло новое социокультурное качество, особая системность: «пограничная» ситуация становится «пограничной» цивилизацией⁶.

Следовательно, когда речь заходит о цивилизациях «пограничного» типа, имеется в виду особая разновидность границы. Определяющая черта этой разновидности, отличающая ее от иных видов границы, заключается в следующем: «В данном случае граница, не переставая играть роль перехода от одного типа (стадии, полюса) бытия к другому, получает новый модус существования, который приобретает определяющее значение: она сама становится бытием особого рода, воплощенным в специфической разновидности социокультурной системности»⁷.

Именно на цивилизационном уровне социокультурное качество «пограничности» достигает высшей степени зрелости. Внешним признаком трансформации «пограничной» ситуации в «пограничную цивилизацию» является историческая длительность сохранения «пограничного состояния», которая, в свою очередь, является свидетельством обретенной исторической устойчивости (разумеется, весьма относительной). Следует отметить, что у «пограничных» цивилизационных систем, как и у любых цивилизаций, свой тип времени – *la longue durée*, «большая длительность» или «длительная временная протяженность» (по Ф. Броделю)⁸. От того типа времени, который наличествует в «пограничных» исторических ситуациях, он отличается качественно. Когда «пограничность» обретает системный характер, происходит и существенная трансформация временных параметров в ходе формирования пространственно-временного континуума цивилизации. «По-видимому, здесь можно проследить действие закона перехода количества в качество: сохранение “пограничного” состояния в течение определенного количества “астрономического” времени при достижении определенного предела ведет к качественной трансформации»⁹. Этот предел каждый раз должен определяться конкретно-исторически.

* * *

При каких условиях происходит трансформация «пограничной ситуации» в «пограничную цивилизацию»? Граница может стать бытием *suū generis* только в том случае, если это граница между качественно

---

⁶ Шемякин. 2009. С. 116.

⁷ Там же. С. 113.

⁸ Бродель. 1992. С. 1-11, 640-641.

⁹ Шемякин. 2000. С. 117.

различными способами бытия (состояниями, полюсами). Новое качество может возникнуть лишь в результате взаимодействия различных качеств. Тот тип границы, который разделял первобытные общности, явно не подпадает под это определение. Мне уже приходилось писать¹⁰ о парадоксе первобытности: при максимальной однородности социальных, поведенческих, ментальных структур различных человеческих общностей полностью отсутствует осознание общечеловеческого единства, что находит свое отражение в факте безраздельного господства социально-психологического комплекса «они и мы»: иноплеменники рассматривались, как известно, либо вообще как нелюди (в этом случае они сближались или даже отождествлялись с животными или демонами), либо, во всяком случае, как не вполне люди¹¹. Названный комплекс составляет фундамент мифологического типа мышления, основные характеристики которого аналогичны во всех первобытных культурах: сходство (а во многих случаях идентичность) главных тем, сюжетов, представлений о мире в мифологии народов, обитавших в самых различных регионах нашей планеты, убедительно подтверждено фундаментальными исследованиями¹². В силу этих обстоятельств границы между первобытными общинами не были границами между качественно различными способами бытия; в сущности, способ был один и тот же у всех общностей подобного рода.

Первичный «фронтир», на котором впервые формируется «пограничность» как особое социокультурное качество – это, по-видимому, граница между первыми цивилизациями и первобытностью. Правда, в данном случае это качество пребывает на первой стадии процесса формирования; иными словами, его зрелость минимальна. «Незрелость» такого рода «пограничности» (которая, тем не менее, уже реально существует) находит свое отражение в том обстоятельстве, что древнейшие «доосевые» цивилизации находились, так сказать, в «гравитационном поле» первобытности; говоря словами К. Ясперса, они еще принадлежали «мифологической эре»¹³. Собственно, главное отличие первых цивилизаций от первобытных родоплеменных общностей – в масштабе; первые представляют собой существенно более сложные и разветвленные системы со значительно большим охватом территории и населения. То есть разница прослеживается на институциональном уровне, в то время

---

¹⁰ Шемякин. 2001. С. 63-64.

¹¹ Поршнев. 1979; Шемякин. 1987. С. 36.

¹² Мифы народов мира: Энциклопедия. 1991.

¹³ Ясперс. 1991. С. 54-55, 67-68.

как в духовно-ценностной сфере, в подходе к решению ключевых экзистенциальных проблем между ними значительно больше сходства, чем различий. Следует отметить, что подобная мысль уже высказывалась в зарубежной научной литературе¹⁴.

Новый уровень зрелости феномена «пограничности» был достигнут в ходе и в результате «осевой» революции (по К. Ясперсу)¹⁵: возникла новая граница – между строем жизни, определяемым господствующими тенденциями «осевого времени», и мифологическим способом бытия, продолжавшем доминировать и в древнейших цивилизациях. В отличие от этих последних, цивилизации, порожденные «осевым» порывом, не только в институциональном, но и в духовно-ценностном плане выходят за рамки первобытности¹⁶. При этом первый из обозначенных типов границы никуда не исчезает, сохраняется как историческая реальность: только что охарактеризованная «вторичная» граница как бы накладывается на «первичную», возникает второй слой «пограничности».

Нужно отметить, что и на этом этапе «пограничное» социокультурное качество еще исторически неустойчиво: «первичный» и «вторичный» типы «пограничности» проявляются в истории как «пограничные» ситуации; ни «первичная», ни «вторичная» границы не порождают еще своего особого способа бытия: на обеих сталкиваются и крайне противоречиво сосуществуют различные по своей сути модусы человеческого существования, характерные, соответственно, для «осевого» времени и «мифологической» эры.

Третий тип социокультурной «пограничности» возникает в результате разделения первоначально единого цивилизационного паттерна на «Запад» и «Восток» в рамках уже самого «осевого времени». Это ключевой момент в истории «пограничности»: именно данная «внутриосевая» «граница становится особым бытием, порождает специфическую системность; здесь «пограничная ситуация» впервые обретает относительную устойчивость и трансформируется в «пограничную цивилизацию». Первой в истории цивилизацией этого типа стала эллинистическая. Данная, «третичная» граница надстраивается над первыми двумя. Следует особо отметить, что этот, третий слой «пограничности» включает в себя первые два, интегрируя их в рамках системности нового типа, главной характеристикой которой отныне и впредь становится доминанта многообразия при сохранении системного единства.

---

¹⁴ Wescott. 2000, с. XV, XIII.

¹⁵ Ясперс. С. 32-78; Eisenstadt. 1982. Vol. 23 (2).

¹⁶ Ibidem.

В эпоху становления «второй оси» человеческой истории, в связи с формированием комплекса универсальных ценностей модернизации¹⁷, возникает новая «граница-бытие» – между способом бытия и мировосприятия, свойственным «второму осевому времени», и аналогичным способом, порожденным «первым осевым временем». Грань между двумя «осевыми» традициями появляется как в рамках самого Запада, так и между главной его частью, которая вступила в современность, и цивилизациями Востока, остававшимися в рамках традиции «первого осевого времени».

Именно данная, последняя по времени возникновения граница, ставшая бытием, включает в себя, интегрирует в новый тип системности все три предыдущие.

Получается, таким образом, некая линейно-стадиальная схема эволюции «пограничности» в истории. Насколько можно об этом судить на современном уровне знаний, вкратце охарактеризованные выше типы «пограничности» действительно обретали бытие в той последовательности, которая только что была описана. Но вот сказать, что один из них «сменял» другой, как более «прогрессивная» стадия более «низкую», вряд ли возможно. За термином «включает в себя» скрываются, судя по всему, самые различные типы взаимосвязи отличающихся по своей генетике «пограничных» цивилизационных пластов. Выявление и анализ этих типов – одна из актуальных задач цивилизационного исследования.

Так или иначе, все трансформировавшиеся в эпоху модернизации «пограничные цивилизации» (Россия – Евразия, Латинская Америка, Балканская и Пиренейская культурно-исторические общности) содержат в себе (в самых разных сочетаниях) все охарактеризованные выше четыре типа границы. Следует подчеркнуть, что они выступают как внутренние границы в социокультурном «теле» той или иной цивилизации, причем как на надличностном (социальные институты), так и на личностном (отдельные индивиды) уровнях. Слово сочетание «содержат в себе» обозначает системную взаимосвязь всех перечисленных типов «границы – бытия». Здесь нужно сделать одну необходимую оговорку.

Дело в том, что первичную «границу-бытие» («первобытность – первые цивилизации») в последние три века всемирной истории можно вычленишь лишь на уровне теоретической абстракции, в реальном цивилизационном процессе она, по общему правилу, давно слилась с сохраняющимся наследием первобытности в едином комплексе архаики. Впрочем, и этот последний очень редко встречается, так сказать, в «чис-

---

¹⁷ Яснерс. 1991. С. 97, 99-105, 111, 115-116, 119-120, 130-135, 140; Eisentadt. 2001.

том» (даже относительно чистом) виде. Он пребывает в истории в основном в рамках различных форм взаимосвязи с наследием «первого осевого времени». В современных «пограничных» цивилизациях с достаточной степенью ясности можно выделить, по сути дела, три вида «границы – бытия»: 1) между архаикой в целом и первой «осевой» традицией; 2) в рамках этой традиции (Восток – Запад); 3) между двумя «осями» мировой истории.

Но вот что представляется особенно важным: попытка обобщить исследовательский опыт (как свой собственный, так и коллег) привела меня к следующему выводу: в каждом конкретном случае характер «пограничности» определяется, по-видимому, тем, какой из типов границы играет доминирующую роль в рамках их взаимосвязи. Характер подобной взаимосвязи определяется конкретно-исторически и не является неизменным, может трансформироваться с течением времени.

Если бросить теперь самый общий взгляд на различные ареалы цивилизационного «пограничья» мировой истории, то получается (разумеется, в самом первом приближении: здесь необходимы как дальнейший анализ, так и конкретные исследования) следующая картина.

Четко прослеживаются два первичных очага формирования «пограничного» цивилизационного качества, ставших исходными пунктами развертывания двух глобальных линий в формировании цивилизационного «пограничья»: Восточное Средиземноморье и Пиренейский полуостров. В первом случае нить преемственности протягивается от эллинистической цивилизации к Византии, а от нее – к Балканской культурно-исторической общности и к России, во втором – от Пиренейской Европы к «пограничной» цивилизации Латинской Америки.

Предпосылкой возникновения первой в истории цивилизации «пограничного» типа, эллинистической, стали процессы дифференциации в Восточном Средиземноморье I тысячелетия до н.э.: во-первых, бифуркация единого прежде цивилизационного процесса на Запад и Восток; во-вторых, разделение внутри самого Востока по двум линиям. Ключевое значение для последующей истории имело появление в Палестине социокультурной общности нового типа (древнееврейской), выработавшей качественно иные по сравнению с окружающими древними ближневосточными цивилизациями подходы к решению ключевых экзистенциальных проблем¹⁸. Данные цивилизации образовывали, как правило, единый социокультурный комплекс с окружавшей их глубоко архаич-

---

¹⁸ См., например: Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон, Якобсен. 1984. С. 201-209; Шемякин. У истоков цивилизационного «пограничья». В печати.

ной, по сути еще первобытной периферией, историческое лицо которой определяли, как правило, родоплеменные структуры. Этот комплекс характеризовался, по-видимому, постоянным возникновением «пограничных» ситуаций, имевших, однако, исторически неустойчивый характер.

Появление второй линии водораздела на Востоке связано с формированием в Иране самостоятельного центра «осевой» революции (по Ясперсу) на базе зороастрийской традиции. Впрочем, не могу не отметить в этой связи, что дистанция, отделявшая Иран эпохи Ахеменидов от древних цивилизаций Египта и Месопотамии несравненно меньше, чем та, которая отделяла их от древних евреев¹⁹.

На обозначенных линиях водораздела сформировалось два типа «границы-бытия», охарактеризованные выше как «вторичный» («осевой») способ бытия – архаический комплекс, включающий все общества, относящиеся к «мифологической эре»²⁰) и «третичный» («внутриосевая» граница, разделявшая Запад и Восток). Эллинистическая цивилизация сформировалась в результате противоречивого сочетания и взаимного наложения этих двух типов, причем в ходе ее эволюции соотношение между ними менялось: от доминанты «вторичной» «границы-бытия» в первые века существования эллинистического мегасоциума к постепенному усилению значения «третичной» границы. Причем в рамках последней наблюдается усиление «греко-палестинской» составляющей – знаменитой культурно-исторической дуальной оппозиции «эллинов» и «иудеев». Именно в ее рамках возникло колоссальное духовное напряжение между двумя полюсами «осевой» революции в Восточном Средиземноморье – «Афинами» и «Иерусалимом» (по Л. Шестову)²¹, эллинистическим рационализмом и иудейским монотеизмом, в «силовом поле» взаимодействия которых сформировалось христианство.

Византия, прямая наследница эллинистической цивилизации в цепи исторической преемственности, представляла собой, говоря словами С.С. Аверинцева, «взаимопереход Греции и Азии, осложненный взаимопроникновением классического преемства и новизны»²². Как следует из хода мысли Аверинцева, «классическое преемство» – это не что иное, как продолжающаяся линия античной традиции, «новизна» же связывается с созданием совершенно нового духовного космоса христианством. Определяющим фактором формирования византийского «пограничья» явилось взаимодействие двух различных составляющих «осевого» со-

---

¹⁹ См.: Фрай. 2002.

²⁰ Ясперс. 1991. С. 33, 37, 42-43 и др.

²¹ Шестов. 1993. Т. 1. С. 313-664.

²² Аверинцев. 1997. С. 262.

циокультурного комплекса – античного наследия и христианства²³. Некоторое, хотя и существенно меньшее значение, имела и та линия водораздела, которая одновременно разделила и соединила православную Византию и зороастрийский Иран. Ощутимые следы иранского влияния в византийском цивилизационном космосе отмечал, в частности (ссылаясь при этом на других византийцев) С.С.Аверинцев²⁴.

В связи с процессом активного заселения (с конца VI в.) славянами Балканского полуострова (в том числе и территорий, оставшихся в составе державы ромеев) в VII–VIII вв. возникает новая «граница-бытие» в зоне контакта византийского цивилизационного космоса и архаической, родоплеменной по своей структуре, варварской периферии, вторгшейся в этот космос. Данный тип «границы-бытия» локализуется в рамках средневековой сельской общины в VII–IX вв. Как отмечал, в частности, Г.Л. Курбатов, последняя возникла в процессе и в результате взаимодействия традиций «ранневизантийской митрокомии с ее развитыми отношениями и правом частной собственности, в какой-то мере социально-классовой сплоченностью, и общин поселенцев, часто патриархально-родовых». В византийском «Земледельческом законе» (VIII в.) «индивидуальная собственность на пахотные наделы и усадьбы в византинославянской общине... сочеталась с правом эпизодического пользования чужой собственностью односельчанами. Родовые представления о верховной собственности общины вообще слились с устойчивыми правами собственности митрокомии на общие угодья, общие земли, которые она отстаивала на протяжении столетий...»²⁵. В VIII–IX вв. наблюдалось резкое повышение роли крестьянской общины в институциональной структуре Византии. Упомянутая община оказалась способна в VII–IX вв. оказывать мощное воздействие в том числе и на государственную власть.

Итак, взаимодействие со славянским миром привело к определенному изменению цивилизационного «лика» Византии, добавило к нему новые черты. Однако, нельзя не отметить в этой связи, что данное изменение практически не затронуло духовно-ценностного ядра византий-

---

²³ Пожалуй, лучшей работой, в которой ярко показан «пограничный» характер византийской цивилизации, является упомянутый труд С.С. Аверинцева, содержание которого гораздо шире названия и охватывает культуру в целом. Помимо книги Аверинцева, я бы выделил еще ряд трудов, поскольку содержащийся в них материал позволяет ярко проиллюстрировать излагаемые здесь мысли. См.: *Гийу*. 2005; *Культура Византии...1984*; *Культура Византии... 1989*; *Культура Византии... 1991*; *История Византии. 1987*; *Курбатов. 1984*.

²⁴ *Аверинцев. 1997. С. 261, 310.*

²⁵ *Курбатов. 1984. С. 74.*

ской цивилизации. В любом случае эта «граница-бытие» была в целом ограничена институциональными рамками общины. Впоследствии, с падением ее роли, уменьшается и значение этого измерения «пограничности» в цивилизационной системе Византии.

* * *

Балканская культурно-историческая общность, непосредственно наследовавшая Византии в цепи исторической преемственности, столь разнородна по своему составу, демонстрирует на протяжении веков столь высокую степень конфликтности в отношениях ее составляющих, что впору усомниться в существовании какого бы то ни было объединяющего начала. Однако многие авторитетные исследователи доказывают (на мой взгляд, очень ярко и убедительно), что Балканы, несмотря на гетерогенность и высочайший конфликтный потенциал, представляют собой единый во всем своем многообразии человеческий мир. Свидетельствами реальности его существования именно как некоего единства являются и особая «балканская модель мира», и существование «балканского языкового союза», и складывание особого «балканского» типа личности²⁶. Характер цивилизационного процесса на Балканах обусловлен следующими основными факторами.

Первым из них следует упомянуть, очевидно, многовековое взаимодействие трех мировых религий (католицизма, православия и ислама), истоки которых восходят к «первому осевому времени». Именно в ходе этого взаимодействия Балканская культурно-историческая общность сложилась как сложнейший узел различных типов их контакта, характеризующийся крайне противоречивым сочетанием тенденций взаимного притяжения и взаимного отталкивания его участников. Здесь следует упомянуть, что как католическая, так и православная традиции представляли собой результаты дальнейшего деления исходного западного цивилизационного паттерна (в первоначальном виде представленного античной цивилизацией древней Эллады и Рима) на «западное» и «восточное» христианство, составивших духовно-ценностную базу двух различных цивилизаций. Нужно подчеркнуть, что обе христианские традиции присутствовали и присутствуют в жизни Балкан одновременно в двух ипостасях: и как внешний (воздействие католической Европы и православной России), и как внутренний фактор их эволюции: и та и другая стали неразрывной составной частью духовного космоса Балкан.

---

²⁶ Из трудов по этой проблематике, особо хотелось бы выделить следующие: *Топоров*. 2007. С. 10-25; *Цивьян*. 1979; 1990; 2006. См. также: *Иванов*. 2007. С. 25-26; *Иванов, Топоров*. 1982.; *Нерозник*. 2007; и др.

Их тесное конфликтное взаимодействие в этом космосе – отличительная черта Балканского «пограничья». Если к этому добавить еще и исламскую составляющую, находящуюся в постоянном контакте–конфликте с обеими упомянутыми христианскими конфессиями, то станет очевидно: «первая осевая традиция» и, соответственно, третичная «граница–бытие» в условиях Балкан отличаются особенно сложным и разнородным составом. По всей видимости, нельзя недооценивать и влияние архаики, весьма ощутимо проявляющейся (в той или иной мере) в наследии всех балканских народов. Вторичная «граница–бытие» на Балканах предстает как состоящая из трех различных частей: каждая из трех первичных «осевых» традиций имела и имеет свой комплекс отношений с архаикой (также различными ее типами). Соответственно, и четвертичная «граница – бытие» между двумя «осевыми» традициями неизбежно предстает как сложнейший узел взаимодействия сразу по нескольким пересекающимся линиям. Можно сказать достаточно определенно, что общий характер балканской «пограничности» определяется именно этим типом «границы – бытия». Но вот на вопрос о соотношении ее составляющих нельзя, на мой взгляд, дать однозначного ответа. Хотя на протяжении XIX – начала XXI в. значение «второй осевой традиции» постепенно увеличивалось, сказать, какая из двух «осей» оказывает преобладающее воздействие на цивилизационный процесс на Балканах, не представляется возможным.

* * *

Для того чтобы правильно оценить специфику взаимосвязи различных типов «границы – бытия» в России, необходимо иметь в виду следующее. Составляющие каждой новой, возникавшей в истории границы, в свою очередь, вступают в контакт со всеми составляющими ранее возникших социокультурных «пограничий»: например, «вторая ось» – с архаикой, с восточными и западными компонентами «первой оси» и т.д. Причем особенно важно определить, какие реальные формы бытования архаики являются преобладающими. Выше уже говорилось о том, что первичная «граница–бытие» (первобытность – древние цивилизации) практически слилась в единый «доосевой» социокультурный комплекс, причем и этот последний присутствует в истории главным образом не в «чистом виде», а в рамках различных форм взаимосвязи с первичной «осевой» традицией. Поэтому «вторая ось» («современность») чаще всего взаимодействует с этими формами как бы на двух уровнях: и как с целым, и как с отдельными частями этого целого. Один из главных парадоксов исторического процесса заключается в том, что в рамках только что охарактеризованной взаимосвязи «первой оси» и архаики, последняя

может обладать разной степенью активности. Более того: размышления над событиями отечественной истории определенно побуждают к выводу о том, что архаическая составляющая может в принципе определять общий характер взаимосвязи в рамках бинарной оппозиции «архаика» - «осевой способ бытия».

Особо следует сказать о ситуации, которая складывается, когда с приобретшей подобный вид вторичной «границы–бытием» вступает во взаимодействие модернизационный комплекс «второго осевого времени». Судя по всему, в этом случае те стороны «модерн-эпохи», которые противоречат по своему смыслу главному содержанию первой «осевой эпохи»²⁷, резко усиливаются. Попытка проиллюстрировать этот тезис увела бы далеко за допустимые пределы объема статьи. Поэтому ограничусь здесь формулированием общей позиции и позволю себе высказать лишь одну гипотезу в отношении отечественной истории.

По всей видимости, в российской «пограничности» основные соотношения между разными типами «границы–бытия» менялись следующим образом. Первоначально, в период утверждения христианства, ключевое значение имела граница между традицией первого «осевого времени» (в ее православной интерпретации) и восточнославянской языческо-мифологической архаикой. Затем на этот социокультурный пласт наложился тот вариант взаимосвязи архаики с первичной «осевой» традицией (усвоенные элементы наследия великих цивилизаций Востока, главным образом Китая), который оказался характерен для татаро-монгольской культурно-исторической общности. Оба эти исторические напластования «пограничности» переплелись в самых разных, в том числе весьма причудливых сочетаниях. В результате, во-первых, появился на свет весьма своеобразный вариант «третичной» границы–бытия (христианская составляющая – элементы восточных традиций первого «осевого» времени); во-вторых, имел место специфический эффект «удвоения» «вторичной» границы (первая «осевая» традиция – архаика), приведший к определенной ее трансформации, суть которой заключалась в усилении архаической составляющей. «Третичная» же граница (напомним, что она – «внутриосевая», между «Востоком» и «Западом») Руси сформировалась на базе явного преобладания восточного начала. И когда с этим узлом переплетения различных разновидностей «пограничного» бытия вступил во взаимодействие мир модерна в его западной ипостаси, ключевое значение приобрела в российских ус-

---

²⁷ Ясперс. 1997. С. 97, 99-100, 111-122, 126-128, 137-139; Eisenstadt. 2001. С. 320-340; Шемякин. 2001. С. 68-82; 2003. С. 110-242; 2009. С. 119-122.

ловиях взаимосвязь «второй оси» и архаики. Именно она, как мне представляется, в решающей мере определила специфику российской «пограничности» XVIII – начала XXI века.

* * *

Специфика пиренейского варианта цивилизационной «пограничности» изначально определялась «внутриосевой» границей, возникшей в ходе и в результате многовекового, крайне напряженного и противоречивого взаимодействия трех (все они так или иначе восходят к первому «осевому» времени) монотеистических религий – западного христианства в католической версии, ислама и иудаизма. Их сосуществование, одновременно конфликтное и плодотворное, обозначаемое в традиции испанской историографии термином *convivencia*²⁸, стало решающим фактором генезиса ибероевропейской «пограничной» цивилизации. Здесь прослеживается (при всех различиях конкретно-исторических реалий) определенная параллель с балканской ситуацией. Впоследствии (начиная с XVII в.), по мере того как для иберийских стран все более настоятельной становилась необходимость выработки собственного «ответа» на «вызов» модернизации, постепенно формировалась, а затем (с XIX в. определенно) выдвинулась на первый план новая «граница–бытие» – между «первой» и «второй» осевыми традициями. На поверхности общественной жизни она проявилась как процесс (и проблема) взаимодействия иберокатолического начала и «собственно Запада» эпохи модернизации.

* * *

Латиноамериканская «пограничность» складывалась в ходе очень сложного взаимодействия различных исторических типов «границы – бытия». Степень сложности здесь сопоставима, пожалуй, лишь с российским случаем. В отличие от Восточной Европы в Новом Свете были свои «древние» цивилизации: как об этом неоднократно писалось²⁹, «высокие культуры» доколумбовой Америки по своим основным структурным параметрам соответствуют древним цивилизациям Старого Света, преж-

²⁸ Дословно – совместное житье; однако слово это содержит в себе целый спектр значений – от обозначения простого факта соседства различных конфессиональных и этнических общностей до особого духа открытости «Другому» и готовности сосуществовать с ним, признавая его инаковость как факт. Как отмечают исследователи, адекватного перевода данного термина на другие европейские языки, который мог бы охватить все богатство его содержания, не существует. Феномену *convivencia* посвящена обширная литература. См.: *Convivencia...* 1992; *Sánchez-Albornóz*, 1973; *Castro*, 1975; *Mitre Fernández*, 1988; *Maillo Salgfo*, 1988; из отечественных работ см.: в особенности: *Варьяш*, 2008. с. 62–69.

²⁹ *Гуляев*. 1972; 1979; 1985; *Березкин*. 1983; *Рус*. 1972; *Давыдов*. 1991.

де всего Египта и Месопотамии. В зоне их взаимодействия с первобытной периферией, по всей видимости, должны были складываться «пограничные» социокультурные образования. Какие из известных истории индейских общностей следует интерпретировать в качестве таковых? Ответ на этот вопрос может быть получен лишь в ходе дальнейшего конкретного исследования доколумбовых культур. У меня нет возможности углубляться в этот сюжет. Отмечу лишь, что эта первичная «граница–бытие» была сметена вместе с индейскими цивилизациями валом конкисты (хотя ее элементы сохранились в рамках единого комплекса архаики) и не наложила, насколько можно судить на современном этапе исследований, сколько-нибудь существенного отпечатка на исторический лик уже собственно латиноамериканской «пограничности». Последняя сложилась главным образом в поле очень напряженного взаимодействия двух типов «границы–бытия»: «вторичного» («осевая» традиция в католическом варианте³⁰ – индейская, а впоследствии, во многих случаях африканская по происхождению архаика) и «четвертичного» (мир модерна, уже начавший определять глобальный контекст через формирующийся механизм мирового рынка, – «вторичная» граница как взаимосвязь первой «осевой» традиции в иберокатолической версии и архаики). Первоначально характер ибероамериканской «пограничности» в наибольшей степени определяла «вторичная» граница, в рамках которой прослеживается явная доминанта иберокатолической составляющей. Та же самая пиренейско-христианская составляющая взаимосвязи «первая ось – архаика» довлела сначала и в рамках формировавшейся исторической дуальной оппозиции, полюсами которой уже с XVI в. становятся проникшие на континент элементы мира модерна и складывавшаяся здесь в XVI-XVIII вв. «вторичная» «граница бытие». В дальнейшем, по мере усиления модернизационного импульса, соотношение между «вторичным» и «четвертичным» типами «границы–бытия» постепенно менялось в пользу второго. В то же время наблюдается постепенное усиление архаической составляющей цивилизационного процесса. Это было прямо связано с глубинной потребностью преодолеть логику нигилистического тотального отрицания первоначально чуждой реальности, установлением симбиотических и зарождением синтетических форм взаимодействия иберохристианской и автохтонных культур и, соответственно, превращением последних во все более активных его участников. Причем в ходе этого взаимодействия наблюдалось «всплы-

---

³⁰ Сама иберокатолическая традиция складывалась как «внутриосевая» граница по линии «Запад – Восток» с преобладанием западнохристианского начала.

тие» архаических пластов, сохранившихся в подпочве самой иберокатолической традиции. Архаические компоненты разного происхождения соединялись в единый комплекс, взаимно усиливая и питая друг друга³¹.

В результате ослабления «осевой» составляющей «вторичной» границы постепенно усиливалось значение непосредственной взаимосвязи второй «оси» с архаическим полюсом данной границы. К XX в. именно эта взаимосвязь стала в решающей степени определять историческое лицо латиноамериканской «пограничности». Здесь прослеживается прямая параллель с российскими реалиями.

* * *

Возвращаясь к проблеме соотношения понятий «пограничные цивилизации» и «пограничные ситуации», нужно отметить, что относительная историческая устойчивость первых по сравнению со вторыми была достигнута в силу того, что на цивилизационном уровне (и при сохранении общей доминанты многообразия) принцип единства был выражен значительно более явственно, чем в условиях «пограничных ситуаций», что, собственно, и нашло свое отражение в возникновении социокультурной системности особого типа. В этой связи необходимо подчеркнуть, что такие «родовые» признаки любого «пограничного» состояния, как амбивалентность и антиномичность, будучи одними из главных проявлений принципа преобладания многообразия, сохраняются и в «пограничных цивилизациях». В этой связи закономерно возникает вопрос: как возможно существование какой бы то ни было системности в условиях амбивалентности – антиномичности? Как вообще возможно единство при доминанте многообразия? Ответить на эти вопросы – значит разгадать загадку, которая заключена в самом факте существования «пограничных» цивилизационных систем³². Итак: за счет чего «работает» социокультурный механизм, обеспечивающий условия для их функционирования и исторического воспроизводства? Попробую, суммируя результаты исследований, дать свой вариант ответа на сформулированные вопросы.

* * *

Для «пограничных» цивилизаций характерны одновременно повышенная (по сравнению с «классическим» цивилизационным типом) роль внешних факторов, большая проницаемость для внешних влияний (как прямое следствие отсутствия монолитной духовно-ценностной основы в

---

³¹ См., например: Шемякин. 2001. С. 92-96.

³² Один из возможных подходов к решению этой загадки мы попытались наметить в работе: Шемякин, Шемякина. 2009. №№ 9 и 10.

условиях доминанты многообразия) и повышенная (опять же по сравнению с «классическими» цивилизациями) способность к переработке этих влияний в соответствии с логикой местной социокультурной «почвы», в конечном счете – к превращению «внешнего» во «внутреннее». Следует особо подчеркнуть: обе эти характеристики одинаково органичны для «пограничной» цивилизационной реальности и служат основой для противоположных тенденций: стремления к максимальной открытости миру и к ревностной защите собственной самобытности. Эта мысль уже высказывалась российскими и испанскими учеными³³.

Подобное сочетание противоположных ориентаций сознания и поведения представляет собой одно из основных внешних проявлений той самой амбивалентности, о которой говорилось выше. Оно оказалось возможным, в свою очередь, в силу наличия такой внутренней характеристики цивилизационных «пограничій», как повышенная (по сравнению с «классическими» цивилизациями) проницаемость внутренних границ в культуре. Как мне неоднократно приходилось писать, одна из отличительных структурных характеристик «пограничных» цивилизаций – преобладание симбиотического типа взаимосвязи и взаимодействия наличествующих в их духовном космосе традиций (участники контакта уже составляют неразрывное системное единство, но при этом каждый остается самим собой, сохраняя собственную идентичность, а нового культурного единства не возникает)³⁴. Причем в рамках культурного симбиоза имеет место взаимодействие не только между отдельными людьми и социокультурными группами – носителями тех или иных традиций, но и во внутреннем мире человека – между идейно-психологическими комплексами различного происхождения и характера, воплощающими эти традиции. Таким образом, внутренние границы в «пограничной» культуре пролегают не только между различными ее представителями и принадлежащими ей коллективами людей, но и в душах преобладающей части жителей цивилизационного «пограничья».

Личность – живое пульсирующее ядро любой цивилизации. Поэтому обязательной предпосылкой достижения и сохранения ее целостности является целостность доминирующего в данном социокультурном ареале типа личности. Учитывая же отмеченную внутреннюю разделенность этого типа в условиях цивилизационного «пограничья», путь к достижению целостности на индивидуальном уровне разворачивания ци-

---

³³ См., например: Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). 2001, с. 14; *Menéndez Pidal*. 1982. С. 182-198.

³⁴ См. подробнее: *Шемякин*. 2001. С. 87-91, 126-130, 319-325.

визационного процесса предполагал и предполагает для представителей «пограничной» культуры переход собственных внутренних границ, то есть границ внутри себя между разнородными духовно-ценностными составляющими. В свете этих соображений обеспечение повышенной (опять же по сравнению с «классическими» цивилизациями) степени проницаемости такого рода границ – необходимое условие обретения цельности (в доступной ей мере) «пограничной» цивилизацией. «Причем в рамках, по преимуществу, симбиотической системности выполнение этой задачи не ведет к их исчезновению: становясь более проницаемыми, внутренние границы отнюдь не размываются»³⁵.

Запад присутствует в действительности цивилизационных «пограничій» в двух ипостасях – и как внешняя, и как внутренняя сила, поскольку европейская традиция стала неразрывной составляющей их социально-генетического кода. В данном контексте повышенная степень проницаемости внутренней границы с «Европой» (в том числе в собственной душе) означает одновременно и возможность относительно быстрого восприятия европейских новаций (так как западная традиция и для русских, и для латиноамериканцев, и для испанцев и португальцев, и для жителей Балкан – это в том числе и их традиция), и возможность столь же быстрого «возврата к себе», сохраняя собственную идентичность, самоутверждаясь в своей «инаковости» по отношению к Западу, но с включением переосмысленных и по-своему интерпретированных жизненных (духовных, политических, экономических и т.д.) форм западноевропейского происхождения³⁶.

Наличие качества повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, в свою очередь, обусловлено формированием в цивилизационном «пограничье» еще одной важнейшей характеристики: повышенным (как и во всех остальных случаях – по сравнению с «классическими» цивилизациями) уровнем оперирования знаковыми структурами различного происхождения и характера. Достаточно вспомнить в этой связи о тех метаморфозах, которые претерпели в Латинской Америке и в России различные версии христианства³⁷. Не имея возможности сколько-нибудь подробно останавливаться на этом вопросе, выделю основную направленность изменений: резкое расширение поля интер-

---

³⁵ Шемякин, Шемякина, 2009. № 10. С. 85.

³⁶ О процессе «иначания» изначально западноевропейских форм в Латинской Америке и в России см. подробнее: Кофман. 1997; Гурин. 2008; Лотман. 2002; Живов. 2002; Глостанова. 2004; Шемякин, Шемякина. 2009. № 10. С. 84-87.

³⁷ См.: Шемякин. 2001. С. 98-103, 233-246; 2007 (в); Шемякин, Шемякина. 2007; 2006; Кофман. 1997. С. 267-268, 284-285 и др.

претации христианской символики, формирование многочисленных, порой весьма причудливых форм взаимосвязи с местными духовными традициями, в том числе и с весьма влиятельными в «пограничной» социокультурной среде мифомагическими комплексами.

Оперировать знаковыми структурами не может какая-либо общность или социальный институт. Это может делать только конкретный человек. В силу этого обеспечить повышенный уровень оперирования подобными структурами оказалось возможно лишь в случае кардинального изменения (по сравнению с субэкуменами) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса – личностного (индивидуального) и надличностного. Как было установлено³⁸, разница между этими уровнями относительна: надличностный пласт – нормативно-ценностная база цивилизации – наличествует в любой личности. В цивилизациях «классического» типа именно он является основой целостности человеческой индивидуальности, в чем проявляется доминанта принципа единства. Однако личность несводима к этой основе. Во всяком человеке имеется определенное «пространство свободы» по отношению к господствующим нормам и ценностям, некий «несводимый остаток», «собственно индивидуальный» пласт, который и определяет неповторимое своеобразие каждого индивида. Цивилизационное «пограничье» характеризуется принципиально иным, по сравнению с «классическими» цивилизациями, соотношением между надличностным и собственно индивидуальным уровнем в структуре самой личности. Крайне противоречивое сосуществование качественно различных, в том числе и прямо противоположных ценностно-смысловых ориентаций, отличающее реальность «пограничных» цивилизаций, обуславливает то обстоятельство, что воплощающий общепринятые и официально утвержденные установки нормативно-ценностный пласт в личности «пограничного» типа, по общему правилу, ослаблен, и потому его интегративные потенции явно недостаточны для того, чтобы обеспечить ее духовную целостность. В подобной ситуации решающее значение приобретает тот самый «несводимый остаток», который становится главной основой ее целостности в условиях «границы», ставшей бытием особого рода». Достичь более высокого, чем в «непограничных» человеческих мирах, уровня оперирования знаковыми структурами самого различного происхождения и характера можно было лишь в «пространстве свободы» человеческой индивидуальности. Учитывая то, что говорилось выше о специфике соотношения личностного и надличностного уровней цивилизационного

---

³⁸ См.: Шемякин. 2001. С. 168-173.

процесса в социокультурном «пограничье», это «пространство свободы» следует рассматривать как первичный и в этом смысле ключевой фактор достижения целостности «пограничной» цивилизационной системы.

* * *

Итак, выстраивается вполне определенная причинно-следственная цепь: «пограничные» цивилизационные системы могут существовать в условиях доминанты многообразия (и, соответственно, антиномичности – амбивалентности) в силу выработки особого соотношения внутренних и внешних факторов их функционирования, которое достигается благодаря повышенной проницаемости внутренних границ в культуре, обусловленной, в свою очередь, повышенной способностью к оперированию знаковыми структурами различного происхождения и характера. Для формирования подобной способности необходимо коренное изменение (по сравнению с субэкуменами) соотношения различных уровней развертывания цивилизационного процесса, личностного (индивидуального) и надличностного, в пользу первого, причем условием подобного сдвига становится изменение соотношения в рамках самого индивидуального уровня между его воплощающей принцип единства цивилизационной общности нормативно-ценностной составляющей и тем «пространством свобод», которые наличествуют в каждом человеке, и превращение этого пространства в решающий фактор достижения и сохранения целостности как преобладающего в цивилизационном «пограничье» типа личности, так и «пограничной» цивилизационной системы в целом. Выявление всех этих качеств позволяет объяснить и описать механизм функционирования «пограничных» цивилизационных систем.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев С.С.* Поэтика ранневизантийской литературы. М.: Coda, 1997. 343 с.
- Алегрια Ф.* Горизонты реализма: чилийская литература XX века. М.: Прогресс, 1974. 303 с.
- Ахизер А.С.* Россия: критика исторического опыта. В 3 т. М.: Издательство Философского общества СССР, 1991. Т. III. Социокультурный словарь. 470 с.
- Ахизер А.С.* Труды. В 2 т. М.: Новый хронограф, 2006.
- Багно В.Е.* Россия и Испания: общая граница. СПб.: Наука, 2006. 476 с.
- Башилов В.А.* Древние цивилизации Перу и Боливии. М.: Наука, 1972. 211 с.
- Березкин Ю.Е.* Мочика: цивилизация индейцев северного побережья Перу в I – VII вв. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1983. 165 с.
- Березкин Ю.Е.* Инки: исторический опыт империи. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1991. 229 с.
- Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XV–XVIII вв. В 3 т. М.: Прогресс, 1992. Т. 3. Время мира. 680 с.
- Варьяш О.И.* Проблема границы в пограничной культуре (Пиренейский вариант) // Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). СПб.: Приложение к альманаху «Канун», 2001 С. 62–69.

- Гирин Ю.Н. Граница и пустота: к вопросу о семиозисе пограничных культур. Размышления латиноамериканиста // Вопросы философии, 2002. № 11. С. 85-94.
- Гирин Ю.Н. Поэтика сверхпределности. К интерпретации художественных процессов латиноамериканской культуры. СПб.: Алетей, 2008. 216 с.
- Гийу А. Византийская цивилизация. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 552 с.
- Гуляев В.И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. М.: Наука, 1972. 278 с.
- Гуляев В.И. Города-государства майя. М.: Наука, 1979. 303 с.
- Гуляев В.И. Типология и структура древних государств Мезоамерики. // Исторические судьбы американских индейцев. М.: Наука, 1985. С. 52-64.
- Декарт Р. Избранные произведения. М.: Госполитиздат. 1950. 712 с.
- Давыдов В.М. Латиноамериканская периферия мирового капитализма. М.: Наука, 1991. 240 с.
- Давыдов В.М. Цивилиография и цивилизационная идентификация Латинско-Карибской Америки. М.: ИЛА РАН, 2006. 51 с.
- Дюпен Ж. Пространство другими словами. // Иностранная литература, 2004. № 2. С. 246-261.
- Живов В.М. Разыскания в области истории и предыстории русской культуры. М.: Языки славянской культуры, 2002. 758 с.
- Земсков В.Б. Культурный синтез в Латинской Америке: культурологическая утопия или культурообразующий механизм? // Латинская Америка, 1999. № 4. С. 94-101.
- Золотарев А.М. Родовой строй и первобытная мифология. М.: Наука, 1964. 328 с.
- Иванов Вяч. Вс. О языковых, культурных и этнических контактах на Балканах // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 25-26.
- Иванов Вяч. Вс., Топоров В.Н. Древние Балканы как ареал межязыковых и межкультурных динамических взаимодействий // Балканские исследования. Вып. 7. Исторические и историко-культурные процессы на Балканах. М.: Наука, 1982. С. 150-163.
- Ильин В.Н. Эссе о русской культуре. СПб.: Акрополь, 1997. 461 с.
- Ионов И.Н. Цивилизационное сознание и историческое знание: проблемы взаимодействия. М.: Наука, 2007. 499 с.
- История Византии. В 3-х т. М.: Наука, 1967.
- История литератур Латинской Америки. От древнейших времен до начала Войны за независимость. М.: Наука, 1985. 672 с.
- История литератур Латинской Америки: от Войны за независимость до завершения национальной государственной консолидации (1810-1870-е годы). М.: Наука, 1988. 656 с.
- История литератур Латинской Америки. Конец XIX – начало XX века (1880-1910-е годы). М.: Наследие, 1994. 656 с.
- История литератур Латинской Америки. XX век: 20-90-е годы. В 2 ч. М.: ИМЛИ РАН, 2004.
- История литератур Латинской Америки. Очерки творчества писателей XX века. М.: ИМЛИ РАН, 2005. 688 с.
- Кофман А.Ф. Латиноамериканский художественный образ мира. М.: Наследие, 1997. 320 с.
- Культура Византии: IV – первая половина VII в. М.: Наука, 1984. 725 с.
- Культура Византии: вторая половина VII-XII вв. М.: Наука, 1989. 678 с.
- Культура Византии: XIII – первая половина XV в. М.: Наука, 1991. 637 с.

- Курбатов Г.Л. История Византии. М.: Высш. школа. 1984. 207 с.
- Леви-Строс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1983. 536 с.
- Лич Э.Р. Культура и коммуникация: логика взаимосвязи символов: к использованию структурного анализа в социальной антропологии. М.: «Восточная литература» РАН, 2001. 142 с.
- Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект. 2002. 544 с.
- Мифы народов мира: Энциклопедия. В 2 т. М.: Советская энциклопедия. 1991.
- Нерознак В.П. Балканская лингвокультурная общность: генезис и структура // Восток и Запад в балканской картине мира... С. 123-131.
- Пограничные культуры между Востоком и Западом (Россия и Испания). Сост. В.Е. Багно. СПб.: Общественное объединение Союз писателей Санкт-Петербурга. Приложение к альманаху «Канун», 2001. 536 с.
- Померанц Г.С. Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Померанц Г.С. Выход из транс. М.: Юрист, 1995. С. 205-227.
- Поринев Б.Ф. Социальная психология и история. М.: Наука, 1979. 232 с.
- Рус А. Народ майя. М.: Мысль, 1986. 256 с.
- Глостанова М.В. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. М.: Едиториал УРСС, 2004. 416 с.
- Топоров В.Н. Балканский макротекст и древнебалканская нео-энеолитическая цивилизация // Восток и Запад в балканской картине мира. Памяти Владимира Николаевича Топорова. М.: Индрик, 2007. С. 1-25.
- Фрай Р. Наследие Ирана. М.: «Восточная литература» РАН, 2002. 391 с.
- Франкфорт Г., Франкфорт Г.А., Уилсон Дж., Якобсен Т. В преддверии философии. Духовные искания древнего человека. М.: Наука, 1984. 236 с.
- Цивьян Т.В. Синтаксическая структура балканского языкового союза. М.: Наука, 1979. 302 с.
- Цивьян Т.В. Лингвистические основы балканской модели мира. М.: Наука, 1990. 207 с.
- Цивьян Т.В. Модель мира и ее лингвистические основы. М.: Ком Книга, 2006. 280 с.
- Шемякин Я.Г. Европа и Латинская Америка: взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. М.: Наука, 2001. 391 с.
- Шемякин Я.Г. Латинская Америка: традиции и современность. М.: Наука. 1987. 192 с.
- Шемякин Я.Г. «Пограничные» цивилизации планетарного масштаба. Особенности и перспективы эволюции // Латинская Америка, 2007 (а). № 7, с. 75-84.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканская цивилизация: основные ценности и институты. // Латиноамериканская цивилизационная общность в глобализирующемся мире. В 2 т. М.: ИМЭМО РАН, 2007 (б). Т. 1. С. 9-28.
- Шемякин Я.Г. Вера и рацио в духовном космосе латиноамериканской цивилизации // Латинская Америка, 2007 (в). С. 72-92.
- Шемякин Я.Г. Граница (Процесс перехода и тип системности) // Общественные науки и современность. 2009. № 5. С. 112-124.
- Шемякин Я.Г. В поисках смысла. Из истории философии и религии. М.: Рипол-классик, 2003. 432 с.
- Шемякин Я.Г. Цивилизации «пограничного типа: формирование концепции // Социокультурное пограничье как феномен мировых и российских трансформаций. Междисциплинарное исследование. М.: ЛИБРОКОМ, 2008. С. 100-148.
- Шемякин Я.Г. Латиноамериканская цивилизация и латиноамериканская литература // Латинская Америка. 2006. № 5. С. 104-114.

- Шемякин Я.Г. Дискурс взаимодействия и взаимодействие дискурсов: Россия – Латинская Америка – Запад // *Общественные науки и современность*, 2011(а). № 3. С. 79-96.
- Шемякин Я.Г. Проблема соотношения универсального и локального – центр смыслового пространства и эпистемологический предел цивилизационного исследования // *Исторический журнал: научные исследования*. 2011 (6). № 5. С. 87-103.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Пути и условия достижения целостности цивилизационной системы. Сопоставление исторического опыта России и Латинской Америки // *Латинская Америка*. 2009. № 9. С. 4-20; № 10. С. 82-101.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Соотношение веры и рацио в цивилизационном «пограничье»: российские параллели латиноамериканского опыта // *Латинская Америка*. 2007. № 11. С. 58-77.
- Шемякин Я.Г., Шемякина О.Д. Старообрядчество и процесс формообразования в российской цивилизации // *Общественные науки и современность*. 2006. № 2. С. 98-108.
- Шестов Л.М. Афины и Иерусалим // *Соч.* В 2 т. М.: Наука. 1993. Т. 1. С. 313-664.
- Якобсон Р. Тексты, документы, исследования. М.: Изд-во РГГУ, 1999. 920 с.
- Якобсон Р.О. О современных перспективах русской славистики // Роман Якобсон. *Тексты, документы, исследования*. М.: Изд-во РГГУ. 1999. С. 21-37.
- Ясперс К. Смысл и назначение истории. М.: Политиздат. 1991. 527 с.
- Ainsa. F. Identidad cultural de Iberoamérica en su narrativa. Madrid: 1986.
- Castro A. La realidad histórica de España. México: Porrúa, 1975. 479 p.
- Convivencia: Jews, Muslims and Christians in Medieval Spain. New York: George Braziller in Association with The Jewish Museum, 1992. 264 p.
- Eisenstadt S.N. The Civilizational Dimension of Modernity // *International Sociology*. 2001. Vol. 16. N 3. P. 320-340.
- Eisenstadt S.N. The Axial Age: The Emergence of Transcendental Visions and the Rise of Clerics // *European Journal of Sociology*. 1982. Vol. 23 (2).
- Iberica Americans. Культуры Нового и Старого Света XVII-XVIII вв. в их взаимодействии. СПб.: Наука, 1991. 288 с.
- Iberica Americans. Механизмы культуuroобразования в Латинской Америке. М.: Наука, 1994. 223 с.
- Iberica Americans. Праздник в ибероамериканской культуре. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 400 с.
- Iberica Americans: латиноамериканская культура в дискуссиях конца XX – начала XXI веков. М.: ИМЛИ РАН, 2009. 464 с.
- Maillo Salgado F. España. Al-Andalus. Sefarad. ¿ Síntesis o nuevas perspectivas? Salamanca: 1988.
- Menéndez Pidal R. Los españoles en la historia. Madrid: 1982.
- Mitre Fernández E. Cristianos, musulmanes o hebreos. La difícil convivencia de la España medieval. Madrid: 1988.
- Radcliff-Brown A.R. Method in Social Anthropology. Bombay, 1973.
- Sánchez Albornóz Cl. España – un enigma histórico. , Т. 1-2. Barcelona: EDHASA, 1973.
- Wescott R. Comparing Civilizations: An Unconsensual View of Culture–History. Atherton, 2000.

Шемякин Яков Георгиевич, доктор исторических наук, зав. отделом научных энциклопедических изданий Института Латинской Америки РАН;
shemiakin.yakov@yandex.ru

Ю. Н. ГИРИН

АВАНГАРД КАК ПОГРАНИЧНАЯ ФОРМА КУЛЬТУРЫ¹

Авангард начала XX в. явился одним из великих рубежей в истории мировой культуры. Он знаменовал собой смещение традиционных «спокойных» мировоззренческих основ во имя выстраивания новой картины мира. Их смыслы «сдвигаются» с положенных им укладом мира позиций, происходит обновление знаковости, тотальное смещение форм и смыслов, которое в русском авангарде и было концептуализировано как «сдвиг» (А. Крученых), «алогизм» (К. Малевич), а во французском – как «сдвинутость», «транссессия» (А. Бретон), *depaysement* (Х. Ортега-и-Гассетт).

Ключевые слова: авангард, пограничность, сдвиг, транссессия, лиминарность, пермутация, радикализм, виктимация, танатология, утопия, космогония.

Авангард первой трети XX в. – одна из величайших вех в развитии мировой культуры. Это момент кризиса; но не слома, а поворота; ситуация рубежа, пограничности, когда проблематизируются прежние референциальные основы (традиция) и постулируются принципиально новые основания бытийности и всей культуры как форм жизни общества. К началу XX в. развитие мировой культуры подошло к такому рубежу, когда следование какому-то единому канону, обеспечивавшее стабильность бытия в прошлые эпохи, стало контрпродуктивным. Сама рубежность эпохи, ее пограничный характер обусловили многомерность мировосприятия, отозвавшуюся принципом полифуркации практически во всех сферах человекобытия: в науке, искусстве, религии, в космовидении, наконец, что и привело к идеям о тотальном переустройстве мира.

Насколько авангарден авангард начала века?

Будучи культурой пограничного типа, авангард, тем не менее, обладает не столько антитетической («сбросить с корабля...»), сколько осмотической природой. Как ни странно, именно взаимоналожение разноориентированных факторов способствовало не только антиномичности авангарда, но и становлению культурной идентичности общего зона.

Так, В. Кандинский в 1912 г. постулировал двуединый характер современного произведения искусства, включающего в себя два процесса: «1. Разрушение материальной, лишенной души жизни 19 века... распад и самоликвидация отдельных частей» и «2. Построение духовной, душев-

---

¹ Статья подготовлена на основе доклада, сделанного на Международной научной конференции «Цивилизационно-культурное пограничье как генератор становления мировой культуры/литературы» в Институте мировой литературы им. А.М. Горького, 4-6 июня 2012 г.

ной жизни 20 века, переживаемое нами»², состоящих, по сути, в отношениях взаимодополнительности. «Разрушение вплоть до глубин процесса творения», писал в 1915 г. дадаист Х. Балль³ по поводу творений итальянских футуристов. Остро чувствовавший переходность эпохи Н. Бердяев писал: «Жертва культурой во имя высшего бытия будет сверхкультурной, а не докультурной и внекультурной, она оправдывает высший смысл культуры и искусства как великого ее проявления»⁴.

В наше время этот феномен вполне убедительно комментировал И.В. Кондаков: «Как правило, все пограничные и переходные эпохи субъективно переживаются как разрушение “порядка” и нарастание “хаоса” <...> Однако за семантикой хаоса/порядка в истории мировой культуры стоят типологически разные процессы, и для понимания закономерностей культурно-исторических переходов необходимо, в первую очередь, дифференцировать переходные процессы в различных культурах и в различные исторические эпохи». И главное: «Хаотизация картины мира свидетельствует о состоянии культуры в данный исторический период, а не о состоянии мира как такового»⁵.

Казалось бы, что может быть креативного в дадаизме, о котором вроде бы все знают, что он представляет из себя полное ничто? Однако дадаизм не пустотен (даже у его русских собратьев «горит бессмыслицы звезда», а раз горит, так значит «это кому-нибудь нужно»). Да, он не обладал философским, онтологическим измерением (в отличие от большинства ветвей русского авангарда) – он с самого начала был практикой, предельно выразительно манифестировавшей общий для поэтики авангарда принцип «сдвига»; это, как не раз было отмечено, прежде всего жест. Дадаистский «сдвиг» состоял в тотальной проблематизации ценностей культуры как таковой вплоть до самоотрицающей тенденции. И хотя дадаизм оказывался преимущественно практическим (несмотря на многочисленные «теоретические обоснования») выплеском, голой функцией идеологии «сдвига», он вовлекал в свою игровую практику некоторые элементы, составлявшие существо философии авангарда.

Стоит ли искать в авангарде смысл?

Стоит, но особый. Суть в том, что те вещи и понятия, которые в «холодной» культуре бывают встроены в иерархически структурированную модель мира, в «пограничной» культурной ситуации выпадают из

---

² Кандинский. 2001. С. 232.

³ Цит. по: Седельник. 2010. С. 402.

⁴ Бердяев. 1994. Т. 1. С. 233.

⁵ Кондаков. 2002. С. 59-60.

нее и тем самым обретают особую семиотическую нагрузку. Их смыслы «сдвигаются» с положенных им укладом мира позиций, происходит обновление знаковости, тотальное смещение форм и смыслов, которое в русском авангарде и было концептуализировано как «сдвиг» (А. Крученых), «алогизм» (К. Малевич), а во французском – как «сдвинутость», «трангрессия» (А. Бретон), *depaysement* (Х. Ортега-и-Гассетт).

И здесь неважно, кто первым произнес слово «сдвиг» – сходно мыслили и поступали, общей была парадигма эпохи. Очевидно, двойственность авангарда, его двуобращенность обязаны тому, что он возникает в зоне пограничья, на стыке культурных эонов, что и дает о себе знать во множестве форм и явлений. Это культура «горячая», функционирующая в режиме начала/конца, в своей мифогенности требующая интерпретации как эры Творения и создания новых традиций, которые консолидируются по мере превращения «горячей» культуры в «холодную». Принцип сдвига, то есть преобразования в самом широком смысле, подразумевает смену кодов, детерминирующих определенную картину мира, ее парадигматическую основу.

Собственно, принцип сдвига лежит в основе всей истории авангарда: впервые его манифестировал Г. Аполлинер в гротескной пьесе «Грудь Тирезия» (1903, поставлена в 1917). В 1918 г. Аполлинер выступил с программной статьей «Новый дух и поэты», где кодифицировал понятие «новизны» духа эпохи в слове «изумление»: «*Изумление – могучая новая сила*»⁶. Слово *surprise*, употребленное в оригинале, призвано было обозначить и причину, и результат, и свойство современного духа, – то самое, о котором писал Аполлинер, которое кодифицировали сюрреалисты в концепте «ошеломляющей метафоры», и которому много позже А. Арто нашел крайнюю степень выражения в заокеанском и доцивилизационном наркотическом опьянении у индейцев тараумара: эти *stupéfiants* и позволяли ему обрести искомое состояние *stupéfaction* – все того же «изумления», ошеломления, эпистемологической «сдвинутости». По сути, речь идет об авангардистской трангрессии/девиантности, проявляющей себя во множестве взаимосоотносимых форм и концептов: чудесности, утопизма, дикости, безумия/зауми, архаики, примитивизма, остран(н)ения, очуждения и т.д.

Метафизика пограничья

В картине мира авангардистской эпохи все оборачивается всем, все концы являются началами, а, следовательно, эта картина мира мифологична по преимуществу; ее тотальный мифологизм вбирает в себя и

---

⁶ Аполлинер. 1978. С. 58.

техницистски-прогрессиистские амбиции футуризма, и архаизм неопрIMITИВИЗМА, и сам революционаристский пафос творцов нового мира, затеявших великую мистерию преобразования и духа, и бытия. Этот реально присущий поэтике авангарда принцип позволяет соотнести друг с другом многие внешне антиномичные понятия. Так, пафос «солнцепоклонства» А.Л. Чижевского непротиворечиво совмещается с «солнцелюбством» авангардистов именно потому, что оба концепта равно принадлежат общей парадигме космизма, выдвинувшего в русском варианте, кроме Н.Ф. Федорова, столь же утопически ориентированных К.Э. Циолковского и В.И. Вернадского. Кажущееся произвольным соположение столь разных сфер культуры – художественной, философской и религиозной – на деле имеет под собой фундаментальную онтологическую основу, обеспечивавшую «устойчивое сочетание доминантных культурных интенций», как отмечает исследователь, прямо относящий мысль П. Флоренского к «авангардной парадигме»⁷.

Метафизика русского авангарда совершенно естественным образом выросла из традиций национальной культуры, укорененных в онтологии космизма, всеединства, соборности, Богочеловечества и т.д. со всеми нюансами и вариациями. В этой ретроспективе возникают совершенно неожиданные связи и генетические сцепления. Так, философ Н. Федоров, чрезвычайно интересовавшийся вопросом «о письменах», неожиданным образом оказывается предшественником А. Крученых в отношении к идее о самоценности письма: «формы букв говорят гораздо более слов, искреннее их <...> переписчики, чаявшие блаженства в будущем, предвкушали его уже и в настоящем», писал великий космист и танатолог⁸. Здесь возникает почти буквальная переключка с декларацией кубофутуристов: «Прежде всего, нужно изучать авторский почерк, почерк переписчика и печатные шрифты. Иные слова никогда нельзя печатать, т.к. для них нужен почерк автора», – писали братья Бурлюки⁹.

Истоки авангардного радикализма

Революционаризм был разлит в воздухе эпохи рубежа. Совершенно радикальным авангардистом оказывается Циолковский, который мыслил преодоление земного несовершенства человека и причащение его «блаженству Вселенной» через жесткое регулирование всего и вся и «усиленный искусственный подбор, который выражается только в том, чтобы давать возможность быстро размножаться самым совершенным осо-

---

⁷ Грякалов. 2004. С. 49.

⁸ Цит. по: Эшштейн. 2000. С. 114-124.

⁹ Поэтические начала. 1999. С. 56.

бям»¹⁰. На этом фоне революционный радикализм Л. Троцкого («Жизнь, даже чисто физиологическая, станет коллективно-экспериментальной. Человеческий род <...> поступит в радикальную переработку и станет объектом сложнейших методов искусственного отбора и психофизической тренировки»¹¹) кажется едва ли не наивным. Между тем, человеческий род уже подвергался радикальной переработке, что скорбно отмечал М. Горький уже в 1917 г.: «Рабочий класс не может не понять, что Ленин на его шкуре, на его крови производит только некий опыт <...> и надо понять, что Ленин не всемогущий чародей, а хладнокровный фокусник, не жалеющий ни чести, ни жизни пролетариата»¹². (Поневоле вспоминаются слова доктора Франкенштейна: «Новая порода людей благословит меня как своего создателя; множество счастливых и совершенных существ будут обязаны мне своим рождением»). Но ведь и сам Горький поначалу, отойдя от романтического индивидуализма «детей солнца», вполне разделял соборную «философию мы», ведущую к социалистической философии коллективизма.

Симптоматично, что смесь социального дарвинизма и евгеники Циолковского, мечтавшего о подлинном фаланстере («Мысли о лучшем общественном устройстве», 1916), тоже выростала из пристального внимания к букве («Общий алфавит и язык», 1915) как основе всемирного блага: «Не лучше ли каким-нибудь образом, незаметно, без больших усилий и жертв, ввести один общий язык для всех?»¹³. По сути дела, Циолковский был одним из многих, кто в начале века, устремленного к «Великой Утопии» (В. Кандинский), так или иначе культивировал мифологему «нового человека»¹⁴. Еще более разительным представляется развитие протоавангардных концептов (вплоть до идеального образа «человека летающего») в «учении Всемира» А.В. Сухова-Кобылина. Это только малая толика примеров, ибо не только русская, но и вся мировая культура начала века – причем вовсе не обязательно в авангардных ее формах – была охвачена небывалым пафосом «новизны», тотальности, всеобщности, пронизана утопическими идеями, научными, художественными и религиозно-философскими проектами. Достаточно обратиться к такому мыслителю, как Р. Тагор («Религия человека», 1930), идеи которого радикально эволюционировали от начала столетия к 1930 г. (особенно после поездки в СССР). Собственно говоря, линия утопиче-

---

¹⁰ Циолковский. 1992. С. 152.

¹¹ Троцкий. 1923. С. 196.

¹² Горький. 1990. С. 149.

¹³ Циолковский. 2001. С. 13.

¹⁴ См. об этом: Бобринская. 2003.

ских проектов (Тагор – Сухово-Кобылин – Федоров – Вернадский – Леруа – Тейяр де Шарден), обычно оборачивавшихся крахом иллюзий, в универсальном объеме составляет единый ряд, характеризующий новый тип антропного сознания.

Начала и концы: жертвенный пафос созидания

В 1919 г. Хлебников писал в работе «Наша основа»: «Таким образом меняется и наше отношение к смерти: мы стоим у порога мира, когда будем знать день и час, когда мы родимся вновь, смотреть на смерть как на временное купание в водах небытия»¹⁵. Ведь танатология как таковая и есть манифестация *онтологического пограничья, порубежья*, когда смыкаются концы и начала человекобытия в слитной мифологеме *puer senex*. Конечно, на первый взгляд кажется довольно неожиданным, что созидание нового мира было означено танатологической коннотацией. Но в мифопоэтической картине мира, актуализация которой неизбежна в эпохи порубежья, пограничности, внесение временного хаоса (аналога смерти) в мироустройство необходимо именно для переустройства его; такая «встряска» требовалась для еще большего и прочного упорядочивания мира (что, собственно, и произошло). Поэтому в авангардистской танатологии именно *жертвенность, виктимация* интуировались как залог будущего, посмертного инобытия, и мифологема смерти парадоксальным образом сочеталась с мифологемой детства.

Достаточно привести пример В. Маяковского с его сакраментальным «Я люблю смотреть ...» (при всех возможных переключках с И. Анненским – а с кем у него не было переключек?), где мотив заклания младенца выступает как эквивалент самозаклания: «Связь тем детоубийства и самоубийства несомненна», – утверждал Р. Якобсон в связи с поэтикой Маяковского, – это разные способы лишить преемства настоящее, “превратить одряхлевшее время”¹⁶. Тот же мотив кодифицирует смерть мира в метафизическом ритуале новой космогонии, в котором поэт выступает в качестве инициатической жертвы, фармака (ср. гротескную повесть Г. Аполлинера «Убийство поэта», 1916, хлебниковское «Где волк воскликнул с кровью: я юноши тело ем...»). Поэтика же сюрреализма и вообще предполагала подлинный культ самоубийства. Этот мотив глубоко связан с основным космогоническим мифом, так как в мифомышлении семантика детоубийства как жертвоприношения коррелирует с семантикой мирового пожара, обновляющего вселенную. Видимо, не случайно универсальный «миф о юноше-сыне» (В. Топоров) актуализируется в эту

¹⁵ Хлебников В. 2001. Т. 3. С. 253.

¹⁶ Якобсон Р. 1990, № 11-12. С. 88.

эпоху в индивидуальной мифологии столь разных поэтических личностей, как Е. Гуро и Г. Мистраль, равно скорбевших по мнимому сыну.

Один только русский Серебряный век заканчивается скорбным итогом: «Из двенадцати казнено трое. Еще трое казнят себя сами (один случай спорен: самоубийство или убийство?) Так что каждый второй гибнет насильственно. Из умерших своей смертью четверо уморены до срока: голодом: болезнями, ужасом бытия. Двое, дотянувшие до относительной старости, измучены травлей. Ни один из двенадцати не удостоился от Всевышнего долгой счастливой жизни. В данном случае это уже не просто несчастье, но рок. Мистерия духа, проходящая искус небытием. Взаимовывоз бытия и небытия»¹⁷. И это только Серебряный век. Что же касается скандальной строки Маяковского, то поэт и сам дал ей исчерпывающий комментарий: «Неужели вы думаете, что это правда?» (горячее отрицание мнимого цинизма Маяковского со стороны Л. Брик уже кажется избыточным). И этого, а также знания личности поэта, достаточно для избежания всяческих кривотолков. «А сердце рвется к выстрелу, а горло бредит бритвою...».

Естественно, танатологическим кодом отмечен весь комплекс авангардной эпохи, а не только русской культуры того времени. Как часто бывает, личная судьба художника корреспондировала с историческими обстоятельствами; онтогенез коррелировал с филогенезом.

Танатологическая виктимация есть форма субъектной трансгрессии. Тот факт, что в дальнейшем трансгрессия чисто метафорическая («Убийство поэта») реализовалась и в жизненно-биографических (реальные самоубийства поэтов, и не только *самоубийства*) и в литературно-текстуальных дискурсах (обэриуты, поэтика абсурда) лишь удостоверяет ее имманентность авангардной культуре в историческом изводе. Вот что пишет по этому поводу исследователь: «Впадение в крайность становится привилегированным предметом размышлений в антропологическом дискурсе 1920–1940-х гг. Одна из основных интенций антропологии этого периода состояла в том, чтобы сконструировать образ “нового человека”, утверждающего себя в экстремальных ситуациях: в состоянии холода, голода, боли, агонии, экстаза. Разнообразные формы жизни *in extremis* нашли отражение в литературе, кино, эстетике и философии. Экстремальные формы жизни изображались в эти годы как героическое поведение (Э. Юнгер), энтузиазм (Д. Вертов), спортивный рекорд (Л. Рифеншталь), мистический эксперимент (Б. Поплавский и М. Бланшо), некрофилия (Б. Пильняк и Ж. Батай), самопожертвование (В. Ильенков и

---

¹⁷ Аннинский Л. 2009. Т. I. С. 9.

другие), существование агонизирующего тела (П. Павленко). В литературе рассматриваемого времени можно найти своего рода сборный текст о пределах существования, реконструируемый в различных европейских культурах в их тоталитарных, анти тоталитарных и паратоталитарных манифестациях»¹⁸. Автор пишет «экстремальные», но, по сути, речь идет о пограничных формах бытия одной определенной эпохи.

Началось, однако, раньше¹⁹. Как полагает Т.В. Артемьева, танатологическая доминанта вообще специфична для русской культуры, особенно – для культуры начала XX в.: «Событие смерти рассматривается русской культурой в свете его насыщенности аксиологическими смыслами. Она далеко не всегда является наказанием и трагедией, а скорее наградой и апофеозом. Образ “русского героя” как мученика и страдальца делает ее приход желанным, а облик привлекательным <...> Эпатирующие строки В.В. Маяковского: “Я люблю смотреть, как умирают дети” вовсе не оторваны от почвы российской культуры, а написаны скорее в ее традициях», то есть продолжают линию «литературного инфантицида». (Вспомним и хармсовское: «Я не люблю детей, стариков, старух и благоразумных пожилых». И его же: «Травить детей – это жестоко. Но что-нибудь ведь надо же с ними делать!»).

В России, пишет далее автор, «утопическое мировосприятие превращается в танатопическое. Идеальный мир помещается в пространство и время смерти: “...Как один умрем в борьбе за это...” И верно, нужно ли жить после “этого”. Величественные Necrotopos и Necrotempus завораживают и манят усталого российского странника, бредущего по бесприютной жизни. У-мир-отворение для него превращено в у-мирание. Он хочет покоя, и должен стать покойником. Главным является не достижение идеала, а смерть за него. Жизнь и смерть не противопоставлены друг другу, а взаимосвязаны и даже взаимозаменяемы»²⁰.

Теоретические построения той эпохи трактовали смерть как онтологическую проблему, подлежащую разрешению, как некий атрибут бытия. Ученик и последователь Н. Федорова К. Циолковский утверждал (уже в 1933 г.), что жизнь есть животное существование организованной материи, которая должна быть преобразована в «высший разум», поскольку «жизнь возможна лишь в высшей форме. Все высшие жизни атома сливаются в одно субъективное непрерывное блаженное бытие <...> Отсюда вывод: теперешняя краткая и мучительная жизнь совер-

¹⁸ Григорьева. 2009. С. 642-643.

¹⁹ См.: Исутов. 1994. С. 110, 111.

²⁰ Артемьева. 1998. С. 66-76.

шенно ничтожна в сравнении с посмертной жизнью»²¹. Эти же мысли проводились им в статье «Радость смерти» (1933). «Смерть – это лишь другая, невидимая и не освещенная нами *сторона жизни* – писал в 1925 г. Р.-М. Рильке, словно дополняя русского космиста. – Мы должны попытаться достигнуть высшего сознания нашего бытия <...> Истинная жизнь простирается на *обе* области <...> *нет ни этого, ни того света, но лишь одно огромное единство*»²². «Смерть как магистральная тема в поэзии Элиота» становится предметом рассмотрения А.А. Аствацатурова²³, исследовавшего эту тему в контексте английской культуры. Подлинный культ смерти сопровождал творчество и жизненные судьбы представителей авангардного искусства, что в высшей степени проявлялось в опыте испанской и французской культуры того времени. Можно вспомнить Ф. Гарсиа Лорку, все творчество которого проникнуто танатологической топикой; даже рисовал он именно Смерть. Очистительная смерть властвует в его трагедии под оксюморонным названием «Кровавая свадьба»; странным образом жизнелюбец Лорка жил ощущением смерти, ее и воспевал. Но и сам танатологический комплекс претерпевал в художественно-идеологической системе авангарда ту же эволюцию, что и другие ее составляющие. В начале 1930-х А. Введенский манифестировал уже совсем иное мироотношение: «Лежит в столовой на столе / труп мира в виде крем-брюле. / Кругом воняет разложением». Окончательное и отвратительное умирание мира свидетельствует написанный уже в 1937 г. безнадежно абсурдистский «Потец».

Таким образом, в авангардистской картине мира танатологический код, содержащий целый спектр основных мифологем, является стержневым, выступая своего рода противоположностью, реверсом кода утопически-трансформационного. Человек чувствовал себя стоящим у основания мира, и неудивительно, что в его сознании детский код отражался в коде танатологическом, и наоборот. Танатологический код включал в себя компоненты героизма, мученичества, жертвенничества, трансцендентности, *иммортализма* (неслучайна организация в 1922 г. Петроградской «Северной группы биокосмистов-имморталистов») с такими их дериватами как *икарийский комплекс* и соответствующими ему мифологемами *авиатора*, авиации, комплекса падения, взлета, птицы (сокола), акробата, циркача и т.д. Поэты-биокосмисты «ставили перед наукой, искусством, техникой и государством три главных задачи: “осуществление кос-

²¹ Циолковский. 2001. С. 220, 221.

²² Рильке. 1971. С. 303, 304.

²³ Аствацатуров. 1998.

мического полета”, “реализация личного бессмертия”, “воскрешение из мертвых”²⁴. Исследуя полотно «Формула петроградского пролетариата» (1920/21), М. Грыгар делает вывод, что «Филонов хотел передать революционные события тех дней не как апофеоз победы новой силы, а как миф о самопожертвовании и о поиске скрытой цели»²⁵. Вот только формула эта была универсальной в контексте эпохи. Так, у В. Незвала образ Пьеро-циркача ассоциируется с аэропланом; в его глубоко символической поэме «Акробат» (1927) падение канатоходца, «акробата Вселенной», двойника Солнца (образ, безусловно, ницшевский) оборачивается, как и в русской «Победе над Солнцем», не гибелью смельчака, но его воскрешением и преображением в новой сущности. (Отметим, кстати, и появление в 1929 г. «Нового Икара» его соотечественника К. Библа). Во всяком случае, танатологический код эпохи был множественным, содержал в себе одновременно целый «пучок смыслов» (О. Мандельштам), реализующийся в характерных умонастроении и практике, построенных по принципу семиотической инверсии.

Во всех мировых культурах поэт ощущал себя демиургом и жертвой в ритуале создания нового мира, выражая в своем творчестве и в своей личности основной модус эпохи во взаимобратимости двух его аспектов: творения и гибели одновременно, прораставших в мифологему вселенской войны. По сути дела *мифологема войны*, также имманентная авангардному сознанию, является редуцированной версией основного мифа эпохи – тотального эсхатологизма, отчасти уже рассмотренного выше. «Война есть основное явление нашего мирового эона. Это факт не только человеческой, социальной и исторической жизни, но и жизни космической»²⁶, – писал Н.А. Бердяев уже в 1940-е гг., итожка свои более ранние соображения, выше уже изложенные. Война (реальная) была мировой, но образ ее существовал в сознании современников задолго до самого исторического события и интерпретировался не иначе как через картину вселенской катастрофы, обновительного космогонического акта, всемирного пожара, уничтожающего прежнее мироустройство.

Экспирисис как ритуал новой космогонии

Существует устойчивое мнение, что авангардистская поэтика и философия сдвига, деформации вызваны ощущением раскола, трагизма, внесенного в общественное сознание современников Первой мировой войной. Конечно, такое ощущение – вполне нормальное, человеческое,

²⁴ Цит. по: Гачева. 2008. Т. 1. С. 330.

²⁵ Грыгар. 2007. С. 412.

²⁶ Бердяев. 1994. С. 305.

глубоко эмоциональное – реально отразилось во множестве произведений мировой литературы. Дело, однако, в том, что и сама война как социокультурный феномен была результатом глубоких сдвигов в общественном сознании, в духовном климате и политическом ландшафте эпохи, в мироощущении современников, в исторических обстоятельствах, наконец. Образ войны поначалу был скорее мифологичным, как, например, в поэзии Г. Гейма, подлинного певца смерти и провидца войны, и лишь затем сделался социополитической реальностью. Таковы его предвестнические «*Umbra vitae*» («Мрак жизни») и его же «Война», – стихотворение, написанное за три года до начала Первой мировой. Возможно, изначально была сама идея всеобщего противоборства: борьба с традицией, культурой, солнцем, временем, историей, идейными противниками. Отсюда – такой накал яростных споров и межклановых войн по ничтожным вопросам еще до начала Первой мировой войны.

Образами войны и смерти буквально бредил австрийский художник и писатель экспрессионист А. Кубин, создавший в 1903 г. живописный образ исполинского монстра под названием «Война». Сам Кубин считал, что человек способен «лишь переделывать свою собственную неопределенную реальность в ту ирреальность, что мы называем миром». Инверсия авангардного утопизма? Возможно, хотя это и слишком смелое предположение. Для экспрессионистской поэзии и прозы в целом характерно некое предзнание надвигающегося вселенского катаклизма и в то же время – трагическое приятие будущей беды. Впрочем, это касается далеко не только экспрессионизма и отнюдь не только Германии.

Характерные мотивы вселенского катастрофизма, машинно-механистического кошмара, угнетающего личностное самобытие, определяют творчество мирискусника М. Добужинского – от лондонского цикла 1906 года до «Городских снов» (1918), – находящих образно-пластическую параллель в искусстве экспрессиониста Дж. Энсора. «Старый Петербург и новая Европа как-то неожиданно уместились на кончике его пера», – отмечал по поводу творчества М. Добужинского его современник²⁷. Любопытно, что в русском искусстве образ собственно России особенно активно разрабатывался в мифологизированном аспекте (в пластике и в словесности) в период примерно 1900–1914 гг., а с началом войны, как ни странно, националистическая тематика пошла на убыль, уступив место (если исключить ура-патриотическую риторiku) *наднациональной мифологеме войны*, тематике «мирового пожара» и давно вызревавшим апокалиптическим чувствованиям.

---

²⁷ *Маковский*. 2000. С. 304.

С другой стороны, «метафизика России» претворилась в сниженное «расейское» почвенничество, в свою очередь обретшее двойное преломление в неопрimitивистской призме: деревенское и городское, но в равной степени исполненное лубочной поэтики и стилистики. Причем обе магистральные тенденции могли выступать в двуединой соположенности. Так, для Н. Гончаровой христианские (часто апокалиптические) и крестьянские сюжеты обладали равной значимостью и привлекательностью и решались в одном и том же примитивистском ключе. (Нечто подобное наблюдалось и в творческой эволюции Малевича). Однако, в подобных случаях речь шла не об аутентичном, «низовом», примитиве, но о примитивизаторской тенденции, своего рода сознательном «опрimitивливании». Не было то и стилизацией, поскольку стилизация есть свойство «остывших» фаз искусства. Работа в поэтике примитива была для художника своего рода причащением к изначальности, первозданности форм и чистоте чувствований, пробужденных, как ни странно, именно военным апокалипсисом.

В 1914 г. Маяковский писал: «Россия – Война, это лучшее, из того, что мыслится, а наряднейшую одежду этой мысли дали мы <...> Это та литература, которая, имея в своих рядах Хлебникова, Крученых, вытекала не из подражания вышедшим у «культурных» наций книгам, а из светлого русла родного, первобытного слова, из безымянной русской песни»²⁸. По этому поводу Н. Мислер замечала: «Отношение к войне было крайне неоднозначным. Даже такой прогрессивный критик, как Я. Тугенхольд <...> определенно не бывший сторонником интервенции, напечатал в 1916 г. любопытную книгу под названием “Проблема войны в мировом искусстве”. Там он пытался эстетизировать образ войны, отраженный в искусстве на протяжении многих столетий: “война, нередко – подобно Мефистофелю – была частью той силы, которая, желая зла, творит добро, – грозою, не только разрушительной, но и очищающей”»²⁹. Именно последние примеры ярко доказывают, что определяющим в картине мира авангардистской эпохи и, соответственно, в поэтике авангарда, был принцип *смещения* перспектив, ракурсов, точек зрения и, как следствие, прием *сечения* форм, объемов, поверхностей, но также и смыслов. Здесь следует привести любопытное соображение Э. Канетти о том, что война является *скрещением* масс («двойка скрещенными массами»), то есть двойной, удвоенной массой. Это еще раз подтверждает мысль о том, что собственно кубизм всего лишь реализо-

---

²⁸ Маяковский. 1955. С. 318.

²⁹ Мислер. 2003. С. 37.

вал и легитимировал одну из ведущих тенденций авангардистской поэтики. Возникшие еще на рубеже веков представления о смещении казавшихся незыблемыми принципов мироустройства породили не только сдвиги в общественном сознании – они обусловили появление самой поэтики «сдвига», определившей новую картину мира.

Особенно ярко двойственный – разрушительно-созидательный – смысл войны проявился в поэтике итальянского футуризма³⁰, где, впрочем, концепт войны подвергался значительной эстетизации. В этом широком идейно-философском контексте шокирующие тезисы Ф.Т. Маринетти (например, «Война – единственная гигиена мира») предстают поверхностными и факультативными казусами, всего лишь принадлежащими общему типологическому полю. («Не нужно жалости. После резни у нас остается надежда на очищенное человечество», – писал Т. Тцара³¹). Здесь мы наблюдаем характерный пример совмещения/наложения концептов мирового пожара, очистительной эсхатологии, тотальной войны. «Пример Италии особенно ясно показывает историку, до какой степени Первая мировая война связывалась в сознании народов с надеждой на демократическое и национальное обновление», – пишет Ф. Фюре³². Как отмечает исследователь феномена русской утопии Б.Ф. Егоров, «в блоковское время огонь впервые стал приобретать эстетически положительный оттенок. Россия (да, пожалуй, и весь мир вместе с нею) шла к этому фону такими неуклонными и быстрыми путями, что огненные образы входили в художественные тексты какими-то таинственными предвестьями задолго до русско-японской войны 1904–1905 годов и до первой русской революции»³³.

Подобная интерпретация войны не была ни исключительно русским, ни исключительно итальянским, ни исключительно германским феноменом. Еще в 1913 г. испанский философ и писатель М. де Унамуно утверждал, что «в войне гуманности гораздо больше, чем в мире. Непримируемость к злу предполагает, что добро должно сопротивляться, и даже не столько оборонительное, сколько наступательное добро является, быть может, самым божественным в человеческих делах. Война это школа братства и сил для любви; именно война через взаимное столкновение и агрессию сближала народы, заставляла их познать и полюбить друг друга. Самое чистое и самое плодотворное объятие любви, в которое заключают друг друга люди, это объятие на поле брани, объятие, в

³⁰ См. об этом: Сапрыкина. 2010.

³¹ Цит. по: На грани тысячелетий. 1994. С. 174.

³² Фюре. 1998. С. 197.

³³ Егоров. 2007. С. 298.

которое заключают друг друга победитель и побежденный <...> Война есть, в самом прямом смысле слова, освящение человекоубийства»³⁴.

Следует отдать должное смелости и правоте Н.С. Гурьяновой в следующем утверждении: «Война в поэтике авангарда имела мало общего с конкретикой мировой войны, разразившейся в 1914 г. <...> Семантика понятия “война” в новом искусстве достаточно сложна – это в большей степени метафора, нежели сюжет. Оно было неразделимо связано с пониманием новаторства, идей разрушения старых форм во имя созидания нового. Борьба направлений в искусстве настойчиво ассоциировалась с войной – вплоть до устойчивых форм риторики в манифестах начала 1910-х годов...»³⁵. В русской культуре мифологема войны «как очистительной, жертвенной мистерии»³⁶ составляла часть «скифского мифа», своеобразной идеологемы, определявшей умонастроения и в литературных, и в политических сферах, вписываясь, таким образом, в энантиосемичный *утопико-теллурический комплекс*. «И то, чего не мог дать искусству мир, дала ему война. Так, видимая цель скрывает до определенного часа невидимые последствия. Стремление к материальному рождает нематериальное. Враждебное претворяется в дружественное. Наибольший минус оказывается наибольшим плюсом», – писал Кандинский в статье «О “Великой утопии”» (1920)³⁷. Своеобразна интерпретация Маяковского (1915): «Война, расширяя границы государств, и мозг заставляет врываться в границы вчера неведомого»³⁸. Не случайно это высказывание редко воспроизводится в книгах классика.

Характерным примером может служить и гравюра О. Розановой «Война» (1916), изображающая какую-то игривую нимфу. Но ведь и знаменитые аполлинеровские опыты в идеографической поэзии, названные им «Каллиграммами», были для него самого «книгой военного времени», не случайно получившей подзаголовок «Стихотворения Мира и Войны». Не приходится удивляться, что А. Бретон мог цинично писать: «Война? Что ж, мы недурно развлеклись». Сама по себе война вообще является мощнейшим мифогенным фактором, актуализирующим в сознании ее участников и современников древнейшие архетипы, обычно всплывающие в массовом сознании еще накануне, в преддверии самого события и окрашивающие горизонты эпохи в катастрофические тона. А в ситуации, когда искусство претендует на то, чтобы быть средством

---

³⁴ Унамуну М. де. 1996. С. 259.

³⁵ Гурьянова. 2002. С. 118, 123.

³⁶ Бобринская. 2003. С. 49.

³⁷ Кандинский. 2001. Т. 2. С. 32.

³⁸ Маяковский. 1955. С. 350.

преобразования жизни и осмысляет это преобразование в терминах универсальной, всемирной битвы, апокалипсиса, мирового пожара, происходит неизбежная реализация метафоры, причем в крайних формах.

Один из таких крайних случаев представляла собой художественная рефлексия русских мыслителей, в частности, Ф.А. Степуна (человека глубоко трагедийного мирозерцания), который убежденно писал: «Наша национальная задача ясна: мы должны спасти войну и революцию как религиозную глубину нашей жизни, как жест ее трагического преображения, как материал искусства будущего. Но для того, чтобы наша жизнь была спасена опытом войны и революции, необходимо, чтобы сам этот опыт был предварительно спасен его трагическим постижением <...> Гениальное национальное творение о войне (исполненное высокого трагического стиля) – русская революция... Бесконечный смысл революции – во взрыве всех конечных смыслов войны»³⁹.

Что же, собственно, происходило, какой смысл имела для современников война? Во-первых, негативный, это естественно. Однако не только: ведь существовал еще и некий культурный фон. И вот что писал в 1919 г. Курт Пинтус: «Люди теперь бежали от окружающей действительности в *недействительность*, они хотели проникнуть сквозь поверхность явлений к их сущности, обнять или уничтожить врага, поддавшись духовному порыву; но прежде всего они попытались <...> защититься от окружающего мира, смешав в одну гротескную кучу все явления, легко воспарив над этим вязко-текучим лабиринтом <...> или же с цинизмом кабаретиста они находили прибежище в визионерских картинах (ван Ходдис)»⁴⁰. Это экспрессионистское видение культурной ситуации многое проясняет, в частности, двойственное отношение к войне. Н.В. Пестова как объективный исследователь вынуждена беспристрастно отмечать (со всеми необходимыми историческими оговорками и отсылками), что в предвоенной Германии было укоренено «понимание *войны* как философемы позитивного свойства», а литературу заполнил пьянящий бум военной тематики⁴¹. Далее она уточняет, что для раннего экспрессионизма в Германии был характерен некий юношеский порыв, нередко воплощавшийся в метафоре войны. «“Порыв” и “война” стоят в раннем экспрессионизме в одном ряду и означают разрыв с отжившим и косным, освобождение от скуки и незначительности бытия; возвещают витальность и перемены к новому <...> Война замыкает *свой* круг жизни

³⁹ Степун. 1993. С. 38, 39.

⁴⁰ Пинтус. 2011. С. 8.

⁴¹ Пестова. 2004. С. 68-69.

и смерти, но все же физической смерти на войне, поставленной на поток, были чужды те бытийные глубины, до которых доискивался “визионерский дар” молодых экспрессионистов задолго до ее начала⁴².

Н. Бердяев не случайно замечал: «Нынешняя мировая война начата Германией как война футуристическая. Футуризм из искусства перешел в жизнь и в жизни дал более грандиозные результаты, чем в искусстве»⁴³. Столь же неслучайно А. Крученых именуется свою серию коллажей, созданных в 1915 г., не иначе как «Вселенская война Ъ» (характерна кодификация безгласным «ером»); другие работы, созданные им в соавторстве со сподвижниками, получают столь же апокалиптические названия «Мирскóнца» (1912), «Взорваль» (1913-1914), инвертирующие образ мира самим денормирующим способом его обозначения. Таким образом, есть основания полагать, что Первая мировая война оказалась в определенном смысле реализацией предшествовавшей ей в умах современников мифологеми войны, подобно тому, как в дальнейшем были реализованы многие другие латентные смыслообразы некоего вселенского мистериального действия. Показательно и то, что самый антивоенный роман эпохи (правда, «На западном фронте без перемен» появился в 1929 г.) настойчиво выделяет мотив возникающего перед лицом тотальной смерти товарищества, «прочное и конкретное чувство общности» (вспомним Э. Толлера). Характерно, что, начиная с В. Соловьева, война представлялась неким объединительным действием для всего человечества, призванным отменить фактор индивидуальности – в этом и состоит смысл любого мистериального действия.

Здесь следует сказать о том, что в авангардистской картине мира произошла валоризация таких взаимосвязанных, но не синонимичных концептов, как *общность, единство, коллективизм, интернационализм, солидарность, товарищество, масса, коммунитарность* вообще, отражавших новые модусы человекобытия. «Драма нашего времени есть драма коллективного человека», отмечал еще в 1908 г. Л.Д. Троцкий⁴⁴. И вспомним нацистскую риторику: «чудеснейшая добродетель периода революционного перелома... *добродетель коллективизма*. Называйте ее как хотите: социализм, народное единство или товарищество». В России мифологема нового – всеобщно-тотального – человека, расширяющая общетипологический концепт *массы*, имела за собой целую традицию, включающую в себя философию всеединства, соборности и русского

⁴² Пестова. Поэзия экспрессионизма // Литература Германии. Кн. I. (В печати).

⁴³ Бердяев. 1994. Т. 2. С. 414.

⁴⁴ Троцкий. 1991. С. 325.

космизма (из которых уже в среде философов-эспатриантов возникла идея «симфонической личности»). «Самосознание человека как микрокосма, сознание органической принадлежности человека к космической иерархии – вот сознание, исключаящее всякий индивидуализм и отъединенность. Общественность есть лишь частный случай универсализма, лишь одно из выражений космической общности людей <...> Вся острота проблемы в том, что нужно и общество, и личность принять онтологически-космически»⁴⁵, – писал Н. Бердяев в 1916 г. Тенденция эта восходит еще к символистским миропредставлениям, как свидетельствует работа Вяч. Иванова «Вагнер и Дионисово действо», которую он заключал следующим образом: «Борьба за демократический идеал синтетического Действа, которой мы хотим и которую мы предвидим, есть борьба за оркестру и за соборное слово»⁴⁶. В основе же всей рассмотренной системы концептов лежит актуализировавшаяся в начале века вагнеровская идея *Gesamtkunstwerk*, подвергшаяся существенной ресемантизации: акцент был перенесен с *музыкального* действия на действие как *деяние*, основной формой художественной реализации которого стал театр.

Сверхдрама авангарда

В 1919 г. И. Голль написал статью «Сверхдрама», где, в частности, говорилось: «Коллективная жизнь с трудом находит себе выражение: никакая сцена толпы не достигает выразительности античного хора». Жизнь выплескивалась за рамки и пределы обыденного. В те годы многое было «сверх»: «сверхповесть» В. Хлебникова «Зангези», к примеру; тот же сюрреализм, не случайно возникший. Реальность и в самом деле не вмещалась в привычные формы и взывала к небывалому, к сверхреальности. Вот почему Голль заключал: «Нам нужен Театр. Нам нужна самая сверхреальная истина. Мы ищем сверхдраму»⁴⁷. Действительно, авангардный театр грандиозен. Самые основы авангарда принадлежат синтезной сфере человеческой культуры, тому срезу общественного действия, который наиболее адекватно выражал характер эпохи, а именно – сфере театральности. Жестуальность авангардного театра по определению становилась самодовлеющей: жест актера был больше не функцией – он оказывался смыслом. Не случайно немецкий экспрессионистический театр наделял свои постановки едва ли не мистическим значением – подразумевалось, что новая драма должна была способствовать рождению нового человека и новой духовности.

⁴⁵ Бердяев. 1994. Т.1. С. 259.

⁴⁶ Иванов Вяч. 1974. Т. II. С. 85.

⁴⁷ Голль. 1992. С. 38, 40.

Но при этом, в своей теории «сверхдрамы», по сути дела, гипертрофирующей театральную эстетику, И. Голль утверждал, что «таким образом искусство должно снова сделать человека ребенком». К 1930-м гг. концепт театра как модели мира распадается на два полярных, но взаимосвязанных кода. С одной стороны, происходит «циркизация театра»⁴⁸, эстетика театра десакрализуется, приближается к балаганно-зрелищной эстетике цирка (пьеса-агитка «Чемпионат всемирной классовой борьбы», 1920, «меломима» «Москва горит», 1930 В. Маяковского; с другой – сам цирк приобретает онтологическую функцию коллективного действия, оказываясь не столько формой досуга, сколько выражением потребности массы в самоидентификации, причащении к жертвенному приношению идеалу. При этом следует иметь в виду, что и сам цирк как действие издревле сакрален, само его название («круг») этимологически и семантически сближает его с функцией капища, церкви, требующих неизбежного ритуального жертвоприношения⁴⁹. «Видимо, возникновение того, что позднее будут отождествлять с цирком, немислимо без символики могилы и, соответственно, тризны»⁵⁰, – пишет Н.А. Хренов, рассматривая генезис поэтики балагана как сакрального пространства.

При этом с цирком всегда связаны понятия игры, гротеска, эксцентрики, смещения норм – именно эти принципы декларировались в известной книге Г. Крыжицкого «Философский балаган. Театр наоборот» (1922). Круг цирка, в отличие от рампы-окна в мире театра, нес в себе принципиально иной образ мира. «В цирке мы словно возвращаемся к изначальности рая, делаясь лучше, чище, терпимее <...> К тому же цирк ближе к чистому и обновленному искусству, чем традиционный театр»⁵¹, – писал в 1924 г. испанский эссеист Р. Гомес де ла Серна в обширном исследовании «Цирк», воспевшем «атмосферу цирка, этого земного ядра, этого иного, будто межпланетного пространства»⁵². Однако же и современный цирк хранит в себе фантомы архаических ритуалов. Это, прежде всего, вызов судьбе, игра со смертью, испытание, борьба, ритуальный смех. Театр требует психологизма, литературности, высокой культуры; цирк же архаичен и примитивен в смысле а-рациональности. Театр рассчитан на индивидуальность восприятия; цирк – на роевое, трибальное сознание. В ритуале главное – жест, в цирке статус жестуальности мультиплицируется его а- или сверхнорма-

⁴⁸ История советского театра. 1933. С. 137.

⁴⁹ См.: Макаров. 2006.

⁵⁰ Хренов. 2006. С. 276.

⁵¹ Gómez de la Serna. 1968. P. 219, 221.

⁵² Gómez de la Serna. 1983. С. 94.

тивностью, то есть цирк ритуалистичен по преимуществу. Даже храм в этом смысле отступает на второй план каноничностью своей обрядовости. В цирке нет иерархии героев. Артисты всех жанров – это один и тот же герой, с которым ассоциирует себя зритель, сопричащающийся поэтике балансирования, переменчивости, обратимости, преобразования. Поэтому современный цирк – это не аналог римского ристалища, а жизненно-пластический оксюморон, культурный каламбур. Но и сам концепт «циркизации театра» оказывается производным от общего принципа сдвига всех основ, порождающего и гротескно-остражняющий код авангардистской поэтики и картины мира.

Лиминарный характер авангардного дискурса

Итак, можно предположить, что всеобъемлюще двойственный код культуры первой трети XX века, вся его двуобращенность обязаны именно тому, что он возникает в зоне пограничья, на стыке культурных эонов – а потому его энантиосемичность дает о себе знать во множестве форм и явлений. Такой тип ситуаций ван Геннеп называл *лиминарным*⁵³. Неустойчивость авангардистской картины мира и неукорененность человека в собственном Я как раз и отливаются в характерных мифообразах цирка, площадного действия, массовой жестуальности, прямо вытекающих из театрального мироощущения и эстетики жизнотворчества предшествующей эпохи – достаточно вспомнить образы циркачей, воспетых П. Пикассо, и не только им. И не только Аполлинером. Чаплиновский «Цирк» был снят только в 1928 г., но задолго перед этим великий артист создал образ маленького человека, ловко увертывавшегося между жерновами судьбы. Стало быть, великий человек мог быть и маленьким. Это мифосознание требовало образа Большого человека, которое и воплощалось в телесно убедительных фигурах силача, *большевика*, вообще – представителя массовой силы: это и «фигурины» Л. Лисицкого и гигантские «Менеджеры» П. Пикассо и «Большевик» (1920) Б. Кустодиева, где представлен эпизированный образ великана, попирающего массу, бытовую наличную жизнь и образы традиционного бытия вообще.

Но тут возникает парадоксальная ситуация. У Пикассо образ циркача/акробата/комедианта с его небесно-соляными коннотациями соравен образам нищих, обездоленных, умаленных. Однако умаленный, маленький человек – это и воплощенная модель нового, массовидного сознания (опять же Чаплин). Стало быть, малый человек – обращенная модель великого человека, демиурга творения. Вернее, это одна и та же модель человека в энантиосемичном преломлении. Безопорность, балан-

---

⁵³ См.: *Геннеп ван*. 2002.

сирование на ненадежном мгновении катящейся, вертящейся, крутящейся судьбы – вот суть циркачества как мифологемы и эмблемы эпохи. В новых обстоятельствах зыбкость символистских смыслов материализуется, трансцензус оказывается дискредитированным, образ мира – сдвинутым, и ответственность за мироустройство падает на человека. Лишенный полноты и цельности мир порождает в рефлектирующем сознании образы, связанные с понятиями всеобщей сдвинутой, неустойчивости, динамизма, но вместе с тем и провоцирует онтологическую озабоченность поисками иных, космического масштаба, мирооснований, лежащих за пределами умопостигаемой данности. Циркач – по определению трикстер, но в новых обстоятельствах, в «новые времена» он выступает своеобразным демиургом деиндивидуализированного мира. Очевидно, можно утверждать, что изначально цирк является моделью мира, но – лишь в его онтологизированном значении; что же касается цирка как типа зрелища, сама его институционализация свидетельствует о совершено другой функции: замкнутость арены, стягивающая к себе массы, есть совсем иная модель мира, прямо противоположная первой. И вот, если мы принимаем лиминарную культуру за модель мира авангардной эпохи, то перед нами тут же вступают в логическую связь различные аспекты этой эпохи: и ее переходность, обуславливающая концепт *сумеречности*; и окрашивающий ее принцип *пермутации* («сдвигологии»). Более того: мы тут же обнаруживаем, что смертельное трюкачество и балансирование циркача есть не что иное, как иноформа сознательно рискующего собой *авиатора*, так же вознесшегося над толпой и миром и так же нуждающегося в массовом почитании.

Подобная трансформация человеческой природы остаться без последствий не могла. В итоге результатом исторического процесса, ценностным ориентиром которого выступает не индивидуум, но коллектив, масса, становится крушение гуманистической утопии и низведение горделивого «творца истории» до фигурки «маленького человека», маргинала, шута; происходит «ничтожение» (М. Хайдеггер) образа человека и мира. В 1932 г. Х. Фаллада написал роман-вопросание «Маленький человек, что же дальше?». А дальше человеческая индивидуальность, замененная «маленьким человеком», замещается человеком-массой. Граница пройдена – и на смену величавому театру Истории с его космогонической мистериальностью приходит фарсовое трюкачество цирка, оксюморон театра, культурный каламбур, а вместо эпического героя на арене появляется персонаж, в котором сразу опознало себя все человечество. Не случайно колумбийский поэт–авангардист Луис Видалес утверждал, что для современного человечества важнейшие роли сыграли два персонажа:

Ленин и Чаплин. В образе Чарли Чаплина оказался сниженно инвертированным идеал Всечеловека великой Утопии авангардистской эпохи. Само артистическое имя его – Charlie, Charlot, Carlitos – представляло собой пародийный парафраз ставшего нарицательным имени Карла Великого. По мере того как мифологизированный образ гибнущего поэта–летуна оборачивался торжествующей реальностью стаи “сталинских соколов”; по мере того как массовое тело подвергалось разложению либо мумификации⁵⁴, а анархический порыв институционализировался, складывался в Систему; наконец, по мере того как миф о чудовище, пожирающем своих детей, становился явью, протагонистом мира оказывался не великан-«Всечеловек», а наоборот – отщепенец, вселенский сирота с обочины истории, ведущий нескончаемое сражение с миром повседневных, обыденных вещей, встававших на его пути к обретению маленького, но индивидуального счастья. И в который раз поэтическая пронизательность О.Э. Мандельштама улавливала точный образ времени:

А теперь в Париже, в Шартре, в Арле
Государит добрый Чаплин Чарли. (1937)

Это, пожалуй, был последний штрих к портрету великой эпохи, отмеченной пограничностью как качественной чертой всех ее составляющих. К началу XXI века стало очевидно, что опыт мировой культуры XX столетия при всей его многосложности был во многом предопределен двумя взаимосвязанными интенциями авангардной эпохи: деструктивной и креативной, составляющими в совокупности основной бытийный принцип. И проблема авангарда принадлежит более сфере онтологии, чем сфере искусства, культуры или обустройства жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Gómez de la Serna R.* El circo. Madrid: Espasa Calpe, 1968. 224 p.
Авангард в культуре XX века (1900– 1930). Т. 1-2. М.: ИМЛИ, 2010.
Аннинский Л. Красный век. Эпоха и ее поэты. В 2-х тт. Т. I. М.: Прозаик, 2009. 432 с.
Аполлинер Г. Новое сознание и поэты // Писатели Франции о литературе. М.: Прогресс, 1978. 472 с.
Артемьева Т.В. Загадка русской души, или Нужна ли нам вечная игла для примуса? // Фигуры Танатоса: Искусство умирания. Сб. статей. Вып.4. СПб., 1998. С. 66-76.
Аствацатуров А.А. Проблема смерти в поэтической системе Т.С. Элиота // Фигуры Танатоса. Сб. статей. Вып. 4. СПб., 1998. С. 34-50.
Бердяев Н. Философия творчества, культуры и искусства. В 2 тт. М.: Искусство, 1994.
Бобринская Е.А. Русский авангард: истоки и метаморфозы. М.: Пятая страна, 2003.
Геннеп ван А. Обряды перехода. М.: Восточная литература, 2002. 198 с.
Гольц И. Сверхдрама // Как всегда – об авангарде. М.: ТПФ «Союзтеатр». ГИТИС, 1992. 284 с.
Гомес де ла Серна Р. Избранное. М.: Художественная литература, 1983. 383 с.

⁵⁴ *Карасев.* 1992.

- Горький М. Несвоевременные мысли. Заметки о революции и культуре. М., 1990. 400 с.
- Григорьева Н. Экспериментатор и самоубийца: экстремальная трансгрессия в русском авангарде 1920-1940-х гг. // Авангард и идеология: русские примеры. Белград: Изд-во филологического факультета Белградского университета, 2009.
- Грыгар М. Знакотворчество. Семиотика русского авангарда. СПб: Академический проект, Издательство ДНК, 2007. 519 с.
- Грякалов А. Русский космизм в пространстве интерпретаций // Философия космизма и русская культура. Белград, 2004. С. 45-56.
- Гурьянова Н. Ольга Розанова и ранний русский авангард. М.: Гилея, 2002. 318 с.
- Егоров Б.Ф. Российские утопии. М., СПб.: Искусство-СПб, 2007. 416 с.
- Иванов Вяч. Собр. соч. в 4 тт. Брюссель: Foyer Oriental Chrétien, 1974. Т. II. 852 с.
- История советского театра. Очерки развития. Т. I. 1917-1921. Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1933. 403 с.
- Исутов К.Г. Русская философская танатология // Вопросы философии, № 3, 1994.
- Кандинский В.В. Избранные труды по теории искусства. В 2 тт. М.: Гилея, 2001.
- Карасев Л.В. Русская идея (символика и смысл) // Вопросы философии, 1992, № 8.
- Кондаков И.В. Между «хаосом» и «порядком» (О типологии пограничных эпох в истории мировой культуры) // Кануны и рубежи. М.: ИМЛИ РАН, 2002. 487 с.
- Макаров С.М. Шаманы, масоны, цирк. Сакральные истоки циркового искусства. М.: УРСС, 2006. 280 с.
- Маковский С. На Парнасе Серебряного века. М.: XXI век-Согласие, 2000. 304 с.
- Маяковский В.В. Россия. Искусство. Мы // ПСС в 13 тт. Т. 1. М.: Худ. лит., 1955.
- Мислер Н. Апокалипсис и русское крестьянство. Мировая война в примитивистской живописи Н. Гончаровой // Н. Гончарова и М. Ларионов. М.: Наука, 2003. 252 с.
- На грани тысячелетий. Судьба традиций в искусстве XX века. М.: Наука, 1994. 256 с.
- Пестова Н.В. Немецкий литературный экспрессионизм. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2004. 336 с.
- Пинтус К. Начать с того... // Иностранная литература, № 4. 2011.
- Рильке Р.М. Ворпведе. Огюст Роден. Письма. Стихи. М.: Искусство, 1971. 455 с.
- Русский футуризм. М.: Наследие, 1999. 480 с.
- Седельник В.Д. Дадаизм и дадаисты. М.: ИМЛИ РАН, 2010. 402 с.
- Степун Ф.А. «Трагическое откровение о жизни» // Вопросы литературы. № 4. 1993.
- Троцкий Л. Литература и революция. М.: Политиздат, 1991 [1923]. 400 с.
- Унамуно М. де. О трагическом чувстве жизни у людей и народов. Агония христианства. М.: Символ, 1996. 415 с.
- Фюре Ф. Прошлое одной иллюзии. М.: Ad Marginem, 1998. 639 с.
- Хлебников В. Наша основа // Собр. соч. в 3-х томах. СПб.: Академический проект, 2001. Т. 3. 685 с.
- Хренов Н.А. Зрелища в эпоху восстания масс. М.: Наука, 2006. 646 с.
- Циолковский К.Э. Живая Вселенная (1918) // Вопросы философии, 1992, № 6.
- Циолковский К.Э. Космическая философия. М.: УРСС, 2001. 480 с.
- Эпштейн М. Фигура повтора: философ Николай Федоров и его литературные прототипы // Вопросы литературы. № 6. 2000.
- Якобсон Р. О поколении, растратившем своих поэтов // Вопросы литературы, 1990. № 11-12.
- Гирин Юрий Николаевич**, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Отдела литератур Европы и Америки Новейшего времени Института мировой литературы им. А.М. Горького РАН; yurigirin@hotmail.com

А. А. ТУРЫГИН

БИЛЕФЕЛЬДСКАЯ ШКОЛА И ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ В НЕМЕЦКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Речь идет об основных вехах преемственности в современной немецкой историографии, рассматриваются и анализируются основные историографические подходы к изучению прошлого, научные школы и отдельные личности, сравниваются микро- и макроподходы к социальной истории. В статье сделана попытка осмысления новых историографических подходов, развиваемых в трудах современных немецких историков в контексте их критики и научно-исторических дискуссий.

Ключевые слова: *историография, преемственность, парадигма, дискуссия, микро- и макроподход в истории, социальная история.*

В 1960-70-е годы в исторической науке Германии, на фоне её кризиса, влекущего за собой смену парадигм или, по словам Йорна Рюзена, «дисциплинарной матрицы», развернулась широкая дискуссия о теоретико-методологических основах исторической науки¹.

Историки, представлявшие первое послевоенное поколение – «поколение 1945 года», не стали ограничиваться проявлением явного интереса к участию в теоретико-методологических дискуссиях, а стремились эмпирически доказать возможность развития историографии с учетом тех новейших изменений, которые происходили в науке. При этом имелся в виду опыт, который вместо укоренившихся еще в XIX в. идеалистических традиций и прежней изоляции немецкой историографии от других наук, прежде всего наук о человеке и человеческом обществе, смог бы расширить её предмет.

Необходимость пересмотра традиционных концепций и подходов была вызвана состоянием глубокого кризиса исторической науки в целом. Её ориентация на политико-дипломатические сюжеты преимущественно из истории античности и средневековья, акценты на уникальности исторических феноменов и академизм методов обучения разрывали связи с современным обществом, лишая историческую науку важной функции – прогнозировать будущее развитие общества с учетом тех изменений, которые в нем произошли. Поскольку в истории человечества в первую половину XX в. Германия играла едва ли не главную роль, более того, страна на себе испытала все последствия от увлечен-

---

¹ Цит. по: *Rürup*. 1977. S. 6.

ности милитаризмом и национал-социализмом, то важно было понять, какие уроки немцы извлекли из недавнего прошлого, а также, почему уже после «катастрофы 1945 года» страна (Западная Германия) активно включилась в новый этап военно-политического противостояния, став активным участником «холодной войны». На все эти вопросы должны были ответить историки...

В 1970-е гг. свой взгляд на пути возможного реформирования историографии ФРГ, постоянно ссылаясь на её интегративную связь с другими науками, предложили историки нового поколения, родившиеся в период между 1930 и 1940 гг. Они «хотели изменить не только содержание и методы исторической науки, но и учредить другой научный стиль, который бы основывался на частых дискуссиях и на равном дискурсе, вместо профессорского выступления за кафедрой»². Заявив о необходимости пересмотра теоретико-методологических основ традиционной историографии, они обратились к социально-исторической проблематике. При этом под социальной историей, с одной стороны, они понимали историю социальных структур, процессов и коллективных действий, а также, историю классов, сословий и социальных слоев, историю объединений, союзов, мобильности, урбанизации и т.д. С другой стороны, социальная история понималась ими в качестве определенного способа рассмотрения, позволяющего интерпретировать историю человеческого общества, находя в ней причинно-следственные связи и закономерности. В этой связи социальную историю довольно часто позиционировали как «историю общества», предметом которой являлось общество «в совокупности социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных явлений, скрепленных в определенные общественные формации»³.

В современных немецких учебных пособиях по теории и методологии истории, трансформация и поворот историографии в сторону социально-структурных подходов, произошедшие в 1960-70-е гг., принято называть революционным⁴. Такая оценка была дана в связи с тем, что за вторую половину минувшего века в Западной Европе и, в частности в Германии (ФРГ), были пересмотрены теоретико-методологические основы исторической науки, расширен её предмет и введены новые исследовательские методы. На историографии это отразилось постановкой новых вопросов и актуализацией научно-исторических дискуссий.

---

² Nolte. 2002. S. 57.

³ Geschichte und Gesellschaft... Н. 1. 1975. S. 5.

⁴ Jordan. 2009. S. 108.

В небольшом эссе по итогам беседы со своими коллегами авторитетный немецкий историк Г.-У. Велер, участник научных споров середины XX века и непререкаемый лидер Билефельдской школы, за себя и своих современников подвел некоторый итог, ссылаясь на Т. Куна и его исследование революционных преобразований в науке: «Мы все в какой-то степени и всегда осознанно претендовали на то, чтобы обеспечить ту самую смену парадигмы»⁵. Велер, однако, дает более взвешенную оценку, утверждая, что проект социальной истории, с которым связывался пересмотр традиционных исторических подходов, не представлял собой революционный путь, социально-исторический подход полностью не менял облик исторической науки, а, скорее, модифицировал и расширял традиционные теоретические и методологические принципы.

Принципиально важным для немецкой историографии всегда оставался фактор исторической преемственности поколений, о котором, давая ценку повороту к социальной истории, говорит Г.-У. Велер. Преемственность поколений, а, соответственно, традиций историописания, является едва ли не самым важным фактором развития немецкой историографии, которая долго развивалась в стороне от любого внешнего воздействия. Нарушение традиций могло привести к обострению проблемы национальной идентичности. Национал-социалистический «надлом», произошедший в новейшей германской истории, во многом обострил проблему преемственности и требовал поиска альтернативных путей дальнейшей самоидентификации немецкой нации с новым федеративным государством. Наиболее остро проблема преемственности встала среди немецких историков, целое поколение которых фактически было связано с национал-социалистическим государством.

Попытка определения линий преемственности стала предметом отдельных дискуссий, развернувшихся в 1960–1970-е годы. Часть историков настаивала на полном игнорировании и неприятии недавнего прошлого, вытеснив его на задворки общественной памяти. Одной из причин такого отношения было намерение отмежеваться от поколения историков, дискредитировавших себя связью с национал-социалистами, и заявить о появлении «другой истории», испытавшей воздействие англо-американской и французской историографии. Следует учесть еще и то, что новое поколение историков, получивших профессию в 1960–1970-е гг., завершило свое образование вне Германии. Другие настаивали на сохранении преемственности, приводя соответствующие аргументы. Характерной особенностью современной немецкой историографии

---

⁵ Wehler. 2006. S. 81.

проблема преемственности поколений стала потому, что была тесно связана с предпосылками появления новых направлений историографии (дискуссия о «коричневых корнях исторической науки» в ФРГ) и дискуссиями о связи целого поколения историков с национал-социализмом.

Если в середине прошлого века и позже историки ФРГ категорически отказывались признавать наличие определенной линии преемственности в немецкой историографии, о чем свидетельствует серия интервью с ними, опубликованная в 2000 г. под общим заголовком «Вопросы без ответов. Немецкие историки в тени национал-социализма»⁶, то в начале XXI в. они дают уже более взвешенные оценки⁷. Так, благодаря исследованиям современного билефельдского историка Вилли Оберкромме была установлена связь между социально-критической историей Г.-У. Велера и Ю. Кокки и фольшистской историей эпохи национал-социализма (Г. Ипсен, К.А. Мюллер, В. Шюсслер)⁸. Также была установлена преемственность взглядов историков Билефельдской школы с предыдущим поколением (О. Бруннер, В. Конце, Т. Шидер).

Большой вклад в развитие немецкой историографии, соблюдая в некоторой степени традиционную линию преемственности, внесли историки Билефельдской школы, развивавшие социально-критическое направление историографии. Образование Билефельдской школы относится к началу 1970-х гг. (по Велеру – 1972 г.). Научная школа образовалась в Билефельдском университете, который был основан в 1969 г. как университет нового типа.

Основание университетов «нового типа» было частью реформы системы образования в ФРГ в конце 1960-х гг. Как утверждает Велер в одном из интервью, «новый облик» Билефельдского университета формировался в меньшей степени с участием чиновников, а в большей – с участием ученых, в скором времени получивших там профессию. Много усилий для открытия университета приложил Г. Шельски, который являлся известным сторонником широкого применения принципа междисциплинарности в научных исследованиях. Так, практически сразу с открытием университета, в нем начал функционировать Центр междисциплинарных исследований (ZiF), существующий и поныне. Зеленый цвет университета стал своего рода отражением общей надежды на обновление традиционной научной парадигмы⁹. Лидеры Билефельдской школы получили профессию в университете, возглавив кафедры:

---

⁶ *Versäumte Fragen...* 2000.

⁷ *Козеллек*. 1993. Вып.1; *Wehler*. 1998; *Wehler*. 2006.

⁸ *Oberkrome*. 1993.

⁹ Интервью с профессором Билефельдского университета Г.-У. Велером...

Ю. Кокка – кафедру социальной истории, Г.-У. Велер – кафедру всеобщей истории XIX–XX вв.

«Новый облик» университета формировался с участием приглашенных специалистов, как правило, немецких историков, получивших образование за пределами страны и защитивших диссертации после войны. Их восприимчивость к современным тенденциям гуманитарного знания в США, Великобритании, Франции и Италии, мобильность и увлеченность междисциплинарными исследованиями обеспечили обновление традиционных концепций и подходов, развиваемых в немецкой историографии. Хотя и нельзя было говорить о разрушении линии преемственности, многое из того, что было предпринято историками Билефельдской школы и изложено в многочисленных трудах, для немецкой историографии являлось принципиально новым: ориентация исследований на разработку исторических теорий, позволяющих всесторонне охватить исторический процесс; принцип междисциплинарности, в соответствии с которым предпочтение в исследовании должно было отдаваться междисциплинарным связям истории с другими науками; критика существующей социальной действительности; преимущественная ориентация на исследование относительно долговременных процессов, структур, условных связей между явлениями в макроисторическом контексте; акцент в исторических исследованиях на политико-педагогической функции и т.д. Новые идеи нашли отражение в трудах Г.-У. Велера, Ю. Кокки, Г.-Ю. Пуле, К. Клессмана, В. Моммзена, известных не только как создатели ряда историко-теоретических работ, но и как авторы многочисленных социально-исторических и историко-экономических сочинений.

Билефельдские историки предложили собственный научный (макроструктурный) подход к изучению прошлого. В его основе лежит сформулированная Максом Вебером концепция модернизации, где основным критерием исторического движения общества выступает его постепенная рационализация во всех сферах и областях (экономика, политика, культура, социальная структура). В то же время, как отмечал Г.-У. Велер, в определенной мере на билефельдскую школу повлияло творчество К. Маркса, точнее «раннего К. Маркса» (идеи, развиваемые мыслителем в 1840-е гг.). К идеям «молодого Маркса» они относили идею о том, что общественное бытие определяет сознание человека и его действия, и что сам человек не является, таким образом, творцом истории, а действует в определенных условиях. Это позволило билефельдским историкам обратиться к исследованию условий развития

человека. Идеи о влиянии на становление человека и его деятельность общественных структур, и роли экономического фактора в историческом процессе (социальное есть следствие экономического, а политическое есть последовательно оформленные социальные интересы), также были восприняты билефельдскими историками.

Идеи и теории, развиваемые историками Билефельдской школы, были перенесены на конкретные исторические исследования и представлены в многочисленных исторических и методологических трудах.

Исторические исследования билефельдцев артикулировали центральную идею концепции «Истории общества» Г.-У. Велера. По мнению самого ученого, «история общества преследует цель создания исторического синтеза, на основании которого можно было бы лучше интерпретировать и больше описывать, чем это было возможным в рамках старых подходов, сконцентрированных на политической истории». Кроме того, замечает Велер, «если в целом характеризовать историю общества как новый способ синтеза, не нужно ничего выдумывать, а предложить исследовать различные исторические величины, взятые из общественной жизни. Из них я выбрал лишь четыре: экономику, социальную структуру, политическое господство и развитие культуры. Я стремился при помощи четырех-пяти величин, называя их осями, исследовать их синтез, не повторявший тот, который существовал в прежней истории внешней и внутренней политики»¹⁰. Предложенный Велером подход к социальной истории позволяет рассматривать историю человеческого общества не как однолинейный, а как многомерный, многосторонний и динамичный процесс. Ключом к пониманию этого процесса для ученого является теория модернизации. В «Истории» Велера поступательное развитие общества гармонично сочетается с идеей модернизации, которая охватывает почти все его сферы (экономику, политику, социальное неравенство).

На примере германской истории Г.-У. Велер доказывает, что модернизационные процессы могут осуществляться неравномерно. Для этого историк обращается к понятию «двойной революции», посвятив его исследованию второй том «Истории германского общества» (1815–1845/49 гг.). Понимая революцию, как «ограниченный во времени и насильственно ускоряемый процесс структурных изменений», Г.-У. Велер анализирует эпоху политической и промышленной революций в Германии первой половины XIX века¹¹. Ученый приходит к выводу, что не-

---

¹⁰ Там же.

¹¹ *Wehler*. 1987. S. 50.

равномерность структурных изменений первой половины XIX века нашла свое выражение в «успешной промышленной революции» и «потерпевшей крах политической революции»¹².

Структурно-исторический подход к изучению прошлого, развиваемый в трудах историков Билефельдской школы, стал предметом критики в конце 1980-х – начале 1990-х гг. Под влиянием лингвистического и культурного поворотов, приведших к появлению «другой истории», взгляды билефельдских историков подверглись критике со стороны их учеников, представлявших другое поколение историков (П. Нольте, Т. Мергель, Т. Вельскоп, Т. ванн Раден, С.-Л. Хоффман, С. Голтерман, У. Фреверт). Их критика была направлена как на макросоциальный исторический подход в целом (она стала продолжением «первой волны» критики в адрес историков Билефельдской школы представителями исторической семантики, исторической антропологии и микроистории Т. Ниппердая, Р. Козеллека, Г. Медика, Д. Блэкборна, Д. Элея), так и собственно исторические исследования.

Следующее поколение ученых подвергло сомнению революционный характер социально-исторического поворота середины прошлого века, отметив лишь его роль в переориентации немецкой историографии¹³. Ссылаясь на современное понимание социально-исторического макроподхода Билефельдской школы как «ограниченного, социально-статического, интерпретативно-детерминированного», основанного на «социально-экономическом и структуралистском редукционизме», Томас Вельскоп и Томас Мергель сделали вывод лишь о социально-исторической переориентации историографии¹⁴. Рассуждая о смысле и содержании социально-исторического подхода Г.-У. Велера и Ю. Кокки, они указывают, что часть названия - «социальный», демонстрирует, что историки стремились больше учиться у социологии и экономики, чем у филологии¹⁵. В этом случае вторая часть названия – «исторический», по мнению Т. Вельскопа и Т. Мергеля, была важна, чтобы подчеркнуть верность традициям немецкой историографии, вернее, её герменевтическому методу работы с источником¹⁶.

---

¹² Ibid. S. 583.

¹³ Г.-У. Велер в интервью указал на то, что Билефельдская школа, как гомогенное научное сообщество, прекратила свое существование в конце 1980-х гг., так как большая часть ее представителей оставила Билефельдский университет, получив профессию в других немецких и европейских университетах.

¹⁴ *Welskopp*. 1998; *Mergel, Welskopp*. 1997. S. 9-35.

¹⁵ *Mergel, Welskopp*. 1997. S. 17.

¹⁶ Ibidem.

Ученик Велера профессор Пауль Нольте из университета Бремена также отмечает социально-структурную ориентацию подхода историков Билефельдской школы. Он пишет: «Вместе с Ю. Коккой, Г.-У. Велер внедрил в процесс обучения в университете программу, которая концентрировалась на интерпретации современного общества с точки зрения теории и исследования социальных структур и процессов, установив особый порядок сдачи экзаменов»¹⁷.

Критика Билефельдской школы с позиций современного культурно-исторического подхода, который выступил фактором идентификации нового поколения историков (ученики Г.-У. Велера, Ю. Кокки, Г.-Ю. Пуле), стала следствием проникновения в историографию постмодернистских идей из Франции, Англии, США. Теоретические дебаты о «культуре» стали продолжением дискуссий между сторонниками макро- и микроподходов к интерпретации прошлого, и уходили корнями в дихотомическое соотнесение «структуры» и «действия», «объективного» и «субъективного» в истории. Противоречия между представителями двух подходов выражались в соотнесении «большой структуры» и «маленького жизненного пространства»¹⁸. Суть критики сводилась, во-первых, к недостаточному вниманию историков «билефельдской школы» к процессам образования структур. Вследствие этого, по мнению Т. Мергеля и Т. Вельскоппа, прошлое для социальных историков предстает не как «хаос», – о чем писал М. Вебер, – а, напротив, уже обладает структурностью... Структуры, представленные в качестве идеальных типов, проектируются у них сами по себе, не нуждаясь в людях, которые их же и формируют... Таким образом, расходясь с идеей М. Вебера, историки Билефельдской школы приближаются к критикуемому ими же историзму с его постулатом о действии в истории закона, определяющего общественный уклад независимо от любого влияния... Во-вторых, действующий и формирующий структуры человек, никогда не предстал в трудах социальных историков как создающий субъект. Напротив, он характеризовался как «нерегулярность», за которой, при помощи структурных интерпретаций, может быть обнаружена «регулярность»¹⁹.

«Структуралистский упрек» в адрес историков Билефельдской школы основывался на расхождении в понимании объекта исследования. В статье «Социальная история отцов. Границы и перспективы социально-исторического подхода» Т. Вельскоп указал на то, что для поколения

---

¹⁷ Nolte. 2002. S. 60.

¹⁸ Людке. 1999.

¹⁹ Mergel, Welskopp. 1997. S. 22.

Г.-У. Велера понятие «общество» представляло собой основную категорию, объединяющую отдельные, структурно представленные исторические феномены («оси» у Велера) – экономику, политику, культуру. Эти феномены можно было интерпретировать «только теоретически, в рамках знания о системе», в качестве частных выражений общего образца или отклонений от него²⁰. При этом Велер практически ничего не говорит о культуре, не выделив ее в качестве отдельной «оси». Культура, по мнению Вельскопа, напротив, «сама обладает структурным измерением» и не может быть абсолютно детерминирована категорией «общества»²¹. Она включает в себя не только человеческий опыт, который можно измерить, но и такие абстрактные категории, как «воображение», «память», «мотивация», «коммуникация». К такому выводу Вельскопа привела современная практика использования понятия «дискурс».

Г.-У. Велер охотно включается в дискуссию с историками, принадлежащими к новому поколению, хотя его прежние коллеги уже более чем десятилетие как оставили Билефельд, получив профессию в других университетах, а сама научная школа прекратила существование. Оставаясь одним из самых авторитетных и часто публикуемых историков Германии, профессор Билефельдского университета Велер полагает, что историкам новых историографических направлений не хватает аргументированности, теоретической ориентированности и стремления к обобщениям, чему, собственно, они могли бы поучиться у историков Билефельдской школы»²². Тем не менее, он соглашается с необходимостью представления в историческом процессе субъективного опыта, но понимает этот процесс по-своему, исходя из учения М. Вебера. В одной из статей, отвечая на критику историков повседневности, Велер отметил, что важно внести историзм в само допущение «формирующей роли сверхиндивидуальных сил», то есть «тотально-социетальных структур и процессов»²³. Его интересует прежде всего исследование определенным образом структурированного результата деятельности группы индивидов, опыта большинства, что, собственно, характеризует степень допущения индивидуальных моментов в его понимании истории.

Отвечая на критику своих учеников, Г.-У. Велер ссылается на неопределенность центральной категории их умозаключений – культуры, так как уже в этом вопросе среди них не наблюдается никакого единст-

---

²⁰ Welskopp. 1998.

²¹ Ibid. S. 179.

²² Wehler. 1998.

²³ Wehler. 1986.

ва. Несмотря на то, что «само понятие культуры зачастую остается аморфным и балансирует между всевозможными значениями», Велер различает два подхода к её определению²⁴. Защитники одного из них, по его мнению, стремятся осмыслить область применения понятия «культуры», при помощи анализа смысловых значений и картин мира, ритуалов и символов, языковых структур и индивидуального опыта. Сторонники другого, широкого понимания этой центральной категории, «при помощи взятого из этнологии понятия «культуры», стремятся ввести понятие тотального общества. При этом они нередко впадают в заблуждение, стремясь охватить иллюзию тотальности, вместо того, чтобы всецело сконцентрироваться на обосновании её полезности для исследования»²⁵. Отмечая скепсис историков нового поколения в отношении идеи прогресса и их стремление рассматривать культуру как уникальное явление, Г.-У. Велер настаивает на том, что культура, в качестве одной из сфер общественной жизни, рационализировалась наравне с экономикой, политикой, социальной структурой и т.д. «Применение понятия рационализации» к культуре выражается в «подъеме науки, секуляризации и расчистке мира, расширении мышления о цели и средствах инструментального знания»²⁶.

Точку зрения Г.-У. Велера поддерживает его коллега по научной школе Юрген Кокка, который после Билефельдского университета получил профессуру в Свободном университете Берлина. Он делает осторожное замечание, что категория «культура» обладает двумя тесно взаимосвязанными измерениями. С одной стороны, полагает ученый, она представляет «сетку» взаимосвязанных образцов и тактик поведения, содержащих информацию о правильном и неправильном, прекрасном и безобразном, добром и злом. Это, по мнению ученого, формирует исторический контекст. При помощи таких культурных «образцов» можно интерпретировать как действия групп, так и в определенной мере поведение индивидов. С другой стороны, она содержит символическое измерение, имеющее скрытый смысл и позволяющее понять специфику обыденного восприятия, ментальности, индивидуальный опыт²⁷. Примером, демонстрирующим сочетание обоих культурных измерений, может служить теория социального протеста. Она позволяет понять, во-первых, зависимость протеста от процесса индустриализа-

---

²⁴ Wehler. 2001. S. 65.

²⁵ Wehler. 1998. S. 147.

²⁶ Wehler. 1987. S. 14.

²⁷ Kocka. 1986. S. 86.

ции, уровня жизни, урбанизации, во-вторых, надежды и страх, опыт и позиции протестующих людей. Принимая во внимание отсутствие должного анализа и проработанности социальными историками второго измерения «культуры», критика справедлива и продуктивна²⁸.

В настоящее время, в работах Г.-У. Велера присутствуют идеи, касающиеся возможности интеграции опыта социальной и культурной истории, хотя многое остается весьма спорным. Руководствуясь аксиомой, что «невозможно адекватно охватить общество без культуры и культуру без общественного влияния», Г.-У. Велер старается понять, каким образом можно интегрировать микро- и макроисторию, несмотря на различие их методологических подходов. Он соглашается с необходимостью учитывать индивидуальный опыт исторических субъектов, но, вместе с тем полагает, что это должен быть суммированный опыт «большинства». В результате продолжительных дискуссий с представителями другого поколения историков, он пришел к пониманию того, что «другая культурная история» обращается к тому, как «большинство», представленное группой индивидов, формирует свой опыт, по-своему переживая расширение товарного производства, усиление власти государства и бюрократии. В этой связи Г.-У. Велер поднимает вопрос о том, действительно ли представления о больших контурах исторической жизни, о процессах и структурах, совпадают с опытом большинства²⁹.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Интервью с профессором Билефельдского университета Г.-У. Велером // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. М., 2008.
- Козеллек Р.* Вернер Конце: традиция и обновление // Thesis. 1993. Вып. 1.
- Людке А.* Что такое история повседневности? Её достижения и перспективы в Германии // Социальная история. Ежегодник. М., 1999.
- Geschichte und Gesellschaft. Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft.* H. 1. Vorwort. 1975.
- Jordan St.* Theorien und Methoden der Geschichtswissenschaft (Orientierung Geschichte). Paderborn, 2009.
- Kocka J.* Sozialgeschichte zwischen Strukturgeschichte und Erfahrungsgeschichte, in: Sozialgeschichte in Deutschland / Hrsg. von W. Schieder, V. Sellin. Göttingen, 1986.
- Mergel Th., Welskopp Th.* Geschichtswissenschaft und Gesellschaftsgeschichte // Geschichte zwischen Kultur und Gesellschaft. München, 1997.
- Nolte P.* Historische Sozialwissenschaft // J. Eibach, G. Lottes (Hg.) Kompass der Geschichtswissenschaft. Göttingen, 2002.
- Oberkrome W.* Volksgeschichte. Methodische Innovation und völkische Ideologisierung in der deutschen Geschichtswissenschaft 1918-1945. Göttingen, 1993.

²⁸ Ibid. S. 87.

²⁹ *Wehler.* 2000. S. 165.

- Rürup R.* Zur Einführung, in: Historische Sozialwissenschaft. Beiträge zur Einführung in die Forschungspraxis. Göttingen, 1977.
- Versäumte Fragen. Deutsche Historiker im Schatten des Nationalsozialismus. In: Rüdiger Hohls, Konrad H. Jarausch (Hrsg.). Stuttgart, 2000.
- Wehler H. – U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd.2: Von der Reformära bis zur industriellen und politischen "Deutschen Doppelrevolution" 1815–1849. München, 1987.
- Wehler H.-U.* Die Herausforderung der Kulturgeschichte, München 1998.
- Wehler H.-U.* Eine lebhafte Kampfsituation. Ein Gespräch mit Manfred Hettling und Cornelius Torp. München, 2006.
- Wehler H.-U.* Historisches Denken am Ende des XX Jahrhunderts 1945–2000. Göttingen, 2001.
- Wehler H.-U.* Rückblick und Ausblick – oder: arbeiten, um überholt zu werden? // Perspektiven der Gesellschaftsgeschichte / Hrsg. von P. Nolte. München, 2000.
- Wehler H-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. Bd. 1 (1700–1815): Vom Feudalismus des alten Reiches bis zur defensiven Modernisierung der Reformära. München, 1987.
- Wehler H-U.* Königsweg zu neuen Ufern oder Irrgarten der Illusionen? Die Westdeutsche Alltagsgeschichte: Geschichte "von innen" und "von unten", in: "Geschichte von unten – Geschichte von innen" – Kontroversen um die Alltagsgeschichte / Hrsg. F.-J. Bruggemeier, J. Kocka. Fernuniversität Hagen, 1986.
- Welskopp Th.* Die Sozialgeschichte der Väter. Grenzen und Perspektiven der Historischen Sozialwissenschaft // Geschichte und Gesellschaft. 1998. S. 173–198.

Турыгин Александр Александрович, кандидат исторических наук, доцент, зав. кафедрой теории и истории государства и права Филиала РГГУ в Костроме; aturigin@mail.ru

Л. В. НУРГАЛЕЕВА

ЭМОЦИОНАЛЬНЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ ИЛИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ЭМОЦИИ?

Статья посвящена проблеме координации эмоций и интеллекта, фундаментальной соотносительности рефлексивных и эмотивных состояний человеческой психики. Показана содержательная ценность психологии восприятия в изучении явлений, связанных с активизацией мультимедийного контекста современных систем коммуникации.

Ключевые слова: координация эмоций и интеллекта, восприятие, мультимедийная система коммуникации

Современное понимание содержания понятия «интеллект» предполагает его восприятие как целостности, координирующей логические и эмоциональные начала человеческой природы. В центре внимания оказывается исследование связей различного и противоречивого, благодаря которым формируется сверхдетерминированная структура смысловых значений. Одним из основных направлений постнеклассической рациональности является формирование идеалов целостного знания, воплощающего собой всестороннее единство субстанциональных и рациональных аспектов, чувственных качеств и идеальных сторон мышления. В концептуальных и методологических построениях всё более отчетливо прорисовывается переход от линейно-рационалистической трактовки интеллектуального процесса как гомогенного к системно понимаемому гетерогенному целому, функционирующему одновременно на различных координационных уровнях.

Парадоксальность онтологии интеллектуальных процессов приводит к необходимости конструирования все новых теоретических и практических моделей, направленных на преодоление ограничений познания. Многообещающим направлением является сегодня онтология коммуникации с обобщенной моделью самодвижения разных форм интеллекта, базирующейся на фундаментальной соотносительности рефлексивных и эмотивных состояний человеческой психики. Цель данной статьи – показать проблему координации эмоций и интеллекта на основе трактовок психологии восприятия, уделяя внимание теоретическим построениям, описывающим особенности интеллектуальной репрезентации с учетом эмоциональных коннотаций мышления. Одна из задач – анализ эффектов порождения, формирующих разнонаправленные потоки общения и

ритуалологию современной культуры, возможности практико-теоретического преломления темы в отношении к явлениям, связанным с активизацией мультимедийного контекста систем коммуникации.

Сегодня наблюдается сдвиг исследовательских установок к более детальному изучению процессов коммуникационного взаимодействия. Интеллект в этом ключе может рассматриваться как процесс структурной и смысловой координации разных рефлексивных позиций в подвижном intersubъектном пространстве. Однако такая трактовка страдает незавершенностью и намеренным усилением тех аспектов интеллектуального процесса, которые связаны с реализацией потребности в рационализации жизненных событий. Она элиминирует важные аспекты коммуникативной онтологии, исключая описание механизмов эмоциональной идентификации жизненных событий. Неоправданное упрощение, применяемое в моделировании интеллектуальных процессов, проявляется в разных формах и вызывает необходимость конструирования все более сложных схем идеализации, связанных с разработкой форм интеллектуальной репрезентации. В научной практике и теории всё больше внимания стало уделяться проблеме эмоционального в мышлении. Стоит упомянуть об исследованиях последних лет в сфере искусственного интеллекта, в частности, о возрастающем интересе к исследованиям эмоциональных аспектов коммуникации в робототехнике. Кроме того, определяющим моментом в мировоззренческом плане можно считать изменение средств описания реальности в современной культуре. Применение мультимедийных технологий формирует плюралистическую панораму интерпретаций, разнообразие коммуникативных методов генерирует особую исследовательскую среду – систему наблюдений, опирающуюся скорее на эмотивные компоненты.

Хотя кажется совершенно очевидным, что при помощи эмоций человек переживает какой-то объем действительности, однако их роль в познавательном процессе в современной науке долгое время рассматривалась как вторичная по отношению к способам формальной обработки данных. Но вопрос о том, что в человеческой культуре следует считать первичным – эмоции или интеллектуальные озарения – остается трудно разрешимым. Достаточно отметить, что в науке по сей день отсутствует общепринятая классификация эмоций. В то же время в психологии разработаны частные теории эмоционального интеллекта, ориентированные на исследование возрастных особенностей развития детей.

Попытки преодолеть подобные концептуальные проблемы предпринимались не единожды. Еще в первой половине XX в. П.Д. Успенским была предложена концепция, основные положения которой опи-

рались на представление о том, что познание – это круг чувств, а различие между интеллектом и эмоцией является крайне условным¹. Именно эмоции служат постижению реальности, так как чувства – это «цветные стекла, через которые душа рассматривает мир»². Интеллект, взятый в целом, есть сильно концентрированная эмоция, поэтому противопоставление эмоционального интеллектуальному не имеет под собой достаточных оснований. Эпистемический статус эмоций сложно определить, так как их природа парадоксальна: ничто не дает столь ясного представления о вещах и так сильно не вводит в заблуждение, как эмоции. Ценность эмоций с точки зрения познания различна. На этой основе была выстроена типология: инстинктивные, интеллектуальные, эстетические эмоции. Сложность категоризации заключается в том, что как эмоции интерпретируются и вызываемые ими ощущения. Радость, симпатия, привязанность, уверенность в себе противопоставляются зависти, раздражению, ревности, страху, спеси, тщеславию, эгоизму, самонадеянности, но в эмоциональном центре нет естественной отрицательной части. Идентификация эмоций – это в своей основе культурный пласт, не имеющий под собой естественных оснований: внешние события и внутренние представления не вызывают эмоции. Они генерируются искусственно. В культуре существуют специальные методы идентификации как отрицательных, так и положительных эмоций. Они поддерживаются их оправданием, потворством и восхвалением в литературе и искусстве посредством стимулирования воображения и отождествления, опираясь на трансформации инстинктивных интенций (внутренних рефлексов). В чем же заключена специфика интеллекта, по П. Успенскому? Основу интеллектуального чувства составляет стремление к познанию. Интеллект как форма движения от личного к сверхличному опирается на эмоции, которые возникают благодаря концентрации высших состояний сознания, вызывающих внутреннее единство, самознание, постоянство идентификации «Я» и определенные волевые навыки. Это описание ассоциируется с определенными состояниями рефлексивной активности, однако имеет корни в эмоциональной сфере. Особенность трактовки Успенского заключается в таком видении процессов координации эмоционального и рефлексивного, которое позволяет обнаружить приоритет и первичность эмоциональных проявлений.

Рассмотрим этот сюжет и в применении к анализу современных проблем коммуникативной онтологии. Опыт исследований современной

---

¹ Успенский. 2000. С. 270.

² Там же. С. 273.

культуры показывает, что она представляет собой пример формирования такой системы коммуникаций, которая ориентирована на активизацию ресурсов эмоционального интеллекта. Появление новых программных средств визуализации данных, хотя и преследует целью формирование более удобных условий для восприятия разных типов информации, но, по сути, наращивает «экипировку» образного мышления. Взору исследователя открывается картина, позволяющая анализировать функции символических посредников в человеческой жизни и жизни общества. Благодаря разрастанию мультимедийной сферы коммуникаций открывается сложность связей эмоционального и логического в мышлении. Комбинаторика их элементов составляет основу коэволюции социокультурного развития. Однако остается немало принципиальных вопросов, связанных с пониманием миссии современных систем медиального опосредования и их влияния на особенности человеческого мышления. Поиск продуктивных исследовательских стратегий, позволяющих развивать теорию и практику медиального опосредования в культуре, неизбежно приводит к необходимости решения конкретных задач, связанных с диалектикой логического и эмоционального.

В середине XX в. в работах С. Тулмина поднимался вопрос о гетерогенности интеллектуальных процессов³. Была показана важность изучения эволюции психофизиологических «коррелятов» при изучении стимульных элементов мыслительной деятельности, обеспечивающих её результативность. Позиция Тулмина заключалась в том, что не все рациональное сводится к сфере формализаций. Логическая ассимиляция знания – лишь одно из средств понимания явлений. Сам процесс воспроизводства знания построен на сосуществовании многочисленных, логически независимых интеллектуальных форм, которые свободно интегрируются на основе неких принципов. Рациональность как одна из форм интеллекта имеет исторически изменчивое содержание. Смена одних понятийных систем другими происходит на достаточно устойчивых основаниях, что позволяет разворачивать исследование динамики знания с учетом данных анализа психологических, социологических, политических и иных аспектов изменений. В центре трансформаций оказывается вопрос об изменении навыков и способностей, позволяющих человеку обретать понимание. Тулмин пытался найти ответ на вопрос, как именно интеллектуальный стимул самоопределяется в эмпирических матрицах понимания отдельного человека и общественного сознания в целом? По его мнению, изучение локализаций психофизиологической матрицы мо-

---

³ Тулмин. 1984.

жет и должно опираться на разные функциональные корреляты. Идеи Тулмина сохраняют актуальность и по сей день, указывая направление исследовательских усилий и задавая их парадигмальную ориентацию.

В середине 1990-х внимание исследователей привлекло появление термина «эмоциональный интеллект» (Д. Гоулман, Мейер, Соловей и др.). Его содержание определялось в большей степени функциями ситуационного управления эмоциями. Смысловое наполнение термина включало в себя сочетание способностей к точному восприятию, оценке и выражению эмоций; умение обращаться к чувствам, активизирующим мышление; регулирование эмоций в целях обеспечения эмоционального и интеллектуального роста и т.д. В таком подходе обнаруживается высокая доля механистичности, ориентирующей на манипулятивность коммуникационных практик, широко распространенную в современной культуре. Мультимедийные языки представляют собой активно изменяющуюся сферу, технологические ставки которой возрастают благодаря освоению все новых уровней комбинирования искусственных эмоций. Это делается якобы в угоду развития перспективных средств познания, однако идеологический контекст суждений служит поощрению форм активного вторжения в эмоциональный мир человека и усилению влияния на характер intersубъективных отношений. В обществе наблюдаются крайние чувственные проявления – повышение эмоциональной возбудимости или распространение жесткой апатии. Можно аргументировать позицию тем, что поляризация эмоциональных проявлений стимулирует поиск новых рациональных приемов регуляции эмоций, но критический уровень в самоопределении общественных отношений достигается благодаря тому, что в хаосе регулирования искусственно раздуваемых чувствований умирает ценность интеллектуальной эмоции и соответствующих ей культурных контекстов. Проблема возвращения человеку разумных эмоций вновь становится центральным социальным проектом. Так в работе И.Н. Андреевой проблема управления эмоциями рассматривается с позиций личностной самоорганизации⁴. В данной работе делается акцент на проблемах психологии восприятия, знание механизмов которого может служить своеобразным арбитром в суждениях об обозначенной нами проблеме.

Координация разных аспектов мыслительной деятельности обусловлена разнообразием способов организации восприятия, субъективность которого определяется личностной мотивацией и эмоциональными установками, фиксируемыми как желания, интересы, состояния, потреб-

---

⁴ Андреева. 2007.

ности, намерения. Известный советский психофизиолог В.Д. Небылицын связывал эмоциональность с проявлениями темперамента человека. Он выделял такие характеристики, как впечатлительность, импульсивность, лабильность⁵. Первая предполагала чуткость к эмоциогенным воздействиям, вторая – скорость эмоциональных реакций, третья – динамичность эмоциональных состояний. Развитие человеческого опыта предполагает сочетание чувственной интуиции, эмоциональной спонтанности и интеллектуальной определенности. Они представляют собой самоорганизующиеся ансамбли компонентов, взаимодействующих друг с другом множеством разных способов. Субъект познавательной деятельности не может полностью исключить влияния интуитивных предпосылок, эмоций, архетипического опыта, особенностей собственного мышления на эту деятельность. Внутренние интенции, стремления, эмоции, настрой психики, коммуникативные намерения активизируют рефлексивные возможности сознания и направляют мысль на установление связей с «другим». Если мы рассмотрим наполнение понятия *intellectus*, то увидим, что его содержание составляет совокупность процессов восприятия и их подчинения рассудку через градацию представлений, претерпевающих трансформацию в разных понятийных системах, коммуникативно оттачивающих их значение и смысл. При этом опыт оценивания разных эмотивных состояний, включая анализ взаимовлияний чувственных посылов, контроль эмоциональных проявлений лежит в основе взращивания тех или иных видов поведенческой информации. Их эпистемологический статус задается действенным влиянием на формирование всё более адекватного предметного содержания и его интегральной оценки реальности. Но каковы механизмы подобных явлений?

Живое движение эмоциональной и мыслительной деятельности человека обусловлено наличием генетически исходных единиц анализа психической деятельности. Развитие форм рефлексивной активности тесно связано с качественно усложняющимися методами идентификации эмоций. Эмоциональные оценки понимаются как самостоятельная система значений, проявляющая себя на всех уровнях мышления, включая миметические формы и управление динамикой тела. Э. Морен опирается на описание диалектики отношений эмоционального и логического интеллекта в анализе медиальных аспектов коммуникации, отмечая что «поток изображений, чувств, эмоций создает эрзац потока сознания», который приспособливает к себе коенестезический, аффективный и интеллектуальный динамизмы зрителя. Все происходит так,

---

⁵ Небылицын. 1966.

словно фильм разворачивает новую субъективность, увлекая за собой субъективность зрителя⁶. Мультимедийный эффект достигается интеграцией зрителя в поток фильма. А функции символического опосредования сводятся к стремлению интегрировать поток образов в поток зрительской психики. Эмоциональные связи, возникающие в ходе развертывания коммуникационных отношений, перевоспитывают человека перцептивно благодаря наличию механизмов совокупной актуализации разных типов идентификации реальности.

Экспрессивно-смысловые акценты действий и их возможные комбинационные сочетания определяются уже на уровне восприятия, предметный алфавит которого основан на ощущаемости и чувствительности движения. Накапливая опыт, человек формирует действенный контекст восприятия. Он формируется благодаря тому, что образ может выступать в качестве свернутой программы – оператора новых действий и сочетаний их элементов. Сознанием выделяются оперативные единицы восприятия – эталоны. Это компактные, семантически целостные образования, которые создают возможность одноактного (симультанного) целостного опознания объектов и ситуаций и выполняют роль функциональных органов в коммуникационных процессах, позволяя опознавать хорошо известное и относить его к определенному классу. Эталонные единицы анализа психической реальности «запоминают» способы овладения пространством и его преодоления, формируя активный хронотоп⁷. Сила динамики эмоциональной реакции на мир определяет природу образного мышления⁸. Автоделический эффект эмоционального потока высокой степени интенсивности отражается на особенностях генерации когнитивных форм. Остенсивный характер ритуала, например, предрасположен не только к передаче интенсивных чувств, но и к визуализации чего-то большего, чем определено границами дискурса⁹. Эта сфера, указывающая на наличие следующего уровня эмоциональной идентификации, соответствующая области метакоммуникативных резонансов. Механизмом градуированной идентификации выступает когнитивный эффект формирования образа как семантического целого, содержащего в себе движение в снятом виде.

Восприятие, как и формируемое им пространство смыслов и связей, возникает благодаря координированию разных перцептивных картин мира. Самоорганизация системы восприятия включает в себя некий

---

⁶ Morin. 1956.

⁷ Даниэль. 2002. С. 66-69.

⁸ Найссер. 1981. С. 36-37.

⁹ Вульф. 2009. С. 55.

порядок подчинения перцепций и выделение перцептивной доминанты как особого средства аналитики. «Достаточно сопоставить деятельность фотографа, дегустатора и настройщика музыкальных инструментов, чтобы с большой степенью вероятности утверждать, какие перцепции будут преобладающими в каждом из названных случаев»¹⁰. Иерархия чувств является способом координации восприятия и, соответственно, источником интерпретаций действительности. Это указывает на то, что понимание реальности как продукта коммуникативных самоорганизующихся процессов, имеет под собой психологические основания.

Действенный контекст восприятия задается не только логическими правилами упорядочения эмоций и представлений, но и выражается в формировании интегрального образа, который создает «мост» – переход между действиями. В этом смысле можно говорить о том, что перцептивно человек живет переходами. В чем заключается их сущность? В переводе движения в образ, который трансформируется сознанием в образ действия. Это один из базовых механизмов коммуникативной онтологии. В ткань живого движения сознания входят эмоционально-оценочные компоненты как средства «сшивания» пространственно-временных потоков между предвидением и памятью. Коммуникативные события эмоционально фиксируются в зазорах между разными перцептивными способами рефлексии. Это позволяет существовать сознанию трансверсально, т.е. на границе альтернативных миров, удерживать различные каноны репрезентации реальности и смысла, обеспечивать способность к конструированию контекстной оболочки смысла.

Представление о психике в постнеклассической психологии позволяет рассматривать её как активную составляющую процесса порождения новой реальности¹¹. Коммуникации присваивается статус механизма формирования жизненного мира человека, задающего ценностно-смысловые координаты его образа мира, образа жизни и образа Другого. При рассмотрении явления в процессуальном аспекте, возникает необходимость говорить о коммуникации порождающего типа – *транскоммуникации*. На её основе человек созидает свое пространство жизни и формирует многомерное ментальное пространство восприятий. Предпосылки для перехода к терминологии многомерного ментального пространства были сформированы в 1920-е гг. Понятие «трансубъективная область» использовал Д.Н. Узнадзе. Был показан механизм формирования трансубъективного: «...подпсихическая область... выступает

---

¹⁰ Даниэль. 2002. С. 73-74.

¹¹ Ключко. 2005; 1997.

посредником между... объектом и ощущением и в чисто психическом (в комплексе ощущений) представляет трансубъективное». Его особенностью является некая форма нейтральности: противоположные полюсы субъективного и объективного ему совершенно чужды, так как оно представляет собой внутреннее, нерасчлененное единство¹².

Следующий вопрос связан с проблемой координации разных реальностей восприятия. Речь идет о специфичных способах адаптации разных семейств перцептивных языков к опыту интерпретации действительности отдельных людей. Референциальность эмоционального и логического обеспечивает активизацию разных способов ассоциирования, которые основываются на специфике действия аппарата восприятия. Способность человека к различению символов как образов пролонгированного действия является предпосылкой самоорганизации разных форм социальной кооперации. Уникальность процессов символического опосредования заключается в регистрации структуры и смысла сообщения на уровне разных перцептивных систем за счет образной репрезентации коммуникативных событий и сохранения эмоциональных ключей к её рациональным кодам. Без эмоциональных аспектов, выстраивающих связи отношений, не могут поддерживаться процессы взаимодействия. Основная ценность постижения реальности для человека заключена именно в эмоциональном движении. Его поддерживает наличие механизмов формализации образных репрезентаций, их действие проявляет себя как на личностном уровне, так и в коммуникативной среде. Средства медиального опосредования (звук, слово, изображение, текст) представляют собой сложный тип формализации образных репрезентаций. Он концентрирует в себе динамику эмоциональных и сугубо интеллектуальных движений мышления, комбинируя на их основе всё более сложные знаковые формы, соответствующие изменениям форматов представления образов, схем понимания, картин описания мира. Динамика смысловых переходов опирается не только на высокую конвенциональность знака, но на эмоциональную фиксацию характера смещения иконического к символическому. Этот механизм позволяет выводить мысль за пределы биологических барьеров, в которых зарождалось мышление, и способствовать усложнению системы метакоммуникативных процессов. Этот же процесс лежит в основе дешифровки знака, поскольку восприятие является программой, концентрирующей опыт разных форм перцептивного движения, оценивающей его и производящей выбор вариантов смысловой игры, рождающейся в ходе коммуникации.

---

¹² Узнадзе. 1988.

Сознание движется благодаря смене состояний, определенных единиц, каждая из которых соткана из психологических процессов и функций (память, эмоции, мышление, чувство «Я» и т.д.). Однако человеческое сознание обладает способностью к восстановлению постоянства предметов, их пространственно-временных границ. В действие приводится процесс восприятия, идущий от фрагментарности к тотальности, от множественности к единству объекта. Но как сеть взаимодействующих процессов достигает уровня относительного и реального постоянства, характеризующего внутреннюю жизнь человека и её внешнюю пространственность? Переходы идентичности – это базовое отношение и базовое онтологическое основание личности, развивающейся эмоционально и интеллектуально¹³. Идентификация выступает градиентом устойчивости процессов личностного саморазвития. В то же время идентификация не определяется состояниями, т.е. градиентом устойчивости системы. Она оценивается с позиций стабильности процессов идентификации, являющихся переходами между уровнями сложности организации мышления. Главным источником значений выступает туннелирование реальности, т.е. наличие таких форм живого движения сознания, которые являются средством трансформации не только пространства во время, но и обратно. Этот процесс составляет основу эффектов обратимости – возможности движения «по волнам памяти». А. Комбс, исследующий процессы, конфигурирующие сознание, отмечает: «Конкретная эмоция может быть результатом взаимодействия определенных воспоминаний с определенными мыслями. И наоборот, взаимодействие эмоций с воспоминаниями может создавать мысли»¹⁴. Такой рефлексивный механизм, как остановка в процессе созерцания идеи или образа, является одним из аспектов этого процесса. Он протекает не столько на логическом уровне, сколько на субпсихологическом.

Итак, изучение референциальных отношений между эмоцией и интеллектом охватывает разные предметные области и обретает все большую актуальность в связи с активным погружением современного человека в мультимедийную среду, которое может принимать форму репрессивных воздействий на его сознание. Технологическая инновативность современной культуры, связанная с поисками новых жизненных сред обитания образа, отличается экстремизмом, создавая разрыв в опыте эмоционально-логического регулирования, возникающий под напором искусственной среды эмоционального стимулирования. Разработ-

---

¹³ Гарфинкель. 2007.

¹⁴ Комбс. 2004. С. 56-57.

ка проектов, связанных с экологией интеллекта, предполагает включение в исследования компонентов когнитивного знания, связанных с пониманием особенностей эмоциональной жизни человека, представлений о механизмах восприятия, его аналитике и динамической активности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Андреева И.Н.* Предпосылки развития эмоционального интеллекта // Вопросы психологии. 2007. № 5. С. 57-65.
- Вульф К.* К генезису социального. Мимезис, перформативность, ритуал. СПб.: Интерсоцис, 2009. 164 с.
- Гарфинкель Г.* Исследования по этнометодологии. СПб.: Питер, 2007. 335 с.
- Гоулман Д.* Эмоциональный интеллект. М.: АСТ, 2010. 476 с.
- Гурфинкель В.С.* Концепция схемы тела и моторный контроль // В.С. Гурфинкель, Ю.С. Левик. Интеллектуальные процессы и их моделирование. Организация движений. М.: Наука, 1991. С. 59-105.
- Данзель С.* Сети для Протея: проблемы интерпретации формы в изобразительном искусстве. СПб.: Искусство, 2002. 304 с.
- Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблемы становления ментального пространства личности (введение в транспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 172 с.
- Клочко В.Е.* Системная детерминация мыслительной деятельности на стадии ее инициации // Сибирский психологический журн. 1997. Вып. 5. С.19-26.
- Комбс А.* Сознание: хаотическое и странно-аттракторное // Синергетика и психология. Когнитивные процессы. Вып. 3. М.: Когито-центр, 2004. С.49-60.
- Найссер У.* Познание и реальность. Смыслы принципы когнитивной психологии. М.: Наука, 1981. С. 36-37.
- Небылицын В.Д.* Основные свойства нервной системы человека. М.: Просвещение, 1966. 383 с.
- Тулмин С.* Человеческое понимание. М.: Прогресс, 1984. 327 с.
- Узнадзе Д.* Impersonalia // Узнадзе Д. Тр.Т.IX. Тбилиси, 1988. С.314.
- Успенский П.Д.* Tertium organum. Ключ к загадкам мира. М.: Фаир-Пресс, 2000. 432 с.
- Morin E.* Le cinema ou J'homme imaginaire. // Essais d'antropologie sociologique. Paris: Les Editions de minuit, 1956. P. 97-132.
- Нургалева Лариса Владимировна**, кандидат философских наук, доцент Национального исследовательского Томского государственного университета; nurgaleeva@yandex.ru

О. Л. АКОПЯН

МАКСИМ ГРЕК, САВОНАРОЛА И БОРЬБА С АСТРОЛОГИЕЙ

Статья посвящена спорам вокруг астрологии, которые разгорелись в Италии в конце XV в., а затем и в других странах, в том числе в России. Поводом для дискуссии послужило издание трактата «Рассуждения против прорицательной астрологии» Джованни Пико делла Мирандола, позицию которого в собственном труде поддержал Джироламо Савонарола. Чуть позже, уже в России, на астрологию обрушился Максим Грек, бывший новиций доминиканского монастыря Сан Марко, где настоятелем некогда был Савонарола. И хотя Максим выступил против нее как латинского нечестия, тем не менее, видимо, он использовал сочинения Савонаролы и Пико делла Мирандолы в своей полемике.

Ключевые слова: астрология, магия, Ренессанс, Максим Грек, Савонарола, Пико делла Мирандола

В конце XV в. астрология и магия стали одними из основных объектов интеллектуальных спекуляций в ренессансной Италии. К этому времени относятся возрождение герметической и орфической традиций, повышенный интерес к еврейской мистике. Разумеется, «высокая» культура, обогащенная новыми источниками, не могла пройти мимо оккультных учений, что выразилось в увеличении числа как про-, так и анти-астрологических трудов. И если для Италии и остальных европейских стран интерес к магии на данном временном отрезке объясним¹, то тем удивительнее проникновение астрологии в Россию, в чем не последнюю роль сыграл преподобный Максим Грек.

Ренессансные представления об астрологии сложились под влиянием двух традиций². Первая уходила корнями еще в античную культуру; после падения Рима древнегреческие и римские источники были по большей части забыты на Западе, но они сохранились на Востоке, где их читали и активно комментировали. Оттуда, в «великую эпоху переводов», эти тексты перекочевали в Европу, где с начала XIII в. постепенно складывается западная астрологическая традиция³. Она нашла отражение как в письменной культуре – труды об астрологии и магии оставили Альберт Великий, Роджер Бэкон, Пьетро д'Абано, Блазий Пелакани из

---

¹ О кризисе духовности в конце XV в. в Италии, на который ответом как раз стал повышенный интерес к магии, см.: *Vasoli*. 1974. P. 16-29; 1968. P. 180-240.

² Об истории астрологии см.: *Pompeo Faracovi* 1996.

³ О магии и астрологии в Средние века: *Boudet*. 2006; *Federici Vescovini*. 2008.

Пармы и многие другие видные мыслители, – так и в художественной: достаточно вспомнить о Палаццо делла Раджоне в Падуе или Часослове герцога Берийского. Но во второй половине XV в. благодаря деятельности Марсилио Фичино⁴ они обогатились новым, чрезвычайно насыщенным, магическим источником – текстами неоплатоников, Герметическим сводом и другими работами, открывшими путь для создания теории «натуральной» магии, которая нашла свое наиболее полное выражение в трактате «О жизни» Фичино. Чуть позже его современник Джованни Пико делла Мирандола ввел в обиход христианского мага каббалу⁵. Именно в это время, когда астрология и магия завоевывают одобрение всё большего числа мыслителей, в Италии появляется Михаил Триволис, ставший более известным под именем Максима Грека.

Напомним некоторые данные о пребывании Михаила Триволиса в Италии⁶. Впервые он оказался на Аппенинском полуострове в 1492 г. как ученик Иоанна Ласкариса, и в течение практически пятнадцати лет находился в разных городах Италии – Болонье, Венеции, Падуе, Ферраре и других, – где знакомился с видными гуманистами и учеными своего времени. Очевидно, что Михаил Триволис не мог не находиться под определенным влиянием тех мыслителей, в постоянном контакте с которыми он был. Это была прежде всего группа интеллектуалов, после падения Медичи образовавшаяся вокруг нового властителя дум – Джироламо Савонаролы. Известно, что Михаил Триволис был знаком с Анджело Полициано, о котором отзывался впоследствии чрезвычайно нелицеприятно, и через него, по всей видимости, мог знать Джованни Пико делла Мирандола, хотя точных данных об этом нет. Позже, в 1498–1502 гг. он работал секретарем у племянника Пико, а также имел возможность слышать пламенные проповеди Савонаролы, о котором затем вспоминал с большим уважением, и даже, по всей видимости, как novice вступил во флорентийский монастырь Сан Марко, настоятелем которого некогда был Савонарола. Поэтому можно говорить, что Михаил Триволис находился в гуще политических и интеллектуальных событий сложного для Италии и Флоренции периода рубежа XV и XVI вв.

Не последнее место в ряду модных тогда философских проблем занимала астрология. Споры о ней приобрели особенную остроту, когда незадолго до своей смерти Джованни Пико делла Мирандола предпринял попытку составить «Рассуждения против прорицательной астроло-

⁴ О нем см.: Кудрявцев. 2008.

⁵ См.: Йейтс. 2000, особ. гл. V. О Пико и каббале: Wirszubski. 1989.

⁶ Наиболее полно и точно хронология путешествий Михаила Триволиса представлена в кн.: Симицына. 2008. См. также: Иконников. 1915; Denisoff. 1943.

гии»⁷ – грандиозный трактат, в котором обличалась наука о предсказаниях по звездам. За два года (1493–1494) он написал 12 частей-книг и, видимо, планировал еще несколько расширить текст трактата, но внезапная смерть прервала его работу. Трактат был опубликован посмертно в 1496 г. племянником Пико в рамках полного собрания сочинений дяди, изданного в Болонье, быстро стал известен в интеллектуальных кругах Италии и Европы и вызвал бурную полемику. Практически сразу на него отреагировал виднейший неаполитанский гуманист Джованни Джовиано Понтано, который подверг критике основные положения концепции Пико в сочинении «О небесных явлениях»⁸. Чуть позже о ложности «Рассуждений против прорицательной астрологии» высказались сиенский медик Лучо Белланти и феррарский астролог Габриеле Пировано⁹. Уже в первой четверти XVI в. свои оригинальные воззрения по этому вопросу выразили Франческо Дзордзи и Пьетро Помпонацци¹⁰. Заметим, что все крупные авторы, писавшие об астрологии в конце XV–XVI вв., уже не могли игнорировать трактат Джованни Пико делла Мирандола, но не все из них были настроены критически.

В 1497 г. Джироламо Савонарола составил собственное сочинение против астрологии, в котором попытался донести в доступной форме сложные философско-научные построения Пико. По его словам, просвещенные люди и так хорошо осведомлены о ложности астрологии, в то время как простой народ все еще может подпасть под ее печальное воздействие¹¹. Этим также объясняется то, что Савонарола написал свою работу на итальянском языке, а не на латыни.

Таким образом, два наиболее влиятельных ренессансных сочинения, направленных против астрологии, были идейно связаны. Надо сказать, что это позволило некоторым противникам Савонаролы утверждать, что Джован Франческо Пико и его учитель даже намеренно изменили первоначальный вариант «Рассуждений против прорицательной астрологии» и использовали труд старшего Пико в своих интересах, придав ему религиозный характер¹². Однако, никаких доказательств такого подлога, кроме слов заинтересованных лиц, нет. Более того, за-

---

⁷ *Pico della Mirandola*. 2004.

⁸ См.: *Trinkaus*. 1985. P. 446–472.

⁹ *Pompeo Faracovi*. 2008. P. 47–66.

¹⁰ Совсем недавно вышел первый комментированный перевод на итальянский язык основного сочинения Франческо Дзордзи «О гармонии мира»: *Zorzi*. 2010. О месте астрологии и магии в творчестве Пьетро Помпонацци см.: *Pomponazzi*. 2004.

¹¹ *Savonarola*. 2000. P. 33–35.

¹² Об этом см.: *Farmer*. 1998. P. 137–149.

метим, что такого рода обвинения в адрес Савонаролы прозвучали только после его казни в 1498 г. Но еще одного сторонника антиастрологической направленности, правда, несколько запоздалого, итальянские мыслители обрели в лице Максима Грека.

В 1506 г. Михаил распрощался с Италией и отправился на Афон, где принял постриг. Через десять лет по указанию настоятелей святогорских обителей он уехал в Россию на службу к великому князю Василию III. Уже находясь здесь, Максим Грек составил несколько посланий против астрологии. Два из них посвящены более общим вопросам, касающимся действенности предсказаний, и были написаны до 1524 г.¹³, а третье, наоборот, было приурочено к несостоявшемуся наводнению 1524 года, которое, по мнению астрологов, должно было стать вторым Великим Потопом¹⁴. Именно эти три труда позволяют понять истинное отношение Максима Грека к астрологии, а также осознать, какие полемические приемы он использует в своей критике предсказателей.

Сама риторика Максима Грека, неукорененность астрологии на Руси и характерное ее наименование как «латинского нечестия» позволяют думать, что он познакомился с этой сферой магии на Западе и скорее всего во Флоренции, где как раз, в годы его пребывания, астрологическая тематика стала одной из доминирующих. Несмотря на то, что ни имя Савонаролы, ни тем более имя Пико ни разу не упоминается в числе авторитетов, выступавших против астрологии, было бы удивительно, если бы Максим, служивший при дворе Джован Франческо Пико делла Мирандола, а затем бывший новицием в монастыре Сан Марко, ничего не знал о трудах старшего Пико и Савонаролы. Поэтому в качестве рабочей гипотезы было бы правомерно предположить, что Максим Грек использовал их сочинения, но, по всей видимости, тщательно это скрыл.

Для разрешения этого вопроса обратим внимание на то, что все три автора упоминают вполне конкретный вид астрологии, именуемый «прорицательной» – *divinatrix*. Использование этого термина в трудах Пико и Савонаролы понятно: речь идет еще о средневековом делении астрологии на непосредственно предсказательную магию и на астрономию. Об этом Пико писал в своих «Рассуждениях против прорицательной астрологии»: «Но первое место среди них [суеверий – О. А.] занимает астрология, которая заслуженно считается как корнем, так и плодом суеверий. Говоря про астрологию, я не имею в виду ту, которая измеряет при помощи математики величину и движение небесных светил, правди-

¹³ Преподобный Максим Грек. 2008. С. 256-294; 311-334.

¹⁴ Там же. С. 359-372.

вую и благородную науку, достойную величайшего уважения за ее заслуги и в полной мере одобренную авторитетом учнейших мужей. Под астрологией я подразумеваю ту, которая по светилам предсказывает будущее; ложь, оплаченную деньгами, запрещенную гражданскими и церковными законами, поддерживаемую человеческим любопытством, осмеянную философами, почитаемую шарлатанами, вызывающую подозрения у самых разумных и лучших. Ее учителя по своему происхождению именовались халдеями, или, по названию их занятия, составителями гороскопов. Позднее, чтобы облагородить название своего сообщества, они назвали себя математиками и астрологами, как будто это было одно из свободных искусств, разумно рассказывающее о светилах и отличавшееся от настоящей математики лишь тем, что одно именовалось астрономией, другое – астрологией, с огромным усердием стремясь овладеть чужим названием, поскольку астрология означает совершенно иное»¹⁵. Впоследствии подобное утверждение позволило Ф.А. Йейтс прийти к ошибочному выводу, что Пико будто бы был сторонником натуральной магии Фичино, а в своем последнем трактате выступил лишь против черной магии. Современные исследования доказывают, что Пико, напротив, отрицает все возможные формы магии и астрологии, некоторые из которых он действительно признавал в молодости¹⁶. Но в «Рассуждениях» критика астрологии как таковой кажется полной и безоговорочной, поэтому тезис Йейтс давно нуждается в пересмотре.

Но в нашем случае важным кажется то, что Максим Грек прямо указывает на «прорицательный» характер того знания, против которого он выступает. На Руси, по всей видимости, такого двойственного восприятия астрологии не существовало, поэтому вполне вероятно, что

---

¹⁵ *Pico della Mirandola*. 2004. Vol. I. P. 38-40: «Sed in primis hunc sibi titulum vendicavit astrologia, sicut et inter ipsas superstitiones, quarum mater alumnaque merito existimatur, obtinet principatum. Astrologiam vero cum dico, non eam intelligo quae siderum moles et motus mathematica ratione metitur, artem certam et nobilem et suis meritis honestissimam auctoritateque hominum doctissimorum maxime comprobata; sed quae de sideribus eventura pronunciat, fraudem mercenariae mendacitatis, legibus interdictam et civilibus et pontificiis, humana curiositate retentam, irrisam a philosophis, cultam a circulatoribus, optimo cuique prudentissimo suspectam, cuius olim professores gentilicio vocabulo Chaldaei, vel ab ipsa professione genethliaci dicebantur; mox, ut nominis communione honestarentur, mathematicos se dixerunt et astrologos, quasi haec quoque de liberalibus disciplinis una foret, quae de sideribus cum ratione loqueretur, hoc se tantum discrimine separans ab illa vera mathematica, ut illi astronomiae, ipsi astrologiae nomen daretur, nimis improbo zelo alieni tituli invadendi, siquidem astrologia alterius artis nomen».

¹⁶ См.: *Rabin*. 2008. P. 152-178.

сама идея критиковать ее прорицательность была навеяна заглавиями и общими рассуждениями Джованни Пико и Савонаролы.

Далее необходимо напомнить о структуре упомянутых антиастрологических сочинений. Труд Пико¹⁷, вопреки частому заблуждению, весьма далек от того, чтобы быть названным религиозным или богословским: в гораздо большей степени это философский и естественно-научный трактат. В первой¹⁸ из 12 книг «Рассуждений» Пико показывает историю астрологии и стремится выявить ее основные источники. Разумеется, он не забывает сказать, что почти все истинные авторитеты выступали против науки о предсказаниях по звездам. При этом Пико вначале упоминает философов и лишь затем богословов и юристов, что уже в достаточной мере доказывает философскую направленность «Рассуждений». Важнейшая часть трактата, занимающая четверть от всего его объема – третья книга, посвященная несовместимости астрологии и физической реальности¹⁹. В большинстве же остальных книг автор доказывает ложность основных астрологических практик. Распространенное мнение о том, что Пико будто бы критикует астрологию, поскольку она противоречит его теории о «достоинстве человека», не находит должного подтверждения²⁰. Замысел Пико выходит за рамки такого подхода: он критикует астрологию «по всем фронтам» и никоим образом не ограничивается богословием.

По-иному следует оценивать сочинение Савонаролы, которое отличается от «Рассуждений против прорицательной астрологии» в первую очередь структурой. Сперва Савонарола прибегает к богословским доводам о ложности астрологии и только затем переходит к натуральной философии и к анализу отдельных магических практик. Такая последовательность повествования и несомненная ориентация на людей, не слишком искушенных в философии, определяют первичность религиозной задачи, которую поставил для себя Савонарола. И именно эту традицию продолжает в своих Посланиях к Карпову Максим Грек, который в свою очередь полностью отказывается от остальных составляющих критики. На мой взгляд, причины, по которой Максим Грек не упоминает антиастрологические доводы натуральной философии, вполне понятны: он предпочитает избежать совершенно неизвестных на Руси имен Авраама Ибн Эзры или Роджера Бэкона и таким образом про-

---

¹⁷ Об особенностях структуры «Рассуждений» см. не самую полную и убедительную, но интересную работу: *Zanier*. 1981. P. 54-86.

¹⁸ Мною сделан ее перевод на русский язык: *Пико делла Мирандола*. 2012.

¹⁹ Анализ этой книги трактата см.: *Акопян*. 2012.

²⁰ Впервые эту точку зрения высказал Э. Гарэн в кн.: *Garin*. 1937.

сто опускает физическую составляющую полемики, суть которой на Руси была неизвестна и вне зависимости от усилий Максима Грека так и осталась бы terra incognita. Поэтому не стоит удивляться тому, что в основном Максим Грек ограничился лишь богословским подходом.

Как совершенно верно показала Н.В. Сеницына, основной темой Посланий к Карпову стала идея о том, что свобода человеческой воли как Божественный дар противоречит основному постулату прорицаний, согласно которому судьба детерминирована²¹. Н.В. Сеницына предполагает, что Максим Грек, долгое время проработавший при дворе Джован Франческо Пико делла Мирандола, мог таким образом перенести на русскую почву идеи Джованни Пико делла Мирандола, изложенные в «Речи о достоинстве человека»²². В таком контексте Максим Грек выглядел бы не просто современником, но и участником основных философских диспутов, разворачивавшихся на Западе. Исследовательница указывает на сходство в рассуждениях о свободе воли Максима Грека и Эразма Роттердамского, который примерно в те же годы написал «Диатрибу о свободе воли»²³. Однако, несмотря на соблазнительность такого подхода, принять его довольно сложно.

Прежде всего обратимся к «Речи о достоинстве человека». Как в учебной, так и научной литературе неоднократно встречалось мнение, что этот трактат – одна из вершин ренессансной мысли. Но, даже несмотря на это, стоит признать, что изыскания Пико в области антропологии явно преувеличены. Для подтверждения этого тезиса можно вспомнить историю создания «Речи»: а именно таким было оригинальное название этого сочинения. В 1486 г. Джованни Пико делла Мирандола хотел представить на публичный диспут в Риме свои «900 тезисов по философии, теологии и каббалистике», впоследствии признанные еретическими²⁴. Как введение к Тезисам, он планировал выступить с «Речью», которая в некоторой степени суммировала их основные положения. Но поскольку папская комиссия заранее осудила «900 тезисов», «Речь» так и не была опубликована или произнесена. Более того, при изучении самого текста «Речи» легко обратить внимание на то, что большую ее часть составляют отнюдь не рассуждения о центральной роли человека, а идеи о необходимости примирить вроде бы несочетающиеся учения – аристотелизм с платонизмом, томизм со скотизмом

---

²¹ Сеницына. 2008. С. 148-158.

²² Это сочинение переведено на русский язык: Пико делла Мирандола. 1981.

²³ Сеницына. 2008. С. 151.

²⁴ Литература о несостоявшемся римском диспуте огромна. См. последнюю крупную монографию о жизни и творчестве Пико: Valcke. 2005.

и т.д. Блестящий специалист по истории магии Ренессанса Б. Копенхейвер весьма убедительно показал, что современники Пико были практически незнакомы с «Речью», а дополнение «о достоинстве человека» появилось в названии трактата только в середине XVI в.²⁵ Таким образом, тезис о том, что антропология является центром учения Пико, стоит отбросить как анахронизм. Современные исследования доказывают, что столь распространенное ныне и не совсем корректное прочтение «Речи» восходит к творчеству философов первой половины XX в. Джованни Джентиле²⁶ и Эрнста Кассирера²⁷, которые предпочли увидеть в Пико реформатора представлений о человеке, коим итальянский мыслитель в действительности не был. Поэтому тезис Н.В. Сеницыной о том, что при написании своих антиастрологических трудов Максим Грек мог вдохновляться идеей о «достоинстве человека» Пико, вряд ли может быть принят. Однако намного более перспективным выглядит сравнение Посланий Максима Грека с трактатом Савонаролы.

В отличие от Джованни Пико делла Мирандола, доминиканский проповедник ориентирован на религиозную сторону полемики с астрологией, что роднит его с Максимом Греком. Надо признать, что подобный теологический подход не подразумевает множества разнообразных и новых доводов. Они весьма ограничены: это, прежде всего, утверждение, что прорицания отрицают свободную волю человека, способного самостоятельно вершить свою судьбу; а также недопустимость попытки ограничить Божью волю, только посредством которой может происходить божественное освещение человеческого ума²⁸. Несмотря на то, что Савонарола прямо или косвенно повторяет целый ряд суждения Пико, в его работе с духовными авторитетами мы находим некоторые черты, характерные для него как полемиста. Так, он совершенно не цитирует Новый Завет, ограничиваясь пророками Ветхого Завета. Р. Фубини убедительно доказывает, что в данном случае мы имеем дело с саморепрезентативной идеей, согласно которой Савонарола мыслил себя продолжателем ветхозаветных пророков, предвещавших, как и он, суровые наказания за безверие и распутный образ жизни²⁹. К тому же Савонаро-

---

²⁵ *Copenhaver*. 2002. P. 56-81.

²⁶ О том, как неогегельянец Джентиле и его последователи сформировали «прогрессистский» взгляд на Ренессанс, см.: *Hankins*. 2003. P. 573-590; *Fubini*. 2007.

²⁷ *Copenhaver*. 2002. P. 295-320.

²⁸ *Savonarola*. 2000. P. 39.

²⁹ *Fubini*. 2009. P. 249-271. Этому вопросу был также посвящен доклад проф. Фубини «Savonarola and the Old Testament Prophets», прочитанный им в Университете Бен-Гурион в Израиле (4.05.2009), текст которого он мне любезно предоставил.

ла повторяет имена всех основных богословов, которые упоминаются в первой книге «Рассуждений» Пико, однако особенно выделяет двоих – Августина и Фому. Интересно, что имя первого из этих великих теологов встречается также в первом Послании к Карпову.

Труды Максима Грека об астрологии – важный элемент его антилатинской полемики. Считается, что непосредственным поводом для их написания послужила активная проповедническая деятельность католического богослова Николая Булева (Немчина). Последний, по всей видимости, не ограничивался исключительно богословскими доводами о превосходстве западной традиции христианства над восточной, но также распространял в Москве и других городах астрологические предсказания³⁰. Таким образом, астрология в Посланиях приобретает не столько характер опасного суеверия, сколько становится «латинским нечестием», попыткой католичества проникнуть на русские земли. Об этом говорит сам Максим Грек, когда заявляет о недопустимости того, чтобы астрология смущала как простых людей, так и государей: в последнем случае он, обращаясь к власти имущим и лично к Василию III, вспоминает миланского герцога Лодовико Моро, который прислушивался к мнению астрологов, обещавших ему успех и покровительство фортуны, хотя вскоре был разбит французскими войсками и кончил свои дни в плену у короля³¹.

Учитывая антилатинскую ориентацию Посланий, неудивительно, что Максим Грек преимущественно использует отрывки из Священного Писания и труды Отцов восточной Церкви. Поэтому легко можно было бы прийти к выводу, что перед нами антиастрологическое сочинение православного христианина, который не знаком с западной полемикой о легитимности науки о предсказаниях по звездам. Однако в двух местах, не желая того, Максим показывает, что работы Савонаролы и, возможно, Пико делла Мирандолы ему известны. В первом случае Максим ссылается на Августина – единственного западного Отца Церкви, упоминаемого в Посланиях; в другом – ненароком касается философских оснований критики астрологии.

---

³⁰ *Преподобный Максим Грек*. Первое послание Ф.И. Карпову против предсказательной астрологии. 2008. С. 268: «Въ Москвѣ царствующемѣ градѣ всеа Русии живуци ми в 700 и 31-е лѣто при царствѣ благовѣрнейшаго царя всеа Руси великаго князя Василя Ивановича дана ми бысть бумага нѣмчина нѣкоего родом, учениемъ же и вѣроу латынина, а астрологии яже о зрѣнии рожениихъ несѣтно прилѣпляющагося и бѣсобязнѣишее сию дѣйствующаго и чяние нестерпимо о будущихъ предпознании стяжавашаго»; *Синицына*. 2008. С. 149-150.

³¹ *Преподобный Максим Грек*. Первое послание Ф.И. Карпову... С. 288-291.

В первом Послании к Карпову он цитирует фрагмент из далеко не самого известного произведения Августина «О книге Бытия, буквально»³², при этом допуская ошибку, говоря, что приводимая цитата встречается в первой главе трактата³³. Отсылка к такому сочинению кажется немного странной и не слишком характерной для Максима, однако, как это ни удивительно, подобный пассаж, практически слово в слово, повторяется у Савонаролы, который, по правде говоря, цитирует точное место и приводит более полную цитату³⁴. Можно предположить, что поскольку упомянутый фрагмент находится в самом начале сочинения Савонаролы, Максим Грек мог вполне запомнить его и затем в неполном виде передать в своем Послании. Вполне вероятно, что нечто подобное произошло и с тем отрывком из первого Послания к Карпову, где греческий монах ссылается на античную философию. Он заявляет следующее: «И воистину суетни и неизвѣстни, и лжа всякиа и льсти исполнени, не имѣють бо Бога, устроившаго ся, но душетлѣтельны бѣси, ниже пророки Бога Живаго, Духом Святымъ возглашаемыхъ, свидѣтельствующихъ благочестивое и спасительное, но пифоньскаго духа служителии чловѣковъ скверныхъ и всякого злодѣяния предстателии, хальдеов, и вавилонянь, и египтянь, и аравлянь, и финиковъ, изначала въ нечестии просиавъших, и от еллинъ елици послѣдоваша прелести Епикура и Диагора, нареченнаго безбожнаго за нечестие. Ниже бо Сократъ, ниже Платонъ, ниже Аристотель, мнящеися честнѣишии и истиннолюбезнейшеи еллинскихъ философвъ, сложишася когда звѣздозрительной прелести, якоже от списании ихъ явѣственъ является. Отнюду же якоже видится, и Аристотель, уразумѣвъ лестъ сию, яко вотьще себѣ мнить предрицательное художество, и осудивъ ю зазрѣниемъ им лжею, нѣгдѣ глаголетъ въ своихъ списании о имѣющихъ збытиса, нѣсть укончаннаа истинна и яко о сичевыхъ нѣсть ниже вѣдѣние, ниже художество»³⁵.

Этот отрывок интересен тем, что Максим причисляет к сторонникам астрологии видных греческих философов. Его интенции в данном случае не вполне понятны: возможно, он хочет показать ложность и не-

³² Там же. С. 282: «А яко сатанискими въдохновении звѣздоблостительное бѣсоучение съдѣствуется и состоится, свидѣтель неотмѣтаемъ есть священныи Августинъ Иппоненьский, въ первой главѣ Толковании миру бытия сие глаголя: “Яко астролозѣ убо многажды о будущихъ истинна предвозвѣщаютъ, обаче не толико от небесныхъ знамении, елико от неявленнаго сатаниньскаго совѣщания, еже бо чловѣческыя разумы нѣкогда и не очющающу терпят, и сиче вкупѣ сими предрицании сложения всяко со диаволомъ бывають”».

³³ *Augustinus Hipponensis. De Genesi ad litteram. II. 17. Col. 278.*

³⁴ *Savonarola. 2000. I. II. P. 43.*

³⁵ *Преподобный Максим Грек. Первое послание Ф.И. Карпову... С. 281.*

уместность древней философии, поддерживающей суеверия и тем самым угрожающей религии, и тогда Максим будет прямым продолжателем Савонаролы, который выступал против языческого наследия, особенно против Аристотеля, что не мешало ему ценить Стагирита больше остальных античных мыслителей³⁶. Если мы принимаем такую точку зрения, то становится понятным, почему у Максима Аристотель предстает исключением из правил. Однако здесь мы, тем не менее, находимся в области загадок и предположений.

В не меньшей степени интересно, что к адептам астрологии Максим причисляет Эпикура, «Диагора», которого, видимо, стоит идентифицировать как Пифагора, Сократа и Платона. Упоминание этих имен в одном контексте может лишь доказывать, что Максим не знал первую книгу «Рассуждений против прорицательной астрологии». В начале своего труда Пико делла Мирандола последовательно указывает на то, что виднейшие мыслители древности были яркими противниками астрологии: это касается Пифагора, Платона и даже Эпикура, о котором итальянский философ отзывался весьма пренебрежительно: «И если сумасшествие, овладевшее Орестом, превосходит все безумства, то каким же безумством должна быть астрология, которую не смог поддержать даже Эпикур, говоривший столько вздора»³⁷. Но интересное совпадение между Пико, Савонаролой и Максимом обнаруживается в оценке фигуры Аристотеля. Пико утверждает, что «Платон [!] и Аристотель, главнейшие философы, считали ее [астрологию – О. А.] недостойной упоминания в своих трудах, осудив ее молчанием больше, чем другие – словами и писаниями». Савонарола вторит ему в самом начале второй книги своего трактата³⁸. И почти идентичную формулировку мы встречаем у Максима Грека. На основании этого сходства можно сделать вывод, что Максим не был хорошо знаком с «Рассуждениями против прорицательной астрологии», иначе вряд ли допустил бы вышеназванные неточности. Видимо, он действительно в большей степени ориентировался на антиастрологический трактат Савонаролы, и оба приведенных фрагмента – об Августине и античной философии – навеяны этим. Косвенным

---

³⁶ Schmitt. 1967. Считается, что для более внушительной критики античной философии Савонарола попросил Пико делла Мирандола внимательно изучить наследие Секста Эмпирика, что привело к возрождению скептической традиции: *Caos*. 2001. P. 229-280; 2007. P. 263-366.

³⁷ Pico della Mirandola. 2004. Vol. I. I. P. 48.

³⁸ Savonarola. 2000. II. I. P. 53—54: «E però non è verisimile che Aristotele, principe delli filosofi, el quale si sforzò di trattare di tutte le cose naturali, avessi questa parte in tanto pretermessa che non ne avessi fatto qualche menzione».

аргументом в пользу такого вывода может служить тот факт, что эти отрывки находятся соответственно в самом начале первой и второй книг труда доминиканского проповедника, что упрощает их запоминание.

Трактаты Максима Грека – произведения яркой антилатинской полемики, направленные против специфического западного нечестия, способного осквернить чистоту православной духовности. Эти Послания отличаются значительной самостоятельностью, остротой стиля и блестящим знанием Писания и восточных Отцов Церкви. Однако в тех областях, в которых знания Михаила не были слишком широки, он прибегает к «услугам» тех, как это ни парадоксально, западных авторов, которые одними из первых поставили под сомнение ценность астрологических предсказаний и начали серьезную борьбу против них.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Пико дела Мирандола Дж.* Рассуждения против прорицательной астрологии. Книга первая / Пер. О.Л. Акоюна // АКАДНММЕІА. Материалы и исследования по истории платонизма. СПб., 2012 (в печати).
- Пико дела Мирандола Дж.* Речь о достоинстве человека / Пер. Л.М. Брагиной // Эстетика Ренессанса / Под ред. В.П. Шестакова. Т. 1. М.: Искусство, 1981. С. 248-265.
- Преподобный Максим Грек.* Сочинения. Т. 1 / Под ред. Н.В. Сеницыной. М.: Индрик, 2008.
- Farmer S.* Syncretism in the West: Pico's 900 Theses (1486): the Evolution of Traditional Religious and Philosophical System. Tempe, Arizona: Medieval and Renaissance texts and studies, 1998.
- Pico della Mirandola G.* Disputationes adversus astrologiam divinatricem / A cura di E. Garin. 2 voll. Torino: Aragno, 2004.
- Pomponazzi P.* Il fato, il libero arbitrio et la predestinazione. 2 voll. / Saggio introduttivo, traduzione e note di V.Perrone Compagni. Torino: Aragno, 2004.
- Savonarola G.* Contro gli astrologi / A cura di C. Gigante. Roma: Salerno editrice, 2000.
- Zorzi F.* L'armonia del mondo / A cura di S. Campanini. Milano: Bompiani, 2010.

Литература

- Акоюна О.Л.* Природные основания критики астрологии в трактате Джованни Пико дела Мирандола «Рассуждения против прорицательной астрологии» // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. Серия Философия. №1. 2012 (в печати).
- Иконников В.С.* Максим Грек и его время. Историческое исследование. Киев: Типография Императорского университета Св. Владимира, 1915.
- Йейтс Ф.А.* Джордано Бруно и герметическая традиция. М.: Новое литературное обозрение, 2000.
- Кудрявцев О.Ф.* Флорентийская Платоновская Академия. Очерк истории духовной жизни ренессансной Италии. М.: Наука, 2008.
- Сеницына Н.В.* Максим Грек. М.: Молодая гвардия, 2008.
- Boudet J.-P.* Entre science et nigromance. Astrologie, divination et magie dans l'Occident médiéval (XII—XV siècle). Paris: Publications de la Sorbonne, 2006.

- Cao G.M.* Scepticism and orthodoxy. Gianfrancesco Pico as a reader of Sextus Empiricus. With a facing text of Pico's quotations from Sextus // *Bruniana & Campanelliana*. XIII. 1. 2007. P. 263-366.
- Cao G.M.* The prehistory of modern scepticism: Sextus Empiricus in Fifteenth-Century Italy // *Journal of the Warburg and Courtauld Institutes*. Vol. 64. 2001. P. 229-280.
- Copenhaver B.* Magic and the Dignity of Man: De-Kanting Pico's Oration // *The Italian Re-naissance in the Twentieth Century. Acts of an International Conference*. Florence, Villa I Tatti, June 9-11, 1999 / Ed. by A.J. Grieco, M. Rocke, F.G. Superbi. Firenze: Leo Olschki, 2002. P. 295-320.
- Copenhaver B.* Secret of Pico's Oration: Cabala and Renaissance Philosophy // *Midwest Studies in Philosophy*. XXVI. 2002. P. 56-81.
- Denisoff E.* Maxime le Grec et l'Occident. Contribution à l'histoire de la pensée religieuse et philosophique de Michel Trivolis. Paris; Louvain: Desclé de Brouwer, 1943.
- Garin E.* Giovanni Pico della Mirandola: vita e dottrina. Firenze: Le Monnier, 1937.
- Federici Vescovini G.* Medioevo magico: la magia tra religione e scienza nei secoli XIII e XIV. Torino: UTET, 2008.
- Fubini R.* L'umanesimo italiano. Problemi e studi di ieri e di oggi // *Studi francesi*. LI. III. 2007. P. 504-515.
- Fubini R.* Savonarola riformatore: radicalismo religioso e politico all'avvento delle guerre d'Italia // *Idem*. Politica e pensiero politico nell'Italia del Rinascimento. Dallo Stato territoriale al Machiavelli. Firenze: Edifir, 2009. P. 249-271.
- Hankins J.* Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. Vol. I. Humanism. Roma: Edizioni di storia e letteratura, 2003.
- Pompeo Faracovi O.* In difesa dell'astrologia: risposte a Pico in Bellanti e Pontano // *Nello specchio del cielo. Giovanni Pico della Mirandola e le Disputationes contro l'astrologia divinatoria* / A cura di M. Bertozzi. Firenze: Leo Olschki, 2008. P. 47-66.
- Pompeo Faracovi O.* Scritto negli astri: l'astrologia nella cultura dell'Occidente. Venezia: Marsilio, 1996.
- Rabin S.* Pico on Magic and Astrology // *Pico della Mirandola: new essays* / Ed. by M. V. Dougherty. Cambridge; N.-Y.: Cambridge University press, 2008. P. 152-178.
- Schmitt C.* Gianfrancesco Pico della Mirandola (1469-1533) and his critique of Aristotle. The Hague: Martinus Nijhoff, 1967.
- Trinkaus C.* The Astrological Cosmos and Rhetorical Culture in Giovanni Gioviano Pontano // *Renaissance Quarterly*. Vol. 38. № 3. Autumn 1985. P. 446-472.
- Valcke L.* Jean Pic de la Mirandole. Un itinéraire philosophique. Paris: Les belles lettres, 2005.
- Vasoli C.* Profezie e profeti nella vita religiosa e politica fiorentina // *Magia, astrologia e religione nel Rinascimento*. Wroclaw: Zaklad Narodowy im. Ossolińskich, 1974. P. 16-29.
- Vasoli C.* Temi mistici e profetici alla fine del Quattrocento // *Idem*. Studi della cultura del Rinascimento. Manduria: Lacaita, 1968. P. 180-240.
- Wirszubski C.* Pico della Mirandola's encounter with jewish mysticism. Cambridge, Massachusetts: Harvard University press, 1989.
- Zanier G.* Struttura e significato delle Disputationes picchiane // *Giornale critico della filosofia italiana*. Vol. 1. № 1. 1981. P. 54-86.
- Акоюн Ованес Львович*, аспирант кафедры истории Средних веков исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; ovanes.akopyan@gmail.com

В. Н. ЗАХАРОВА

ЗАРУБЕЖНОЕ ИСКУССТВОЗНАНИЕ 1970 – 2000-х гг. О КАТЕГОРИЯХ «ИДЕАЛЬНОГО» И «ИНДИВИДУАЛЬНОГО» В ПОРТРЕТЕ ФЛОРЕНТИЙСКОГО КВАТРОЧЕНТО

Статья посвящена критическому анализу западноевропейской и американской научной литературы 1970-х–2000-х гг., затрагивающей проблемы флорентийского станкового портрета Раннего Возрождения. Основное внимание уделяется соотношению категорий «идеального» и «индивидуального», которые являются ключевыми для итальянской портретной живописи XV в.

Ключевые слова: *зарубежное искусствоведение, итальянское Возрождение, портрет, историография.*

Вопрос о категориях «идеального» и «индивидуального» в портретной живописи итальянского Ренессанса неоднократно привлекал внимание исследователей. Еще в начале XX в. Аби Варбург указывал на значение взаимодействия идеально-типизирующей и индивидуализирующей тенденций в портрете эпохи Возрождения¹. Однако лишь начиная с 1970-х гг., в связи с широким распространением социальной истории искусства, эта проблема стала последовательно рассматриваться в контексте общественных отношений.

Портрет флорентийского Кватроченто напрямую связан с двумя основными идеями итальянского Ренессанса – стремлением к подражанию, с одной стороны, и идеей разумного выбора – с другой. Как отмечает Эрвин Панофский, в эпоху Возрождения «наряду с постоянными призывами к верности природе, встречается столь же настойчивое требование выбирать всегда самое прекрасное из множества вещей <...> стремиться не к простой верности природе, а к изображению красоты»². Таким образом, ранний ренессансный портрет ставит ученых перед цен-

---

¹ «Движущие силы живого портретного искусства нельзя искать лишь в личности художника; следует учитывать, что в процессе работы портретирующий и портретируемый приходят в интимнейшее соприкосновение, которое в эпоху высокопарзозитного вкуса вовлекает обоих в сети изменчивых сдерживающе-побуждающих взаимоотношений, поскольку заказчик, желает он соответствовать господствующему и общепризнанному типу визуальной репрезентации или, напротив, считает достойной отображения именно неповторимость своей личности, так или иначе содействует обращению портретного искусства к типичному либо к индивидуальному». См.: Варбург. 2008. С. 55. В более широком контексте о взаимодействии художника и заказчика в связи с проблемой сходства в портрете см.: Винтер. 2008.

² Панофски. 2002. С. 45.

тральной проблемой миметического искусства – иллюзией в различных ее проявлениях. Именно поэтому вопрос о соотношении «индивидуального» и «идеального» в портрете принадлежит к числу проблем, наиболее обсуждаемых исследователями итальянского Возрождения.

Исходной точкой в дискуссии о соотношении «идеального» и «индивидуального» применительно к интересующему нас хронологическому периоду в историографии флорентийского портрета XV века может считаться работа Джоанны Вудс-Марсден, посвященная проблемам «идеализма» и «реализма» в портрете Кватроченто³. В этой небольшой, но содержательной статье был определен круг вопросов, впоследствии разработанных в текстах других авторов, в частности, вопрос о функции портрета в эпоху Возрождения.

Одним из ключевых моментов для американской исследовательницы становится противоречие между декларируемым ренессансными мастерами и их патронами стремлением к созданию изображений *al naturale* и одновременным тяготением к идеализации портретных образов. Опираясь на сохранившиеся письменные источники (преимущественно, зафиксированные в письмах отзывы заказчиков и стихотворные произведения, обращенные к портретам), Д. Вудс-Марсден затрагивает важный вопрос о восприятии ренессансного портрета его первыми зрителями. Приведенные ею примеры говорят о том, что в подавляющем большинстве случаев одобрение портрета его заказчиком и/или портретируемым зависело от степени идеализации внешности изображенного. Так, портреты Мантеньи, художника, не желавшего работать без модели и не стремившегося к идеализации в той же мере, как большинство его коллег, могли вызывать недовольство заказчиков избыточной верностью натуре. Более того, некоторые патроны отказывались видеть какое-либо сходство между собой и образами, созданными Мантеньей. В числе недовольных портретами живописца оказались Изабелла д'Эсте и Галеаццо Мария Сфорца. Последний «был так раздражен работой Мантеньи, что сжег листы, где были запечатлены его черты»⁴. Даже Людовико Гонзага, заинтересованный в поддержании репутации Мантеньи как выдающегося мастера был вынужден признать, что хотя «Андреа хорош в других вещах – в портретах он мог бы обладать большей грацией»⁵. В то же время искусство тяготевшего к идеализации Пизанелло воспринималось, как буквальное отражение природы: «восхищенные

---

³ Woods-Marsden. 1987.

⁴ Ibid. P. 210.

⁵ Ibidem.

талантом художника воспроизводить “формы вещей”, гуманисты утверждали, что находят его работы чрезвычайно реалистичными»⁶.

Стремление к идеализации собственного образа рассматривается Д. Вудс-Марсен, как типичное и естественное для представителей аристократии эпохи Возрождения, связанное с функциями, которыми обладал портрет в ренессансной Италии. Портреты правителей могли быть использованы «для расширения их внешней политики» или утверждения «легитимности режима» внутри государства. В частности, упомянуты случаи размещения изображений правителей во дворцах их союзников из других городов или государств, а также примеры массового производства портретов, которые могли быть подарками для князей и монархов других стран. Живописные образы властителей, как своего рода «визуальная пропаганда», должны были обладать не только сходством с изображенными «для мгновенного узнавания», но и определенной степенью идеализации⁷. Особенность подхода Д. Вудс-Марсен к портретам эпохи Возрождения заключается в том, что ее интересуют, главным образом, социальные аспекты, связанные с произведением: роль заказчика, его положение в обществе; обстоятельства исполнения заказа и место размещения портрета в итальянских палаццо XV–XVI вв. Однако такой важный вопрос как мемориальная функция ренессансного портрета, практически не рассматривается автором⁸.

---

⁶ Woods-Marsden. Op. cit. P. 209.

⁷ Ibid. P. 213.

⁸ О мемориальной функции портрета в связи с идеализацией упоминает Чарльз Розенберг: «Индивидуальные флорентийские портреты обычно предназначались для домашнего размещения, где их могли видеть преимущественно родственники и друзья. Они были <необходимы> для того, чтобы напоминать об изображенном его или ее современникам и чтобы запечатлеть его или ее внешность для будущих поколений. Две эти аудитории – настоящая и будущая, налагали две <...> обязанности на художника. Прежде всего, он должен был создать образ, имеющий сходство с моделью. Во-вторых, это изображение должно было отражать его внутренние качества, которые, по крайней мере, с точки зрения заказчика, делали его достойным памяти будущих поколений». (Rosenberg. 1993. P. 187). Об ориентации ренессансных портретов как на современников, так и на потомков косвенно свидетельствует тот факт, что они могли сопровождаться надписями, указывающими на имя изображенного даже если портрет был предназначен для домашнего размещения и выполнен при жизни модели. (Welch. 1998. P. 92). Другой подход к этому вопросу демонстрирует Лорн Кэмпбелл в своей монографии, посвященной различным аспектам ренессансного портрета. Мемориальная функция рассматривается автором, как основная для портретов данного периода. При этом в произведениях XV в. (в частности, в портретах Ван Эйка и Боттичелли) Л. Кэмпбелл видит скорее гиперболизацию индивидуальных черт модели, чем их идеализацию. (Campbell. 1990. P. 9-10; Campbell. 2010. P. 41-42).

Близкая к позиции Д. Вудс-Марсден точка зрения на портрет Ренессанса продемонстрирована в опубликованном в том же году эссе Питера Бёрка⁹. Хотя Бёрк упоминает о том, что он опирается на общие работы по истории итальянского портрета эпохи Возрождения, в частности монографию Джона Поуп-Хеннесси¹⁰, его подход отличается от традиционного взгляда на ренессансный портрет. Исследователь стремится рассмотреть портрет «не с привычной точки зрения – художников и их <...> достижений, но с точки зрения моделей»¹¹. Портрет интересует Бёрка как документ эпохи и, поскольку в XV–XVI вв. он в значительной степени оставался привилегией аристократии, как свидетельство высокого социального положения, богатства, силы и власти изображенного. Этот документ, однако, не должен восприниматься, как точное воспроизведение внешности модели. Напротив, в ренессансном портрете, с точки зрения исследователя, облик изображенного приводится в соответствие с его социальной ролью и положением¹². В этом смысле, Бёрк следует за Энрико Кастельнуово, который одним из первых указал на «важнейшую функцию» портрета Кватроченто – «демонстрировать силу, богатство, величие <...> прославлять добродетели, семейные и деловые связи, привычки <портретируемого>»¹³. Однако как специалиста по культурной истории, Бёрка значительно больше, чем идеализация черт лица, интересуют другие способы передачи статуса в портрете – жесты, одежда, украшения и аксессуары.

Статья Д. Вудс-Марсден и П. Бёрка объединяет восходящий к новаторской работе Майкла Баксандалла¹⁴ подход к произведению искусства как продукту эпохи. Сконцентрировавшись на социальных аспектах портрета, оба автора игнорируют вопрос о связи ренессансного портрета с учением неоплатонизма. Между тем, воззрения неоплатоников, в частности, Фичино, утверждавшего в своих трудах идею телесной красоты как отражения красоты души, оказали непосредственное воздействие на портретную живопись Кватроченто¹⁵. Не только члены Платоновской

---

⁹ *Burke*. 1987.

¹⁰ *Ibid.* P. 251. Бёрк ссылается на труд британского автора, впервые опубликованный в 1966 г. Мы используем последнее издание: *Pope-Hennessy*. 1989.

¹¹ *Burke*. 1987. P. 150.

¹² *Ibid.* P. 153.

¹³ *Castelnuovo*. 1973. P. 1050.

¹⁴ Книга М. Баксандалла была впервые опубликована в 1972 г. Мы используем последнее издание: *Baxandall*. 1988.

¹⁵ Тем не менее, трактовка красоты у Фичино и его последователей могла значительно отличаться от оригинальной. Как отмечает Люк Сизон, «идея Платона о взаимосвязи между красотой и добродетелью, по-разному осмысливалась в эпоху Ре-

академии в Кареджи, но и многие другие итальянские мыслители XV–XVI вв. развивали восходящую к классической античности мысль о гармоничном сочетании этического и эстетического начал. Внешняя красота воспринималась ими как отражение внутренних добродетелей.

Литературно-философские истоки идеализации в раннем ренессансном портрете были рассмотрены Любой Фридман в статье об «идеальных образах» в искусстве итальянского Возрождения¹⁶. Несмотря на обобщающее название, в центре статьи – почти исключительно созданные во Флоренции станковые живописные и скульптурные портреты Кватроченто – начала Чинквеченто. В основе авторского подхода – презумпция появления и распространения в эпоху Возрождения особой категории портретной живописи. Эта категория охарактеризована автором как тяготеющая к изображению «скорее типического, чем индивидуального, в большей степени идеального, нежели точного сходства, эталона, а не конкретной модели»¹⁷. В качестве термина, определяющего этот тип произведений, исследовательница предлагает использовать «антипортрет»¹⁸, поскольку «в этих примерах портрет перестает быть портретом в строгом смысле слова, он отрицает свою собственную природу, выходя за пределы только лишь передачи индивидуального сходства»¹⁹. Появление «антипортрета» связывается Фридман не с живописью, а со скульптурой, в частности, с творчеством Альберти, а первым его образцом назван «Автопортрет» этого мастера, созданный в 1430-е гг. и воспроизводящий не «реальный», а идеализированный образ²⁰.

В целом, концепция автора выглядит несколько прямолинейной и схематичной. Справедливо выводятся свойственные ренессансным мастерам тяготение к идеализму в портрете из реалий общественной жизни эпохи, связывая его с ренессансной верой в гармоническое сосущество-

---

нессанса. Хотя Платон предположил, что прекрасное тело и лицо человека могут быть лишь низшим выражением красоты души, <высказывания> Марсилио Фичино по поводу платоновской любви обнаруживают упрощения – красота <у Фичино> могла выступать как <понятие> более или менее синонимичное с внутренней добродетелью». См.: Syson. 2010. P. 24.

¹⁶ Freedman. 1993.

¹⁷ Ibid. P. 63.

¹⁸ Употребляемый И.Е. Даниловой термин «непортрет» не может быть использован в данном случае, поскольку И.Е. Данилова относит его к произведениям, внешне напоминающим портрет, но таковым не являющимся, а Л. Фридман говорит о произведениях, изначально задуманных как портретные изображения. См.: Данилова. 1984. С. 205; Данилова. 2005. С. 85.

¹⁹ Freedman. 1993. P. 63.

²⁰ Ibid. P. 67–68.

вание этического и эстетического и с мечтой о создании идеального человека, Фридман довольно односторонне применяет теоретический материал к рассматриваемым произведениям искусства. Стремление свести различные скульптурные и живописные портреты эпохи Возрождения к одной-единственной идее идеализации неизбежно ведет к упрощению авторской теории и желанию видеть в произведении только определенные черты. Так, сомнительным, на наш взгляд, выглядит положение о том, что «Портрет юноши» работы Донателло в Барджелло не является изображением конкретного человека, но воплощает некий абстрактный идеал, созданный силой воображения мастера²¹. К такому выводу автора статьи приводит «округлость черт лица в сочетании с отсутствием конкретного выражения», «тщательно выверенные пропорции»²² и камея с изображением колесницы с крылатым возничим на груди юноши²³.

Однако для другого исследователя портрета Кватроченто, Франка Цёльнера, та же камея является отправной точкой для выстраивания параллелей между скульптурой Донателло и идеями неоплатонизма²⁴, а в конечном счете, и связи портрета из Барджелло с реально существующей, хотя и неизвестной в настоящее время моделью²⁵. Тщательное исследование произведения Донателло позволило Цёльнеру обнаружить в нем не только идеальные, но и вполне индивидуальные черты: «две вздувшиеся вены с правой стороны <...> гладкого лба», «различные <по форме> ушные раковины, подбородок, который при взгляде спереди, выглядит выступающим, но при взгляде сбоку – мягким и срезанным», а также «слегка крючковатый нос». По мнению автора, «всё это подразу-

---

²¹ Ibid. P. 68, 74.

²² Freedman. 1993. P. 68.

²³ Камея с изображением колесницы, пары коней и крылатого обнаженного возничего. Композиция восходит к античной гемме, поступившей в собрание Лоренцо Медичи в 1471 г. (камея на сардониксе, I в. до н. э., в настоящее время находится в Национальном Археологическом музее Неаполя). Ф. Цёльнер связывает изображение на камее в произведении Донателло с «Комментарием» Фичино на диалог «Федр» Платона и с неоплатонической идеей восхождения, где колесница сравнивается с человеческой душой, а возница – с разумом. Zöllner. 2005. P. 37–39.

²⁴ Ф. Цёльнер следует за Э. Панофским, трактующим это произведение как один из наиболее ярких примеров влияния неоплатонического учения на искусство Раннего Возрождения. См.: Панофский. 2006. С. 291–292. Другим важным источником Ф. Цёльнера является Рудольф Виттковер который одним из первых акцентировал внимание на неоплатоническом смысле камеи. Wittkower. 1938.

²⁵ Некоторые итальянские исследователи полагают, что бюст из Барджелло является идеализированным портретом конкретного молодого человека, возможно, Джованни Антонио да Нарни, сына Гаттамелаты. Ciaroni, Charles. 2007. P. 22.

мевае, что изображение, хотя и сильно идеализированное, скорее всего, может быть портретом определенного <...> молодого человека»²⁶.

Пример с бюстом из музея Барджелло показывает, как предложенный Фридман термин «антипортрет» (охарактеризованный как идеализированный портрет конкретной личности) смешивается ею с понятием «идеального» образа, не являющегося портретом в принципе: ряд произведений («Портрет юноши» Донателло. «Брут» Микеланджело) названы плодом фантазии их создателей и в то же время отнесены к категории «антипортретов». В отличие от скульптурного, живописный «антипортрет», по мнению Фридман, представлял собой сочетание идеального и реального: «идеал мыслился воспринимаемым через специфические черты модели»²⁷. Автор связывает появление тенденции к идеализации в живописи с женскими портретами Боттичелли и его школы²⁸, а наивысший расцвет «антипортрета» – с произведениями Рафаэля.

Итальянская исследовательница Клаудиа Чери Виа говорит о ренессансном «идеализме» в статье, посвященной портретным образам Кватроченто и начала Чинквеченто²⁹. Важная роль в идеализации портретов XV столетия, по мнению автора, принадлежит ракурсу. Обращаясь к той же работе Мантеньи, что и Д. Вудс-Марсден (портретные изображения в Камере дельи Спози Палаццо Дукале), К. Чери Виа называет их «манифестом портретной живописи Кватроченто»³⁰ и упоминает о том, что внешность изображенных людей в данном случае была идеализирована с помощью обращения художника к профильному ракурсу. Роль профиля как средства идеализации образа восходит к античным монетам, медалям и рельефам, связь портрета с которыми автор неоднократно подчеркивает. Тем не менее, К. Чери Виа подходит к этому вопросу менее категорично, чем Э. Кастельнуово. Если Э. Кастельнуово связывает происхождение профиля в портретах Раннего Ренессанса исключительно с изображениями на античных монетах и медалях, то К. Чери Виа указывает и на другие источники этого ракурса (изображения донаторов в алтарных композициях).

Профильное изображение модели в портретах Кватроченто связывается исследовательницей с мемориальной функцией этих изображений. В качестве наиболее яркого примера подобного использования профиля автор называет посмертный портрет Джованни дельи Альбиц-

---

²⁶ Zöllner. 2005. P. 38.

²⁷ Freedman. 1993. P. 74.

²⁸ Ibid. P. 76.

²⁹ Cieri Via. 1989.

³⁰ Ibid. P. 66.

ци³¹, в котором профильное положение сочетается с надписью, привносящей символические коннотации³². В то же время, профильный ракурс мог отвечать и другому предназначению портретов XV столетия – демонстрировать значимые декоративные элементы костюма (например, вышитые геральдические эмблемы на рукавах платья) или тщательно проработанную прическу модели³³. Эта функция профиля, по мнению К. Чери Виа характерна для декоративных образов, таких как женские портреты братьев Поллайоло или Алессо Бальдовинетти.

Вопросы ренессансного «идеализма» не были оставлены без внимания авторами, принадлежащими к такому влиятельному направлению социальной истории искусства, как феминизм. Одна из наиболее известных на сегодняшний день представительниц феминистского искусствознания, Патриция Саймонс, затрагивает эту проблему в нескольких исследованиях о портретной живописи Возрождения. Хотя в ее трудах мужские и женские портреты обычно рассматриваются по отдельности, мы можем выделить некоторые общие положения, касающиеся вопросов «идеализма» и «натурализма» в портрете в целом.

Портрет итальянского Ренессанса, по мнению П. Саймонс, представляет собой «образцовый, нормативный образ, <предназначенный> для восхищения и подражания» или же «идеал, перед которым изображенный и зритель оценивают самих себя»³⁴. Причины же тяготения художников и моделей к идеализации скрыты в реалиях общественной жизни аристократии того времени, когда «потенциальная утрата силы и богатства была повсеместной и предметы материальной культуры, такие как портреты, конструировали видимую иллюзию стабильности, элитизма и уникальности»³⁵. Позиция Саймонс по поводу идеализма в портретах эпохи Возрождения и его связи с «государственной пропагандой»³⁶, демонстрирует влияние Д. Вудс-Марсден, однако показателен тот факт, что одна и та же цитата из Альберти о том, что портрет «отсутствующих делает присутствующими» («*fa gli uomini assenti essere presenti*») трактуется учеными по-разному. Так, Д. Вудс-Марсден использует фразу Альберти для подтверждения своей теории о важной роли портретов, направляемых в соседние страны для поддержания по-

---

³¹ Доменико Гирландайо. Портрет Джованни дельи Альбицци. 1488 (?). Музей Тиссен-Борнемиса. Мадрид.

³² *Cieri Via*. Op. cit. P. 65.

³³ *Ibid.* P. 65–66.

³⁴ *Simons*. 1995. P. 271.

³⁵ *Ibid.* P. 273.

³⁶ *Ibid.* P. 269.

литических союзов с правителями этих государств: «висящие на стенах <дворцов>, эти портреты служили как послы, сохраняющие лица правителей и как следствие, их главные интересы в центре <внимания> их союзников»³⁷. П. Саймонс акцентирует другое значение фразы Альберти. Она видит в ней, прежде всего, отсылку к мемориальной функции портрета и, как следствие, прославление художника, искусство которого фактически способно обессмертить человека в глазах потомков³⁸.

Статья немецкого исследователя Стефана Веппельманна, посвященная проблеме сходства в итальянских портретах Раннего Ренессанса³⁹, может рассматриваться как своего рода резюме, в котором суммированы основные идеи его предшественников: синтез «идеального» и «индивидуального» в портрете XV века, связь идеализации с добродетелью изображенного и с функцией портрета. Автор исходит из утверждения, что точное сходство с моделью не является обязательным для портретной живописи итальянского Возрождения⁴⁰. Так, женские портреты Кватроченто передают не столько индивидуальные, сколько идеальные черты, заимствованные из поэтических произведений. Идеализация внешнего облика намекает на внутреннее совершенство изображенных⁴¹. В случае с таким произведением как посмертный портрет Джованны дельи Альбицци (послуживший образцом для фрески капеллы Торнабуони в Санта Мария Новелла), увековечивание красоты и добродетелей модели играет важную роль в сохранении политического альянса семей Альбицци и Торнабуони⁴².

Значительная часть работы Веппельманна посвящена «Даме с горностаем» Леонардо да Винчи. Это произведение, с одной стороны, обращается к решению формальных проблем, затронутых в портретной живописи Кватроченто, а с другой, «открывает новую главу в истории искусства»⁴³. В портретах Раннего Ренессанса изображенный «погружен в себя, <существует> вне времени и становится только знаком, ассоциируемым с определенными качествами»⁴⁴. В портрете Чечилии Галлерани, по мнению автора, происходит отход от воспроизведения только внешнего сходства или архетипа в сторону передачи вырази-

---

³⁷ Woods-Marsden. 1987. P. 213.

³⁸ Simons. 1995. P. 269.

³⁹ Weppelmann. 2011–2012.

⁴⁰ Ibid. P. 64.

⁴¹ Ibid. P. 67.

⁴² Weppelmann. 2011–2012. P. 68.

⁴³ Ibid. P. 70.

⁴⁴ Ibid. P. 76.

тельности. Таким образом, «Дама с горностаем» рассматривается как логическое завершение поисков портретной живописи XV столетия.

Анализ зарубежной литературы 1970-х–2000-х гг., затрагивающей проблемы «идеального» и «индивидуального» в портрете флорентийского Кватроченто, позволил прийти к следующим выводам. В американской и западноевропейской историографии активно развивается мысль о сосуществовании «идеализирующей» и «индивидуалистической» тенденций в рамках одного произведения, однако большинство авторов склоняются к идее господства идеально-типизирующей тенденции в портретах XV века. Поскольку в зарубежной академической традиции эти произведения чаще всего изучаются в тесной связи с социальным положением модели и/или заказчика, а портрет в период Ренессанса был привилегией феодальной или финансовой аристократии, идеализация рассматривается как способ демонстрации добродетелей портретируемого или легитимизации режима внутри государства. Такие авторы как П. Бёрк, Д. Вудс-Марсен, П. Саймонс и С. Веппельманн, продолжая традицию М. Баксандалла, связывают идеализацию образа с социальными функциями ренессансного портрета. Л. Фридман выдвигает теорию о существовании в эпоху Ренессанса особого типа изображений, отличающихся чрезвычайно высокой степенью идеализации и охарактеризованных как «антипортреты».

БИБЛИОГРАФИЯ

- Baxandall M.* Painting and Experience in Fifteenth-Century Italy. A primer in the social history of pictorial style. Oxford, New York: Oxford University Press, 1988. 184 p.
- Burke P.* The presentation of the self in the Renaissance portrait // *Burke P.* The historical anthropology of early modern Italy: essays on perception and communication. Cambridge, New York: Cambridge University Press, 1987. P. 150-167.
- Campbell L.* Renaissance portraits: European portrait-painting in the 14th, 15th, and 16th centuries. New Haven, London: Yale University Press, 1990. 290 p.
- Campbell L.* The Making of Portrait // *Campbell L., Falomir M., Fletcher J., Syson L.* Renaissance faces: Van Eyck to Titian. Exh. cat. National Gallery, London, 2008-2009. London: National Gallery Company Limited, 2010. P. 32-45.
- Castelnuovo E.* Il significato del ritratto pittorico nella società // *Storia d' Italia*. Vol. 5: I documenti. T. 2. Torino: Einaudi, 1973. P. 1033-1094.
- Ciaroni A., Charles A.* Dai Medici al Bargello. Vol. 2: I Bronzi del Rinascimento: Il Quattrocento. Milano: *Altomani & Sons*, 2007. 237 p.
- Cieri Via C.* L'immagine del ritratto. Considerazioni sull'origine del genere e sulla sua evoluzione dal Quattrocento al Cinquecento // *Il Ritratto e la memoria. Materiali 1 / A cura di A. Gentili*. Roma: Bulzoni Editore, 1989. P. 45-92.
- Freedman L.* The Counter-Portrait: The Quest for Ideal in Italian Renaissance Portraiture // *Il Ritratto e la memoria. Materiali 3 / A cura di A. Gentili*. Roma: Bulzoni Editore, 1993. P. 63-81.

- Pope-Hennessy J.* The Portrait in the Renaissance. The A. W. Mellon Lectures in the Fine Arts. 1963. The National Gallery of Art, Washington, D.C. Bollingen Series XXXV. 12. Princeton: Princeton University Press, 1989. 348 p.
- Rosenberg C. M.* Virtue, Piety and Affection: Some Portraits by Domenico Ghirlandaio // Il Ritratto e la memoria. Materiali 2 / A cura di A. Gentili. Roma: Bulzoni Editore, 1993. P. 173-196.
- Simons P.* Portraiture, Portrayal, and Idealization: Ambiguous Individualism in Representations of Renaissance Women // Language and Images of Renaissance Italy / Ed. by A. Brown. Oxford: Clarendon Press, 1995. P. 263-311.
- Syson L.* Witnessing Faces, Remembering Souls // Campbell L., Falomir M., Fletcher J., Syson L. Renaissance faces: Van Eyck to Titian. Exh. cat. National Gallery, London, 2008-2009. London: National Gallery Company Limited, 2010. P. 14-31.
- Welch E.* Naming Names. The Transience of Individual Identity in Fifteenth-Century Italian Portraiture // The Image of the Individual. Portraits in the Renaissance / Ed. by N. Mann, L. Syson. London: British Museum Press, 1998. P. 91-102.
- Weppelmann S.* Some Thoughts on Likeness in Italian Early Renaissance Portraits // The Renaissance Portrait: From Donatello to Bellini. Exh. cat. Bode-Museum, Berlin, 2011. The Metropolitan Museum of Art, New York, 2011-2012 / Ed. by K. Christiansen, S. Weppelmann. New York: The Metropolitan Museum of Art, 2011. P. 64-76.
- Wittkower R.* A Symbol of Platonic Love in a Portrait Bust by Donatello // Journal of the Warburg Institute. 1938. Vol. 1. № 3. P. 260-261.
- Woods-Marsden J.* «Ritratto al Naturale»: Questions of Realism and Idealism in Early Renaissance Portraits // Art Journal. 1987. № 3. P. 209-216.
- Zöllner F.* The «Motions of the Mind» in Renaissance Portraits: The Spiritual Dimension of Portraiture // Zeitschrift für Kunstgeschichte. 2005. Bd. 68. P. 23-40.
- Варбург А.* Искусство портрета и флорентийское общество. Доменико Гирландайо в церкви Санта-Тринита и портреты Лоренцо Медичи и его окружения // Варбург А. Великое переселение образов: Исследование по истории и психологии возрождения античности. СПб.: Азбука-классика, 2008. С. 51-104.
- Виппер Б. П.* Проблема сходства в портрете // Виппер Б. П. Введение в историческое изучение искусства. М.: Издательство В. Шевчук, 2008. С. 265-275.
- Данилова И. Е.* Портрет в итальянской живописи кватроченто // Данилова И. Е. Искусство Средних веков и Возрождения. Работы разных лет. М.: Советский художник, 1984. С. 204-213.
- Данилова И. Е.* Судьба картины в европейской живописи. СПб.: Искусство-СПб, 2005. 294 с.
- Пановски Э.* Idea: К истории понятия в теориях искусства от античности до классицизма. СПб.: Андрей Наследников, 2002. 237 с.
- Пановский Э.* Ренессанс и «ренессансы» в искусстве Запада. СПб.: Азбука-классика, 2006. 544 с.
- Захарова Вера Николаевна**, аспирант факультета истории искусств Европейского университета в Санкт-Петербурге; vzaharova@eu.spb.ru

Г. В. БАКУС

ФИЗИОЛОГИЯ СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННОГО ПРИРОДА ДЕМОНОВ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ

Тема сексуальных отношений с демонами оставалось одной из самых популярных на протяжении всей Охоты на ведьм, в связи с чем перед представителями интеллектуальной элиты стояла непростая задача объяснить сущность этих отношений с физиологической точки зрения. Данная проблема имела принципиальное значение для концепций двух наиболее значимых сочинений данного направления – *Malleus Maleficarum* Генриха Инститориса и *De laniis et Phitonices Mulieribus* Ульриха Молитора. В обоих случаях, демон выступал в качестве необходимого условия для совершения магических действий, и особенно – злонамеренного колдовства.

Ключевые слова: демонология, злонамеренное колдовство (*maleficium*), «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*), инкубы и суккубы, интеллектуальная культура.

---

29 октября 1485 года в городе Инсбруке разразился скандал вокруг деятельности инквизитора и брата-проповедника Генриха Инститориса; поводом во многом послужил интерес к подробностям сексуальной жизни подозреваемых в ведовстве, который показался чрезмерным епископу Бриксена Георгу Гольсеру при допросе обвиняемой Анны Шеуберин. Конфликт в итоге обернулся скорым изгнанием виновника, но уже через год появился на свет трактат, получивший широкую известность под названием «Молот ведьм» (*Malleus Maleficarum*). А 10 января 1489 года, началась история еще одной книги, родившейся из того же скандала – об окончании своего труда сообщил в последних строках сочинения «О ланиях и женах-прорицательницах, именуемых по-немецки нечестивицами или же ведьмами» (*De laniis et phitonice mulieribus Teutonice unholden vel hexen*) сам автор – доктор обоих прав Ульрих Молитор из Констанца. Оба сочинения ожидал успех: согласно оценкам отечественного искусствоведа Ц.Г. Нессельштраус, насчитывается 14 изданий этой книги только до конца XV в.¹; тогда как *Malleus Maleficarum* в свой первый пик популярности с 1486 по 1519 год выдержал 13 изданий в печатнях Шпейера, Нюрнберга, Кельна, Метца, Парижа и Лиона².

Как читатель уже мог убедиться, эти два текста объединяют обстоятельства происхождения³, равно как и то значение, которое они име-

---

¹ Нессельштраус. 1999. С. 185-186.

² См.: Mackay. 2006. P. 170-171. Vol. I.

³ См.: Broedel. 2003. P.18.; Maxwell-Stuart. 2001. P. 32; 2007. P. 26.; Wilson. 1996. P. 87-100.

ли для оформления всего последующего корпуса демонологических сочинений. Даже принимая во внимание всю условность данного понятия⁴, приходится констатировать, что в Европе раннего Нового времени складывается разнородный комплекс текстов, затрагивающих проблему сущности деяний, приписываемых ведьмам и их отношениям с демонами. В отношении содержания представляется наиболее уместным определение, предложенное немецким историком В. Берингером: демонология – это наука раннего Нового времени, ныне уже не признаваемая в качестве таковой, о сверхъестественных причинах и эффектах⁵.

В свою очередь, понятие «сверхъестественное» нам необходимо для того, чтобы обозначить границы рефлексии ученой культурой позднего Средневековья такого достаточно специфического предмета как воображаемая физиология демона. Обращаясь к понятию «сверхъестественное», мы основываемся на тезисе Р. Бартлетта⁶, согласно которому понятие *supernaturalis* активно осмысляется в рамках схоластической философии и употребляется по преимуществу в специфическом контексте – как атрибут подлинного чуда. Весьма примечательно, что, даже обращаясь к материям, имеющим диаметрально противоположную оценку с позиций христианского вероучения, авторы демонологических трактатов были вынуждены вписывать свои построения в уже существующую традицию и развивать рефлексию понятия «сверхъестественное» применительно к одной проблеме – объяснения природы магического в мире, созданном по воле и замыслу Бога. В этом отношении демонология особенно наглядно демонстрирует явление, которое М.Д. Бейли охарактеризовал как *disenchantment of the world*, – осмысление магических и религиозных ритуалов как действий в большей степени символических, а не имеющих реальную силу⁷, что ярко высвечивает проявление нарождающегося рационализма новоевропейской культуры.

Интересующие нас сочинения, сыгравшие столь значительную роль в формировании всего комплекса текстов, представляют собой весьма благодарный объект для исследования, поскольку в конце XV–начале XVI в. корпус специализированных сочинений о природе злоначерного колдовства только начинал складываться, первые трактаты

---

⁴ В современной зарубежной историографии Охоты на ведьм уже неоднократно предпринимались попытки уйти от использования данного термина – так, П. Дж. Максвелл-Стюарт предпочитает именовать подобные сочинения «трактатами о ведьмстве» (*witchcraft treatises*, см.: *Maxwell-Stuart*. 2007. P. 16-17).

⁵ *Behringer W.* 2007. P. 9.

⁶ *Bartlet.* 2008.

⁷ *Bailey.* 2006.

отличается сравнительно высокой степенью авторского своеобразия. Это наблюдение вполне применимо к рассматриваемым текстам: «Молот ведьм» представляет собой классический средневековый научный трактат, организация которого строится по принципу схоластической суммы; сочинение Ульриха Молитора – объединяет в себе два чрезвычайно популярных ренессансных жанра: послание и диалог. Однако достаточно ярко выражено и то, что помимо общности происхождения два сочинения объединяет общий ход рассуждений: авторы исходят из христианской доктрины, допуская присутствие демонов в жизни человека. Специфика демонологических сочинений интересующего нас периода заключается в преимущественном внимании к делам ведьм, реальным или мнимым; прочие представители inferнального мира в текстах аналогичного содержания появляются по мере необходимости, для того чтобы объяснить сущность какого-либо из рассматриваемых преступлений. В этом отношении *Malleus Maleficarum* и *De laniis et phitonicis mulieribus* демонстрируют поразительное единство взглядов – как для Генриха Инститориса, так и для Ульриха Молитора, демоны представляют собой необходимое условие колдовства. Объяснение природы этих существ было настоятельно необходимо для понимания сущности отношений представителей inferнального мира и подозреваемых в ведовстве (так как это позволяло объяснить природу магической силы ведьм), а также для обоснования юридических санкций.

Именно это сочетание жанрового своеобразия в плане выражения и относительного единообразия в плане обвинительной составляющей позволяет нам использовать тексты Генриха Инститориса и Ульриха Молитора для выявления специфики представлений о природе демонов в ранних демонологических сочинениях⁸.

При ближайшем рассмотрении весьма отчетливо проявляется своеобразие данных текстов. Авторы «Молота ведьм», принадлежавшие

---

⁸ Мы использовали латинский текст ранних изданий «Молота ведьм», опубликованный К. Маккэем: *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Malleus Maleficarum. ...* Cambridge, 2006. Vol. I. В отдельных случаях мы прибегали к тексту позднего латинского издания Н. Басея, вышедшего во Франкфурте-на-Майне в 1580 г., оцифрованное издание которого опубликовано на сайте Библиотеки Конельского Университета (США) - *Henricus Institoris Malleus Maleficarvm in Tres Divisvs Partes... 1580*. В тех случаях, редакции текста в указанных выше изданиях отличаются, мы приводим ранний текст как основной и даем информацию о правке XVI в. в квадратных скобках. Сочинение Ульриха Молитора также привлекалось нами в различных редакциях: 1) латинское издание 1489 года – *Molitoris, Ulricus. De laniis et phitonicis mulieribus...*; 2) немецкое 1508 года – *Molitoris, Ulrich: Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc.*

к ордену братьев-проповедников (*ordo praedicatorum*), предлагают развернутую концепцию природы демонов, которая содержит подробные рассуждения об особенностях физиологии бесов, их отношении к миру людей, тяжести грехов и прочих аспектах. Первая часть трактата систематически освещает теоретические нюансы взаимодействия ведьм и демонов, этому посвящены вопросы: второй – «Католично ли полагать, что демон действует совместно с колдуном, либо же один может обойтись без другого, то есть демон без колдуна либо обращенного может вызывать подобные эффекты» (*an catholicum asserere quod ad effectum maleficalem semper habeat demon cum malefico concurrere vel quod vnus sine altero, vt demon sine malefico vel econverso, tallem effectum possit producere*), третий – «Католично ли полагать, что демоны могут порождать людей посредством инкубов и суккубов» (*quod sit catholicum asserere quod per incubus et succubos demones possint homines procreari*), четвертый – «Какими демонами это совершается» (*a quibus demonibus huiusmodi exercentur*), пятый, посвященный причинам преумножения чародейств (*an posit quoque modo catholice censeri quod origo et multiplicatione maleficorum operum processert ex influentijs corporum celestium seu ex superabundati malitia hominum et non ex spurcitijs incuborum et succuborum demonum*), шестой – «о ведьмах, предающихся демонам» (*quo ad ipsas maleficas demonibus se subijcientibus* – в этом же вопросе обсуждается почему злонамеренное колдовство распространено более среди женщин (*cur in sexu tam fragile mulierum maior multitudo maleficarum reperitur quam inter viros; cuiusmodi mulieres pre ceteris inueniuntur superstitione et malificijs infecte*) и семнадцатый, посвященный сравнению тяжести преступлений ведьм с любым грехом демонов (*grauitatem criminis ad peccata quecunque demonum comparando*).

Во второй части, разделенной на два больших вопроса, авторы «Молота ведьм» также периодически обращаются к проблематике, посвященной особенностям природы представителей inferнального мира. Так две главы первого вопроса второй части трактата обращены непосредственно к демонам – девятая «Как демоны безвредно проникают внутрь тел и голов, производя обманчивые преобразования» (*qualiter demones intra corpora et capita existunt sine lesione, quando praestigiosas operantur transmutations*) и десятая «О способе, коим демоны с помощью злокозненных ведовских деяний овладевают человеком» (*de modo quo demones per maleficarum operationes homines interdum substantialiter inhabitant*), а также первая глава второго вопроса второй части «Церковные средства против инкубов и суккубов» (*remedium ecclesiasticum contra*

incubus et succubus demones). Однако ключевым элементом в концепции *Malleus Maleficarum* выступают плотские отношения человека и демона, ибо они выступают как один из способов оформления союза с нечистой силой и являются обязательным условием злосамеренного колдовства (*maleficia*). О значении подобных отношений говорит уже то, что инкубам посвящены вопросы с третьего по шестой первой части трактата, и отдельная глава посвящена церковным средствам против этой напасти.

Следуя схоластической традиции⁹, «Молот ведьм» указывает на необходимость для совершения злосамеренного колдовства особых отношений с Врагом рода людского, в результате чего ведьмы становятся *одушевленными орудиями* (*instrumenta animata*) и теряют тем самым человеческий статус¹⁰. Отношения эти могут быть выражены через *pacta expressa* и *pacta placita*, где в первом случае подразумеваются «соглашения, оформленные с точки зрения юриспруденции», а во втором – «любобные соглашения, основанные на совпадении интересов сторон». Эти понятия появляются в «Молоте ведьм» для того чтобы обозначить степень вины *maleficorum*, то есть тех, кто практикует злосамеренное колдовство в сравнении со всеми прочими еретиками¹¹. *Pactum expressum* в предельном своем выражении это то, на чем строились отношения Фауста и Мефистофеля, – договор, опосредованный через некий письменный документ. Однако «Молот ведьм» воспроизводит гораздо более архаичные социальные реалии, которые предполагают не столько обязательное наличие письменного договора, сколько необходимость публичной торжественной присяги. Объяснение сущности этого действия в *Malleus Maleficarum* достигается посредством двух примеров из инквизиционного опыта, содержащих описание торжественного способа отречения от христианской веры и поклонения демону.

Принципиальным условием частного способа (*modus priuatus*) заключения союза с дьяволом выступает телесная либо временная печаль (*corporeali seu temporali afflictio*). Приступая к объяснению сущности *pacta placita* авторы «Молота ведьм» проявляют удивительную лаконичность. По существу, описание данного способа требует всего нескольких предложений: «<...> Другой – частный – происходит различным образом» (*Alius vero modus priuatus sit diuersis medijs*)¹². И далее:

---

⁹ По существу, авторы «Молота ведьм» развивают мысль Фомы Аквинского о том, что любой человек, принимающий помощь от демонов, заключает с ними договор либо по умолчанию, либо выраженный словесно (См.: *Cohn*. 2000. P. 113).

¹⁰ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P.* I, 2. P.230, 235

¹¹ *Ibid.*, P. 242.

¹² *Ibid.* II, 1, 1.

«Иногда же демон предстает мужам либо женам, охваченным [буквально — «окутанным»] либо некоей иной телесной или временной печалью, иногда воочию, иногда [он] обращается через посредников» (*Interdum enim viris aut mulieribus [aut] aliqua alia corporali seu temporali afflictione inuolutis demon astat, interdum visibiliter, interdum per medias alloquitur personas*). Для нас во всем этом важно, что первым обязательным условием выступает «некая телесная или временная печаль», вторым — необходимость «действовать сообразно советам того», т.е. демона (*secundum ejus [sua — так у Бассея] consilia agere*), и только после этого начинаются обязательства со стороны Князя Тьмы. Известно чем Лувый может искушать, и какие советы он подает «мужам либо женам» — для авторов «Молота ведьм» было вполне очевидно, что обязательным условием злонамеренного колдовства являются плотские отношения с инкубом / суккубом. Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что авторы «Молота ведьм» акцентируют внимание на том, что первичным является импульс со стороны человека, делающий возможными плотские связи с демоном. В этом недвусмысленно проявляется теологическая интерпретация похоти как деструктивной и вредоносной силы, побуждающей в том числе и к противоестественным связям.

Как отмечает Х.П. Бродел, ведовство для авторов «Молота ведьм» выступало как выражение женской сексуальности, причем сексуальности испорченной и извращенной — в тексте трактата нет ни одного упоминания девственницы в качестве ведьмы и сами отношения ведьм и демонов выражаются через сексуальные отношения, но не через категории еретического культа¹³. Американский исследователь видит в этом доказательство влияния на авторов *Malleus Maleficarum* той аудитории, с которой работали инквизиторы: для крестьян, равно как и для Шпренгера и Инститориса, духи и магия были не столько сверхъестественным, сколько противоестественным — и то, и другое находилось за границами общего опыта, но собственно природе не противоречило из-за резкой антропоцентричности картины мира¹⁴.

Однако обязательным условием злонамеренного колдовства для авторов «Молота ведьм» выступало обоюдное участие в предосудительных отношениях обеих сторон договора. Как мы уже могли убедиться, достаточно сложные рассуждения об обстоятельствах *pacta placita* пред-

¹³ Broedel. 2003. P. 183. Единственным исключением, которое не укладывается в данную схему, являются уже упоминавшиеся нами выше *sagittarij malefici*, стрелки-колдуны поскольку для них злонамеренное колдовство заключается в прямом и вопиющем богохульстве (*Ibid.* P. 31).

¹⁴ *Ibid.* P. 96.

шествовали выводу о том, что падение человека начинается с его желания. С объяснением участия демонов в подобных связях дело обстояло одновременно и сложнее и проще. Проще – в том отношении, что братья-проповедники, имевшие серьезную теологическую подготовку, не могли себе позволить сомнения в реальности inferнальных партнеров ведьм. Сложность же заключалась в том, что убедительное и непротиворечивое объяснение такого рода союза требовало чрезвычайно сложных умозрительных конструкций, включавших в себя рассуждения о свойствах тел, материи, etc. И, наверное, самым сложным было объяснение самой механики плотской связи между существами, столь различающимися по природе своей. Именно в этом натурфилософские рассуждения приобретали отчетливые очертания суждений об особенностях физиологии. С точки зрения авторов «Молота ведьм» обсуждению подлежали четыре аспекта: 1) собственно демон и принимаемый им телесный облик (*ex parte demonis et corporis ab eo assumpti: ex quo elemento sit illud formatum*); 2) половой акт и особенности его протекания (*ex parte actus: an semper cum infusione seminis ab altero recepti*); 3) влияние внешних обстоятельств, таких как время и место на возможности демона (*ex parte temporis et loci: an potius in vno tempore, quam in altero exerseat*); 4) некоторые частные обстоятельства: видим ли демон при этом окружающим, влияют ли обстоятельства, при которых женщина стала ведьмой, чувствуют ли они любовное наслаждение от полового акта с демоном (*an visibiliter quo ad circumstantes se agitat; ex parte mulierum: an tantummodo ille que ex huiusmodi spurcicijs procreantur, a demonibus | frequentantur, secundo: an illy quy ab obstetricibus tempore partus demonibus offeruntur, tertio: an remissior sit in talibus ipsa venerea delectatio*)¹⁵. В целом, для решения этой непростой задачи *Malleus Maleficarum* задействует наработки схоластической интеллектуальной традиции – так, рассуждая о возможности появления потомства от человека и демона, авторы «Молота ведьм» приводят значительное количество «авторитетов», суждения же Фомы Аквинского цитируются практически дословно¹⁶.

¹⁵ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Op. cit. I, 6. P. 281-282.*

¹⁶ Ср.: Сумма теологии, I, 51.3.: “*Si tamen ex coitu daemonum aliqui interdum nascuntur, hoc non est per semen ab eis decismum, aut a corporibus assumptis, sed per semen alicuius hominis ad hoc acceptum, ut pote quod idem daemon qui est succubus ad virum, fiat incubus ad mulierum*”. (Фома Аквинский. Сумма теологии... С.646). *Malleus Maleficarum. I. 3.*: “*Verum est, quod procreare hominem est actus viui corporis, sed cum dicitur, quod demones non possunt dare vitam, quia illa fluit formaliter ab anima, [iterum – у Басея слово отсутствует] verum est, sed quia materialiter discinditur a semine et demon incubus illud immittere potest deo permittente per coitum et non tanquam ab eo discimum sed per semen alicuius hominis ad hoc acceptum vt dicit sanctus doctor [S.*

В трактате Молитора данной проблематике были посвящены два вопроса из девяти, а именно вопросы шестой «Может ли дьявол в образе человека сочетаться с такими женами-ведьмами в качестве инкуба» (*Sexto vtrum cum talibus maleficis mulieribus possit dyabolus incubando in forma hominis commisceri*) и седьмой «Возможно ли рождение детей из такой связи» (*Septimo vtrum ex tali coitu sit possibile generari filios*). Любопытно, что первый немецкий перевод, приписываемый перу самого Ульриха Молитора, в соответствующем разделе (*Capitela vnd fragstück dieses tractatus*) содержит только один вопрос на ту же тему – «Может ли злой дух наяву принимать мужское обличье с низкими злыми женами и развратничать с ними» (*Zû dem sechßten ob der böß gaist in menschlicher gestalt mit sollichen bößen weiben sichtbarlich müg wandlen vnd natürlich vnkeuschait mit ynem verbringen*). По каким-то причинам из теоретического обсуждения в немецком тексте оказался исключен вопрос о возможности рождения ребенка из подобной связи.

Еще более интригующим представляется то обстоятельство, что заявленный в начале трактата перечень вопросов в действительности не соответствовал разбивке текста на главы, и возможность отношений подобного рода обсуждалась снова и снова в пятой, шестой и десятой главах трактата. Общий ход рассуждения сводится к следующему. В пятой главе от лица Конрада Шатца утверждается, что никто не сомневается, что дьявол может появляться в образе человека (*Nemo dubitat, quin Diabolus in forma hominis apparere possit*). В качестве подтверждения приводятся жития святых (св. Мартина, Антония, Элигия). Причем в тексте присутствует нарочитое акцентирование на «физиологическом» аспекте данной проблемы. Оно задается вопросом Сигизмунда: «Могут ли демоны спать с подобными женами и совокупляться с ними (*an Dæmones possint cum talibus mulieribus dormire, & coire cum eisdem*)?» Об акценте на физиологической составляющей можно судить уже по названиям последующих глав – глава шестая «Может ли родиться ребенок в результате совокупления демонов с женщинами» (*An ex coitu Dæmonum cum mulieribus patrato potit nasci puer*), глава десятая «Может ли дьявол в образе человеческом сочетаться с такого рода женами в качестве инкуба и может ли родиться ребенок в результате такого рода совокупления» (*An Diabolus possit in forma hominis cum huiusmodi mulieribus incubando commisceri et ex huiusmodi coitu possint pueri nasci*).

Tho – у Бассея] in *Prima Parte*. (q. li. ar. iij.) vt pote quod idem demon qui est succubus ad virum, fiat incubus ad mulierem, sicut etiam aliarum rerum semina assumunt ad aliquarum [aliquam– у Бассея] rerum generationem, vt Aug. dicit (ij. *De Trinitate*)” (*Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Op. cit. I,3. P. 251*).

В ходе обсуждения со ссылкой на «Историю Артура, короля Британии» (in historijs Arcturi Regis Britanniae) появляется и привлекает большое внимание фигура волшебника Мерлина, который, как считалось, появился из подобной связи. Упоминание этого имени ставит вопрос о возможности предвидения будущего и познания тайн (В том числе — секретов эрцгерцога Сигизмунда Габсбурга, под эгидой которого и была написана книга). И тем более интригующим представляется тот факт, что проблему, которой было уделено примерно треть от общего объема трактата, Молитор удостоивает только одним лаконичным заключением, гласящим, что дьявол в качестве инкуба или суккуба никоим образом детей породить не может (pueros generare nullo modo potest); дети же такого рода, если и появляются, оказываются либо подкинутыми, либо призрачными. В целом, по общей направленности сочинение Ульриха Молитора во многом следует «Молоту ведьм», однако, в отличие от последнего, в трактате «доктора обоих прав из Констанца» не обсуждаются вопросы натурфилософского характера.

Принципиальное значение имеет то обстоятельство, что скептическое отношение к возможностям ведьм (под сомнением оказывается не только возможность плотских отношений с демонами, но и весь спектр обвинений в целом) весьма своеобразно соотносится с позицией Молитора относительно судебного преследования обвиняемых в злонамеренном колдовстве. Седьмое заключение De laniis et phitonicis mulieribus посвящено выяснению степени вины такого рода злословящих женщин (huimsmodi maledictae mulieres); оно демонстрирует двойственность позиции Молитора – хотя и ничего в действительности совершить не могут, они не противятся дьявольским козням, а потому впадают в отступничество от истинного и чистейшего Бога, сами становятся жертвой всесожженной Дьяволу и совершают ему приношения (sibique Diabolo holocaustomata & oblationes offerendo). Вердикт Молитора: «они заслуживают смерти» (morte plecti debent). В этом и заключается уникальность позиции Молитора: если для демонологов-скептиков XVI–XVII вв. (Иоганн Вейер, Фридрих фон Шпее) несостоятельность следствия означала несостоятельность обвинения, то для автора De laniis et pithonicis mulieribus это обстоятельство было основным поводом заявить о собственном авторитете¹⁷. Справедливости ради следует отметить, что Ульрих

---

¹⁷ Подавляющее большинство историков констатирует скепсис Молитора в вопросах преследования ведьм. Наиболее последовательно этот тезис отстаивает В. Берингер, который полагает, что Молитор был потенциальным оппонентом «Молота ведьм» и доказательство этому видит в самой структуре сочинения, поскольку в данный диалог не был включен доминиканец или инквизитор (Behringer. 2007. P. 74.).

Молитор не был таким уже беспринципным карьеристом, готовым отправить подозреваемых на смерть только потому, что те были невоздержанны в своих несбыточных мечтах. Его позиция сводилась к тому, что невозможность физического контакта человека и демона вовсе не означает нравственной чистоты подозреваемых, которые вполне могли участвовать в других предосудительных связях. Пятый вопрос звучал как «Могут ли заклинательницы и лании ездить верхом на намазанной палке, либо на волке или на каком ином животном и быть перенесёнными с места на место до игрища-пиршества своего, где они пьют, обедаются, вступают между собой в связи и веселятся» (*Quinto vtrum incantatrices et lanie possint super baculum vnctum super lupum seu aliud animal equitare & ad sui conuiuij ludum de loco ad locum traduci vbi bibant & commedant ac mutuo se cognoscant atque delectentur*).

Скепсис Молитора в отношении реальности подобных отношений имеет для нас принципиальное значение, поскольку для богословов высокого средневековья непорочное зачатие представляет собой чудо, событие, произошедшее вопреки привычному ходу вещей; неспособность дьявола повторить это чудо, указывает на ущербность его природы. Все, на что оказывается способным Враг рода человеческого – *praestigia*, обман, пародирующий замысел Творца. Это обстоятельство имело фатальные последствия для обвиняемых в ведовстве: если переживание мистической связи с Божеством имело следствием возвышение человеческой души, то аналогичная ситуация с демоническим неизбежно вела к деградации человека. И если греховное деяние не имело места в реальности, само желание совершить таковое свидетельствовало о порочности души и, следовательно, виновности подозреваемого. В «Молоте ведьм» эта тенденция присутствует более отчетливо. Тема чудес в нем появляется достаточно часто, однако, магические операции в качестве таковых не рассматриваются. Маг (*Magus*), действующий согласно заключенному с демоном договору (*pacto inito cum demone*) может совершить нечто кажущееся чудесным в глазах человека, воспользовавшись услугами демона, который силой своих природных способностей может сделать нечто, противоречащее порядку сотворенной природы (*qui sua naturali virtute potest facere aliquid preter ordinem naturæ create*), однако подлинным чудом это не будет. Непреодолимой границей для возмож-

---

Однако для ближайших потомков подобная позиция была не очевидной и, как следствие, не актуальной. Лучшим доказательством этого является уже упоминавшийся нами «синтез печатника», при котором *Malleus Maleficarum* и *De laniis et pithonicis mulieribus* оказывались объединенными буквально под одной обложкой.

ностей мага является то, что он не в силах сделать что-либо вопреки всей сотворенной природе посредством всех сотворенных сил нам неизвестных (*quia non potest operari preter ordinem totius nature create et per omnes virtutes creaturarum nobis ignotarum*)¹⁸.

В определенном смысле *Malleus Maleficarum*, равно как и прочие демонологические сочинения, разрушают ореол чудесного вокруг магических практик в той мере, в какой пытаются предложить объяснение поступкам, приписываемым ведьмам. Нечто объясненное перестает быть сверхъестественным в тот момент, когда становится понятным. В этом отношении демонология представляет собой нечто противоположное агиографии, и интересовавшие нас в данной статье трактаты являются не чем иным, как каталогами ложных чудес, разоблаченных и выставленных на всеобщее обозрение. Однако специфика данных текстов этим не исчерпывается. Не менее важным качеством выступает их ориентация на существующие социальные нормы, предполагавшая соотнесение изучаемых практик с ценностями христианских добродетелей. В нашем случае таким объектом выступает магия в сугубо специфическом проявлении злонамеренного колдовства. Именно в этом в наибольшей степени проявляется потенциал интерпретаций из области физиологии. Сколь надуманными не казались бы описания природы демонов, их главное назначение заключалось в том, чтобы обозначить сопоставимость демонической и человеческой составляющей магических практик, что для конкретных обвиняемых могло означать только одно: последовательное разрушение человеческого статуса.

Как показал К. Шрайнер, среди средневековых теологов бытовало представление о том, что душа и тело образуют единство, и на основании этого существует способность считывать по движениям тела (*motus corporis*) движения души (*motus animae*), видеть в лице (*facies*) зеркало сердца (*speculum cordis*) и рассматривать телодвижения (*gestus corporis*) внешние знаки, свидетельствующие о внутренних намерениях (*signum mentis*)¹⁹. В нашем случае предметом обсуждения выступали якобы имевшие место асоциальные поступки, обладавшие большим потенциалом метафорического объяснения. Содержательное наполнение понятия *maleficium* во многом совпадает в интерпретации обоих трактатов: по сумме действий, интерпретируемых как злонамеренное колдовство, картина оказывается в значительной мере схожей: *maleficia* – это сознательные вредоносные действия, направленные против добропорядоч-

---

¹⁸ *Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. I, 5. P. 275-276.*

¹⁹ *Шрайнер. 2007. С. 155.*

ных христиан, сочетающиеся с демонстративным вероотступничеством и сексуальной извращенностью. Причем, авторы обоих сочинений исходят из того, что злостное колдовство не может быть описано исключительно как агрессивные магические действия («порча»), направленные против *других* участников социума («добрых христиан»), но обязательно предполагает деградацию сущности самого непосредственного участника предосудительной практики. Иными словами, злостное колдовство в своей разрушительности сказывается не столько на пострадавших, но, прежде всего, – на самой ведьме.

БИБЛИОГРАФИЯ

Источники

- Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. I. Вопр. 1-64 / Ред-я Н. Лобовица и А.В. Апполонова; пер. А.В. Апполонова. М.: Издатель Савин С.А., 2006.
- Henricus Institoris O. P.* and *Jacobus Sprenger O. P.* Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction. 615 p.
- Henricus Institoris* Malleus Maleficarvm in Tres Divisvs Partes, In quibus Concurrentia ad maleficia, Maleficiorum effectus, Remedia aduersus maleficia, Et modus deniq; procedendi, ac puniendi Maleficos abundè continentur, præcipuè autem omnibus Inquisitoribus, et diuini verbi Concionatoribus utilis, ac necessarius. Auctore Iacobo Sprengero Ordinis Prædicatorum, olim Inquisitore. His nunc primùm adiecimus, M. Bernhardi Basin opusculum de artibus magicis, ac Magorum, maleficijs. Item. D. Vlrici Molitoris Constantiensis, de Lamijs et Pythonicis mulieribus Dialogum. Item. D. Ioannis de Gerson. Olim Cancellarij Parisi[...], de probatione Spirituum, libellum. Item. D. Thomæ Murner ordinis Minorum, libellum, de Pythonico contractu. Omnia. – Frankfurt am Main: apud Nicolaum Bassaeum, – 1580 [электронный ресурс] URL: <http://dlxs2.library.cornell.edu/cgi/t/text/text-idx?c=witch;idno=wit060>. (время доступа: 7.02.2012).
- Ulrich Molitoris*. Von den unholden oder hexen. Tractatus von den bösen weiben die man nen[n]et die hexen etc. Augspurg 1508 URL: <http://daten.digital-e-sammlungen.de/~db/bsb00004293/images/>; (время доступа: 7.02.2012).
- Ulricus Molitoris*. De lanijs et phitonicis mulieribus Teutonice vnholden vel hexen. Reutlingen, 1489 URL: <http://diglib.hab.de/wdb.php?dir=inkunabeln/179-2-quod-2> (время доступа: 7.02.2012).

Литература

- Нессельтпраус Ц. Г.* Немецкая первопечатная книга: Декорировка и иллюстрации. СПб.: Аксиома, РХГИ, 2000. 272с.
- Шрайнер К.* Nudis pedibus. Шествие босиком как ритуал религиозный и политический / Пер. с нем. М. Бойцова // Казус: индивидуальное и уникальное в истории. М., 2007. С. 15-70.
- Bailey M. D.* The Disenchantment of Magic: Spells, Charms, and Superstition in Early European Witchcraft Literature // The American Historical Review. Vol. 112. April 2006. URL: <http://www.historycooperative.org/journals/ahr/111.2/bailey.html> (время доступа: 7.02.2012).

- Behringer W.* Witches and Witch-Hunt. A Global History. Cambridge, Malden: Polity, 2007. xxii, 338 p.
- Bartlett R.* The Natural and Supernatural in the Middle Ages. Cambridge: Cambridge univ. press, 2008. 180 p.
- Broedel H. P.* The Malleus Maleficarum and the construction of witchcraft: Theology and popular belief. Manchester and New York: Manchester univ.press, 2003. 209 p.
- Cohn N.* Europe's inner demons: the demonization of Christians in medieval Christendom. Chicago and London: Chicago univ. press, 2000. xiv, 274 p.
- Mackay C. S.* General Introduction // Henricus Institoris O. P. and Jacobus Sprenger O. P. Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by Christopher S. Mackay. Cambridge: Cambridge univ. press, 2006. Vol. I. The Latin Text and Introduction.
- Maxwell-Stuart P. G.* Introduction // The Malleus Maleficarum. Ed. and tr. by P. G. Maxwell-Stuart. Manchester and New York: Manchester univ.press., 2007. P. 1-38.
- Maxwell-Stuart P.G.* Witchcraft in Europe and the New World, 1400-1800. New York: Palgrave, 2001.viii,120.
- Wilson E.* Institoris at Innsbruck: Heinrich Institoris, the Summis Desiderantes and the Brixen Witch-Trial of 1485 // Popular Religion in Germany and Central Europe, 1400-1800. New York, 1996. P. 87-100.
- Бакус Григорий Владимирович**, ассистент кафедры всеобщей истории Тверского государственного университета; bakusgrig@mail.ru

И. Е. АНДРОНОВ

«МАГДЕБУРГСКИЕ ЦЕНТУРИИ» ЗАМЫСЕЛ, АВТОРЫ, ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ

Историческое сочинение, известное как «Магдебургские Центурии» (1559-1574), положило начало длительной полемике между лютеранскими и католическими историками. Важнейшим стимулом к формированию замысла сочинения стало временное прекращение заседаний Тридентского Собора в 1552 г. Идея «Центурий» родилась совместными усилиями нескольких интеллектуалов-лютеран. В статье рассматриваются обстоятельства зарождения концепции, формирование и деятельность авторского коллектива до выхода в свет первого тома.

Ключевые слова: историография, история церкви, Магдебургские Центурии

В эволюции исторической мысли второй половины XVI в. особую роль сыграла церковная историография. Бурная дискуссия между протестантами и католиками стала полигоном, на котором формировались первые всемирно-исторические концепции, разрабатывался системный подход к источникам, углублялись познания в ряде вспомогательных исторических дисциплин. Старт дискуссии дал вышедший в 1559 г. первый том сочинения по истории церкви, написанного коллективом авторов в нескольких германских городах – «Магдебургских Центурий»¹. Зарождение новаторского научного замысла, имевшего столь звонкий успех и долгое эхо, является объектом рассмотрения в настоящей статье.

С момента своего появления на свет учение Лютера находилось в непримиримом противоречии с католической доктриной. Это обстоятельство весьма расстраивало императора Священной Римской империи Карла V: его планы по созданию сверхдержавы шли вразрез с целями новой религиозной идеологии. После первоначального распространения «лютеранской чумы» он, правоверный католический государь, попал в сложнейшее положение: ситуация превращала его в главного проводника папской идеологии, в то время как государственный интерес заставлял стремиться к политической независимости прежде всего от папства. Реформация практически спровоцировала раскол внутри его империи в преддверии великой борьбы не только внутри христианского мира (за

---

¹ Полное название книги – *Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica.*

создание сверхдержавы), но и вовне его (против турок). Поощрять поддерживавшие Лютера княжества император не мог, поскольку в борьбе за верховенство светской власти над папской собирался сделать из своих католических земель мощный форпост. Оставаться безучастным тоже было невозможно – конфликт зашел слишком далеко, и над императором витала тень возможного обвинения в ереси.

Естественно, что Карл, прежде всего, стремился минимизировать конфликт. По его приказу был подготовлен текст доктринального примирения между собой подданных Священной Римской Империи – католиков и лютеран (так называемый «Интерим», от латинского слова *interim* – «тем временем»). После череды конфликтов вокруг различных версий Интерима в 1548 г. был разработан новый документ – так называемый «Лейпцигский Интерим». Для удобства достижения компромисса было разработано особое понятие – адиафора (множественное число от греческого слова *ἀδιάφορον* – «безразличное», «неважное»). В эту категорию были отнесены все вопросы, компромисс по которым представлялся маловероятным, но сами они не отличались кардинальной важностью в данной острой политической ситуации. Меланхтон с радостью воспринял возможность достижения компромисса и счел потери от уступок несущественными. Сблизив протестантов и католиков (а еще больше протестантов и Карла), этот новый проект породил раскол в среде лютеран: группа несогласных с примирительной позицией Меланхтона интеллектуалов стала называть себя гнесиолютеранами.

Тем временем углублялась политическая составляющая конфликта между лютеранами и католиками. В 1545 г. открылся Тридентский Собор. Католическая сторона продемонстрировала готовность использовать в противостоянии разнообразный административный ресурс, которому лютеранам было нечего противопоставить. Требовалось найти новое, революционное средство идеологической борьбы, которое смогло бы компенсировать отсутствие такого ресурса у последователей Лютера.

Идея привлечь в идеологический конфликт историческую аргументацию датируется 1552 годом. В исторической литературе распространена точка зрения, согласно которой решающую роль в обращении лютеран к исторической проблематике сыграло ориентирование нового богословия непосредственно на текст Писания². После перевода Библии на немецкий язык важнейший для той эпохи исторический источник оказался доступен широкой массе читающих людей. Занимавшиеся толкованием Писания интеллектуалы постепенно распространили свой кру-

---

² См., например, *Massner SS. 74ff.*

гозор на созвучные по проблематике сюжеты из других эпох, и со временем они стали складываться в стройную концепцию. На наш взгляд, эта теория недостаточно принимает во внимание гуманистическое прошлое многих лидеров лютеранской мысли. Как показывает биографический материал, многие протестантские интеллектуалы пришли к экзегетике Писания и библейской герменевтике через исторические штудии.

Более оправданной видится другая точка зрения, выводящая зарождение интереса к истории Церкви из непосредственных обвинений противниками друг друга в отступлении от данного Господом порядка вещей. Католическая сторона изначально делала ставку на древность своей традиции и пиетет, который эта традиция должна была вызывать в душах верующих. После появления первых документов Тридентинского Собора лютеранам пришлось опровергать утверждение оппонентов о «вредной новизне» своего учения, наносящего ущерб вековой стабильности римской церкви. «Новизна» становится в глазах католиков символом ущербности новой идеологии. Выражение *postri saeculi povatores* получает теперь широкое хождение по страницам сочинений полемистов-католиков; обвинение в новизне воспринималось самими лютеранами крайне болезненно³. А ведь согласно представлениям лютеран середины XVI в., их критика римской церкви, их политические взгляды были залогом возврата к истинной церкви Христа. Без опоры на исторический материал, однако, их доказательства повисали в воздухе. В пользу «политического» происхождения интереса к истории говорит не только полученный (в виде «Центурий») результат – аргумент а *posteriori* не может быть корректным. Впервые тезис о необходимости обратиться к истории прозвучал в речи Меланхтона на похоронах Лютера, т.е. на мероприятии массовом и отчасти политическом⁴. Лютеране утверждали об исконности своих представлений о церкви и ее роли в общественной жизни. Идея «истинной древности» их взглядов требовала, однако, своего исторического доказательства.

Принимавшиеся Тридентским Собором решения стали, без сомнения, стимулом, который подстегнул действия оппонентов. Дело было не только в том, что Рим перехватил идеологическую инициативу и грозил перейти в наступление в борьбе за души верующих. Материалы Второго тридентского созыва (сессии XII-XVI, 1551-1552)⁵ сами по себе не могли бы вызвать обеспокоенность лютеранских лидеров. Они были

³ *Catalogus testium... Praefatio*, p. A.

⁴ См., в частности, *Scheible S. 17f.*

⁵ См. также *Sacrosanctum Concilium... P. 135ss. The Council of Trent... P. 73ff.*

посвящены в основном проблеме таинств, греху и покаянию, а также некоторым другим частным проблемам церковного права. Были предприняты первые попытки усовершенствования устройства католической церкви, нацеленные на устранение наиболее бросающихся в глаза недостатков. Эти попытки пока не имели системного характера и не подразумевали глубокого преобразования церковной жизни, однако слово *Reforma* уже использовалось в качестве официального обозначения принятых Собором мер. Попытки сближения с протестантами закончились выявлением глубокого идеологического противостояния. В работе Собора был объявлен двухлетний перерыв «для достижения мира в Германии», который автоматически продлялся в случае отсутствия этого мира⁶. Война так и не началась, но в распоряжении «протестантов»⁷ было минимум два года для того, чтобы подготовиться к новому идейному наступлению Рима. Сразу после приостановления заседаний Собора в 1552 г. папа Юлий III распорядился создать особую конгрегацию кардиналов и других иерархов, задачей которой была разработка концепции реформ. Дело опять застопорилось, но сам факт такого поворота не мог не обеспокоить протестантов⁸.

Все чаще встречавшееся вне Собора отношение к учению Лютера как «ереси» представляло для его последователей явную угрозу. На последних сессиях Римская церковь явно стремилась закрепить определение «реформа» за собственной политикой⁹. Если бы ей это удалось, если бы для лютеранского учения были отведены слово и концепт «ереси» и если бы расставленные таким образом терминологические акценты получили освящение временем, то все приобретенное в предшествующие века негативное значение понятия «ересь» ударило бы по облику последователей Лютера в глазах еще не до конца определившихся верующих, а особенно – князей мира сего. До тех пор, пока у учения Лютера нет своей фундаментальной фактологической базы, позволяющей выйти за пределы божественного и описывать состояние человеческого

---

⁶ *Sacrosanctum Concilium...* P. 214-216; *The Council of Trent...* P. 126-130.

⁷ В документах Тридентского Собора лишь дважды – и то с оговорками – встречается слово «протестанты». *Il qui se protestantes nominant* (XIII сессия, 11 октября 1551 г.), *eos qui se protestantes vocant* (XV сессия, 21 января 1552 г.). См. *Sacrosanctum Concilium...* P. 159 et 210.

⁸ Сарпи сообщил, что после создания этой коллегии «вначале за реформу взяли рьяно, а затем из-за множества препятствий несколько месяцев работа велась ни шатко ни валко, а в конце концов совершенно затихла». *Sarpi*. P. 283.

⁹ Об «ожидании реформы» в церкви после Констанцкого Собора см. *Jedin*. Bd 1. S. 23ff. Особенно последовательно нынешняя концепция католической реформы представлена в двухтомнике *Marcocchi*.

общества через события «истории человекoв», оно не выходит за рамки многочисленных движений по критике церкви¹⁰. Казалось, что двухлетний перерыв, объявленный в работе Собора, будет достаточным для того, чтобы заложить солидную теоретическую опору для выхода идеологического противостояния на новый уровень. Именно этими обстоятельствами объясняется тот факт, что Меланхтон обратился к мысли о необходимости написания большого исторического сочинения.

В 1553 г. поставленная Меланхтоном задача стала предметом обсуждения в переписке двух гуманистов – Каспара фон Нидбрука (1525-1557) и Матиаса Флация (1520-1575). Оба были личностями весьма примечательными. Каспар фон Нидбрук родился в Лотарингии и получил обширное гуманистическое образование: в 1539 г. учился в Страсбурге, затем посещал лекции в Орлеане, Эрфурте и Виттенберге (именно там в 1546 г. он познакомился с Флацием). Завершил образование Нидбрук в Падуе и Болонье, приобретя, помимо многих других «обязательных» для гуманиста XVI в. знаний, блестящее владение основными европейскими языками. Вскоре после завершения образования Нидбрук начал дипломатическую карьеру. В 1550 г. протестант поступил на службу к императору-католику Карлу V и получил доступ к самым потайным механизмам европейской политики. Нидбрук много путешествовал, и это лишь способствовало расширению его гуманитарного кругозора. Известно, что при подготовке посольской миссии 1554 года он планировал посещение в германских государствах свыше 30 библиотек, а спустя месяц его список включал более сотни частных собраний¹¹. Нидбрук скупал также рукописи и редкие издания, значительно обогатив императорскую библиотеку в Вене. Он всячески поддерживал идею создания протестантской версии церковной истории и снабдил ее авторов ценнейшей информацией об источниках. С ее помощью авторский коллектив «Центурий» значительно расширил круг своих источников, благодаря чему их труд вышел на уровень, недоступный прежним историкам.

Виттенбергский профессор был всего на пять лет старше своего студента. Матиас Флаций (в русской литературе встречается также Матфей Фляций¹², Влачич¹³, Матиас Флаций Иллирийский¹⁴) родился в

---

¹⁰ Манфред Вихелаус заметил, что вообще исторические сочинения последователей Лютера следует рассматривать сквозь призму важнейшего для Лютера вопроса (“Schicksalsfrage”) конституирования его движения (“Kirche oder Sekte?”). См. об этом *Wichelaus*. S. 111.

¹¹ *Allgemeine Deutsche Biographie*. Bd. 52, Leipzig, 1906, S. 625.

¹² *Лебедев*. С. 207 и далее.

¹³ *Культура Возрождения. Энциклопедия*. С. 863.

1520 г. на полуострове Истрия. Ученые не пришли к единому мнению относительно его национальности, однако его принадлежность к итальянской культуре несомненна. Истрия в то время являлась частью Венецианской республики, через посредство которой была включена в различные экономические и культурные процессы, характерные для гуманистической Италии. Мать мальчика происходила из итальянской дворянской семьи и воспитывала его в строгом религиозном духе¹⁵. Начальное образование Матиас (тогда еще, конечно, Маттиа) получил от отца и частных учителей, а затем – в Венеции, где учился у видных гуманистов и посещал университетские лекции. Но религиозные искания юноши не позволили ему завершить образование. Едва не вступив в орден францисканцев, молодой человек по совету своего дяди – видного деятеля Ордена Бальдо Лупетино¹⁶ – отправился в Германию. В 1539 г. он слушал лекции в Базеле, затем – в Тюбингене и Виттенберге. Именно в Виттенберге Флаций начал в 1544 г. преподавательскую деятельность. К 1552 г. он имел за плечами не только опыт профессуры в университете, бывшем главным оплотом лютеранского богословия. Оживленная полемика по различным теологическим и политическим вопросам выдвинула молодого человека на первые позиции в среде лютеранских богословов. Возможно, он уступал младшему товарищу в эрудиции и знал меньше современных языков, зато владел историко-философской проблематикой. Особенным уважением Флаций пользовался среди гнесиолутеран, которые считали его одним из своих лидеров.

Поворот Флация к истории, так сказать, в личном измерении начался в 1550 г. Сравнивая современные ему католические требники с древними, он обнаружил любопытные расхождения, которые и описал в довольно остроумной брошюре¹⁷. Среди других исторических сочине-

---

¹⁴ Брокгауз, Ефрон. С. 116.

¹⁵ См. (Mattiae Flacii Illyrici) *Demonstrationes evidentissimae...*

¹⁶ Бальдо Лупетино – очень примечательная личность. Диссидентствующий францисканец испытывал симпатии к лютеранству, которые привели его к пожизненному заключению (1543), а затем (после отказа принести покаяние и отречься от своих взглядов) – к жуткой смертной казни через утопление в Лагуне (1556). Этот эпизод добавляет яркую краску к характеристике духовного климата Чинквеченто.

¹⁷ Отметим, что этот текст был одновременно (и у одного издателя) напечатан на немецком и латинском языках, что говорит о нацеленности не только на близкую Флацию, но и отдаленную от него аудиторию. *Eine freundliche, demütige und andechtige Erinnerung an das hl. Volk und königliche priestertthumb des Antichrists, von der Besserung des heiligen Canons oder Stilmessen, Magdeburg, 1550. Amica humilis et devota admonitio M. Fl. III. ad gentem sanctam, regaleque Antichristi sacerdotium de corrigendo sacrosancto canone Missae. Magdeburgae, 1550.*

ний небольшого формата в том же году Флаций подготовил и немецкий текст «Против мнимого могущества и примата Папы»¹⁸. Эти и другие тексты переиздавались в изданиях, составленных из работ отдельных авторов-лютеран по отдельным моментам церковно-исторической проблематики и очень напоминающих сегодняшние сборники научных статей. Главной и довольно объемной работой Флация, написанной в ходе подготовки первого тома «Центурий», стал «Каталог свидетелей истины» (1556)¹⁹ – развернутый перечень авторов, в сочинениях которых можно было обнаружить расхождения с официальной католической доктриной, особенно в части преемственности развития церкви от эпохи Христа до начала XVI в. Эта работа еще ждет детального исследования. Согласно расхожему мнению, «Каталог» был написан как своего рода источниковедческий справочник для «Центурий»²⁰; на самом деле этот текст имеет самостоятельное значение и обладает некоторыми параметрами полноценного исторического исследования. В полемике против католиков ему отводилась особая роль, которая не была исчерпана после обнаружения исторической концепции «Центурий»²¹.

Нидбрук предлагал разбить новое сочинение на три части, посвященные соответственно «заблуждениям относительно Учения», «заблуждениям относительно обычаев» и отдельным негативным явлениям (последнее подразумевало историю возникновения привилегированного положения церкви и церковников). Нидбрук очертил и круг источников: помимо Священного Писания, он охватывал и корпус церковных писателей, сочинения против еретиков, уставы Орденов – одним словом, обширную, но без особого труда находимую литературу²².

В случае реализации этот проект представил бы собой довольно крупное сочинение, пронизанное историческим пессимизмом (при том, что собственно «историей» оно не являлось бы). Альтернативная концепция Флация изначально подразумевала изложение исторического континуума – непрерывную, хронологически строго выстроенную исто-

---

¹⁸ Widder die vermeinte gewalt... Подробнее об этом тексте см. *Preger*. Bd. 2. S. 415. Латинский текст был подготовлен позже и вышел под заголовком *Contra commentitium primatum papae* в 1554 г. в коллективном труде *Historia certaminum...*

¹⁹ *Catalogus testium...*

²⁰ Авторитетная «Оксфордская энциклопедия Реформации» сводит значение этого текста до «удобной в использовании подборки мелких источников». *The Oxford Encyclopedia of the Reformation* V. 2, P. 110-111.

²¹ Достаточно сказать, что «Каталог» был переиздан в расширенной и дополненной версии в 1562 г. – в году выхода 5 и 6 центурий.

²² Г. Шейбле реконструировал замысел Нидбрука, воспользовавшись сохранившейся в Вольфенбюттеле перепиской немецких ученых. См. *Scheible*. S. 19ff.

рию. По мере совершенствования своего замысла Флаций осознал удобство выдвинутой Нидбруком классификации, сформулировав свое видение проблемы не только в письмах, но и в ряде небольших работ, посвященных историческим вопросам. В частности, было признано разумным разделить общий исторический процесс на несколько составляющих его сквозных факторов, по которым можно было бы удобно классифицировать отдельные исторические факты и сообщения (*loci*).

Каспар Нидбрук ограничил свое участие в проекте эмоциональной и информационной поддержкой, а также продвижением его в тех кругах, в которых он вращался – среди дипломатов и государственных деятелей. Собственно историей он не занимался. Почему? Прегер говорил, что Нидбрук был «одним из самых способных духовных лиц протестантизма»²³, и это затрудняло сотрудничество с ним. Флацию пришлось подыскивать сотрудников, амбиции которых не стали бы препятствием для создания коллективного труда. Возможно, это предположение и имело под собой почву, но, на наш взгляд, настоящая причина его отстраненности от практических занятий историей была банальнее. Дипломатические обязанности, особенно после того, как он стал ближайшим советником молодого племянника Карла V, будущего императора Максимилиана II, не оставляли ему времени для профессионального научного творчества, тем более что выдвигаемые авторами идеи требования к профессионализму были очень высоки.

Поиск сотрудников затянулся. В 1554 г. Маркус Вагнер начал целенаправленный сбор материала. Проработав полгода в личной библиотеке Нидбрука, он отправился в очень долгий вояж, посетив, помимо длинного ряда немецкоязычных стран, Данию и Шотландию. Ставка была сделана на поиск ранее неизвестных или малоизвестных документов, описывающих ранние века христианской церкви. Задачей Вагнера было, прежде всего, искать старые церковные требники, особенно эпохи до Григория Великого, материалы инквизиции и процессов против верующих, сочинения против Антихриста, «которых в библиотеках еще полно», сочинения папистов против истинно верующих и впоследствии преследовавшихся или осужденных (т.е. тексты, проводящие папскую идеологию), а особенно – письменные свидетельства вальденсов. Очевидно, по первоначальному замыслу, именно эти тексты должны были составить основной корпус источников Центурий. Обращает на себя внимание тот факт, что с сегодняшней точки зрения подборка может показаться довольно тенденциозной и направленной на доказательство

---

²³ *Preger*. Bd. 2. S. 418.

заранее заданной точки зрения. Следует только помнить, что в самом корпусе «Центурий» материал данных источников широко дополнен другим, который здесь не приводится – Писанием, сочинениями Отцов и Учителей, схоластов, официальными документами римской Курии и т. д. Материал, который мог свидетельствовать в пользу Рима, был – благодаря просветительской и пропагандистской деятельности папства – более доступен, и за ним не надо было никого никуда отправлять. Оставалось еще огромное книжное и другое богатство самого Рима, папские (а также монастырские, диоцезанские, епископские) библиотеки, но они становились все менее доступными по мере того, как в Рим просачивались известия о подготовке крупнейшими мыслителями-протестантами загадочной, но очень масштабной публикации. Первые следы противодействия папистов сбору исторической информации можно отнести к 1552 г.: в одном письме²⁴ Флаций жаловался, что агенты Рима уже начали оказывать противодействие его проникновению в библиотеки. Несколько лет центуриаторы работали, по выражению А.П. Лебедева²⁵, «яко тати в нощи». Источники собирались практически во всех европейских странах, в том числе и в Московии²⁶; среди сборщиков материалов, помимо немцев, были французы, швейцарцы и др.

К разработанному Флацием плану прилагались подробные списки авторов, трудам которых сборщики информации должны были уделить особое внимание. Обстоятельства иногда подсказывали новые формы работы. Например, Флаций привлекал к доставке материала по вальденсам неких лионских кушцов; женевакского книгоиздателя Роберта Стефана он отправил по тамошним библиотекам, пригласил к сотрудничеству базельского книготорговца Опорина (который впоследствии издаст в своей типографии и «Каталог свидетелей истины»), и сами «Центурии»). Флаций допускал, что печатные и рукописные тексты могут иметь свои лакуны, и поэтому – при общей нацеленности именно на дошедшие письменные свидетельства – он не желал упускать и источники других видов. Например, было дано указание опрашивать стариков, не слышали ли они, чтобы кто-то где-то проповедовал истинное учение либо в отношении всей религии, либо в отношении отдельных ее частей²⁷. При этом отметим сравнительно невысокую самостоятельность сборщиков и даже старшего из них – Вагнера. Он не принимал решений даже тогда, когда они были очевидны: когда в австрийских библиотеках он обнару-

---

²⁴ Ritter. S. 62.

²⁵ Лебедев. С. 208.

²⁶ Там же. См. также Schulte. S. 92.

²⁷ Ritter. S. 64 ff.

жил исключительно ценные тексты, которых не числилось во флациевых указаниях (конечно, потому, что сам Флаций об их существовании не знал и не предполагал), то решил прежде списаться с центром. Как только в Магдебурге узнали, что найдена греческая рукопись св. Григория Богослова, съеденная молью рукопись Алкуина о Троице и десяток других, не менее редких текстов, Вагнеру была дана команда немедленно отправить все в Магдебург нарочным. Отсюда мы делаем неопровержимый вывод, что манускрипты (по крайней мере, в данном случае) не копировались, а выкупались (либо отчуждались иным способом), и в Центр отправлялись подлинники. Этот эпизод показывает, какие задержки приходилось испытывать из-за того, что авторитет Флация значительно превосходил авторитет его помощников.

При сборе материалов центуриаторы пользовались помощью частных лиц. Сюда относятся и предоставленные в их пользование частные собрания, и специально спланированные целевые закупки. Свои библиотеки предоставили многие князья и просто богатые лютеране. В остальном поиск материала был затруднен. Римские монастыри и епископские библиотеки пускали к себе с трудом, не только потому, что боялись чего-то конкретного в виде центурий, но просто из-за того, что не очень доверяли рекомендательным письмам князей мира сего: один раз о Вагнере подумали, что он изучает деяния римских императоров, чтобы обнаружить указания на древнегерманские «свободы», т.е. особые привилегии германцев по отношению к другим жителям Римской империи. При общем невысоком знании истории такие привилегии представлялись как вполне вероятные, а значит, могущие составить повод для конфликта с римской Курией, к тому же конфликта, основанного на документе. Естественной реакцией в этой обстановке было не допустить хитрого ученого мужа к документам. Подозрительность некоторых ответственных за хранение книжных и архивных ценностей церковных иерархов, а также отсутствие выраженной церковной позиции по отношению к такого рода деятельности привели к тому, что центуриаторы оказались лишены некоторой существенной части теоретически доступных тогда архивных документов. Если самые распространенные папские документы – буллы, постановления Соборов, решения Трибунала и т.д. были доступны повсеместно, то некоторые другие скрывались за замками монастырских ворот. Рим еще не сталкивался (еще вообще никто не сталкивался) с возможностью идеологической диверсии с опорой на исторические источники, поэтому никому и в голову не приходило разрабатывать меры противодействия и вообще как-то рационально регулировать доступ к информации.

Постепенно Флаций подобрал и других сборщиков материала, и работа пошла веселее. Уже в 1557 г., то есть всего 4 года спустя после начала сбора и составления первых планов, Флаций писал Вагнеру, что теперь следует ограничить поиск материалами об эпохе, следовавшей за 1000 г.: о первом тысячелетии христианства материала уже достаточно. Справедливости ради скажем, что этого материала было больше и, так сказать, в открытом доступе – ведь и Писание, и вся огромная патристика, и работы Учителей, и постановления Соборов касались именно этой более древней эпохи. Тем не менее, указание Флация было выполнено пунктуально: XI, XII и XIII тома Центурий носят отпечаток заметного избытка материала, найденного после 1557 г.

Вопрос о материальном обеспечении проекта с самого начала стоял остро. При составлении первых планов работы Флаций рассчитывал, что какой-нибудь светский государь отложит на этот проект часть доходов с церковного имущества в своих владениях. Однако в 1566 г. (когда вышло уже 9 томов!) Флаций жаловался, что ни один из князей, ни один город, кроме Линдау (за что этот город был удостоен посвящения ему целой отдельной центурии), до сих пор не сделал ни одного взноса на проект. Король Дании, правда, обещал отчислять ежегодно по 200 гульденов, но обещания не выполнил. Средства удавалось раздобыть только от частных лиц – они чаще всего упомянуты в посвящениях. Считалось, что относительно удачным был сбор средств в городе Регенсбурге, но абсолютные цифры все равно вызывали уныние²⁸. Вагнер путешествовал главным образом на средства Нидбрука. Один из лидеров проекта Виганд работал бесплатно и даже сам вносил пожертвования. Денег не хватало, приходилось напрягаться и зачастую работать в долг. Имеются свидетельства, что простым работникам вообще задерживали зарплату²⁹.

Одной из причин слабого финансирования следует считать конфликт, поссоривший Флация с Меланхтоном и его ближайшими последователями. Флаций в 1558 г. переехал в Йену, где стал профессором кафедры новозаветной теологии. В эти годы между Флацием и Меланхтоном (оставшимся в Виттенберге) велась оживленная полемика вокруг адиафоры, а также по целому ряду других богословских поводов: ситуация была подчас довольно накаленной. Тем не менее, Флаций продолжал эффективно руководить начатым историческим проектом. Поначалу, когда ему только поручили создание авторского коллектива, желающих

---

²⁸ В 1557 г. там было собрано 100 гульденов. Эта сумма больше, чем может показаться (годовой оклад Флация как профессора университета в Йене составлял 300 гульденов), но, конечно, для такого затратного проекта совершенно недостаточна.

²⁹ *Preger*. Bd. 2, S. 429.

было так много, что кандидатуры приходилось отклонять. Легко находилась замена и тем, кто по каким-то причинам не справлялся с возложенными задачами. Однажды за нерадивость и пьянство был уволен один из сотрудников коллектива, некий Теодорих Атропей фон Цволь. Затаив обиду, он поехал в Виттенберг и там пожаловался Меланхтону, что в Магдебурге собрались злоумышленники, которые под видом работы над историческим сочинением против папистов готовят массивное опровержение тезисов Меланхтона и вообще невиданной силы удар по адиафористам. Меланхтон в некоторые его товарищи позволили себе некоторые упреждающие выпады против готовящихся Центурий, причем нанесли их не напрямую, а чужими руками. Помимо прочего, это поставило в известность о подготовке такой книги и явного врага – римскую Курию. Были пущены в ход обвинения в присваивании авторами «немецкого золота» и всяких прочих махинациях. Разгорелся скандал. Некоторые «молодые ученики Меланхтона» взялись рьяно отстаивать его доброе имя, но вместо того, чтобы представить какие-нибудь доказательства, стали поднимать на смех сотрудников. Между лютеранскими лидерами поселилась подозрительность, которая нанесла движению значительный вред. Обвинения в краже (денег, манускриптов, выкупленных для проекта книг) продолжались даже после смерти Флация и были с энтузиазмом подхвачены первыми профессиональными «опровергателями» из католического лагеря. Окончательно доброе имя Флация было очищено от жестоких обвинений лишь в XIX в.³⁰

Эта грязная история нанесла проекту большой вред, снизив его привлекательность для возможных спонсоров. Чтобы минимизировать ущерб, проект было решено рассекретить. В 1558 г. была выпущена замечательная брошюра, в деталях описывающая работу авторского коллектива – своего рода «открытое письмо» ко всем лютеранам³¹. Из нее мы знаем, как происходила подготовка этого труда и какие слухи вокруг работы «мужей из Магдебурга» доставляли им особое неудобство. Отметим, что данная брошюра представляет не этапы складывания коллектива и даже не сколько-нибудь длительно существовавшую структуру, а ее «временной срез» 1557-58 гг., т.е. того этапа, когда этот коллектив достиг максимальной эффективности. Эта эффективность проявит себя в частоте выхода первых томов «Церковной истории», отличавшихся четкой взаимосвязанностью, всеохватностью материала, строгой выдержанностью в соответствии с замыслом.

---

³⁰ См. *Preger*. Bd. 2, S. 430ff.

³¹ *De ecclesiastica historia...*

Штатный коллектив (*Collegium gubernatorum et operariorum*) в финале подготовительного этапа составлял 15 человек: 5 руководителей (*gubernatores*) и 10 исполнителей (*operarii historici*). Руководителями (они иногда назывались «инспекторы») были сам Флаций, магдебургский консул Эбелинг Алеман, доктор медицины Мартин Кёппе, священник знаменитой магдебургской церкви св. Ульриха Иоганн Виганд и диакон той же церкви Маттеус Юдекс. Историческими исследованиями эти люди не занимались – их обязанности были скорее административного характера: «инспекторы» председательствовали на заседаниях коллектива, нанимали новых работников и определяли их сферы ответственности, осуществляли общее руководство и составляли воедино части текста, выполняя, таким образом, функции своеобразного главного редактора коллективного труда. Именно их именами будут подписаны тексты «Посвящений», предпосланных каждому тому. Один из них был казначеем и выплачивал сотрудникам гонорар (вероятно, Алеман или Копус, которые в одном из писем Флация названы *quaestores*)³². «Инспекторы» не считались «рабочими-историками» (*operarii historici*), и историческая эрудиция была далеко не главным критерием. Подбирая «инспекторов» Флаций руководствовался их «твердой верой» и чистоплотностью в денежных делах – они были материально ответственными лицами. Степень их воздействия на концепцию, тем не менее, была колоссальной, и дело не только в том, что они определяли структуру труда и «проходили напильником» (*sub lima*) готовый текст. Именно они сообщали всему проекту мощный антикатолический заряд, ведя коллектив в нужном идеологическом направлении³³.

Первой задачей по обработке материала была подготовка первичных выписок (*loci*). Их делали уже профессиональные историки (должность называлась *studiosus*), и их имена нам известны: Амброзий Хидфельд, Давид Цицелер, Каспар Леулункулус, Вильгельм Раденсис, Николай Боймюллер, Бернгард Нигер, Петер Шродер. Эти мужи либо сами путешествовали по книгохранилищам, либо исследовали тексты,

---

³² Вероятно, личность кассира держали в секрете, чтобы не спровоцировать криминальных последствий. Центуриаторы поддерживали официальную точку зрения, согласно которой всю ответственность как за гонорары, так и за возмещение дорожных расходов, покупку книг и рукописей и т.д. нес сам Флаций. См. *De ecclesiastica historia... P. Aiiii-B*.

³³ На крупной выставке, устроенной в 2005 г. в Мюнхене обществом «*Monumenta Germaniae Historica*», Иоганн Виганд был вообще назван «главным автором Магдебургских Центурий»; при всей категоричности этого утверждения оно, несомненно, имеет некоторый резон. *Die "Magdeburger Centurien"...* S. 25.

которые для них добывали самыми разнообразными способами их оставшиеся для нас безымянными коллеги. «Исследователи» были основной рабочей силой проекта; по замыслу руководителей, эти люди должны были отличаться «образованностью и средней способностью к рассуждению» (*doctrina et iudicio mediocri praeditos*). Каждому из них инспектора назначали группу источников («списки авторов»), которые они должны были аккуратно конспектировать, двигаясь в историческом континууме от столетия к столетию. Эта работа не воспринималась как особенно творческая: «исследователей» неоднократно сравнивали с «прилежными и трудолюбивыми пчелками»³⁴, которые летают с цветка на цветок и собирают нектар. Они проделали колоссальный объем работы, но нигде при описании авторского коллектива мы не встречаем высоких оценок их труда. Одной из причин может быть особенное понимание труда историка: прилежание и трудолюбие еще воспринимались как второстепенные профессиональные качества.

Работа «исследователей» передавалась в руки двух «архитекторов» (в брошюре 1558 г. они именуются *Magistri*) Базилия Фабера и Панкратия Фельдпока. «Архитекторы» были истинным стержнем проекта. Они должны были отличаться не только выдающейся ученостью и «справедливостью суждений», но и возрастом (*aetate, doctrina et rectitudine iudicii praestantibus*), то есть, видимо, авторитетом в глазах «исследователей». «Архитекторы» не только контролировали работу «исследователей»; они перерабатывали полученный материал, в некоторых случаях требуя расширения информационной базы. Кроме того, они отвечали за экспозицию материала, отбирали достойное помещения в окончательный текст, следили за связностью изложения. Основной их задачей было расположить поступивший к ним в виде «единиц информации» материал строго по заранее установленным главам и разделам тома. Отметим, что один из *Magistri*, а именно Фабер, подписывал «посвятельные письма» в начале каждой Центурии наравне с «инспекторами». «Инспекторы», в свою очередь, просматривали работу обоих «архитекторов» и иногда сами принимали участие в переработке. Для переписывания готового текста набело был даже специальный переписчик; удивительно, что он был один. Вероятно, его звали Конрад Агриус.

После долгих исканий была определена единая схема, в соответствии с которой века христианской истории описывались один за другим.

---

³⁴ Например, “*sedulae ac industriae apiculae ex variis locis ac floribus convexerunt...*” (*De ecclesiastica historia... P. B*). “*quasi apiculae quaedam*” (*Ecclesiastica historia... I. Praefatio. P. B2s*). См. также *Лебедев. С. 210*.

Ни одна из созданных предшественниками моделей не годилась: описывая в основном деяния отдельных личностей, они практически не касались других сюжетов, которые, по мнению авторов «Центурий», и составляли суть исторического процесса. Проект, в котором внимание уделялось бы таким факторам исторического процесса, как эволюция церковного церемониала, доктринальных споров или системы управления церковью, был назван его авторами «историей (наи)более убедительной и полной»³⁵. Центуриаторы сформулировали 16 основных проблем церковной истории, сообразно которым каждое столетие получало 16-частное описание. Анализ структуры труда и общей концепции «Центурий» – это тема отдельного исследования; отметим, что историческое знание еще не имело примеров такого систематического подхода, к тому же так тщательно исполненного.

Многотомное сочинение Флация и его товарищей вызвало бурную реакцию католического лагеря. Оно способствовало не только повсеместному привлечению истории в качестве фактологического фундамента для идеологической борьбы, но и выходу дискуссии на более высокий профессиональный уровень. Благодаря этому сочинению лютеранство фактически конституировалось в полноправную церковную доктрину, снабженную теперь таким важным атрибутом, как собственная всемирно-историческая концепция.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь. Т. 36. СПб, 1902. 918 сс.
 Культура Возрождения. Энциклопедия. Т. 1, М., РОССПЭН. 2007. 863 с.
 Лебедев А. П. Церковная историография в главных ее представителях с IV до XX в. СПб, Алетейя, 2001 (3-е изд.). 474 с.
 Allgemeine Deutsche Biographie. Bd. 52, Leipzig, Duncker und Humblot, 1906. 742 с.
 Amica humilis et devota admonitio M. Fl. Ill. ad gentem sanctam, regaleque Antichristi sacerdotium de corrigendo sacrosancto canone Missae. Magdeburgae, Mich. Lotther. 1550. A1-8.
 Ecclesiastica Historia, integram ecclesiae Christi ideam quantum ad locum, propagationem, persecutionem, tranquillitatem, doctrinam, haereses, ceremonias, gubernationem, schismata, synodos, personas, miracula, martyria, religiones extra ecclesiam et statum Imperii politicum attinet, secundum singulas Centurias, perspicuo ordine complectens: singulari diligentia et fide ex vetustissimis et optimis historicis, patribus et aliis scriptoribus congesta per aliquot studiosos et pios viros in urbe Magdeburgica. In 13 vv. Basileae, Oporinus. 1559-1574.
 (Matthiae Flacii Illyrici) Catalogus testium veritatis, Qui ante nostrae aetate reclamarunt Papae. Basileae, Oporinus. 1556. 1095 p.

³⁵ «Historia nervosior et plenior». De ecclesiastica historia... P. A2.

- (Mattiae Flacii Illyrici) Demonstrationes evidentissimae de essentia imaginis Dei et Diaboli, justitiaeque ac injustitiae originalis, una com testimoniis veterum ac recentium theologorum. Basileae, apud Pernam, 1570. 36+326 p.
- (The) Council of Trent. The canons and decrees of the sacred and oecumenical Council of Trent Ed. J. Waterworth. London, 1848. 119 c.
- De ecclesiastica historia: quae Magdeburgi contexitur, narratio, contra Menium et Scholasticorum Wittebergensium epistolas a gubernatoribus et operariis ejus historiae edita Magdeburgi. Cum responsione Scholasticorum Witebergensium ad eandem. Witebergae, 1558. A1-G4.
- Eine freundliche, demütige und andechtige Erinnerung an das hl. Volk und künigliche priesterthumb des Antichrists, von der Besserung des heiligen Canons oder Stilmessen, Magdeburg, Matth. Lotther. 1550. Pp. A1-B4.
- Historia certaminum inter Romanos Episcopos et sextam Carthaginensem Synodum, Africanasque Ecclesias, de primatu seu potestate Papae, bona fide ex authenticis monumentis collecta. Quaedam vetusta monumenta, unde potissimum praedicta Historia desumpta est. Item Contra primatum Seu tyrannidem Papae. Basileae, 1554, s. t. 214 c.
- Jedin H. Geschichte des Konzils von Trent. Bd 1. Der Kampf um das Konzil. Freiburg, 1949. XIII+643 c.
- Marcocchi M. La Riforma cattolica. Documenti e testimonianze. 2 voll., Brescia, Morcelliana. 1967. 589+414 c.
- (Die) “Magdeburger Centurien” und die Anfänge der quellenbezogenen Geschichtsforschung. München, 2005. 28 c.
- Massner J. Kirchliche Überlieferung und Autorität im Flaciuskreis. Studien zu den Magdeburger Zenturien. 1964. 110 c.
- (The) Oxford Encyclopedia of the Reformation. H. J. Hillerbrand (ed.). New York, Oxford, 1996. 2016 c.
- Preger W. Mattias Flacius Illyricus und seine Zeit. Bdd. 1-2. Erlangen, 1859-1861.
- Ritter J. B. Matthiae Flacii Illyrici, Ehemals berühmten und gelehrten Theologi in Theutschland Leben und Tod. (2e Aufl). Franckfurt u. Leipzig 1725. 210 c.
- Sacrosanctum Concilium Tridentinum, additis declarationibus Cardinalium Concilii Interpretum... Augustae Vindelicorum, Matth. Rieger et filiorum. 1781. 895 p.
- Sarpi P. Istoria del Concilio Tridentino. Torino, Einaudi, 1974. 608 p.
- Scheible H. Die Entstehung der Magdeburger Zenturien. Ein Beitrag zur Geschichte der Historiographischen Methode. Gütersloh, 1966. 78 c.
- Schulte J. W. Beiträge zur Entstehungsgeschichte der Magdeburger Centurien. Neisse, 1877. 172 c.
- Wichelaus M. Kirchengeschichtsschreibung und Soziologie im neunzehnten Jahrhundert und bei Ernst Troeltsch. Heidelberg, 1965. 530 c.
- Widder die vermeinte gewalt, und Primat des Babsts, zu dieser zeit, da die ganze welt sich beflieisset, den ausgetriebenen Antichrist, widderumb in den tempel Christi zu setzen, nützlich zu lesen. Magdeburg, Chr. Röd. s. a. A1-E2.

Андронов Илья Евгеньевич, кандидат исторических наук, доцент МГУ им. М.В. Ломоносова; orgizomenos@gmail.com

С. В. ФЕДОТОВ

КНИЖНИК ИННОКЕНТИЙ ДИВНЫЙ И НАЧАЛО ЛИТЕРАТУРНОЙ ШКОЛЫ МОНАСТЫРЯ РОЖДЕСТВА БОГОРОДИЦЫ ПОД БОРОВСКОМ

Иннокентий Дивный, один из «древних» учеников Пафнутия Боровского заложил основы литературной школы Боровского монастыря Рождества Богородицы. Именно он является автором Повести о преподобном Пафнутии, созданной после 2 мая 1477 и до февраля 1479 г. Его литературному стилю присущ подчеркнутый автобиографизм. Иннокентий был келарем обители, входил в состав соборных старцев и мог претендовать на должность игумена после смерти Пафнутия. Вопрос о выборе нового настоятеля стал одной из причин конфликта среди монастырской братии.

Ключевые слова: монастырские библиотеки, скриптории, монастырские литературные школы, агиография, Пафнутий Боровский, Иннокентий Дивный, Иосиф Волоцкий (Санин), Свято-Пафнутиев Боровский монастырь, Иван III Васильевич.

Изучение деятельности монастырских скрипториев, складывания и развития монастырских литературных школ является одной из наиболее актуальных задач в современных исследованиях.¹ К сожалению, творчество целого ряда сообществ монастырских книжников до сих пор остается вне поля внимания исследователей. К их числу принадлежат и книжники Пафнутиева Боровского монастыря.

Обитель Рождества Богородицы под Боровском была основана преподобным Пафнутием в 1444 г.² В последней четверти XV – первой половине XVI в. из стен монастыря вышли крупные церковные деятели и писатели: Иосиф Волоцкий, Вассиан Санин, митрополит Макарий³. Не подлежит сомнению, что в Пафнутиевом Боровском монастыре к концу XV в. не только была собрана очень хорошая библиотека, но и сложилась своя школа книжности. Монастырская библиотека второй половины XV – XVI вв., как и архив за этот период, погибли во время пожара 1610 года после взятия обители штурмом войсками Лжедмитрия II,⁴ что делает практически невозможным изучение ее полного состава. Но списки произведений, созданных книжниками этого монастыря, дошли до нас в составе рукописей других монастырских библиотек.

---

¹ Подробнее об этом см.: Крушельницкая. 2004. С. 3.

² Будовниц. 1966. С. 225.

³ Будовниц. 1966. С. 228; Дробленкова. 1989. С. 76–88; Лурье. С. 1988. С. 125–126, 434–439; Макарий (Веретенников), архимандрит. 2002; Хруцов. 1868.

⁴ Леонид (Кавелин), архимандрит. 1859. С. 13–14; Осипов. 1997. С. 172.

В центре внимания настоящей работы – фигура Иннокентия Дивного, с именем которого связано начало литературной школы Пафнутиева Боровского монастыря. Для рассмотрения выбраны два ключевых вопроса – литературное творчество инока и его деятельность в обители.

На Иннокентия Дивного и его литературную деятельность исследователи обратили внимание еще во второй половине XIX в. И.П. Хрущов и И.С. Некрасов отметили, что он был автором Повести о преподобном Пафнутии, в которой описаны последние восемь дней жизни старца и его погребение⁵. Особая заслуга в изучении творчества Иннокентия Дивного принадлежит В.О. Ключевскому. Он, во-первых, аргументированно датировал Повесть о преподобном Пафнутии 1477 или 1478 годом⁶; во-вторых, показал, что именно этот памятник послужил одним из источников Жития преподобного Пафнутия Боровского⁷; в-третьих, обратил внимание на то, что Иннокентием Дивным был также написан Канон преподобному Пафнутию⁸. С конца XIX и до начала XXI в. литературная деятельность Иннокентия Дивного почти не становилась объектом специального изучения. В работах Н.П. Барсукова, Д.С. Лихачева, Я.С. Лурье, Л.А. Дмитриева, А.В. Топильской суждения о его творчестве основаны на выводах В. О. Ключевского⁹. Исключением в этом смысле является лишь статья Л.А. Дмитриева, в которой рассмотрены некоторые жанровые особенности Повести о преподобном Пафнутии и своеобразие стиля Иннокентия Дивного¹⁰. Подводя итог своим наблюдениям, исследователь писал о необходимости «дальнейшего внимательного и глубокого» изучения памятника и деятельности его автора¹¹.

Повесть о преподобном Пафнутии неоднократно издавалась: впервые в 1871 г. В.О. Ключевским¹², затем трижды – Л.А. Дмитриевым¹³. Однако, несмотря на несколько публикаций, ни Повесть о преподобном Пафнутии, ни ее автор так и не получили должного внимания со стороны исследователей.

---

⁵ Хрущов. 1868. С. XXVIII; Некрасов. 1870. С. 36–38.

⁶ Ключевский. 1871. С. 207.

⁷ Там же. С. 206–207.

⁸ Там же. С. 207.

⁹ Барсуков. 1882. Стб. 426–427; Лихачев. 2006. С. 144–145; Истоки русской беллетристики... С. 419–420; История русской литературы... С. 208–209; Лурье. 1988. С. 404–405; ПЛДР. 1982. С. 663–664; Повести и сказания Древней Руси. С. 982–983; БЛДР. 2005. С. 519; Жития святых... С. 147–151.

¹⁰ Дмитриев. 1987. С. 59–64.

¹¹ Там же. С. 64.

¹² Ключевский. 1871. С. 439–453

¹³ ПЛДР. С. 478–513; Повести и сказания... С. 403–420; БЛДР. С. 254–285.

Повесть о преподобном Пафнутии сохранилась полностью только в одном списке в составе религиозно-нравоучительного сборника, который в настоящее время хранится в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в собрании Иосифо-Волоколамского монастыря (фонд 113), № 515 (далее – РГБ, Вол., № 515)¹⁴. Сборник написан на 535 листах разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат сборника в 4°.

Сборник РГБ, Вол., № 515 принадлежал Марку Левкеинскому, инок Иосифо-Волоколамского монастыря, жившему в XVI в.¹⁵ Об этом свидетельствуют пометы на полях листов сборника. На нижнем поле 1 листа сохранилась часть записи полууставом: «**Съборник Марѣка Левѣкъ...**». Другая помета содержится на обороте 533 листа: «**Съборник Марка Левѣкъѣвнѣскаго**». Кроме того, на обороте 1 листа содержится сохранившийся фрагмент другой пометы: «**Макарен читал сню**». Состав и краткое палеографическое описание сборника РГБ, Вол., № 515 даны в работах иеромонаха Иосифа и П.М. Строева под № 319¹⁶. В этих описаниях рукописей сборник Марка Левкеинского датирован XVI веком¹⁷.

На наш взгляд, текст Повести о преподобном Пафнутии содержит достаточно информации для аргументированного решения вопроса об авторстве в пользу Иннокентия Дивного. Еще В.О. Ключевский обратил внимание на небольшой отрывок, в котором автор говорит о себе в первом лице и тут же называет свое имя: «**Таже рече ми старецъ: “Иннокентътен!” Азъ же прилѣжно зрѣхъ на священънцю его главѣ, что хощеть рещи**»¹⁸. Отметив приведенный фрагмент как убедительное свидетельство авторства Иннокентия Дивного, Ключевский счел проблему решенной и не стал рассматривать ее более детально. Однако представляется необходимым остановиться на атрибуции Повести подробнее.

Как видно из рассмотренного примера, характерной особенностью стиля автора Повести о преподобном Пафнутии является употребление местоимений первого лица единственного числа. Автор хорошо осознавал, что часто пишет именно о себе и своей роли в происходящих событиях, и в связи с этим он отметил: «**Отци и братне! Да никъто же ми зазритъ, понеже множицею себе именую. Увы моему оканьству! Аще ли себе ѹмлъчно, вся имам ложна писати**»¹⁹.

¹⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 395–419.

¹⁵ Дмитриева. 1989. С. 102–103.

¹⁶ Иосиф, иеромонах. 1882. С. 149–154; Строев. 1891. С. 138–140.

¹⁷ Иосиф, иеромонах. 1882. С. 149; Строев. 1891. С. 138.

¹⁸ РГБ, Вол., № 515. Л. 410 об.; Ключевский. 1871. С. 206, прим. 1.

¹⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 410 об.

Помимо частого употребления местоимений первого лица автор иногда указывает и свое имя. В.О. Ключевским был отмечен лишь один из таких случаев. Однако в тексте Повести о преподобном Пафнутии их можно найти больше. Рассмотрим другие фрагменты текста, в которых автор одновременно говорит о себе в первом лице и называет свое имя: «Таже по малѣ глагола ми: “Братѣ Иннокентѣте! Правѣду ли се ты глаголеши?” Мънѣ же молчащѣ, еда како смѣтихъ старьца»²⁰; «Старець же глаголаше: “Никто же ми сие сотвори, точно Иннокентѣте, томѣ се повелѣвшѣ”²¹. Азъ же и рещи не смѣяхъ, что о семъ неповиненъ есмь»²¹; «Мънѣ же и окъна не дошедшѣ, ученикъ старьцевъ възъзва со ужасомъ: “Иннокентѣте! Иннокентѣте!” Азъ же скоро объративъся, рѣхъ: “Что видиши?”»²².

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что автором Повести был именно Иннокентий Дивный, неоднократно упоминавший свое имя в тексте памятника. Кроме того, они наглядно показывают, что литературный стиль этого книжника отличается ярко выраженным автобиографизмом.

Более сложным является вопрос о времени создания Повести о преподобном Пафнутии. По мнению В.О. Ключевского, Повесть была написана в 1477 или 1478 г. до ухода Иосифа Санина из монастыря Рождества Богородицы.²³ Основанием для такой датировки послужил приведенный Иннокентием перечень иноков, которые пришли навестить умирающего Пафнутия Боровского и могли бы подтвердить достоверность рассказа автора; в их числе назван и Иосиф Санин²⁴. Вот, как говорится об этом в тексте Повести: «Аще ли же реченъная вамъ, братие, не вѣрѣна мнятъся, не буди мънѣ лъгати на преподобнаго, понеже и свѣдѣтелие сѣть неложьнии; придоша тогда братиа на посѣщение старьца – Иосифъ, Арьсенен и Варсанофеи, и келеникъ старьцевъ»²⁵.

Некоторые основания датировки Ключевского, на наш взгляд, уязвимы. Во-первых, следует обратить внимание на то, что Иннокентий Дивный просто перечислил участников события, а не подчеркнул, что во время создания Повести о преподобном Пафнутии все названные иноки все еще находились в монастыре Рождества Богородицы под Боровском. Во-вторых, несмотря на то, что, по мнению А.А. Зимина и А.И. Алексе-

---

²⁰ Там же. Л. 411.

²¹ Там же. Л. 414.

²² Там же. Л. 418.

²³ *Ключевский*. 1871. С. 207.

²⁴ Там же. С. 207.

²⁵ РГБ, Вол., № 515. Л. 408-408 об.

ва, Иосиф Санин окончательно покинул обитель, основанную Пафнутием Боровским, лишь в мае 1479 г.²⁶, но и до этого времени он часто и подолгу отсутствовал в монастыре. Так, сразу после кончины Пафнутия Боровского Иосиф ездил в Москву, где великий князь Иван III Васильевич утвердил его на игуменство²⁷. Вернувшись в обитель, Иосиф Санин довольно быстро покидает ее и отправляется в путешествие по русским монастырям до 1479 г.²⁸ Таким образом, упоминание Иосифа Санина в Повести о преподобном Пафнутии как одного из свидетелей достоверности рассказа Иннокентия Дивного, как нам представляется, не является убедительным аргументом для датировки памятника.

Рассмотрим свидетельства, позволяющие уточнить датировку сочинения Иннокентия Дивного. Во-первых, Повесть о преподобном Пафнутии была написана после преставления игумена-основателя обители Рождества Богородицы, поскольку в ней описаны последние восемь дней жизни старца и его погребение, т.е. она охватывает события с 24 апреля по 2 мая 1477 г.²⁹ Следовательно, нижняя хронологическая граница создания памятника – не ранее 2 мая 1477 года. Во-вторых, в Повести упомянута великая княгиня Мария Ярославна³⁰, дочь князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского и мать великого князя Ивана III Васильевича. Согласно летописным данным, Мария Ярославна постриглась в монахини на Сретение, 2 февраля 1479 года и была названа Марфой³¹. После 2 февраля 1479 года великая княгиня Мария Ярославна упоминается в источниках как «**великая княгиня инока Марфа**» или «**великая княгиня Марфа**».³² Пострижение в монахини дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского, которая, по свидетельству Иннокентия Дивного, «**велику вѣрѹ имѣше къ Пречистые монасътьрю и любовь къ своему вогомольцу, старьцу Пафънотью, яко же инъ никъто же**»³³, не могло остаться неизвестным в Боровске и в находящемся рядом с городом монастыре Рождества Богородицы.

О том, что в Пафнутиевом Боровском монастыре великую княгиню Марию Ярославну после пострижения называли ее иноческим име-

²⁶ Зимин. 1977. С. 50; Алексеев. 2010. С. 19.

²⁷ Зимин. 1977. С. 45.

²⁸ Там же. С. 48–50.

²⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 395–419.

³⁰ Там же. Л. 405.

³¹ ПСРЛ. Т. VIII. С. 198; ПСРЛ. Т. XII. С. 188; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 265–266; ПСРЛ. Т. XXV. С. 322.

³² ПСРЛ. Т. VIII. С. 206, 215–216; ПСРЛ. Т. XII. С. 200, 216; ПСРЛ. Т. XVIII. С. 268, 270–271; ПСРЛ. Т. XXV. С. 327; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 264–265, 277, 327.

³³ РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

нем, свидетельствует синодик, составленный в обители. Его сведения заслуживают самого пристального внимания.

В настоящее время синодик хранится в коллекции Калужского областного краеведческого музея, № 7388 (далее – КОКМ, Кл., № 7388). Синодик написан на 191 листе разными почерками полууставом, полууставом с элементами скорописи и скорописью, формат рукописи в 1°.

О времени составления синодика и лицах, принимавших в этом участие, сообщается в специальной записи, сделанной полууставом: «В лѣта 7162-го декавря въ 8 день списана бысть сия душеполезная и спасительная книга, нарицаемая синоникъ с Пофнѣтъева съ старого синоника. А переписан же бысть при благовѣрном и христоролюбивомъ государе царе и великомъ князе Алексѣе Муханловиче всеа Русии и при отце его и богомолце великого господина святѣишаго Никона патриарха Московъском и всеа Русии на память преподобнаго отца нашего Патапия. А совершена бысть того же году апрѣля въ 17 день, на память преподобнаго отца нашего Симеона иже в Персиде. Написанъ же бысть въ пречестную обитель Пресвятыя Владычица наша Богородицы и Приснодевы Мариа честного и славнаго ея рождества во обыщи монастырь Пафнѣтъевъ. А замышлениемъ и построениемъ келаря Иова Панина. А преписанъ же бысть сии синоникъ многогрѣшным и непотребнымъ рабом Мухалецемъ»³⁴. Согласно этой записи, синодик КОКМ, Кл., № 7388 был начат 8 декабря 1653 г., а завершён 17 апреля 1654 г. Инициатором составления синодика был келарь Иов Панин, а исполнителем работ – Михайлец, вероятно, один из иноков обители. Важно подчеркнуть, что анализируемый синодик является копией более древнего – «старого» – синодика монастыря Рождества Богородицы и, следовательно, отражает более раннюю традицию поминания в данной обители.

В синодике КОКМ, Кл., № 7388 есть помянник, посвященный княгиням, который выделен киноварным заголовком «Помяни, Господи, благочестивыя княгини»³⁵. Первыми в помяннике княгини названы следующие имена: «Великую кнегиню иноку Евфросинию. Великую кнегиню Софью. Великую кнегиню иноку Марфу. Великую кнегиню Марию»³⁶.

Под именем великой княгини иноки Евфросинии в данном случае имеется в виду София Витовтовна – дочь великого князя Литовского Витовта, жена великого князя Василия I Дмитриевича. Она преставилась 5 июля 1453 года и была погребена в московском Вознесенском мона-

³⁴ КОКМ, Кл., № 7388. Л. 179–179 об.

³⁵ КОКМ, Кл., № 7388. Л. 37 об.

³⁶ Там же. Л. 37 об.

стыре, «идѣ же и свекры ея великаа княгини Евдокѣа, а наречена въ мнишьском чинѣ Евфросинья»³⁷. Вторая записанная в помяннике княгиня – София Фоминична, дочь Морейского деспота Фомы Палеолога, вторая жена великого князя Ивана III Васильевича. Она умерла 7 апреля 1503 г. и была погребена в московском Вознесенском монастыре³⁸. Далее записано имя великой княгини иноки Марфы – до пострижения Марии Ярославны, жены Василия II Васильевича Темного, дочери князя Ярослава Владимировича Боровского и Серпуховского, умершей 4 июля 1485 г.³⁹ Последним указано имя великой княгини Марии – дочери великого князя Бориса Александровича Тверского, первой жены Ивана III Васильевича. Она умерла 22 апреля 1467 г. в 3 часа ночи и была погребена в московском Вознесенском монастыре 24 апреля⁴⁰. Следует отметить, что последовательность имен великих княгинь в помяннике перепутана. После Софии-Евфросинии Витовтовны должна быть записана Мария Борисовна, а затем – Мария-Марфа Ярославна и София Фоминична.

В синодике монастыря Рождества Богородицы Мария Ярославна записана как «великая кнегиня инока Марфа», как и в других источниках после ее пострижения в монахини. В Повести о преподобном Пафнутии она названа еще своим мирским именем: «великая княгиня Мария»⁴¹. Если бы Иннокентий Дивный писал Повесть о преподобном Пафнутии после 2 февраля 1479 г., он бы назвал Марию Ярославну «великою княгиницею инокою Марфою» или «великою княгиницею Марфою». Верхним хронологическим рубежом создания Повести о преподобном Пафнутии можно считать февраль 1479 года. Таким образом, Иннокентий Дивный написал свое сочинение после 2 мая 1477 года и до февраля 1479 года.

Теперь следует остановиться на деятельности Иннокентия Дивного в обители Рождества Богородицы под Боровском. Я.С. Лурье предположил (не приведя доказательств в подтверждение своего мнения), что Иннокентий был келейником Пафнутия Боровского и не занимал сколько-нибудь видного места в управлении монастырем⁴².

Свидетельство того, что Иннокентий Дивный пользовался особым уважением среди братии монастыря Рождества Богородицы и играл в жизни обители не последнюю роль, содержится в Житии Пафнутия Боровского. Согласно Житию, Иннокентий принадлежал к числу «древних

³⁷ ПСРЛ. Т. XXV. С. 273; ПСРЛ. Т. XXVI. С. 212.

³⁸ ПСРЛ. Т. XXVI. С. 296.

³⁹ Там же. С. 277, 327.

⁴⁰ Там же. С. 222.

⁴¹ РГБ, Вол., № 515. Л. 405.

⁴² История русской литературы... С. 208–209.

ученикъ» преподобного вместе с Исайей Черным, «иже и сродникъ взяше по плоти просвѣщенному оному старьцу»⁴³. Принадлежность Иннокентия Дивного к «древним ученикам» Пафнутия явно выделяла его среди прочих иноков обители. Но чтобы представить значение и место Иннокентия в жизни монастыря Рождества Богородицы более детально, необходимо обратиться к написанной им Повести о преподобном Пафнутии.

С самого начала своего сочинения Иннокентий Дивный стремится продемонстрировать важность той роли, которую он играл в обители. Так, он описывает свой разговор с Пафнутием Боровским, во время которого игумен дает ему указания по починке плотины на монастырском пруду⁴⁴. Иннокентий исполняет поручение старца: «**пояхъ съ совою братию, ихъ же ми повелѣ, и преже со старьцемъ бывъшая ученика его Варьсанофия, Зосиму и Малъха**»⁴⁵. Отметим, что здесь Иннокентий выступает как руководитель хозяйственной работы других иноков.

Иннокентий стремится подчеркнуть свою заботу о благосостоянии монастыря. Так, 25 апреля 1477 года в обитель «**привезоша грамоты от предѣла тѣферскаго да деньги золотые**», которые Иннокентий принес в келью Пафнутия Боровского⁴⁶. Однако старец не разрешил прочитать грамоты и велел вернуть их вместе с деньгами. На что Иннокентий ответил старцу: «**Повели мнѣ възяти, нам то надобе**». Пафнутий Боровский повторно запретил принимать принесенные деньги и грамоты: «**Ты возмешь – ино то я взял**»⁴⁷. В результате Иннокентий выполнил повеление игумена и все вернул⁴⁸. Данный фрагмент имеет большое значение для понимания роли Иннокентия в жизни монастыря Рождества Богородицы. Его стремление оставить грамоты и деньги из Твери на благоустройство обители и настойчивое обращение по этому поводу к Пафнутию Боровскому свидетельствуют, что он занимал особое место среди братии и ведал, вероятнее всего, вопросами благоустройства монастыря. Это предположение подтверждается и приведенным выше отрывком о починке под руководством Иннокентия монастырской плотины. Следует также обратить внимание на слова Пафнутия о том, что желание Иннокентия оставить привезенный вклад, могло быть воспринято пришедшими тверичами как исполнение воли игумена. В Иннокентии Дивном, скорее всего, многие видели не только приближенного к настояте-

⁴³ РГБ, Вол., № 659. Л. 121.

⁴⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 395 об.

⁴⁵ Там же. Л. 396 – 396 об.

⁴⁶ Там же. Л. 398 об.

⁴⁷ Там же. Л. 398 об.

⁴⁸ Там же. Л. 398 об. – 399.

лю инокa, которому поручена забота о монастыре Рождества Богородицы, но и возможного преемника старца – следующего игумена обители.

Об особом положении Иннокентия в монастыре свидетельствует также тот факт, что именно к нему обращались все приходящие посетить Пафнутия Боровского. Среди просивших Иннокентия Дивного о возможности увидеть старца были посланники от великого князя Ивана III Васильевича, великих княгинь Марии Ярославны и Софии Фоминичны, удельного князя Михаила Андреевича Верейского, митрополита Геронтия, а также наместник города Боровска Василий Федорович, инок из Кирилло-Белозерского монастыря Дионисий «и от прочего народа, от бояръ же и от просьтых, со всѣх странъ приходящих»⁴⁹.

Как видно из Повести о преподобном Пафнутии, монастырь Рождества Богородицы и его игумен-основатель пользовались большим почитанием у членов великокняжеской семьи. Посланники великого князя Ивана III Васильевича, неоднократно приходившие посетить старца, постоянно обращались к Иннокентию, о чем он пишет: «**О всем прихдят ко мнѣ, понеже къ старьцу не полчиша въхода, глаголюще ми слово великаго князя, чьтобы на всяко видѣти старьца и всѣды от него сподобитися, понеже мѣного оскоръвишася, не приемше извѣщения от преже посланьныхъ**»⁵⁰. Таким образом, Иннокентий Дивный исполнял функции доверенного лица Пафнутия в отношениях с великокняжеской семьей, удельными князьями, митрополитом и другими лицами, но право принимать окончательные решения по различным вопросам оставалось у игумена. Так, посланник от великой княгини Софии Фоминичны «еще же и деньги златые приноситъ»⁵¹. Иннокентий не смог добиться для него возможности посетить старца и вынужден был отпустить посланника «со златом»⁵², как и в случае с грамотами и золотом из Твери.

Круг вопросов, которыми занимался Иннокентий в обители, достаточно широк: он руководил работами иноков по починке плотины на монастырском пруду, заботился о благосостоянии обители, исполнял функции доверенного лица Пафнутия в отношениях с великокняжеской семьей, удельными князьями, митрополитом и другими лицами, принимал приносивших вклады в монастырь. Исходя из этого, можно вполне обоснованно говорить о том, что Иннокентий Дивный был келарем обители Рождества Богородицы под Боровском. Будучи келарем, Иннокентий являлся одним из соборных старцев. А.А. Зимин выделял соборных

⁴⁹ РГБ, Вол., № 515. Л. 397–398 об., 402 об. – 403 об., 404 об. – 405 об., 412–414.

⁵⁰ Там же. Л. 412–412 об.

⁵¹ Там же. Л. 405 об.

⁵² Там же.

старцев в отдельную группу монашеской братии, в которую входили келарь и казначей. Соборных старцев обычно было 10 человек. Они совместно с игуменом направляли всю деятельность монастыря⁵³.

Все вышесказанное позволяет поставить под сомнение точку зрения Я.С. Лурье, согласно которой Иннокентий не занимал «скольконибудь видного места в управлении монастыря»⁵⁴ и его предположение о том, что Иннокентий был келейником Пафнутия⁵⁵. Сведения Повести о преподобном Пафнутии полностью опровергают это предположение. Так, Иннокентий, рассказывая о посетивших болеющего Пафнутия иноках, называет кроме себя еще ряд монахов, среди которых был и неизвестный по имени келейник: «придоша тогда брати на посѣщение старьца – Иосиф, Аръсенен и Варсанофен, и келеникъ старьцевъ»⁵⁶.

Для Иннокентия очень важным был вопрос о завещании Пафнутия Боровского, в том числе о кандидатуре нового игумена. 28 апреля 1477 г., за три дня до преставления старца, он обращается к нему с просьбой: «Государь Пафнотен! Повели при своемъ животѣ написати завѣщаніе о монастырьском строении: какъ въратии по тевѣ жити и кому игумену быти повелиши?», и отмечает, что эти вопросы имели большое значение для него: «аз же от многих помыслъ борим, како хочеть после сътарца быти състроение монастырьское»⁵⁷. Но Пафнутий, ограничившись устными наставлениями о том, как должна жить после его смерти монашеская братия, ничего не сказал о кандидатуре нового игумена⁵⁸.

Иннокентий неоднократно и чрезвычайно настойчиво обращался к старцу с просьбой назвать имя своего преемника. 30 апреля, за день до преставления Пафнутия Боровского, Иннокентий в очередной раз возвращается к вопросу о преемнике старца: «Чему, господине, мольчиши? Что еси здумалъ, кому приказываеши монастырь, братии ли или великому князю? О чемъ не глаголеши?». Ответ Пафнутия был простым: «Пречистон»⁵⁹. Вероятно, Иннокентий, в ведении которого находились многие важные вопросы монастырской жизни, был (или считал себя?) одним из главных кандидатов в игумены обители после смерти старца. Об этом свидетельствует упорство, с которым Иннокентий пытался узнать у умирающего Пафнутия Боровского, кому он поручит обитель.

⁵³ Зимин. 1977. С. 112.

⁵⁴ История русской литературы... С. 209.

⁵⁵ Там же. С. 208–209.

⁵⁶ РГБ, Вол., № 515. Л. 408–408 об.

⁵⁷ Там же. Л. 407–407 об.

⁵⁸ РГБ, Вол., № 515. Л. 407 об. – 408.

⁵⁹ Там же. Л. 411.

Как следует из Повести о преподобном Пафнутии, воля настоятеля так и осталась неизвестной. В Москве великий князь Иван III Васильевич утвердил на игуменство Иосифа Санина⁶⁰. Указать точные причины, по которым великий князь предпочел в качестве настоятеля Пафнутиева Боровского монастыря видеть не Иннокентия Дивного, а Иосифа Санина, достаточно сложно. Не исключено, что Иван III мог быть разгневан на Иннокентия из-за того, что тот не допускал к умирающему Пафнутию великокняжеских посланников. Иннокентий так описывает один из случаев, когда от великого князя к старцу пришел Федор Викентиев с посланием⁶¹. Иннокентий попытался убедить Пафнутия принять посланника великого князя: «*Азъ же рѣху ему: “Вѣмъ и азъ о тебѣ сия тако сѣть, но Бога ради намъ полезное сотвори, понеже хочетъ князь велики; о семъ оскрѣвится, не разгнѣви его!”*»⁶². Но в итоге Иннокентий был вынужден передать Федору Викентиеву отказ в посещении старца и вернуть послание⁶³. Так же Иннокентий был вынужден отказать в посещении Пафнутия Боровского и другому посланнику от великого князя протопопу Благовещенского собора Федору⁶⁴. Приведенные примеры, по-видимому, указывают на одну из возможных причин, повлиявших на выбор великого князя в пользу Иосифа Санина.

Есть основания полагать, что после смерти Пафнутия Боровского между иноками монастыря Рождества Богородицы имел место конфликт. В Повести о преподобном Пафнутии Иннокентий по этому поводу пишет: «*Таже по малѣ часѣ начатъ глаголати старецъ, слезамъ изочю текущимъ: “... Но вѣмъ, яко по отшествии моемъ Пречистые монастырю видѣть мятежникъ мѣного. Мѣню, дѣшю мою смѣти и въ братии мятежъ сотвори...”*. Но почюдихъ старьцеву проречению, понеже сия въскорѣ въ дѣло произыдоша: единъ день, пятюкъ, безмолства, в онъ же день старьца въ гробѣ положихом»⁶⁵. Несомненно, «мятеж» среди монахов был вызван вопросом о выборе нового игумена.

На сложную ситуацию в монастыре Рождества Богородицы после смерти Пафнутия указывает также анонимное Житие Иосифа Волоцкого. По мнению Я.С. Лурье и ряда других исследователей, автором этого Жития был Лев Филолог⁶⁶. В нем сказано, что Иосиф Волоцкий оставил

⁶⁰ Зимин. 1977. С. 45.

⁶¹ РГБ, Вол., № 515. Л. 404 об.

⁶² Там же. Л. 405.

⁶³ Там же. Л. 405.

⁶⁴ РГБ, Вол., № 515. Л. 412–413.

⁶⁵ Там же. Л. 407 об. – 408 об.

⁶⁶ Лурье. 1988. С. 274.

игуменство в монастыре Рождества Богородицы, встретив среди братии непонимание и сопротивление: «Но понеже явишася въ братии несъгласна, отнюду же прерѣканиа и съпротивлениа къ игумену, тѣм же, цстѹпивъ имъ, сниде от настоятельства, попусти братии любимаго имъ игумена поставити себѣ, предстаавъ тѣмъ нѣгдѣ до двою лѣтѹ»⁶⁷. Уход Иосифа Волоцкого из монастыря и предложение братии выбрать себе «любимаго» настоятеля, свидетельствуют о том, что часть монахов не принимала его в качестве игумена и противодействовала ему. Это известие Жития Иосифа Волоцкого подтверждает сообщение Повести о преподобном Пафнутии о том, что вопрос о выборе нового игумена стал причиной «мятежа» в монастыре Рождества Богородицы. В целом, Иосиф Санин недолго был настоятелем в Пафнутиевом Боровском монастыре. Как уже упоминалось, в мае 1479 года он вместе со своими сторонниками оставляет монастырь под Боровском и уходит в Волоцкое удельное княжество, где создает обитель Успения Богородицы⁶⁸.

Подводя итоги, следует отметить, что Иннокентий Дивный справедливо может считаться первым известным писателем, трудившимся в монастыре Рождества Богородицы под Боровском. Его принадлежность к числу «древних» учеников Пафнутия Боровского позволяет говорить о том, что как писатель он сформировался именно в этой обители и положил в последней четверти XV века начало литературной школы монастыря. Иннокентий был автором Повести о преподобном Пафнутии, которую Д.С. Лихачев назвал «своеобразным литературным “чудом” XV века»⁶⁹. Этот памятник, как было показано, следует датировать временем после 2 мая 1477 года и до февраля 1479 года. Иннокентий Дивный был не просто монастырским книжником, он играл важную роль в жизни обители Рождества Богородицы, о чем свидетельствует написанная им Повесть о преподобном Пафнутии. Он был келарем монастыря и входил в состав соборных старцев. Кроме того, есть некоторые основания полагать, что Иннокентий Дивный был одним из кандидатов на игуменство в монастыре Рождества Богородицы после смерти Пафнутия Боровского. Вопрос о выборе нового настоятеля стал причиной конфликта среди монастырской братии. Великий князь Иван III Васильевич поставил на игуменство Иосифа Санина. Однако неприятие частью братии нового игумена вынудило его покинуть обитель. Дальнейшая судьба Иннокентия Дивного неизвестна.

⁶⁷ Житие преподобного Иосифа Волоколамского... С. 18.

⁶⁸ Зимин А. А. 1977. С. 50.

⁶⁹ Лихачев Д. С. 2006. С. 144.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Российская государственная библиотека (РГБ), фонд 113 – собрание Иосифо-Волоколамского монастыря (Вол.), № 515. Л. 395–419.
РГБ, Вол, № 659.
- Калужский областной краеведческий музей (КОКМ), Коллекция (Кл.), № 7388.
- Алексеев А.И.* Сочинения Иосифа Волоцкого в контексте полемики 1480–1510-х гг. СПб., 2010.
- Барсуков Н.П.* Источники русской агиографии. СПб., 1882.
- Библиотека литературы Древней Руси (БЛДР). Т. 7. Вторая половина XV века / Под ред. Д. С. Лихачева, Л. А. Дмитриева и др. СПб., 2005.
- Будовниц И.У.* Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV–XVI веках (по «житиям святых»). М., 1966.
- Дмитриев Л.А.* Записка ли «Записка о последних днях Пафнутия Боровского» Иннокентия? // Исследования по древней и новой литературе / Отв. ред. Л.А. Дмитриев. Л., 1987. С. 59 – 64.
- Дмитриева Р.П.* Марк Левкеинский // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2: Л-Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. С. 102–103.
- Дробленкова Н.Ф.* Макарий // Словарь книжников и книжности Древней Руси (СККДР). Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 2: Л-Я / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1989. С. 76–88.
- Житие преподобного Иосифа Волоколамского, составленное неизвестным (по двум рукописям собрания П.А. Овчинникова) / Предисл. С.А. Белокурова // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1903 г. Кн. 3. М., 1903.
- Жития святых в древнерусской письменности. Вып. 1. Тексты. Исследования. Материалы / Отв. ред. и сост. М.С. Крутова. М., 2002. С. 147–151.
- Записка Иннокентия о последних днях учителя его Пафнутия Боровского // Ключевский В.О. Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871. С. 439–453 (репринтное издание: М., 1988. С. 439–453).
- Зимин А.А.* Крупная феодальная вотчина и социально-политическая борьба в России (конец XV–XVI в.). М., 1977.
- Иосиф, иеромонах.* Опись рукописей, перенесенных из библиотеки Иосифова монастыря в библиотеку Московской духовной академии. М., 1882.
- Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе / Отв. ред. Я.С. Лурье. Л., 1970.
- История русской литературы. Т. I. Древнерусская литература. Литература XVIII века / Под ред. Д.С. Лихачева, Г.П. Макогоненко. Л., 1980.
- Ключевский В.О.* Древнерусские жития святых как исторический источник. М., 1871.
- Крушельницкая Е.В.* Филигранные на бумаге документов и рукописных книг, созданных в Соловецком монастыре в XVI в. // Книжные центры Древней Руси. Книжники и рукописи Соловецкого монастыря / Отв. ред. С.А. Семячко. СПб., 2004.
- Леонид (Кавелин), архимандрит.* Историческое описание Боровского Пафнутиева монастыря. М., 1859.
- Лихачев Д.С.* Человек в литературе Древней Руси. 3-е изд. М., 2006.
- Лурье Я.С.* Вассиан Санин // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 125–126.

- Лурье Я.С. Житие Иосифа Волоцкого // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 274.
- Лурье Я.С. Иннокентий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988. С. 404–405.
- Лурье Я.С. Иосиф Волоцкий // СККДР. Вып. 2 (вторая половина XIV–XVI в.). Часть 1: А-К / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л., 1988.
- Макарий (Веретенников), архимандрит. Жизнь и труды святителя Макария, Митрополита Московского и всея Руси. М., 2002.
- Некрасов И.С. Зарождение национальной литературы в Северной Руси. Ч. I. О первичных редакциях жизнеописаний подвижников Северной Руси XV, XVI и XVII века. Одесса, 1870.
- Осипов В.И. Из истории Пафнутьев-Боровского монастыря в XV–XVI вв. // Монастыри в жизни России. Материалы научной конференции / Сост. В.И. Осипов. Калуга; Боровск, 1997.
- Памятники литературы Древней Руси (ПЛДР). Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982.
- Повести и сказания Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко; под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 2001.
- Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. VIII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. М., 2001.
- ПСРЛ. Т. XII. Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 2000.
- ПСРЛ. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.
- ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М., 2004.
- ПСРЛ. Т. XXVI. Вологодско-Пермская летопись. М., 2006.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // ПЛДР. Вторая половина XV века / Сост. и общ. ред. Л.А. Дмитриева, Д.С. Лихачева. М., 1982. С. 478–513.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // Повести и сказания Древней Руси / Сост. Н.В. Поньрко; под ред. Д.С. Лихачева. СПб., 2001. С. 403–420.
- Рассказ о смерти Пафнутия Боровского // БЛДР. Т. 7. Вторая половина XV века / Под ред. Д.С. Лихачева, Л.А. Дмитриева и др. СПб., 2005. С. 254–285.
- Строев П.М. Описание рукописей монастырей Волоколамского, Новый Иерусалим, Саввино-Сторожевского и Пафнутиева Боровского. СПб., 1891.
- Хрущов И.П. Исследование о сочинениях Иосифа Санина, преподобного игумена Волоцкого. СПб., 1868.
- Федотов Сергей Вячеславович** – аспирант Центра истории религии и церкви Института российской истории РАН. fedotowsv@rambler.ru

И. Е. РУДКОВСКАЯ

**МАКРОСТРУКТУРА ТРУДОВ
М.М. ЩЕРБАТОВА И Н.М. КАРАМЗИНА:
ОТ ПЕРМАНЕНТНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА
К КОММУНИКАТИВНОМУ ПРОРЫВУ**

В статье предпринят опыт компаративного анализа макроструктуры «Истории Российской от древнейших времен» М.М. Щербатова и «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина с учетом образцов, предложенных британской историографией позднего Просвещения.

Ключевые слова: историографическая компаративистика, макроструктура текста, «Исторический Триумвират Британии», М.М. Щербатов, Н.М. Карамзин.

---

*«Я... желал преданное веками соединить
в систему, ясную стройным сближением частей»¹.*

«История Российская от древнейших времен» М.М. Щербатова была последней отечественной макроисторией XVIII в., «История государства Российского» Н.М. Карамзина – первой в XIX в. Созданные на излете века Просвещения, с учетом тех образцов, которые предложили их предшественники, российские и европейские историки, они были поразному восприняты читательской аудиторией. Их судьбу после публикации не в последней степени предопределили кардинальные различия в организации текста. Выдвигаемая автором гипотеза о предопределенности «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина спецификой не столько российского, сколько европейского научного пространства, высшими достижениями европейского научного сообщества, требует сопоставления как с трудами представителей знаменитого «Исторического Триумвирата Британии» (Д. Юм, В. Робертсон, Э. Гиббон), так и с «Историей» его российского предшественника, М.М. Щербатова.

Компаративное исследование масштабных макроисторий позднего Просвещения естественно начинать с сопоставления их структуры, наглядно представляющей авторское видение развертывания воссоздаваемого исторического процесса. Предложенные историками варианты деления текста на основные (тома, книги, части, главы) и дополнительные элементы структуры (посвящения, предисловия, введения, примечания, указатели и т.д.) рассматриваются здесь как *макроструктура* изучаемых исторических исследований. Она значима как с точки зрения написания

---

¹ Карамзин. 1989. Т. I. С. 20.

и подготовки томов к печати, так и с точки зрения восприятия «Историй» читателями. Макроструктура несет в себе информацию об истории создания труда, о специфике исторических интересов автора, о его научных, этических, политических, коммуникативных приоритетах.

Труд М.М. Щербатова «История Российская от древнейших времен» по уровню сложности организации текста, бесспорно, превосходил все масштабные «Истории» своей эпохи, и, быть может, вообще не имеет аналогов в мировой историографии. У современников Щербатова, представителей «Исторического Триумвирата Британии», структура была двухступенчатой: *тома – главы* либо *тома – книги*. Тома «Историй» Д. Юма и Э. Гиббона делились на главы (71 и у Юма, и у Гиббона), у В. Робертсона – на книги (8 в «Истории Шотландии», 12 в труде об эпохе Карла V² и 10 в «Истории Америки»). Главы у Юма и Гиббона, как и книги у Робертсона, имели сквозную нумерацию, что позволяло издателям делить их на произвольное количество томов³.

Семь томов «Истории» М.М. Щербатова разделены на 15 книг. Именно *книги* (наряду с *томами*) следует признать важнейшими из *основных структурных единиц* «Истории» Щербатова, к которым, кроме того, должны быть отнесены *главы* и *части*. Книги, как и тома, имели сквозную нумерацию, придавая этим «Истории Российской» некое композиционное единство и позволяя говорить о некотором сходстве с британскими «Историями». За исключением книг XIII и XIV, они подразделялись на главы, не имевшие сквозной нумерации; в общей сложности их было 65. Эпизодическое исчезновение глав уже само по себе дает основание делать вывод о своеобразии структуры труда Щербатова. Но основная особенность архитектоники «Истории Российской» заключалась даже не в этом. Особым, «блуждающим» структурным элементом «Истории Российской» являлись *части*, поскольку на части могли быть разделены как тома, так и книги, и даже отдельная глава. Часть, таким образом, могла выступать и в роли самой мелкой единицы текста (не считая рубрик внутри нее), и представлять собой отдельный том, включающий как основной текст «Истории», так и разнообразные приложения, или только документы. Приложения, фигурирующие далее как *до-*

---

² Первый, вводный том в этом труде был разделен на 3 Отделения, на книги делилась основная часть.

³ См.: *Hume* 1767. Vol. I-VIII. *Hume* 1830. Vol. I-VI. *Robertson W.* 1769. Vol. I-III. *Robertson W.* 1777. Vol. I-IV. *Gibbon.* Vol. I-XII. 1815. *Гиббон.* Ч. I-VII. 1883-1886. В издании 1790 г. Т. II «Истории Америки» включал Кн. IV и V полностью, в издании 1819 часть Кн. V была помещена в Т. III (X). *Robertson W.* 1790. Vol. II. *Robertson W.* 1819. Vol. IX-X.

полнительные элементы структуры, делали композицию труда Щербатова максимально изменчивой. Но и соотношение *основных структурных единиц* было столь непостоянным, что, исходя из этого соотношения, можно выделить в макроструктуре труда Щербатова пять основных вариантов структурирования.

К варианту I следует отнести тома I и III. Основная особенность этого варианта – *отсутствие деления на части*. Простое сравнение со структурой трудов представителей англо-шотландской историографической традиции позволяет говорить о том, что и эта *трехступенчатая* структура (тома – книги – главы) уже сама по себе была достаточно сложна для своего времени. Но на фоне других томов «Истории Российской» Щербатова тома, отнесенные к этому варианту, отличались минимальным набором *основных структурных единиц*. При этом комплексы *дополнительных элементов структуры* в этом варианте, напротив, были максимальными.

Том I открывался Посвящением Екатерине II, обязательным, но преимущественно ритуальным элементом исторического сочинения, принадлежавшего перу официального историографа; оно представляло собой лаконичный, максимально приближенный к эпистолярному жанру текст. Лишь подпись автора под посвящением была нестандартной, даже вызывающей, поскольку не заметить иронии в словах историка, Рюриковича в 37 колене, подписавшегося «всенижайший раб князь Михайло Щербатов», поставившего рядом слова «раб» и «князь», было невозможно⁴. В следовавшем за Посвящением Предисловии Щербатов охарактеризовал использованные им источники и сформулировал свое видение стоявших перед ним задач, опираясь на подход Д. Юма, предлагавшего исследователям сосредоточиться на выявлении причин происходивших в прошлом событий⁵. В масштабном Введении рассматривалась предыстория славян, преимущественно в их взаимоотношениях с Римской империей. Затем, предваряя книгу I, историк впервые ввел «Разсмотрение». Мини-исследования Щербатова по отдельным проблемам под таким названием заставляют вспомнить как о традиции «Аппендиксов» Д. Юма⁶, так и об отступлениях в «Истории» В.Н. Татищева, чьи «Изъяснения», «Напомнения», «Прибавление» и «Напамятование» представляли собой

---

⁴ Щербатов. Т. I. С. 2 (б/н).

⁵ Там же. Т. I. С. XV-XVI.

⁶ Appendix I. The Anglo-Saxon Government and Manners. Appendix II. The feudal and Anglo-Norman government and manners. Appendix III. Government, manners, commerce, arts and learning. Appendix to the Reign of James I. *Hume*. 1830. Vol. I. P. 169–198, 489–525. Vol. IV. P. 190–225, 358–393.

краткий анализ мнений разных авторов по спорным вопросам⁷. «Рас-
смотрения», по словам историка, прерывают текст его труда «как для
изъяснения того, что выше мною было предложено, так и для того, что
впредь буду иметь случай представить»⁸. Венчало том I «Оглавление» –
обстоятельный указатель имен и географических названий, аналогичный
указателям («Index») в трудах британцев⁹.

**Таблица 1. Макроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова
вариант I**

Томы	Книги	Главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
Т. I. От начала до кон- чины велико- го Кня- зя Яро- слава Влади- миро- вича			Посвящение	4 с. б/н
			Предисловие	I-XVI
			Введение	1-88
			Разсмотрение о разных древних прежде населяющих Россию народах	89-106
	I ¹⁰	I - IV		107-184
			Разсмотрение о пришествии Рюрика, и кто он был	185-188
	II ¹¹	I - VII		189-266
			Разсмотрение о том, колико раз Россия была просвещаема святым крещением	267-270
	III ¹²	I - III		271-325
			Оглавление	45 с. б/н
Т. III. От по- корения России Татара- ми до			Предисловие	14 с. б/н
	VII ¹³	I - XIII		1-328
	VIII ¹⁴	I - IV		329-482
			Выписка из древних грамот, которые приведены во свидетельство в повест- виях сего тома сея истории	486-514

⁷ Татищев. Т. I. С. 201-208, 225-232, 255--258, 261-267, 307-310, 323-326.

⁸ Там же. Т. II. СПб. 1805. С. 253.

⁹ Hume. 1830. Vol. VI. P. 349-501. Robertson. 1819. Vol. III. P. 455-503. Robertson. 1769. Vol. I. 13 p. Vol. III. 38 p. Robertson. 1819. Vol. IV (XI). P. 357-402. Гиббон. 2004. Ч. VII. С. 314-415.

¹⁰ Щербатов. Т. I. Книга первая, содержащая историю о Российских народах по Швецким, Польским и Дацким писателям; от начала оныя до пришествия Рюрика, и по Латинским писателям от Кия до Рюрикаж (Хронологические рамки: 1404 г. до РХ – 853 г. по РХ).

¹¹ Там же. Книга вторая. История Российская до крещения равноапостольного Князя Владимира (862–989).

¹² Там же. Книга третья. От времени крещения великого Князя Владимира до разделения России после Ярослава (989–1053).

¹³ Там же. Т. III. Книга VII. От убиения великого Князя Георгия Всеволодовича, до великого Князя Иоанна Даниловича Московского (1237–1328).

¹⁴ Там же. Книга VIII. От пренесения престола великого княжества в Москву, до Князя Димитрия Иоанновича Донского (1328 – 1361).

велико- го Кня- зя Ди- митрия Донско- го		Временноисчислительное изъявление о российских князьях	6 с. б/н
		Оглавление	36 с. б/н
		Изъявление о современниках с россий- скими государями	1
		Родословные таблицы 1-14	

Примечания в «Истории» Щербатова были только подстрочными, тогда как Юм и Робертсон использовали и подстрочные ссылки, и помещали «Notes» в конце тома¹⁵, а у Гиббона подстрочных ссылок первоначально не было, но в последующих изданиях «Notes» были переведены в подстрочник¹⁶. В начале тома III Щербатов вновь поместил Предисловие, возможно, следуя британской традиции «промежуточных» предисловий, заложенной, вероятно, Юмом. Начав свою «Историю Англии» с исследования эпохи Стюартов, Юм затем углубился в более отдаленные эпохи¹⁷, но Введение, открывавшее том, посвященный эпохе Якова I и Карла I, было сохранено в начале главы XLV¹⁸. Отдельное Предисловие написал к части IV своей «Истории» и Гиббон¹⁹. Щербатов указал в новом Предисловии на его взаимосвязь с первым, подчеркнув необходимость продолжить описание источников его труда и охарактеризовав свое видение «желаемого предмета в истории»²⁰.

За основным текстом в т. III следовали впервые введенные здесь «Выписки из древних грамот...», относительно которых он отметил в Предисловии, что предлагает лишь выписки, что не отважился документы «вмещать самым подлинником», так как дипломатическое собрание «достойно быть особенно напечатано»²¹. Далее он поместил «Изъявления» - таблицы, содержавшие информацию об отечественных или зарубежных правителях. Родословные таблицы не вышли за пределы т. III²²: стремясь показать «происхождение разных родов Российских Князей», он не хотел становиться «особливым историком каждого Княжескаго

¹⁵ Либо «Proof and illustrations», «Notes and illustrations», как у Робертсона, соответственно, в его труде с Карле V и в «Истории Америки». См.: *Hume*. 1830. Vol. I. P. 603-608. Vol. II. P. 617-63. Vol. III. P. 585-598. Vol. IV. P. 535-564. Vol. V. P. 549-560. Vol. VI. P. 347. *Robertson*. 1769. T. I. C. 193-394. *Robertson*. 1819. Vol. I (VIII). P. 339-374. Vol. II (IX). P. 347-427. Vol. III (X). P. 379-427. Vol. IV (XI). P. 313-356.

¹⁶ В последующих изданиях «Notes» были переведены в подстрочник. Ср.: *Gibbon*. 1787. Vol. I. P. 376-434. *Gibbon*. 1815. Vol. I-XII.

¹⁷ См.: *Hume D. My own life*. // *Hume*. 1830. Vol. I. P. VII-IX.

¹⁸ *Ibid*. Vol. IV. P. 226-227.

¹⁹ *Гиббон*. 2006. Ч. IV. С. 5-7.

²⁰ *Щербатов*. Т. III, стр. 14 (б/н).

²¹ Там же. С. 12 (б/н).

²² Первые 8 таблиц относились к т. III, а таблицы 9-14 – к т. IV.

рода», что безмерно усложнило бы его задачи, поскольку, по его словам, «сочинение родословных, есть единая вещь из труднейших в истории»²³.

Из табл. 1 видно, что деление текста на основные структурные единицы осуществлялось историком по граням. Такое деление не противоречило традиции позднего Просвещения²⁴. У Щербатова том мог открываться как началом правления, так и кончиной правителя, но название т. III, в котором покорение России татарами «потеснило» князей Рюриковичей²⁵, позволяет предположить, что Щербатов не был склонен строго придерживаться традиции, а названия ряда *книг* подтверждают это. Указав в названии книги I на зависимость процесса воссоздания истории от используемого комплекса источников, историк продемонстрировал готовность подойти к своим задачам как исследователь, что подтверждалось названиями большинства глав той же книги²⁶. Использование зарубежных источников позволило Щербатову расширить хронологические рамки исследования, охватив, пусть и в кратком очерке, свыше двух тысячелетий отдаленной предыстории государственности, охарактеризовав контакты предков восточных славян с их современниками из северной и северо-восточной Европы. Заглавием своего труда Щербатов подчеркнул, что перед читателем – не история князей, а история России, однако факт крещения был подан им как факт биографии князя Владимира, причем с его имени начиналось и название книги II²⁷. Но завершалось оно указанием на разделение России, т. е. на значимый процесс, характерный для государств как восточной, так и западной Европы.

Особенностью *варианта II*, к которому отнесен только том II, являлось деление главы I на части, т. е. введение *части внутри главы* в качестве одного из основных элементов текста, обеспечившее переход к

---

²³ Там же. С. 13 (б/н).

²⁴ Так, на титульном листе тома I труда Юма в издании 1762 г. подчеркивалось, что том содержит историю правлений королей, и перечислялись их имена, начиная с Вильгельма Завоевателя *Hume*. 1762. Vol. I.

²⁵ Но после Предисловия ему было дано «именное» название: «От убийства великого князя Георгия Всеволодовича до великого Князя Димитрия Донского». *Щербатов*. Т. III. С. 1.

²⁶ Там же. Т. I. Кн. I. Гл. I. История Российская по Швецким, Польским и Дацким писателям, до пришествия Кия. Т. I. Кн. I. Гл. II. О пришествии Кия и о начале Киева. Т. I. Кн. I. Гл. III. Обретающаяся упоминении в Польских, Швецких и Дацких историках о России, касающаяся до времен от Кия до пришествия Рюрика. Т. I. Кн. I. Гл. IV. Последствие повествования Латинских и Греческих писателей о тех странах, которая ныне Россией называют, касающееся до времен от Кия до Рюрика.

²⁷ Там же. Книга вторая. История Российская до крещения равноапостольного Князя Владимира. Книга третья. От времени крещения великого Князя Владимира до разделения России после Ярослава.

четырёхступенчатой структуре (*тома – книги – главы – части*). Три части главы I в результате составили лишь 29 стр. текста (13, 7 и 9 стр.), а название главы вошло в противоречие с названиями отдельных частей: назвав главу «Княжение Изяслава до изгнания его Киевлянами», Щербатов уже третью часть этой главы озаглавил «Со второго изгнания Изяслава, до его смерти». Что касается названий книг, то книги IV и V, как и книга VII в томе III, были озаглавлены традиционно, тогда как названия книг VI (том II) и VIII (том III) содержали информацию о смене столиц (перенесении ее во Владимир, затем в Москву). Тем самым визуализировались рубежи, которые в следующем столетии обусловят обсуждение проблем борьбы старых и новых городов, роли колонизации в отечественном историческом процессе.

Таблица 2. Макроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова
вариант II

Том II	Книги	Главы	Части внутри главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
От начала царствования Изяслава Ярославича до покорения России татарами	IV ²⁸	I - III	1 - 3		1-85
	V ²⁹	I - IX			86-264
				Изыскание О прислании Регалий к великому Князю Владимиру Мономаху из Константинополя	98-114
				Разсмотрение О состоянии России, ея законов, обычаев и правлений	253-264
	VI ³⁰	I - VI			265-575
				Время изчислительное изъявление о Российских Князях, которые княжили в разных удельных княжениях до нашествия Батыея	14 с. б/н
				Оглавление	54 с. б/н
				Родословные таблицы 1-8	
				Изъявление о современниках с российскими государями	1

²⁸ Щербатов. Т. II. Книга четвертая. От начала царствования Изяслава Ярославича, до Владимира Мономаха (1054–1113).

²⁹ Там же. Книга пятая. От начала царствования Владимира Мономаха, до Андрея Юрьевича Боголюбского (1114–1157).

³⁰ Там же. Книга шестая. От начала царствования Князя Андрея Боголюбского, и пренесения Российской столицы во Владимир до Батыевых побед в России (1157–1237).

В т. II вошло единственное в «Истории» Щербатова «Изыскание», представлявшее собой, как и «Рассмотрения» в т. I, мини-исследование, посвященное определенному вопросу. «Разсмотрение» в т. II, как это следует из его названия, носило обобщающий характер, т.е. было максимально приближено по своему содержанию к «Аппендиксам» Юма. Впервые поместив здесь «Изыявления», историк в первом из них предоставил информацию о русских князьях новгородских, киевских, древлянских, полоцких, туровских и др. (всего по 54 княжениям), а во втором – о правителях Византийской и Германской империй, королях польских, герцогах Богемии, «англинских», шведских, дацких королях, папах Римских, патриархах Константинопольских и российских митрополитах.

Специфика *варианта III* (тома IV и V), заключалась в появлении *частей внутри тома*, по объему равных книгам при отказе от *частей внутри главы*. Четырехступенчатая структура сохранялась, но возникшее дублирование (книга = части) повысило риски явных нестыковок.

Таблица 3. Макроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова вариант III

Томы	Части внутри тома	Книги	Главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
Т. IV. От начала царствования великого Князя Дмитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования Царя Иоанна Васильевича ³¹	I	IX ³²	I-III		1-598
				Оглавление (к Ч. I Т. IV)	1-54
				Изыявление о современниках с российскими князьями. Кн. IV.	1
	II	X ³³	I-II		1-542
				Оглавление (к Ч. II Т. IV)	1-50
				Изыявление о современниках с российскими князьями. Кн. V.	1
	III				1-355
				Изыявление о современниках с российскими вел. князьями. Кн. VI.	1
Т. V. От на-	I	XI ³⁴	I-IV		1-485

³¹ Либо «От начала царствования великого Князя Дмитрия Иоанновича до Царя Иоанна Васильевича».

³² Книга IX. До великого Князя Иоанна Васильевича (1362–1461).

³³ Книга X. От начала княжения великого Князя Иоанна Васильевича до царствования Царя Иоанна Васильевича (1462–1534).

³⁴ Книга XI. От начала царствования Царя Иоанна Васильевича, до кончины царя Федора Иоанновича (1534–1554).

чала царствования Царя Иоанна Васильевича до его кончины			Выписка из древних грамот ³⁵	487-555	
	II		Уведомление	I-XII	
		XII ³⁶	I - II		1-444
	III			Продолжение изъяснения о современниках с Царями	
		XIII ³⁷			1-224
				Оглавление (к Ч. I. Т. V)	1- 46
				Оглавление вещей ³⁸	47-100
				Изъяснение о современниках с Российскими Вел. Князьями. Кн. IX	1
				Продолжение изъяснения о современниках... Кн. IX.	1
	IV			1-263	

Между названиями частей и книг, озаглавливавших один и тот же текст, стали возможны расхождения, иногда весьма значительные. Название кн. IX было урезано по сравнению с названием части³⁹, а с названием кн. XI вообще произошло нечто неясное. Эта книга составляла часть I тома V, но ее название далеко вышло не только за рамки части⁴⁰, но и за рамки следующих частей II-III и книг XII-XIII. Тем не менее, *части внутри тома*, в отличие от *частей внутри главы*, закрепились и в значительной степени определили структуру всех последующих томов. В то же время, в кн. XIII, являвшейся одновременно ч. III т. V, исчезло деление на главы. В масштабах огромного т. V это было не слишком заметно, но отказ от глав определил специфику следующего варианта. Выделение в названиях кн. XII и XIII покорения Астрахани и Сибири, как и Батыевых побед в названии кн. VI (т. II) свидетельствовало, вероятно, как о признании их значимости в истории страны, так и о знакомстве с

³⁵ Полное название: Выписка из древних грамот, которые приведены во свидетельство о повестиях пятого сего тома Российской истории.

³⁶ Книга XII. От покорения Астрахани до начала завоевания царства Сибирского (1554–1578).

³⁷ Книга XIII. От покорения Сибири до кончины царя Иоанна (1579–1584).

³⁸ Полное название: Оглавление вещей, содержащихся во второй части пятого тома Российской истории.

³⁹ *Щербатов*. Т. IV. Ч. I. От начала царствования великого Князя Дмитрия Иоанновича, проименованного Донской, до царствования великого Князя Иоанна Васильевича. Ср.: Кн. IX. До великого Князя Иоанна Васильевича.

⁴⁰ В названии части I тома V. события доводились до покорения царства Астраханского, а не до кончины царя Федора Иоанновича.

дискуссией о роли завоеваний в европейской историографии XVIII в. Завоевание Астрахани и Сибири определило и названия трех частей т. V⁴¹, тогда как заглавия остальных «событийных» частей были строго «именными». Еще значительней был «завоевательный» компонент в названиях глав т. V⁴². Позитивной особенностью варианта III было появление в томах IV-V целых частей, посвященных публикации документов⁴³.

В начале части II тома V был помещен новый уникальный элемент – «Уведомление»; он появился, по словам историка, вследствие «произшедшей жестокой и с довольно огорчительными словами критики от господина Генерал-Майора Болтина» и содержал «Поправления» и «Примечания». Здесь Щербатов, «избегая всех ссор, которыя никогда в республике наук чести не приносят», пояснил, на какие источники в тех или иных спорных случаях он опирался⁴⁴. «Уведомление» несколько компенсировало отсутствие аналитических «Разсмотрений» и «Изысканий» в томах, отнесенных к варианту III. В т. V была произведена, кроме того, смена названий: при сохранении прежних функций «Изыявление» теперь именовалось «Изыяснением», а в названиях «Оглавлений» появились дополнительные вариации. Появилось и своеобразное «закрепление» дополнительных структурных единиц текста за основными: «Оглавления» давались теперь не к тому в целом, а к *частям внутри тома*, «Изыявления» («Изыяснения») – к *книгам*, а приложением к *тому* шли только «Выписки из древних грамот».

Вариант IV, представленный томом VI, отличался отсутствием деления на главы и появлением такого структурного элемента, как *часть внутри книги*. Сохраненная в т. VII, *часть внутри книги* стала самым неудачным из структурных экспериментов Щербатова, так как части внутри тома совпали с частями внутри книги, а книга растянулась на обе

---

⁴¹ Там же. Ч. I. От начала царствования Царя Иоанна Васильевича до покорения царства Астраханского. Ч. II. От покорения Астрахани до начала завоевания царства Сибирского. Ч. III. От покорения Сибири до кончины царя Иоанна.

⁴² Там же. Т. V. Ч. I. Гл. III. От времени венчания царским венцем Царя Иоанна Васильевича до взятия Казани и покорения царства Казанского. Т. V. Ч. I. Гл. IV. От взятия Казани до покорения Астрахани. Т. V. Ч. II. Гл. I. От покорения Астрахани до разорения Новгорода. Т. V. Ч. II. Гл. II. От разорения Новгорода.

⁴³ *Щербатов*. Т. IV. Ч. III. Содержащая в себе выписку из древних грамот, которые приведены во свидетельство повествований четвертого тома сея Истории, купно с оглавлениями к первой и второй частям четвертаго сего тома. Т. V. Ч. IV. Содержащая в себе выписки из древних грамот, которые приведены во свидетельство повествований, содержащихся во второй и третьей части пятаго сего тома. К оным присовокуплено уведомление о критике Генерал-Майора Болтина на разные места сея Истории.

⁴⁴ Там же. С. I-XII.

части, совпав по объему с томом. Отказ от глав обеспечил сохранение четырехступенчатой структуры ценой значительного усложнения восприятия текста. Если ч. II была хотя бы невелика, то ч. I явно нуждалась в дополнительном делении. Названия всех основных, дублирующих друг друга, структурных единиц текста в этом варианте были именными.

Таблица 4. Макроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова вариант IV

Том VI	Части внутри тома	Книги	Части внутри книги	Дополнительные элементы структуры	Стр.
От начала царствования Федора Иоанновича до его кончины	I	XIV ⁴⁵	I		1-320
				Оглавление (к Ч. I. Т. VI)	1-20
				Оглавление (к Ч. II. Т. VI)	21-30
	II	XIV	II		1-118
				Грамоты, служащие к доказательствам истории Царя Федора Иоанновича	119-296
			Продолжение о современниках с Царями Российскими	1	

Что касается дополнительных структурных единиц, то их число в этом томе заметно сократилось. Очевидно, его объем совпал с объемом книги, поэтому закрепленные ранее, соответственно, за томом и книгой приложения были помещены в конце тома (и книги). Оглавления обеих частей шли здесь приложением к ч. I, что, впрочем, могло быть и следствием недосмотра издателя. Приложение (с информацией «о современниках с Царями Российскими») теперь уже не именовалось ни «Изъяснением», ни «Изъяснением», получив наименование «Продолжения».

Таблица 5. Макроструктура «Истории Российской» М.М. Щербатова вариант V

Том VII	Части внутри тома	Книги	Части внутри книги	Главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
От кончины царя Федора Иоанновича до избрания	I	XV ⁴⁶	I	I-III		1-280
					Грамоты служащие доказательствами к первой части тома VII	281-342
					Оглавление к Ч. I.	343-365

⁴⁵ Книга XIV. От начала царствования Федора Иоанновича до его кончины (1584–1598).

⁴⁶ Там же. Книга XV. От кончины царя Федора Иоанновича до избрания Царя Михаила Федоровича, дому Романовых (1598 – 1610).

Царя Михаила Федоровича, роду Романовых					Т. VII	
	II	XV	II	IV - V		1-421
					Оглавление к Ч. II. Т. VII	422-441
	III					1-178

В варианте V, к которому отнесен т. VII, было сохранено дублирование частей внутри книги и частей внутри тома и, кроме того, восстановлено деление на главы, что обусловило выход на максимум – к пятиступенчатой структуре. В результате главы I и III не достигали и двух десятков страниц (17 и 16), а в главе II их было почти 250; в главе IV было 113 стр., в главе V – за 300. Специфика эпохи Смуты с ее частыми переменами на престоле не позволила историку равномернее распределить текст. Вновь выделив главы, Щербатов перешел к сквозной их нумерации в пределах тома. Ранее, в томах I-III единая нумерация глав сохранялась в пределах книги, в томах IV и V, при совпадении объема книг и частей, – и в пределах части. Когда же объем книги сравнялся с объемом тома, а главы – восстановлены, нумерация была выведена за рамки части. В томе VII, как и в томах IV и V, последняя часть была отведена под публикацию грамот⁴⁷. Достигнув максимума по числу основных элементов структуры, том VII вышел одновременно на минимум по числу ее дополнительных элементов, ограниченных лишь публикациями грамот и оглавлениями. В этом отношении вариант V явился своеобразной противоположностью варианту I, где минимализм основных элементов структуры сочетался с максимумом дополнительных.

Названия основных структурных единиц и в этом варианте были именными, за исключением главы о междуцарствии⁴⁸. Анализ же всего комплекса названий глав «Истории Российской» – самого многочисленного основного элемента текста – свидетельствует о том, что на этом уровне, за небольшими исключениями, также преобладал именной принцип: в названиях 32 глав из 65 ключевым было слово «княжение»⁴⁹, в 19 – «царствование»⁵⁰, в 2-х – «правление»⁵¹. Названия еще двух глав,

⁴⁷ Там же. Т. VII. Ч. III. Содержащая в себе грамоты, служащая к доказательству заключающихся во второй части сего тома повествований.

⁴⁸ «Междоцарствование». Там же. Т. VII. Кн. XV. Гл. I.

⁴⁹ «Княжение Святослава» и др. Там же. Т. I. Кн. II. Гл. V-VII. Кн. III. Гл. II-III. Т. II. Кн. IV. Гл. I-III. Кн. V. Гл. II. Кн. VI. Гл. IV. Т. III. Кн. VII. Гл. I-XIII. Кн. VIII. Гл. I-IV. Т. IV. Кн. IX. Гл. I-III. Кн. X. Гл. I-II.

⁵⁰ Либо «царство»: «Царствование Владимира после его крещения», «Царство Владимира Мономаха» и др. Там же. Т. I. Кн. III. Гл. I. Т. II. Кн. V. Гл. I, III-IX. Кн. VI. Гл. I-III, V-VI. Т. V. Кн. XI. Гл. I. Т. VII. Кн. XV. Гл. II-V.

не столь канонические, также определялись именами⁵². Вышли за рамки канона, кроме того, и названия глав, фиксировавшие проблемы с престолонаследием, но и здесь в большинстве случаев не обошлось без имен⁵³.

В какой мере конструкцию т. VII можно рассматривать как некий итог размышлений историка над оптимальной структурой исторического нарратива? С одной стороны, логично предположить, что в последнем томе историк мог учесть все плюсы и минусы организации предшествующих томов. Однако для автора этот том, очевидно, представлялся очередным, а не завершающим. В «Уведомлении» Щербатов упомянул о своем давнем намерении довести «Историю» до царствования Петра Великого⁵⁴. Это обстоятельство не дает исследователям оснований считать т. VII воплощением финального проекта автора. Щербатов не довел его даже до объявленной в названии грани, завершив «сведением» с престола царя Василия Шуйского и подведением итогов его правления.

В целом, сравнивая структуру труда М.М. Щербатова со структурой «Историй» великих британцев, нельзя не признать, что она включала в себя все варианты деления текста, использовавшиеся в их трудах, но в столь замысловатом сочетании и с такими приращениями, что вряд ли можно рискнуть говорить в данном случае об определяющем влиянии англо-шотландской историографической традиции. Судя по сквозной значимости деления на книги, вероятно, можно было бы говорить о том, что труд Щербатова структурно ближе к работам Робертсона, если бы последний не ограничился диадой «тома – книги». Влияние британских образцов на творчество российского историка проявилось в большей мере в специфике дополнительных элементов структуры («Разсмотрений», «Оглавлений»). Публикации документов в том объеме, который позволил себе Щербатов, для британской традиции не были характерны. Только Робертсон в «Истории Шотландии» опубликовал солидную подборку документов в приложении к последнему тому, в разделе «Appendix»⁵⁵. Подход Щербатова в данном отношении оказался более масштабным, хотя, быть может, и преждевременным: убежден-

⁵¹ «Правление Олегово», «Правление великой Княгини Ольги» Там же. Т. I. Кн. II. Гл. II, IV.

⁵² «От принятия Рюрика в Великий Новгород до его смерти», «Великой Князь Игорь владычествует один». Т. I. Кн. II. Гл. I, III.

⁵³ «Междоусобии по смерти Князя Андрея Боголюбского, и царствование Князя Михаила Георгиевича», «Междоцарствие и княжение великого князя Дмитрия Константиновича» и др. *Щербатов*. Т. II. Кн. VI. Гл. II. Т. III. Кн. VIII. Гл. IV. Т. V. Кн. XI. Гл. II. Т. VII. Кн. XV. Гл. I.

⁵⁴ Там же Т. V. Ч. II. С. II.

⁵⁵ *Robertson. The history of Scotland...* Vol. III. P. 275–453.

ный в ценности исторических источников для читателей, историк явно преувеличил уровень запросов российской аудитории.

Н.М. Карамзин решительно отказался от многосложной структуры труда своего предшественника, прекрасно понимая, что интереснейшее, масштабное исследование Щербатова проиграло борьбу за читательские симпатии в значительной мере из-за погрешностей в организации текста. Предложенная Карамзиным макроструктура, не столь разительно отличаясь от макроструктуры трудов британских историков, как труд Щербатова, отнюдь не была ее дубликатом. Он решительно вернулся к двухступенчатой структуре (*тома – главы*), использовавшейся британцами, но, сделав главу, наряду с томами, важнейшей структурной единицей текста, отказался от сквозной нумерации. Число глав в томе в его «Истории» варьировалось от 4 до 17, а общее их число достигло 87, превысив максимум британцев на 16 глав. Если Юм, Гиббон, Робертсон, давая сквозную нумерацию глав (или книг), превращали тома в достаточно условное единство, то Карамзин самому делению на тома придал несравнимо большее значение. Устойчивость деления на тома обусловила отчетливость хронологических граней между ними. Были определены и временные границы всех «событийных» глав: даты следовали за названием каждой главы, как в оглавлении, так и непосредственно в тексте. Карамзин исключил саму возможность нестыкровок названий разных уровней, отказавшись от наименования отдельных томов. Названия в его труде получили только главы.

В макроструктуре «Истории государства Российского» сложно выделить более двух основных вариантов организации текста, причем критерием выделения в данном случае не может служить соотношение *основных элементов текста* между собой, как при анализе макроструктуры «Истории Российской» Щербатова. Устойчивая двухступенчатая структура труда Карамзина (тома – главы) вынуждает брать за основу соотношение *основных и дополнительных* структурных элементов.

Вариант I представлен томом I. Его особенность заключается в достижении максимума *дополнительных элементов структуры*.

Таблица 6. Макроструктура «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (по изданию 5) *Вариант I*

Том	Даты ⁵⁶	Главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
Т. I	с др. времен		Посвящение	VII-VIII
			Предисловие	IX-XIV

⁵⁶ Отсутствие названий у томов в «Истории» Карамзина дает основание для включения в таблицы хронологических граней, позволяющих ориентироваться в распределении материала между ними.

	до 1014		Об источниках российской истории до XVII века	XV-XVII
		I-X		1-156
		Примечания	5-150	

Начальный том Карамзина по их числу обошел первые тома «Историй» британцев, но заметно уступил тому, открывавшему «Историю» Щербатова. В кратком Посвящении автор, в духе Просвещения, выразил надежду на готовность монарха «властвовать для пользы людей, для успехов... благосостояния государственного и частного», но неосторожно оброненная им фраза «История народа принадлежит Царю»⁵⁷ стала не только самой известной, но и самой критикуемой; именно по ней впредь и будут судить об «Истории» в целом. Его подпись под посвящением, как верноподданного, вполне соответствовала принятому канону, повторяя аналог Робертсона⁵⁸. В Предисловии Карамзин изложил свои мысли о значимости истории, исторической критики, о вреде бездумного копирования историографических образцов, о периодизации отечественной истории. В отличие от Щербатова, характеристику источников он вынес за пределы основного текста. Как и Гиббон, Карамзин сделал три первые главы вводными⁵⁹. В т. I событийный ряд был доведен Карамзиным до конца правления Владимира Святославича. Он не стал дробить его правление на периоды до и после принятия христианства, как Щербатов, но его время также сделал рубежным. Обобщающей главе «О состоянии древней России» Карамзин придал статус ординарной единицы текста, его неотъемлемой, регулярно повторяющейся части. В этом отношении макроструктура его труда ощутимо ближе к варианту, предложенному Гиббоном, нежели к вариантам Юма и Щербатова. Соотношение между главами «событийными» и главами вводными и обобщающими у Карамзина примерно то же, что и в труде Гиббона (8:1)⁶⁰. Т. I занял лидирую-

⁵⁷ Ср.: «Преимущество Истории состоит в научении Государей и народов». Робертсон. 1839. Т. I. С. VIII.

⁵⁸ «Вашего Императорского Величества верноподданный Николай Карамзин». Карамзин. Т. I. 1989. С. 12. Ср.: «Вашего королевского Величества верноподданный Вильям Робертсон». Робертсон. 1775. Т. I. С. VIII.

⁵⁹ «О народах издревле обитавших в России. О славянах вообще»; «О славянах и других народах, составивших государство Российское»; «О физическом и нравственном характере славян древних». Карамзин. Т. I. Гл. I-III. Ср.: «Объем и военные силы империи в веке Антонинов»; «О единстве и внутреннем благоденствии Римской империи в веке Антонинов»; «О государственном устройстве Римской империи в век Антонинов». Гиббон. Ч. I. Гл. I-III.

⁶⁰ Помимо гл. I-III, к числу обобщающих глав в «Истории» Гиббона могут быть отнесены гл. VIII-IX, XV- XVI, XLIV, LXXI. Гиббон. 1883, 1885. Ч. I-II, V, VII.

щую позицию по числу таких глав, но историк и далее придерживался заложенной в нем традиции⁶¹, чего не смог сделать Щербатов, «Разсмотрения» которого не вышли за пределы тома II.

Поистине инновационным для отечественной историографии структурным элементом текста у Карамзина стали его объемные примечания. Как известно, в письмах он именовал их нотами⁶², что, вероятно, было следствием созвучия с многозначным английским словом «Notes» («заметки» и, кроме того, «нота», «тон»), ведь именно так назывались примечания в трудах его британских предшественников. В «Истории» Карамзина они превышали основной текст и уже в силу этого определяли специфику каждого тома. Соотношение примечаний и основного текста в «Истории государства Российского» сопоставимо лишь с «Доказательствами и объяснениями» к «Введению» в т. I труда Робертсона об эпохе Карла V⁶³. Примечания позволяли Карамзину не только формулировать проблемы, но и проводить компаративный анализ источников и исследований в проблемном ключе. Совершенно особую роль играли в них те многообразные диалоги с профессионалами, которые так утяжеляли основной текст труда Щербатова, а в «Истории» Карамзина оказались на своем месте: за своего рода круглым столом, собравшим историков. Примечания в «Истории государства Российского» не следует рассматривать как текст, вторичный по отношению к основному. Скорее, это параллельный текст, строившийся по иным принципам, хотя и не исключавший, как отмечал В.П. Козлов, «сложной системы взаимосвязей между ними»⁶⁴. Здесь в большей мере решались именно исследовательские задачи, хотя были и рубрики для любопытных Читателей, готовых знакомиться и с баснословием, приводились различные случаи, которые, ввиду их меньшей значимости, не были включены в основной текст. К сожалению, статус *дополнительного элемента текста* обусловил появление многочисленных публикаций усеченной «Истории госу-

---

⁶¹ «О состоянии древней России», «Правда Русская или Законы Ярославовы», «Состояние России с XI до XIII века», «Состояние России от нашествия татар до Иоанна III», «Состояние России. 1462–1533», «Первые завоевания Сибири. Г. 1581 – 1584», «Состояние России в конце XVI века». *Карамзин*. Т. I. Гл. X. Т. II. Гл. III. Т. III. Гл. VII. Т. V. Гл. IV. Т. VII. Гл. IV. Т. IX. Гл. VI. Т. X. Гл. IV.

⁶² Н.М. Карамзин – А.Ф. Малиновскому 25.03.1818, 29.01.18220: «Я снова принялся за девятый том: пишу ноты к первой главе», «Я недели две не выезжал от простуды, однакож писал ноты». *Письма*. С. 27, 59.

⁶³ «Доказательства и объяснения» были изданы в России отдельно в т. II, в т. I – само «Введение». См.: *Робертсон*. Т. I–II. 1775–1778. Основная часть труда Робертсона была опубликована в России лишь в 1839 г.

⁶⁴ *Козлов*. С. 553.

дарства Российского»⁶⁵. Карамзину удалось исключить издательский произвол в отношении *основных элементов текста*, закрепив определенные главы за определенными томами. Но защитить свои Примечания от произвольного препариования, начавшегося уже с 3-го издания и продолжающегося по сей день, оказался не в силах.

В первом издании, уже после основного текста, Примечаний и Оглавления, был еще один дополнительный структурный элемент, «Прибавление», содержащее отзыв Карамзина на любопытные, по его словам, сочинения Г. Эверса⁶⁶.

Вариант II, к которому следует отнести все остальные тома «Истории» Карамзина, отличается минимализмом и инвариантностью набора элементов структуры.

Таблица 7. Макроструктура «Истории государства Российского» Н.М. Карамзина (по изданию 5). *Вариант II*

Том	Даты	Главы	Дополнительные элементы структуры	Стр.
II	1015–1169	I – XVII		1-192
			Примечания	5-172
III	1169–1238	I – VIII		5-174
			Примечания	5-138
IV	1238–1362	I – XII		5-186
			Примечания	5-162
V	1363–1462	I – IV		1-242
			Примечания	5-178
VI	1462–1505	I – VII		5-228
			Примечания	5-104
VII	1505–1533	I – IV		5-142
			Примечания	5-68
VIII	1533–1560	I – V		5-188
			Примечания	5-82
IX	1560–1584	I – VII		1-280
			Примечания	5-184
X	1584–1598	I – IV		5-166
			Примечания	5-86
XI	1598–1606	I – IV		5-184
			Примечания	5-84
XII	1606–1612	I – V		1-196
			Примечания	5-148

⁶⁵ Уже 3-е издание включало примечания в урезанном варианте. *Карамзин*. 1830-1831. В связи с этим в 1852-1853 г. они были опубликованы отдельно. См.: *Примечания*. Т. I-IV.

⁶⁶ *Карамзин*. Т. I. 1816. С. 509. См.: *Карамзин*. Т. I. 1989. С. 320 (раздел «Варианты и разночтения»). Ср.: *Козлов*. С. 571.

Сохранение деления по граням, торжество принципа «один правитель – одна глава» в томах I–IV «Истории» Карамзина обусловило появление около 20 «малых» глав (от 3 до 10 стр.). Прежний принцип деления сохранялся и в т. V, но долгие княжения привели к сокращению числа глав, а с т. VI несколько глав начали объединяться одним именем. Это привело к повторам в названиях: «Продолжение государствения...» или «Продолжение царствования...»⁶⁷. Последняя глава последнего тома, «Междоцарствие», была единственной из событийных глав, не обозначенная именем правителя.

Сопоставление томов «Истории государства Российского» с *книгами* II–XV «Истории Российской» (а не *томами*, несопоставимыми ни по количеству, ни по объему), позволяет выявить и расхождения, и значимые совпадения в предложенных историками вариантах хронологического структурирования. Начальные книги «Истории» Щербатова (II–V) освещали относительно небольшие отрезки исторического времени. Лишь к шестой книге ритмы «Историй» Щербатова и Карамзина начали сближаться. Времени Андрея Боголюбского, правление которого открывало кн. VI у Щербатова, в труде Карамзина был придан еще более высокий статус, сопоставимый со статусом эпохи князя Владимира у Щербатова: имя князя Андрея было внесено в названия двух последних глав тома II и открывало т. III⁶⁸. Рубежом между томами III и IV у Карамзина, как и между книгами VI и VII у Щербатова, стало нашествие Батыя. Книгам VII и VIII в «Истории» Щербатова хронологически соответствовал т. IV в «Истории» Карамзина, кн. IX – тому V, кн. X – томам VI и VII. Т. VI в «Истории» Карамзина оказался переломным, поскольку в кн. X Щербатов объединил эпохи Ивана III и Василия III, а Карамзин, напротив, счел необходимым посвятить времени Ивана III отдельный том: ведь именно с него, по Карамзину, начиналась «средняя» история России. Тома VIII и IX в «Истории государства Российского», грань между которыми поделила царствование Иоанна Грозного на две эпохи, соответствовали хронологии книг XI, XII, XIII в «Истории» Щербатова. Т. X совпадал по датам с книгой XIV, книга XV начиналась, как и том XI, с 1598 г., но, будучи последней, заканчивалась чуть раньше, чем финальный том Карамзина.

---

⁶⁷ Карамзин. Т. VI. Гл. II–VII. Т. VII. Гл. II–III. Т. VIII. Гл. II–V. Т. IX. Гл. I–VII. Т. X. Гл. II–III. Т. XI. Гл. II. Т. XII. Гл. II–III.

⁶⁸ «Великий Князь Ростислав-Михаил вторично в Киеве. Андрей в Владимире Суздальском. Г. 1159-1167». «Великий Князь Мстислав Изяславич Киевский. Андрей Суздальский или Владимирский. Г. 1167-1169». «Великий Князь Андрей. Г. 1169-1174». Там же. Т. II. Гл. XVI–XVII. Т. III. Гл. I.

Таким образом, ранний период российской истории дольше привлекал внимание Щербатова, чем Карамзина, который еще в «Письмах русского путешественника» обозначил свою позицию по поводу него⁶⁹. Время Ивана III оказалось интереснее Карамзину, а эпоха Ивана IV стала центральной и для того, и для другого. Карамзин не стал «подтягивать» структуру труда под предложенную в предисловии лаконичную периодизацию отечественной истории, где гранью между древнейшим и средним этапом было правление Иоанна III, а между средним и новым – эпоха Петра I. Возможно, это было связано с тем, что он не предполагал останавливаться на новой истории. Судя по прим. 222 к т. III, на момент издания первых томов Карамзин рассчитывал довести свой труд до времен Алексея Михайловича. О петровской и, тем более, постпетровской эпохе речь не шла. Определенный им хронологический предел «Истории государства Российского», как видим, был почти тот же, что и в проекте Щербатова, упомянутом в «Уведомлении».

Нельзя не заметить, что в «Истории» Карамзина отсутствовал столь значимый для Щербатова дополнительный элемент текста, как таблицы, в том числе родословные. «Родословныя владетельных Князей Российских», составленные Карамзиным (Росписи I-IX), представляющие «только важнейшие имена», были опубликованы П.М. Строевым⁷⁰. Включая их, наряду со своими⁷¹, в качестве приложения, в составленный им же «Ключ или алфавитный указатель к Истории государства Российского Н.М. Карамзина», Строев отмечал, что «Родословная часть Отечественной Истории весьма несовершенна. Росписи Кн. Щербатова *вне употребления*,... Карамзина *неполны*»⁷². Карамзин не отрицал важности составления более подробных родословных, предваряя свои словами: «Оставляю другому сочинить полныя росписи, коих материалы находятся в сей Истории, или в ея примечаниях»⁷³.

«Ключ» П.М. Строева, составленный им ко 2-му изданию «Истории государства Российского» и позднее «приспособленный» к 5-му изданию, восполнил недостающий, с точки зрения канона позднего Просвещения, элемент из числа дополнительных в макроструктуре труда Карамзина, являясь аналогом указателей («Index») британских историков и

⁶⁹ «Родословная Князей, их ссоры, междоусобие, набеги Половцев, не очень любопытны: соглашаюсь; но за чем наполнять ими целые томы?». Карамзин. 1984. С. 252-253.

⁷⁰ Строев. С. 2-17. Карамзин писал: «Оставляю другому сочинить полныя росписи, коих материалы находятся в сей Истории, или в ея примечаниях». Там же. С. 1.

⁷¹ «Родословные росписи Князей Владетельных (I-XV)». Там же. С. 19-45.

⁷² Там же. С. 19 (выделено П.С.).

⁷³ Там же. С. 1.

«Оглавлений» Щербатова. По словам Строева, Карамзин одобрил радушно его намерение «составить Азбучные Указатели к его творению»⁷⁴. Вероятно, этот структурный элемент не противоречил представлению Карамзина об оптимальном для его «Истории» композиционном решении, но, как и «Родословная владетельных Князей Российских», он не представлялся ему абсолютно необходимым для читателей.

Проведенный анализ предложенной Карамзиным модели структурирования макроистории дает основания утверждать, что, сохраняя в себе отдельные композиционные особенности, присущие трудам его британских и отечественных предшественников, она не повторяла ни одну из созданных ими работ. Сравнительный анализ макроструктуры трудов Щербатова и Карамзина позволяет говорить о влиянии англо-шотландской историографической традиции на процесс конструирования макроисторий позднего российского Просвещения. Структура трудов отечественных историков свидетельствует о напряженном поиске в ту эпоху оптимальной формы макроисторического произведения, об активном обмене идеями, о попытках апробировать на ином историческом материале находки зарубежных коллег.

Анализ изменений в макроструктуре «Истории Российской...» Щербатова, происходивших от тома к тому, показывает, что постоянные трансформации сочетаний устойчивой диады «тома – книги» с изменчивой диадой «части – главы», создавая ненужное дублирование заглавий, значительно затрудняли ее восприятие читателями. Включив в свою «Историю», помимо ординарных элементов текста, мини-исследования под разными названиями, указатели, родословные таблицы и документы, сделав свой труд одновременно достаточно представительной хрестоматией, Щербатов оказался слишком уязвим для критики. Им, по сути, была создана целая библиотека по русской истории. Идеально выстроить эту библиотеку ему не хватило времени.

Опираясь на опыт историков англо-шотландской историографической школы, учтя недочеты в построении «Истории» своего предшественника, Карамзин создал оригинальную структуру исторического труда, действительно соединив его отдельные части в «систему, ясную стройным сближением частей». В соответствии с традицией, которой следовали Юм и Щербатов, в меньшей степени – Робертсон и Гиббон, Карамзин выстраивал свой нарратив по граням. Придание обобщающим главам статуса ординарных единиц текста сближало его труд с «Историей» Гиббона. Примечания к «Истории государства Российского» созда-

---

⁷⁴ Там же. С. 1 (б/н).

вались не без влияния «Доказательств и объяснений» в томе I исследования Робертсона об эпохе Карла V. Вариативность структуры «Истории» Карамзина, предоставлявшая читателям возможность выбирать приемлемый объем предлагаемой информации (только основной текст или же с примечаниями) максимально соответствовали просветительским задачам автора, обеспечив значительное повышение интереса к историческому знанию в России.

Сравнительный анализ макроструктуры трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина дает необходимую информацию для формулирования задач дальнейшего изучения «Историй» позднего Просвещения в компаративном режиме. Предложенные историками той эпохи варианты хронологического структурирования макроисторий позволяют разработать программу сравнительного исследования выделяемых историками граней эпох, предопределенных как личностным фактором, сменой политических лидеров, так и сменой столиц, территориальными изменениями. Максимальная ориентированность на читателя дополнительных элементов структуры в труде Щербатова и примечаний – в «Истории» Карамзина, дает основание обратиться к исследованию выстраивавшихся авторами коммуникативных стратегий, предопределивших многообразие диалогов с читателями и коллегами-историками, без чего была бы невозможна реализация миссии Просвещения.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. Ч. I-VII. М. 1883-1886.
Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской империи. СПб.: «Наука». «Ювента». Ч. I-II. 1993. Ч. III. 2008. Ч. IV. 2006. Ч. V-VII. 2004.
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I-II. СПб. 1816.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I-XII. СПб. 1830-1831.
Карамзин Н.М. История государства Российского. Издание 5. СПб. 1842-1843. Кн. 1 (Т. I-IV), 2 (Т. V-VIII), 3 (Т. IX-XII).
- Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. I-VI. М.: «Наука» 1989-1998.
Карамзин Н.М. Письма русского путешественника. Л.: Наука. 1984.
- Козлов В.П. «Примечания» Н.М. Карамзина к «Истории государства Российского» // Там же. Т. I. С. 551-574.
- Робертсон В. История государствования императора Карла V. Т. I-II. СПб., 1775-1778.
- Робертсон В. История государствования императора Карла V. Т. I-IV. М., 1839.
- Письма Карамзина к А.Ф. Малиновскому и письма Грибоедова к Бегичеву. М. 1860.
- Примечания к Истории государства Российского сочинения Карамзина. Т. I-IV. СПб. 1852-1853.
- Строев П.М. Ключ или алфавитный указатель к Истории государства Российского Н.М. Карамзина. СПб. 1844.
- Татищев В.Н. История Российская в семи томах. Т. I-VI. М.-Л., 1962-1966.

- Щербатов М.М.* История Российская от древнейших времен. СПб. Т. I. 1794. Т. II. 1805. Т. III. 1774. Т. IV. Ч. I. 1781. Т. IV. Ч. II. 1783. Т. IV. Ч. III. 1784. Т. V. Ч. I. 1786. Т. V. Ч. II-IV. 1789. Т. VI. Ч. I-II, Т. VII. Ч. I. 1790. Т. VII. Ч. II-III. 1791.
- Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. I. Basil. 1787.
- Gibbon E.* The history of the decline and fall of the Roman Empire. Vol. I–XII. London–Edinburgh. 1815.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the Accession of Henry VII. Vol. I-II. 1762.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VIII. L. 1767.
- Hume D.* The history of England from the invasion of Julius Caesar to the revolution in 1688. Vol. I-VI. L. 1830.
- Robertson W.* The history of the reign of the Emperor Charls V. Vol. I-III. London. 1769.
- Robertson W.* The history of the reign of the Emperor Charls V. Vol. III. London. 1777.
- Robertson W.* The history of America. Vol. II. Basil. 1790.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. Basil. 1791.
- Robertson W.* The history of Scotland during the reigns of Queen Mary and of King James VI. Vol. I-III. // Robertson W. The works of W. Robertson in twelve volums. Vol. I-III. Edinburgh–London. 1819.
- Robertson W.* The history of America. Vol. I–IV. // Ibid. Vol. VIII–XI.
- Рудковская Ирина Евгеньевна***, кандидат исторических наук, доцент кафедры философии и социальных наук Томского государственного педагогического университета; *iri-rudkovskaya@yandex.ru*

С. Р. МАТВЕЕВ

ИДЕЯ “СРЕДНЕГО КЛАССА” В МЕМУАРАХ Ф. ГИЗО¹

Идея среднего класса в воспоминаниях Ф. Гизо представлена как результат исследовательской работы и политической деятельности французского мыслителя. Большое внимание уделяется историческому и интеллектуальному контексту, а также генетической связи идеи с предшествующей и последующей традициями ее разработки.

Ключевые слова: *Ф. Гизо, средний класс, эпоха Реставрации, история идей.*

Попытка написать историю идеи среднего класса не является новой, и даже сформировалась определенная схема ее реализации, траектория которой проходит от Аристотеля (как автора идеи) к многочисленным ранним, а затем и поздним критикам концепции Карла Маркса о двух классах-антагонистах. Научный интерес к этой проблеме, как в России, так и за рубежом проявляют главным образом социологи², с их традиционным невниманием к историческому материалу. В результате значимость концепта средний класс в историко-политическом дискурсе эпохи Реставрации во Франции остается нераскрытой.

В статье предлагается анализ концепта «средний класс» на материале мемуаров Франсуа Гизо³. Это позволит увидеть развитие идеи не только в философской плоскости, где она в свое время зародилась, но и в политической, где она приобрела огромное значение в эпоху Реставрации и сохраняет его поныне, а также рассмотреть воспоминания Гизо как важный источник информации по социологии класса.

Франсуа Пьер Гийом Гизо (1787–1874) родился в Ниме в протестантской буржуазной семье. Первое образование получил в Женеве, куда его увезла мать, после казни отца на гильотине в 1794 г. В 1805 г. Гизо возвращается в Париж и поступает на юридический факультет. Однако его интересы шире избранной специальности: он занимается переводами, изучает языки, знакомится с учением Иммануила Канта и философским движением в современной ему Германии, пишет критическую статью о Штатбриане, которая привлекает благосклонное внимание писателя. Гизо получает широкую известность благодаря своим историческим сочинениям, уже в XIX в. переведенным на основные

---

¹ В данной работе использованы результаты проекта «Формирование дисциплинарного поля в социальных и гуманитарных науках», выполненного в рамках программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2012 г.

² См.: Радаев, Шкарман. 1995; Goldthorpe. 1980; Wamer. 1960.

³ Guizot. 1858-1867.

европейские языки. А. Крейту заметил, что его «История цивилизации в Европе»⁴ стала бестселлером с многотысячными тиражами⁵. Много-томная «История цивилизации во Франции»⁶ показала тесную связь французской политической мысли с идеей цивилизации. Гизо пишет ее как политик, ищущий ответ на чрезвычайно актуальный для его времени вопрос: как достичь «свободного правления» и в чем его суть.

Участвовать в политической жизни Гизо начинает в эпоху Реставрации. В 1830 г. подписывает обращение 221 против политики Карла X. Благодаря Июльской революции лидер либерального клуба «Доктринеров» Гизо входит в правительство, сначала как министр внутренних дел (1830), затем, как министр народного просвещения (1832–1836), фактически руководит кабинетом министров в 1840–1847 гг. и становится премьер-министром и лидером консервативной группы в 1847–1848 гг. Падение его кабинета связано с нежеланием изменить закон о выборах, что спровоцировало революцию февраля 1848 года и уничтожило Июльскую монархию. В отставке Гизо и писал свои воспоминания.

«Воспоминания как материалы для истории моего времени» Франсуа Гизо были полностью изданы в восьми томах с 1858 по 1867 гг., т.е. при жизни автора, и изначально претендовали на то, чтобы стать достоянием самой широкой публики, что позволяет уверенно классифицировать их как действительно «современные истории», содержащие авторское видение общественно значимых событий первой половины XIX в. Подготовка текста к публикации, вероятно, заставила Гизо сгладить или упростить некоторые моменты, внести коррективы в исходные записи (например, ослабить критику в адрес Наполеона I и режима Первой империи, которую Гизо позволял себе в период Реставрации, но не мог сохранить в печатном тексте в условиях Второй империи).

Сам автор воспринимал мемуары актуально, как политик, и пытался обозначить свою позицию по всем основным вопросам, связанным с государственной деятельностью (закономерно, что суждения периода пребывания Гизо в оппозиционном лагере менее осторожны и более провокационны по отношению к власти, чем относительно взвешенные формулировки периода принадлежности к ней). Во-вторых, он понимал, что потенциально «Воспоминания» являются источником по французской и европейской истории, о чем свидетельствует их полное заглавие и структура, в основе которой лежит проблемно-хронологический принцип, в целом схожий со структурой исследовательских работ.

---

⁴ Гизо. 2005.

⁵ Craitu. 2005. P. 5.

⁶ Гизо. 2006.

Несмотря на то, что историк начал составление мемуаров после вынужденного ухода из политики в 1848 г., они включили в себя без изменений значительный массив личных материалов более раннего периода (политическая корреспонденция, частная переписка, тексты речей и памфлетов). Сопоставление документов, созданных в режиме реального времени и отразивших отношение мыслителя к событиям, современником которых он являлся, с текстами, специально подготовленными для мемуаров, обнажает мировоззренческий зазор между молодым и зрелым Гизо, а если быть точным, то между теоретиком и практиком. Но в целом для данной статьи дифференциация Гизо-историка и Гизо-политика не является значимой. Поскольку мемуары содержат главным образом рефлексию по поводу политической деятельности, развернутый анализ сочинений мыслителя не предполагается, однако необходимо иметь в виду, что концепт «средний класс» был сформирован Гизо еще до включения в активную политическую деятельность и появился как элемент социальной теории, изложенной в исторических исследованиях и публичных выступлениях. В частности, Алексис де Токвиль говорил о своем впечатлении от лекций Гизо, прослушанных им в период обучения на юридическом факультете Сорбонны, в которых историк, а впоследствии государственный деятель, стремился доказать, что ход истории неотвратимо ведет Францию к триумфу среднего класса⁷.

Труды Гизо, в том числе и воспоминания, отличаются высоким стилистическим качеством и очевидными литературными достоинствами (свойство текстов периода романтической историографии)⁸, что исключает чью-либо редакторскую работу над их формой. Зачастую мемуаристы, владея информацией в рамках ограниченной компетенции, включают в систему воспоминаний данные, выходящие за пределы их непосредственного опыта. Социальная и политическая активность Гизо, его вовлеченность в функционирование государственной системы (с 1814 по 1848 гг. он всегда занимал какую-либо правительственную должность или был активным деятелем оппозиционного лагеря) позволяют говорить об активном участии в описываемых событиях и, следовательно, – о высокой степени информированности автора мемуаров.

Из всего многообразия сюжетов и проблем, освещенных Гизо в «Воспоминаниях», идея «среднего класса» представляет сегодня особый интерес. С XIX в. это понятие не покидает пределы общественно-политического дискурса и эксплуатируется, зачастую неосмысленно,

---

⁷ Tocqueville. 1964. P. 73.

⁸ Haas. 1995. P. 1107-1108.

главным образом государственными деятелями либеральной и консервативной ориентации, которые апеллируют к среднему классу как к высшей инстанции, интересы которой они представляют. «Средний класс», как почти все концепты в социальных науках, является сенсублизирующим понятием. В каждом историческом контексте требуется прояснение его смысла, который не только меняется со временем, но и в каждом периоде допускает сосуществование разных интерпретаций.

В современном понимании «средний класс» определяется через ряд исторически сложившихся признаков. Во-первых, ему присущ средний (для данной страны) уровень благосостояния, стабильность и постоянство источников дохода. Во-вторых, он обладает высоким уровнем образования и наличием профессиональной квалификации. В-третьих, он характеризуется высоким уровнем вертикальной мобильности, в том числе внутриклассовой. В-четвертых, его отличают стремление к общественной стабильности и менталитет, характеризующийся реформизмом, индивидуализмом и установкой на поддержку существующего режима⁹.

Категория «средний класс» уже около двухсот лет является как важной, так и неопределенной составляющей социально-политического пространства Запада. В зависимости от эпохи, страны, некоторых нюансов восприятия понятие это может обозначать разные общественные слои. Впервые проблематизировал его Аристотель в пятой и шестой книгах «Политики», где он исследовал причины насильственных выступлений и переворотов, а также условия, необходимые для нормального существования государства. Стагирит считал формирование прослойки «средних граждан» спасительной мерой, благодаря которой «государственному устройству вообще и каждому из его видов в частности можно обеспечить устойчивое состояние»¹⁰. Согласно Аристотелю «средние слои населения» нельзя отнести ни к «верхам», ни к «низам», они могут служить опорой для наилучшего политического устройства, поскольку желают сохранения существующего строя¹¹.

Однако предпосылки для реального появления среднего класса, в его современном понимании, создаются в Новое время, когда рождается тип европейского буржуа, не только имеющего определенный материальный достаток, но и формирующего собственную систему мировоззрения, ценностей и культурных запросов. В XIX в. «теории о естественных правах олигархов были повсюду заменены теориями естественных

---

⁹ См.: Goldthorpe. 1980.

¹⁰ Аристотель. 2012. С. 190.

¹¹ См. там же. С. 195.

прав всех людей на равную долю во всем хорошем в жизни»¹². А. Смит, Э. Кондильяк, К. Сен-Симон, Ф. Гизо, О. Минье вводят в обществоведение Европы понятие социального класса, однако только Гизо выводит проблему из теоретической в практическую плоскость, актуализирует в своих трудах, преподавательской и политической практике концепт «средний класс» и придает ему особое значение. Для современного понимания «среднего класса» идея Гизо станет исходной, но останется в тени классовой теории сторонников и критиков марксизма.

Источником воззрений мыслителя выступает комплекс факторов и обстоятельств, которые условно можно объединить в три группы, характеризующие исследовательскую работу, общественно-политическую деятельность автора и социальную реальность Франции его времени.

Подход философа к историческому материалу сформировал веру в триумф среднего класса в результате развития цивилизации, представление о том, что залог его успеха кроется в лучшей организации общественных отношений¹³. Гизо объясняет потрясения, пережитые Францией («первый великий урок, который дает нам наша история»), незрелостью социальной структуры: «попытки учредить свободное правление всегда разрушались слепым соперничеством высших классов», которые «не сумели действовать заодно, чтобы быть вместе свободными и сильными, и тем отдали себя и Францию в жертву революциям»¹⁴.

Важнейшую роль в становлении концепции Гизо сыграла аккумуляция воздействия обширной интеллектуальной сети, в которую Гизо лично был включен на пике своей карьеры. Представители данного круга, как правило, сочетали теоретическую деятельность, в виде выработки новых методов осмысления исторической реальности, с общественной практикой, в виде конструирования и прогнозирования перспектив политического действия, т.е. пытались разработать практически востребованную и применимую теорию, что сокращало традиционный зазор между теорией и политикой. Именно в этот период в контексте центральных политических споров – выстраивание отношений между буржуазией и аристократией (кабинеты Деказа и герцога Ришельё), между либералами и консерваторами (министерства Диссоля и Виллеля), подавление испанской революции (министерство Виллеля), степень развития местного самоуправления (кабинеты Мартиньяка и князя Полиньяка), судьба «Хартии 1814 г.» (Тьер, Гизо против Карла X) и т.д. –

¹² Радаев, Шкаратан. 1995. С. 67.

¹³ См.: Гизо. 2005. С. 24-25.

¹⁴ Гизо. 2006. С. 15.

присутствовала проблема построения устойчивого общества, актуализированная потрясениями во Франции и в Европе¹⁵.

Ключевым элементом интеллектуальной сети Гизо было объединение «Доктринеров», которое возникло в 1816 г. и получило свое название, по одной версии в результате шуточного обвинения, брошенного в адрес первого его лидера П.-П. Руайе-Коллара, выступавшего с речью о «доктринах», «принципах» и «теориях»¹⁶, по другой, «доктринеры» – это самоназвание, что подтверждается мемуарами Гизо, полагавшего, что «доктрины, от имени которых уничтожили старое общество» должны смениться доктринами, которые позволят создать новую Францию¹⁷. «Доктринеры» не представляли собой политическую партию, а были небольшой, но влиятельной группой¹⁸, члены которой, по словам современника, могли разместиться на одном диване (их число не превышало десяти). Убежденные, что идея конституционной монархии способна соотнести идеалы 1789 года с королевской властью и стать тем государственно-правовым фундаментом, который необходим обществу¹⁹, они старались примирить свободу с порядком, конституционный образ правления с сильным правительством. Среди прочего, они предлагали ориентацию на «большую часть населения», выразителем интересов которой является буржуазия²⁰, «от имени всех и в пользу всех завоевавшая права, преобладающие в [существующем] социальном строе» и «не потребовавшая для себя никакого исключительного положения»²¹.

«Доктринеры» считали, что «средний класс» делает государство устойчивым и выступает как «наилучшая защита принципов 1789 года, социального порядка, гражданских и политических свобод, прогресса и стабильности», препятствует «повторению революционных кризисов»²². Современный автор А. Крейту убежден, что амбициозная цель Доктринеров заключалась в стремлении воспитать средний класс и преобразовать его в реальную политическую силу, что позволило бы сформировать опору представительного правления и «завершить» Французскую революцию²³. Руайе Коллар в 1822 г. заявлял: «Производство и собст-

---

¹⁵ Подробно о воздействии общественно-политических трансформаций на либеральную доктрину см.: *Sabourin*. P. 239-245.

¹⁶ *Craitu*. 2005. P. 26.

¹⁷ *Guizot*. 1858. P. 158.

¹⁸ *Craitu*. 2005. P. 26.

¹⁹ *Ibidem*. P. 27.

²⁰ *Rosavallon*. 1985. P. 217.

²¹ *Guizot*. 1864. P. 348.

²² *Guizot*. 1867. P. 21-23.

²³ *Craitu*. 2005. P. 4.

венность привели к увеличению среднего класса, который включился в общественную деятельность; он не чувствует себя виновным ни в любопытстве, ни в смелости разума, чтобы этим заниматься, он знает, что это его дело»²⁴. Однако внимание, уделенное Гизо разработке идеи «среднего класса» в позднейших работах²⁵, позволяет говорить о его ключевой роли в формировании данного концепта.

Социальная реальность первой половины XIX в., особенности промышленного переворота и аграрного законодательства Революции²⁶ превратили Францию в страну мелких собственников, в которой размыты перегородки между высшим классом буржуазии, с одной стороны, мещанством и низшими ее слоями, с другой²⁷. Именно в этот период средний класс начал стремительно расширяться. Шаткость общественно-политической структуры, претерпевшей с 1789 по 1814 г. сильнейшие потрясения (революция, наполеоновские войны) и глубокие трансформации (падение монархии, провозглашение республики, а затем империи, принятие семи конституций²⁸) сформировала политическую культуру, ориентированную на обширный социальный блок средних слоев собственников, заинтересованных в стабильности общества и способных стать опорой действующей власти.

Оформление идеи среднего класса предшествовало его реальному появлению в качестве элемента социальной структуры. Это подтверждается записями Гизо относительно состава этой прослойки. Он говорит то о буржуазии, занимающей «промежуточное положение между

---

²⁴ Цит. по: *Ibid.* Т. 6. Р. 347.

²⁵ См., например: *Craitu.* 2005; *Rullmann.* 2001, *Terray.* 2012. Необходимо отметить, что это не социологические работы, а исторические исследования, в которых проблема среднего класса имеет второстепенную роль.

²⁶ См.: Закон 15 марта 1790 г. «О порядке упразднения феодальных прав»; аграрные декреты 14, 25 августа 1792 г.; декрет «Об общинный землях» 10-11 июня 1793 г.; декрет 17 июля 1793 г. «Об окончательном упразднении феодальных прав». *Документы истории Великой французской революции.* Т. 1. М., 1990.

²⁷ Конечно, надо учитывать неоднозначность интерпретации понятия «буржуазия» во Франции в начале XIX в. К этой категории причисляли представителей третьего сословия, совсем не в духе более поздней марксистской концепции, определяющей буржуазию как «господствующий класс капиталистического общества, обладающий собственностью на средства производства и существующий за счёт эксплуатации наёмного труда». См.: *Маркс, Энгельс.* Т. 4. 1955. С. 419-459.

²⁸ Впервые конституция была принята во время революции 3 сентября 1791 г., якобинцами принята конституция I г. (не вступила в силу), режим Директории установлен конституцией III г., после прихода к власти Наполеона принята конституция VIII г., режим пожизненного консульства установлен Конституцией X года, первая империя – конституцией XII г., после Реставрации была принята Хартия 1814 г.

старой аристократией и беднейшей частью населения»²⁹, то о «средних классах» во множественном числе³⁰, обнажая неоднородность буржуазной среды, которая включила в себя многочисленные группы разного имущественного состояния³¹ (от рантье, торгово-промышленной буржуазии до чиновников, университетских профессоров и служащих). Неопределенность эту автор пытается нивелировать признанием высокой вертикальной мобильности французского общества, где «средний класс» открыт и постоянно расширяется за счет вливания в него представителей других социальных групп по мере развития их материального благосостояния и повышения интеллектуального уровня: «В просторном помещении, которое занимает буржуазия внутри общества, двери всегда открыты»³², а в рядах ее «всегда хватит места для тех, кто хочет и умеет туда войти»³³. Таким образом, французская буржуазия, как английская аристократия, «омолаживает себя, привлекая людей из других классов по мере того, как они возникают вокруг нее», т.е., родившись из народа, «она черпает и бесконечно питается из того же источника, который безостановочно течет и поднимается вверх», «это сама сущность и осуществленное право её»³⁴. Однако граждане, претендующие на попадание в эту категорию должны «не заниматься физическим трудом»³⁵, обладать достатком, который позволяет иметь независимость суждений и поступков и преодолевать имущественный ценз для участия в выборах: «Обогащайтесь посредством труда и бережливости, и вы станете избирателями!», говорил Гизо, согласно легенде.

Именно «средний класс», по мнению Гизо, должен оказывать решающее влияние на функционирование политической системы, поскольку он обладает «политическим разумом» и чувством справедливости. Одна из основных задач правительства – создание условий для того, «чтобы естественным путем социальные институты постепенно повышали число людей с соответствующим уровнем интеллекта и независимости, что сделало бы их достойными участия в осуществлении политической власти»³⁶. Фильтром, который допускает к управлению

---

²⁹ Ibid. Т. 8. Р. 22.

³⁰ Ibid. Р. 23.

³¹ Терминологическая неопределенность Гизо позже отразилась и во французском языке, где «средний класс» определяется терминами «bourgeois», «bourgeoisie», «la classe moyenne» (сравните с англ. «middle class»), «les couche moyenne».

³² Guizot. Т. 6. 1858. Р. 348.

³³ Ibid. Р. 349.

³⁴ Ibidem.

³⁵ Ibid. Р. 347.

³⁶ Ibid. Р. 346.

государством людей «подготовленных», является «Хартия», включившая в рафинированном виде все основные завоевания и права, необходимые буржуазии для общественного господства. Она провозгласила равенство всех граждан перед законом, независимо от их званий и титулов (что пресекло реставрацию аристократических привилегий), свободу слова, печати, совести, создала возможность существования реальной законодательной власти и политических партий «для потенциально активных элементов свободного правительства»³⁷. Однако участие в политической деятельности и преодоление барьеров для этого не является единственным условием принадлежности к «среднему классу». Если активные граждане отказываются действовать в рамках существующей системы, допускают «революционные искажения» и используют «заговорщические принципы», которые «бросают тень... на их конституционную борьбу», то они не могут относиться к этой социальной группе³⁸. Патриотизм и лояльность правительству как непереносимое свойство «среднего класса» подчеркнуты и в работе «О демократии во Франции», где Гизо писал: «...и при войне, и при мире средние классы дают всегда людей готовых пожертвовать собой на службе родине»³⁹.

«Средний класс» мыслится Гизо-политиком как активный слой, который способен снять с правительства часть «груза социальных гарантий» перед наименее защищенными группами и устранить необходимость «беспрестанного опасного перераспределения благосостояния»⁴⁰. «Средний класс» несет высокую «очевидную и священную» ответственность за всю нацию и через правительство приходит на помощь наименее защищенным группам, чтобы «уменьшить их нищету и способствовать их растущему стремлению к благам цивилизации», исправляя таким образом «дефекты социальной организации, из которых вытекают все бедствия столь многих людей»⁴¹.

Гизо признает риски, которые связаны, в первую очередь, с особым положением, к приобретению которого идет «средний класс»: «Как и у всех общностей людей, которые получают подобные позиции, у среднего класса есть свои недостатки, ошибки, непредусмотрительность, упорство, тщеславие, эгоизм; легко об этом говорить, но не стоит клеветать на этот слой, учитывая его значение...»⁴². Для мыслителя

³⁷ Ibid. Т. 8. Р. 9.

³⁸ Ibidem.

³⁹ Guizot. Р. 1849. Р. 95.

⁴⁰ Guizot. Т. 6. 1858. Р. 347.

⁴¹ Ibidem.

⁴² Ibidem. Р. 348.

очень важно «не разжигать соперничество и вражду между буржуазией и народом, похожую на ту, которая существует между буржуазией и дворянством». Он убежден, что для подобного противостояния отсутствует почва, ведь «современная буржуазия не отвергает свою историю; от имени и в пользу всех она завоевала права, которыми она обладает и которыми могут обладать все», на которых зиждется существующий общественный строй⁴³. И в то же время, «средний класс»-буржуазия не требует и не пытается заполучить особые привилегии и исключительное для себя положение, хотя имеет ресурсы для этого⁴⁴. Гизо признает, что невозможно полностью преодолеть «бурление общественных страстей и разнообразие общественных положений», поскольку это «естественный плод общественного движения и свободы», но отныне эти процессы нельзя объяснять противостоянием «среднего класса»-буржуазии и народа, ибо отсутствуют жесткие разделительные линии между ними⁴⁵.

Таким образом, «средний класс» — это обширный социально ответственный блок, возникший в результате общественного прогресса, занимающий в общественной иерархии пространство между аристократией и беднейшей частью населения (ядром его является буржуазия), доступ в него открыт всем собственникам, имеющим потенциальную возможность (пассивно или активно) участвовать в легитимной политической жизни; основной целью его и залогом благополучия является поддержание стабильности государственной системы. Если англосаксонский «middle class» немногочислен и выступает локомотивом развития (буржуазия в традиционном понимании), то французский «les classes moyennes» («bourgeois», «bourgeoisie», «les couche moyenne»), включивший в себя помимо буржуазии, широкой слой собственников, служащих, чиновников и преподавателей, является опорой политической системы и государства. В определении его преобладает политический аспект, экономическая же составляющая находится на втором плане, что, возможно, связано с двумя обстоятельствами. Во-первых, теоретиками французского «среднего класса» выступили люди, активно вовлеченные в политическую практику. Во-вторых, политические процессы во Франции конца XVIII – начала XIX в. в общественном восприятии явно доминировали над экономическими.

Идеи Гизо оказали воздействие на классовую теорию Карла Маркса. Это подтверждается словами последнего о том, что Гизо и мысли-

---

⁴³ Ibidem.

⁴⁴ Ibidem.

⁴⁵ Ibid. P. 349.

тели периода Реставрации постоянно указывали на противостояние классов «как на ключ к пониманию французской истории, начиная со средних веков»⁴⁶. В то же время практически нет сомнений в том, что Маркс не был знаком с мемуарами французского интеллектуала, иначе потеряло бы смысл его замечание о том, что Гизо «лишь изображал определенные формы классовой борьбы»⁴⁷, но не теоретизировал саму проблему. Совершенно не в манере Гизо Маркс противопоставляет «средние слои» буржуазии, замечая, что мелкий промышленник, мелкий торговец, ремесленник и крестьянин — все они борются с буржуазией для того, чтобы спасти свое существование как «средних сословий»⁴⁸. Однако, как и французский мыслитель, он использует термины «la classe moyenne», «middle class»⁴⁹. У Маркса «средние сословия» так же не революционны, а консервативны: «Даже более, они реакционны: они стремятся повернуть назад колесо истории»⁵⁰.

Отталкиваясь от анализа современных исследований классовой проблематики, можно заключить, что идеи Гизо относительно вопросов формирования, состава и роли среднего класса либо неизвестны, либо имеют очень малое влияние на современное научное сообщество. Так, канадский политический философ К. Макферсон, рассматривая проблемы либеральной демократии с позиций социологии класса, отмечает, что либеральная традиция XIX века принимала и признавала классово разделенное общество, в которое и должна была быть встроена демократическая структура⁵¹. При этом автор не ссылается на Доктринеров или Гизо, хотя именно они декларировали эту позицию в качестве своей цели. Согласно К. Макферсону, в контексте того времени [первая половина XIX в.] класс понимался в терминах собственности: «Его составляли те, кто состоял в одних и тех же отношениях к владению или не владению производящей продукты землей и (или) капиталом»⁵². В таком заключении очевидно ключевое влияние классовой теории Маркса и незнакомство с идеями Гизо относительно данных вопросов. Социологи, в том числе французские, в качестве классика темы также называют Маркса, отдавая ему приоритет⁵³. На Гизо ссылаются главным

⁴⁶ См.: Маркс, Энгельс. Т. 21. 1961. С. 308.

⁴⁷ Маркс, Энгельс. Т. 4. 1955. С. 481.

⁴⁸ См. там же. Т. 4. С. 434.

⁴⁹ См.: Маркс, Энгельс. Т. 21. 1961. С. 308.

⁵⁰ Маркс, Энгельс. Т. 4. 1955. С. 434.

⁵¹ См.: Макферсон. 2011. С. 21.

⁵² Там же. 2011. С. 22.

⁵³ См., например: Kaufman. 2005. P. 245-270; Chauvel. 2006.

образом историки, зачастую упускающие теоретический аспект деятельности мыслителя. Ж. Рuhlман говорит о попытках французского правительства периода Июльской монархии создать себе социальную опору в виде среднего класса и называет Гизо идеологом этой политики⁵⁴. А. Крейту пишет о «серьезной цели» Гизо (периода его пребывания лидером Доктринеров), которая заключалась в том, чтобы воспитать средний класс и преобразовать его в реальную политическую силу, сформировать традицию представительного правления⁵⁵.

В целом существование концепции среднего класса Гизо в значительной степени осталось незамеченным профессиональным сообществом. Во-первых, это связано с тем, что она была представлена не в исследовательской работе, а в мемуарах, которые издавались единожды. Во-вторых, относительно автора бытовало ошибочное мнение, озвученное Шарлем Огюстеном де Сент-Бевом: «не всякий великий историк оказывается великим политиком». В-третьих, значение периода, в который жил Гизо, остается недооцененной. Крейту замечает: «Если многие поколения историков низвели Вторую империю до чистилища истории, то Реставрация Бурбонов (наряду с Июльской монархией) всегда располагалась в Аду. Фактически некоторые историки все еще расценивают Доктринеров как мошенников-адвокатов и готовы разместить их в восьмом круге Ада Данте, наряду с лицемерами, сеятелями скандалов и ереси, фальсификаторами и ворами»⁵⁶.

Идеи Гизо относительно среднего класса чаще находят отклик во французских периодических изданиях широкого политического спектра. В статье «Защита установленного порядка как основание правой мысли», опубликованной во влиятельном политическом ежедневнике «Liberation» в марте 2012 г., отмечается, что еще Гизо предлагал защиту существующего порядка, с опорой на богатый средний класс⁵⁷. Аналогичная идея, только в критическом контексте, присутствует в публикации леволиберального ежедневника «Le Monde» за июль 2010 г.⁵⁸

Франсуа Гизо стал первым социальным мыслителем, обогатившим идею среднего класса анализом его роли в реальном политическом пространстве. Он обратился к этой проблеме как теоретизирующий практик, что не было доступно большинству критиков марксизма. Именно

---

⁵⁴ Ruhlmann. 2001.

⁵⁵ Craitu. 2005. P. 4.

⁵⁶ Craitu. 2005. P. 5.

⁵⁷ Terray. 2012.

⁵⁸ Solé. 2012.

по этой причине концепция среднего класса в мемуарах Гизо содержит ряд противоречий относительно социального состава и настоящих устремлений его представителей, а философская семантика понятия неоднозначна. И если традиционно о двусмысленности понимания, различных оттенках значения понятия говорят, имея в виду подходы разных представителей политической философии, то применительно к нашей проблеме можно говорить об этих явлениях в текстах одного Гизо. Артур Лавджой однако отмечал, что именно из-за таких двусмысленностей обычное слово получает независимое существование и превращается в действующую силу истории⁵⁹. Зафиксированная Гизо информация схематизирует действительность, представляя идеализированное видение общественной структуры, реальные элементы которой были далеки от предложенной модели. Думается, такой подход стал возможен вследствие воздействия политического опыта автора, который стремился сгладить общественные противоречия, смешивая интересы правящего слоя с интересами обширного социального блока, что могло оказаться (или казаться) залогом стабильности государственной системы. Отсутствуя в действительности, средний класс являлся в своем идеальном выражении реальным социальным фактором.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аристотель*. Политика. М.: АСТ, 2012.
- Гизо Ф.* История цивилизации в Европе / Пер. с франц. М. Беленький. Минск: БелЭн, 2005.
- Гизо Ф.* История цивилизации во Франции в 4-х томах / Пер. с франц. П. Виноградова. Т.1. М.: Издательский дом «Рубежи XXI», 2006.
- Документы истории Великой французской революции / Под ред. А.В. Адо: в 2 т. М.: Наука, 1990–1992.
- Лавджой А.* Великая цепь бытия: История идеи / Пер. с англ. В. Софронова-Антони. М.: Дом интеллектуальной книги, 2001.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.
- Маркс К.* «Debat social» от 6 февраля о демократической ассоциации // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1955.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Людвиг Фейербах и конец немецкой классической философии. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения, 2-е изд. Т. 21. М.: Госполитиздат, 1961.
- Радаев В.В., Шкаратан О.И.* Социальная стратификация. М.: Наука, 1995.
- Chauvel L.* Les Classes moyennes à la dérive. Paris: éditions du Seuil, 2006.
- Craitu A.* Liberalism Under Siege: The Political Thought of the French Doctrinaires. Oxford: Lexington Books, 2005.
- Goldthorpe J.H.* Social Mobility and Class Structure in Modern Britain. London: Routledge and Kegan Paul, 1980.

---

⁵⁹ См.: *Лавждой*. 2001. С. 10-27.

- Guizot F.* Memoires pour servir a l'histoire de mon temps. T. 1-8. Paris: Michel Levy Frères, 1858-1867.
- Guizot F.* De la democratie en France. Paris: Michel Levy Frères, 1849.
- Haac O.A.* French Historians and Romanticism: Thierry, Guizot, The Saint-Simonians, Quinet, Michelet // *The French Review*, Vol. 68, No. 6 (May, 1995), pp. 1107-1108.
- Kaufman P.* Middle-Class Social Reproduction: The Activation and Negotiation of Structural Advantages // *Sociological Forum*, Vol. 20, No. 2 (Jun., 2005), pp. 245-270.
- Rosanvallon P.* Le moment Guizot. Paris: Gallimard, 1985.
- Rulhmann J.* Ni bourgeois ni prolétaires. La défense des classes moyennes en France au XIXe siècle. Paris: Éditions du Seuil, 2001.
- Sabourin P.* La France et les nations d'Europe dans la doctrine des libéraux de la première moitié du XIX e siècle // *La Revue administrative*, 53e Année, No. 315, pp. 239-245.
- Solé R.* Une jeune pousse, née sous Charles X // *Le Monde* 13/07/2010 (<http://www.lemonde.fr/cgi-bin/ACHATS/acheter.cgi?offre=A=10>).
- Terray E.* Le fondement de la pensée de droite reste la défense de l'ordre établi // *liberation* 20/03/2012 (<http://www.liberation.fr/livres/1201607-c-est-quoi-une-pensee-droitiere>).
- Tocqueville A.* Souvenirs. Paris: Michel Levy Frères, 1893.
- Wamer W.L.* Social Class in America. New York: David McKay, 1960.
- Матвеев Сергей Рафисович**, аспирант Факультета философии НИУ «Высшая школа экономики»; S.R.Matveev@gmail.com

О. В. ЗАИЧЕНКО

ОСНОВНЫЕ ДЕТЕРМИНАНТЫ ВОСПРИЯТИЯ РОССИИ НЕМЕЦКИМИ КОНСЕРВАТОРАМИ В 1830–1840-е ГОДЫ МОНАРХ КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ГОСУДАРСТВА

Взгляд на монархическое государство как на высшую цель общественного развития стал одной из основных детерминант, определявших консервативное мировоззрение в Германии, и, в частности, отношение к России. Автор делает попытку: с одной стороны, проанализировать основные аспекты восприятия немецкими охранителями российского императора как носителя верховной власти, а с другой – выявить, насколько созданный в официальной литературе образ самодержавия соответствует концепции монархического государства, разработанной такими видными идеологами немецкого консерватизма первой половины XIX в., как Фридрих Шталь, Эрнст и Леопольд фон Герлахи, Йозеф фон Радовиц и др.

Ключевые слова: образ России, Германия, консервативная идеология, император, абсолютная власть, монархическое государство.

Консерватизм первой половины XIX века, будучи одним из важнейших факторов общественно-политической жизни Европы Нового времени, всегда представлял собой нечто большее, нежели идеологическую программу контрреволюционно настроенных элитарных групп доиндустриального общества. Он являлся целостной мировоззренческой системой, особым типом мышления, связанным с естественным стремлением человека к стабилизации, сохранению и укреплению существующего социального порядка как привычной среды обитания¹.

В повседневности люди, как правило, не создают мыслительных образов, благодаря которым они воспринимают мир, а перенимают их у своих социальных групп. Даже в процессе переживания личного опыта определенные мировоззренческие детерминанты, исходящие от группы, оказывают влияние на индивида, формируя его восприятие, потенциальные оценки и знания. В свою очередь, эти детерминанты тесно связаны с конкретно-историческими условиями развития общества. Поэтому ключом к пониманию возникающего в сознании индивида образа «другого», как одного из составляющих элементов его мировоззрения, служит меняющийся общественный фон, и, прежде всего, судьба тех классов и социальных групп, к которым принадлежит его «носитель»².

Исходя из этого, автор ставит перед собой задачу-максимум: в серии статей попытаться выявить структуру и основные детерминанты

---

¹ Huntington. 1984.

² См., например: Манхейм. 1994; Mannheim. 1953.

образа России, созданного немецкими консервативными публицистами в 1830–40-е гг., проанализировав их как часть мировоззренческой системы аристократических групп германского общества. Именно в этот период быстрое формирование либеральной идеологии и негативного образа контрреволюционной России, как составной ее части, вынудил консервативных мыслителей к созданию собственной политической системы. В период, начавшийся с Июльской революции 1830 г. и завершившийся революционными волнениями в марте 1848 г., консервативный образ России получил свое наиболее полное оформление, заняв важное место в идеологии правящих групп немецкого общества.

Настоящее исследование является первым из задуманной серии и посвящено краеугольному камню консервативной идеологии: идее освященной Богом монархической власти³. Взгляд на монархическое государство как на высший результат и цель общественного развития стал одной из основных детерминант, определявших консервативное мировоззрение в Германии, и, в частности, отношение к России. Здесь делается попытка: с одной стороны – проанализировать основные аспекты восприятия немецкими охранителями российского императора как носителя верховной власти; с другой стороны – выявить, насколько созданный в официальной литературе образ самодержавия соответствует концепции монархического государства, разработанной такими видными идеологами немецкого консерватизма первой половины XIX в., как Фридрих Шталь, Эрнст и Леопольд фон Герлахи, Йозеф фон Радовиц и др.

Для того чтобы составить наиболее полное представление о восприятии немецкими консерваторами российского монарха и государственной системы, автор попытался сопоставить анализ содержания опубликованных сочинений о России, подверженных ограничениям цензуры и самоцензуры, и личных дневников немецких аристократов, не предназначенных для публикации. Такой подход дает возможность выявить, насколько официальная позиция консервативных аналитиков совпадала с их мировоззренческими установками. Первую и основную группу источников составляют монографии из коллекции «Россика» Российской национальной библиотеки Санкт-Петербурга⁴. В основном, это путевые заметки очевидцев, посетивших Россию в 1830–40-х гг., мемуары, политическая публицистика, носившая ярко выраженный полемический ха-

³ См., например: *Beyerhaus*. 1937; *Epstein*. 1973; *Greifenhagen*. 1977.

⁴ Исследованы автором в рамках проектов РФФИ 05-06-80036 «Россия в немецкоязычных источниках XIX века: база данных» (рук. проекта – О.В. Заиченко) и РГНФ 06-01-02117а «Россия и Запад. Взаимные образы и представления: опыт истории XVIII–XX вв.» (рук. проекта – В.В. Рогинский).

ракти. Большинство этих произведений было частью дискуссии о прошлом, настоящем и будущем Германии. Появившись как отклик на уже существующие сочинения⁵, эти публикации с самого начала были направлены на формирование вполне определённого общественного мнения о России как аргумента в политической борьбе.

Несмотря на то, что многие тексты были опубликованы анонимно⁶, можно предположить, что их авторы были подданными германских государств, прежде всего, Пруссии, и принадлежали к аристократическим слоям немецкого общества. В основном, это сановники (Карл Отто Людвиг фон Арним⁷ (1779–1861) – прусский дипломат), военные (вюртембергский граф Фридрих Вильгельм фон Бисмарк⁸ (1783–1860) – генерал-лейтенант кавалерии, военный советник), литераторы (Иоганн Шпоршиль⁹ (1800–1863) – прусский писатель и историк, Пауль Антон Поссарт¹⁰ – моравский публицист и издатель), актеры и режиссёры знаменитого Немецкого театра в Петербурге (Эдуард Йеррман¹¹ (1798–1859) и драматург Фридрих Титц¹² (1803–1879)). Все они были приняты при русском дворе и могли непосредственно наблюдать за жизнью монарха и его окружения. Большинство из них, за исключением актеров, не знали русского языка, что ограничивало круг их общения в основном представителями высшей знати. Альтернативными источниками могут служить дневники, письма и личные записи генерала Леопольда фон Герлаха, адъютанта прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, который неоднократно посещал Россию, сопровождая своего сюзерена. Воспоминания генерала интересны тем, что, не будучи предназначенными для печати, содержали оценки российской действительности, двора и лично императора, которые во многом расходились с общепринятой позицией консервативной литературы о России. Лишь после смерти Леопольда фон Герлаха его дочь Агнес решила опубликовать архив отца¹³.

Источником, стоящим особняком от основной массы сочинений консервативных авторов, является знаменитое произведение француз-

---

⁵ См.: Заиченко. 2001; 2004; 2010.

⁶ (Anonym.) Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie; (Anonym.) Die Preußen als Gäste in St. Petersburg...; (Anonym.) Kaiser Nikolaus...; (Anonym.) Tagebuch eines preußischen Offiziers...

⁷ Arnim. 1850.

⁸ Bismark. 1836.

⁹ Sporschil. 1849.

¹⁰ Possart. 1840–1841.

¹¹ Jerrmann. 1852.

¹² Tietz. 1836.

¹³ См.: Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs...

ского маркиза Астольфа де Кюстина «Россия в 1839 году»¹⁴, которое оказало сильнейшее влияние на восприятие российской империи не только в Германии, но и во всей Европе. Оставаясь консерваторм и монархистом по убеждениям, маркиз, как и немецкие охранители, со страхом наблюдал за упадком европейской аристократии и распространением новых демократических веяний во французском обществе в эпоху Луи Филиппа. Для него, как истинного консерватора, были одинаково неприемлемы как конституционализм, и эгалитаризм, так и абсолютная монархия. Не будучи связанным никакими моральными обязательствами, Кюстин стал одним из немногих авторов-аристократов, которые подвергли российское самодержавие открытой критике с умеренно-консервативных позиций.

Немецкие консерваторы видели в верховной власти изначальную и вечную основу человеческого бытия, необходимый авторитет для создания государства¹⁵. В противоположность либеральной теории общественного договора, выводящей возникновение государства из «произвола человеческой деятельности», консерватизм изначально предполагал наличие «властной воли, имеющей надындивидуальный характер». Как писал Ф. Шлегель, власть дается от Бога и потому тот, кто от нее отступает, нарушает не только закон, но и Божью волю¹⁶. Эти идеи романтиков получили дальнейшее развитие во взглядах таких влиятельных политических деятелей, много сделавших для развития консервативной идеологии, как братья Леопольд и Эрнст Людвиг фон Герлах, которые воспринимали государство как «царство закона Божьего на земле»¹⁷. Идее божественного происхождения государственной власти больше всего соответствовала монархическая форма правления. Благодаря механизму наследования «произвол человеческой деятельности сводился к минимуму», так как власть устанавливалась «не в силу выборных полномочий, но в силу более высокого авторитета над ними»¹⁸. В монархии немецкие охранители видели залог гармоничного единства государства и общества. Только монарх, стоя над частными интересами и выполняя Божью волю, мог стать гарантом прогрессивного развития сильного государства и обеспечить неприкосновенность личных свобод для подданных. Религиозное сознание легитимировало верховную власть и одновременно ее ограничивало отнесением к высшему авторитету Бога.

---

¹⁴ *Custine*. 1847; *Кюстин*. 1996.

¹⁵ См., например: *Мусихин*. С.114–128; *Имангалиев*. 2001. С. 110–121.

¹⁶ *Schlegel*. 1931. S. 74.

¹⁷ См.: *Schöps*. 1974. S. 21.

¹⁸ *Stahl*. 1863. S. 299.

Важным толчком к развитию консерватизма как идеологии послужили общественные вызовы конца XVIII – первой четверти XIX в. Распространение рационалистических идей Просвещения и Французской революции стимулировало ускоренную замену в общественном сознании монархического и церковного легитимизма комплексом новых либерально-демократических концепций власти и государства, определивших собой дальнейшую динамику политических перемен. Монархии, возродившиеся из праха наполеоновской Европы, были вынуждены приспособливаться к новым общественным и политическим силам, пробудившимся к жизни в период французской оккупации. Кроме того, повсеместная секуляризация массового сознания в этот период привела к десакрализации европейской монархии: «словно небеса закрылись, и Божья десница уже не поддерживала корону на головах властителей¹⁹». Вера окончательно переросла быть языком универсальных смыслов, став личным делом каждого мыслящего человека. На смену религии, как основы восприятия мира индивидом, вместе с приоритетом государственных интересов приходит политика, которая постепенно начинает формировать мировоззрение различных общественных групп. В Германии французская оккупация дала импульс к развитию либерального по своей сути общегерманского национально-освободительного движения. Верховной власти не оставалось ничего другого, как поддержать нарождающееся национальное чувство, чтобы направить его против наполеоновских войск. Возникла необходимость сплотить нацию перед лицом общего врага и максимально содействовать уничтожению пропасти между королем и его подданными. В результате после подписания сокрушительного для Германии Тильзитского договора 1807 г. прусская монархия, как и многие более мелкие немецкие княжества, была вынуждена постепенно отойти от трактовки образа правителя как богачеловека, возвышающегося над своим народом. Уже в первой четверти XIX в. династия начала репрезентовать себя в глазах подданных как символ нации. В восприятии большинства немцев король Пруссии Фридрих-Вильгельм III утратил сакральные черты, превратившись в простого смертного. Он уже не претендовал на «божественную миссию», на предназначение «свыше» и даже исключил из своего титула слова «Милостью Божией». Отказавшись от былой пышности и величия, прусская монархия, согласно канонам господствовавшего в Европе стиля Бидермейер, старалась представить себя воплощением сдержанной скромности и простоты. Соответственно Фридрих-Вильгельм все чаще

---

¹⁹ *Novalis*. 1931. S. 179.

стал восприниматься современниками, прежде всего, как носитель буржуазных по своей сути «гражданских добродетелей» – как образец порядочности, постоянства, семейственности и благочестия. Он больше не строил огромных дворцов, отказался от демонстрации роскоши и пышного двора, мало появлялся на публике, стараясь всем своим поведением подчеркивать не дистанцию между королем и нацией, а их общие ценности и цели в борьбе за национальное возрождение.

Одновременно страх перед распространением идей Французской революции в Пруссии, либеральные реформы Штейна-Гарденберга, проводимые по французскому образцу и сильно ограничившие власть монарха над административными институтами, утрата аристократической элитой былых позиций, спровоцировали консервативную реакцию²⁰. Критическая ситуация заставила молодых аристократов задуматься о возможностях реставрации, восстановления авторитета христианства и монархии во имя возвращения Старого порядка. Ответом на вызовы времени стало стремление охранительной идеологии создать миф об идеальной монархии, способной спасти современное общество от «язв капитализма». Не найдя внутри Германии достойных образцов «королевского величия» и убедительных примеров для ведения дискуссии с либералами, немецкие консерваторы были вынуждены обратить свой взор за ее пределы. В первой половине XIX в. идеальным воплощением легитимности монархии и прочных религиозных традиций многим из них представлялась сильная абсолютистская Россия, не затронутая влиянием либерализма. «Упадок» собственных правящих домов, утративших «былой блеск и славу», превратившихся под натиском новых веяний в ограниченные реформами «буржуазные монархии», способствовало развитию консервативной русофилии в Германии, которая во время революционных событий 1848 г. наряду с принципом легитимности стала играть роль интеграционной идеологии для немецкой аристократии.

Но у создаваемого в европейской литературе идеального образа России вскоре обнаружились уязвимые места. При всей легитимности и прочности, русское самодержавие, строго говоря, не вполне соответствовало консервативной концепции монархической власти. По мнению многих охранителей, абсолютная власть правителя была так же опасна, как и либеральное народовластие. И та, и другая форма правления, передав всю полноту власти в руки человека, отказывалась от каких-либо потусторонних ограничений, и в первую очередь не была ограничена высшим авторитетом Бога. Как пронизательно заметил по этому поводу

---

²⁰ Epstein. 1973. S. 775ff; Wehler. 1971. Bd. 2. S. 446ff.

маркиз де Кюстин: «Представьте себе почти полную победу воли человека над волей Господа – и вы поймете, что такое Россия²¹». Всякая попытка власти заменить собою Бога в конечном итоге обязательно должна была привести к деспотизму и произволу, за которыми всегда следуют революции и анархия. Не только маркизу де Кюстину, но и многим немецким аристократам, русское самодержавие представлялось не столько нормой, сколько проявлением извращения идеи подлинной монархии. Кроме того, в первой четверти XIX в. российская государственная система чаще воспринималась общественным мнением Европы как восточная деспотия, типичная для Азии, чем как часть греко-римского культурно-политического наследия. В этой связи перед германскими охранителями встала идеологическая задача с одной стороны, продемонстрировать европейские корни русской монархии, а с другой – оправдать ничем не ограниченную власть российских императоров в глазах европейцев и тем самым подтвердить легитимность самодержавия. В этом случае одного тезиса о том, что царь является избранником и помазанником Божьим, а его власть освящена религией и опирается на силу вековых традиций, оказалось недостаточно для обоснования мирских притязаний русских монархов. Консерваторы были вынуждены заняться конструированием «возвышающего» мифа, создавая эпический образ самодержца, приписывая ему реальные и вымышленные достижения, которые могли бы представить его как носителя европейской цивилизации и обосновать его права на абсолютную власть.

В декабре 1825 года, в разгар реакции в Европе, на русский престол вступает новый император Николай I, младший брат внезапно умершего в Таганроге Александра I – «ангела света», «благословенного» освободителя от Антихриста, под которым большая часть эсхатологически настроенных консерваторов подразумевала Наполеона. С уходом Александра, последнего из двух царственных антиподов Европы, закончилась эпоха великих потрясений. Если с «царем-ангелом» были связаны, прежде всего, мистические ожидания накануне апокалипсиса, то на его преемника европейская аристократия возлагала главные надежды на политическое возрождение монархического принципа верховной власти. Именно он стал ключевой фигурой восприятия немецкими консерваторами современной им России²². Как писал в начале своих размышлений

---

²¹ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 132.

²² Персонификация страны в личности императора была характерна в этот период и для либералов. Неоднозначная фигура Николая I как нельзя лучше подходила для создания образа веселого демиурга, определяющего политику Священного союза, и стоит за всеми репрессиями и проявлениями контрреволюции в Европе.

о месте российского государства в мире публицист и издатель Иоганн Шпоршиль: «Имя императора Николая в настоящее время так же неотделимо от “России”, как образ солнца от дневного света»²³.

Главной чертой русского монарха была его вездесущность, всепроникающее преобразующее воздействие на окружающий мир: казалось, что он постоянно перемещается по своей огромной стране, вникая во все, и следы его благотворной деятельности можно увидеть повсюду. Для того чтобы подчеркнуть эту исключительную особенность создаваемого образа Николая I, его часто сравнивали с солнцем: «Можно без преувеличения утверждать, что русский царь – это благодетельное светило, которое питает и оживляет все вокруг»²⁴. Нечеловеческая способность самодержца вникать во все, вплоть до мелочей, решать все проблемы, должна была обосновать его права на абсолютную единоличную власть. Кроме того, образ всепроникающего солнца часто использовался для доказательства того, что именно император является подлинным олицетворением государства: «Николай придает смысл всему. Все лучи многосторонней государственной деятельности исходят от него и сходятся в нем»²⁵. Для консерваторов русский монарх всегда находился вне критики, даже если его окружение вызывало определенное разочарование. Его реальная личность была полностью растворена в создаваемом эпическом образе великого преобразователя. Восприятие императора характеризовалось неразрывным единством набора его выдающихся человеческих качеств и политических функций, которые он осуществлял, будучи самым ярким воплощением государственной власти. Монарх являлся главным движущим элементом русского общества, несущим ему блага европейской цивилизации и прогресса. Он определял своей волей основные тенденции будущего развития государства, оставаясь единственным гарантом монархических устоев правления в России, ее внутренней и внешней политики: «Если существует определенная взаимосвязь между творением и его создателем, то это единство понятий полностью оправдано, когда речь идет о России. Все, что развивается и созревает здесь в духовной и материальной сферах, обязано своим процветанием живительным лучам Императора-Солнца»²⁶.

Для немецких либералов он был «Петербургским чудовищем», живым воплощением деспотической власти, чье вмешательство в европейские дела давало им право считать его «жандармом Европы», ответственным за раздробленность Германии.

²³ *Sporschil*. 1849. S. 3.

²⁴ *Kaiser Nikolaus*... 1846. S. 14.

²⁵ *Ibid.* S. 110.

²⁶ *Ibid.* S. 111.

Идея воплощения государства в личности монарха стала важнейшей и определяющей частью консервативного мировоззрения. Как писал Ф. Шталь, «государство есть воспроизведение мысли и воли государя в сущности подданных»²⁷. Через эту призму рассматривается вся история российского государства, представленная как череда выдающихся царствований. Главным в этой истории династий является правление Петра Великого, которым заканчивается «мрачная эпоха тирании и варварства», порожденная монгольским игом, и начинается новая «цивилизованная» история России. Подчеркивая масштаб и значение личности этого властителя, его ставят в один ряд со великими деятелями близкой читателю европейской истории, сравнивая с Цезарем и Карлом Великим в масштабе всемирно-исторических эпох, с Фридрихом II, королем Пруссии и Наполеоном Бонапартом в более скромных временных рамках XVIII–XIX вв. Но даже эти сравнения кажутся некоторым авторам недостаточными: «Петр Великий так же возвышается над всеми выдающимися деятелями истории, как небо возвышается над землей»²⁸. В то время как Цезарь действовал на фоне интеллектуального подъема античной эпохи, а Карл Великий в своей деятельности опирался на европейские культурные традиции, Петр I исключительно своей волей начал новое развитие страны, полностью перечеркнув ее предыдущую историю: «Император, как подлинный создатель, не останавливаясь ни перед чем, вопреки всем предварительным условиям и состоянию собственного народа, опираясь исключительно на свою силу, свою волю и освященную Богом полноту личной власти, из ничего создал новый мир»²⁹.

Начало «цивилизованной» русской истории с правления Петра Великого – лейтмотив всех посвященных ему сочинений: «Когда он появился на исторической сцене, пробил час России, пришло ее время»³⁰. Петр воспринимается как «подлинный создатель современной России», который вдохнул новую жизнь в «неповоротливую машину российской государственности». «Для России Петр стал тем, чем для Европы были крестовые походы, книгопечатание, открытие Америки и другие источники ее образования»³¹. Эти высказывания о Петре относятся к его реформам армии и административного управления по образцу западноевропейских абсолютистских государств, к дворянской реформе, строительству флота, созданию основ мануфактурного производства, а

²⁷ *Stahl*. 1856. Bd. II, Th. 2. S. 9.

²⁸ *Gurowski*. 1841. S. 218.

²⁹ *Schneider*. 1842. S. 10.

³⁰ Wort über Marquis von Custines... 1844. S. 26.

³¹ *Jerrmann*. 1852. S. 153.

также к территориальным приобретениям России в войнах против Швеции и Османской империи. Важное место занимает основание Петербурга, которое представляется как наглядный пример материализация личной воли властителя. С этих реформ, по мнению большинства русофилов, начинается «вхождение России в Европу», а до тех пор даже в их глазах она оставалась азиатским сообществом полудиких народов.

Личность императора, как и вся система правления в России, начиная с XVIII в., по-прежнему остается вне критики. Темные пятна в биографии Петра, как, например, участие в жестоких массовых казнях стрельцов, либо оправдывают соответствием традициям и духу времени, либо полностью отказывают «простым смертным» в праве критиковать царя: «И если в жизни этих необычных людей можно найти несколько темных, залитых кровью страниц, если некоторые из их действий выходят за рамки обычной морали, то следует принять во внимание их время, их воспитание, их темперамент. Тогда бы вы не осуждали их, а представили безмолвно в ужасе перед подножием этих огромных сфинксов и удалились бы, склонив головы, будучи не в силах разгадать их загадку»³². Но чаще всего Петр предстает перед читателями в образе античного титана, который стоит над своим временем и над собственным народом, не являясь его частью. Фигура царя может быть сопоставима только с великими личностями других стран и эпох, и, следовательно, носит исключительно вневременной и внеисторический характер. Начиная с царствования Петра в консервативной историографии первой половины XIX в. создается «возвышающий» миф о русских монархах, согласно которому им приписывались реальные или мнимые достижения, оправдывающие в глазах немецкого читателя их колоссальную по европейским меркам власть. Императоры и императрицы рисовались в образах римских правителей, античных героев и олимпийских богов, чтобы тем самым подчеркнуть их причастность к сообществу европейских монархов. Кроме того, значение всех последующих правлений во многом базировалось на авторитете личности Петра Великого, а его преемники на троне воспринимались, прежде всего, как продолжатели заложенных им традиций³³,

---

³² Wort über Marquis von Custine... S. 25.

³³ Надо заметить, что либералы тоже рассматривали все последующие царствования в России с точки зрения преемственности политики Петра I, но за основу своих логических построений они брали историю войн и территориальных приобретений России в XVIII – первой половине XIX в. Практически во всех антирусских сочинениях упоминалось пресловутое «Завещание Петра Великого», программа повсеместного распространения русского влияния, воплощению в жизнь которой якобы была посвящена вся внутренняя и внешняя политика самодержцев из дома Романовых. Ссылаясь на активное вмешательство России в европейские дела, в

насаждающие основы европейской цивилизации в полудикой стране. Поэтому, чтобы придать образу Николая I еще больше значительности, благодаря его активной внешней политике и форсированному строительству флота, консервативные авторы чаще всего представляли его как наследника, и даже завершителя героических дел Петра I: «Одно столетие лежит между обоими правлениями, столетие периода обучения России. Новое время началось для России с тех пор, как святая Москва принесла себя в жертву на алтарь отечества. И теперь Николай может закончить то, что начал Петр Великий»³⁴. Возлагая мифические надежды на нового императора, консерваторы рассматривали его недавно начавшееся царствование как кульминационную точку в череде выдающихся правлений, начиная с Петра I. Согласно создаваемому канону, Николай, независимо от своих личных качеств, должен был предстать перед немецким читателем эпическим героем, совершающим подвиги, образцом мудрости, мужества и красоты, воплощающим в совершенной форме европейские идеалы. Только таким образом он мог подтвердить легитимность и священный характер унаследованной им неограниченной власти в эпоху буржуазных реформ и распространения либерализма.

Воплощение «государства в государе», примером чему служили царствования Петра Великого и его преемников, как уже было сказано, немецкие консерваторы считали главным атрибутом истинной монархии: властитель, стоя выше частных интересов, «связывал воедино все сословия». Эрнст Людвиг фон Герлах писал: «Сущность монархии в том, что в ней человеческая личность властителя только посредством органического единства со своими слугами, а через них со всеми подданными, возвышается до истинно монаршей власти и величия. Без такого органического единства монарх столь же слабый человек, как и другие»³⁵. Именно это условие Герлах считал необходимым для оправдания дальнейшего существования монархии в Пруссии в разгар революционных потрясений 1848 года. Но уже в трактовке образа Петра Великого можно заметить некоторые противоречия с этим важнейшим принципом, которые становятся еще более очевидными в изображении Николая I. С начала петровских преобразований в России, какой она предстает в сочинениях немецких консерваторов, вместо единства монарха со всеми

борьбу за гегемонию на Балканах и Ближнем Востоке, на жестокое подавление волнений в Польше и на Кавказе, либералы писали о преемственности захватнических планов со времен Петра Великого, имеющих целью создание «универсальной» монархии – установления господства над Европой и Азией.

³⁴ Die europäische Pentarchie. S. 409.

³⁵ Gerlach. 1898. S. 302.

своими подданными, мы видим противопоставление просвещенного правителя варварскому обществу, а точнее их непрекращающееся противостояние. Преодолевая сопротивление собственного народа, искореняя негативные черты национального характера и традиционного уклада, очередной вступающий на российский престол самодержец, опираясь на неограниченную власть, строит европейское государство посреди азиатского общества. При этом он не несет никакой ответственности ни за издержки этого строительства, ни за настоящее и последующее состояние общества. Правитель-реформатор и пассивная, инертная «народная масса» практически нигде не соприкасаются между собой, а существуют как бы в разных плоскостях. Создавая образ самодержца как олицетворение универсальных ценностей монархии, немецкие консерваторы были готовы признать европейскую природу российской системы правления и созидательную миссию императора, но отвергали все, что считали специфически русским, прежде всего гражданское общество.

Окончательное отделение государства и образа просвещенного монарха от полудикого населения страны происходит в литературе, посвященной Николаю I. По прошествии ста лет после царствования Петра I, политическая и общественная ситуация в стране по-прежнему далека от совершенства, но даже признавая этот факт, консервативные авторы не возлагают ответственность за прошлые ошибки и нынешние недостатки на государство и монарха, который, по их мнению, полностью определяет развитие страны. Достойное критики современное состояние России гораздо чаще связывается с изъянами общества, национальным характером, а позитивная оценка деятельности монарха ассоциируется «со светлым будущим», в котором в результате его «титанических усилий» будут преодолены все существующие пока недостатки. Наиболее ярко эта тенденция проявилась в сочинении Эдуарда Йермана: «Права человека в России растоптаны! Кто отрицает это? Полуварварское правление господствует над еще частично сохранившимся варваром. Это правда! Там еще существуют законы, которые не достойны называться законами, и классы людей, которые еще до сих пор не знают, что такое человеческое достоинство: это все – чистая правда. Но глубокий дух императора, его непреклонное стремление устранить недостатки, выровнять все несоответствия, – все это делает его в моих глазах не только великим правителем, но и верным другом своего народа»³⁶.

Совсем другую тональность в описании Николая I можно заметить в дневниках и письмах немецких сановников, не предназначенных для

---

³⁶ *Jerrmann*. 1852. S. 1f.

публикации. Наглядным примером могут служить дневники генерала Леопольда фон Герлаха (1790–1861), личного адъютанта, советника и друга прусского короля Фридриха-Вильгельма IV, который на протяжении десяти лет был одной из самых влиятельных политических фигур в королевском окружении. Как и в случае с его братьями – Вильгельмом и Эрнстом Людвигом, ставшим позднее известным политиком, – мировоззрение Леопольда фон Герлаха сформировалось под влиянием идей политического романтизма, государственной философии Галлера и пие-тизма. Он хорошо знал Россию и императора Николая I благодаря трем длительным поездкам по стране (в начале 1826 г., с декабря 1827 г. по май 1828 г. и летом 1830 г.), и до конца жизни сохранял тесные контакты с Петербургским двором.

Леопольд фон Герлах впервые приехал в Россию в марте 1826 года, сопровождая наследника прусского престола, прибывшего для участия в церемониях поминаения Александра I. С первого посещения «северной империи» в своих дневниках он, в отличие от большинства консервативных публицистов, создававших в немецкой печати образ сильной российской монархии, обращает внимание на шаткость положения молодого царя внутри страны и неустойчивость власти. В основе этой неустойчивости, по его мнению, лежало противостояние двух противоположных культур – европейского и национального русского начала, охватившее империю, как на государственном, так и на бытовом уровне. С большой тревогой он отмечает неприязнь к выходцам из Европы и, особенно к немцам, которая господствует в русском обществе, несмотря на то, что императорская семья и множество влиятельных сановников имеют немецкое происхождение: «Удивительно, как ненависть к иностранцам оживилась здесь в России. Император знает об этом и крайне озабочен тем, что немцы не могут нигде укрыться от того, чтобы им не завидовали и не испытывали вражды в их адрес»³⁷.

Пример противостояния европейского и «московитского» элементов на государственном уровне он видит в восстании декабристов, оценивая его как попытку государственного переворота, «с целью отделить Россию от Европы и вернуть ее к прежнему варварству». В оппозиционном движении русской аристократии Герлах не усматривал влияния западных рационалистических идей, либеральных течений и масонской символики. В основе тайного заговора, по Герлаху, лежало стремление «поставить на место современной благоприятствующей европейцам системы правления в стране прежнюю русско-азиатскую форму господ-

---

³⁷ Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Bd. I. S. 13.

ства). Логическим завершением окончательного отхода России от Европы, по мнению Герлаха, должно было стать уничтожение правящей династии, так как она являлась не только главной носительницей гуманистических и европейских ценностей, но и, будучи немецкой по крови, сама была частью Европы. В своих записках он неоднократно упоминал о готовящемся плане «полного истребления императорской семьи..., потому что семья императора, близкая к немецким правящим домам, действительно остается здесь чужой, чуждой в своих принципах, убеждениях, пристрастиях и даже своим внешним видом»³⁸.

Герлах отмечает, что молодой монарх боится за свою жизнь, ежедневно ожидая, что его убьют его же подданные. О страхе перед новым восстанием он упоминает даже при описании мемориальных торжеств в честь усопшего императора, устроенных с целью вызвать у многочисленных зрителей ощущения незыблемости, преемственности и священности основ правления царствующей династии. Вспоминая похоронный кортеж, Герлах замечает: «Что представляют собой эти три тысячи вооруженных людей, которые даже перед гробом Александра должны быть выстроены таким образом, чтобы один не спускал глаз с другого и держал соседа в узде»³⁹. В этот период Николай I предстает в описаниях Герлаха не как всемогущий самодержец и помазанник Божий, а как слабый человек, находящийся во враждебной среде и не контролирующей ситуацию. Главную причину этой слабости Герлах видит в неограниченной власти русского самодержца и считает, что молодой царь может преодолеть неустойчивое положение внутри России лишь в том случае, «если только император твердо уверится в том, что он получил свою корону по милости Божьей, что он гораздо более ответственен перед этим самым строгим судьей, чем все, так называемые, ответственные министры перед представляющим народ парламентом»⁴⁰. В глазах Герлаха, как и большинства немецких консерваторов, власть, не основанная на ответственности перед Богом, считающая свои цели и задачи самодостаточными, а свои решения – изначально справедливыми, не может быть долговечной. «Переходя к абсолютизму, она «...теряет необходимую мистику монархической идеи, подрывая тем самым собственное величие»⁴¹. Леопольд фон Герлах полагал, что такая неограниченная власть, связанная с чуждой большинству населения культурой, в действительно-

---

³⁸ Ibid. S. 10.

³⁹ Ibid. Bd. I. S. 17.

⁴⁰ Denkwürdigkeiten ... S. 22.

⁴¹ Meinecke. 1894. Bd. 72. S. 488.

сти вела к изоляции самодержавия от общества и зачастую делала самого императора заложником своего ближайшего окружения.

Несмотря на уверения высших сановников царя во время второго и третьего пребывания Герлаха в России, что «императора, который в начале царствования был непопулярен, теперь все боготворят и в обществе, и в армии», прусский адъютант продолжает сохранять скептицизм на этот счет. «Гогенлоэ рассказал мне сегодня о том, какими тяжелыми были настроения в России во время войны в Польше, – записал он в своем дневнике после подавления польского восстания. – Так было в начале 1812 года. И как при всякой неудачной войне старая русская партия снова подняла голову. Однако такая самодержавная власть ненадежна, слаба и ведет к изоляции»⁴². В период польского восстания 1830-31 гг. внутренняя слабость и неустойчивость абсолютистского режима, закрепленного Николаем I, кажется ему особенно явной, о чем он неоднократно упоминал в письмах брату Эрнсту Людвигу: «В борьбе России с Польшей император очень хорошо понимает, что не может уступить полякам без того, чтобы вместе с польским престолом не потерять и свой русский трон. Пока он ведет войну, русские защищают его, но как только Николай проявит слабость и уступит, он уже не сможет удержаться на троне»⁴³. Герлах считал, что отсутствие у российского самодержавия каких-либо внутренних ограничений и моральной ответственности перед Богом за судьбу подданных, не позволяет императорской власти опираться на российское общество, которое противостоит всем ее начинаниям.

Причину такого положения Герлах, вопреки общепринятой позиции консервативных публикаций, видел в преждевременной модернизации, насильственно осуществленной Петром Великим, приведшей к разрушению традиционных устоев общества и ослаблению духовных основ государственности. «Непродуманные, проведенные в жизнь тираническими методами реформы Петра I, их разрыв с системой местных отношений и обращение к чуждому им опыту извне, осуществленное с помощью деспотического угнетения подданных строительство Петербурга, – перечислял Герлах основные моменты русской истории, приведшие к отчуждению монархической власти от общества и, в конечном итоге, к ослаблению государственной системы, – засилье фаворитов при Анне и Елизавете, псевдо-просвещенное правление Екатерины II, блестящие захваты территорий, убийства правителей, безнравственность при дворе, связанная с распространением философии Вольтера, завезенной извне

---

⁴² *Denkwürdigkeiten ...* Bd. I. S. 67.

⁴³ *Gerlach*. 1970. S. 11.

либеральностью, деспотизмом временщиков, капризная контрреволюция Павла и навязанная Александру псевдо-философия Лагарпа построили то здание, посередине которого ныне находится император, водруженный на вершину хрупкой высокой колонны. Вполне естественно, что каждый, кто недоволен этим обстоятельством, пытается трясти эту колонну, чтобы либо сбросить сверху нынешнего правителя и вознести на его место другого, либо, как это теперь может произойти, опрокинуть саму колонну навсегда»⁴⁴. Трансформация монархической власти в сторону деспотизма, разрушение традиционных устоев, поспешная вестернизация страны, бездумно переносившая на русскую почву далеко не лучшие образцы европейской цивилизации, привели, по мнению Герлаха, к разращению и полному отрыву европеизированных правящих слоев от народа. Таков печальный итог русской истории, определивший внутреннюю слабость абсолютистской системы в России.

Восприятие российского самодержавия, основанное на консервативных принципах, которые исповедовал Леопольд фон Герлах, разделялось многими внимательными наблюдателями из круга аристократов, посетивших Россию в этот период. В частности, об этом почти в тех же выражениях писал маркиз де Кюстин, посетивший Россию спустя 9 лет после последнего визита Герлаха: «Сегодня, когда бунт, можно сказать, носится в воздухе, даже самодержец боится за свое могущество. Появление у императора сомнений в благонадежности своих подданных лишний раз подтверждается суровой озабоченностью, которая, кажется, постоянно гложет императора. Абсолютный монарх, испытывающий страх, слишком опасен»⁴⁵. Однако, помимо де Кюстина, в открытой печати сомнения в прочности созданного Николаем I абсолютистского режима высказывались только либералами. В консервативной литературе до начала Крымской войны практически отсутствуют критические замечания в адрес императора и российской государственной системы. В основе создаваемого русофилами образа лежали такие составляющие консервативного сознания как легитимность и прочность монархии, христианские традиции, соединявшие прошлое и будущее, единство и монолитность русского общества и государства. Все это лишний раз подтверждает тезис, что Россия крайне редко служила для консервативных публицистов объектом пристального и объективного изучения, но, прежде всего, была источником аргументов в политической полемике с немецкими либералами по внутригерманским вопросам.

---

⁴⁴ Denkwürdigkeiten... S. 9.

⁴⁵ Кюстин. 1996. Т. 1. С. 171.

Но вернемся к образу Николая I. То, что личность монарха воспринималась немецкими консерваторами как олицетворение государственной системы и «установленного Богом порядка», отразилось и на описании индивидуальных черт Николая I. Авторы русофильских сочинений в большинстве своем были дворянами, высокопоставленными чиновниками и офицерами и, как правило, имели доступ к Петербургскому двору или даже находились там по императорскому приглашению. Поэтому большинство описаний поведения императора, его манеры держаться в узком кругу оставили именно консервативные авторы, так как путешественники из числа буржуазии видели государя только на официальных мероприятиях. Несмотря на благоприятные возможности для личных наблюдений, повествования аристократов содержат очень мало описаний индивидуальных черт Николая I, в основном их заменяет стандартное изображение выдающихся и взаимозаменяемых качеств, присущих идеальному властителю или абстрактному герою. Характеризуя внешний облик Николая, почти все авторы отмечали его «пленяющую» красоту и физическое превосходство над окружающими: «Русский император – самое выдающееся лицо, не только потому, что он государь, но и благодаря своим личным качествам, которые весьма примечательны. Он – очень красивый человек, профиль его отличается благородством и величественностью. Его Величество справедливо считают красивейшим мужчиной в своем государстве»⁴⁶. Среди достоинств Николая часто отмечалось бросающееся в глаза телесное и душевное здоровье, говорящее о скромном, воздержанном и добродетельном образе жизни: «Свежесть лица и все в нем говорило о железном здоровье и служило доказательством того, что юность его не была изнежена, а жизнь сопровождалась трезвостью и умеренностью»⁴⁷. Довольно часто немецкие авторы отказывались от конкретных описаний, ограничиваясь передачей собственного восторга: «Во всех отношениях русский самодержец намного превосходил всех мужчин, каких я только видел при дворе или в армии. В наш развращенный век величайшая редкость встретить подобного человека в кругу высшей аристократии»⁴⁸. Это перечисление восторгов по адресу Николая I можно продолжить. Но во всех случаях личные особенности царя-человека как бы растворяются в политической функции, которую он олицетворяет. Символизируя собой монархическое государство, Николай должен был вызывать у всех без исключения наблюдателей чувство любви, основанное на полном физическом подчинении и

⁴⁶ Preußen als Gäste in St. Petersburg. S. 42.

⁴⁷ Portrait des Kaisers Nicolaus I./Kaiser Nikolaus der Erste... S. 3.

⁴⁸ Decker. 1835. S. 124.

эмоциональном поклонении высшей власти. Немецкие консерваторы старательно, пусть и не всегда осознанно, создавали идеальный образ правителя, наделяя его сакральными чертами, сверхчеловеческими способностями, дававшими ему право на абсолютную власть. Даже физически он был подобен богам: «Все в нем, даже его улыбка снисходительного Юпитера, все дышало земным божеством, всемогущим повелителем, все отражало его незыблемое убеждение в своем призвании»⁴⁹.

Не только восторженные немецкие русофилы, но и скептически настроенный де Кюстин, который до личной встречи с Николаем довольно язвительно отзывался о русском самодержавии, во время первой же аудиенции не смог устоять перед обаянием и харизматической притягательностью абсолютной власти и сакральной ауры, окружавшей императора. Описание наружности Николая, данное им только в тринадцатом письме, резко контрастирует с его предыдущими заочными оценками русского самодержца и полностью соответствует приведенным выше отзывам немецких аристократов-русифилов. Меняется даже стиль повествования: при упоминании о первой встрече с императором он становится почти эпическим: «Его великолепное чело, черты, в которых есть что-то от Аполлона и от Юпитера, его почти неподвижное, внушительное, повелительное лицо, облик, скорее благородный, нежели добросердечный, подобающий более статуе, чем человеку, – все это оказывает неодолимое воздействие на всякого, кто приближается к его особе. Он становится повелителем чужих воль...»⁵⁰. Добавляя, что «такого человека нельзя судить по меркам, пригодным для обыкновенных людей», де Кюстин устанавливал символическую дистанцию между богоподобным монархом и его окружением. Тем самым маркиз также невольно участвовал в создании «возвышающего» мифа, оправдывающего права самодержца на абсолютную власть, которую он сам так яростно критиковал.

Как отмечалось выше, несмотря на возможность непосредственно наблюдать за жизнью русского императора, большинство немецких консерваторов оставило нам идеализированные и достаточно схематичные портреты Николая I. Как нам кажется, с учетом всего вышесказанного, такой подход к восприятию русского императора связан с тем, что немецкие консерваторы в большинстве своем отстаивали право на власть не столько монарха, как конкретной личности, сколько монархии, как института. Как полагал Эрнст Людвиг Герлах, говоря о легитимности королевской власти, если «государь такой же человек, как и другие, то

---

⁴⁹ *Bismark*. 1836. S. 149.

⁵⁰ *Кюстин*. 1996. Т. 1. С. 210.

милость Божья нисходит не на личность правителя, а на его пост»⁵¹. Такого же мнения придерживался другой видный идеолог консерватизма Ф.Ю. Шталь, утверждавший, что «правит миллионами не человек, а ...институция»⁵². Видимо эта установка, оставляющая в тени конкретную личность монарха, не в последнюю очередь привела к схематичности портретов всех правителей России после Петра I, заменив описание индивидуальных черт абстрактными клише для выражения глубокой почтительности, принятыми в придворной литературе. С другой стороны, обобщенный положительный образ идеального монарха также являлся ответом на нападки на последнего русского царя со стороны либералов и не в последнюю очередь воспринимался современниками как попытка коррекции полных ненависти изображений Николая I и его предшественников, распространенных в антирусской публицистике.

Характер русского самодержца изображался консервативными авторами в соответствии с европейскими представлениями о дворянских добродетелях. Важнейшей составной частью мировоззрения немецкой аристократии была идея служения и, прежде всего, – на военном поприще. Не случайно немецкий историк и политолог Мартин Грайфенхаген утверждал, что «добродетель служения стоит на первом месте в дворянском нравственном кодексе и образует одновременно краеугольный камень консервативной морали»⁵³. Поэтому совершенно естественно, что в охранительной литературе русский император предстал, прежде всего, в образе деятельного правителя, «первого слуги государства», который беззаветно трудится на благо своего отечества, не требуя ничего для себя лично. Власть монарха представлялась немцам аристократам не как неограниченное ничем личное право, а как священный долг: с одной стороны, государь должен охранять порядок и существующие устои государства и общества, с другой стороны, – обеспечивать защиту и покровительство вверенным ему судьбой подданным.

На поприще служения отечеству император также превосходил простых смертных. Он превратился во «всевидящего» и «вездесущего» монарха, который с одинаковым усердием вникал в государственные и частные дела. Консерваторы создавали образ правителя, который находится в перманентном движении, постоянно перемещаясь по своей необъятной империи. Полковник Фридрих фон Гагерн вспоминал: «На протяжении нескольких месяцев я видел императора большей частью в

⁵¹ Цит. по: *Schöps*. 1974. S. 29.

⁵² *Stahl*. 1856. Bd. II, Th. 2. S. 242.

⁵³ *Greifenhagen*. 1977. S. 160.

дороге или занятым военными эзерцициями. При той необыкновенной деятельности, которая признана за ним всеми, он находил время на все»⁵⁴. Создавалось впечатление, что ни одно дело в империи не решалось без личного участия государя: от законодательства до внутренних проблем провинциальных городов и распорядка учебных заведений. Причем за что бы ни брался Николай, он всегда был одинаково успешен, демонстрируя высокий уровень осведомленности и компетенции во всем: «Русский император одинаково опытен во всех областях государственной деятельности, будь то юстиция, внутренние или внешние дела, финансы, законодательство, артиллерия или военно-морская служба»⁵⁵. Неустанно заботясь о благе государства и постоянно демонстрируя выдающиеся способности вникающего во все правителя, Николай еще раз подтверждал свои естественные права на неограниченную власть.

Помимо вездесущности еще одной определяющей чертой создаваемого образа идеального монарха являлось самопожертвование во имя процветания государства и благополучия подданных. Всепоглощающее чувство долга и скромность в личной жизни, граничащая с аскетизмом, стали одними из главных добродетелей русского царя. Из сочинения в сочинение повторялось примерно следующее описание быта Николая I: «К себе самому император Николай I был в высшей степени строг, вел жизнь самую простую... Вообще вся обстановка, окружавшая его, носила отпечаток скромности и строгой воздержанности»⁵⁶. Практически все авторы описывали складную походную кровать, покрытую тюфяком и старой шинелью, на которой спал император в Зимнем дворце, а также скромную обстановку его рабочего кабинета. Особое восхищение вызывал распорядок дня Николая, который с раннего утра посвящал себя государственным делам, делая перерывы только для приема пищи и пеших прогулок. Его главными отличительными чертами, которые выделяли побывавшие при Петербургском дворе немецкие аристократы, были «поразительно активная деятельность в течение дня», «крайняя строгость к себе» и «выдающаяся память, а что касалось его неумоимости в военных занятиях, то она просто поражала всех»⁵⁷.

Говоря о незаурядных способностях царя, авторы, прежде всего, отмечали его феноменальную память. Как писал вюртембергский генерал и дипломат Фридрих Вильгельм фон Бисмарк: «Несмотря на то, что государственные дела отнимали у Его Величества много времени, в

---

⁵⁴ *Gagern*. 1856. Bd. 2. S. 48.

⁵⁵ *Londonderry*. *Recollections of a Tour...* 1838. T. 1. P. 275.

⁵⁶ *Tietz*. 1836. S. 18.

⁵⁷ *Kaiser Nikolaus der Erste ...* S. 11.

гвардейском корпусе он помнил поименно всех офицеров фельдфебелей. Более того, раз узнав на учении фамилию какого-либо офицера или даже низшего чина, он уже никогда не забывал ее»⁵⁸. Император любил окружать себя военными. Часто устанавливая с адъютантами самые доверительные отношения, он относился к ним не как к слугам, а как к товарищам по оружию. Большое умиление у читателей должны были вызывать рассказы о том, как по распоряжению Николая семейным офицерам, имеющим детей, к Рождеству и Новому году от его имени присылали елку и подарки. Приведенные факты неформального отношения и личного внимания императора к окружавшим его офицерам вне зависимости от их чина также содействовали формированию у широкой публики устойчивого мнения, что русский царь знает о существовании и нуждах каждого из своих подданных.

Но самое сильное впечатление на наблюдателей, среди которых большинство составляли военные, производили способности, проявленные Николаем I в качестве командира на парадах и маневрах. Практически все консервативные авторы отмечали, что, несмотря на самоотдачу, с которой император посвящал себя управлению государством, истинным его призванием была армия: «Больше всего он любил учения, смотры, парады, разводы и неизменно проводил их, не зная усталости, даже зимой»⁵⁹. Ряд сочинений посвящено исключительно изображению его поведения во время больших совместных маневров, например, при Калише (1835) и Вознесенске (1837). Восторженный поклонник Николая описывает свои впечатления следующим образом: «Если задуматься над тем, что монарх империи, превосходящей всю Европу, с населением в 56 млн. жителей, который при этом не упускает из виду деятельность всех кабинетов правительства, держит в памяти не только расположение подразделений как морской, так и континентальной державы, но даже их сигналы, то приходишь к выводу, что это граничит с чудом»⁶⁰.

Традиционно необходимыми качествами для правителя, военные способности которого занимали такое важное место, были наличие харизмы, а также выдержка, решительность и личное мужество, проявленные в опасных для жизни ситуациях. Очень популярна у немецких авторов была история о том, как император, возвращаясь в санях поздно вечером из театра, в одиночку задержал опасного преступника, напавшего на женщину: «Государь вышел из саней и прямо пошел к месту преступления. Грабитель, увидев грозный и величественный образ царя,

---

⁵⁸ *Bismark*. 1836. S. 64.

⁵⁹ *Preußen als Gäste in St. Petersburg ...* S. 38.

⁶⁰ *Bismark*. 1836. S. 37.

бросился бежать, но император догнал его и самолично доставил в ближайший участок»⁶¹. Помимо полуфольклорных зарисовок, где царь лично восстанавливает справедливость и порядок на бытовом уровне, в качестве примеров для доказательства необыкновенного самообладания Николая приводились и относительно подлинные истории, в которых самодержец, рискуя жизнью, выступал против вооруженного противника или разъяренной толпы.

Наибольшей популярностью у немецких литераторов пользовались два эпизода его царствования. Прежде всего, это – поведение будущего царя во время восстания декабристов в 1825 г., когда он, неоднократно рискуя жизнью, бесстрашно приближался на расстояние выстрела к восставшим подразделениям⁶². Вторым излюбленным эпизодом проявления незаурядного мужества русского императора стало его поведение во время Петербургских холерных беспорядков 1831 г.⁶³. По одной из версий, речь шла о массовых волнениях на Сенной площади 23 июня, вызванных непопулярными карантинными мерами. Император – «похожий на рассерженного полубога» – один вышел к толпе, сбродил шинель, приказал бунтовщикам стать на колени и перекреститься: «И десять тысяч яростных варваров пали на колени, перекрестились и спокойно разошлись»⁶⁴. И опять мы видим развитие темы противостояния двух культур, двух моделей поведения: просвещенного вождя и толпы варваров. Образ бесстрашного одиночки, появляющегося в кризисные моменты среди возмущенных подданных, чтобы сокрушить врагов отечества или вековое невежество, довольно быстро стал неотъемлемой частью мифологии правления русского императора.

Помимо ипостаси мудрого правителя, блестящего офицера и вождя, российский самодержец предстал в консервативной публицистике и в образе заботливого отца патриархального семейства: «Известно, что Николай был образцовым семьянином. Проведя все утро и весь день в государственных заботах, отдыхал он только в семейном кругу. Какой пример подавал нам всем император своим глубоким почтением к жене и искренней любовью к детям!»⁶⁵. Эта сторона восприятия Николая I тоже была тесно связана с консервативной теорией монархического государства. Легитимность монархии, по мнению немецких консерваторов, определялась двумя факторами: божественным происхождением и

---

⁶¹ *Jermann*. 1852. S. 173.

⁶² *Tietz*. 1836. S. 18; *Kaiser Nikolaus der Erste ...* S. 11.

⁶³ *Preußen als Gäste in St. Petersburg*. S. 38; *Possart*. 1842. S. 199f.

⁶⁴ *Jermann*. 1852. S. 134.

⁶⁵ *Tagebuch eines preußischen Offiziers ...* S. 51.

опорой на патриархальные традиции. Выше говорилось о значении религиозного авторитета для восприятия российского государства и олицетворяющего его императора. Консервативная идеология утверждала, что государство возникает благодаря божественному проведению, а не вследствие сознательной деятельности людей. Следовательно, оно формируется не на основе общественного договора, а естественным образом вырастает из традиционной патриархальной семьи. При этом, как подчеркивал Ф.Ю. Шталь, «право отца также проистекает от Бога, а не от детей»⁶⁶. Это обстоятельство выступало еще одним аргументом в пользу монархии, так как «если государство возникло из патриархальной семьи, то князь, то есть отец племени, имеет абсолютный приоритет перед всеми»⁶⁷. Поэтому изображение Николая I в качестве строго, но любящего отца в окружении большого семейства имело не меньшее значение, чем описание его мужественного поведения во время военных маневров или других опасных ситуаций. Частная жизнь императора, как правило, характеризовалась простотой отношений, приватностью и легкой непринужденностью: «Зарисовки повседневной и семейной жизни императора подтверждают мнение русских: их монарх, как счастливый глава семьи на троне, одновременно для всех сословий является примером и образцом простой, скромной и уютной домашней жизни; великая династия сама подает прекрасный пример веселой общительности и тихого наслаждения семейными радостями»⁶⁸. Подобные описания Николая как заботливого, но строгого хозяина дома⁶⁹, занимали важное место в консервативном восприятии России благодаря распространенной в русофильской литературе аналогии с патриархальным главой государства, который управляет своим незрелым народом как глава семьи: «Император, глава церкви и государства, почитается своими подданными как отец, как патриарх; они преданы ему благоговейно и искренне»⁷⁰. Это восприятие Николая как воплощения стабильного авторитарного государства и мнимой патриархальной общественной иерархии придавало ему в глазах его консервативных почитателей особенное значение.

Однако божественно-патриархальная традиция не только обосновывала легитимность монархии, но и налагала определенные ограничения, также связанные с традиционалистскими представлениями о патриархальном господстве. Так, легитимист Э.Л. фон Герлах, признавая

---

⁶⁶ *Stahl*. 1863. S. 308.

⁶⁷ *Ibid.* S. 26.

⁶⁸ *Meyer*. 1837. Bd. 2. S. 253.

⁶⁹ *Arnim*. 1850. Bd.2. S. 321f; *Jerrmann*. 1852. S. 142f.

⁷⁰ *Bismark*. 1836. S. 70.

патриархальную основу монархической власти, полагал, что государь – как отец, который «существует не только для того, чтобы сечь своих детей, но главным образом для того, чтобы демонстрировать им величие Отца Небесного, заботиться о них и кормить их»⁷¹. Традиционалист Ф.Ю. Шталь выражал эту идею почти теми же словами: «Отец не может истязать или продавать своих детей, поэтому санкция Бога требует, чтобы королевская власть опиралась на нравственный порядок»⁷². В этом пункте мы опять видим, как «необходимость нравственного ограничения» власти монарха над подданными, его ответственности перед обществом вступает в противоречие с многократно критикуемой системой самодержавия, граничащего с произволом. Идея ничем не ограниченной власти правителя, который для осуществления своей воли готов прибегать к «механическому насилию» над подданными, была неприемлема как для легитимистов, так и для традиционалистов.

Если в непредназначенных для печати дневниках Леопольда фон Герлаха укрепившийся абсолютизм Николая I подвергается критике как извращенная форма монархии, ведущая к саморазрушению, то в консервативной публицистике делается масса попыток доказать эффективность и стабильность самодержавного строя. Считая абсолютизм малопригодным для собственного отечества, многие консерваторы были готовы доказывать его преимущества и целесообразность, когда речь заходила о России. Как правило, они шли двумя путями. Меньшая часть пыталась представить самодержавие как специфическую форму господства, подходящую только для России с ее низким уровнем развития гражданского общества. Так, Йеррманн писал: «Кто понимает важность почти невероятного прогресса, который в течение последних 80 лет смог осуществить этот сегодня еще наполовину варварский народ, тот должен чистосердечно признать, что такие гигантские скачки в будущее возможны только при самодержавии»⁷³. Большинство же русофильских авторов, напротив, стремилось изобразить эту авторитарную форму политического устройства как идеальный, определенный Богом порядок, которого не коснулись никакие исторические изменения: «Всемирное правительство в наше время весьма дальновидно пригласило императора Николая, этого монарха с непоколебимой силой воли, в качестве властителя, и дала ему в руки такую огромную власть. Применение, которое он находит этой власти, освещает и оправдывает ее; он рассматривает самого себя

---

⁷¹ Gerlach. 1903. Bd. I. S. 288.

⁷² Stahl. 1863. S. 301.

⁷³ Jerermann. 1852. S. 173.

находящимся на службе доброго консервативного принципа, божественного права...»⁷⁴. Консерваторы всеми возможными способами стремились подчеркнуть привлекательность системы господства, которую их внутренние враги снова и снова ставили под сомнение: «Русский остался верующим, в то время как весь остальной христианский мир колеблется в сомнении. Самодержавная власть своим примером и влиянием наиболее сильно способствовала тому, чтобы придать народу характер религиозной морали, который является основой всех добродетелей»⁷⁵.

Таким образом, несмотря на возможные идеологические противоречия, Николай I как монарх, «исходящий в своих действиях из законов традиции и почвы», будучи сторонником принципа легитимизма, предстает в русофильской литературе как идеальный тип консервативного властителя. Эта противоречивая ситуация будет понятна, если рассматривать формирование образа русского императора в связи с внутренними дискуссиями в Германии и Западной Европе.

После июльских волнений 1830 г. аристократия снова стала ощущать угрозу своим привилегиям со стороны тех общественных сил, которые в консервативной публицистике ассоциировались с «революцией». Шаткость положения германских правящих классов внутри страны заставила их искать опору вовне. Не случайно их взоры обратились на страну, которую либералы считали главным врагом революционных преобразований, а ее правителя называли «жандармом Европы». Видя слабость собственных правящих домов, юнкерство возлагало последние надежды на казавшееся сильным и стабильным российское абсолютистское государство и на самодержца, готового в случае революции преградить ей путь силой оружия. Так, генерал Бисмарк в 1836 г. хотя и чувствовал обеспокоенность в связи нарастанием революционной угрозы в Европе, выражал уверенность в победе и спокойствие при мысли о надежном союзнике: «Император Николай следит за развитием революции, чтобы, когда пробьет час, начать войну и поддержать монархический мировой порядок. Россия чудесным образом развивается по пути своего великого предназначения. Она правильно поняла свою роль во всемирной истории и решит поставленную задачу. Не угнетение, а освобождение от порочного принципа, который как ночной кошмар душит народы и хочет навязать им закон революции, разрушающий всю правовую систему, – такова ее миссия»⁷⁶.

---

⁷⁴ *Bismark*. 1836. S. 69.

⁷⁵ *Gurowski*. 1841. S. 108.

⁷⁶ *Bismark*. 1836. S. 64f.

Еще сильнее осознание миссии русского императора как гаранта легитимности и спасителя монархического строя в Европе проявилось в консервативной публицистике накануне революции 1848 г. В этот период в немецком общественном мнении фигуре Николая I отводилась роль некоего демиурга – все сильного и непримиримого борца с революционными силами, ставшего «злым гением» для либералов, и «носителем божественной миссии» для консерваторов. Выдающиеся политические качества русского самодержца – «неукротимая энергия», уверенность и самообладание, непримиримость в отношении любых оппозиционных движений, способность «внушать послушание народам и ужас врагам» – в изображении охранителей заметно контрастировали с растерянностью европейских правителей перед революционным подъемом 1848 года.

Благодаря русской интервенции в Венгрии в самый критический для правящих кругов Германии и Австрии момент (апрель/май 1848 г.) положение было стабилизировано. И не в последнюю очередь вследствие этого новый подъем революционных волнений в Германии был ограничен лишь несколькими локальными очагами. Поэтому, даже спустя четыре года вспоминая об этом, прусский генерал фон Брандт продолжает выражать глубокую благодарность русскому самодержцу: «В то время как в романо-германской Европе под давлением мятежных движений распространилось мнение, что только конституционный принцип на основе французской модели может спасти ситуацию, один из писателей из лагеря врагов России и сторонников этого принципа признавался, что в случае революции самодержавие как огненный столб встанет перед русским народом и заслонит его собой. В то время как напуганные правительства должны были все это терпеливо сносить, имея наготове для революционеров извинения для всякого бунта и амнистию в случае всякого восстания, Николай объявил, что император России прощает только один раз. Он хотел при всех обстоятельствах сохранить доверенный ему Богом народ от пороков хваленой современности, удержать его в рамках закона, вне которого для него нет ни будущего, ни безопасности. Он противостоял революции со священной энергией и с той уверенностью и силой, которые внушают массам послушание, а врагам – страх. Он знал из опыта, что во время революций чрезмерное снисхождение приравнивается к слабости, что гидру революции, наоборот, нужно уничтожать повсюду, где встретишь⁷⁷». В этой ретроспективной интерпретации, сделанной в 1852 г., сохранились наиболее важные

---

⁷⁷ Brandt. 1852. S. 2f.

стереотипы консервативного мышления, связанные с русским императором и той ролью, которую отводили ему охранители в европейской политической борьбе 30–40-х гг. XIX в. Говоря о противостоянии сил «зла» и сил «добра», автор видит врага в «пороках хваленой современности». Прежде всего, это – революция как главный «разрушительный принцип» и ненавистная, и поэтому охарактеризованная как «французская», т.е. чуждая, форма конституционного правления, которая связана с революцией и потому «всегда трусливо перед ней отступает». С другой стороны, им противостоят самодержавие, как мощная защита русского народа от соблазнов, и русский император, исполняющий со "священной энергией" ниспосланную ему Богом миссию. Он надежно преграждает путь революции, внушая страх врагам. В этом отзыве немецкого офицера и аристократа отчетливо проступает еще одна очень важная, а может быть и главная составляющая образа Николая I, которая многое объясняет в его трактовке консерваторами в рассматриваемый период: русский царь как неоспоримый лидер и руководитель европейского антиреволюционного движения.

В данном случае этот аспект восприятия Николая I тем более важен, что стал определяющим для прусского генерала вскоре после унижительного дипломатического поражения Пруссии – подписания Ольмюцкого договора, в котором российский император сыграл решающую роль. «Позорная капитуляция» Пруссии в Ольмюце для такого убежденного консерватора, как Брандт, значила меньше, чем чувство глубокой признательности России и ее самодержцу за помощь в борьбе с революционным «хаосом». Для большинства охранителей борьба с оппозицией имела куда большее значение, чем «пруссский патриотизм», они скорее были готовы идентифицировать себя с русским абсолютизмом, чем с либерально настроенным населением собственной страны.

Именно противопоставление понятий «революция» и «Россия», как полярных политических сил в Европе, лежало в основе противостояния либеральной русофобии и консервативной русофилии. И демократическая оппозиция, и аристократия приписывали Николаю I решающую роль в борьбе с революционным движением, причем немецкие консерваторы, признавая собственную слабость, полагали, что успешный для них исход этой борьбы в собственной стране без участия России невозможен. Этим противостоянием определяется трактовка важнейших элементов образа царской империи, сформированного как в либеральной, так и в консервативной публицистике.

БИБЛИОГРАФИЯ

ИСТОЧНИКИ

- (*Anonym.*) Der Czar gegenüber der europäischen Anarchie. Leipzig, 1849.
- (*Anonym.*) Die europäische Pentarchie. Leipzig, 1839.
- (*Anonym.*) Die Preußen als Gäste in St. Petersburg im Jahre 1834. Leipzig, 1835.
- (*Anonym.*) Kaiser Nikolaus der Erste gegenüber der öffentlichen Meinung von Europa, zur Berichtigung unreifer Urteile über russische Diplomatie und Regierungspolitik. Weimar, 1848.
- (*Anonym.*) Kaiser Nikolaus und seine Rathgeber. Grimma, 1846.
- (*Anonym.*) Tagebuch eines preußischen Offiziers während seiner Reise nach Petersburg und seines Aufenthalts daselbst bei Einweihung der Alexandersäule. Berlin, 1836.
- (*Anonym.*) Wort über Marquis von Custines „Rußland im Jahre 1839“. Berlin, 1844.
- Arnim C. v.* Reise ins Russische Reich im Sommer 1846. Bde. 1–2. Berlin, 1850.
- Brandt H. von.* Rußlands Politik und Heer in den letzten Jahren. Berlin, 1852.
- Bismark F.W. v.* Die Kaiserlich russische Kriegsmacht im Jahre 1835 oder meine Reise nach St. Petersburg. Karlsruhe, 1836.
- Custine A. de.* Rußland im Jahre 1839. 4 Bde. Leipzig, 1847 (3. Aufl. – 1. Aufl. 1843); *Кюстин А. де.* Россия в 1839 году: В 2-х тт. /Пер. с фр. Под ред. В.Мильчиной. М., 1996.
- Decker C.v.* Die Truppen-Versammlung bei Kalisch im Sommer 1835. Königsberg, 1835. Denkwürdigkeiten aus dem Leben Leopold von Gerlachs. Hrsg. Von seiner Tochter Agnes von Gerlach. 2 Bde. Berlin, 1891/92.
- Gagern H. v.* Das Leben des Generals Friedrich von Gagern. 3 Bde. Leipzig und Heidelberg, 1856.
- Gerlach E.L.* Auszeichnungen aus seinem Leben und Wirken. 1795 – 1877. Schwerin, 1903.
- Gerlach E.L.* Von der Revolution zum Norddeutschen Bund. Politik und Ideengut der preußischen Hochkonservativen. Hrsg. Diwald H. 2 Bde. Bd.2. Briefe, Denkschriften, Aufzeichnungen. Göttingen, 1970.
- Gerlach E.L.* von. Regierungsplan für Friedrich Wilhelm IV, König von Preußen, vom 3 September 1848 // *Elm L.* Konservatives Denken, 1789 – 1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin, 1898.
- Gurowski A.* Rußland und Zivilisation. Leipzig, 1841.
- Elm L.* Konservatives Denken, 1789–1848/49. Darstellungen und Texte. Berlin, 1898.
- Jerrmann E.* Unpolitische Bilder aus St. Petersburg. Berlin, 1852.
- Londonderry.* Recollections of a Tour in the North of Europe in 1836–1837. London, 1838. T. 1.
- Meyer F.J.* Russische Denkmäler. In den Jahren 1828 – 1835 gesammelt. 2 Bde. Hamburg, 1837.
- Novalis.* Fragmente // *Baxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Possart P.* Die Königreiche Schweden und Norwegen, das Kaisertum Russland und Königreich Polen und Freistaat Warschau. Bd. 2. Das Kaisertum Russland. Stuttgart, 1840–1841.
- Possart P.* Wegweiser für Fremde in Petersburg oder ausführliches Gemälde dieser Hauptstadt und ihre Umgebung. Heidelberg, 1842.

- Schlegel F.* Aus den Philosophischen Vorlesungen // *Vaxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Schneider L.* Preußens und Rußlands Genius- Eine Festgabe zur Feier des 1/13 Juli 1842. Berlin, 1842.
- Sporschil J.* Die Weltstellung Russlands in der Gegenwart. Leipzig, 1849.
- Stahl F.J.* Die gegenwärtigen Parteien in Staat und Kirche. Berlin, 1863.
- Tietz F.* Erinnerungen aus Russland, der Türkei und Griechenland. Entworfen während des Aufenthalts in jenen Ländern in den Jahren 1833 und 1834. Bde. 1–2. Leipzig, 1836.

ЛИТЕРАТУРА

- Заиченко О.В.* Образ России в Германии в первой половине XIX в. (на материале либеральной публицистики) // Россия и Германия. Вып. 2. М., 2001. С. 92–110.
- Заиченко О.В.* Немецкая публицистика и формирование образа России в общественном мнении Германии в первой половине XIX в. М., 2004.
- Заиченко О.В.* “Biedermeier” и “Vormärz”: Россия как конституирующий «Другой» в период Реставрации (на основе путевых дневников немецких путешественников) // Диалог со временем. Вып. 32. М., 2010. С. 94–122.
- Имангалиев Р.Н.* Становление политического консерватизма в Пруссии в конце XVIII – середине XIX в. Казань, 2001.
- Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994.
- Мусихин Г.И.* Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб, 2002.
- Vaxa J.* Einführung in die romantische Staatswissenschaft. Jena, 1931.
- Beyerhaus G.* Die konservative Staatsidee und ihr Einfluß auf die Geschichtswissenschaft // Historische Zeitschrift. Berlin, 1937. Bd. 156. N 1.
- Greifenhagen M.* Das Dilemma des Konservatismus in Deutschland. München, 1977.
- Epstein K.* Die Ursprünge des Konservatismus in Deutschland. Berlin, 1973.
- Hungtington S.* Konservatismus als Ideologie // Konservatismus. Hrsg. Schumann H.-G. Frankfurt a. M., 1984.
- Mannheim K.* Conservative thought // Mannheim K. Essays on sociology and psychology. London, 1953.
- Meinecke F.* Gerlach und Bismarck // Historische Zeitschrift. Berlin, 1894. Bd. 72.
- Schöps H. J.* Das andere Preussen. Stuttgart, 1974.
- Wehler H.-U.* Deutsche Gesellschaftsgeschichte. 2 Bde. Göttingen, 1971.
- Заиченко Ольга Викторовна**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, o.v.zaichenko@gmail.com

Л. П. ЛАПТЕВА

В. И. ГЕРЬЕ И ЕГО ОЦЕНКА СОВРЕМЕННЫХ УНИВЕРСИТЕТОВ ГЕРМАНИИ

В статье освещается вопрос об оценке русским учёным В.И. Герье состояния изучения и преподавания всеобщей истории в университетах Германии на основе его отчётов о командировке в Германию в 1862-64 гг. В.И. Герье отмечал большие успехи немецких учёных в изучении всеобщей истории, анализировал организацию и методы преподавания этого предмета в университетах Германии, указывая, наряду с положительными чертами и на недостатки, которым нежелательно подражать.

Ключевые слова: Германия, университеты, В.И.Герье, отчёты о командировке.

Жизнь и творчество историка, профессора Московского университета В.И. Герье (1837-1919) достаточно подробно освещены в литературе. Он пользовался большой известностью у современников, причастных к университетскому образованию и к исторической науке вообще, его деятельность оценивалась представителями разных политических и общественных организаций и партий. После некоторого забвения имени Герье в нашей литературе XX века, личность этого незаурядного деятеля русской культуры второй половины XIX века, вновь привлекла внимание историков. Библиография и краткая характеристика литературы о Герье содержится в книге Д.А. Цыганкова «В.И.Герье и Московский университет его эпохи»¹. Эта литература, на наш взгляд, имеет некоторые недостатки. Прежде всего, она носит в основном описательный характер: из статьи в статью кочуют одни и те же характеристики личности и творчества Герье, повторяются одни и те же цитаты из мемуаров и воспоминаний, описываются впечатления современников о контактах со знаменитым московским профессором и т.д. Мало изучено эпистолярное наследие В.И. Герье и редко оценивается его научное наследие и вклад в изучение всеобщей истории в России XIX века.

В подавляющем большинстве работ, особенно последнего периода, подчёркивается, что В.И. Герье был учеником Т.Н. Грановского. И сам Герье называл Грановского своим учителем. Действительно молодой Герье слушал лекции Грановского, симпатизировал Грановскому за его западнические взгляды и либеральное отношение к студентам. Но многие авторы указанных утверждений не видят разницы между «учительством» как процессом сообщения знаний и просвещения, и научной школой, т.е. процессом профессиональной подготовки. В профессио-

---

¹ Цыганков. 2008. Введение.

нальном же отношении Грановский не был учителем Герье, более того, не мог им быть. Это был профессор дореформенного периода, т.е. эпохи ушедшей в прошлое. Грановский, как известно, являлся великолепным лектором. На фоне рутинного, скучного, в пономарской манере чтения, часто «по трудам» или даже по одному «труду» какого-либо иностранного учёного, характерного для многих профессоров Московского университета в первой половине XIX в., Т.Н. Грановский выделялся талантливым, художественным изложением материала, интересным содержанием лекций и знанием предмета. Профессор пользовался невероятной популярностью у студенчества и не только. Его артистизм и обаятельная личность привлекали и светских дам, которые, по воспоминаниям современника, толпами стекались в университетскую аудиторию на «театральное шоу». Кроме того, Грановский был западником, а с этим направлением связывалась борьба против серой действительности за высшие идеалы. И общество создало из него романтического героя. Этот образ утвердился за Грановским в литературе XIX в., а затем и потомки создали миф о нём как о борце против рутины, возглавлявшем оппозицию против «подлого и гнусного» университетского начальства, идеального учёного². В действительности либеральные взгляды Грановского не выходили за рамки дозволенного, и в его высказываниях трудно обнаружить особое свободомыслие или либерализм³.

Что касается содержания лекций профессора, то поклонники его отмечают в основном их блестящую артистическую внешнюю сторону, однако есть и отзывы о сущности материала. Так, В.В. Григорьев, известный востоковед, знавший Грановского по Петербургскому университету, писал: «Многие считают Грановского учёным... По-моему, обширная начитанность не даёт ещё права на звание учёного». Учёный должен не только много знать, но знать критически, перерабатывать приобретённый материал и передавать его другим в своеобразной форме, обогащённый или очищенный собственным его мышлением. «Грановский же и в лекциях, и в немногих сочинениях своих является передатчиком усвоенного им материала, не судьёй дела, а докладчиком фактов и выработанных другими воззрений на них. Я не нахожу в нём самостоятельной мысли. Он думал только о том, о чём случалось прежде думать другим <...>. Не заходил он ни в какую неразработанную до него область истории, никакого загадочного явления её не облил он светом своей мысли, не проложил никакой новой тропы, не открыл ника-

---

² См.: Левандовский, 1989; 1990.

³ См., напр.: Идея всеобщей истории... 2006. С. 161.

кого нового приёма в облегчение последующим изыскателям. Во всём им деланном ему собственно принадлежала только артистическая отделка вычитанного, художественная передача чужого, ничего притом ему не стоившая, потому что по условиям его природы всё, исходившее из его духа, не могло исходить иначе, как в прекрасных формах⁴. Таким образом, Григорьев характеризовал Грановского лишь как популяризатора истории. Нельзя не признать справедливости мнения Григорьева. Научные труды Грановского в области всеобщей истории очень скромны. Кроме двух диссертаций он «обогастил науку» несколькими статьями, число которых не достигает и десятка. Для составления своих лекций Грановский имел в распоряжении сочинения блестящей немецкой школы всеобщей истории – труды Б.Г. Нибура, Л. Ранке и др., заимствовал их фактический материал, философскую основу и оценку.

Впрочем, эмоциональное, доступное для большинства слушателей изложение материала лекций возбуждает интерес к профессиональному занятию историей, так что лекции Грановского не пропадали даром. Талантливое изложение материала создавало у студентов впечатление причастности к чему-то новому, что так всегда привлекает молодёжь. Кроме того, лекции Грановского явились вызовом рутине, господствовавшей в преподавании истории в Московском университете. Грановский, объединив вокруг себя западнически настроенных молодых преподавателей и студентов, способствовал созданию атмосферы некоей свободы и интереса к умственному труду и практически впервые познакомил русское юношество с предметом всеобщей истории. Профессор привлекал к себе простотой и интеллигентностью в отношении к студентам, но досуг предпочитал проводить не в библиотеках и архивах, а в светских салонах за карточным столом и бокалом вина. Герье вспоминал как в студенческие годы Грановский при встрече с ним «с доброй и счастливой улыбкой» предостерег студента от усиленных занятий, вредных, по его мнению, для здоровья. Почитатели Грановского ценили в нём те качества, которыми он обладал как человек и педагог. Но будучи первопроходцем в преподавании всеобщей истории в Московском университете, Грановский не мог передать слушателям ни идейной стороны, ни метода разработки истории, так как сам ими не владел на уровне тех западных учёных, результаты исследований которых излагал в своих лекциях. Поэтому Грановский не воспитал учёных последователей.

В профессиональном смысле Герье не был его учеником. Научное изучение всеобщей истории в Московском университете начинается

---

⁴ Григорьев. 1856. С. 56-57.

именно с работ Герье. Импульсом для нового подхода к проблемам всеобщей истории для Герье стали историки России. Так, профессор русской истории С.М. Соловьёв рекомендовал ему для магистерской диссертации тему «Борьба за польский престол в 1733 г.»⁵. Это была первая крупная работа молодого учёного, в которой он продемонстрировал новаторский подход к источниковой базе всеобщей истории. Дальнейшее совершенствование в науках Герье осуществлял за границей, куда молодой магистр был командирован в 1862 г. и в общей сложности провёл там около трёх лет. Задачей командировки было не только совершенствование знаний, но и изучение постановки и методов преподавания всеобщей истории в европейских, преимущественно немецких университетах. Герье работал в архивах над документами, изучал литературу в библиотеках, посещал лекции профессоров в разных университетах. На этом материале он составил курс собственных лекций, которые должен был читать в Московском университете по возвращении. Большую часть времени Герье уделил университетам Германии, где изучение всеобщей истории достигло больших успехов и немецкие учёные-профессора представляли собой авангард этой науки во всём мире.

О своих занятиях за границей В.И. Герье писал отчёты в Министерство народного просвещения: часть из них была опубликована в ЖМНП в 1863 и 1864 гг.⁶. В отчетах содержатся сведения и впечатления о европейских университетах, дополненные и оцененные впоследствии автором в статьях и выступлениях по университетскому вопросу⁷. Герье описывает характер преподавания всеобщей истории в Германии. Он сообщает хронологические рамки и объём материала, который немецкие профессора излагают в своих лекциях студентам. По его сведениям в Берлинском университете курсы всеобщей истории читают 8 профессоров, в целом 38 часов в неделю, охватывая период с античности и до современности, например, историю «нашего времени с 1813 года»⁸. Читалась история Древней Греции и Рима, история средних веков, нового и новейшего времени. Автор отчётов обращает внимание на то, что в германских университетах большое место отводится источниковедению, преподаются вспомогательные дисциплины – палеография, дипломатика и др. Герье характеризует научную квалификацию профессоров, манеру чтения лекций и реакцию студентов на них. Значительное место в отчё-

---

⁵ Герье. 1862.

⁶ Извлечение из отчётов ЖМНП. 1963. №3. Март. Ч. СХVII. Отд. II. С. 244-253; 1863. №9. Ч. XIX. Отд. II. С. 422-427; 1864. №2. Отд. II. С. 273-284.

⁷ См.: Герье. 1876. №2. С. 646-709. Университетская идея... 2011. С. 337-359.

⁸ ЖМНП. 1863. №3. С. 245.

тах занимает вопрос об организации обучения студентов работе с источниками, т.е. деятельности семинаров, которыми руководят профессора.

В.И. Герье находит в немецких университетах не только позитивное. Многие для него были неприемлемо с точки зрения педагогической, методической и научной. Учитывал он также национальные традиции и политическую действительность, которые не могли не отражаться на процессе обучения молодого поколения в Германии.

Центром изучения всеобщей истории Герье считал Берлинский университет, а среди его профессоров Леопольда Ранке, «основателя многочисленной исторической школы в Германии, знаменитого старца, который уже 40 лет трудится на своём поприще как профессор и историк»⁹. «В 1824 г. Ранке издал своё первое сочинение, в котором он изложил основание своей новой методы исторической критики... Последнее его сочинение – история Англии в XVI и XVII вв. ...не уступает прежним трудам», – констатирует Герье. И продолжает: «В нынешнее полугодие Ранке читает историю XIX столетия с 1813 г. Так как он был лично знаком со многими людьми, которые стояли близко к событиям этого времени, то курс его имеет особенный интерес». Характеризуя манеру чтения лекций Ранке, Герье отмечает в них ясность мысли, объективность, беспристрастие и «благородную речь». По мнению русского магистра, Ранке не стремится к актуализации, несмотря на то, что современные политические события в Германии имеют связь с происходившими в 1813 г. процессами. Герье отмечает, что хотя в настоящее время вопрос об объединении Германии «электрически действует на большую часть немецких студентов», «Ранке избегает всяких намёков на современные вопросы». «Он говорит своим слушателям: нас с вами занимает здесь не то, что было желательно, но вопрос как произошло то, что находится перед нашими глазами, хотя бы оно несколько не соответствовало нашим желаниям»¹⁰. Указав на популярность лекций Ранке среди немецких студентов Герье отмечает, что этот учёный «известнее всех прочих немецких историков за границами Германии, а его сочинения переведены на все европейские языки». Далее он пишет, что в Берлинском университете профессора истории кроме больших курсов лекций читают ещё небольшой «публичный курс». На этих занятиях студенты занимаются «историко-критическими упражнениями». Ранке на своём публичном курсе заставляет студентов читать и объяснять сочинение немецкого летописца XI в. Адама Бременского. Студенты обя-

---

⁹ ЖМНП. 1863. №3. С. 245.

¹⁰ Там же. С. 246.

заны также представить сочинение – критическую разработку какой-нибудь летописи. Такие сочинения разбираются публично¹¹.

Упомянув далее других немецких историков – Зибеля, Гизебрехта, Дюммлера, – учеников Ранке, Герье останавливается на деятельности Кёпке, который читал курс истории XVI и XVII вв. Его лекции отличаются подробными характеристиками исторических деятелей и рассчитаны на начинающих. Как исследователь Кёпке известен своей историей вестготских королей и сочинениями о Лиутпранде, летописце X века – важного источника для истории Германии и Италии. На «исторических упражнениях» Кёпке читает и разбирает со своими слушателями Лиутпранда, сравнивая его с другими летописцами того времени, а затем разбирает студенческие сочинения на изучаемую тему.

Совершенно другую манеру преподавания всеобщей истории, по мнению Герье, демонстрирует профессор Берлинского университета Дройзен, читающий два курса: энциклопедию истории (методологию) и историю новейшего времени с 1789 г. Автор отчёта отмечает его огромную популярность среди студентов «в виду своих прусских пристрастий и антипатии к Австрии». В отличие от Ранке, излагающего материал беспристрастно, Дройзен сильно актуализирует освещение событий и иногда прямо сравнивает их. Особенно полезными Герье считает лекции Дройзена о задаче историка, критике источников, значении вспомогательных наук. На «исторических упражнениях» «Дройзен не сам объясняет источники, а заставляет студентов разбирать сочинения друг друга. Предметами этих сочинений служат различные политические брошюры, выходившие во время Тридцатилетней войны»¹².

Столь же подробно Герье характеризует лекции по более ранним периодам. Среди них он выделяет курс профессора Т. Моммзена о государственных учреждениях римлян: «В этом деле Моммзен главный авторитет в наше время, каждое слово его имеет значение... Редко можно встретить профессора, который бы так владел своим предметом, излагал бы его с такой логической последовательностью и ясностью... При каждой фразе чувствуешь, что она плод долголетних трудов и исследований»¹³. Самым учёным специалистом по палеографии и критике средневековых рукописей автор считает берлинского профессора Яффе. Он читает палеографию латинских рукописей и упражняет своих слушателей в чтении их на лекциях, а потом продолжает эти упражнения в ар-

---

¹¹ Там же. С. 247.

¹² Там же. С. 249.

¹³ Там же. С. 250.

хиве. Конкретно на этих лекциях разбирается латинское стихотворение, прославляющее победу жителей Пармы над Фридрихом II Гогенштауфеном. Из исторических упражнений, осуществляемых Яффе, можно вынести ещё более пользы, чем из других, «во-первых, потому что на нём не тратится время на разбор студенческих сочинений, и кроме того сам предмет интереснее и даёт профессору возможность говорить не об одних немецких летописцах, но обо всех, которые касались знаменитого спора между папами и последними Гогенштауфенами»¹⁴.

Упомянув далее кратко о курсах лекций по истории Америки и некоторых других, Герье приходит к выводу, что в Берлинском университете изучение всеобщей истории поставлено «на очень широких основаниях». Но и в других университетах русский магистр находил много полезного для своей профессиональной деятельности. Так в Гейдельберге, где в своё время блистал знаменитый Шлоссер, прежняя слава университета поддерживается профессором Гейсером, читающим историю Римской республики и историю французской революции. Особенность курса по римской истории Герье находит в том, что Гейсер «никогда не входит в спорные вопросы или критику источников и только изредка приводит мнение Нибура или Моммзена, а излагает свой собственный взгляд и результаты своих трудов». Герье считает, что такой способ чтения приносит большую пользу молодым слушателям, т.к. даёт им цельное представление о ходе римской истории. Кроме того, Гейсер при изложении древней истории обращает большое внимание на политическую обстановку и взаимную связь тогдашнего исторического мира, вследствие чего «факты римской истории теряют свой археологический характер и слушатель Гейсера вглядывается в эпоху пунических войн с тем же интересом, с каким он следит за современной политикой»¹⁵.

Говоря о лекциях по истории французской революции Герье отмечает, что Гейсер решительно полемизирует с французскими историками, защищая позицию Пруссии в дипломатических переговорах и военных действиях и, таким образом, выступает как современный политик.

Историю средних веков в Гейдельберге читает профессор Ваттенбах, большой знаток средневековых источников. Он сформировался как «историк-археолог» в работе над изданием *Monumenta Germanica*, под руководством Пертца. Ваттенбах читает и курс палеографии, причем курс палеографии читается в библиотеке, где имеются под рукой необходимые издания, снимки с рукописей и сами рукописи, хранящиеся в

---

¹⁴ Там же. С. 251.

¹⁵ ЖМНП. 1863. №9. С. 422-423.

Гейдельберге. Этот курс может служить хорошим приготовлением для дальнейших практических занятий палеографией, резюмирует он. Из других дисциплин, преподаваемых в Гейдельбергском университете, автор отчёта упоминает курс немецкого права, который читает весьма авторитетный профессор Цёпфель, и курс политики. Новую кафедру по этой дисциплине занимает профессор Блунчли и ей, по мнению Герье, предстоит большая будущность. «Немецкие учёные приобретут в политических науках такое же значение, которое они приобрели в политической экономии», – считает он¹⁶. Что касается лекций Блунчли, то они отличаются необыкновенной зрелостью и ясностью мысли, полной объективностью и отсутствием политической страсти и пропаганды.

С преподаванием философии Герье основательно познакомился в Галле, где в небольшом университете работало шесть профессоров философии. Из них трое были хорошо известны в учёном мире. Первое место среди них занимает гегельянец Эрдлих, прославившийся своей историей философии со времени Канта. Профессор Шаллер известен своей апологией Гегеля и полемикой со Штраусом и К. Фогтом. Профессор Гайм написал биографии Гегеля и В. Гумбольдта и историю франкфуртского парламента¹⁷. Всего в Галле читается 39 часов философии. Если Берлинский университет – центр изучения всеобщей истории, то Галльский культивирует философию. Такое разделение функций между университетами, сложившееся в специфических условиях в Германии, не могло не повлиять позитивно на общий уровень развития науки.

Фрайбургский университет произвёл на Герье иное впечатление. Он сохранил значение центра католичества и главную роль здесь играет богословский факультет. На словесном факультете читается история римских императоров, средневековая Германия и история искусства в Германии. «Однако и во Фрейбурге есть своя звезда, – пишет Герье. – Это Трейчке. Он читает курс государственного права и историю Германии с Венского конгресса. Несмотря на то, что его оценка не совсем согласуется с католическими взглядами, господствующими здесь, его лекции посещаются множеством офицеров, ремесленников и пр. посторонних лиц, и зала бывает буквально набита слушателями»¹⁸.

Базельский университет устроен по образу немецких. Несмотря на миниатюрность (всего 93 студента), он заключает в себе несколько знаменитостей¹⁹. Самый известный из них Вагернагель, один из лучших

---

¹⁶ Там же. С. 426.

¹⁷ ЖМНП. 1864. №2. С. 274.

¹⁸ Там же. С. 276.

¹⁹ Там же. С. 277–78.

знатоков древней немецкой литературы. Затем – Хагенбах, составивший себе имя сочинениями по церковной истории. Историю читает Бухардт, один из лучших учеников Ранке. Он написал сочинение о жизни Константина Великого, читает историю французской революции и проводит «исторические упражнения» на тему о католической оппозиции реформации во второй половине XVI в. Любопытно наблюдение Герье о том, что ректор Базельского университета Герлах – латинский филолог – и его друг Бахофен «часто сходятся, чтобы побеседовать о негодности нового критического направления, представителями которого они считают Ригеля и Моммзена»²⁰. Из этого замечания русского магистра видно, как в немецких университетах уживались представители разных научных направлений – «критического» и «защитников преданий».

Автор отчёта посетил и другие маленькие немецкие университеты.

Как видим, В.И. Герье во время путешествия по Германии в 1863–64 гг. получил массу полезных сведений, которые дали ему основание заключить, что Германия – учёная страна «с 28 университетами и добросовестными профессорами»²¹. Он показал, что немецкие профессора (за редким исключением) не только преподают соответствующий предмет (историю), но и исследуют его научно. Студентам преподаются факты и выводы как предшественников, так и, главным образом, результаты собственных исследований. Процесс обучения – не только передача знаний, но и сообщение метода получения этих знаний. Поэтому университетский профессор должен обязательно быть исследователем, что обеспечивает свободу мнений и развитие науки и культуры науки. Герье также показал, что в германских университетах его времени основу изучения истории составлял метод критики источников и полемика в историографии. Упомянув, что родоначальником критического метода является Ранке, Герье находит его учеников по всей Германии и отмечает высокую эффективность семинаров, посвящённых изучению исторических источников. Русский магистр указывает на высокий уровень культуры немцев, их интерес к своему прошлому, к искусству, к образованию и к интеллектуальным занятиям. Он считает эти качества основой для развития науки. Вместе с тем Герье отдаёт себе отчёт в том, что наблюдаемые им достижения являются результатом многовекового развития и труда десятка поколений. Поэтому он учитывает исторические условия развития Германии и России, все внутренние и внешние факторы исторической жизни этих народов. Он не считает возможным бук-

---

²⁰ Там же. С. 276.

²¹ Там же. С. 280.

вальное перенесение положительных черт из жизни немецких университетов на русскую почву. Более того, он находит в организации учебного процесса, в методике обучения, во взаимоотношениях между членами учёного сословия в университетах Германии ряд отрицательных черт, нежелательных для подражания.

Так, характеризуя курсы лекций берлинских профессоров, он отмечает, что они предназначены для начинающих: «Вообще нельзя не удивляться тому, что никто из берлинских профессоров не читает никакого курса, который предназначался бы для студентов последних семестров или для окончивших курс. Никто не говорит о различных исторических школах, никто не читает литературу истории, без знания которой нельзя приняться за самостоятельные занятия; никто не предлагает критической оценки источников для какого-нибудь более обширного периода. Исторические упражнения не могут восполнить этого недостатка, потому что на них читается целое полугодие один какой-нибудь летописец»²². Очевидно, будущий русский профессор понимал необходимость преподавания в университете таких предметов как историография и источниковедение, но не нашёл их в то время даже в университетах Германии. Герье также считал недостатком то, что немецкие профессора «придерживаются чисто фактической стороны предмета; не позволяя себе никаких отступлений; они даже не кладут в основание своего курса какую-нибудь обширную историческую идею, около которой они бы группировали факты в известной перспективе: феодализм, реформация и т.п.; но ограничивают свои курсы хронологически, например “история нашего времени с 1813 г.”»²³. Герье находил и другие недостатки в немецких университетах – в системе организации экзаменов, управления и бытовой стороне жизни студентов, в отношениях между профессорами и студентами и т.д. Но эти вопросы не нашли большого отражения в его «отчётах», а были позднее развиты в специальной статье²⁴.

В дальнейшей научной и педагогической деятельности В.И. Герье руководствовался принципами, с которыми познакомился в своё первое учёное путешествие по Германии. Он перенял положительные стороны немецкой системы образования и подготовки научных кадров, перенёс их на русскую почву. Но большую ошибку допускают те, кто считает, что Герье пересадила немецкие порядки в русские университеты. Прежде всего, следует иметь в виду, что явления культуры никогда в чистом

---

²² ЖМНП. 1863. №3. С. 249.

²³ Там же.

²⁴ Университетская идея. 2011. С. 337–379.

виде не переносятся от одного народа к другому. Заимствованные идеи всегда изменяются, трансформируются под влиянием условий, в которые они были пересажены. Русская действительность и история представляли собой совершенно другую картину, чем история и действительность Германии. В.И. Герье очень глубоко это понимал и взял из немецкой системы высшего образования лишь прогрессивные черты, что позволило ему достигнуть огромных успехов в подготовке учёных-историков в области всеобщей истории. По сравнению с предшествующим периодом преподавания всеобщей истории в Московском (да и в других) университете вторая половина XIX века в этом отношении может быть названа эпохой Герье.

Приложение. Краткие сведения о крупнейших немецких учёных-историках, упоминавшихся в отчётах В.И.Герье (за 1863–1864 гг.)

1. Бахофен Йоганн Якоб (Johann Jakob Bachofen. 1815–1887) – историк права и древностей. Основные сочинения:
  - Das römische Pfandrecht. Basel: Schweighauser, 1847.
  - Ausgewählte Lehren des römischen Civilrechts. Bonn: Marcus, 1848.
  - Versuch über die Gräbersymbolik der Alten, Basel: Bahnmaier, 1859.
  - Das Mutterrecht: eine Untersuchung über die Gynaikokratie der alten Welt nach ihrer religiösen und rechtlichen Natur. Stuttgart: Kraiss & Hoffmann, 1861.
  - Antiquarische Briefe vornemlich zur Kenntniss der ältesten Verwandtschaftsbegriffe. 2 Bde. Strassburg: Trübner, 1880–1886.
2. Блунчли Иоганн Каспар (Johann Caspar Bluntschli. 1808–1881) – немецкий юрист, правовед и политик, работал в Швейцарии.
  - Geschichte des allgemeinen Staatsrechtes und der Politik. München: Literarisch-artistische Anstalt der J.G. Cotta'schen Buchhandlung, 1864.
3. Буркхардт Якоб (Jacob Burckhardt. 1818–1897) – историк и искусствовед.
  - Kunstwerke der belgischen Städte. Düsseldorf: Buddeus, 1842.
  - Die Zeit Constantins des Großen. Leipzig: Seemann, 1853.
  - Der Cicerone: eine Anleitung zum Genuss der Kunstwerke Italiens. 2 Bde. Basel: Schweighauser, 1855–1860.
  - Die Cultur der Renaissance in Italien: Ein Versuch. Basel: Schweighauser, 1860.
  - Erinnerungen aus Rubens. Basel: Lendorff, 1898.
  - Griechische Kulturgeschichte. 4 Bde. Berlin: W. Spemann, 1898–1902.
  - Weltgeschichtliche Betrachtungen. Berlin: W. Spemann, 1905.
4. Ваттенбах Вильгельм (Wilhelm Wattenbach. 1819–1897) – историк-медиевист, специалист по палеографии.
  - Beiträge zur Geschichte der christlichen Kirche in Böhmen und Mähren. Wien: Gerold, 1849.
  - Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter bis zur Mitte des dreizehnten Jahrhunderts. Berlin: Wilhelm Hertz, 1858.
  - Anleitung zur lateinischen Paläographie. Heidelberg, 1866.
  - Anleitung zur griechischen Paläographie. Leipzig: Hirzel, 1867.
  - Peter Luder, der erste humanistische Lehrer in Heidelberg. Karlsruhe, 1869.
  - Das Schriftwesen im Mittelalter. Leipzig: Hirzel, 1871.
  - Geschichte des römischen Papsttums. Berlin: Wilhelm Hertz, 1876.

5. Гервинус Георг Готтфрид (Georg Gottfried Gervinus. 1805–1871) – историк, литературовед, политик.
  - Geschichte der poetischen National-Literatur der Deutschen, 5 Bde. Leipzig: Engelmann, 1835-1842.
  - Grundzüge der Historik. Leipzig: Engelmann, 1837.
  - Einleitung in die Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts. Leipzig: Engelmann, 1853.
  - Geschichte des neunzehnten Jahrhunderts seit den Wiener Verträgen, 8 Bde. Leipzig: Engelmann, 1855-1866.
  - Shakespeare. 4 Bde. Leipzig: Engelmann, 1862.
  - G. G. Gervinus Leben. Von ihm selbst. Leipzig: W. Engelmann, 1893.
6. Гизебрехт Вильгельм (Wilhelm von Giesebrecht. 1814–1889).
  - Geschichte der deutschen Kaiserzeit. 6 Bde. Braunschweig: Schwetschke, 1855 – 1895.
7. Гауссер Людвиг (Ludwig Häusser. 1818–1867) – историк древнего мира, средних веков, французской революции.
  - Deutsche Geschichte vom Tode Friedrichs des Großen bis zur Gründung des Deutschen Bundes, 4 Bde. Leipzig: Weidmann, 1854 - 1857.
  - Geschichte der französischen Revolution. Hg. v. W. Onchen. Berlin: Weidmann, 1867.
  - Geschichte des Zeitalters der Reformation, 1517–1648. Hg. v. W. Onchen. Berlin: Weidmann, 1868.
8. Гайм Рудольф (Rudolf Haym. 1821–1901) – философ, литературовед, политик.
  - Reden und Redner des ersten preußischen vereinigten Landtages. Berlin: Duncker & Humboldt, 1847.
  - Die deutsche Nationalversammlung, 3 Bde. Frankfurt a.M.: Jügel, 1848–1850.
  - Zur Charakteristik neupreussischer Politik: ein Sendschreiben an Herrn Prof. Stahl in Berlin. Weimar: Böhlau, 1854.
  - Hegel und seine Zeit. Berlin: Gaertner, 1857.
  - Arthur Schopenhauer. Berlin: Reimer, 1864.
  - Die romantische Schule. Ein Beitrag zur Geschichte des deutschen Geistes. Berlin: Gaertner, 1870.
  - Herder nach seinem Leben und seinen Werken dargestellt 2 Bde. Berlin: Gaertner, 1877–1885.
9. Дройзен Иоганн Густав (Johann Gustav Droysen. 1808–1884) – историк, филолог, политик.
  - Geschichte des Hellenismus. 2 Bde. Hamburg: Friedrich Perthes, 1836–1843.
  - Vorlesungen über die Freiheitskriege. 2 Bde. Kiel: Univ.-Buchh., 1846.
  - Das Leben des Feldmarschalls Grafen Yorck von Wartenburg. 3 Bde. Berlin: Veit, 1851–1852.
  - Geschichte der preußischen Politik. 5 Bde. Leipzig: Veit, 1855–1886.
  - Grundriss der Historik. Leipzig: Veit, 1868.
10. Дюммлер Эрнст Людвиг (Ernst Ludwig Dümmler. 1830–1902).
  - Geschichte des ostfränkischen Reiches, Berlin: Duncker & Humboldt, 1862–1865.
  - Kaiser Otto der Große. Leipzig: Duncker & Humboldt, 1876 (co-автор Rudolf Köpke).
11. Зибель Генрих (Heinrich von Sybel. 1817–1895)
  - Der heilige Rock zu Trier und die zwanzig andern heiligen ungenähten Röcke. Eine historische Untersuchung (mit J. Gildemeister). Düsseldorf: Julius Buddeus, 1844–1845.
  - Geschichte der Revolutionszeit von 1789 bis 1795. 5 Bde. Düsseldorf, 1853–1879.
  - Die deutsche Nation und das Kaiserreich. Eine historisch-politische Abhandlung. Düsseldorf: Buddeus, 1862.

- Ueber die Gesetze des historischen Wissens. Bonn: Max Cohen, 1864.
- Die Begründung des Deutschen Reiches durch Wilhelm I. vornehmlich nach den preußischen Staatsacten. 5 Bde. München: Oldenbourg, 1889.
- 12. Кёпке Рудольф (Rudolf Köpke, 1813–1870) – историк-медиевист и литературовед.
  - Ludwig Tieck: Erinnerungen aus dem Leben des Dichters nach dessen mündlichen und schriftlichen Mitteilungen. 2 Bde. Leipzig: F.A.Brockhaus, 1855.
  - Die Anfänge des Königtums bei den Goten. Berlin: Weidmann, 1859.
  - Widukind von Korvei: ein Beitrag zur Kritik der Geschichtsschreiber des zehnten Jahrhunderts. Berlin: Mittler, 1867.
  - Hrotsuit von Gandersheim: zur Litteraturgeschichte des zehnten Jahrhunderts. Berlin: Mittler, 1869.
  - Die Gründung der Königlichen Friedrich-Wilhelms-Universität zu Berlin. Berlin: Dümmler, 1860.
  - Kleine Schriften zur Geschichte, Politik und Literatur. Berlin: Mittler, 1872.
  - Kaiser Otto der Große. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1876 (co-автор Ernst Dümmler).
- 13. Моммзен Теодор (Theodor Mommsen. 1817–1903) – историк древнего мира.
  - Römische Geschichte. 5 Bde. Leipzig: Weidmann, 1854–1855.
  - (Hg.). Corpus Inscriptionum Latinarum. Berlin: Reimer, 1861.
  - (Hg.). Digesta Justiniani Augusti. 2 Bde. Berlin: Weidmann, 1868–1870.
  - Römisches Staatsrecht. 3 Bde. Leipzig: Hirzel, 1871–1888.
  - Römisches Strafrecht. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1899.
- 14. Нибул Бартольд Георг (Barthold Georg Niebuhr. 1776–1831).
  - Römische Geschichte, 3 Bde. Berlin: Realschulbuchhandlung, 1811–1832.
  - Nachgelassene Schriften B. G. Niebuhrs nichtphilologischen Inhalts. Hamburg: Perthes, 1842.
  - Historische und philologische Vorträge, an der Universität zu Bonn gehalten. 4 Bde. Berlin: Reimer, 1846–1858.
- 15. Пертц Георг Генрих (Georg Heinrich Pertz. 1795–1876) – историк и библиотекарь.
  - Die Geschichte der Merowingischen Hausmeister. Hannover: Hahn, 1819.
  - et al. (Hg.) Die Geschichtsschreiber der deutschen Vorzeit in deutscher Bearbeitung. Berlin, 1847.
  - Leben des Ministers Freiherrn vom Stein. 6 Bde. Berlin: Reimer, 1849–1855.
  - Das Leben des Feldmarschalls Grafen Neithardt von Gneisenau. 2 Bde. Berlin: Reimer 1864–1865.
- 16. Ранке Леопольд (Leopold von Ranke. 1795–1886).
  - Geschichte der romanischen und germanischen Völker von 1494 bis 1514. Leipzig: Reimer, 1824.
  - Die römischen Päpste in den letzten vier Jahrhunderten. 3 Bde. Berlin: Duncker & Humbolt, 1834–1836.
  - Deutsche Geschichte im Zeitalter der Reformation. 6 Bde. Berlin: Duncker & Humbolt, 1839–1847.
  - Französische Geschichte, vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert. 5 Bde. Stuttgart: Cotta, 1852–1861.
  - Englische Geschichte, vornehmlich im sechzehnten und siebzehnten Jahrhundert. 6 Bde. Berlin: Duncker & Humbolt, 1859–1869.
  - Die deutschen Mächte und der Fürstenbund: deutsche Geschichte von 1780–1790. 2 Bde. Leipzig: Duncker & Humbolt, 1871–1872.
  - Zwölf Bücher preußischer Geschichte. 5 Bde. Leipzig, 1874–1878.

- Weltgeschichte, 9 Bde. Leipzig: Duncker & Humboldt, 1881–1888.
- 17. Трейчке Генрих (Heinrich von Treitschke. 1834–1896).
  - Vaterländische Gedichte. Göttingen, 1856.
  - Die Gesellschaftswissenschaft. Ein kritischer Versuch. Leipzig: Hirzel, 1859.
  - Historische und Politische Aufsätze vornehmlich zur neuesten Deutschen Geschichte. Leipzig: Hirzel, 1865.
  - Deutsche Geschichte im neunzehnten Jahrhundert. 5 Bde. Leipzig: Hirzel, 1879–1894.
  - Reden von Heinrich v. Treitschke im Deutschen Reichstage 1871–1884. Leipzig: Hirzel, 1896.
  - Politik: Vorlesungen gehalten an der Universität zu Berlin. 2 Bde. Leipzig: Hirzel, 1897–1898.
- 18. Шаллер Юлиус (Julius Schaller. 1810 – 1868) – философ.
  - Geschichte der Naturphilosophie von Bacon bis auf unsere Zeit. 2 Bde. Leipzig: Wiegand, 1841–1846.
  - Vorlesungen über Schleiermacher. Halle: Lippert und Schmidt, 1844.
  - Darstellung und Kritik der Philosophie von Ludwig Feuerbach. Leipzig: Hinrich, 1847.
  - Die Phrenologie in ihren Grundzügen and nach ihrem wissenschaftlichen und praktischen Wert. Leipzig: Carl Geibel, 1851.
  - Leib und Seele. Zur Aufklärung über “Köhlerglauben und Wissenschaft“. Weimar: Hermann Böhlau, 1855.
  - Das Seelenleben des Menschen. Weimar: Böhlau, 1860.
- 19. Цёпфель Генрих (Heinrich Zöpfl. 1807–1877).
  - Deutsche Staats- und Rechts-Geschichte. 3 Bde. Heidelberg: Osswald, 1834–1836.
- 20. Яффе Филипп (Philipp Jaffé. 1819–1870) – специалист по палеографии.
  - Geschichte des Deutschen Reiches unter Lothar dem Sachsen. Berlin: Veit, 1843.
  - Geschichte des Deutschen Reiches unter Conrad dem Dritten. Hannover: Hahn, 1845.
  - Bibliotheca rerum Germanicarum. 6 Bde. Berlin: Weidmann, 1864–1873.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Герье В.* Борьба за польский престол в 1733 году. Историческая диссертация, составленная по архивным источникам. М., 1862.
- Герье В.И.* Свет и тени университетского быта // Вестник Европы. 1876, № 2. С. 646–709.
- Григорьев В.В.* Т.Н. Грановский до его профессорства в Москве // Русская беседа, М., 1856, кн. III.
- Тимофеев Николаевич Грановский. Идея всеобщей истории. М., 2006.
- Извлечения из отчётов лиц, отправленных за границу для приготовления к профессорскому званию // Журнал Министерства Народного просвещения (ЖМНП). 1863. № 3. № 9; 1864. № 2.
- Левандовский А.А.* Т.Н. Грановский в общественном движении. М., 1989.
- Левандовский А.А.* Время Грановского. М., 1990.
- Университетская идея в Российской империи XVIII – начала XX веков. Антология. Составители: Андреев А.Ю., Посохов С.И. М., 2011.
- Цыганков Д.А.* В.И. Герье и Московский университет его эпохи. Вторая половина XIX – начало XX вв. М., 2008.
- Лаптева Людмила Павловна*, доктор исторических наук, профессор кафедры истории южных и западных славян МГУ им. М.В. Ломоносова; amjtdk@gmail.com

ИСТОРИЯ И ПАМЯТЬ

А. В. СТЕПАНОВ

«НА ПОЛЬЗУ И ПАМЯТЬ ОБЩЕСТВА», ИЗДАНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЙ ИВАНОВО- ВОЗНЕСЕНСКОГО РЕГИОНА КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВЕКА КАК ОПЫТ СОЗДАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ПАМЯТИ

Обращаясь к проблеме социальной памяти, автор исследует процесс и инструменты ее создания на примере так называемых «фабричных книг», издававшихся на рубеже XIX–XX вв. и посвящённых истории и состоянию промышленных предприятий. Автор предлагает попытку анализа «фабричных книг» как заявки русской промышленной буржуазии конца XIX – начала XX в. на своё место в истории

Ключевые слова: социальная память, “фабричные книги”, промышленная буржуазия, благотворительность, воспитательная и просветительская деятельность.

Понятие «социальная память» может иметь весьма широкий круг значений. В предлагаемой работе оно трактуется как память о социальной, т.е. бескорыстной и не обусловленной требованиями закона *общественно-полезной* деятельности отдельных лиц и организаций, которая иначе обозначается как «филантропия» или «благотворительность». Под «созданием социальной памяти» автор понимает собирание, систематизацию и предание огласке фактов подобной деятельности с целью сохранить память о ней среди широких слоёв населения.

Пример «создания социальной памяти» – так называемые «фабричные книги», посвящённые истории и современному состоянию промышленных предприятий. Такие книги выпускались обычно к юбилеям фабрик или заводов, которые всё чаще отмечались на рубеже XIX–XX вв. Иногда издание книг было приурочено к промышленным выставкам или иным общественно-значимым событиям. В любом случае, сам предмет таких книг был настолько специфичен, что «фабричная» литература поневоле стала выразителем взглядов нарождавшейся русской буржуазии и её заявкой на место в отечественной истории. Авторы подобных книг почти никогда не указывались, однако можно предположить, что высказанные в их трудах утверждения согласовывались с заказчиком и отражали его притязания на социальную память.

Напомним в этой связи, что до начала XX в. классическая русская историческая наука мало интересовалась вопросами экономики, а тем более – повседневной жизнью простого люда. «Маленький человек»

нашей «большой» историографии был в лучшем случае крестьянином или люмпеном, жизнь которых в разной степени подробно исследовали В.И. Семевский и И.Г. Прыжов. О нарождающихся классах нового, индустриального общества – о фабричных рабочих и промышленной буржуазии – ничего не писали учителя наших историков – немецкие учёные первой половины XIX в., сами жившие в патриархальной стране, которая ещё не вступила в промышленный период развития. Традиция изучать труд простонародья, его жилище, питание, досуг, образование и т.п. в русской академической историографии к началу XX в. ещё только зарождалась. Практически отсутствовал в ней также интерес к «истории современности». Не случайно в общих курсах, созданных В.О. Ключевским и С.Ф. Платоновым, недавнему прошлому страны, очевидцами которого исследователи были, отведено весьма скромное место. Как тут не вспомнить «вздых облегчения», вырвавшийся у Ключевского в дни, когда русское общество отмечало *столетие* со дня кончины последней царствовавшей императрицы: «Для Екатерины наступила историческая давность». Не будет слишком смелым предположить, что именно такую временную дистанцию Ключевский считал необходимой для подлинно научного труда по истории. Однако заказчикам «фабричных книг» явно не хотелось ждать так долго. История, которую они стремились запечатлеть и донести до потомков, была куда короче, но, с точки зрения её творцов, ничуть не беднее событиями, да и по значению не уступала «дворянской» истории царей и полководцев.

Если приложить к изучаемым книгам термин «регион исследования», то окажется, что им служили, как правило, фабричные посёлки, т.е. поселения, обязанные фабрике и её хозяевам своим появлением на свет. Иными словами, со страниц «фабричных книг» с читателем говорил Творец Истории, тот самый Демиург, который имел уж никак не меньше оснований гордиться своими деяниями, чем государственные мужи прошлого. Разница была лишь в том, что о делах последних со временем написали бы академические, то есть дворянские, учёные, тогда как зафиксировать «фабрикантское» видение прошлого могли только сами промышленники, не надеявшиеся в деле сохранения социальной памяти ни на столичную интеллигенцию, ни уж тем более на «пролетариев». По иронии судьбы, последние взялись за мемуары только после революции, лишившей хозяев предприятий всех плодов их многолетних усилий: в 1920-е гг. губернские комиссии по истории ВКП(б) (!) принялись записывать воспоминания рабочих об их прежней жизни – правда, исключительно с целью показать её тяготы как причину, толкавшую пролетариев на забастовочную борьбу и в революционное движение.

Таким образом, автор предлагает попытку анализа «фабричных книг» как заявки русской промышленной буржуазии конца XIX – начала XX в. на своё место в истории, понимая под историей и «течение жизни общества», и «историческую науку». Такой подход представляется полезным хотя бы потому, что до 1905–1907 гг. примеры участия представителей русского промышленного мира (особенно провинциального) в обсуждении социальных проблем страны почти неизвестны.

Как ни странно, первой попыткой ивановских фабрикантов напомнить широкой общественности о себе и своих заслугах стала Всемирная Колумбийская выставка в г. Чикаго (США) в 1893 г. Экспозицию их продукции за океаном сопровождала брошюра, знакомящая американцев с неведомым им «русским Манчестером»¹. Ее составитель А.Н. Бочаров, сам того не ведая, заложил традицию построения подобных изданий. Добрую половину текста он посвятил описанию социального прогресса в Иваново-Вознесенске, где, например, доля учащихся (7,5% от числа жителей) выше, чем в иных губернских городах, причём местные учебные заведения «в значительной мере поддерживаются средствами, предоставленными производственными предприятиями». Причину этого Бочаров усматривал в традиции местных фабрикантов доверять управление компаниями своим родственникам или землякам, не приглашая директоров со стороны: «Это похвальное стремление к самопомощи является причиной основания школ в городе»².

Первая волна издания «фабричных книг» в крае возникла в 1896 г. в связи с проведением в Нижнем Новгороде всероссийской выставки, ставшей своего рода смотром достижений отечественной экономики к концу XIX в. К этой волне принадлежит «историко-статистический очерк» текстильного предприятия И.А. Коновалова в селе Бонячки Костромской губ. (совр. – г. Вичуга Ивановской обл.)³. Большая часть брошюры (19 стр. из 27) посвящена описанию двух фабрик, принадлежавших семье Коноваловых и расположенных в сёлах Бонячки и Каменка. Кроме того, перечислены сооружённые владельцами предприятия социальные объекты: жильё, продовольственные магазины, церковь, школа, больница, клуб для служащих. Собственно историческим этот очерк называть ещё трудно: он скорее фиксирует положение дел, сложившееся к 1896 г. В этом лаконичном тексте можно найти примечательные моменты. Так, безымянный автор подчёркивает, что в фабричных общежитиях

---

¹ Bocharov. 1893.

² Ibid. P. 9.

³ Торгово-промышленная деятельность... 1896.

«принято строгое разделение мужчин от женщин» (С. 22) (Коноваловы принадлежали к старообрядцам и отличались строгой нравственностью), а «покупка <продовольствия> из фабричных лавок не обязательна для служащих и рабочих» (иными словами, не является дополнительным источником дохода для фабрикантов)⁴. Но важнее этих многозначительных мелочей общий пафос текста: целью его издания явно было показать весомый вклад Коноваловых в развитие социальной инфраструктуры юго-восточного уголка Костромской губернии, в благоустройство быта десятков служащих и (даже!) тысяч рабочих двух предприятий. Но говорить об этом открыто автор ещё не решается и «забалтывает» общественно-политический месседж своего сочинения мелкими деталями вроде числа газовых рожков и электрических ламп в фабричных цехах.

Ещё заметнее заявка фабриканта на роль создателя нового мира прослеживается в вышедшей в том же году брошюре, посвящённой текстильному комбинату Ясюнинских в с. Кохма Владимирской губ. (в настоящее время – г. Кохма Ивановской обл.)⁵. Свыше половины её объёма отведено описанию социальной сферы предприятия. Подробно рассказано о фабричных общежитиях («казармах») с прачечной и (бесплатной для рабочих) баней, а также о больнице, «родильном приюте» и аптеке. Особое внимание уделено описанию трёх школ, «построенных и учреждённых на средства фирмы Ясюнинских и отдельных членов ея»⁶ (это позволяет предположить, что автором анонимного сочинения был кто-то из учителей, работавших в этих школах, или из училищных попечителей). Не обойдены вниманием и иные социальные проекты и программы Ясюнинских: библиотека, «потребительское общество» (кооперативный продовольственный магазин) с внушительным товарооборотом и даже «капитал для бедных невест», внесённый в Шуйский городской банк. Отметим, что в списке финансируемых предприятием социальных объектов отсутствует церковь, а готовность просвещённых бизнесменов (два из трёх братьев Ясюнинских имели дипломы инженеров) помогать ей выражается более чем скромно: с Рождества до Пасхи для жителей фабричных казарм приходские священники проводили евангельские чтения с «туманными картинками», чередуясь, впрочем, с учителями фабричной школы, предлагавшими той же аудитории «мелкие рассказы по Естественной и Русской Истории»⁷.

---

⁴ Там же. С. 22.

⁵ Товарищество Мануфактур В.Е. и А. Ясюнинских... 1896.

⁶ Там же. С. 8.

⁷ Там же. С. 11.

Не менее явственно апология социально-устроительной деятельности Ясюнинских звучит в отчёте потребительского кооператива, действовавшего при их фабрике⁸. Авторы отчёта не жалеют места для описания той роли, которую играет в успешной работе общества дешёвый кредит, предоставленный ему фабрикантами, а также сданные обществу в аренду по низкому тарифу складские и торговые помещения⁹. Оставлено без должной оценки разве что личное участие Ясюнинских в руководстве делами кооператива: председателем его правления состоял Н. Ясюнинский, а членами правления числились ещё два выходца из этой семьи¹⁰. Возможно, составитель полагал, что уплаченное по итогам года десятерым менеджерам вознаграждение в сумме 1250 руб. служило достаточным воздаянием за их труды.

Заметим, что высокой оценки социальная деятельность Ясюнинских удостоилась не только со стороны лиц, находившихся в служебной зависимости от владельцев предприятия. Её подтверждает и независимый источник – полковник отдельного корпуса жандармов Н.И. Воронов, шестнадцать лет возглавлявший полицию во Владимирской губернии: «Гг. Ясюнинские – люди добрые, гуманные и относятся к рабочему заботливо»; да, впрочем, и «кохомские рабочие – народ деревенский, тихий, и не заразился от своих соседей бурными наклонностями»¹¹.

Более интересной представляется брошюра, изданная в том же 1896 г. по заказу Балиных – владельцев прядильно-ткацкой фабрики в с. Южа Владимирской губ. (ныне г. Южа Ивановской обл.)¹². Их предприятие было значительно моложе фабрик Коноваловых или Ясюнинских, ведущих родословную с 1810-х гг.: ко времени издания брошюры южская фирма насчитывала всего 34 года от роду. К тому же в 1879 г. фабрику Балиных уничтожил пожар. В таких условиях её владельцы, казалось бы, не могли похвастаться широкой «мироустроительной» деятельностью – для неё у Балиных просто не хватало исторического времени. Однако книжка показывает, что его ход мог быть достаточно быстрым. В самом деле, к 1896 г. на предприятии работало свыше 3300 чел., обустроить быт которых крошечное село просто не имело возможности. В результате за четверть века Балины выстроили вокруг фабрики свой «микромир»: пять общежитий, посёлок индивидуальных домов, больницу с аптекой и амбулаторией, богадельню, училище с библиотекой и даже почтово-

---

⁸ Общество потребителей... 1898.

⁹ Там же. С. 7, 8.

¹⁰ Там же. С. 46.

¹¹ Воронов. 1907. С. 20.

¹² Высочайше утверждённое Товарищество мануфактуры... 1896.

телеграфную контору. Примечательно, что имевшаяся в этом функциональном раю церковь действовала «при богадельне»¹³. Как и в двух других изданиях, описание социальной сферы предприятия занимает в этой книге добрую треть её общего объёма.

Спустя год, в феврале 1897 года, в Юже праздновали десятилетие работы Н.А. Балина на посту директора-распорядителя семейного предприятия. По этому поводу бухгалтер Товарищества Я.М. Пашков выпустил скромный труд, несущий несомненные признаки исторического сочинения¹⁴. Проследив эволюцию южской фабрики и посёлка при ней на протяжении 1880–1890-х гг., автор делает вывод: благодаря предприятию, «эта местность перестала быть глушью», а её обитатели получили возможность «следить за жизнью остального мира» «Если судьба забросит и вполне интеллигентного человека в эту отдалённую местность, то он не загложнет в ней, а напротив встретит там общество людей с высшим образованием», – с пафосом писал Я.М. Пашков¹⁵. На торжествах выступил и директор Южской фабрики П.И. Минофьев. Он кратко напомнил о росте предприятия за последнее десятилетие и тут же перешёл к детальному описанию его социальной сферы (кстати, и в этом выступлении фабричная церковь была названа действующей *при богадельне*). Вывод директора звучал не без некоторой доли юбилейной лести: «Разнообразная, разумная и богатая добрыми последствиями деятельность <Н.А. Балина. – А.С.> направлена к созданию благополучия всех тех, кто отдаёт свой труд Товариществу». Впрочем, поднося директору-распорядителю бювар работы Фаберже, просто директор выразил надежду, что в будущем «Товарищество продолжало бы развивать те гуманные цели, которые всё время Вами преследовались»¹⁶.

На торжествах в Юже взял слово и будущий составитель юбилейного отчёта. Если Я. Пашков не исказил впоследствии собственных слов, то он сказал: «В то время, когда так часто приходится читать и слышать о разного рода печальных недоразумениях на других окрестных фабриках той же Владимирской губернии на почве борьбы труда и капитала, весьма светлым и отрадным событием является настоящее торжество, где в таком единении сливается и труд, и капитал – эти не всегда родственные, но всегда могучие двигатели современной промышленности»¹⁷. Не менее ярко озвучил мысль о приоритете социаль-

---

¹³ Там же. С. 19.

¹⁴ Описание торжества чествования... 1897.

¹⁵ Там же. С. 5-6.

¹⁶ Там же. С. 11-12.

¹⁷ Там же. С. 17.

ной деятельности Балиных над их коммерческими усилиями вязниковский уездный врач и консультант фабричной больницы, К.В. Беляев: «Прошло то время, когда на фабричные предприятия смотрели как на такие, деятельность которых направляется исключительно к выгоде их “хозяев”. Собственно говоря, я не знаю, было ли когда-либо таково положение дел в действительности»¹⁸.

Не остался в стороне священник Южской фабричной церкви о. Николай Гусев. Обращаясь к юбиляру, он сказал: «Вы трудитесь для общественной пользы, не имея в виду одних личных корыстных расчётов. Вы как гуманный хозяин всегда старались улучшить материальное положение как рабочих, так и служащих». Перечислив далее все созданные фабрикой социальные учреждения, священник добавил: «...и наконец, что всего важнее и необходимее сделано за время существования Товарищества, так это устройство при богадельне приходского храма»¹⁹. Несколько странное положение храма, буквально «встроенного» (судя по фотографиям) в здание богадельни, отца Николая, кажется, не смущало. После всего услышанного виновнику торжеств только и оставалось, что пообещать собранию: «Я намерен на некоторое время приостановиться в дальнейшем расширении <предприятия> и, главным образом, употребить свои заботы на улучшение быта служащих и рабочих»²⁰.

Поток комплиментов в адрес Н.А. Балина может показаться примером «фальсификации истории» буржуазией, о которой любили твердить марксисты. Однако достоверность юбилейных речей подтверждает всё тот же жандармский полковник Н.И. Воронов, не состоявший у Балиных на платёжной ведомости: «С самого основания Южской фабрики никогда не возникали никакие недоразумения; рабочие пользовались льготами и преимуществами, которых лишены на других фабриках; администрация никаких неправильностей не допускала». Впрочем, и в этом случае Н. Воронов отмечает, что «рабочие на Южанской фабрике народ деревенский, тихий, незнаком с социальным учением»²¹.

Скромнее и деловитее выглядит брошюра, изданная одним из самых старых предприятий Иваново-Вознесенска – отделочной фабрикой П.И. Витовой²². Там трудилось менее 500 чел., к услугам которых была вся социальная инфраструктура лежавшего рядом пятидесятитысячного города. Тем не менее, и в этой брошюрке отмечено наличие при фабри-

---

¹⁸ Там же. С. 24.

¹⁹ Там же. С. 15.

²⁰ Там же. С. 18.

²¹ Воронов. 1907. С.31, 32.

²² Товарищество мануфактур Прасковьи Витовой с сыновьями... 1896.

ке спальных помещений для рабочих, а также кухни и пункта неотложной медицинской помощи. Обратим внимание на одну примечательную деталь. Все фабричные публикации 1896–97 гг. крайне лаконично говорят об ассортименте продукции предприятий или о наградах, которыми она была удостоена, т.е. о предметах законной гордости владельцев и организаторов производства. Иными словами, «чистый пиар», т.е. реклама товара, явно не был главной целью сочинения и издания книжечек. Основной их темой стала именно социальная и просветительская деятельность фабрикантов – устроителей «нового мира», куда более совершенного (если верить авторам), чем окружающая Россия, созданная под властью дворянского государства и при участии такого же «общества». Заметим, что всё это писалось в условиях, когда «рабочий вопрос» в России в лучшем случае только «народился», но ещё не потеснил в сознании общественности другой вечный вопрос – крестьянский.

В первые годы нового столетия два исторических труда выпустило расположенное в Иваново-Вознесенске ткацко-отделочное предприятие наследников И.Н. Гарелина, чей 50-летний юбилей не очень кстати пришёлся на 1905-й год²³. Рассмотрим более поздний из них, который носит несомненные черты исторического очерка и своеобразного манифеста, излагающего мотивы социальной активности фабрикантов.

Из 24-х страниц брошюры «бизнес-портрет» предприятия занимает 6-7; две трети издания отведены подробному описанию социальных программ, в реализации которых Гарелины зачастую выступали пионерами. Так, «имея в виду отсутствие удовлетворительных в гигиеническом отношении частных квартир для рабочего люда в Иваново-Вознесенске», фабрика выстроила три благоустроенных общежития для одиноких и семейных рабочих, а с 1897 г. приступила к созданию «колонии служащих и рабочих вне фабричного двора»²⁴. В период, когда общероссийский закон о страховании рабочих в промышленности ещё только обсуждался в Государственной Думе, автор брошюры не преминул отметить, что все работники предприятия Гарелиных имеют страховку на случай смерти, инвалидности и временной нетрудоспособности, за что фирма платит по 4 тыс. руб. в год²⁵.

Особое внимание брошюра уделяет воспитательным и образовательным программам Товарищества. Оно не только содержало два училища («дабы способствовать образованию детей рабочих»), но и прово-

²³ Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями»... 1904.

²⁴ Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями»... 1907. С. 16-17.

²⁵ Там же. С. 19.

дило народные чтения, которые «благотворно влияют на зрителей хотя бы в смысле отвлечения от разгула и пьянства». Местом чтений было «зало» при спальном корпусе предприятия, вмещавшее до полутора тысяч зрителей. «Зало» было оборудовано принудительной вытяжной вентиляцией, «электрическим фонарём» (диаскопом) и даже «кинематографом». Немудрено, что диковинное зрелище, название которого ещё не устоялось, собирало немалую аудиторию: «Зало обыкновенно бывает переполнено посетителями»²⁶. Памятуя о вместимости импровизированного кино клуба, оценим тот факт, что православный храм, выстроенный «для удовлетворения религиозным потребностям фабричного населения» (отметим утилитарно-светскую мотивировку!) на средства совладельца и директора фабрики А.И. Гарелина в 1903 г., был рассчитан лишь на 700 молящихся²⁷. Заметим также, что топ-менеджер выстроил храм лишь к двадцатому году своей работы во главе семейной фирмы (А.И. Гарелин возглавил Товарищество в 1884 г.).

Не меньше внимания предприятие уделяло здравоохранению. Фабрика содержала «родильный приют», ясли и «колыбельную», где матерей «научают разумным началам ухода за детьми», а также больницу «для хроников» (начало XX в. было временем пандемии лёгочного туберкулёза). «Ввиду отсутствия в городе Иваново-Вознесенске специально детской больницы и проистекающей отсюда большой смертности детей», члены семьи Гарелиных выделили свыше 50 тыс. руб. на открытие детского отделения (фактически – самостоятельного здания) при городской «чернорабочей» больнице²⁸.

Последняя волна «фабричных книг» пришлась на 1912-13 гг. Это связано и с юбилеями предприятий, и, возможно, с торжествами по случаю 300-летия дома Романовых – последнее официальное мероприятие вызвало в обществе новый интерес к прошлому России. Словно в ответ на него одна за другой вышли книги, отразившие историю ряда градообразующих предприятий, какой её хотели видеть творцы нового мира. Написанные после революции 1905-1907 гг., снявшей последние цензурные запреты, эти труды наиболее полно и открыто отразили желание ивановской буржуазии напомнить обществу о своих заслугах и занять в его памяти подобающее место. Так, в 1912 г. своё столетие отметила фирма Коноваловых в Бонячках. По такому почтенному поводу она издала солидный для провинциальной историографии труд, описывающий

---

²⁶ Там же. С. 21.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. С. 24.

историю предприятия, однако претендующий на куда более глубокие обобщения²⁹. «Хлопчатобумажная промышленность развилась и окрепла в недрах крестьянского люда, преимущественно в тех слоях его, которые были “ревнителями древнего благочиния”»³⁰, – такими словами безымянный автор подчеркнул исключительную роль старообрядцев в развитии фабричного производства в России (до апреля 1905 г. об этом вряд ли можно было говорить так открыто).

Предок нынешних владельцев огромного предприятия был крепостным и выкупился на свободу задолго до 1861 г., уплатив душевладельцам внушительную сумму – «по преданию», 24 тыс. руб.³¹ Это, конечно, не упрёк императорской власти за запоздалую крестьянскую реформу, но, несомненно, доказательство того, что своей свободой Коноваловы обязаны не монаршей милости, а только самим себе. Как и положено по законам жанра «фабричной литературы», книга рассказывает о масштабах производства, числе рабочих, парке машин и т.п. Однако составителя «очерка» куда больше привлекает общественная деятельность семьи Коноваловых. Уже в третьей четверти XIX в. А.П. Коновалов построил несколько социальных объектов, «свидетельствующих о его сердечной заботе по отношению к тысячным массам рабочего люда, служившего у него»: общежития, больницу, церковь, школу, баню, магазин³². Однако «наиболее крупным общественным делом его жизни» автор называет строительство железной дороги от станции Иваново до Кинешмы, трасса которой (усилиями А.П. Коновалова) пролегла «по наиболее полезному для Вичугского района варианту»³³. Полтора десятка лет А.П. Коновалов состоял гласным Кинешемского уездного земства, причём «зорко следил за интересами того класса, к которому он принадлежал, и отстаивал их против посягательств со стороны поземельного дворянства»³⁴.

Разумеется, наиболее подробно составитель «очерка» описал современное состояние предприятия и его социальной инфраструктуры. К 1912 г. она включала семь общежитий, четыре школы, больницу на 100 коек и амбулаторию, родильный «приют» и ясли, богадельню и «общественное собрание служащих». Предметом особой гордости хозяев стал посёлок Сашино: все сто с лишним его коттеджей были выстроены на средства фабрики и проданы её работникам с рассрочкой на

---

²⁹ Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном... Б.г. (66 с.).

³⁰ Там же. С. 9.

³¹ Там же. С. 27.

³² Там же. С. 44-45.

³³ Там же. 54.

³⁴ Там же. С. 55.

12 лет. Не забыт был и досуг жителей «планеты Бонячки»: «Для развлечения служащим предоставлен парк, где два раза в неделю играет фабричный оркестр. В парке устроены площадки для танцев, тенниса и крокета, кегельбан и гигантские шаги для детей»³⁵. На фоне столь светских развлечений скромно смотрится храм в Бонячках, открытый только в 1904 г. Приоритетным для старообрядческой семьи этот объект явно не был: храм перестроили из двухэтажного здания фабричной больницы³⁶.

В том же 1912 г. предприятие Коноваловых выпустило ещё один, куда более монументальный очерк своей истории, обильно иллюстрированный фотографиями³⁷. Тексты двух изданий заметно различаются. Второе издание подробнее освещает именно социальные объекты фирмы. Так, здесь сообщается, что посёлок Сашино насчитывает 120 бревенчатых домов, крытых железом; строительство одного дома обходилось в сумму от 1100 руб. (при общей площади дома 36,5 м²) до 1200 руб. (для домов площадью 45 м²); средняя зарплата на фабрике составляла 180-250 руб. в год. Приусадебный участок каждого такого дома превышал пять нынешних «соток». Заметим, что дома в Сашине продавались *рабочим* фабрики; для её служащих и медперсонала фабричной больницы был выстроен посёлок Серёжино с кирпичными домами, часть которых считалась «особняками»³⁸. Столь же подробно описаны в «очерке» все другие социальные объекты фирмы Коноваловых: школы (первая из них была открыта ещё в начале 1860-х гг.), ясли на 160 мест с электрическим освещением и молочной кухней, больница с рентгеновским кабинетом и годовым бюджетом до 75 тыс. руб., родильный дом, где вся вода подвергается стерилизации³⁹.

Представленный в очерке мир не выглядит утопической идиллией. Его составитель как о чём-то вполне естественном пишет о различии в жилище и досуге между рабочими и служащими предприятия. 1200 жильцов фабричной казармы «ночуют» в ней посменно, так что в течение суток одной кроватью пользуются два человека. В краю воплощённой мечты управляемые и управляющие разделены даже в бане: рабочие моются из шаяк на первом этаже, а их руководители принимают душ или ванну на втором⁴⁰.

---

³⁵ Там же. С. 61-64.

³⁶ Там же. С. 49.

³⁷ Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном... Б.г. (116 с.).

³⁸ Там же. С. 62-63. Названия обоих посёлков (вероятно, не признанные официально) были даны Коноваловыми в честь своих сыновей.

³⁹ Там же. С. 64-81.

⁴⁰ Там же. С. 63.

В том же 1912 г. вышел из печати отчёт о праздновании 25-летнего юбилея текстильного комбината Балиных в Юже (сам юбилей отмечался в январе 1911 года)⁴¹. Книгу составил уже имевший опыт «фабрично-го историографа» Я.М. Пашков. Он открыл труд кратким очерком развития фабрики, а затем перешёл к изложению выступлений участников торжеств. Едва ли не каждый из них проявлял философский подход к своему предмету, что вполне отвечало жанру юбилейных речей.

Так, священник церкви села Южа о. Евгений Алеев в длинной речи по случаю приуроченного к юбилею открытия при фабрике «Народного Дома» (клуба) аж на тысячу мест (население Южи тогда не превышало 15 тыс. чел.) обратил внимание собравшихся на то, что в последние годы рабочие «удалились от патриархальной простоты» и освоили «привычки городской жизни, а прежде всего – её недостатки».⁴² Далее, со ссылкой на Т. Карлейля (!), о. Евгений напомнил, что из-за разделения труда на отдельные операции он «сделался бездушным и безрадостным, оупляющим и духовно-убивающим»; в свободное же от него время рабочий тяготится даже коротким досугом и не знает, на что его употребить. Отца Евгения поддержал его коллега – священник о. Николай Гусев, председатель Южского общества трезвости, чью фамилию мы находим в списках служащих фабрики. Он напомнил о высоком предназначении Народного Дома: «Цель его – облагородить, возвысить характер и склонности народа, отвлечь его от пагубной страсти пьянства и от всяких удовольствий так называемого трактирного пошиба». Рассчитывать в этом деле на одну лишь силу церковной проповеди о. Николай, вероятно, уже не мог; он только высказал пожелание, чтобы пьесы для рабочего театра отбирались построже, дабы Нардом не стал «местом развлечений, которое <будет для жителей Южи. – А.С.> дороже школы и чуть ли не ближе храма».⁴³ Как видим, философия позитивизма пустила в фабричном мире глубокие корни: священник здесь думает не столько о спасении душ прихожан, сколько о решении вполне мирских социальных проблем: борьбы с пьянством и организации культурного досуга. Не потому ли для воспитания подростков при фабрике был создан (по образцу молодёжных организаций протестантских стран) «Майский союз»?

На юбилее были зачитаны приветственные адреса от служащих и рабочих фабрики. Жанр подобных текстов требует перечисления именно тех дел, которыми юбиляр должен прославиться в истории. Служащие

---

⁴¹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... 1912.

⁴² Там же. С. 9-13.

⁴³ Там же. С. 8.

(многие из них были уже немолоды) благодарили хозяев за больницу, пенсионный фонд и ссудную кассу «со вновь открытым погребальным отделом», а также за общее благоустройство Южи, «заставляющее забывать, что живёшь не в городе»⁴⁴. Рабочие выразили администрации признательность за то, что та не помнила учинённых ими «беспорядков» на предприятии (в сентябре 1907 г. туда пришлось вводить казаков)⁴⁵ и бесхитростно добавили: «Спасибо Вам за работу малолетних, облегчающих семью»⁴⁶. Не слишком курьёзным выглядел и адрес депутации незамужних ткачих – «девичьей артели», для которой незадолго до юбилея Товарищества было выстроено отдельное общежитие: «Мы живём уже три года спокойно, вдали от грязи, окружавшей нас раньше среди казарменной жизни»⁴⁷. Можно предположить, что «адреса» от рабочих и от девушек были написаны кем-то, кто знал, что именно будет приятно услышать хозяевам предприятия от объектов своего попечительства.

Однако чаще других брал в тот день слово директор фабрики Н.Н. Алянчиков – не только способный инженер-механик⁴⁸, но и самостоятельный мыслитель. В одном из таких откровенных выступлений Алянчиков раскритиковал культовый социальный институт пореформенного дворянства: «Земство, не дающее фабрике абсолютно ничего, получает с неё до 80 тысяч <рублей в год> и только при помощи этих денег кое-как оборачивается»; при этом «в Вязниковском земстве один врач приходится на 15,5 тысяч <жителей>, а у нас, даже считая и неработающих членов семей, один на 5 тысяч; в земстве одна акушерка на 18 тысяч, а у нас – на 3500 человек»⁴⁹. В этой связи можно вспомнить, что тема неспособности земства разумно распорядиться собираемыми с фабрикантов средствами звучала ранее в знаменитой книге ивановского промышленника и краеведа Я.П. Гарелина: по его словам, едва возникнув в начале 1870-х гг., город Иваново-Вознесенск уже платил в бюджет земства 25-30 тыс. руб., а назад не получал и десятой части этих денег; «земство плохо платило даже по тем статьям, которые обязательно были отнесены на его счёт» – например, на содержание мирового судьи, судебного следователя, земского врача; да и на начальное образование в городе оно отпускало «весьма незначительные пособия»⁵⁰.

---

⁴⁴ Там же. С. 15-16.

⁴⁵ Стачки в Иваново-Вознесенском районе... 1928. С. 81.

⁴⁶ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 18.

⁴⁷ Там же. С. 23.

⁴⁸ См.: *Венедиктова*. 1996. № 8. С. 8.

⁴⁹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 34-35.

⁵⁰ *Гарелин*. 1885. С. 38, 39.

Обрушился Алянчиков и на тех отечественных фабрикантов, которые «льнут к иностранцам»; им он напомнил: «Фабрики, где <управляющими. – А.С.> были англичане, не были избавлены и от стачек. А может быть, мы первыми-то стачками на русских фабриках именно им и обязаны».⁵¹ Отметим звучащую в этих словах нотку патриотизма, который в те времена принято было называть «ситцевым».

Однако самое многозначительное замечание Алянчиков сделал в своём вечернем выступлении со сцены всё того же Народного Дома. «В 70-х годах прошлого столетия мы, часть тогдашней молодёжи, горячо увлекались романом Чернышевского “Что делать”. Сны Веры Павловны были нашей мечтой. Они были полны поэзии и неудержимо влекли к желанию когда-нибудь способствовать осуществлению хоть части тех дивных снов. А годы шли не напрасно; желанное будущее стало мало-помалу осуществляться»⁵². Ждать этого жителям Южи оставалось уже недолго: «Летом вокруг нашего Народного Дома раскинутся и те сады и лужайки, которые видела в своём вещем сне Вера Павловна»⁵³. Воистину, крайности сходятся: утопический социализм Н.Г. Чернышевского отозвался в умах Балиных и Алянчикова. Это не слишком удивительно: мыслителя роднила с коммерсантами вера в способность человека по своей воле преобразовать несовершенный, косный мир на разумных, рациональных началах. Увы, «строительный материал» иногда сопротивлялся своим просвещённым ваятелям: за три года до юбилея, осенью 1907 г. южские рабочие ответили забастовкой на попытки вновь вступившего в должность Н.Н. Алянчикова запретить им греть «куб для чая» в течение всей смены и не впускать в цех опоздавших. Тогда поклонник Чернышевского действовал способом, который вряд ли одобрила бы Вера Павловна: уволил с фабрики 76 зачинщиков беспорядков и выселил их из казарм. Впрочем, вслед за этим Алянчиков выдал «от себя» пособие «обедневшим семьям», устроил спектакль в пользу общества трезвости и провёл выборы фабричных старост, «дабы приблизить рабочих к администрации и восстановить с ними хорошие отношения».⁵⁴ В дни торжеств об этих неприятных событиях, кажется, не говорили. Сложнее было стереть из памяти недавнюю революцию. Ветеран корпуса служащих фабрики И.Я. Яковлев не мог промолчать о ней даже в юбилейной речи: «Памятен 1905 год. В эти бурные дни мне пришлось пробыть здесь с лишком две недели и видеть волну, охватив-

⁵¹ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 39.

⁵² Там же. С. 53, 54.

⁵³ Там же. С. 55.

⁵⁴ Стачки в Иваново-Вознесенском районе... С. 83.

шую здешний рабочий люд, когда труд восстал против капитала. Всё, что происходило здесь, трудно передать, надо было видеть. Скажу кратко: жутко было – сегодня жив, а завтра...»⁵⁵.

В канун первой мировой войны библиотека местных «фабричных книг» пополнилась ещё несколькими интересными изданиями. Не дождавшись семи лет до векового юбилея, свой «Краткий исторический очерк» опубликовало предприятие братьев Горбуновых, чьи фабрики действовали в сёлах Киселёве Нерехтского уезда Костромской губ. (сейчас в черте города Фурманов Ивановской обл.) и Колобове Ковровского уезда Владимирской губ.⁵⁶ Законы жанра выдержаны здесь в полной мере. Примерно половина книги отведена описанию истории развития двух фабрик и их современному состоянию. Затем автор переходит к подробному рассказу о том, что не имело прямого отношения к коммерции – о социальной деятельности братьев Горбуновых. На их средства при каждой из фабрик были выстроены больница, школа (училище в с. Киселёве имело даже кинопроектор) и жилой посёлок; в ближайшие планы хозяев входило сооружение богадельни и «колыбельной для рабочих» (вероятно, детских яслей).⁵⁷ В духе времени фабрикант организует и досуг людей: воскресные «синематографические сеансы» в рекреационном зале Киселёвского училища «посещаются всем рабочим населением фабрик»⁵⁸. Автор подчёркивал, что фабричные больницы и училища бесплатно обслуживали любого нуждающегося, а не только рабочих и их детей; так, в 1911 г. «нефабричные больные» составляли свыше трети всех пациентов амбулатории и клиники в Киселёве⁵⁹. (Заметим, что это следует считать серьёзным достижением в патриархальном крестьянском мире начала XX века, где обращаться за врачебной помощью ещё не было принято).

В соседнем с Киселёвым селе Середи (ныне г. Фурманов Ивановской области) работало более молодое текстильное предприятие – прядильно-ткацкая фабрика наследников И.И. Скворцова. В 1913 г., на 43-м году со дня основания, она также издала очерк своей истории, да ещё с каким размахом: уступая предприятию братьев Горбуновых по числу рабочих примерно в полтора раза, середская фирма втрое превзошла соседей объёмом своего PR-проспекта, рассказав о себе на 120 страницах, снабжённых фотоиллюстрациями⁶⁰. Две трети книги отведены описанию

---

⁵⁵ Товарищество Мануфактур А.Я. Балина... С. 42.

⁵⁶ Товарищество Бумаго-Ткацкой Мануфактуры... 1913.

⁵⁷ Там же. С. 21-26.

⁵⁸ Там же. С. 30.

⁵⁹ Там же. С. 22.

⁶⁰ Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым... 1913.

социальной деятельности владельцев компании. Перечень их достижений выглядит почти стандартно: жильё для рабочих и служащих, больница с «родильным приютом» и амбулаторией, училище, «харчевые лавки» с годовым оборотом в четверть миллиона тогдашних рублей (1912 г.), баня, прачечная, библиотека-читальня. Некоторое разнообразие вносят два нетривиальных деяния дочери и наследницы основателя компании М.И. Скворцовой: за два года, что она стояла во главе «дела» (1892-1894), эта женщина пожертвовала 150 тыс. руб. на возведение храма в Середе и подарила неназванную сумму Московскому Университету «на постройку здания библиотеки», которая должна была носить имя её отца.⁶¹ Роскошный храм на 2-2,5 тыс. молящихся строили 8 лет (1897-1905 гг.); он обошёлся в итоге в астрономическую сумму – 425 тыс. руб.⁶² Судьба денег, пожертвованных университету, автору неизвестна.

Преемники М.И. Скворцовой пошли в деле общественного служения ещё дальше: в пяти верстах от села Писцово, где работала одна из двух принадлежавших им фабрик, в деревне Шатры сын благотворительницы Н.П. Павлов выстроил начальное училище «В память 17 октября 1905 года» (!). Мемориал русской конституции – два добротных бревенчатых дома на 70 учеников (лучшие здания среди всех земских школ Нерехтского уезда) – обошёлся чуть не в 15 тыс. руб.⁶³ Заметим, что все другие учебные заведения, открытые Павловыми, носили имена членов их семьи. Книга заканчивается приведённой без комментариев таблицей, в которой исчислены все налоги (казённые и земские), уплаченные каждой из двух фабрик, а также членами их правлений. Таблица свидетельствует, что с 1903 по 1912 г. суммарный податной гнёт вырос с 14,3 тыс. руб. до 85,4 тыс., то есть в шесть раз.⁶⁴ Невысказанный автором вопрос ясен: за что должно платить государству и земству Товарищество, которое само ведёт широчайшую социальную работу?!

В заключение рассмотрим «фабричную» книгу, посвящённую вкладу, внесенному в дело народного просвещения текстильным предприятием семьи Красильщиковых из с. Родники Юрьевецкого уезда Костромской губернии (г. Родники Ивановской обл.) и потому, вероятно, изданную у «самого» И.Д. Сыгина⁶⁵. Целью публикации, которую безымянный автор скромно назвал «очерком культурно-просветительской деятельности, развившейся при фабрике и выполняемой местными ин-

---

⁶¹ Там же. С. 15.

⁶² Там же. С. 56.

⁶³ Там же. С. 98.

⁶⁴ Там же. С. 116-117.

⁶⁵ Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с Сыновьями... 1913.

телигентными силами» на протяжении 25 лет, было «способствовать широкой постановке вопроса о средствах поднятия образования рабочего в России, считая это вопросом государственной важности»⁶⁶.

Книга и впрямь рисует картину разнообразной просветительской работы компании, на средства которой было выстроено и содержалось не только училище в Родниках, но и ещё шесть начальных школ в двух сопредельных уездах: «Фабрика сама пошла со школой ближе к населению».⁶⁷ Ещё шесть школ в трёх уездах получили от Красильщиковых субсидии. Цитируемая книга интересна тем, что её автор не отказывается признать вклад «общества», то есть дворянства, в дело народного просвещения: «Не подлежит сомнению, что значительный рост грамотности <в Родниковском районе. – А.С.> есть результат совместной деятельности всех культурных сил, а главным образом земств».⁶⁸ Подобно иным промышленникам, всерьёз озабоченным идеей общественного служения, Красильщиконы «увенчали» свою социальную деятельность постройкой в Родниках «Народного Дома имени И.М. Леонтьева» общей площадью 1000 м² с залом на 900 мест, обставленным венской мебелью. Дом культуры обошёлся хозяевам в 50 тыс. руб. На его сцене выступали актёры московского театра Корша «под антрепризой Набатова и Пельтцера». Впрочем, в родниковском Нардоме занимались и вполне прозаическими вещами: продавали книги, велосипеды (в среднем по одному в месяц), швейные и вязальные машинки и даже сельхозинвентарь⁶⁹.

Подведём некоторые итоги. Изданные на рубеже веков «фабричные книги» отразили широкий спектр общественно-полезной деятельности их заказчиков, несомненно, достойной памяти потомков. Изложенная в книгах концепция социального служения промышленников настаивала на его добровольном и сугубо светском характере (показательно, например, что ни одна книга не упоминает о пожертвованиях фабрикантов в пользу церковно-приходских школ или монастырских богаделен), а также на его «прогрессивной» направленности – в позитивистском понимании прогресса как распространения в обществе научных знаний и перестройки жизни людей на их основе. Эта концепция носит следы влияния ряда общественно-политических доктрин второй половины XIX в., включая марксизм с его теорией классовой борьбы «труда с капиталом»; иногда социальная работа фабрикантов изображается следующей этим учениям, а иногда – опровергающей их. Изобра-

---

⁶⁶ Там же. С. 4.

⁶⁷ Там же. С. 14.

⁶⁸ Там же. С. 8.

⁶⁹ Там же. С. 32-38.

жение владельцев предприятий могущественными и мудрыми устроителями жизни целого социума роднит их с просвещёнными монархами XVIII века. В то же время «фабричные книги» не стремятся угодить каким-либо установкам официальных властей, которые вплоть до 1917 г. не имели чётко сформулированной социальной политики.

Интересен вопрос о том, что *не отразилось* на страницах «фабричных книг». Их составители явно игнорировали масштабы подлинной нужды жителей фабричных сёл и слобод в социальной помощи: например, не сообщали о том, сколько очередников ожидают места в фабричных казармах, или о статистике правонарушений в них (этот приём будет впоследствии использован и в советской пропаганде «наших достижений»). Не встретилось и попыток честно оценить эффективность социальных программ, реализуемых за счёт фабрикантов, скажем – изучить влияние народного дома на снижение потребления спиртного или проследить динамику выпуска учеников, закончивших *полный* курс наук в фабричной школе (и эту привычку унаследует советская власть, недолголюбивавшая полевую социологию). Все книги крайне скупо освещают условия труда в фабричных цехах, как если бы рабочие не проводили там по 10-12 часов в день – гораздо больше, чем в учреждениях образования или досуга. Иными словами, творимая по заказу фабрикантов социальная память была заведомо пристрастной «историей успеха».

Не менее интересен и вопрос о том, *кому адресовались* «фабричные книги», то есть о той общественной среде, памятью которой издатели дорожили. Текст книг перегружен статистическими выкладками, нередко сведёнными в пространные таблицы. Язык «очерков» далёк от того, который сто лет назад был доступен простому читателю. Цена многих книг, изданных в помпезном «подарочном формате», явно превышала покупательную способность среднего жителя фабричных посёлков. Всё это заставляет предположить, что книги адресовались в первую очередь «обществу», как традиционно именовала себя дворянская интеллигенция. В русской провинции рубежа веков аристократический состав «общества» уже заметно «поразбавили» представители просвещённого духовенства и коллеги издателей фабричных книг – коммерсанты и промышленники, способные одолеть статистические выкладки и специальную терминологию. Вероятно, именно на их социальную память в первую очередь и рассчитывали те, кто создавал и издавал панегирики самим себе. Однако крепкие переплёты и толстая бумага косвенно свидетельствуют, что книги могли адресоваться и потомкам, «людям будущего», к приближению которого фабриканты приложили немало усилий.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Венедиктова Т. Балины // Былое. 1996. № 8.
- Воронов Н.И. Записки Николая Ираклиевича Воронова. О событиях Владимирской губернии. Владимир, 1907.
- Высочайше утверждённое Товарищество мануфактуры Асигкрита Яковлевича Балина при селе Юже, Владимирской губ.: Ко Всероссийской промышленной и художественной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде. Вязники, 1896.
- Гарелин Я.П. Город Иваново-Вознесенск, или бывшее село Иваново и Вознесенский посад (Владимирской губернии). Ч. II. С 19 февраля 1861 года по 1 января 1884 года. Шуя, 1885.
- Общество потребителей при фабриках Товарищества Мануфактур В.Е. и А. Ясунинских, в селе Кохме, Владимирской губернии: Отчёт за шестой операционный 1897-й год. Владимир, 1898.
- Описание торжества чествования директора-распорядителя «Товарищества А.Я. Балина» Николая Асигкритовича Балина. На память. / Сост. Я.М. Пашков. Вязники, 1897.
- Стачки в Иваново-Вознесенском районе. 1905-1916 годы. /М.К. Дианова и др., ред. Иваново-Вознесенск, 1928.
- Товарищество Бумаго-Ткацкой Мануфактуры Бр. Г. и А. Горбуновых: Краткий исторический очерк. 1826-1913. М., 1913.
- Товарищество Мануфактур А.Я. Балина: Описание празднования 25-летия учреждения Товарищества. 1885-1910 /Я.М. Пашков, сост. М. 1912.
- Товарищество мануфактур Анны Красильщиковой с Сыновьями. В селе Родниках, Юрьевецкого уезда, Костромской губ. Культурно-просветительская деятельность в Родниковском фабричном районе. М., 1913.
- Товарищество Мануфактур В.Е. и А. Ясунинских в с. Кохме, Владимирской губернии, Шуйского уезда. М. 1896.
- Товарищество мануфактур «Ивана Гарелина с сыновьями» в г. Иваново-Вознесенске, Владимирской губ. М., Б.Г. [предположительно 1907 г.]; Товарищество мануфактур Ивана Гарелина с сыновьями. 1855-1905. М. 1904; 1907.
- Товарищество Мануфактур Ивана Коновалова с сыном. 1812-1912 г.: Краткий исторический очерк. М.. Б.г. 66 с.; Б.г. 116 с.
- Товарищество мануфактур, основанных И.И. Скворцовым. Описание средних и писцовской фабрик. М. 1913.
- Товарищество мануфактур Прасковьи Витовой с сыновьями в городе Иваново-Вознесенске: Белильная, ситцепечатная и красильная фабрика близ города в Петрищеве. М., [1896].
- Торгово-промышленная деятельность фирмы Ивана Александровича Коновалова. 1812-1896 гг. (Историко-статистический очерк). М., 1896.
- Bocharov A.N. City of Ivanovo-Voznesensk, in the government of Vladimir, its locality and industries. Chicago, 1893. – World's Columbian Exposition of 1893, in Chicago.

Степанов Аркадий Владимирович, кандидат исторических наук, доцент кафедры дореволюционной отечественной истории Ивановского государственного университета. pastenovas@mail.ru

Н. А. УТКИНА

К ИСТОРИИ МУЗЕЕФИКАЦИИ НИЖЕГОДСКОГО КРЕМЛЯ «С ОТТОЧЕННЫМ КАК ИЗ СЛОНОВОЙ КОСТИ ВЕРХОМ ГОЛОВЫ» ИЛИ «ГОЛОВА ЛЫСАЯ, КАК ГОЛАЯ КОЛЕНКА!»

Статья посвящена попытке идентифицировать образ лысого человека в Ивановской башне Нижегородского кремля с В.И. Лениным. Такое отождествление провел нижегородский архивист И.И. Вишневский в 1926 г. с целью использовать образ Ленина для сохранения Нижегородского кремля, формирующего архитектурный облик города. Рассматривается вопрос о достоверности приведенных сведений, а также история музеефикации кремлевских башен во второй половине XIX–XX в.

Ключевые слова: В.И. Ленин, И.И. Вишневский, В.А. Десницкий, Ивановская башня, Нижегородский кремль, музеефикация, образы прошлого, воспоминания.

Историей Нижегородского кремля на протяжении пяти веков его существования занимались историки, краеведы, архивисты, архитекторы. Они отмечали значение кремля как символа исторической памяти нижегородцев, основы их культурной самоидентификации. Знатокам городской старины неоднократно приходилось выступать инициаторами проведения работ по ремонту и реставрации стен и башен кремля, а нередко и спасению его сооружений от разрушения временем и деяниями человеческих рук. Большое значение имело при этом историческое значение той или иной башни, ее роль в важных событиях прошлого. Не обошло стороной это стремление и деятелей первых лет Советской власти.

В октябре 1926 г. заведующий секцией культуры и быта Нижегородского губернского архивного бюро Иван Иванович Вишневский подготовил статью «Забывтое подполье большевиков»¹, в которой заявил о посещении В.И. Ульяновым (Лениным) летом 1901 г. Ивановской башни Нижегородского кремля. Будущего создателя и руководителя Советского государства якобы привел один из деятелей нижегородского подполья В.А. Десницкий. В основу системы доказательств И.И. Вишневого легли воспоминания его брата Павла Ивановича Вишневого (коменданта Ивановской башни в 1899–1902 гг.) не столько о фактических подробностях посещения, сколько о сохранившемся в его памяти ярком, не оставлявшем сомнений, образе человека с лысой головой: «Сюда, в Ивановскую башню, приводил однажды летом, в июне 1901 г. Десницкий В.А. гражданина с отточенным как из слоновой кости верхом головы, в особый отсвет попала эта голова и до сих пор мерещится

---

¹ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д. 8. Л. 3.

б[ывшему] заведующему Ивановской башней, помнит он клетчатое пальто на руке этого гражданина, он очень интересовался «золотыми грамотами» дельцов Черного Передела (древними столбцами) и из башни отправился прямо на пароход. Уверенно говорит б. заведывающий Ивановской башней, что это был проездом В.И. Ульянов-Ленин»².

Показательно здесь то, что статья начинается с описания внешнего вида и состояния Ивановской и Белой кремлевских башен: «Величаво стоят две, опозоренные невежественностью башни Нижегородского каменного кремля. Твердо их устало италийское строительное искусство 1508–1510 гг. в слабо населенной тогда местности для выполнения длительного порыва московского царства к захвату в свое распоряжение Нижнего Волжского бассейна, чтобы дать перевес оседлому населению над кочевым, постоянно грабившим первое. Никогда эти башни не видали такого позора, как теперь: они сожжены, они растащены»³. Обращает внимание то, как автор этих строк играет на контрастах представления образа башен. Они – величавые, возведенные искусством. Эта величавость не приуменьшается позором невежественности, пожаров и разграбления. Последние характеристики приложимы ко времени, которое является настоящим для И.И. Вишневого. Он подводил читателя к мысли, что позор застиг эти бастионы уже в Советское время. Позор должен стать укором новой власти, которая не смогла, в отличие от дореволюционных правителей, оберечь сохранность древнейшего сооружения Нижнего Новгорода. Здесь можно согласиться с мнением нижегородского исследователя Т.П. Виноградовой о том, что «Кремль в России исторически ассоциируется с властью. Особым содержанием это единение наполнилось в советскую эпоху...»⁴. Поэтому именно власть должна заботиться о сохранении своего «оплота», и нижегородцы следует помнить, что в стенах кремля шла подготовка к вооруженному восстанию в городе в октябре 1917 г.

Далее в статье Вишневого следует рассказ о том, что совсем недавно они «лучше всех башен были устроены, в стенах их хранились ценнейшие исторические материалы, и они сыграли особенную роль в период времени с 1899 по 1905 г. для Нижегородского комитета Социал-Демократической партии с большевистским уклоном»⁵. Созданное ранее настроение и впечатление от деятельности по охране облика башен после 1917 года теперь уже формулируется без обиняков.

---

² Там же. Здесь и далее сохранены авторские орфография и пунктуация.

³ Там же.

⁴ Виноградова. 2002. С. 9.

⁵ ЦАНО. Ф. 2222. Оп. 1. Д.8. Л.3.

И.И. Вишневский сообщал, что в Белой башне в те годы работал уже упомянутый Василий Алексеевич Десницкий, который занимался разбором хранившегося в ней ярмарочного архива, а Ивановская башня использовалась для конспиративных заседаний нижегородского социал-демократического комитета, «свиданий» с рабочими из села Сормова, хранения партийного архива, тайной ночевки. По словам И.И. Вишневского, «в 1901 г. в Ивановской башне шли ожесточеннейшие дискуссии об отношении к Еврейскому бунду и Польскому Комитету, от которых из центрального комитета был делегатом с фамилией Амосов, здесь в башне яро обсуждался вопрос в каком виде дать мандат на Лондонский Съезд 1901 г. делегатам, предоставить ли им право выходить из рамок его или они должны держаться его строго, не превышая уполномочий». Надо отметить, что съезд РСДРП в Лондоне – второй по счету – проходил в 1903 г. Рассказчик в данном случае ошибся. И.И. Вишневский вспоминал, что в то время захаживал к брату в Ивановскую башню, но иногда вынужден был быстро уходить, так как там намечалось партийное заседание «сормовичей». Эта мемория должна удостоверить факт нелегальных сходов в Ивановской башне нижегородских социал-демократов. В заключение автор статьи упоминал, что «в виду празднования 30-летия парторганизации следовало бы отремонтировать башню в том виде, как она была в 1901 г.»⁶. Мотив приурочения восстановления башен к тому или иному юбилейному событию в жизни города, мы увидим в дальнейшем и в других проектах по сохранению кремля.

В октябре 1927 г. в Нижнем Новгороде, как и по всей стране, шла подготовка к празднованию десятилетия Октябрьской революции и «выкапывается все, что относится к революционному движению»⁷. Вопрос о ремонте башен стал актуальным в свете возможного использования юбилея как повода для реконструкции бастионов.

7 октября 1927 г. И.И. Вишневский вернулся к обсуждению со своим братом вопроса пребывания В.И. Ленина в Ивановской башне. Брату на этот раз удалось даже вспомнить названное имя человека: «в 1901 г. В.А. Десницкий пришедшего с ним гражданина назвал «Владимир Ильин». Бывший заведующий Ивановской башней знал его по изученным фотографическим карточкам. Это был несомненно Владимир Ильич Ульянов-Ленин, но тогда мы знали, говорит он, его два псевдонима «Владимир Ильин» и «Тулин» и высоко ценили его»⁸. 8 октября 1927 г. И.И. Вишневский написал об этом в Нижегородский Истпарт.

⁶ Там же.

⁷ Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

⁸ Там же. Оп. 1. Д.8. Л. 5об.

Оттуда потребовали подтверждений. Тогда П.И. Вишневский посоветовал брату «списаться» с В.А. Десницким, работавшим на тот момент в Ленинградском педагогическом институте им. А.И. Герцена.

Письмо Вишневского к Десницкому также датировано 8 октября. Он послал ему копию своей «записки» и просил «на препровождаемой при сем копии сделать надпись, что тут верно и что не правильно и дополнить, кто бывал еще в башнях, сколько было заседаний, что на них рассматривалось и т.п.». В конце письма И.И. Вишневский недвусмысленно заявил о своих мотивах: «от Вашего сообщения, Вас.[илий] Ал.[ексеевич], будет зависеть многое: а) башни несомненно будут отремонтированы и б) лично выйду из неловкого положения: вот, дескать, нагородил, а подтвердить на может!»⁹.

Ответ В.А. Десницкого пришел быстро – 14 октября 1927 г. В нем говорилось: «Дорогой Иван Иванович! Мне жаль Вас огорчать, но должен: в указанное время В.И. Ленин не был в Н. Новгороде, не был и не мог быть со мной в Ивановской башне. Мне некогда сейчас навести точную справку... где он был в это время – за границей или еще в Пскове». Далее он указывает и на другие неточности: «Амосов из ЦК (был, действительно, Амосов, но он к ЦК имел весьма отдаленное отношение), споры о «Лондонском съезде 1901 г.» (?), – если речь идет здесь о 2 съезде партии, то послан я был на него без всяких особых ограничений и т.п. “Кабальными грамотами” интересовался я сам (Павел Иванович напутал!), потому что в то время как студент писал работу проф. Дьяконову о кабальном холопстве». На аргумент «лысой головы» Десницкий реагировал так: «...не знаю, кто остался в памяти у П.И. как Ленин, м.б. член Нижегородского комитета РСДРП Войткевич (голова лысая, как голая коленка!) или кто другой». А про Ленина он и вовсе пишет: «Боюсь, что он и не был в Нижнем никогда, во всяком случае, как революционный деятель...». «Так что, – заключал Десницкий, – спасти Вам башни под векселя памяти В.И. Ленина не удастся». Тем не менее, он поддерживал И.И. Вишневского в этих благородных планах и подтверждал значение кремлевских башен для истории революционного движения: «и без связи с посещением Ленина Ваши башни имеют полное право на вхождение в историю революционного движения в Нижнем и Сормове. При мне башни служили и архивом Комитета, и складом текущей агитационно-пропагандистской литературы, и местом для идеальной ночевки, и явкой. И сам я там находил наилучшее отдохновение, привет и ласку у друга юности Павла Ивановича (горячий привет ему мой!). Если Ваши

---

⁹ Там же. Оп. 2. Д. 59. Л. 1.

башни не видели в своих стенах В. Ильича, то бывал в них и Л.Б. Красин, и... крупнейший партийный деятель той поры Иннокентий Дубровинский, Рыков и целый ряд других центральных и местных работников партии». В.А. Десницкий выразил готовность дать о башнях «соответствующую заметку за личной подписью» и, извиняясь, замечал: «Ваша – же заметка, в том виде, как она написана, никуда не годится (не сердитесь!): в ней рядом с верным большое количество творимой легенды»¹⁰.

Казалось бы, на этом история должна была закончиться, Истпарт не мог обнародовать сведения И.И. Вишневого при наличии опровержения В.А. Десницкого. Тем не менее, приближался тридцатилетний юбилей организации Нижегородского комитета РСДРП (организован в 1901 г.) и 3 ноября 1931 г. И.И. Вишневецкий, занимавший должность архивариуса паровозно-конструкторского бюро завода «Красное Сормово», пишет заметку в газету «Правда»¹¹. Точно так же, как и раньше, он начинал ее с описания неприглядного состояния Ивановской и Белой башен кремля, затем раскрывал их роль в истории революционного движения в Нижнем и Сормове, исключая упоминание «Амосова из ЦК» и неверной даты Второго съезда. Остался здесь и гражданин с «отточенным как из слоновой кости верхом головы» и на всю жизнь сохранившиеся впечатления брата П.И. Вишневецкого. Заключал он свою статью выводом, что ввиду празднования тридцатилетия Нижегородского комитета «следовало бы отремонтировать башни в том виде, как они были в 1901 г.»¹². На рукописи статьи стоит печать: ««Правда» 5 ноября 1931 г.», однако, в номерах за 1931 г. ее обнаружить не удалось.

Вопрос о сохранении кремлевских башен входил в сферу интересов архивиста и исследователя нижегородских древностей И.И. Вишневецкого еще с 1880–1890-х гг. Его интересовали еще неразобранные нижегородские архивы, хранившие множество тайн. Из этого интереса проистекало внимание к кремлевским башням, так как большая часть архивов была тогда рассредоточена в их помещениях. И.И. Вишневецкий разбирал архивы Нижегородской духовной консистории, Казенной палаты, губернского земства, уездных судов, собирал материалы о потомках Кузьмы Минина, о предках А.С. Пушкина, об И.Н. Ульянове, о Н.И. Лобачевском и других знаменитых нижегородцах. Он стал одним из организаторов нижегородского архивного строительства после 1917 г., спас множество документов от забвения и физического уничтожения.

---

¹⁰ Там же. Оп. 1. Д. 28. Л. 1.

¹¹ Там же. Оп. 1. Д. 8. Л. 4.

¹² Там же.

О состоянии кремлевских башен И.И. Вишнеvский несколько раз докладывал еще до 1917 г. на заседаниях Нижегородской губернской ученой архивной комиссии (НГУАК), членом которой он был. К слову, НГУАК сразу после своего открытия (1887) разместилась в Ивановской башне. Общеизвестными стали слова В.Г. Короленко об архивной работе в Ивановской башне, интерьеру которой также уделяется внимание: «в молчаливой исторической башне, высящейся над современной сутолокой Нижнего базара, Миллионки и волжских пристаней. Они [деятели НГУАК] отрывались от работы, чтобы отдохнуть, выпить по стакану чая, и со стен на них глядели принадлежности будущего музея, начиная с кольчуг, шишаков и копий и кончая ременными кнутами и трехвостками»¹³.

Вопрос о неудовлетворительном состоянии башен и стен кремля обсуждался на заседаниях НГУАК в декабре 1894 г. Члены комиссии констатировали, что некоторые башни «находятся в крайне печальном положении: с обрушившимися в разных местах сводами и лестницами, полуразрушенными дверями, с обвалившеюся облицовкой, заваленные мусором»¹⁴. 10 декабря архивной комиссией было направлено ходатайство в городскую думу о приведении в порядок кремлевских стен и башен. Момент был выбран удачно – Нижний Новгород готовился к проведению в 1896 г. XVI Всероссийской художественной и промышленной выставки и, по мнению архивной комиссии, «многие из посетителей ее пожелают, без сомнения, обозреть этот памятник древности»¹⁵. На тот момент уже было принято решение о реставрации Дмитровской башни кремля для размещения в ней городского художественного и исторического музея (постановление городской думы от 15 июля 1894 г.) и средств на восстановление остальных башен у города не оказалось.

В октябре 1895 г. на одном из заседаний НГУАК И.И. Вишнеvский вновь указывал на «крайне жалкое состояние»¹⁶ башен и стен Нижегородского кремля, а в ноябре в архивную комиссию было направлено письмо городского головы барона Д.Н. Дельвига с запросом о том, какие из башен кремля могут быть открыты для свободного доступа публики в период работы Всероссийской выставки. НГУАК ответила, что желающие могут осмотреть два верхних этажа Ивановской башни, где размещается архивная комиссия. Из других башен большинство (Георгиевская, Спасская, Тверская, Никольская и Коромыслова) «обозрению не доступны, т.к. заняты архивом губернского правления, казенным ве-

¹³ Сборник памяти В.И. Снежневского ... 1908. С. 20.

¹⁴ Действия НГУАК. Журнал XXX заседания. 19 марта 1895 г. С. 27.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Действия НГУАК. Журнал XXXIV заседания. 22 октября 1895 г. С. 15.

домством и управлением Аракчеевского корпуса»¹⁷. Башни Тайницкая, Северная и Часовая «находятся в состоянии, неудобном для их осмотра, т.к. внутренняя часть их находится в полуразрушенном виде»¹⁸, а Белая (или Симеоновская) занята делами архивной комиссии.

В итоге к 1896 г. была приведена в порядок лишь Дмитровская башня. Работы по ее реставрации начались 24 июня 1895 г. под руководством гражданского инженера П.П. Малиновского. Проект реставрации был выполнен академиком Н.В. Султановым и утвержден Императорской Археологической комиссией (ИАК) в Петербурге. При разработке проекта предполагалась утилитарная цель – «приспособление под музей»: были предусмотрены большие окна в верхней части башни, балконы по стенам для размещения витрин с археологическими коллекциями, для правильного освещения художественных произведений спроектирован верхний свет в виде стеклянного фонаря современной конструкции. Предполагалось, что он будет скрыт башенными зубцами и не нарушит «древней» архитектуры башни. Проект Султанова получил неоднозначную оценку со стороны нижегородской общественности, деятелей НГУ-АК, художников, архитекторов, но благодаря жесткой позиции губернатора Н.М. Баранова, отстаивавшего султановский проект, в результате был реализован именно он. Реставрационные работы были окончены в мае 1896 г., а 25 июня в стенах башни состоялось торжественное открытие Нижегородского городского художественного и исторического музея. Дмитровская башня с тех пор стала своеобразным символом города, но время показало, что как музейное помещение она выбрана неудачно – подземные воды и непродуманность отопления стали губительными для художественных произведений уже в начале 1900-х гг.

Еще два выступления И.И. Вишневого, связанные с проблемами сохранения кремля, были озвучены на заседаниях НГУАК 22 октября и 5 декабря 1909 г. В октябре И.И. Вишневский заявил о необходимости исследования подвалов башен и существующих под ними, по преданию, тайных подземных ходов. Чтобы окончательно выяснить этот вопрос, собравшимися было высказано предложение обратиться к министру внутренних дел «с просьбой об охране кремля и производства исследования кремлевских башен, хотя бы ко времени юбилейных торжеств»¹⁹. Видимо, имелся в виду юбилейный для Нижнего Новгорода 1912 год. 5 декабря 1909 г. в докладе «О положении Нижегородского

---

¹⁷ Действия НГУАК. Журнал XXXV заседания. 25 февраля 1896 г. С. 19.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Действия НГУАК. Журнал 101 заседания. 22 октября 1909 г. С. 7.

Кремля» И.И. Вишневыский выразил озабоченность сохранностью архива губернского правления, находящегося в Георгиевской башне, «куда ходить небезопасно, так как своды начинают обваливаться»²⁰. Кроме того, он напоминал о необходимости выяснить вопрос, кому же принадлежит кремль – городу или казне, и кто должен выделять деньги на его реставрацию. В заключение он высказался о возможной передаче башен и стен в ведение архивной комиссии. Последняя мысль Вишневыского была отклонена, но собравшиеся решили поручить ему, А.Я. Садовскому и И.М. Волковичу осмотреть башни кремля и доложить об их состоянии, а также просить А.М. Меморского выяснить вопрос об охране кремля с директором Императорского Археологического института²¹.

К сожалению, и в 1912 г. в этом отношении ничего не было сделано. После Октябрьской революции 1917 г. многие башни кремля оказались без надзора и были заброшены. В период Гражданской войны кремль был закрыт для посторонней публики, но это не способствовало его сохранению: расквартированные там воинские части не уделяли внимания его состоянию, из-за бесконтрольности начальства солдаты нередко из любопытства взламывали башни, результатом подобной халатности нередко становились пожары, уничтожавшие деревянные перекрытия башен и хранившиеся в них архивы²².

В 1920-е гг. в дело спасения кремлевских стен и башен включились Нижегородская археолого-этнологическая комиссия (НАЭК) – приемница НГУАК, а также Секция по делам музеев и охране памятников искусства и старины (Губмузей) губернского отдела народного образования (Губоно). В апреле 1921 года председатель НАЭК А.Я. Садовский (последний председатель НГУАК) подготовил сообщение «Краткие сведения о Нижегородском кремле», где указывал на крайнюю запущенность территории кремля: горы земли и строительного мусора, образовавшиеся в ходе строительства и ремонта кремлевских зданий, заваленные мусором и «отбросами» подвалы некоторых башен, обрушение деревянных перекрытий, глубокие трещины по стенам. А.Я. Садовский настойчиво предлагал начать ремонт уже в текущем году, так как 1921 год должен был стать годом празднования 700-летия основания Нижнего Новгорода. Снова юбилейная дата могла сыграть в пользу памятника.

Губмузей не мог оставаться в стороне, так как охрана памятников находилась непосредственно в его ведомстве. На одном из заседаний

---

²⁰ Действия НГУАК. Журнал заседания 5 декабря 1909 г. С. 29.

²¹ Там же. С. 24.

²² *Галай*. 1989. С. 124.

Комитета по организации юбилейных мероприятий 1921 г. при Губисполкоме, Губмузей был назначен ответственным за организацию выставки к 700-летию города в Нижегородском историческом музее, ему же было поручено начать работы по ремонту и реставрации Нижегородского кремля «в ознаменование вышеназванной годовщины»²³.

Сохранностью Нижегородского кремля были обеспокоены и в центральных органах охраны памятников. Так, в октябре 1921 г. в нижегородский Губмузей было прислано отношение руководящего органа – Главмузея [Музейный отдел Главнауки (Главного управления научными и научно-художественными учреждениями)]. В нем помимо прочих содержались предписания по обследованию и ремонту кремля: сбору архивных материалов, чертежей, фотографий, обмеру стен и башен, составлению сметы на ремонтные работы на 1922 г.²⁴.

В 1921 г. ничего из запланированного в отношении кремля не осуществилось, а в 1922 г. Губмузей и вовсе был расформирован и восстановлен как подотдел Губоно только в мае 1923 г., с одной штатной единицей²⁵. Вопрос о состоянии кремля продолжали разрабатывать члены НАЭК, в частности профессор геологии Нижегородского госуниверситета Н.М. Романов, занимавшийся изучением грозящей кремлю опасности оползней. В мае и июле 1924 г. Главнаука снова «забила тревогу» и отправила в Губмузей и Губисполком письма с требованием разобраться в положении кремля. В письме в Губисполком отмечалась важность Нижегородского кремля не только для истории города, но и «вообще Московского государства», для знакомства с бытом прошедших исторических эпох²⁶. По инициативе заведующих Губоно и Губмузеем в июле 1924 г. была создана комиссия по охране нижегородских памятников, в состав которой вошли представители Губисполкома, Губоно, коммунального отдела, управления губернского инженера, исполняющий обязанности зав. Губмузеем А.И. Иконников, художник Н.В. Ильин, председатель НАЭК А.Я. Садовский, Н.М. Романов²⁷. Результатом стало решение Губисполкома выделить в 1925 г. на ремонт крыш башен 3000 руб. (была отремонтирована лишь часть крыши Алексеевской башни), а в 1926 г. на средства Горсовета был произведен ремонт крыши Георгиевской башни и исправлена часть стен²⁸.

---

²³ ЦАНО. Ф. 120. Оп. 5. Д. 72. Л. 42.

²⁴ Там же. Д. 818. Л. 27.

²⁵ Там же. Оп. 15а. Д. 4. Л. 109.

²⁶ *Галай*. 1989. С. 127.

²⁷ Там же. С. 129.

²⁸ Там же. С. 131.

Таким образом, к моменту написания статьи И.И. Вишневым (1926 г.) проблема ремонта башен все еще не была решена. Братья Вишневы состояли членами НАЭК и были в курсе дела. Это могло послужить толчком к попытке связать Ивановскую башню с фигурой Ленина.

Возвращаясь к истории с его посещением, необходимо рассмотреть ее достоверность. Из сопоставления исторических фактов можно сделать вывод о том, что существует достаточно большая вероятность того, что В.И. Ульянов (Ленин) действительно заходил в Ивановскую башню летом, но не в 1901 г., как утверждает П.И. Вишневы, а в 1900 г. Именно в июне 1900 г. нижегородскими (горьковскими) историками зафиксирован последний приезд его в Нижний Новгород, а из сказанного В.А. Десницким следует, что конспиративная резиденция социал-демократов к тому времени уже находилась в Ивановской башне. По прошествии лет точная дата могла стереться из памяти П.И. Вишневого, мы видим как братья Вишневы вольно обращаются, например, с датой Второго съезда РСДРП, называя его «Лондонским съездом 1901 г.», при том, что он состоялся в 1903 г. Кроме того, из «Биографии» В.И. Ленина известно, что почти весь 1901 г. (с мая по декабрь) он провел в эмиграции, проживая в Мюнхене, откуда руководил созданием боевой марксистской рабочей партии в России и изданием газеты «Искра».

Неясным остается заявление Десницкого о том, что Ленин «...и не был в Нижнем никогда, во всяком случае, как революционный деятель». Можно допустить, что он не знал о его приездах в Нижний в 1893 и 1894 гг., так как включился в деятельность нижегородского социал-демократического движения лишь в 1897 г. Однако во многих исследованиях, посвященных посещению Лениным Нижнего Новгорода, Десницкий упоминается в числе тех, кто присутствовал на встрече В.И. Ульянова (Ленина) с нижегородскими социал-демократами в июне 1900 г. на квартире сестер Невзоровых²⁹, к сожалению, чаще всего без ссылки на источники. В воспоминаниях непосредственных участников этого собрания С.П. Невзоровой-Шестерниной³⁰ и ее мужа С.П. Шестернина³¹, конкретные фамилии участников не называются. Вероятно, горьковские историки включали Десницкого в число участников встречи «по умолчанию», пытаясь очертить возможный круг деятелей нижегородского марксистского подполья. Очевидных причин скрывать факт знакомст-

---

²⁹ См. напр: Воспоминания нижегородцев ... 1960. С. 16; *Фадеев, Шульгин., Парусов* ... 1961.; *Товарищ Ленин* ... 1969. С. 100; *Лугинин, Потапова* ... 1970. С. 52; *Макаров* ... 1986. С. 47; «Прост, как правда» ... 1988.

³⁰ *Невзорова-Шестернина*. 1969. С. 95-102.

³¹ *Шестернин*. 1969. С. 103-105.

ва с Лениным в Нижнем Новгороде в 1900 г. у Десницкого в 1927 г. не было. Несмотря на то, что в 1917 г. он разошелся с большевиками во взглядах, не приняв идею Ленина о пролетарской революции, а в 1919 г. совсем отошел от политики, занявшись литературоведением, Десницкий продолжал считаться «старым большевиком» и «соратником Ленина». Упомянувшиеся в качестве участников собрания в доме Невзоровых в июне 1900 г. А.Ф. Войткевич и М.И. Самылин в своих воспоминаниях также называли более поздние даты знакомства с Лениным³², и у них не было оснований «забывать» факт знакомства в июне 1900 г.

Сведения о существовании в Ивановской башне подпольной резиденции комитета РСДРП были опубликованы доцентом Горьковского госуниверситета К.П. Масловым в «Горьковской правде» в 1974 г.³³ к 70-летию первой российской буржуазно-демократической революции, а в научный оборот введены в монографии 1979 г.³⁴

Выражаясь современным языком, И.И. Вишневецкий попытался актуализировать нижегородское наследие, связанное с историей революционного движения. Сущность такой актуализации объясняется как «деятельность, направленная на сохранение и включение культурного и природного наследия в современную культуру путем активизации социокультурной роли его объектов и их интерпретации»³⁵. Возможность развертывания потенциала историко-революционного прошлого Ивановской и Белой башен И.И. Вишневецкий увидел в надвигающихся юбилейных событиях – десятилетия Октябрьской революции и тридцатилетия создания Нижегородского комитета РСДРП.

В качестве приоритетного способа актуализации наследия выступает его музеефикация – «процесс преобразования историко-культурных и природных объектов в музейные объекты, предполагающий этапы их выявления, исследования, консервации, реставрации, экспозиционной интерпретации и дальнейшего использования в качестве объектов музейного показа»³⁶. В процессе музеефикации памятников архитектуры значительную часть занимает реставрация. В нашем случае – необходимые ремонтно-восстановительные работы для приведения башен в тот вид, в котором они «видели» Ленина. Если бы эта идея И.И. Вишневецкого получила поддержку, в Ивановской башне вполне мог бы появиться музей, визуально раскрывающий роль Ленина в истории нижегородского

---

³² Маслов. 1979. С. 125.

³³ Маслов. 1974.

³⁴ Маслов. 1979. С. 205–207.

³⁵ Словарь ... 2009. С. 49.

³⁶ Там же. С. 55.

революционного движения. Историко-революционный музей в то время как раз создавался в городе по инициативе уполномоченного нижегородского Истпарта В.Т. Илларионова. К 1927 г. историко-революционная экспозиция занимала десять залов в помещении Нижегородского историко-бытового музея³⁷. На тот момент весенний приезд В.И. Ульянова в Н.Новгород в 1900 г. считался последним³⁸, его июньский приезд был доказан гораздо позднее (в 1956 г.)³⁹. Видимо поэтому заявление Вишневого казалось тогда абсолютно невозможным.

Примечательно, что в основу своей системы доказательств Вишневский рискнул положить именно зрительный образ Ленина, который произвел сильное впечатление на его брата. Для И.И. Вишневого образ историко-революционного прошлого всего города и кремля как его центра, слился с образом Вождя, с его характерной особенностью – «отточенным как из слоновой кости верхом головы». Уверения брата, для которого лицезрение Ленина стало едва ли не самым ярким впечатлением в жизни, были для него действенным аргументом, способным изменить облик кремля. В.А. Десницкий в этом случае больший реалист: будучи уверенным, что не приводил туда Ленина, он беспощадно снижает пафос «слоновой кости» прозаичной «голой коленкой». Понятно, что последнее сравнение уже не могло стать достойным символом причастности Ивановской башни к личности В.И. Ленина – олицетворения всего революционного движения. Много лет спустя, к 50-летию Октября (1967 г.) в г. Горьком (Нижнем Новгороде) будет музеефицирована квартира Невзоровых и в ней появится экспозиция, посвященная собранию нижегородских революционеров в июне 1900 г. под председательством В.И. Ульянова (Ленина).

Несмотря на обилие ярких подробностей (лысая голова, клетчатое пальто), попытка визуализации прошлого, предпринятая И.И. Вишневым, не стала достаточным обоснованием для тех, кто занимался историей нижегородского революционного движения, и не была одобрена властью. Поэтому его предложения так и остались на страницах черновиков статей и в строках писем. Все же необходимо отдать должное этому благородному поступку в вопросе сохранения башен, куда архивист в буквальном смысле ходил каждый день «на работу». Понятно его стремление зацепиться за воспоминания своего брата почти тридцатилетней давности, так как та или иная степень приближенности к личности В.И.

---

³⁷ Илларионов. 1927. С. 5.

³⁸ Илларионов. 1925. С. 2.

³⁹ Маслов. 1979. С. 122.

Ленина в то время могла стать судьбоносной как для человека, так и для памятника архитектуры, а его образ, словно отделившись от реальной личности, становился символом борьбы и революции, новой эпохи.

Сведения И.И. Вишневого о Ленине в данном случае не могут быть опровергнуты. Аргументов Десницкого для этого недостаточно, но и новых сведений нет. В силу изложенных выше причин, посещение Лениным Ивановской башни, но в 1900 г., представляется вполне реальным. Поэтому данный вопрос остается открытым.

Попытки музеефикации, а значит сохранения и восстановления облика нижегородских кремлевских башен, можно проследить еще с 1860-х гг. В 1867 г. секретарь нижегородского статкомитета А.С. Гацкий, руководивший сбором предметов старины для будущего исторического музея, обратился к губернатору А.А. Одинцову с просьбой выделить для музея одну из башен кремля. В октябре того же года Гацким, Одинцовым, городским головой И.С. Кварталовым и архитектором Н.А. Фрелих была осмотрена и назначена для приспособления под музей Тайницкая башня⁴⁰. Однако, ни ремонт, ни передача башни музею так и не были осуществлены. С организацией НГУАК мы видим частичную музеефикацию Ивановской башни, где размещались коллекции, собранные Гацким, ставшим председателем архивной комиссии и не оставлявшим идею создания в Нижнем Новгороде исторического музея.

В 1885 г. Нижегородское отделение Императорского Русского Технического общества предлагало разместить в одной из башен кремля кустарный музей⁴¹. В 1894 г. нижегородский художник А.А. Карелин предложил проект реставрации Георгиевской башни для размещения в ней выставки картин на исторические темы из эпохи Смутного времени⁴². Проект был отклонен, а предполагаемые для этого средства решили направить на реставрацию Дмитровской башни, в которой в 1896 г. был открыт Нижегородский городской художественный и исторический музей. В 1910 г. инженер-капитан С.Д. Думаревский выполнил проект приспособления под музей Аракчеевского кадетского корпуса Коромысловой башни кремля⁴³, но он был отвергнут ИАК ввиду неточности исполненных чертежей. В дальнейшем этот вопрос рассматривался 7 октября 1915 г. на заседании ИАК с участием представителей Академии художеств, Синода, Общества защиты памятников старины и искусства

---

⁴⁰ Нижегородский Сборник ... 1875. С. 211.

⁴¹ По поводу двух заседаний ... 1885. С. 5.

⁴² Протокол XIV очередного собрания... 14 июля 1894 г. С. 24-29.

⁴³ Давыдов. 2001. С. 109-114.

и др. В результате, в силу недостаточности данных о первоначальном облике Коромысловой башни и невозможности получения их путем дополнительных исследований из-за отсутствия средств, постановили «ограничиться лишь ремонтом башни в существующем виде, с отводом вод от нее»⁴⁴. Первая мировая война и революционные события 1917 г. помешали осуществить музеефикацию Коромысловой башни.

Заботы по сохранению кремля в 1920–30-х гг. полностью легли на плечи Нижегородского (Горьковского) краеведческого музея. Главным для кремлевских башен продолжал оставаться вопрос не приспособления под музей, а ремонта и охраны от самовольного уничтожения. Настоящий подвиг по восстановлению кремлевских башен совершил в 1949–69 гг. горьковский (нижегородский) реставратор С.Л. Агафонов.

В 1958 г. кремль вошел в состав созданного Горьковского историко-архитектурного музея-заповедника. Сегодня в помещении Дмитровской башни проводятся временные исторические выставки из фондов музея-заповедника, а в Ивановской башне располагается постоянная экспозиция «Подвиг народного единства», посвященная Нижегородскому ополчению 1612 года. В определенном смысле проект И.И. Вишневого воплотился, но в обратной последовательности. Замысел архивиста заключался в том, чтобы образ (Ленина), пропагандируемый официальной идеологией, подтолкнул власти к восстановлению облика башен, и они бы стали музейными площадками. В реальности получилось так: сначала восстановление кремля, затем – через продолжительное время – музеефикация отдельных башен и представление в них конкретных образов прошлого.

Практика увязки юбилейных событий с сохранением тех или иных памятников не потеряла своей актуальности и сегодня. Именно к торжествам 2012 года нижегородскими властями было инициировано восстановление Зачатской (Зачатьевской) башни кремля. В связи с этим уже в скором времени нижегородским археологам, историкам и музейщикам предстоит решать вопросы музеефикации выявленных в ходе работ объектов археологического и культурного наследия.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. 2222. Оп. 1. Д.8. Л.3.
Виноградова Т.П. Нижегородский кремль и власть // Нижегородский кремль. К 500-летию памятника архитектуры XVI века: Материалы второй областной научной конференции 5-6 декабря 2001 г. Н.Новгород, 2002. С. 9-14.
Воспоминания нижегородцев о В.И. Ленине. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1960. 279 с.

---

⁴⁴ Там же. С. 113.

- Галай Ю.Г. Хранить истории следы. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1989. 152 с.
- Давыдов А.И. Проекты музеефикации башен Нижегородского кремля конца XIX – начала XX века (к истории становления научных методов охраны и реставрации памятников) // Нижегородский кремль. К 500-летию основания каменной крепости – памятника архитектуры XVI века: Материалы научной конференции 13-14 сентября 2000 г. Н.Новгород, 2001. С. 109-114.
- Действия НГУАК. Журнал XXX заседания. 19 марта 1895 г.
- Действия НГУАК. Журнал XXXIV заседания. 22 октября 1895 г.
- Действия НГУАК. Журнал XXXV заседания. 25 февраля 1896 г.
- Действия НГУАК. Журнал 101 заседания. 22 октября 1909 г.
- Действия НГУАК. Журнал заседания 5 декабря 1909 г.
- Илларионов В. В.И. Ленин в Нижнем // Нижегородская коммуна. 1925. №30. 6 февраля. С. 2.
- Илларионов В. Нижегородский историко-революционный музей // Нижегородская коммуна. 1927. №299. 30 декабря. С. 5.
- Лугинин А.А., Потапова Е.Д. В.И. Ленин в Нижнем Новгороде. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1970. 80 с.
- Макаров Г.Н. В.И. Ленин и нижегородские рабочие-революционеры (1891–1917). Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1986. 190 с.
- Маслов К. Памятники партийного подполья // Горьковская правда. 1974. №256. 31 октября. С. 3.
- Маслов К.П. В.И. Ленин и создание нижегородской организации большевиков (1893–1903). Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1979. 272 с.
- Невзорова-Шестернина С.П. Страничка воспоминаний // Товарищ Ленин: воспоминания нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1969. С. 95-102.
- Нижегородский Сборник. Журналы Нижегородского губернского статистического комитета. Т. V. Н. Новгород, 1875.
- По поводу двух заседаний в Нижегородском Отделении Русского Императорского Технического Общества // Нижегородские губернские ведомости. 1885. №44. 30 октября. С. 5.
- «Прост, как правда». Воспоминания нижегородцев о В.И. Ленине. Горький: Волго-Вятское книжное издательство, 1988. 416 с.
- Протокол XIV очередного собрания Нижегородской городской думы 14 июля 1894 г. Сборник памяти В.И. Снежевского. Действия НГУАК. Т. VII. Н.Новгород, 1908.
- Словарь актуальных музейных терминов // Музей. 2009. №5. С. 47-68.
- Фадеев В.П., Шульпин П.И., Парусов А.И. Очерки истории Горьковской организации КПСС. Ч. 1. 1891-1918. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1961. 503 с.
- Шестернин С.П. Моя вторая встреча с В.И. Лениным // Товарищ Ленин: воспоминания нижегородцев. Горький: Волго-Вятское книжное изд-во, 1969. С. 103-105.
- Уткина Надежда Алексеевна, аспирант кафедры истории России Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина, сотрудник музея Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского; cacula86@mail.ru**

В. С. ТРОФИМОВА

ФИЛОСОФСКИЕ ПОДХОДЫ К «ЖЕНСКОМУ ВОПРОСУ» У ИСТОКОВ СОВРЕМЕННОГО ФЕМИНИЗМА

В статье рассматриваются традиционный (аристотелевский) и новаторский (картезианский) подходы к «женскому вопросу», нашедшие выражение в текстах Лукреции Маринеллы и Пулена де ла Барра. Маринелла предвосхитила проекты по возвращению в историю женских имен и подняла тему природы языка. Пулена де ла Барра можно назвать одним из первых феминистов, а феминизм как систему мысли отнести к результатам научной и философской революции в Европе XVII века.

Ключевые слова: феминизм, «женский вопрос», Лукреция Маринелла, картезианство, Пулен де ла Барр, гендер, женская история.

«Женский вопрос» находился на периферии философских размышлений XVII в. Крупнейшие мыслители – Бэкон, Декарт, Коменский – лишь изредка обращались к женской проблематике, хотя далеко не всегда их взгляды на женский пол были дискриминирующими. Так, по свидетельству биографа Декарта Андре Байе, философ считал, что женщины во многих отношениях лучшие ученицы, чем мужчины. Женщины, по мнению Декарта, обладают большим терпением и менее обременены предрассудками по сравнению с мужчинами¹. Неудивительно, что среди его последователей – принцесса Елизавета Богемская и королева Христина Шведская. Декарт высоко оценивал умственные способности обеих женщин. Именно благодаря переписке с принцессой Елизаветой родилась его известная книга «Страсти души». Фрэнсис Бэкон, напротив, рисует в «Новой Атлантиде» картину патриархального общества, в котором женщины не играют значительной роли вне дома, одновременно критикуя явления в современном ему обществе, включающие представителей обоих полов – гомосексуализм и проституцию.

Ян Амос Коменский, будучи самым выдающимся педагогом своего времени, поднимал «женский вопрос» в своей «Великой дидактике», отстаивая право женщин на знание и образование: «Нельзя представить никакого достаточного основания, почему бы и слабый пол... нужно было бы совершенно устранить от научных занятий... Женщины – также образ божий. Равно причастны они благодати и царству будущего

---

¹ См.: Gibson. 1989. P. 38.

века. Одинаково они одарены... быстрым и воспринимающим мудрость умом. Одинаково им открыт доступ к самым высоким положениям, так как часто самим Богом они призывались к управлению народами, ...к изучению медицины, ...даже к пророческой деятельности и к тому, чтобы обличать священников и епископов. Так почему же допускать их к изучению азбуки и устранять их потом от чтения книг? Боимся ли мы их легкомыслия? Но чем более мы будем занимать их ум, тем менее найдет себе место у них легкомыслие, которое обыкновенно рождается от пустоты ума»². Несмотря на такую пламенную защиту женщин, в целом гендерная проблематика играет в его трудах незначительную роль. Вместе с тем Коменский подчеркивал, что его сочинения, в том числе самое главное – «Вселенский Совет об исправлении человеческих дел» – обращены ко всем людям независимо от пола. Он не актуализировал в своих произведениях различия между полами.

Несмотря на незначительный интерес ведущих философов к проблеме женщины, при более внимательном взгляде на культуру той эпохи обнаруживается, что «женский вопрос» – очень популярная тема. При этом XVII век значительно отличается от последующих отсутствием требований предоставления женщинам равных с мужчинами юридических прав, прежде всего права голоса. Кроме того, в этот период нет широких общественных движений, ратующих за улучшение положения женщин, принадлежащих к различным слоям общества. Дискуссия концентрируется вокруг морально-этических проблем: представители какого из полов обладают большими добродетелями, большим благочестием и большей нравственностью, а также наблюдается тенденция (среди защитников женского пола) вернуть в историю женские имена.

Декларировались самые разные подходы к «женскому вопросу»: «философский», моральный, историко-литературный и т.д. Нередко эти определения были включены в названия произведений. Работы, посвященные женщинам, исчислялись десятками и выходили чуть ли не во всех европейских странах. Они были написаны и на латыни – международном научном языке того времени, – и на национальных языках – английском, французском, немецком, итальянском и т.д.

По сути, в XVII в. продолжается «Спор о женщинах» (*Querelle des Femmes*), который начался еще в начале XV века, когда зазвучали голоса в защиту женщин – «другие голоса»³ Первым таким «голосом» был

---

² Коменский. 1982. С. 293.

³ См.: King, Margaret L. and Albert Rabil, Jr. Introduction to the Series *Other Voices*. Появляется как предисловие к каждой книге серии.

голос французской писательницы Кристины Пизанской. В своем «Граде женщин» (1405) она отстаивала равенство полов, представила каталог выдающихся женщин и нарисовала картину идеального женского сообщества. Кристина Пизанская и ее последователи и последовательницы выступали против тенденции умалять женские способности и стремления не допускать выхода женщин за пределы домашней сферы. В «Споре о женщинах» XV-XVI вв. мы видим разновидность ренессансного диалога, который в XVII в. перерастает в дискуссию, в которой происходит столкновение множества позиций.

В этой работе мне бы хотелось обратиться к двум показательным текстам XVII века, посвященным женскому вопросу – к трактату Лукреции Маринеллы «О благородстве и преимуществе женщин и недостатках и пороках мужчин» (1600) и Пулена де ла Барра «О равенстве двух полов, философское и моральное рассуждение, в котором видна важность избавления от предрассудков» (1673). Фундаментальная цель обоих этих произведений – поколебать устоявшееся мнение насчет природы, роли и предназначения женщины, однако методы авторов и выводы, к которым они приходят, отличаются друг от друга.

К сожалению, немногих российских ученых заинтересовали трактаты XVII в. по «женскому вопросу». Среди исключений – В. Успенская, исследовавшая «феминизм до феминизма». Т. Киселева, рассматривая в одной из глав своей книги «Женский образ в социокультурной рефлексии» эволюцию взглядов на женщину, характеризует XVII век в одном предложении. При этом она считает, что Пулен де ла Барр представляет женский пол, называя его «Пуленой де ла Барр»⁴. Зарубежные исследователи также допускают неточности, например, когда рассматривают все произведения XVII в. в защиту женского пола как нечто однородное. Так поступает, в частности, Джоан Келли в статье «Ранняя феминистская теория и спор о женщинах, 1400-1789»⁵. Между тем, как я постараюсь показать, существовали принципиальные различия в подходах защитников женского пола к «женскому вопросу» и совершенно разные выводы и следствия, которые из них вытекают.

В 1600 г., когда на площади Цветов в Риме горел на костре «еретик» Джордано Бруно, в Венеции появился трактат Лукреции Маринеллы «О благородстве и преимуществе женщин и о недостатках и пороках мужчин» – книга, открывшая длинный ряд произведений XVII века в защиту женского пола.

---

⁴ Киселева. 2002. С. 205.

⁵ Kelly. 1984.

Лукреция Маринелла (1571–1653) родилась в семье венецианского врача Джованни Маринеллы, получившего известность в городе благодаря своим работам о женском здоровье и косметике. Лукреция получила прекрасное образование, была хорошо начитана как в классической латинской, так и в итальянской литературе. Она также отлично знала философию. Первое ее сочинение было опубликовано в 1595 г. Это была поэма на христианский сюжет «Святая Коломба». В 1600-е гг. она опубликовала еще несколько произведений на религиозные темы (поэмы о Деве Марии, Св. Франциске Ассизском и мученице Иустине), а также пастораль «Аркадия» и сборник сонетов и мадригалов. В 1618 г. выходят в свет еще два ее произведения – аллегория на тему Купидона и Психеи, а также поэтическая биография Екатерины Сиенской. Наконец, в 1635 г. появляется ее шедевр – героическая поэма «Энрико» в манере «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо.

Среди современников у Лукреции Маринеллы была репутация высокообразованной и чрезвычайно талантливой женщины. Ее горячий поклонник Кристофоро Бронзино, автор книги «Достоинство и благородство женщин», отмечал не только ее блестящие литературные способности, но также музыкальный талант: она прекрасно играла на нескольких музыкальных инструментах и пела. Другой современник Лукреции Маринеллы, Франческо Агостино делла Къеза, называл ее «женщиной удивительного красноречия и учености» и считал ее непревзойденной. Сансовино включил ее в триаду величайших венецианских писательниц наряду с Кассандрой Феделе, жившей в XV в., и Модератой Фонте (ум. в 1592 г.), получившей известность высказываниями в защиту равенства мужчин и женщин. В свою очередь, Лукреция Маринелла также известна современным исследователям благодаря своей книге «О благородстве и преимуществе женщин».

Трактат Маринеллы был реакцией на женоненавистническое произведение Джузеппе Пасси «Женские недостатки» (1599). При этом трактат Маринеллы получил неизмеримо больший резонанс, чем книга Пасси, в отличие от примеров из более поздних эпох, как в случае Вилфредо Парето, чьи женоненавистнические взгляды не встретили достойного отпора феминистки настроенных итальянских авторов.

Маринелла отмечает, что Пасси совершает логическую ошибку, приписывая пороки отдельных женщин всему женскому полу; его работа должна была бы называться «Недостатки порочных женщин»⁶. Более того, свой трактат Пасси написал под влиянием обиды на любимую

---

⁶ *Marinella*. 1999. P. 127.

женщину. Таким образом, об объективности Пасси и речи не идет. Между тем, Маринелла подчеркивает, что сама она лишена какой бы то ни было ненависти или зависти по отношению к мужчинам, потому что никогда не хотела, не хочет и никогда не захочет быть мужчиной⁷.

Книга Маринеллы состоит из двух частей. Первая носит название «Благородство и преимущество женщин», а вторая – «Недостатки и пороки мужчин». Маринелла остается в рамках аристотелевского и платонического мышления. Она строит свое произведение симметрично и обращается к лингвистическим основам слов, используемых для обозначения женщин, многочисленным примерам выдающихся женщин прошлого и моральному превосходству женщин, а также нравственной деградации мужчин. Она комбинирует учение Аристотеля о причинах с неоплатонической теорией идей и приходит к выводу, что женщина есть проявление совершенной идеи, существующей в сознании Бога.

Обращая особое внимание на этимологию итальянских слов, обозначающих женщину, Маринелла затрагивает тему природы языка, которая получит развитие лишь три века спустя. Кроме того, работа Маринеллы вписывается в протофеминистский проект по возвращению в историю человечества женских имен, который будет активно претворяться в жизнь историками XX столетия. Говоря о женских добродетелях, она рассматривает их с универсалистских позиций, однако подчеркивает, что женщины одарены особым даром любить членов своей семьи и особенно детей. Вместе с тем итальянская писательница не ставит под вопрос гендерный порядок своей эпохи и отталкивается от существующего положения вещей. Более того, она открыто нападает на мужчин, обличая их недостатки, и тем самым способствует рождению мифа о мужененавистничестве всех защитниц женского пола.

Пулен де ла Барр (1647–1723), французский священник, последователь Декарта, один из первых, кого можно с полным правом назвать феминистом, в России известен в основном специалистам по гендерным исследованиям. Пулен де ла Барр родился в 1647 г. в преуспевающей семье буржуа, учился в Сорбонне, где в 1666 г. получил степень бакалавра теологии. Известно, что он посещал собрания «Академии ораторов», где обучали риторике. По всей видимости, он также слушал лекции одного из последователей Декарта, вращался в кругах, где активно обсуждался картезианский метод познания мира, стал убежденным картезианцем и едва ли не первым, кто применил картезианский метод в сфере общественных наук. Его первый трактат «О равенстве двух по-

---

⁷ Ibid. P. 39-40.

лов, философское и моральное рассуждение, в котором видна важность избавления от предрассудков» вышел в свет в 1673 г. Возможно, написание этого трактата де ла Барра подвигла публикация в 1672 г. знаменитой комедии Мольера «Ученые женщины», в которой высмеивались попытки дам обрести ученость. Однако работа де ла Барра лишена той откровенной полемичности, которая присуща книге Маринеллы. Трактат несколько раз переиздавался и даже был переведен на английский язык в 1677 г., но большого успеха не имел. В 1674 г. появляется его произведение «О дамском образовании», а в 1675 г. – провокационное сочинение «О превосходстве мужчин, против равенства полов». При ближайшем рассмотрении оказывается, что последний трактат скорее подтверждает, нежели опровергает первый.

В XVIII в. произведения Пулена де ла Барра читали Монтескье и Шодерло де Лакло, а философы Гельвеций и Кондорсе восприняли его теории⁸. Однако идеи де ла Барра не представляли собой доминирующую идеологию эпохи Просвещения. Настоящий интерес к его работам проснулся на рубеже XIX–XX вв., но подлинную известность Пулену де ла Барру принесла Симона де Бовуар, которая выбрала его слова в качестве эпиграфа к своей знаменитой книге «Второй пол»: «Все написанное мужчинами о женщинах должно быть подвергнуто сомнению, ибо мужчина – одновременно и судья, и одна из тяжущихся сторон»⁹. Она называет его «малоизвестным», но в то же время «самым решительным феминистом эпохи»¹⁰. Симона де Бовуар показала себя преемницей де ла Барра, ведь ее произведение не только развивает его идеи, но и имеет схожую с трактатом «О равенстве двух полов» структуру.

За последние тридцать лет появилось несколько работ, специально посвященных де ла Барру. Наиболее значительные из них – «Пулен де ла Барр: философская авантюра» М. Алквер (1981) и «Франсуа Пулен де ла Барр и изобретение современного равенства» С. Штурмана (2004). В России до недавнего времени труды де ла Барра не были предметом серьезного и глубокого анализа. В.И. Успенская в статье «Феминизм до феминизма» отмечает, что он был первым франкоязычным автором, который заявил, что «цель улучшения образования для женщин состоит в упразднении мужского доминирования в обществе к общему благу всех»¹¹. Вместе с тем, она подробно не анализирует его произведения.

---

⁸ *Vovelle*. 1997. P.396.

⁹ *Бовуар*. 1997. С.25.

¹⁰ Там же. С.33, 146.

¹¹ *Успенская*. 2001. С.88.

Пулена де ла Барра упоминали С.Г. Айвазова и Е.А. Козлова¹². Ситуация изменилась с выходом в свет исследования А.В. Стоговой и ее же перевода отрывков из «Равенства двух полов». Анализируя сочинения де ла Барра, она помещает их в контекст философской мысли эпохи и делает вывод о том, что «именно те неожиданные повороты, которые Пулен умел придавать популярным идеям, делали его тексты одновременно притягательными и чуждыми для современников <...> Хотя все рассуждения де Ла Барра коренятся в идеях, имевших большое распространение в интеллектуальном сообществе, он до сих пор остается и для исследователей человеком не своего века»¹³.

Де ла Барр начинает свое произведение с посыла, свойственного эпохе Просвещения (в которую он, однако, не вписывается хронологически). Цель его работы – разоблачить самый устойчивый предрассудок, «тот, что обыкновенно имеют в отношении неравенства полов»¹⁴. Далее он, фактически, разделяет биологическую и социальную составляющие пола: «В самом деле, если рассмотреть их нынешнее состояние, можно заметить, что они больше отличаются в гражданских функциях и тех, что зависят от ума, нежели в тех, которые имеют отношение к телу»¹⁵. Половые роли для Пулена де ла Барра являются не биологически заданными, а социально и культурно определенными. Он вплотную приближается к современному понятию гендера.

Де ла Барр ставит целью опровергнуть мнения «толпы» и ученых. Для этого он решает проследить, каким образом женщины были исключены из публичной сферы. Он ничего не говорит о матриархате, но считает, что на раннем этапе существования человечества в рамках нуклеарной семьи (о промискуитете он не говорит ничего) было равенство полов. Возникновение гендерного неравенства он связывает с появлением расширенной семьи и усилением властных отношений. Женщины из-за присущего им (по мнению де ла Барра) человеколюбия не участвуют в завоеваниях и, следовательно, не играют значительной роли в политике. За ними закрепляется только репродуктивная функция.

Пулен де ла Барр констатирует универсальное гендерное неравенство: «Каждый видит в своей стране женщин в таком подчинении, что они зависят от мужчин во всем, не допускаются к наукам, ни к каким должностям, которые дают возможность проявить себя превосходством

---

¹² См. Айвазова . 1998; Козлова. 2008.

¹³ Стогова. 2008. С. 194-195.

¹⁴ Пулен де Ла Барр. 2008. С. 197.

¹⁵ Там же.

ума»¹⁶. В его трактате возникает и юридический дискурс, на который обратила внимание Симона де Бовуар, выбрав соответствующую цитату в качестве эпиграфа к книге «Второй пол». Де ла Барр отмечает, что законодательство лишь упрочиает несправедливость гендерного порядка: «Все законы, кажется, созданы лишь с целью сохранить то, что было во владении мужчин»¹⁷. Между тем, если бы условия становления женщин как личностей и их место в обществе были иными, их успехи и достижения были бы намного более значительными.

В отличие от других сочинений в защиту женщин, которые рассматривали в основном женщин высших сословий, трактату де ла Барра присущ демократический пафос. Он говорит о несправедливости социального устройства в целом: «Сколько людей отличилось бы, если бы их вытащили из грязи? И сколько крестьян стало бы великими докторами, если бы им дали образование? Тогда чем можно подтвердить, что женщины менее способны к этому, чем мы, если им мешает принимать в этом участие не случай, а непреодолимая необходимость?»¹⁸. Более того, он говорит о женщинах разных сословий – женщинах «в городах или в полях»: все они способны к здравым суждениям. Однако де ла Барр не отказывается от сословной иерархии и утверждает, что чем более высокое положение занимают женщины, тем они талантливее.

Пулен де ла Барр считает оба пола равными, но не одинаковыми. Как верно отмечает А.В. Стогова, «он вовсе не стремился доказать, что женщины ни в чем не отличаются от мужчин, но пытался продемонстрировать, что различие не обязательно должно оцениваться по иерархической шкале «хуже–лучше»¹⁹. Де ла Барр отмечает особые, женские качества и способности: дар красноречия, умение рассмотреть вопрос с разных сторон, миролюбие. Среди «женских» сфер он называет юриспруденцию, богословие, медицину, историю, литературное творчество и выделяет черты, которые и по сей день считаются свойственными женским нарративам: обилие подробностей, умение обрисовать характеры.

Брак де ла Барр считает наиболее естественным состоянием и подчеркивает, что женщины к нему более «способны», чем мужчины. Причина тому – хозяйственность и терпеливость, свойственная женщинам.

Подход и идеи Пулена де ла Барра во многом опередили свое время. По точному выражению М.С. Кагана, XVII век «расстелил перед

---

¹⁶ Там же. С.204.

¹⁷ Там же. С.205.

¹⁸ Там же. С.213.

¹⁹ Стогова. 2008. С.189.

европейской цивилизацией широкий веер траекторий ее возможного дальнейшего развития»²⁰. По сути дела, в своем «Равенстве двух полов» Пулен де ла Барр не только предлагает глубокий анализ истоков и причин гендерного неравенства, но также «расстиляет» перед женщинами «широкий веер» возможностей самореализации. Он считает, что женщины могут наравне с мужчинами заниматься политикой и военным делом, преподавать в университетах и выступать в судах в качестве адвокатов. И если в начале трактата автор высказывается об этом более или менее осторожно, предваряя тираду о женщинах-профессорах университета, женщинах-комиссарах полиции, женщинах-военачальниках и женщинах-послах словами «было бы нелепо» видеть их в таком качестве, то во второй половине трактата он говорит о таких возможностях совершенно определенно: «И если бы женщины обучались в университетах вместе с мужчинами, или же в тех, что были бы учреждены специально для них, они могли бы получать степени и звания доктора или преподавателя в теологии и медицине, в том и другом праве», «легко заключить, что женщины способны безраздельно обладать любой публичной властью, и в еще большей степени способны быть всего лишь министрами, как и вице-королевами, губернаторами, секретаршами, государственными советницами, интендантами финансов», «следует признать, что женщины способны ко всему»²¹.

Надо отметить, что некоторые из предложенных Пуленом де ла Баром профессий женщины начали осваивать уже в XVII в. В 1678 г. Елена Лукреция Корнаро получает степень доктора философии от Падуанского университета. Она была членом нескольких европейских академий, как и ее французская современница Элизабет-Софи Шерон, прославившаяся как поэтесса и художница.

Произведения Лукреции Маринеллы и Пулена де ла Барра восхищают позднейшие феминистские подходы к анализу причин гендерного неравенства в обществе и способов его преодоления. Трактат Маринеллы, основанный на традиционном аристотелевском методе, представляет особый интерес своим вниманием к лингвистике, рассмотрением особых женских добродетелей и возвращением в историю женских имен. В сочинении де ла Барра, в котором применен картезианский подход, были вскрыты причины и механизмы гендерного неравенства в обществе, а также предложены перспективы возможного изменения гендерного порядка.

---

²⁰ Казан. 2003. С.133.

²¹ Цит. по: Стогова. 2008. С.188-189.

Феминизм традиционно считается продуктом двух революций – индустриальной и Великой Французской 1789 года. Если рассматривать его как общественное движение, это справедливо. Но как комплекс идей о причинах и путях преодоления гендерного неравенства феминизм, по всей видимости, следует считать результатом научной и философской революции в Европе XVII века. Именно картезианство предоставило новый подход к анализу гендерного неравенства, который блестяще продемонстрировал в своем сочинении Пулен де ла Барр.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Айвазова С.Г.* Русские женщины в лабиринте равноправия (Очерки политической теории и истории. Документальные материалы). М.: РИК Русанова, 1998.
- Бовуар, Симона де.* Второй пол. Пер. с фр. /Общ. ред. и вступ. ст. С.Г. Айвазовой; комм. М.В. Аристовой. М.: Прогресс, СПб: Алетейя, 1997.
- Каган М.С.* Введение в историю мировой культуры. Кн. 2. СПб: Петрополис, 2003.
- Киселева Т.Г.* Женский образ в социокультурной рефлексии. М.: МГУКИ, 2002.
- Козлова Е.А.* Феминизм в Европе и США: Генезис и становление // Вісник СевДТУ. Вип. 89: Філологія, зб.наук.тр. Севастополь: Вид-во Сев НТУ, 2008. С.67-71.
- Коменский, Ян Амос.* Избранные педагогические сочинения. Т.1. М.: Педагогика, 1982.
- Пулен де Ла Барр, Франсуа.* О равенстве двух полов, философское и моральное рассуждение, в котором видна важность избавления от предрассудков. Пер. А.В. Стоговой // Адам и Ева: альманах гендерной истории. №16. Москва: ИВИ РАН, 2008. С. 196-230.
- Стогова А.В.* Франсуа Пулен де Ла Барр: вольнодум *à la mode* //Адам и Ева: альманах гендерной истории. №16, 2008. С. 182-195.
- Успенская В.И.* Феминизм до феминизма: идеи в защиту прав женщин в истории европейской социальной мысли XV-XVIII вв. // Гендерный калейдоскоп. Курс лекций /Под ред. М.М. Малышевой. М.: Academia, 2001. С. 76-98.
- Gibson, Wendy.* Women in Seventeenth-Century France. London: Macmillan, 1989.
- Kelly J.* Early Feminist Theory and the *Querelle des Femmes* // Kelly, J. Women, History, and Theory. Chicago: University of Chicago Press, 1984. P. 65-110.
- Marinella, Lucrezia.* The Nobility and Excellence of Women and the Defects and Vices of Men / Ed. and transl. by Anne Dunhill, introd. Letizia Panizza. Chicago: University of Chicago Press, 1999.
- Vovelle, Michel, Lydia G. Cochrane.* Enlightenment Portraits. Chicago: University of Chicago Press, 1997.
- Трофимова Виолетта Стиговна**, кандидат филологических наук, докторант кафедры эстетики и философии культуры Санкт-Петербургского государственного гуманитарного университета, violet_trofimova@mail.ru

И. М. ЭРЛИХСОН

“ТРЕТЬЯ” ЖЕНЩИНА ЭПОХИ НОВОГО ВРЕМЕНИ В АНГЛИЙСКОМ ПРОСВЕТИТЕЛЬСКОМ РОМАНЕ (ДАНИЭЛЬ ДЕФО)

Сравнительный анализ романов Даниэля Дефо «Молль Флендерс» и «Роксана», представленный в статье, позволяет раскрыть позицию писателя по вопросам гендерного равенства, а также нарисовать социальный портрет женщины Нового времени с ее психологическими характеристиками, поведенческими моделями, восприятием окружающего мира и самой себя в нем.

Ключевые слова: Даниэль Дефо, “Молль Флендерс”, “Роксана”, Новое время.

Эпоха Возрождения – яркое проявление светского начала в христианстве, распространившего свое влияние на все области человеческой деятельности. Ренессанс – это синоним личной свободы, красоты, гармонии физических и духовных качеств человека, который осознал себя творцом собственной судьбы и окружающего мира¹. Уже в период раннего Просвещения гуманистически ориентированное мировоззрение стало питательной средой для этико-философских учений, в центре которых стоит не абстрактный человек-гражданин, а “человек вообще”, т.е. независимый индивид, чей частный интерес превращается в мерило и рычаг общественной морали. Но индивидуалистически ориентированное мировоззрение еще не распространялось на слабый пол: если мужчина воплощал собой новый образ свободной, суверенной личности, то женщину по-прежнему представляли существом по природе своей зависимым и зажатым в тиски семейных устоев.

В общественном сознании главенствует архетип женщины, являющийся результатом причудливого симбиоза двух социальных моделей, обозначенных французским социологом Ж. Липовецким, как «первая» и «вторая» женщина. «Женщина – это необходимое зло, втиснутое в рамки лишенных всякой привлекательности занятий; это низшее существо, систематически недооцениваемое или же презираемое мужчинами. Такой вырисовывается перед нами социальная модель “первой

---

¹ «На заре нового времени произошла перецентрализация, были отпущены на свободу творческие силы человека. И вот кипучая пора этих творческих сил и создала то, что мы называем Ренессансом, последствия которого продолжаются и до XIX века. Вся новая история есть ренессансный период истории. Этот исторический период стоит под знаком отпущения на свободу творческих сил человека, духовной децентрализации...». Бердяев. 1990. С. 100.

женщины”. После сформировалась новая социальная модель “второй женщины” – женщины, вызывающей восторги и поклонение... Первую женщину наделяли демоническими чертами и презирали; вторую женщину восхваляли, идеализировали и превозносили до небес. Однако в обоих этих случаях женщина пребывала в подчинении у мужчины, все мысли на ее счет складывались в его голове и женщину определяли по отношению к нему: она была такой, какой ее хотел видеть мужчина»².

Мировоззренческий шаблон подчиненности женщины определял преимущественно дидактический ракурс женской тематики в трудах философов и публицистов Нового Времени. Это неудивительно, учитывая то, что уже в XVII в. воспитание становится модным предметом обсуждения, а эпоху Просвещения и вовсе можно назвать эрой педагогического оптимизма³. Но даже в трудах тех, кто выступал в защиту женского образования и разрабатывал программы его реформирования⁴, женщина так и не получила признания в качестве равноправного и независимого субъекта. «Когда эссеист Ричард Стил пытался в 1710 г. дать определение женщине, он сделал это в сжатой, но абсолютной типичной для своего времени манере: “Женщина – это дочь, сестра, супруга и мать, простой придаток рода человеческого...”»⁵. В унисон с английскими просветителями звучат голоса их континентальных “коллег”: «Все воспитание женщин должно иметь отношение к мужчинам. Нравиться этим последним, быть им полезными, уметь снискать их любовь к себе и почтение... Делать их жизнь приятной и сладкою – вот обязанности женщин во все времена, вот чему надо научить их с детства»⁶. Иными словами, женщину “великодушно” допускают к знанию, но не ради нее самой, а чтобы сделать ее пребывание приятным для окружающих, для комфорта мужа и детей. Бурный поток советов и рекомендаций прекрасному полу относительно поведения в обществе, нарядов, занятий, любви, семейного счастья, супружеской верности, которыми полна публицистика конца XVII – начала XVIII вв., однозначно формирует парадигму зависимой роли женщины в общественном сознании Нового времени.

---

² Липовецкий. 2003. С. 340, 345.

³ «Его идеологи видели основные пути достижения совершенного общества в пропаганде и распространении знаний, образовании людей, а также в воспитании у молодежи высоких нравственных принципов. Большое внимание они уделяли не только образованию юношей, но и девушек». *Лабутина*. 2001. С. 121.

⁴ Подробнее о программах Дж. Локка, Дж. Свифта, Дж. Аддисона, Р. Стиля, Г. Галифакса, М. Эстелл см.: *Лабутина*. 2001.

⁵ История женщин... Т.2. С. 26.

⁶ *Руссо*. 1981. Т. 1. С. 442.

Между тем, более пристальный анализ английской публицистики начала XVIII в. дает основания сделать предположение о наличии иных представлений о ролевой активности женщины. В частности, в результате анализа жанра и целей написания приписываемого перу Б. Мандевиля памфлета «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов» (1724)⁷ удалось показать, что многократно, с разных точек зрения и в контексте различных сюжетов автор, полностью игнорируя нравственно-дидактический аспект, обращается к проблеме гендерных ролей. Внешний эпатаж – всего лишь оболочка, под которой скрывается глубокий философско-психологический анализ содержания и специфики моделей социального поведения и мужчин, и женщин современной ему эпохи. В данном ракурсе женщины – уже не предмет неумеренной демонизации или, напротив, идеализации, не *tabula rasa*, на которой можно начертать то, что угодно мужу или отцу, а *равноценный* мужчинам объект социологического анализа.

Однако гипотеза о появлении в начале XVIII в. представлений о ролевой активности женщин требует более аргументированного подтверждения. Представляется целесообразным попытаться в этом ракурсе проанализировать знаковые произведения художественной литературы, которые, отражая действительность, являются еще и блестящим экскурсом в область социальной психологии: «... при всей значительности того вклада, какой внесли в мировую культуру философы, экономисты, историки английского Просвещения, английский просветительский роман в области *человековедения* и *обществоведения* совершил переворот, еще более значительный»⁸. В свете избранной проблематики проанализируем романы «Радости и горести знаменитой Молль Флендерс» (1722) и «Счастливая куртизанка или Роксана» (1724) Д. Дефо, чтобы составить представление о социальном портрете женщины Нового времени, ее психологических характеристиках, поведенческих моделях, восприятии окружающего мира и самой себя в этом мире. Прежде чем приступить к анализу, кратко воспроизведем сюжеты обоих романов.

Молль – рожденная в ньюгейтской тюрьме дочь воровки, пойманной на краже и сосланной в колонию. Маленькой Молль повезло: до четырнадцати лет она воспитывалась в приходском приюте у бедной, но благочестивой и образованной женщины, и к тому же пользовалась благосклонностью местных знатных дам, принимавших живое участие в ее судьбе. Несмотря на происхождение, Молль с детства питала непреодо-

⁷ Подробнее о проекте Мандевиля см.: Эрлихсон. 2011.

⁸ *Елистратова*. 1966. С. 9.

лимое отвращение к черной работе и стремилась стать «барыней», что в ее наивном детском понимании означало «возможность собственным трудом зарабатывать на хлеб». После смерти своей благодетельницы она попала в богатую семью, где получила светское воспитание: научилась петь, танцевать играть на клавикордах, причем по ее хвастливому утверждению, делала она это несравненно лучше, чем барышни. Тщеславие и сыграло с Молль злую шутку: будучи девушкой «рассудительной, скромной и добродетельной», она поддалась соблазну и стала любовницей старшего сына, хоть и вынуждена была в конечном итоге выйти замуж за его младшего брата. Овдовев, Молль выходит замуж за незадачливого купца, «бездельника, барина, лавочника и нищего», который за год спустил их совместное состояние и не нашел ничего лучшего как сбежать от кредиторов, оставив супруге двадцать кусков голландского полотна и тюк муслина. Молль выходит из щекотливого положения традиционным способом: она находит очередного мужа и уезжает с ним в Виргинию на его плантацию. Но и здесь она не обретает счастья: в матери мужа, от которого она успела родить двух детей, она узнает собственную мать. Не в силах далее сожительствовать с братом, Молль бежит в Англию, и в течение следующих шести лет живет на содержании у богатого джентльмена, а когда получает отставку, вновь выходит замуж, как ей кажется, за знатного и богатого помещика. Но «помещик» оказывается ирландским разбойником с большой дороги, еще более нищим, чем она. После упоительного медового месяца муж исчез, а Молль, пристроив ребенка, достигает тихой гавани и выходит замуж за добропорядочного банковского клерка. После пяти лет совместной жизни, ее муж разоряется и умирает, а Молль становится воровкой и достигает вершин воровского искусства, превратившись в неуловимую легенду преступного мира, но наступает момент, когда удача отворачивается от нее: ее ловят с поличным на краже двух кусков шелка и приговаривают к смертной казни. Приговор заменяется ссылкой в колонии, и Молль, счастливо воссоединившись со встреченным в Нью-гейте «ланкаширским мужем», отправляется в Виргинию, где встречает сына и становится преуспевающим плантатором.

Сюжет «Роксаны» сводится к следующему: француженка по происхождению, в 1683 г. она была привезена родителями, спасавшимися от религиозных преследований, в Англию, где получила прекрасное образование и в возрасте пятнадцати лет вышла замуж за крупного лондонского пивовара. Прожив в браке восемь лет и родив пятерых детей, героиня остается соломенной вдовой, так как ее незадачливый супруг,

промотав состояние, не нашел ничего лучшего, как скрыться в неизвестном направлении, бросив семью на произвол судьбы. Пристроив детей, а фактически подкинув их родне мужа, героиня становится любовницей своего домовладельца, ювелира по профессии, отправляется с ним во Францию, а после его смерти, уступает домогательствам некоего принца, в течение последующих восьми лет делит с ним ложе, и даже рождает ему трех детей. Когда же связь заканчивается, она отправляется в Англию, где под именем Роксаны достигает вершины карьеры куртизанки: следующие три года она проводит «вдали от света в обществе лица, имя которого долг и данное ему слово повелевают не открывать», в котором угадывается английский король. По истечении этого срока, Роксана, «пооблиняв подобно брошенной любовнице», но, все же сохранив привлекательность, поступает на содержание состоятельного аристократа, и живет с ним, пока ей «не опротивел не только милорд, но и самый порок». «Теперь-то зачем мне ходить в шляхах?», – словно прозревает Роксана и начинает тщательно замечать следы «мерзостного и гнусного ремесла», которым она промышляла на протяжении двадцати шести лет. Она меняет место жительства, сняв комнаты у некоей «доброй квакерши», облачается в квакерский наряд, и, в конце концов, выходит замуж за состоятельного голландского купца, своего давнего знакомого, с которым она некогда состояла в любовной связи и даже родила от него ребенка. Но «если в прежних романах Дефо герои, пройдя через множество испытаний, обычно напоследок благополучно достигали тихой пристани, то в “Роксане” этот шаблон нарушен...»⁹. Сьюзен, старшая дочь героини от первого брака, когда-то служившая судомойкой в ее собственном доме, путем логических умозаключений приходит к выводу, что Роксана – ее мать. «Она продолжала упорствовать, и чем дальше, тем хуже, утверждая, что ее матушкой является леди Роксана и что она наводила кое-какие справки и не сомневается вывести ее (то есть меня) на чистую воду»¹⁰. Сьюзен с азартом охотницы преследует Роксану по деревням и курортам английской провинции, пытаясь вырвать у нее признание, пока у Эми, верной наперсницы Роксаны не созревает роковой замысел, о котором, как уверяет Роксана, она узнала лишь после того, как он был приведен в исполнение. «Из признаний Роксаны, из поведения Эми, и, наконец, из исчезновения девушки читатели могут сделать вывод, что убийство совершилось»¹¹. Когда

⁹ *Елистратова*. 1966. С. 147-148.

¹⁰ *Дефо*. Роксана. С. 222.

¹¹ *Елистратова*. 1966. С. 154.

Сьюзен внезапно исчезает, Роксана приняв ее смерть как свершившийся факт, отправляется вместе с семьей и Эми в Голландию. «...Я благополучно прибыла в Голландию с супругом и нашим сыном, ранее мною упомянутым, и зажила со всем великолепием и пышностью, соответствующими нашему положению... Здесь по прошествии нескольких лет, в течение коих я процветала и наружно благоденствовала, меня постигла череда страшных бедствий – меня, и Эми!»¹².

Итак, перед нами жизненные истории двух незаурядных женщин, нравственно безупречных, что и составляет львиную долю их притягательности. Их любовные и брачные авантюры интересны, главным образом тем, что любой, даже незначительный эпизод сопровождается изощренным психологическим самоанализом, своеобразной «бухгалтерией чувств и душевных побуждений». Каждый аморальный поступок, будь то кража, обман или прелюбодеяние, предваряет логичная мотивация, а завершает тщательная калькуляция выгод и убытков как для материального, так и для духовно-нравственного состояния героинь. Истории Роксаны и Молль – великолепные иллюстрации к квинтэссенции памфлета Мандевилля: «Некоторые скажут, что преступно заставлять женщин зарабатывать подобным способом, ибо существует вероятность нравственного исправления... Но потеря добродетели настолько развращает женщин, что они никогда не изменят образ жизни и не восстановят доброе имя». На поприще греха Молль подвигает тщеславие, а удерживает на нем нужда, в случае Роксаны – то же самое, только в обратной последовательности. Мандевиль прозорливо утверждал, что женская добродетель абсолютно беззащитна перед мужским посягательством, а эстетическое приданое жертвы, умноженное на отсутствие экономического приданого, многократно повышает вероятность нравственного падения. «Чем красивее женщина, тем больше соблазнов; ...нет ничего легче, чем вскружить голову невинной девушке; а бедность и вовсе обесценивает добродетель, превращая ее в легкую добычу»¹³. И Молль, и Роксана откровенно гордятся красивым лицом и статной фигурой: первая хвастается, что «природа наделила ее дарами, которых никакими богатствами не приобрести»¹⁴, а вторая безжалостно трет лицо мокрым платком, чтобы доказать своему венценосному любовнику, что «одна природа повинна в том, что ему угодно считать ее красотой»¹⁵.

---

¹² Дефо. Роксана. С. 264.

¹³ Mandeville. 2006. P. 81.

¹⁴ Дефо. Молль Флендерс. С. 29.

¹⁵ Дефо. Роксана. С. 62.

Некрасивая и бедная женщина едва ли заинтересует романиста, моралиста, обольстителя, потому «указание на красоту функционирует как диагноз врача, которому достаточно одного взгляда на лицо и тело, чтобы увидеть будущее в форме скользкого спуска... Что касается бедной девушки, быть красивой – это еще один риск выставлять на общее обозрение свою социальную слабость... Двойное ухудшение: с одной стороны, экономическая нищета превращает красивую женщину в беззащитную жертву... С другой стороны, сама женская природа, слишком явно проявляющаяся в красоте, неизбежно толкает ее обладательницу к своей судьбе: первородный грех заставляет красавицу поддаться искушению (яблоко, драгоценность, обещание), а затем совершить окончательное падение, вписанное в ее тело»¹⁶. Так, Молль, наивная, не имеющая жизненного опыта, упивающаяся своим превосходством над менее привлекательными наперсницами, попадает в ловушку опытного обольстителя. Вся во власти первой любви, она не забывает о финансовой стороне дела, любуясь золотыми монетами, подаренными ей молодым баринном, хотя и сетует на то, что продешевила, продавая свою девичью честь. «Если бы мне были известны его мысли, если бы я знала, какой кажусь ему неприступной, то поставила бы условия, потребовав от него или немедленно жениться или содержать меня до женитьбы, ведь мой обожатель был очень богат да еще ожидал наследства. Но мне и в голову не приходило подумать об этом, я только гордилась своей красотой да, тем, что меня любит такой барин»¹⁷. Любовь Молль сильна: после разрыва отношений она настолько психологически опустошена, что несколько недель находится на волосок от смерти, истерзанная жестокой горячкой. Она долго отказывается выйти замуж за брата своего любовника, хотя в ее положении это был бы наилучший выход из ситуации, а пять лет супружеской жизни с нелюбимым мужем в ее деловитом изложении уместились в несколько строчек с итогом в 1200 фунтов капитала.

С Роксаной дело обстоит иначе: дочь состоятельных родителей, прекрасно образованная и отлично знающая себе цену, она принесла мужу богатое приданое, которое тот промотал. И статус замужней дамы не спасает героиню, когда она остается одна без средств к существованию и с пятью детьми на руках. Ситуацией пользуется домовладелец, который, вероятно, давно заглядывался на нее. Ничто более не удерживает ее от прелюбодеяния: ни презираемый муж, ни ловко пристроенные дети. И трудно поверить в то, что такая здравомыслящая и прак-

---

¹⁶ История женщин... С. 102-103.

¹⁷ Дефо. Молль Флендерс, С. 37.

тичная особа, какой Роксана предстает с первых же страниц, питает иллюзии по поводу намерений женатого мужчины, тратящего солидные суммы на обустройство быта привлекательной соломенной вдовы. Роксана – прекрасная актриса, понимающая, что сам факт борьбы оправдывает моральное падение женщины в глазах мужчины. И хотя она высокопарно заявляет, что «лучше умрет с голоду, чем станет шлюхой», последнее, к чему она готова, так это к голодной смерти. Мандевиль признавал, что в подавляющем большинстве случаев женщины торгуют собой не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать иным, более честным способом. «Нищета, – восклицает Роксана, – вот, что меня погубило, ужасающая нищета! ...возможно ли было ожидать от женщины, лишенной какой бы то ни было поддержки, не имевшей друзей, ...возможно ли ожидать, чтобы женщина в подобных обстоятельствах отвергла сделанное ей предложение?»¹⁸. Но следует учесть еще одно немаловажное обстоятельство. Наверняка Дефо на личном опыте не раз убеждался в прекрасных актерских способностях слабого пола: женщины, зная, что мужскому самолюбию претят легкие победы, создают видимость сопротивления и извлекают из этого спектакля не только удовольствие, но и выгоду. Можно аплодировать “таланту” Роксаны, умело распалюющей поклонника: для беззащитной “жертвы”, как она высокопарно именуется, она проявляет слишком цепкую деловую хватку, выбив у любовника договор об условиях своего содержания и даже вексель на пятьсот фунтов в случае его смерти.

Истинную позицию Роксаны очень точно выражает ее служанка Эми: «Ах Эми, я право не знаю, как быть! – сказала я. – Надеюсь лишь, что он ничего такого у меня не попросит... ах, только бы не попросил! А попросит, я не знаю, что ему и сказать. – Не попросит! – передразнила меня Эми. – Как не так! Уж поверьте мне – попросит и уж, разумеется, получит. Не такая же моя госпожа дурочка!»¹⁹. Роль Эми в жизни Роксаны не ограничивается тем, что она ее служанка и ближайшая наперсница, мастерски устраивающая ее дела, в особенности те, которые Роксана не желает предавать огласке. «Слуга – это вечный “третий” в частной жизни господ. Слуга – свидетель частной жизни по преимуществу. Его стесняются почти так же мало..., и в то же время он призван быть участником всех интимных сторон частной жизни... Слуга – это особая воплощенная точка зрения на мир, без которой литература частной жизни не могла обойтись»²⁰. На наш взгляд, Эми проецирует тем-

¹⁸ Дефо. Роксана. С. 34.

¹⁹ Там же. С. 33.

²⁰ Бахтин. 1975. С. 276.

ную часть души Роксаны, как зеркало, отражая ее тайные желания, в которых та боится признаться даже самой себе. Хотя Эми, как верный вассал, фанатично предана своей хозяйке, она остроумна, находчива, не уступая, а в чем-то и превосходя Роксану, что нарушает властный баланс между ними. К тому же Роксана возлагает ответственность за свои грехи именно на Эми, потому-то она развращает ее осознанно и хладнокровно, ставя под свой контроль ее тело и душу: «...так как я себя саму почитала за шлюху, в намерения мои, – цинично рассказывает Роксана, – входило сделать такую же шлюху из своей служанки, дабы она не могла мне тыкать в глаза моим грехом»²¹.

Мандевиль признавал, что в подавляющем большинстве случаев женщины торгуют собой не добровольно, а из-за нужды и невозможности заработать более честным способом. Из своего грехопадения и Молль, и Роксана выносят важный урок: достичь благосостояния женщина может лишь посредством эксплуатации своего сексуального потенциала, и единственный товар, который она может продать на ранке брачных и псевдобрачных отношений – это собственное тело. И хотя Молль откровенно признается, что «любила общество веселых и остроумных, обходительных и видных мужчин и часто развлекалась с ними»²², но когда речь заходит о браке, от эмоций и тяги к плотским наслаждениям не остается и следа. «Однажды меня поймали на удочку, называемую любовью, но с этой игрой было покончено; я твердо решила, что соглашусь только на брак, и притом выгодный...»²³. Молль полагает, что в брачных играх умная женщина всегда одержит верх над мужчиной, и презирает бедняжек, которые рвутся в супружество как боевые лошади в сражение. Она понимает, что для достижения цели ей нужно соблюсти два важных условия. Первое – обзавестись безупречной репутацией, потому что «мужчины отказываются от легких побед, понимая, что женщина, готовая прибежать по первому зову, будет немногого стоить как жена»²⁴, а второе – внушительным годовым доходом, так как по ее меткому выражению, «приданое не косит и не хромает, деньги всегда милы, какова бы не была жена»²⁵. Ни того, ни другого у Молль нет, но она ловко обводит вокруг пальца некоего джентльмена, рассчитывающего умножить свое состояние с помощью брака с ней. По ее собственным словам, она «так крепко подцепила молодчика», что узнав правду об ее

---

²¹ Дефо. Роксана. С. 41.

²² Там же.

²³ Дефо. Молль Флендерс. С. 79.

²⁴ Там же. С. 97.

²⁵ Там же. С. 88.

истинном финансовом положении, он только ограничился замечанием, что представлял ее гораздо богаче, чем она была на самом деле. Правда, когда Молль попыталась проделать подобный фокус второй раз, выдав себя за богатую вдову, она выступила уже в роли потерпевшей стороны, так как оказалась замужем не за богатым и благородным джентльменом, а нищим джентльменом удачи. И, наконец, последнюю брачную аферу Молль проворачивает, когда искусно скрыв свои любовные приключения и беременность, будучи уже в зрелом возрасте, выходит замуж за банковского клерка и в браке с ним рождает двоих детей.

Итого, за плечами Молль пять браков, из которых три последних были незаконными, а также шесть лет в статусе любовницы и содержанки, так что она может сравнить обе стороны медали. Молль признает: хотя любовницу мужчина выбирает по влечению сердца, но положение ее зыбко и ненадежно, так как «мужчины, которые обзаводятся любовницами, часто меняют их от пресыщения, ревности или по иным причинам»²⁶. Еще более четко эту мысль выражает Роксана: «Я убедилась, что с женой обращаются пренебрежительно, любовницу же боготворят; на жену смотрят как на старшую горничную, на любовницу – на королеву... Такими- то лукавыми доводами я пыталась оправдать свой блуд; и в опровержение этих доводов я даже не пыталась привести разницу между положением жены и любовницы в другом отношении... Наложница прячется по наемным квартирам, ее навещают в темноте ночи... Покуда бушует порочная страсть и ее возлюбленный в руках сатаны, он ей принадлежит, и покуда он принадлежит, она из него веревки вяет... Стоит ему поддаться раскаянию, его первые шаги на пути исправления обратятся против нее, и... чем искренне его раскаяние, чем пристальнее вглядывается в себя, тем сильнее возрастает его отвращение к ней, и он начинает проклинать ее всей душой»²⁷.

У Роксаны более богатый опыт незаконного сожительства, так как она в отличие от Молль не стремится связать себя супружескими узами, предпочитая проводить время в «веселом отшельничестве». Вступив на скользкий путь, Роксана уже не может остановиться, словно подтверждая мысль Мандевиля о том, что для любой женщины грехопадение – первая ступенька в карьере распутницы. После гибели любовника она достаточно обеспечена, но все же не находит сил отказать знатному французскому вельможе и охотно уступает его страсти: «...если стремление выбиться из нужды является неодолимым соблазном для обездо-

---

²⁶ Там же. С. 152.

²⁷ Дефо. Роксана. С. 109-110.

ленных, то для прочих роскошь и утоление тщеславия являются не менее сильным искушением... Сейчас меня не преследовала бедность... и обладай я силой воли, и окажи я отпор первой атаке, я была бы в полной безопасности; но я давно уже утратила добродетель, и дьявол, который нашел способ одолеть меня соблазном одного рода, с легкостью одержал надо мною победу с помощью другого соблазна»²⁸. Если раньше в роли “дьявола”, развратившего Роксану, выступала нужда, то теперь – тщеславие и жадность к деньгам. Поражает болезненная страсть Роксаны к восхищению собственной особой. Она с упоением выслушивает комплименты принца, называющего его первой красавицей Франции, и признается, что «лучшего способа пробить брешь в моей добродетели, если бы я таковой обладала, нельзя было придумать. Ибо к тому времени я сделалась самой тщеславной женщиной на свете и моя красота составляла главный предмет моего тщеславия; чем более ее превозносили, тем сильнее и безрассуднее я в себя влюблялась»²⁹. В этом отношении «принц и Роксана – идеальная пара: жадные до удовольствий и обладания предметами роскоши, они взаимно подпитывают друг друга»³⁰. По словам героини, «если принц был единственным божеством, коему я поклонялась, то и он меня, можно сказать, боготворил»³¹. На Роксану проливается золотой дождь, а она, предвидя, что рано или поздно принц бросит ее, предусмотрительно «собирает урожай, пока светит солнце», а точнее говоря, сохраняет и упрочивает свое богатство, значительно увеличившееся благодаря щедрости ее покровителя. Получив отставку у принца, Роксана возвращается в Англию с вполне конкретной целью: «...будучи столь высокого мнения о своей красоте, соглашалась довольствоваться... лишь королем – не меньше!»³². По ее поручению Эми снимает великолепный дом, где она селится под видом знатной француженки и начинает устраивать блистательные балы-маскарады, на которые собирается «великое множество народу, причем с намерениями отнюдь не добродетельными». На одном из них она исполняет “турецкий” танец, который становится вершиной ее карьеры куртизанки и благодаря которому она получает прозвище Роксана.

В XVII–XVIII вв. Роксана – производное от “Роксоланы”, супруги Сулеймана Великолепного, фигурировавшей в «Истории турок» Р. Нолла (1603) и прочно ассоциировавшейся с роскошью, безбожием, амби-

---

²⁸ Там же. С. 55-56.

²⁹ Там же С. 53.

³⁰ King Hicken. 2009. P. 75.

³¹ Дефо. Роксана. С. 60.

³² Там же. С. 140.

циями и властью над мужчинами. Именем бывшей рабыни, покорившей восточного деспота, стали называть куртизанок высшего разряда, извлекавших политические и экономические дивиденды из своей власти над мужчинами. Характерно, что две женщины, персиянки по происхождению, исполнявшие оригинальный восточный танец, уступают европейской сопернице в турецком костюме, исполнявшей «изобретение славнейшего парижского танцмейстера» «Сверх того, – не без иронии повествует Роксана, – нашелся господин, имевший глупость объявить, будто сам был свидетелем, как этот танец исполнялся в Константинополе; разумеется, все это был сущий вздор»³³. Последнее неудивительно, поскольку «европейская публика XVII века слишком лелеяла представления о воображаемом “Востоке”, не задумываясь о том, насколько они соотносились с подлинными восточными реалиями»³⁴.

Роксана достигает желаемого: она привлекает внимание короля и следующие три года проводит в «великолепном затворничестве», из которого выходит с состоянием в тридцать пять тысяч фунтов. Роксана вполне могла бы жить одна, если бы последовала правилу Молль, гласящему, «что женщине никогда не следует быть содержанкой, если у нее достаточно денег, чтобы содержать себя»³⁵. Но жадность ее безгранична: она вновь идет на содержание к некоему знатному милорду и терпеливо выносит его извращенные прихоти, при том, что по натуре она скорее холодна и равнодушна к плотским утехам. «По складу я не была порочна; в крови не горел огонь, воспламеняющий желания», – признается Роксана. Несмотря на многообещающее название, в тексте романа отсутствует репрезентация сексуальности. «Ни в одном месте Дефо не преступает рамок пристойности и того обещанного им во вступительной части описания пороков, которое вправе было ожидать тут, и это объясняется отнюдь не пуританством автора, а, скорее, безразличием героини к самой основе естества, ставящей превыше всего расчет и финансовую сторону “любовной сделки”»³⁶. Роксана умело эксплуатирует физическую привлекательность, утверждая свою индивидуальность через обладание материальными ценностями. И трудно судить, кто из них корыстней: добродушно-сентиментальная Молль, которая «с бесконечным наслаждением вспоминает очаровательные часы, проведенные с мужем», тем самым, который оказался грабителем с большой дороги, или трезвомыслящая Роксана, откровенно признающая, что, а

³³ Там же. С. 143.

³⁴ Roxolana in European literature... P. 38-39.

³⁵ Дефо. Молль Флендерс. С. 80.

³⁶ Романчук. Специфика языкового стиля...

«любовь для нее и вовсе «смехотворный предмет, если не соединен с главным, то есть, с деньгами». Первая становится едва ли не kleptomанкой: золотые часы, кольца, посуда, ожерелья, перчатки, табакерки превращаются в денежный капитал, каждый прирост которого она тщательно фиксирует, теряя чувство меры и будучи не в силах остановиться. «Стремление к наживе, лишенное своего религиозно-этического содержания, принимает там, где оно достигает своей наивысшей свободы, ...характер безудержной страсти, подчас близкой к спортивной»³⁷. Молль даже не замечает грани, за которой преступление, впервые совершенное под давлением обстоятельств, превращается в навязчивую патологию. Разница между необходимостью и излишеством стирается, и каждый новый предмет роскоши, попадая в руки Молль, становится необходимостью. «С XVI века женщины становятся символом разрушительных сил капитализма. Страсть к материальным благам отныне разделяется на порочный консьюмеризм, ассоциирующийся с женственностью, и добродетельный меркантилизм, ее идеальную мужскую форму»³⁸. Роксана же с упоением коллекционирует не только предметы роскоши, но и титулы. Трудно согласиться с тем, что «героиня не дает ослепить себя мишурному блеску аристократических титулов и придворной роскоши»³⁹. «Быть окруженной слугами, именоваться пышными титулами, слышать из всех уст: “Ваше высочество”, проводить дни в княжеском великолепии – и что больше – в объятиях человека столь высокопоставленного – все это, говорю, ослепило меня, вскружило мне голову и в течение двух недель, по крайней мере, я была вне себя, можно сказать, безумна», – так описывает Роксана свое состояние, когда перед ней забрезжила возможность стать женой принца⁴⁰.

Двойственность положения Молль и Роксаны определяется тем, что, позиционируя себя как обладательниц материальными ценностями, каждая из них до определенного момента – не активный субъект, а скорее объект обладания, товар, чью стоимость в конечном итоге определяют мужчины. Потому и отношение к мужчинам у героинь неоднозначное. С одной стороны, на протяжении всего повествования они с упоением предаются самообличению, характеризуя свое поведение и моральный облик с помощью самых нелестных для себя эпитетов, в то время на сожительствующих с ними *женатых* мужчин обвинительный пафос ни в какой мере не распространяется. Французский любовник Рок-

³⁷ Вебер. 1990. С. 206.

³⁸ Kitsi-Mitakou. 2005. P. 87.

³⁹ Елистратова. 1966. С. 150.

⁴⁰ Дефо. Роксана. С. 187-188.

саны, по ее словам, был «смирненнейшим, добродушнейшим из смертных», который под ее воздействием был «вовлечен в столь тяжкий грех», хотя из ее собственного изложения событий вырисовывается прямо противоположная картина. Рассказывая о своем любовнике из Бата, который довольно бесцеремонно бросил ее, Молль не допускает ни одного слова упрека в его адрес. Это вполне коррелирует с господствовавшим концептом двойных стандартов, идеей неравенства двух полов, обусловленного особенностями физиологического и духовного склада, и потому непреодолимого⁴¹. Мандевиль в своем проекте писал, что женское желание, обладая такой же силой как мужское, не оказывает столь разрушительного воздействия на основы общественного порядка, в силу того, что надежно сдерживается грузом условностей, налагаемых на женщину традициями и общественной моралью.

Мужчина априори более свободен, так как право реализовывать природный инстинкт в полной мере монополизировано сильным полом. Мужская добродетель превращается в иллюзорное понятие. «Сами супружеские ценности подверглись принципиальным изменениям. Женщин лишили большей части свободы и даже права получать удовольствие от супружеских объятий. Даже врачи подтвердили, что добродетельные женщины фригидны по природе. Такое разделение ролей было в интересах мужчин-самцов, главенствующих в обществе. Они выиграли во всем, так как в общественной морали воцарился двойной стандарт, следуя которому один и тот же мужчина мог быть образцовым супругом и в то же время наслаждаться в объятиях проституток, не испытывая при этом никакой вины. Более того, послушные жены должны были быть прикованы исключительно к домашнему очагу, чтобы избегать нескромных посягательств посторонних мужчин... Связь с честной женщиной запрещена, но проститутки охотно раскрывают им свои объятия. Такой выход не просто допустим – он всячески приветствуется обществом, так как мужественность можно доказать только в сношениях с женщиной»⁴².

---

⁴¹ «История адюльтера является историей двойных стандартов: к внебрачным связям мужчин относилисьнисходительно, тогда как к внебрачным связям женщин – без всякой терпимости. ...Мнение, что мужское распутство и адюльтер являются простительными грехами, на которые женщинам следует смотреть сквозь пальцы, подкреплялось тем фактом, что... большинство браков в среднем и высшем классах устраивалось родителями, исходя из экономической или политической стратегии семьи... Второе объяснение господства двойных стандартов заключается в том, что женщин считали сексуальной собственностью мужчин, и их ценность снижалась, если их использовал кто-либо еще, кроме законного владельца. С этой точки зрения мужская честь зависела от женского целомудрия». (История женщин... С. 94-95).

⁴² *Мюшембле*. 2009. С. 18.

Но какие чувства питают к мужчинам женщины, чьи функции сводятся к поглощению мужской сексуальной энергии? Показателен эпизод, когда Молль, уже давно промышлявшая воровским ремеслом, по иронии судьбы приходится вспомнить веселую пору своей жизни: она уступает домогательствам некоего подвыпившего джентльмена и обирает его до нитки. «Не мешает здесь, кстати, заметить, что проституция вообще была тесно связана с преступлением. Большинство вольнопромышлявших девиц занимались вместе с тем воровством»⁴³. Исполнив роль проститутки низшей категории, Молль с циничной откровенностью заключает: «Нет ничего нелепее, гаже и смешнее нализовавшегося мужчины, разгоряченного винными парами и похотливыми желаниями... Если бы такие господа знали, какое презрение питают к ним женщины, с которыми они имеют дело в подобных случаях, это отбило бы у них охоту к таким похождениям. Как я сказала выше, эти женщины не ценят удовольствия, не одушевлены никаким влечением к мужчине; бесчувственная шлюха думает только о деньгах...»⁴⁴. Сама же Молль, хотя и признает, что благодаря невзгодам из нее вышла бы прекрасная жена, относится к представителям мужского пола со снисходительным пренебрежением. Она дерзко разговаривает со своим супругом (тем, что оказался ее единоутробным братом), и даже в момент эмоционального накала, воссоединившись с любимым мужем в Ньюгейтской тюрьме, излагает собственную, сильно отредактированную версию своей жизни. «Тут мы уселись рядышком, и я сообщила о своих приключениях все, что сочла удобным... я сказала, что меня приняли в тюрьме за некую Молль Флендерс, знаменитую воровку, о которой все слышали, но которой никто не видел; ему-то, однако, известно, что меня зовут совсем иначе»⁴⁵. По другую сторону океана организационные таланты Молль и вовсе раскрываются с необычайной полнотой: она приобретает плантацию и управляет ею с неженской деловой хваткой, благодаря чему земля приносит солидный годовой доход в триста фунтов. Двойственность натуры Молль отмечал Я. Уотт: «На первый взгляд, Молль обладает типично женскими чертами: она рачительная хозяйка, умеющая обустроить быт своих мужчин... Но сущность ее характера и поступки несомненно мужские... Молль не подвержена ни одной слабости, присущей слабому полу»⁴⁶.

Еще более неоднозначной выглядит Роксана. «Пусть я имела несчастье родиться женщиной, я твердо положила, что не дам этому обстоя-

---

⁴³ Фукс. 2010. С. 97.

⁴⁴ Дефо. Молль Флендерс. С. 289.

⁴⁵ Там же. С. 378-379.

⁴⁶ Watt. 1957. P. 112.

тельству омрачить мою судьбу, и поскольку свобода, по-видимому, считается исключительным достоинством мужчины, я намерена быть мужчиной среди женщин, ибо, рожденная свободной, я желаю такую же умереть»⁴⁷, – гордо заявляет она, когда сэр Роберт Клейтон уговаривает ее выйти замуж за богатого лондонского негоцианта. Относительно недолгий, но печальный матримониальный опыт убедил ее сначала в том, что не следует выходить замуж за “дурака”, а более десяти лет в роли куртизанки – что и вовсе не стоит выходить замуж. По мнению Роксаны, брак – это отказ от свободы, фактически узаконенное рабство: «Женщина должна быть столь же свободна и независима, как и мужчина; между тем брачное право зиждется на противоположных взглядах... Под предлогом любви женщину лишают всего, что делает ее самостоятельным человеком, у нее не может быть собственных интересов, стремлений, взглядов... Она живет в полном бездействии и верует не в бога, а мужа; благоденствует, либо гибнет в зависимости от того, умный ли человек ее муж или глупый, счастлив в своих делах или неудачлив»⁴⁸. Поражает стремление Роксаны к сексуальной и финансовой свободе: каждый акт купли-продажи своего тела она как настоящий деловой человек предвзвешивает и завершает изощренным бухгалтерским анализом. Но «в этом упоительном предметном и денежном перечислении, свойственном Роксане, сквозит не столько ее расчетливость, сколько своеобразная поэтика, жажда наслаждений, к которой постоянно апеллирует героиня»⁴⁹.

Возникает закономерный вопрос: какой же видел Роксану сам Дефо? «Классическим либертенмом эпохи Реставрации, гоббсовской хищницей, закосневшей в грехе»⁵⁰, или «дельцом в юбке, каким будет на исходе следующего столетия госпожа Уоррен Бернарда Шоу»⁵¹? И насколько близки самому Дефо феминистские рассуждения его героини, которая, лежа в постели с любовником, хладнокровно выстраивает четкую, логически выверенную систему аргументов против матримониального неравенства? И не важно, что взгляды Роксаны на брак высказаны по причине прагматичной и, в общем-то, являются лишь ширмой, за которой она прячет свой страх, нет, не перед нищетой (она ей не грозит!), а перед потерей контроля над состоянием. Мнения исследователей расходятся. Одни считают, что Роксана близка к идеалу коммерческого успеха Дефо, и она реализует право женщины контролировать свою независи-

---

⁴⁷ Дефо. Роксана. С. 139.

⁴⁸ Там же. С. 122.

⁴⁹ Романчук. Специфика языкового стиля...

⁵⁰ Linker. 2008. P. 245.

⁵¹ Елистратова. 1966. С. 150.

мость и постоянно расширять ее границы. Другие полагают, что нарисованный Дефо воинственный образ европейской амазонки – это путь в тупик. «Свободомыслие Роксаны, ее независимость заканчиваются самым “неженским” преступлением – убийством собственного ребенка, другими словами, закономерный итог реализации капиталистического идеала для женщины – неоправданное и неконтролируемое насилие⁵²».

Вопрос об отношении героинь к своему потомству чрезвычайно важен, так как фертильность в рамках отношений купли-продажи составляет такой же ценный ресурс, как и физическая привлекательность. Плодовитость Молль и Роксаны, каждая из которых родила более десяти детей, вполне коррелирует с представлением о людях как наиболее ценном из материальных ресурсов государства. На первый взгляд, и Молль, и Роксана почти не отягощены материнским инстинктом. Количество детей, рожденных ими от разных мужчин в браке и незаконном сожителстве, так велико, что иногда они сами путаются, называя его. Сентиментальная Молль испытывает что-то отдаленно похожее на раскаяние единственный раз, когда вынуждена оставить ребенка от любимого “ланкаширского” мужа, чтобы вступить в выгодный брак с банковским клерком. «Для того природа и вложила в сердце матери любовь к детям... А раз дети не могут жить без ухода, то, лишая их наших забот, мы все равно что убиваем их... иная ведь и бросает ребенка в надежде на то, что он умрет! И все равно, даже если ребенок остается жив, его мать – убийца, потому что она хотела его смерти»⁵³, – рассуждает она, признаваясь, что «материнское чувство было настолько сильно, что она готова была пожертвовать своим другом из банка...». Но на эту “жертву” Молль так и не решается и прибегает к услугам еще одного колоритного персонажа, некоей старой “пестуны” с обширной практикой «по очень деликатной части, или попросту говоря, по части разврата». Это женщина, прошедшая все ступени “карьерной лестницы” лондонского преступного мира: проститутка, сводня, повивальная бабка, пристраивающая незаконнорожденных детей, процентщица и, наконец, скупщица краденого, обучившая Молль азам воровского мастерства. Она пристраивает и ребенка Молль, отдав его “жене простого землепашца”, и больше об этом ребенке на протяжении всего повествования не сказано ни слова, как впрочем, и о других ее отпрысках. Исключение составляет обретенный по счастливой случайности сын от ее третьего, кровосмесительного брака. Потому-то трудно поверить в искренность

---

⁵² Brown. 1993. P. 152.

⁵³ Дефо. Молль Флендерс. С. 221-222.

Молль, растроганно целующей следы ног своего сына, учитывая то обстоятельство, что в его руках доверенность на распоряжение средствами от плантации, завещанной Молль ее матерью.

Однако все же можно согласиться с тем, что ничто не свидетельствует об отсутствии у Молль материнского инстинкта, и в своем равнодушии к детям она соответствует стандартам своего времени. «Низкий уровень акушерства и педиатрии в сочетании с пренебрежением и жестокостью приводили к тому, что уровень младенческой смертности был крайне высок. Вероятность того, что дети не выживут, в свою очередь, порождала своеобразный фатализм родителей и особый психологический настрой в обществе. Даже нежные и любящие матери редко посвящали себя воспитанию детей, которые чаще всего находились на попечении слуг... Причиной родительского равнодушия было и то, что детей в семье было слишком много, чтобы интересоваться каждым в отдельности»⁵⁴. Еще более жестким, если не сказать жестоким, было отношение к незаконнорожденным детям, что тоже было обусловлено конкретными реалиями эпохи. В Англии раннего Нового времени меры, направленные на профилактику детоубийств, проводились в русле борьбы с блудом и появлением незаконных детей. По актам 1575 и 1609 гг. женщины, родившие ребенка вне брака, помещались в исправительные дома. Согласно статуту 1624 года незамужняя женщина, чей ребенок умер сразу после рождения, автоматически обвинялась в детоубийстве, которое считалось преступлением против «плода своего чрева» и наказывалось сожжением или виселицей. На практике юридические нормы вкупе со страхом общественного порицания заставляли незамужних женщин, особенно из низших классов, оперативно избавляться от нежелательной беременности или тщательно скрывать ее от бдительных соседей. Количество дел о детоубийствах, рассматриваемых в судах, было невелико, но реальность расходилась с судебной практикой, и очевидцы отмечали, что «лондонские парки, канавы, мусорные кучи буквально кишели детскими трупами»⁵⁵.

Роксана сетует на то, что несчастная мать незаконнорожденного дитяти стоит перед страшным выбором: быть изгнанной с ним на улицу, умирать там с голоду или видеть, как ее младенца, запихнув в его пеленки какую-нибудь незначительную сумму, отдают одной из тех женщин – палачей в юбке, что берет детей, как это называется *на воспитан*

⁵⁴ *Lebenbaum*. 1988. P. 108.

⁵⁵ *Bastard and foundlings...* P. 43. Суды проявляли снисходительность к детоубийцам: и если случалось, что виновных находили, они отделялись легким приговором или оправдывались за недостаточностью улики. (История женщин... С. 501).

ние, а на самом деле морят их голодом, словом, убивают»⁵⁶. Сама она не оказывалась в такой ситуации, ведь ее любовники, от которых она родила детей, счастливо избавили ее от “радостей материнства”, обеспечив своих отпрысков достойным содержанием. Но все же трудно согласиться с А.А. Елистратовой, которая делает акцент на «драматично звучащей в романе теме поруганного материнства», которое мстит за себя.

Конечно, трезвомыслящую Роксану нельзя назвать нежной матерью. Она откровенно признается, что не жалела о смерти второго сына от принца и «часто, грешным делом, мечтала, чтобы тихо покинул сей мир» мальчик, которого она неосторожно родила от мимолетной связи с голландским купцом. Но в отличие от Молль, чей “материнский инстинкт” сводится к желанию «любоваться ребенком, не неся никаких расходов по его содержанию», Роксана на деле заботится о своих детях. Находясь на пике своей карьеры куртизанки, она находит их и делает все, чтобы избавить сына от участи подмастерья, устроить его карьеру, а дочерям дать светское воспитание. Ее желание остаться инкогнито усиливается, когда она начинает вести респектабельную жизнь, не омраченную образами скандального прошлого. Изматывающая психологическая дуэль между матерью и дочерью заканчивается исчезновением последней, из чего следует, что произошло убийство, и хотя совершилось оно без ведома Роксаны, но удивительно совпало с ее желанием избавиться от бесцеремонной и настойчивой девицы. Роксана говорит, что не желает слушать Эми, твердящую об убийстве⁵⁷. «Сьюзен – тоже часть Роксаны, и стремление избавиться от нее – равносильно неосознанному желанию уничтожить собственного эго, противного ей самой». Роксана предпочла, чтобы это случилось естественным путем, чтобы Сьюзен «сошла в могилу по-хорошему», например, умерла от болезни. Но Эми в очередной раз воплотила в жизнь тайные желания хозяйки, чем вызвала сначала ее ярость, а затем сожаление (!) об «прометчивости, с какою прогнала столь верную душу. «Что до несчастной девицы, – продолжает Роксана, – то она все время стояла у меня перед глазами... То я видела ее с перерезанным горлом; то с отрубленной головой и проломленным черепом; то ее тело свисало с чердачной перекладки; то она являлась мне в виде утопленницы...»⁵⁸. «...Та сугубо приватная жизнь, которая вошла в роман, по природе своей закрыта. Или ее можно раскрыть... прямо

⁵⁶ Дефо. Роксана. С. 67.

⁵⁷ Linker. 2008. P. 252. Дефо использует слово *murthering* (архаичная форма “murdering” – убийство), одной буквой отличающееся от *mothering* (материнская ласка).

⁵⁸ Дефо. Роксана. С. 255.

вводя в роман уголовный процесс, а в частную жизнь – уголовные преступления, или косвенно и условно...»⁵⁹. Последнее мастерски делает Дефо, и предполагаемое убийство Сьюзен воспринимается как свершившийся факт. Описанное буднично и хладнокровно, оно «занимает второе место в зловещем рейтинге самых леденящих душу преступлений в европейской литературе XVIII века после изнасилования Клариссы»⁶⁰.

В Голландии Роксана живет несколько лет, «наружно благодушию», а на самом деле пребывая в состоянии глубокой душевной депрессии, с такими классическими симптомами как повышенная тревожность, бессонница, ночные кошмары и хроническая усталость. «Гнев небесный обрушился на нас за зло, какое мы обе причинили бедной девушке, и я впала в такое ничтожество, что раскаяние мое казалось лишь следствием несчастий, точно так же, как несчастья эти являлись следствием моих преступлений»⁶¹, – пишет Роксана, из чего можно сделать вывод, что душевные муки увенчались еще и финансовым крахом.

Из скомканного эпилога, фабульной незавершенности «Роксаны» и нарочито оптимистического финала «Молль Флендерс» следует чрезвычайное многообразие трактовок нравственно-психологических и социальных причин поведения героини. К тому же возникает закономерный вопрос о целеполагании автора, рассказавшего истории двух незаурядных женщин, к которым с некоторыми оговорками можно применить понятие *self-made* – человека, добившегося успеха своими силами.

Естественно предположить, что пространство романов было использовано Дефо в качестве плацдарма для изложения собственных взглядов на спектр проблем, связанных с положением женщины в обществе. Действительно тема неравноправия мужчины и женщины в браке звучит громко. Но какова позиция самого Дефо? В научной литературе на этот счет нет единого мнения: одни исследователи полагают, что Дефо мыслил в патриархальном, созвучном своему времени духе, по ходу повествования доказывая, что душа женщины трагически потеряна, если она не обеспечена в браке. «В структурном отношении “Молль Флендерс” и “Роксана” представляют серию супружеских и псевдосупружеских отношений в различных социальных стратах. В видении Дефо традиционный брак – вот ключ к решению социальных и экономических проблем, в то время как внебрачные отношения и размытые моральные стандарты подвергались им самому суровому порицанию... Ошибаются те читатели, которые принимают феминистские

⁵⁹ Бахтин. 1975. С. 274.

⁶⁰ Molesworth. 2010. P. 118.

⁶¹ Дефо. Роксана. С. 264.

рассуждения Роксаны за точку зрения самого Дефо, демонстрирующего, что несчастья Роксаны есть следствие не замужества, а неудачного выбора супруга и недооценки важности института брака...»⁶².

Другие называют Дефо апологетом женской независимости и суровым критиком тех, кто ограничивает женское предназначение рамками домашнего очага. «Дефо показал, что даже в браке женщина не получает гарантий экономической стабильности, что зачастую устроенный родителями супружеский союз приводит к катастрофическим последствиям для женщины. Сюжет, представленный Дефо, продиктован не провидением, а сознательной волей женщины и ее желанием выйти за рамки уготованной ей роли в случае, когда ее действия и поступки, правильные с точки зрения устоявшихся моральных стандартов, не находят адекватного вознаграждения»⁶³.

Третьи же полагают, что Дефо как писатель, вовлеченный в коммерцию, не интересовался морально-этическими проблемами, в том числе из области брачных отношений. «Он писал о политике, морали, социальных проблемах, но будучи деловым человеком, адресовал свои творения аналогичной аудитории, которая обожала читать о вымышленных или реальных персонажах, извлекающих выгоды из каждой сомнительной авантюры и методично их подсчитывающих. Дефо – горячий апологет капитализма Нового времени, и его романы сцена за сценой демонстрируют ничем неприкрытую жажду наживы, молчаливо одобряемую им самим и, главное, удовлетворяющую ожиданиям читающей публики»⁶⁴. Потому-то он показывает, что стремление героинь к экономической и сексуальной свободе вполне рационально, ведь недаром роман изобилует описанием финансовых выгод этого стремления. В рамках данного подхода поступки Молль и Роксаны, все их «коммерческие» авантюры, какими бы сомнительными они не выглядели этически, олицетворяют созидательную мощь среднего класса, составляющего основу экономического процветания английской нации. Молль, дочь воровки, сама ставшая преступницей, «никогда не падает до самого дна, и даже оказавшись в Ньюгейтской тюрьме, сохранив свой статус буржуа»⁶⁵. Нажитые несправедливым путем деньги помогают Молль обзавестись не только удобной камерой в Ньюгейте и личной каютой на корабле, везущем ее в ссылку, но и сделать путешествие максимально комфортным. Как воровка и содержанка Молль наказана, но

---

⁶² Guilhamet. 2010. P. 175-176.

⁶³ Saxton. 2009. P. 88.

⁶⁴ Novak. 2011. P. 617.

⁶⁵ Watt. 1957. P. 114.

Молль-капиталист спасена и вознаграждена, и ее мечта о неограниченном благосостоянии материализуется в североамериканских колониях, где она приобщается к классу крупных земельных собственников. Но если Молль маскирует свои амбиции, то Роксана гордится тем, что проворачивает финансовые операции под талантливым руководством сэра Роберта Клейтона, по ее словам, «блистательного дельца и человека безукоризненной честности». Любопытно, что в «Дневнике чумного года» Дефо практически уличил Клейтона в том, что он обогатился, пустив под строительство кладбищенские участки, где хоронили умерших во время эпидемии чумы лондонцев⁶⁶. Неудивительно, что Роксана легко находит с ним общий язык, ведь это язык ранней стадии британского империализма, которая для Дефо и его современников ассоциировалась с неприкрытой жадной наживы, беззастенчивой эксплуатацией и жестокими колониальными войнами. «В “Роксане” взрыв агрессивной энергии капиталистического авантюризма воплощается в пугающей фигуре женщины-мужчины»⁶⁷, идеале, к которому стремится Роксана, заявляющая о своем желании «быть мужчиной среди женщин». Самоощущению Роксаны и Молль, как деловых женщин, соответствует и стиль их записок: суховатый, подробный, изобилующий количеством цифр и канцеляризм, свойственным сфере делопроизводства и коммерции. Это стиль самого Дефо, чья проза «воплощает знаменитую программу архиепископа Спрата: сдержанно лаконичная, приближенная к повседневной речи, математически точная»⁶⁸.

Специфика положения Молль и Роксаны в том, что они вторгаются в сферы мужской профессиональной деятельности единственно возможным для них способом – посредством эксплуатации своего женского естества. Внешняя привлекательность и фертильность – их активы, стоимость которых определяют любовники и мужа, затем по мере укрепления финансового благополучия – уже они сами. Они с упоением коллекционируют титулы и драгоценности, фетишизируют их, символизируя диалектическое единство между контролем над собственностью (мужское начало) и статусом собственности (женское начало). При этом на протяжении жизненного пути обе героини (или антигероини) попирают нравственные и общественные законы, и без стеснения повествуют об этом. Прелюбодеяние, блуд, инцест, многожудие, воровство, дефлорация – Молль и Роксана планомерно нарушают одну заповедь за

---

⁶⁶ Дефо. Дневник Чумного Года. С. 297-298.

⁶⁷ Brown. 1993. P. 155.

⁶⁸ Watt. P. 100.

другой, увязая в грехах и двигаясь, как следовало бы, к вечному проклятию, а на деле, к respectable браку и обеспеченной жизни.

Даже названия обоих романов наталкивали на мысли об изобилии секса и скандала за ширмой автобиографии, "приправленной" нравоучительным подтекстом. Казалось, Дефо обещал увлечь читателя пикантным повествованием и одновременно преподавать некий урок. Но если бы замысел Дефо сводился к банальному извлечению морали, то биографии Молль и Роксаны можно было читать как историю деградации, а оба романа не вышли бы за рамки нравоописательных очерков. Действительно, романы Дефо явились развитием предшествовавшей очерковой литературы, но, как справедливо отмечал А. Аникст, в отличие от нравоописательных эссе, где «отношение человека к обществу рассматривалось с точки определенных этических критериев, в романах Дефо изображается реальная жизненная практика, и... мораль оказывалась не более чем довеском к биографии героя, противоречившей принципам добродетели и благочестия, утверждавшимся в финале повествования»⁶⁹.

В этой связи удивляет единодушие исследователей в отношении "нравоучительного" финала «Роксаны», живописующего неотвратимость наказания как доказательство справедливости "божественного Провидения". «Однако данный пессимистический взгляд на развитие сюжета, если и не совсем неправомерен, то, во всяком случае, упрощен и категоричен в своей однозначности. Ибо "Роксану" как роман рококо характеризует именно то искусство иронического намека, а не однозначного утверждения, намека, более емкого в своей содержательности, чем прямолинейное знание, ведущее к монополии авторской оценки, суждения»⁷⁰. Молль и Роксана относятся к презируемой моралистом Шефтсбери, но широко распространенной категории людей, у которых «нет лучших соображений в пользу честности, кроме страха перед виселицей и тюрьмой»⁷¹. Показателен эпизод, когда корабль, на котором Роксана с Эми возвращаются из Франции, попадает в бурю. Героиня, внезапно почувствовавшая отвращение к прежнему образу жизни, в приступе бурного раскаяния, обещает вести уединенную и добродетельную жизнь, раздавая милостыню из своих несправедливо нажитых богатств. Но раскаяние, как признает Роксана, «было того рода, какое бывает у преступника, когда его подводят к эшафоту: он жалеет о том, что совершил преступление не оттого, что это преступление, а оттого, что его за это повесят»⁷².

⁶⁹ Аникст. 1959. С. 147.

⁷⁰ Романчук. Специфика языкового стиля...

⁷¹ Шефтсбери. Sensus communis // Шефтсбери. 1975. С. 315.

⁷² Дефо. Роксана. С. 107.

Похожие чувства испытывает Молль во время своего пребывания в Ньюгейте: «Грош цена говорила я себе, раскаянию человека, который и так уже лишен возможности грешить. Ведь не о преступлениях своих горевала я, а об ожидающем меня за них наказании; и то, что меня страшил не грех, а расплата за грех, отнимало у меня последнее утешение, отнимало даже надежду на искреннее покаяние»⁷³. Впрочем, как верно заметил Я. Уотт, «кражи и любовные связи Молль потеряли бы изрядную долю очарования, если бы смешались с пеплом раскаяния»⁷⁴.

Тщеславие, алчность, сладострастие – вот “дьяволы”, которые обрекают героинь на вечное проклятие, и одновременно это три кита, на которых покоится их, во-первых, самореализация, а, во-вторых, материальное благополучие. Фактически через срез биографии Молль и Роксаны Дефо продемонстрировал механизмы функционирования парадоксального мандевилевского общества, члены которого стремятся к максимальному удовлетворению личных потребностей. Но если Мандевиля интересовало, главным образом, то, как поставить частные пороки на службу обществу, то Дефо рассмотрел проблему в иной плоскости. Принимая как очевидный факт то, что эгоизм является основой и движущей силой человеческой природы, он задается вопросом: какова цена, которую платит женщина за реализацию своего потенциала в буржуазном мире, где традиционные нормы постепенно вытесняются новой индивидуалистической идеологией?

Несомненно, романы Дефо – отражение популярных в XVIII столетии размышлений о возможности мирного симбиоза личности и общества. «Но если век Просвещения объявил, что разрешил эту сложную дилемму, оправдав стремление к личному обогащению и провозгласив его инструментом общественного процветания, то Дефо показал иллюзорность этого самонадеянного утверждения. Ни в новой индивидуалистической экономике, ни в патриархальном браке личность и общество не могут гармонично сосуществовать»⁷⁵. Так, Молль и Роксана, насильственно вырванные из рутинного существования в патриархальном браке, не только идеально вписались в новое общество, но, на первый взгляд, даже преуспели в нем, грамотно распорядившись своими женскими “активами”. К красоте и плодовитости героинь прилагается острый ум, находчивость, амбиции, а самое главное, ярко выраженный *индивидуализм* и пренебрежение всем, что не имеет отношение к ним лично. «Буржуа-

⁷³ Дефо. Молль Флендерс. С. 350.

⁷⁴ Watt. 2000. P. 115.

⁷⁵ Kitsi-Mitakou. 2005. P. 79.

зия, повсюду, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения... В ледяной воде эгоистического расчета потопила она священный трепет религиозного экстаза, рыцарского энтузиазма, мещанской сентиментальности»⁷⁶.

Симптоматично, что и Роксана, чья деятельность откровенно аморальна, и Молль, являющаяся отъявленной преступницей, действуют в соответствии с принципами «модернизированной» в XVIII в. буржуазной протестантской этики. «Пуританизм стоял у колыбели современного «экономического человека». Правда, и пуританские жизненные идеалы подчас не выдерживали натиска слишком сильных «искушений», которые, как хорошо было известно и пуританам, таило в себе богатство»⁷⁷. Бессильны перед искушениями обе героини: их моральное чувство мотивировано не внутренней душевной потребностью, а внешними стимулами, такими, например, как страх смерти. Внутренний голос совести служит им инструментом послушным, и каким бы умильным не выглядело их раскаяние, им не приходит мысль отказаться от капиталов, нажитых воровством и распутством. Дожившая до глубокой старости Молль, по ироничному утверждению Дефо, «уже те так горько каялась, как сначала...»⁷⁸, а угрызания совести Роксаны больше напоминают самолюбование. «Я думаю, свет не видывал такой женщины, как я: прожить двадцать шесть лет, увязая в пороке, и не испытывать при этом ни тени раскаяния, или хотя бы сожаления, ни намек на желание положить такой жизни конец!»⁷⁹. Обе они достигли тихой гавани в виде респектабельного буржуазного (у Роксаны с аристократическим оттенком) существования, состоялись в матримониальной и профессиональной сферах. Но если у Молль важным компонентом ее новой жизни становится спокойная совесть, то для Роксаны цена успеха оказалась слишком высокой. При всем своем внешнем благополучии она остается один на один с темными безднами собственного индивидуалистического сознания и медленно скатывается в глубокую депрессию.

Остается гадать, какой сценарий, оптимистический или пессимистический, был ближе самому Дефо, и насколько поблек его просветительский оптимизм относительно возможностей человеческой природы. Ясно одно, в его видении роль женщины не ограничивается традиционной ролью жены и матери, чей удел – подчинение. Симптоматично, что

---

⁷⁶ Маркс, Энгельс. Манифест коммунистической партии...

⁷⁷ Вебер. 1990. С. 199-200.

⁷⁸ Дефо. Молль Флендерс. С. 12-13.

⁷⁹ Дефо. Роксана. С. 152.

приключения Молль и Роксаны завершаются замужеством, в котором они являются не просто потребителями материальных благ, а равноправными партнерами своих мужей и активным *созидающим* началом брачного союза. Несомненно, позиция самого Дефо, идет вразрез с характерной для Нового времени идеей отказа от равенства полов и нежеланием видеть в женщине выходящую за рамки семьи индивидуальность. «Женщина, чья идентичность вскормлена на альтруизме и семейной общности интересов, не зависит от существующего в обществе порядка, основанного на временных трудовых соглашениях: она зависит от порядка, существующего в семье и обусловленного самой природой... Признать женщину в качестве независимого индивида означало бы извратить ее природу, ускорить крушение семейных устоев, внести смуту в отношения между полами»⁸⁰.

Дефо вольно или невольно показал рождение женщин нового типа: женщины, которые даже в системе супружеских отношений претендуют на обладание необходимыми инструментами для собственного материального обеспечения, на больший доступ к знаниям и информации. Ломая стереотипы, он распространяет равно на оба гендера право распоряжаться собой, детерминировать поведение, исходя из индивидуальных предпочтений, и созидать действительность, и тем самым, создает новую с точки зрения истории социальную модель “третьей” женщины.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аникст А.* История английской литературы. М.: Учпедгиз, 1959. 483 с.
- Бахтин М.* Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. 505 с.
- Бердяев Н.* Смысл истории. М.: Мысль, 1990.
- Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избранные произведения. М., 1990. С. 61–284.
- Дефо Д.* Дневник Чумного Года. М.: Люкс, 2005. 317 с.
- Дефо Д.* Молль Флендерс. М.: Художественная литература, 1978. 444 с.
- Дефо Д.* Счастливая кургизанка или Роксана. М.: Наука, 1974. 300 с.
- Елистратова А.А.* Английский роман эпохи Просвещения. М.: Наука, 1966. 470 с.
- История женщин / Под ред. Н. Дэвис и А. Фарж. Т.2. Парадоксы эпохи Возрождения и Просвещения. СПб: Алетейя, 2008. 558 с.
- Лабутина Т.Л.* Воспитание и образование англичанки в XVII веке. СПб.:Алетейя, 2011. 244 с.
- Липовецкий Ж.* Третья женщина. Незыблемость и потрясение основ женственности. СПб.: Алетейя, 2003. 512 с.
- Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест коммунистической партии // Сочинения. 2-е изд. Т. 4. М.: Государственное издательство политической литературы, 1955.

---

⁸⁰ *Липовецкий Ж.* Третья женщина. С. 304-305.

- Мюшембле Р.М. Оргазм, или любовные утехы на Западе. История наслаждений на Западе с XVI века. М.: Новое литературное обозрение, 2009. 512 с.
- Романчук Л. Специфика языкового стиля романа Даниэля Дефо “Роксана”// Режим доступа: <http://www.roman-chuk.narod.ru/1/Roxana.htm>.
- Руссо Ж.-Ж. Эмиль, или о воспитании // Руссо Ж.-Ж. Педагогические сочинения: в 2-х томах. М., 1981.
- Фукс Э. История проституции трех веков. М.;СПб.: Книговец, 2010. 232 с.
- Шефтсбери. Эстетические опыты. М.: Искусство, 1975. 543 с.
- Эрлихсон И.М. Pamфлет Б. Мандевилля «Благопристойные аргументы в защиту государственных публичных домов»: к вопросу о цели написания и жанре // Диалог со временем. 2011. Вып. 37. С. 66-88.
- Bastard and foundlings: illegitimacy in 18th century England. Ohio University, 2005. 227 p.
- Brown L. Ends of empire. Women and ideology in early eighteenth century English Literature. – Cornell University, 1993. 205 p.
- Guilhamet L. Defoe and the Whig novel: a reading of the major fiction. New York: Rosemont Publishing and Printing Corp., 2010. 243 p.
- King Hicken A. Erotic economics. “Roxana” and functional finance of romance fiction. Diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. Arisona, 2009. 248 p.
- Kitsi-Mitakou K. Whoring, incest, duplicity or the “self-polluting erotics of Daniel Defoe’s Moll Flanders // Genealogies of identity . Interdisciplinary reading of sex and sexuality/ Ed. by M.S. Breen. Amsterdam; New York, 2005. P. 79-95.
- Lebenbaum M. Moll Flenders : a woman on her own account // The authority of experience. Essays in Feminist criticism// Ed. by A. Diamond. – University of Massachusetts press, 1988. P. 101-118.
- Linker L. The female libertine from Dryden to Defoe. Diss. ... for the degree of Dr. of Philosophy. – University of North Carolina, 2008. 284 p.
- Bernard Mandeville ‘s «A modest defence of publick stews». Prostitution and its discontents on Georgian England [Text] / Ed. by I. Primer. New York: Palgrave Macmillan, 2006. 208 p.
- Molesworth J. Chance and the Eighteenth century novel: realism, probability, magic. – Cambridge: Cambridge University Press, 2010. 275 p.
- Novak, T. Daniel Defoe: master of fictions. Oxford: Oxford University Press, 2011. 786 p.
- Roxolana in European literature// Ed. by G. Yermolenko. L., 2010. 313 p.
- Saxton K. Narratives of women and murder in England, 1680–1760. L., 2009. 159 p.
- Watt I. The rise of the novel. – University of California press, 2000. 320 p.

Эрлихсон Ирина Мариковна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории и международных отношений Рязанского государственного педагогического университета им. С.А. Есенина; i.erlihson@rsu.edu.ru; erlihson@rambler.ru

ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ

И. И. ВАРЬЯШ

ИСТОРИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ НА РУБЕЖЕ XX–XXI ВЕКОВ ПОЛЕМИЗИРУЯ С Л. П. РЕПИНОЙ...

Автор предлагает комплексный анализ содержания книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.» и некоторые критические размышления над современным состоянием исторического сознания.

Ключевые слова: гуманитарное знание, история исторической науки, историческое сознание, теория и методология истории, «территория историка».

В начале третьего тысячелетия нет нужды доказывать роль интеллектуального труда в развитии человеческой цивилизации¹.

Современные гуманитарии слишком хорошо знакомы с кризисом самоидентификации, переписыванием картины мира, тяжким поиском новых ориентиров и разочарованиями, чтобы недооценить недавно вышедшую в свет книгу Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.». Поднятые в этом труде проблемы заслуживают не столько кратких рецензий, сколько размышлений и научных дискуссий.

Монография явилась итогом многолетней работы автора в области интеллектуальной истории и истории актуальной исторической науки в целом. За текстом стоит стремление ищущего истину ученого найти удовлетворительный ответ по наболевшим вопросам. Удовлетворительный – разумеется, не в эмоциональном, а в познавательном плане, что выводит этот труд на высокий уровень теоретического осмысления через строгий анализ накопленного исторической наукой опыта.

Между тем, книга пока не вызвала широкого отклика на страницах профессиональных изданий². Еще более удивительным представляется

---

¹ Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с. Далее страницы книги даются в круглых скобках.

² Существует несколько небольших рецензий. Автор одной из них Д.М. Володин высоко оценивает труд Л.П. Репиной, определяя его как «анналы “историографической революции”», «краткую энциклопедию теоретических исканий в исторической науке за последние 20–30 лет», «“путеводитель” для тех, кто интересуется новейшими теоретическими разработками», прежде всего, видя в книге полезнейшее для российской науки осмысление интеллектуального «импорта». В то же время личный пессимизм Володина в отношении отечественной исторической науки, которой он отказывает в «активности методологической мысли», привел автора рецензии к

тот факт, что вокруг нее до сих пор не завязалось никакого научного спора или хотя бы полемического диалога. Хотелось бы думать, что это связано исключительно с медлительностью издательской машины, так как настоящий труд, раскрывающий глобальные темы развития исторического знания и исторического сознания, заслуживает самого пристального внимания. Книга не оставляет читателя пассивным, она увлекает, дарит радость интеллектуальных открытий и будит мысль. Даже занимаясь сюжетами, далекими от сферы научных интересов Л.П. Репиной сюжетами, читатель оказывается захвачен идеями автора, безупречной логикой, исследовательской деликатностью и вместе с тем смелостью.

Настоящее эссе родилось из чувства глубокой признательности автору за созданную возможность пережить захватывающий интеллектуальный опыт и из желания поделиться теми соображениями, которые пробудились при соприкосновении с «Исторической наукой...», так как некоторые важные, на мой взгляд, моменты не заинтересовали автора в должной мере, что не удивительно, учитывая огромный объем обработанной информации. Тем не менее, обойтись без осмысления этих моментов, о которых речь пойдет дальше, сегодня невозможно, ибо это может привести к обеднению, а затем и искажению перспективы.

Трудно переоценить значение труда, на первый взгляд обращенного к трактовке проблем и сюжетов, со многими из которых профессиональное сообщество именно благодаря Л.П. Репиной впервые познакомилось и получало исчерпывающую аналитическую информацию³. Можно возразить, что ряд сделанных в книге важнейших выводов уже известны и разделяются большинством, или что некоторая часть высказанных со-

---

ошибочному заключению, будто бы труд Л.П. Репиной «показал слабое место в позициях российской исторической науки» и «наше отставание в области теории». (Володихин. 2012). Справедливости ради следует заметить, что Л.П. Репина уделяет значительное внимание достижениям отечественных ученых и демонстрирует не только их весомый вклад в мировую историческую науку и общий потенциал российской гуманитарной науки, но и вовсе не раскладывает сферу познания по национальному признаку. Более того, именно в теоретических разработках соотечественников (Грановский, Карсавин, Барг) Л.П. Репина находит важнейшие идеи, касающиеся столь актуальных сегодня тем глобальной истории, уникального и индивидуального в истории, исторического сознания и др. См. также: *Лантвеа. 2012; Селунская, 2012.*

³ Достаточно вспомнить: *Репина. 1998; 2010; 1999; 2003.* Многочисленные публикации в основанных Л.П. Репиной периодических изданиях: «Диалог со временем: альманах интеллектуальной истории», «Адам и Ева»; в сборниках, ставших итогом организованных ею научных проектов: *Образы прошлого и коллективная идентичность...; Междисциплинарный синтез в истории...; Новый образ исторической науки...; Междисциплинарные подходы...; История и память...; Диалоги со временем...; Образы времени...; Историческая наука сегодня...*

ображений в той или иной форме появлялась на страницах исторических сочинений (если хорошенько поискать, то многое из того, над чем мы сегодня задумываемся, найдется в книгах еще столетней давности, а то и раньше⁴), но очевидно, что и тогда, и сегодня они оказались недостаточно оцененными. Многие не были услышаны, другие не готовы были принять практически, иное вовсе прошло незамеченным. Принципиально важно было представить единым комплексом, под одной обложкой, массивный и в высшей степени разнообразный материал. Это способствовало не только созданию объемной картины современного гуманитарного (не ограничиваясь историческим) знания, но и наглядно продемонстрировало взаимосвязанность и взаимное влияние когнитивных практик самого разного порядка в едином познавательном поле человечества.

Непреренно следует взглянуть на очерченную в книге картину в комплексе ее деталей, проработанного основного рисунка и едва намеченных, интуитивно отображенных линий. Знакомство со всем корпусом исследования необходимо, если читатель стремится к объемному и живому представлению об историографическом процессе, хотя можно и стоит спорить о том, как автор его видит.

Книга предоставляет наглядное доказательство контекстуальной детерминированности и обусловленности исторической науки общими тенденциями развития всей интеллектуальной сферы. Переходя от одной исторической дисциплины к другой, подробно и внимательно изучая происходящие в ней изменения и основные направления в ее развитии, автор подводит к идее бесконечного многообразия и плюрализма в рамках актуального своеобразия интеллектуальной и, шире, социокультурной ситуации. Обнаруживается, что и локальная, и глобальная (со всеми промежуточными вариантами) история, и микро-, и макроистория, и персональная, и гендерная история, и интеллектуальная история и исследования межкультурных контактов подчиняются «вызовам» настоящего и в своем стремлении к обновлению проявляют типические именно для нашего времени стратегии. Изучение этих стратегий выявляет удивительную согласованность, казалось бы разрозненных усилий, позволяет определить признаки обновления на материале разных исторических дисциплин или направлений. Возможно ли за многообразием различить некий общий вектор движения?

Достаточно взглянуть на сухой список выделенных в Заключение к книге новых актуальных черт исторической науки, чтобы почувство-

---

⁴ Кстати, наследие классиков привлекает пристальное внимание Л.П. Репиной и интерпретируется в очень тонкой, бережной и одновременно актуальной манере.

вать масштабность созданного автором полотна и тех процессов, участниками и свидетелями которых мы являемся. Л.П. Репина обращает внимание на то, что «последние десятилетия XX и начало XXI века ознаменовались глубокими изменениями в структуре и содержании социального и гуманитарного знания, в самой методологии социально-гуманитарных наук» (С. 547). Автор видит проявление этих изменений в целом спектре новых для исторической науки характеристик.

Во-первых, речь идет об «отходе от бинарного мышления с его противопоставлением макро- и микроистории, структур и событий, рационального и иррационального» (С. 547, а также 324). Это положение дополняется развернутым обоснованием как присутствия в современной профессиональной истории осознанной потребности в генерализирующих и теоретических трудах (С. 148-149), так и в выходе на первый план изучения индивидуального, уникального, случайного (С. 555).

В сущности, впервые в отечественной исторической науке о необходимости видеть историю как всечеловеческий, всеобщий процесс через призму изучения индивидуума, всегда уникального человека, писал в начале прошлого века Л.П. Карсавин. Однако его идеи остались тогда идеями, которые к тому же разделяло и понимало меньшинство, а воплощать не был готов никто. Сегодня потребность во всемирной, глобальной, мировой истории способна легко сочетаться в интеллектуальном профессиональном пространстве с интересом к отдельному казусу, удивительной личности, неповторимому явлению, индивидуально-типическому; а ориентация большинства историков на изучение «конкретного прошлого» не отрицает необходимости методологических и сугубо теоретических работ. Такой поворот, «отказ от бинарного мышления», свидетельствует о процессе формирования принципиально нового сознания, готового ставить на порядок более сложные задачи и, если не решать их, то, по крайней мере, видеть их, различить в толще гуманитарного знания и в дымке прошлого. Перед нами – очевидное усложнение исторического сознания.

Другим характерным признаком современной исторической науки, по мнению Л.П. Репиной, является стремительное расширение «территории историка» (С. 547) под которым понимается «обновление методологической базы, существенное расширение проблематики и образование новых предметных полей» (С. 62, а также 337, 391, 503, 505 и др.). В непосредственной связи с этим процессом состоят «непрерывное формирование новых наддисциплинарных областей» (С. 553) и «количественный рост исторической продукции» (С. 547).

Ломка прежних представлений о дисциплинарных границах и выход к совершенно новым и немислимым для классической и модерной историографии сюжетам – будь то в предмете исследования, методологическом инструментарии или в интерпретационных моделях – которая, как казалось поначалу, грозила смертельной опасностью фундаментальной истории (С. 547), сегодня может быть осмыслена как закономерное стремление изменяющегося мышления пробовать на прочность старые формы, искать новые пути. И не потому, что старые – плохи, а потому, что идет научение думать по-другому. Воспринимающий аппарат, усложняясь, иначе производит интериоризацию информации, всякой, в том числе и о прошлом, и она предстает в бесконечной многомерности, внутренней взаимосвязанности уровней и форм, в отчетливой зависимости от воспринимающего сознания, которое не в меньшей степени подвергается рефлексии.

Не удивительно, что сегодня возникают «новые предметные области, по самой своей сути *над-дисциплинарные*» (С. 46).

В какой-то момент «территория историка» расширяется до предела, включая в сферу своих интересов и актуальность – в виде субъективного сознания самого историка как исследовательского предмета или объекта анализа. Эта экспансия, на событийно-практическом уровне ставшая результатом того вызова, который был брошен истории обществом, имела и «внутреннее измерение», подчинявшееся логике изменения исторического сознания в целом. Она отобразила огромный творческий и витальный потенциал науки (С. 550) и продемонстрировала в действии, следует добавить, социальную функциональность истории, о чем будет еще сказано немного позже.

За «отходом от бинарности» и за «расширением территории историка» в «Исторической науке...» следуют один за другим принципиальные для понимания нынешнего научного мышления «полицентризм современной историографии» (С. 552), «синтетический подход к познанию прошлого» (С. 551), «переход от каузального объяснения к контекстуальному» (С. 552, 225-226), трансдисциплинарность на качественно новом, синтезном, уровне (С. 552-553).

Полицентризм – точно и тонко найденный термин, описывающий «не n-мерную» ситуацию в фундаментальной науке: не авторитарную, не бинарную, не трехчленную, не четырехмерную... – а бесконечно разнообразную и находящуюся во внутреннем равновесии систему познания. Стоит ли говорить, что именно изменение этого параметра в когнитивной парадигме обеспечивает системе на современном этапе высокий темп развития и является залогом интеллектуальной плодо-

творности и общественной востребованности; что полицентризм современной историографии в условиях беспрецедентного количественного роста исторической профессиональной корпорации впервые получает реальную возможность быть воплощенным как средство многомерного восприятия мира.

Не случайно рядом с идеей полицентризма стоит положение о децентрализации исторической перспективы (С. 186), которое представляется очень важным для понимания произошедших перемен. Еще в конце 90-х Л.П. Репиной приходилось его отстаивать: «сильно выраженная профессиональная потребность в постоянной смене и комбинации перспектив с целью достижения целостного и всестороннего представления о предмете познания вовсе не является следствием научной недоразвитости нашей дисциплины, она лишь отражает ее специфику»⁵.

Сегодня, в общем и целом, с этим утверждением вряд ли кто-то захочет спорить всерьез. Следовало бы только добавить что это – уникальное свойство исторической науки. Оно должно быть не просто принято как проявление дисциплинарной специфики, но осмыслено в качестве важнейшего, сопряженного с актуальными потребностями общества свойства. Именно оно и наделяет историю способностью отражать в наиболее адекватном виде изменения, происходящие в общественном сознании в самом широком смысле. Децентрализация исторической перспективы, разумеется, находится в прямой связи с уже указанными выше процессами и представляет собой еще одно проявление усложняющегося интеллектуального пространства.

Потребность в многомерном изучении прошлого ощущается историческим сообществом весьма отчетливо и проявляется в осознании синтетичности мира и прошлого, которая предполагает изучение различных процессов, явлений и личностей в их взаимосвязи, без превалирования какого бы то ни было из «ведущих» факторов (С. 41), и в динамическом развитии, учитывая все возможные переплетения, в том числе и производных от связей их связей.

На сегодня – это пока больше теория, смелая греза, осуществление которой потребовало бы от человечества создания громоздких коллективов, о чем совершенно справедливо упоминает Л.П. Репина. Однако отнюдь не случайно в синтетном векторе развития гуманитарной науки автор видит важнейшую характеристику перемен. Масштабность представленного в книге историографического материала свидетельствует о том, что мечта о моделировании синтетического прошлого обретает

---

⁵ Репина. 1999 (а). С. 285.

сегодня гораздо более осмысленные и конкретные черты, а главное, осознается как неизбежное и неперемнное условие дальнейшего развития знания. Одним из путей приближения к синтетическому знанию можно считать трансдисциплинарность, предполагающую «попытку определить исследовательскую проблему в целостности, с учетом всех ее сторон и, придав им общий фокус, направить соответствующие дисциплинарные перспективы, методы, концепции в русло разработки общего подхода (С. 28). Л.П. Репина подчеркивает, что трансдисциплинарный подход не заимствует (в отличие от междисциплинарного) теории и методы других наук для решения внутридисциплинарных проблем, а генерирует такую проблему исследования, которая не может быть сформулирована и решена в границах любой из сотрудничающих дисциплин (С. 29). Со своей стороны хотелось бы подчеркнуть, что изменение интеллектуальных стратегий сегодня предполагает не только усложнение, расширение, многообразие познавательных форм, но и способность индивидуальных сознаний к совместному творчеству.

Открытие контекстуального подхода гуманитарной наукой, «широкое распространение понимания исторического контекста как ситуации, задающей не только социальные условия любой деятельности, но также конкретные вызовы и проблемы, которые требуют разрешения в рамках этой деятельности» (С. 552), и наметившийся в последнее время «переход от каузального объяснения к контекстуальному» также радикально изменили облик историографии, по существу определив зарождение совершенно новой по уровню осмысления методологии.

Конечно, о принципе историзма и высокой роли исторического контекста хорошо знали и раньше. Однако никогда еще этим вещам не придавалось столь глубокое значение, они не превращались в особый предмет научной рефлексии и не понимались так широко, многопланово и во взаимном влиянии составных элементов самой разнообразной природы. Рассуждая о проблематизации традиционных подходов к текстам исторических источников, Л.П. Репина указывает на «необходимость их «раскодирования» путем комплексной реконструкции социального, политического, духовного, интеллектуального и других контекстов, в которых они возникли, существовали, прочитывались и осмыслялись. По сути, такая полномасштабная реконструкция выходит далеко за рамки источниковедческого анализа и представляет собой собственно социокультурную историю» (С. 272-273). В данной исследовательской процедуре можно видеть и усложнение источниковедения, и гораздо более высокую степень сопряжения источниковедения с

исследовательской проблемой. Не менее интересно взглянуть на этот процесс еще шире – как на усложнение стратегий верификации знания.

Всякий раз, обращаясь к анализу различных исторических дисциплин или направлений (интеллектуальная история, историческая память, персональная история, социокультурная история, локальная история, микроистория) Л.П. Репина убедительно показывает, как и почему шло усложнение исследовательского поля, как менялись, переосмыслились и множились предметы исследований в рамках одного направления и чаще всего в результате учета достижений других направлений и дисциплин, что позволяет читателю, соприкоснувшись с живым материалом, почувствовать ту самую многомерность исторического интеллектуального пространства, которому свойственны полицентризм и тяга к синтезу, интердисциплинарности и новому уровню верификации знания.

Все это, по справедливому замечанию исследовательницы, свидетельствует об «изменении в качественных характеристиках современного исторического знания» (С. 547-548). Хотелось бы специально подчеркнуть, что в то же время перед нами постепенное, но радикальное изменение и всего интеллектуального контекста. Меняются не только когнитивные парадигмы и инструментарий, но весь облик исторической науки и ее восприятие в системе научного знания. Собственно, именно это и подразумевается, когда автор пишет о «сдвигах в области исторической эпистемологии», которые неразрывно сопряжены с изменившимся в научных интерпретациях восприятием времени, поскольку сегодня постепенно происходит отход «от линейных схем классических модернизационных теорий» (во всяком случае, он уже в полной мере свойственен современной глобальной истории) (С. 549, а также 161, 306) и с оформлением «нового представления об истории человечества в ее целостности и взаимосвязанности» (С. 548, подробнее в главах 4-6), о «когерентности мирового исторического процесса» (С. 549).

Л.П. Репина указывает: «освященный вековой интеллектуальной традицией идеал исторической когерентности в виде всеобъемлющего «гранд-нарратива» потерял свою актуальность для современной исторической науки, уступив теоретической модели многоуровневой динамики» (С. 161-162)⁶.

Происходящие в области познания перемены не могли не сказаться на восприятии науки и привели, по точному замечанию Л.П. Репиной, к открытию «историчности самого понятия науки» и к сосущество-

---

⁶ Тема динамизма в современной науке поднимается в книге не раз. См., напр., С. 438, где динамика выступает одним из фундаментальных принципов историзма.

ванию в современном интеллектуальном пространстве различных концепций научности: «вообще существенно переосмысляются критерии того вида человеческой деятельности, который называется наукой...» (С. 555). В этом – проявление только наметившегося движения к поиску новых форм науки, которые бы соответствовали не сугубо рационалистическому запросу, время которого явно подходит к концу, но отвечали бы современной потребности познания действительности во всей ее многомерности. Чем больше это движение совершается, тем более становится понятно особое положение и роль исторической науки.

Л.П. Репина в своей книге подчеркивает: «историческая наука, по сравнению с другими социально-гуманитарными науками, выступает как наука интегральная: она имеет дело в комплексе со всеми явлениями, которые изучаются этими науками порознь» (С. 555). Идея истории–матери всех наук, изучающей все, что угодно, лишь бы оно было покрыто патиной времени, высказывалась историками разных поколений. Но только сегодня заявка на интегральность выглядит убедительной, а на страницах «Исторической науки...» появляется как органическое следствие всего предыдущего развития науки и принципиальных перемен, происходящих в сфере гуманитарного знания. Надежды автора на то, что «обозначившийся на заре нового тысячелетия парадигмальный сдвиг способен вернуть истории веками принадлежавшее ей центральное место в культуре любой эпохи» (С. 17) по прочтении всей книги не выглядят странными и беспочвенными. Напротив, весь материал «Исторической науки...» говорит в их пользу.

В связи с этим представляется в высшей степени верным, что книга Л.П. Репиной наполнена не только аналитическим материалом, раскрывающим особенности актуального развития исторической науки, но и социальным контекстом современности с широкими выходами на общественную функцию истории как науки о прошлом⁷, на вопрос о роли этических профессиональных требований (С. 556)⁸.

Совершенно справедливо, что нынешняя историческая наука, то, как она видит свои задачи, совмещая разные планы, предмет и средства исследования, перекраивая и надстраивая дисциплинарные поля, или вдруг отказываясь от каких бы то ни было пространственных и временных границ, различая прямые и обратные связи, признавая множественность познавательных ориентиров и расширяя круг интерпретаций –

---

⁷ Гл. 11. «Связь времен: мост из прошлого в будущее» и др.

⁸ Интересен в этой связи и представленный в главе 5 материал о творчестве Т.Н. Грановского.

заявляет об усложнении структуры знания⁹. Однако только ли об этом могут сказать нам происходящие перемены? В чем собственно состоит новое качество знания или хотя бы в чем оно проявляется?

По всей вероятности, речь идет о постепенном вызревании таких новых интеллектуальных стратегий, которые требуют сознания иного уровня. Не случайно центральным предметом познания в философии XX века было человеческое сознание, а на рубеже тысячелетий историческая наука встала перед необходимостью осмысления двух реальностей – «объективной реальности природы и общества и, так называемой, субъективной реальности, складывающейся из совокупности социокультурных представлений» – в фокусе человеческого сознания (С. 44, 66). Закономерен и интерес к проблемам исторического сознания, родившийся еще в прошлом столетии, но приобретший особое звучание в начале нынешнего XXI века.

В «Исторической науке...» этой теме посвящена отдельная глава (см. гл. 11). К сожалению, ее положения и выводы, практически не отражены в общем Заключение, что лишает скорого читателя возможности даже приблизительно представить себе уровень заданных и обсуждаемых здесь проблем. Между тем, эта глава – одна из самых интересных и значительных в книге, в том числе и потому, что «на рубеже XX-XXI вв. проблемы исторического сознания заняли центральное место в мировой историографии» (С. 480).

Произошло это во многом вместе с новым осмыслением человеческого сознания в целом: с открытием всеобщности исторического сознания. Так, если модернистская наука возлагала исключительно на историков роль профессиональных творцов и хранителей памяти, то в постмодернистской парадигме коллективная память сама стала выражением исторического сознания (С. 481-482). Постепенно было признано и доказано, что не только профессиональные историки обладают специфическим сознанием, находящимся в постоянной взаимной связи прошлого и текущего момента, но и все человечество.

Перед нами – замечательный феномен переосмысления самого явления социального сознания, которое в начале третьего тысячелетия понимается как историческое. Важно различить здесь детерминированность всякого человеческого сознания и социального сознания в целом в его когнитивной и рефлексивной деятельности временем. Изучение исторического сознания сегодня позволяет ставить вопрос об изменении наших представлений о его природе, говорить об открытии его много-

---

⁹ С. 41, 45-47, 62, 75, 80, 117, 301, 326, 331, 355, 366, 493 и др.

сложности и отходе от рационального восприятия истории в пользу ментального (С. 471). Рассматривая концепцию Й. Рюзена, Л.П. Репина высоко оценивает его теорию *культурных универсалий исторического сознания*, которая предполагает «выход за рамки свойственных профессиональной историографии рациональных процедур познания в пространство базовых ментальных операций воспоминания, интерпретации и репрезентации прошлого...» (С. 493).

Наработки, осуществленные в исследовательском пространстве исторической науки, которое отличается высокой гибкостью¹⁰, наличием эвристического принципа непрерывно менять уровни и масштабы (С. 117), учитывать многие перспективы и быть готовым к инаковому, в том числе и в области опредмеченной деятельности человеческого сознания другой эпохи, демонстрируют способность актуального сознания к структурным изменениям, и, что еще важнее, предвещают радикальные сдвиги, предстоящие всему обществу.

Благодаря указанным наработкам можно сегодня говорить о высочайшем потенциале незаменимой «лаборатории прошлого», единственной хранильницы опыта человечества, и исторической науки, создаваемой профессиональными историками.

В трактовке Л.П. Репиной произошедшие на рубеже столетий один за другим эпистемологические «повороты» («культурный», «прагматический», «мемориальный», «визуальный», «пространственный» и другие) открыли перед исторической наукой новые перспективы (С. 557) и сделали возможным гораздо более оптимистический взгляд на будущее гуманитарной науки, чем столь привычные безотрадные констатации ее кризиса. Да и к самому кризису стали относиться иначе, вкладывая в это понятие не только негативное содержание.

Кроме того, обнаружилось, что последние десятилетия были временем постоянных поисков, в том числе и обновленной, преобразованной теоретической базы, и активного самопознания исторической науки, что уже на рубеже 1980-1990-х годов сделало возможной «задачу реконструкции ее нового целостного образа» (С. 48).

Л.П. Репина склонна определять актуальные процессы, протекающие в исторической науке, «как историографическую революцию» (С. 558)¹¹. Автор заключает: «новые явления в историографии послед-

---

¹⁰ Как замечает А. Про, даже понятия, заимствованные историей из других дисциплин, «претерпевают кардинальные изменения: они становятся более гибкими, теряют свою строгость и перестают употребляться в своем абсолютном значении». (Про. 2000. С. 140-141). Цит. по: Репина. 2011. С. 37-38.

¹¹ Здесь в выборе термина автор следует за Б.Г. Могильницким.

него десятилетия показывают, что пришло время “собирать камни” – дисциплинарная матрица обнаружила способность к восстановлению, и история сохраняет свое уникальное место в пространстве наук о человеке» (С. 550). Автор книги оценивает нынешнюю ситуацию в сфере фундаментального познания как «радикальную перестройку», которая уже сегодня означает выход к новым горизонтам и сулит «наступление нового витка эпистемологической и методологической модернизации исторической науки» (С. 558-559). Поражает удивительная тонкость и гибкость этого вывода: при всем победном и общевитальном тоне лишь предчувствие нового витка, без которого немислим облик Клио.

Может быть, действительно, не стоит увлекаться революционной терминологией. Тем более что речь идет о процессах большой длительности: трансформация сознания, безусловно, относится к таковым. То, что сегодня постигается ограниченность познавательных стратегий прошлого и прозреваются горизонты грядущего, не означает уже теперешнего достижения новой структуры сознания, о которой так очевидно – в качестве перспективы, общего вектора – говорят открытия Л.П. Репиной.

Скорее следует признать долгий и структурный кризис, который будет переходить из одной фазы в другую, подвигая человека ко все более полному и глубокому освоению возможностей сознания – с его способностью к восприятию синтетическому, динамическому, многоуровневому. Настоящая наука находится, по всей вероятности, в самом начале длительного пути. В этом смысле весьма показательно, с какой убежденностью и свободой Лорина Петровна может написать: «история... будучи призвана соответствовать потребностям современного общества и отвечать на все новые и все более трудные вопросы... неизбежно оказывается обреченной на постоянное переписывание и вовлекается в процесс непрерывной трансформации эмпирической базы и предметного поля, смены ракурсов и методов изучения, ключевых понятий и оценочных критериев» (С. 393).

Обреченность исторической науки на постоянную тотальную трансформацию обычно оценивается как первородный грех, врожденный порок, перед которым бессильны лучшие врачеватели. Противопоставление принятому пессимизму и ощущению неполноценности истории как науки понимания заложенного в истории, внутреннего социального двигателя, в сущности и обеспечивающего развитие, – огромный вклад в современную научную мысль. Собственно упреки общества и самоукоры историков здесь неуместны, ибо история всего лишь «отвечает на все более новые и все более трудные вопросы», которые перед ней ставит социум. Именно в этом и заключается гарантия будущего развития.

Возвращаясь к вопросу о нашем близком будущем, замечу, что следует различать перспективы интеллектуального сознания и судьбы науки. Если наука на ближайшие десять лет, допустим, призвана осваивать открывшиеся сегодня перспективы и чувствует себя пережившей критические времена и вышедшей обновленной и преобразованной, как утверждает Л.П. Репина, то трансформация сознания очень далека от этого. Начавшийся несколько сот лет назад процесс формирования нового сознания, отличного от традиционного и призванного вывести человечество на принципиально иной уровень осмысления и восприятия мира и себя в нем, сейчас достиг отрочества, которое характеризуется активной, подчас болезненной саморефлексией и приобретением навыков самоконтроля¹².

Благодаря труду Л.П. Репиной сообщество профессиональных историков может с облегчением констатировать исчезновение иллюзии собственной уникальности. Современные концепции метаистории¹³, права каждого на прошлое, память и сотворчество, хотя и не получили пока всеобщего признания, но продемонстрировали не столько уязвимость позиции профессиональных историков, как это обычно воспринимается, сколько повышение осознанной потребности общества в прошлом. Увеличение роли социума и каждого его члена в восприятии, трансляции, осмыслении опыта прошлого сегодня отрефлектировано и имеет ряд последствий, которые раскрывались профессиональному сообществу не сразу. Первой реакцией на утрату собственной уникальности, что закономерно, стала потеря идентичности, что быстро привело к созданию «фантома ненужности» исторической науки. В этой ситуации, угрожавшей самой жизни истории как дисциплины (во многом благодаря «лингвистическому повороту» и метаистории) историки открыли укорененность в прошлом каждого человека и общества в целом. Действительно, историки профессионалы в той же степени являются частью общества и эпохи, что все прочие его члены, и, соответственно, свойственное им, свойственно в той или иной мере всем (этот элементарный факт обычно подается в обратной связи).

---

¹² Идеи о способности науки смотреть на себя со стороны, о необходимости историкам осуществлять контроль над собственной творческой деятельностью высказываются сегодня в связи с дискуссиями о субъективности (С. 47, 121).

¹³ Понимается в современной историко-теоретической науке не как надмирный уровень человеческой истории, слитой с трансцендентными силами и провиденциальным смыслом, а как продукт и среда деятельности социально-культурного, а значит, в актуальной трактовке, и исторического сознания общества – всей совокупности индивидов, а не только профессиональной интеллектуальной группы.

Более или менее абстрактные, умозрительные рассуждения о связи прошлое–настоящее–будущее, в достаточном количестве присутствовавшие и в классической, и в современной историографии, теперь превратились в специальный предмет интереса, подверглись всестороннему осмыслению и обоснованию. Никогда еще человечество не получало в столь массовом и убедительном формате идею своей связанности с прошлым, как сегодня. Вместе с тем, по сути, автоматически была поставлена и тема постоянного пребывания человека и человечества в потоке времени, и обозначилась роль человека как медиатора темпоральных смыслов. В этом контексте трудно не заметить логически вытекающее повышение общественного значения исторической науки. Ведь «важнейшая функция исторической науки состоит в воздействии на общественное сознание, на представления людей об окружающем мире и об обществе, в котором они живут, а также о своем далеком и недавнем прошлом» (С. 23). В конечном счете, только историки обладают инструментарием, позволяющим обществу «читать» собственное отражение на поверхности времени. То, чем попрекали историков, обвиняя в субъективности, ограниченности личным нарративом, затем в социальной и культурной детерминированности, наконец, в присвоении памяти¹⁴, при пристальном рассмотрении оказалось в полной мере присуще всему человечеству. – Открытие, которое сегодня настолько не вызывает удивления, что его почти не замечают. Вернее, оставляют без внимания важные, вытекающие из него последствия.

Во-первых, хотя все это хорошо известно и давно отлито в метафору зеркала – де, история, сотворяемая в том числе и историками, отражает состояние общества (см., напр.: С. 278)¹⁵, – обычно в ней видят «палочку-выручалочку», снабжающую общество объяснительными интерпретациями и рецептами светлого будущего. Однако прагматизм и потребительский инстинкт современного социума мешает ему различить правду: история по-прежнему учит, воспитывает, объясняет, структурирует идентичность, даже предсказывает, но не там, где привычно все это искать. Не в событийно-предметном континууме, и не в узко-социальном пространстве, как от нее ожидают.

Актуальная история действует в реальности сознания. Она обучает человеческое сознание, воспитывает его, объясняет его, через него фор-

---

¹⁴ Л.П. Репина пишет о необходимости восстановления индивида в его праве и на коллективную, и на историческую память (С. 481).

¹⁵ Л.П. Репина уточняет, что метафора «зеркала» верна только в том смысле, что общество смотрится в него с целью самоидентификации, а не в поиске ауθεν-тичного отражения (С. 453-454).

мирует идентичность, являя основные направления развития сознания человечества, открывает доселе неведомые перспективы и различает далекие горизонты трансформации сознания.

Во-вторых, оказывается, что историки не только реконструированием конкретно-исторического прошлого отражают состояние настоящего. Более того, они не только проявляют его характерные черты и вектор развития через выбор предмета, методов, исследовательского инструментария. Самим способом мышления, уровнем собственного сознания, видом когнитивных стратегий и особенностями осмысления миропорядка историки бесконечно много важного рассказывают обществу о его движении в темпоральном потоке.

Отсюда, в-третьих, следует не просто восстановление позиций фундаментальной науки истории, но приобретение ею беспрецедентного значения. Совершенно верно утверждение Л.П. Репиной: «место “истории как строгой науки” в этом познавательном пространстве, действительно, становится значимым, как никогда прежде», ибо всякое знание исторично и познается историческим сознанием, т.е. сознанием, опирающимся на социальный и культурный опыт прошлого и существующий только в его контексте (С. 60, и в целом гл. 11. С. 451-502).

* * *

Осознание историками и теоретиками исторической науки – при разной исследовательской перспективе – насущной необходимости новой генерализирующей теории, о чем не раз упоминает в своей книге Л.П. Репина, есть, по всей вероятности, знак перелома, нового этапа в истории мысли и общества. Не обязательно в нем видеть выход из кризиса. Скорее – обещание далекого горизонта.

Те, кто на рубеже тысячелетий принял боль перемен и груз ответственности, преодолев страх и обретя бесстрашие, прозревает сегодня в темных глубинах кризиса, пугающего зыбкостью, относительностью и взаимосвязанностью всего и вся, многообразием и синтетичностью – прежде всего в сфере человеческого сознания. Однако деятельность этих тружеников и мыслителей зачастую кажется современникам-профессионалам само собой разумеющейся константой интеллектуального пейзажа, а все прочие современники, несмотря на то, что «нет нужды доказывать роль интеллектуального труда в развитии человеческой цивилизации» (С. 366), до сих пор в ней сомневаются.

«Историческая наука...» Лорины Петровны Репиной – это гимн интеллектуальному творчеству, с его неутомимым поиском истины и торжеством жизни.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Володихин Д.М.* Рец. на кн.: Л.П. Репина. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: «Круг». 2011 // Новая и новейшая история. 2012. № 2. С. 199–201.
- Диалоги со временем: память о прошлом в контексте истории / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2008. 800 с.
- Историческая наука сегодня: проблемы, методы, перспективы / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Изд-во ЛКИ, 2011. 608 с.
- История и память: историческая культура Европы до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2006. 768 с.
- Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований / Под ред. Б.Г. Могильницкого, И.Ю. Николаевой, Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2004. 169 с.
- Междисциплинарные подходы к изучению прошлого: до и после «постмодерна» / Отв. ред. Л.П. Репина. М., 2005.
- Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. 288 с.
- Образы времени и исторические представления: Россия – Восток – Запад / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2010. 960 с.
- Образы прошлого и коллективная идентичность в Европе до начала Нового времени / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Кругъ, 2003. 408 с.
- Лантеева М.П.* Раздумья на полпути. О книге Л.П. Репиной // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. / Под ред. О.В. Воробьевой, З.А. Чеканцевой. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 391–400.
- Про А.* Двенадцать уроков по истории. М.: РГГУ, 2000. 336 с.
- Репина Л.П.* Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
- Репина Л.П.* Новая историческая наука» и социальная история. М.: ИВИ РАН, 1998. 320 с.
- Репина Л.П.* Новая историческая наука» и социальная история. 2 изд., испр. и доп. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 320 с.
- Репина Л.П.* Комбинация микро- и макроподхода в современной британской и американской историографии: несколько случаев и опыт их прочтения // Историк в поиске. М.: ИВИ РАН, 1999. С. 31–63.
- Репина Л.П.* О пределах плюрализма и преимуществах прагматизма // Историк в поиске. М.: ИВИ РАН, 1999 (а). С. 284–285.
- Репина Л.П.* Проблемное поле и когнитивный потенциал современного историографического исследования // Историк в поиске новых смыслов. Казань, 2003. С. 37–45.
- Селунская Н. Б.* Образ истории и личность историка (по поводу книги Л.П. Репиной «Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика») // Историческое познание и историографическая ситуация на рубеже XX–XXI вв. С. 375–390.

Варьяш Ирина Игоревна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории средних веков Исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; *variashi@gmail.com*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

В. В. ГУРИН

МОРАЛЬНАЯ ДЕГРАДАЦИЯ ИМПЕРИИ ГЛАЗАМИ ТАЦИТА О ГРАЖДАНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ РИМСКОГО ИСТОРИКА

Автор поднимает вопрос о гражданской совести и активной жизненной позиции римского историка Корнелия Тацита. Выдвигается гипотеза относительно природы сохранения данной ценностной ориентации в трудах историка и причин «отказа» от занятий историей.

Ключевые слова: история, античность, Тацит, гражданская совесть, кризис идентичности, активная социальная позиция.

Сегодня как никогда значимой является забытая, некогда хорошо артикулируемая в отечественной историографии XIX века, тема гражданской совести историка. Будучи актуальной всегда, данная проблема особенно обостряется в кризисные периоды, когда людьми овладевает апатия, и они мало осознают, что являются частью одной этнической общности, с общим языком, культурой, прошлым и будущим. Именно в такое время жил великий римский историк Корнелий Тацит.

На сегодняшний день написано немало работ, прямо или косвенно посвященных историку Тациту и его трудам, но, как правило, исследователи упускают из виду Тацита как человека и гражданина, хотя, именно гражданская совесть Тацита побудила его к занятиям историей¹.

Труды Корнелия Тацита не были востребованы его потомками. Трудный автор, он не считался классическим и не изучался в римской школе². К текстам Тацита обращались лишь некоторые ученые и историки, наиболее выдающийся из которых – Аммиан Марцеллин – жил почти три столетия спустя. «Презрев более близких по времени историков», он начинает свой труд с того времени, на котором окончил свое повествование Корнелий Тацит, что само по себе не случайно.

Тацит понимал, что рассчитывать на громкую славу своих предшественников ему не придется: «Я понимаю, что многое из того, о чем я сообщил и сообщаю, представляется, возможно, слишком незначитель-

---

¹ Для психологии гражданина характерны непосредственные и неотчужденные связи в системе «община – гражданин», т.е. связи соучастия, в то время как подданного определяют связи системы «империя – подданный», т.е. связи подчинения. См. об этом: Культура древнего Рима. Т. 1. С. 22.

² Тронский. 1969. С. 240.

ным и недостойным упоминания; но пусть не сравнивают наши анналы с трудами писателей, излагавших деяния римского народа в былые дни. Они повествовали о величайших войнах и взятии городов, о разгроме и пленении царей, а если обращались к внутренним делам, то ничто не мешало им говорить обо всем, о чем бы они ни пожелали: о раздорах между консулами и трибунами, о земельных и хлебных законах, о борьбе плебса с оптиматами; а наш труд замкнут в тесных границах и поэтому неблагоприятен: нерушимый или едва колеблемый мир, горестные обстоятельства в Риме и принцепс, не помышлявший о расширении пределов империи» (Тац. Анн., IV, 32).

Выводы о «неблагодарности» ремесла историка в империи не могли не посещать и Аммиана Марцеллина, по свидетельству которого «в городах Римской Империи, за исключением Александрии, наука и философия преданы забвению, в Риме знать – о плебсе нечего и говорить – не читала ничего, кроме Ювенала и Мария Максима, «авторов, способных лишь пересказывать занимательные истории и придворные сплетни» (XXVIII, 4, 14), а «библиотеки навсегда заперты, как гробницы» (XIV, 6, 8). Видя всё это, Аммиан не мог рассчитывать на широкий читательский успех, на славу, к которой стремились многие историки»³.

Что же побудило его к занятиям историей? По мнению А.И. Немировского, труд Марцеллина пронизан обостренным чувством римского патриотизма⁴. Эти слова в полной мере можно отнести и к трудам Тацита. Как отмечал Г.С. Кнабе, Тацит мог бы стать величиной государственного масштаба, однако не стал, потому что выбрал другой *cursus* – «ровный, очень успешный, очень “высокий”, но лишенный того блеска и экстраординарности, которыми отмечен путь его коллег. Государственная деятельность была для Тацита формой реализации себя и безусловной жизненной ценностью, но не всего себя и не единственной ценностью»⁵. Г.С. Кнабе предельно емко охарактеризовал ценностные ориентиры Тацита: «Он был римским гражданином во втором или третьем поколении, сенатором в первом и, как для всякого неопита, Рим, его действительность, идеал и история обладали для него всеобъемлющим обаянием и неодолимой притягательной силой»⁶.

Тацит занялся историей потому, что верил в традиционную систему ценностей того, что некогда называлось *res publica Romana*, и что она может быть совместима с новой формой государственного правления –

---

³ Немировский. 1986. С. 268-269.

⁴ Там же.

⁵ Кнабе. 1981. С. 77.

⁶ Там же. С. 93.

принципатом, историческую закономерность которого он признавал. «Пока римляне жили скромно и неприметно, – писал он, – соблюдать равенство было нетрудно, но вот весь мир покорился нам, города и цари, соперничавшие с нами, были уничтожены, и для борьбы за власть открылся широкий простор». Историк поясняет историческую логику превращения республики в империю: «Вскоре вышедший из плебейских низов Гай Марий и кровожадный аристократ Луций Сулла оружием подавили свободу, заменив её самовластьем. Явившийся им на смену Гней Помпей был ничем не лучше их, только действовал более скрытно; и с этих пор борьба имела только одну цель – принципат» (Тац. Ист., II, 38). «Когда же враждующие группировки истощили друг друга во взаимной борьбе, Август принял под свою руку истомлённую гражданскими раздорами Республику»⁷ (Тац. Анн., I, 1).

Рассуждая об упадке красноречия (Тац. Диал.), своеобразного барометра общественно-политической жизни, Тацит впервые приходит к мысли (ее он будет развивать и в последующих произведениях), что свобода была той ценой, которую пришлось заплатить за мир внутри государства. Поскольку принципат – историческая необходимость, долг каждого достойного человека должен заключаться в служении ему на благо Рима. «Неся на себе тяжчайшее бремя попечения обо всем мире, принципс испытывает нужду в поддержке...» (Тац. Анн., XII, 5), и Тацит оказывает ему такую поддержку, продвигаясь не без помощи Веспасиана, Тита, а затем и Домициана по служебной лестнице, честно служа империи⁸, избегая прямой критики, хотя можно предположить, что действительность правления Домициана заставила его обостреннее прочувствовать деградацию власти. Известно, что глубокое, более проникновенное, понимание действительности, как правило, проистекает из страдательно-творческого переживания каких-то кризисных явлений личного порядка, преломляющих болезни времени. Казалось бы, сам Тацит не только напрямую не сталкивался с произволом императора, но напротив, получил в 81 или 82 г. должность квестора, в 88 г. стал претором, одновременно занимая пожизненную жреческую должность как член коллегии «пятнадцати мужей», заведовавший культами иноземного происхождения. И

---

⁷ *Вержбицкий*. 2008. С. 339-340.

⁸ «Если бы огромное тело государства могло устоять и сохранить равновесие без направляющей его руки единого правителя, я хотел бы быть достойным положить начало республиканскому правлению. Однако мы издавна уже вынуждены идти по другому пути: единственное, что я, старик, могу дать римскому народу, – это достойного преемника, и единственное, что можешь сделать для него ты, человек молодой, – это стать хорошим принципсом», – обращается Гальба к Пизону (Тац. Ист. I, 16).

вдруг неожиданно в 89 г. он вместе с женой покидает Рим, куда вернется лишь после смерти своего тестя Юлия Агриколы, известного военачальника. В «Жизнеописании Юлия Агриколы», написанном после смерти Домициана, содержится намек на причины, побудившие историка взяться за перо. Тацит упрекал императора в том, что тот справлял фиктивные победы над германцами и, завидуя военным успехам Агриколы в Британии, не поручал ему новых провинций (Тац. Агрик., 39-40). Но, как показали археологические исследования, победы Домициана не были мифом, да и завоевательные операции Агриколы не стоит преувеличивать. Вероятно, Агрикола претерпел немало упреков в чрезмерной уступчивости и угодничестве перед императором и, как и Тацит, стал мишенью для оппозиционных сенаторских деятелей⁹. Думается, что конфликт со знатью, находившейся в лагере оппозиции, крылся не в плоскости предъявляемых ему обвинений. При всем том, что большинство ее представителей, с деформированными условиями кризиса идентичностью, действительно пресмыкались перед императором¹⁰, Тацит сохранял тот *cursus*, который был результатом как государственной мудрости, так и гражданственности. Историки не раз отмечали, что его чувство ностальгии по утраченной чистоте и простоте нравов римлян приводило к идеализации германских порядков и служило средством критики римской пресыщенности и испорченности. Однако сохранять верность этой стезе в условиях набиравшего обороты авторитаризма и произвола становилось все сложнее. Поначалу этот дрейф власти историк связывал с личностью ее носителей. Об этом можем судить, сопоставляя, к примеру, такие пассажи из «Анналов». Поскольку, «после государственного переворота Римское государство управлялось не иначе, чем, если бы над ним стоял самодержец» (Тац. Анн., IV, 33), из всех государей со времен Августа Веспасиан был единственным, кто, получив власть, изменился к лучшему (Тац. Анн., I, 50). Поэтому, пережив время террора, Тацит встречает принципат Нервы и Траяна с облегчением. Однако не случайно похвалы последнему наличествуют только в более раннем тексте – в «Агриколе». Как отмечает И.М. Тронский, в «Германии» имя Траяна упоминается лишь однажды в специальном хронологическом контексте, исчезая из позднейших исторических произведений¹¹.

По-видимому, приходит если не понимание, то интуитивное ощущение того, что независимо от личности ее носителя императорская

⁹ Подробнее об этом см.: Тронский. 1969. С. 211-212.

¹⁰ См. об этом: Зорина. 2009. С. 144-148.

¹¹ Тронский. 1969. С. 210.

власть всегда несет произвол, от которого никто не застрахован. Попытки утвердить «гражданскую доблесть» практическим служением принципсам утрачивают для Тацита духовный смысл¹². Принципат принес римлянам долгожданный мир, но у этой медали была и обратная сторона: «Из динамичной история, как и жизнь народа, стала статичной, из исполненной перемен – стабильной. Линия, зигзагообразно, но неуклонно шедшая вверх, превратилась в горизонтальную прямую. В таких условиях коллективная деятельность людей, направленная на решение важных для всего коллектива задач, теряла для них, если не теоретически, то практически, значение и смысл, что неизбежно вело к преобладанию мелких личных целей и задач, к жизни, погруженной в рутину повседневности»¹³. Тацит отчетливо понимал, что «что-то происходило не так», что общество находилось в состоянии какого-то кризиса, однако сущность этого явления оставалась для него ясна не до конца. Видя, что римляне все дальше уходили от традиционной системы республиканских ценностей, Тацит пытался, морализируя, воздействовать на них, хотя и не мог не чувствовать тщетности своих усилий и неспособности что-либо изменить. Отсюда тот сильнейший драматизм, которым буквально дышат его последние сочинения, полные печали и отчаяния.

Глубокий кризис идентичности¹⁴, который так мужественно переживал этот «осколок римской старины», постепенно подходил к своему логическому завершению. Для Тацита становилось всё очевидней, что идеалы и ценности *res publica Romana*, которые волновали его самого до глубины души, безвозвратно уходят в прошлое вслед за создавшей их республикой, общество становится другим и они теперь не нужны. В занятиях историей для Тацита больше не было смысла. Он оставил их незадолго до своей смерти¹⁵, которая последовала, предположительно, в первые годы правления Адриана.

Сегодня мы обращаемся к трудам Тацита, имея возможность увидеть то, что ускользало от внимания исследователей еще относительно недавно. За два с лишним десятилетия, которые отделяют нас от времени падения Советского Союза, многое стало восприниматься иначе. Для историков тема гражданской совести приобретает особенно острую актуальность. В эпоху стремительной глобализации, которая бросает вызов любой общественной самоидентификации, национальная история

---

¹² Кнабе. 1981. С. 185.

¹³ Культура древнего Рима. Т. 1. С. 56.

¹⁴ Об этом впервые заговорил Э.Д. Гримм. См. Гримм. 1901. С. 305, 308.

¹⁵ Предположение, что Тацит намеренно не завершил «Анналы», убедительно высказал Г.С. Кнабе (1981. С. 168-169).

становится просто неудобной¹⁶. Кроме того, серьезной проблемой является непонимание и даже неприятие истории в массовом сознании. Все чаще становятся слышны голоса тех, кто настаивает на выходе из существующей альтернативы развития профессии примерно в таком алгоритме: либо историки так и останутся «...кастой знатоков, отгороженной от «непонимающего» её мира башней из слоновой кости»¹⁷, что, в конечном счете, приведет к её фиаско, либо, наконец, вспомнят о том, на чем не раз делали акцент представители французской школы «Анналов», а именно: о необходимости для историка занятия активной социальной позиции. Вспомним замечательные слова Люсьена Февра о другом основателе этой знаменитой школы, о Марке Блоке: «Он был великим историком не потому, что накопил большое количество выписок и написал кое-какие научные исследования, а потому, что всегда вносил в свою работу ощущение жизни, которым не пренебрегает ни один подлинный историк». «Это ощущение жизни стало родовой чертой всей школы «Анналов», обусловив её активную социальную позицию»¹⁸. Только активно вмешиваясь в жизнь, сегодняшний историк сможет отстоять право своей науки на *достойное* будущее.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бойцов М.А.* Выживет ли Клио при глобализации?// Общественные науки и современность. 2006. №1. С. 91-108.
- Вержбицкий К.В.* Политические взгляды Тацита // История. Мир прошлого в современном освещении. 2008.
- Гримм Э.Д.* Исследования по истории развития римской императорской власти. Т. 2. СПб., 1901.
- Зорина Н.С.* Взрослое детство императора Нерона (структура идентичности будущего тирана) // Вестник ТГУ. Томск, 2009. № 323. С. 144-148.
- Культура древнего Рима. Т. 1-2. М.: Наука, 1985.
- Кнабе Г.С.* Корнелий Тацит. М., 1981.
- Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. II: Становление «новой исторической науки». Томск: Изд-во Томск. ун-та, 2003.
- Могильницкий Б.Г., Николаева И.Ю.* Новейшие метаморфозы образа прошлого и гражданская ответственность ученого: об идентичности историка XXI века / Новые подходы к изучению всемирной истории. К 40-летию ИВИ РАН. 2011.
- Немировский А.И.* Рождение Клио: У истоков исторической мысли. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1986. 355 с.
- Тронский И.М.* Корнелий Тацит // Тацит. Соч. в 2 тт. Л.: Наука, 1969. Т. II. С. 203-248.
- Гурин Виктор Владимирович**, студент кафедры всеобщей истории Томского государственного педагогического университета; vitya_g@mail.ru

¹⁶ Более подробно об этом см.: *Бойцов*. 2006.

¹⁷ *Могильницкий, Николаева*. 2011. С. 11.

¹⁸ *Могильницкий*. 2003. С. 7.

Д. В. КИРЮХИН

«ИСТОРИЯ ЖИЗНИ И ДОСТИЖЕНИЙ ГЕНРИХА VII» БЕРНАРА АНДРЕ КАК ПРИМЕР ПОЛИТИЗИРОВАННОЙ ИСТОРИИ

В статье рассматривается эпоха ранних Тюдоров и пропаганда новой королевской династии. Автор анализирует возникновение жанра политизированной истории и литературы. Особое внимание уделено личности историка на службе у государства.

Ключевые слова: эпоха ранних Тюдоров, придворная история, политический заказ.

Когда английский король Генрих VII Тюдор въехал в Лондон 27 августа 1485¹ года, слепой францисканский монах из Тулузы по имени Бернар Андре продекламировал ему оду на латыни, сочиненную по случаю его прибытия. Вскоре король назначил Андре своим придворным поэтом (должность, которую тот сохранил и во время правления его сына Генриха VIII), преимущественно из-за этого он не забыт до сих пор и изучается современными английскими исследователями². Подарив ему эту должность и окружая себя также другими неолатинскими придворными поэтами, Генрих VII заявлял миру, что таким образом он будет править как ренессансный монарх³.

Сообщая о своей биографии⁴, Андре дает нам описания и других неолатинских поэтов двора Генриха VII. Все они прибыли из Италии: это были Джованни Гигли, Пьетро Кармелиано и Корнелио Вителли⁵. Гигли, получивший образование в Оксфорде, папский дипломат и епископ Вустерский, писал латинскую поэзию, включая эпиталаму на свадьбу Генриха VII, эпиграммы на рождение его сына принца Артура и стихи, посвященные королевскому министру Ричарду Фоксу. Кармелиано прибыл в период правления Эдуарда IV и около 1490 г. был назначен латинским секретарем Генриха VII (в начале 1511 г. его сменил на этой должности другой поэт-итальянец Андреа Аммонио⁶). Вителли же был первым, кто преподавал греческий язык в Оксфорде. Коллек-

---

¹ Дата въезда короля Генриха VII в Лондон подтверждается Лондонской Городской Хроникой (*London City Chronicle*. 1905. P. 193).

² *Carlson*. 1988. P. 279–304.

³ Согласно Гордону Киплингу, Генрих хотел украсить свой двор аналогично бурбургдскому стилю. См. подробнее *Kipling*. 1977. P. 150.

⁴ *André*. 2010.

⁵ *The Contending Kingdoms...* P. 54.

⁶ Его поэзия была издана Клеменцо Пицци (*Pizzi*. 1958. P. 103).

тивное влияние этих иностранцев было, по-видимому, значительным (большинство из них служили воспитателями и педагогами) и, несомненно, заслуживает дальнейшего изучения.

Андре как минимум получил два места при дворе: он был назначен одним из домашних учителей принца Артура в 1496 г.⁷, а также придворным историком (в заглавии «Истории жизни...» он называет себя королевским историографом)⁸. Четырьмя годами позже он ушел или был уволен с должности домашнего учителя и стал жить уединённой жизнью, возможно, в мужском монастыре. Вероятно, именно в качестве придворного историка он написал «Историю жизни...» и серию ежегодных исторических записей, сохранившихся лишь частично. Записи за 1504-1505 и 1507 гг. были напечатаны и отредактированы Джеймсом Гардинером под заголовком «Анналы Генриха VII (*Annales Henrici Septimi*)» в одном томе с «Историей жизни...» в 1858 г.⁹. Однако это издание недостаточно отвечало требованиям читателей XIX века: отсутствовал перевод на английский язык. Более того, Гардинер снабдил издание лишь легкой аннотацией и, хотя исправил некоторые из ошибок в рукописи «Истории жизни...», многие из них оставил без изменений, — как результат, в нескольких местах напечатанный текст на латыни оказался лишённым смысла. Возможно, он не до конца понимал, насколько плоха изначальная рукопись. Если рассмотреть все скопированные ошибки и множество пробелов, оставленных автором в надежде на более подробную информацию, невозможно избежать мысли о том, что переписчик или издатель испортили изначальный текст, — поэтому свидетельству о завершении «Истории жизни...» нельзя до конца верить, и необходимо более глубокое вмешательство редактора и исследователя.

«История жизни...» охватывает жизнь короля Генриха VII до подавления восстания Перкина Уорбека в 1499 г., и на этом месте повествование обрывается.

В начале посвящения книги Андре неоднократно заявляет, что «История жизни...» была написана в свободное время, как частная демонстрация, вид вступления или разминки для написания серьезного исторического труда. Какие недостатки или лакуны она бы не содержала, — а таких в ее тексте множество, — они осуждены самим автором как в посвящении, так и повсюду в тексте, оправданные рассуждениями о том, что, во-первых, это произведение скорее биография, нежели исто-

---

⁷ André. 2010.

⁸ «Historiographus Regius» (Ibid.).

⁹ André. 1858. P. 476.

рический труд, во-вторых, ее автор слеп, и, в-третьих, что он пишет далеко от двора и у него не хватает информаторов, дабы дополнить свое описание некоторыми деталями. Практически в каждом описываемом событии Андре заменяет негативную информацию о Генрихе VII либо множественными посвящениями королю, либо пропусками. При этом показательно, что он пишет об ожидании от Генриха VII указаний для того, чтобы его снабдили полной информацией, необходимой для завершения труда¹⁰. Это дает возможность предполагать, что «История жизни...» создавалась изначально как частное произведение или предварительная проба пера в историописании. Скорее всего, Андре имел свое понимание того, что король хотел бы увидеть по завершении.

Во вступлении к изданию 1858 года («Истории жизни...» и «Анналов») Джеймс Гардинер писал: «В этом вступлении Андре объявляет о своем желании показать королю как можно раньше некий литературный труд, более или менее зависящий от плодовитости его гения, таким образом, что он может быть принят как десятина и первые плоды его свободного времени. У нас есть еще два сочинения, написанные в последующие годы, одно в 1515 году, представленное Генриху VIII в начале 7 года его правления, и еще одно в 1521 году с пожеланиями процветания на 13 году правления»¹¹. Эти ежегодные краткие исторические сочинения состоят из детальных записей событий года, написанных в манере так называемых дневников герольдов. Они не имеют какой-либо литературной формы, и приоритет суждений, характерный для исторического труда, отсутствует. Таким образом, они могут содержать множество интересных и полезных самородков информации, но с трудом могут быть названы историческими сочинениями. В итоге они представляют собой сырой материал для исторического труда, который никогда так и не был написан¹². В предисловии этого издания «Истории жизни...» и «Анналов» Гардинер писал: «Труды Бернара Андре в этом томе, это, в первую очередь, “История жизни...”, охватывающая события до победы над Перкином Уорбеком и два меньших отрывка, дающих отчет о событиях 20 и 23 годов правления Генриха VII, которые, возможно являются частями продолжения “Истории жизни...”»¹³.

Таким образом, Гардинер первым предложил теорию о том, что «Анналы» начинаются с того момента, где заканчивается «История

---

¹⁰ *André*. 2010.

¹¹ *André*. 1858. P. 476.

¹² *Sutton*. 2010.

¹³ *André*. 1858. P. 476.

жизни...»¹⁴. Но изначальная рукопись «Истории жизни...» не так хорошо сохранилась, и ее внезапный конец может быть просто одним из ее многочисленных дефектов, что не дает нам окончательного свидетельства о том, какой труд Андре на самом деле написал, или какими были его первоначальные намерения. Если Андре и хотел остановиться там, где заканчивается повествование, – описанием Генриха VII, карающего последователей Перкина Уорбека¹⁵, – трудно представить, что у него не хватило бы литературной смекалки понять необходимость заключительного, подводящего итог параграфа, чтобы связать все части воедино. На самом деле, у нас нет ни одного достоверного свидетельства о том, какие события «История жизни...» охватывала или намеревалась охватить, и через какой период времени Андре начал написание «Анналов», поэтому впечатление о том, что между двумя трудами нет хронологического пересечения, может быть только оптической иллюзией, созданной лишь теми доказательствами, которыми мы располагаем.

Очевидно, что попытка Генриха VII сделать из поэта Бернара Андре историка не увенчалась успехом: Андре не написал ничего подходящего для печати, а король, вероятно, хотел видеть историческое сочинение, подходящее под формат печатной книги того времени. Возможно, в конечном счете, Генрих VII разочаровался в Андре и обратился к другому иностранцу, чтобы выполнить эту работу. Первая рукопись «Истории Англии»¹⁶ Полидора Вергилия была закончена в 1512-13 гг. и, несомненно, он должен был начать собирать материал намного раньше. Исследователь наследия Полидора Вергилия Д. Хей пишет, что его работа по сбору материала «скорее всего, началась в 1506-1507 гг.»¹⁷, но он мог начать работу даже раньше. В обращении к своему брату (датировано 1517 годом), которое начинается издание его книги «Об изобретателях вещей» (1521), Полидор пишет: «Затем я был послан папой Александром VI в Британию, сейчас называемую Англией, чтобы служить папским сборщиком налогов среди англичан. И чтобы не тратить мое свободное время попусту, по просьбе превосходнейшего короля Генриха VII я пишу о достижениях этих людей и привожу их в стиль истории»¹⁸. Трудно избежать мысли о том, что неудача Андре связана с тем, что Генриху VII была представлена уже готовая работа Полидора Вергилия.

---

¹⁴ Также Гардинер полагал, что Вступление было написано после того, как Андре закончил основную часть рукописи «Истории жизни...».

¹⁵ *André*. 2010.

¹⁶ *Vergil*. 2005.

¹⁷ *Hay*. P. 139.

¹⁸ *Sutton*. 2010.

Большой интерес в «Истории жизни...» и в стихах Андре, которые он часто приводит в ней, представляет вопрос о природе его отношений с Генрихом VII. Один из крупнейших исследователей придворной литературы эпохи ранних Тюдоров Д. Карлсон обозначает главную проблему этих отношений в заглавии своей работы «Политизированная литература двора Тюдоров: посольство Гагена и ответ гуманистов Генриха VII», в которой *политизированная* – главное слово, и делает краткий вывод: «Придворная литература, которая возникла с согласия двора в центре английской политики в конце XV века, имела своей главной целью не развлечение или даже наставление своим читателям, а гораздо большее: возведение политических целей и задач двора Тюдоров»¹⁹.

Андре, Гигли и другие гуманисты-иностранцы²⁰ были собраны Генрихом VII не для развлечений и забав. Они были призваны, скорее, в качестве пропагандистов династии Тюдоров²¹, и в случае Андре мы видим, что с самого начала своего правления Генрих VII создал один из основополагающих принципов этой пропаганды – служение литературы инструментом государства. Литература должна была создаваться, чтобы отмечать важнейшие события, праздновать победы и бранить врагов короля. Это относится и к «Истории жизни...». На ее страницах Бернар Андре много льстит Генриху VII (он едва ли может заставить себя написать имя короля без предшествующего ему прилагательного в превосходной степени) и представляет его в самом выгодном свете – как паладина добродетелей. Естественно, он не говорит ни слова о самой негативной стороне его правления: постоянном стремлении получать дополнительные денежные средства, на чем лорд Бэкон особенно останавливается в своей «Истории правления...»²² (хотя надо быть признать: причиной этому служило скорее рискованное положение королевства, нежели некий изъян характера Генриха VII). Но «История жизни...» Андре – не просто упражнение в придворной лести. Это и список главных тем пропаганды периода правления Генриха VII. Автор говорит о проис-

---

¹⁹ Carlson. 1988. P. 279.

²⁰ Единственным коренным англичанином из группы пропагандистов и неолатинских поэтов был только Джон Скелтон, домашний учитель будущего короля Генриха VIII. Его поэзия была издана Д.Р. Карлсоном (Carlson D.R. 1991. P. 1 – 125). Вопрос о том, можно ли отнести Скелтона к лагерю гуманистов, является спорным, но его возможности как поэта ограничиваются стихами гекзаметром и элегическими двухстишиями, когда более образованные иностранцы, такие как Андре и Аммонии были авторами сочинений во множестве стихотворных размеров.

²¹ Humanistic Eloquence... P. 68-85.

²² Бэкон. 1990. С. 324.

хождении ветви Тюдоров из старой Британской династии короля Кадваллона и его сына святого Кадваллдра. «История жизни...» – это и подлинная программа, и руководство для преданного трону англичанина в том, о чем он должен был думать и чувствовать по отношению к известнейшим личностям и событиям того времени. Это то, что Генрих VII и хотел видеть, это то, что Андре заботливо преподнес ему, поскольку осознавал это как свою неотъемлемую задачу королевского историка, и вот почему он был уверен, что король даст указания продолжить его труд вне зависимости от того, какой информации ему недоставало.

Генрих VII не только был обеспокоен политическим качеством литературы, у него также было вполне современное понимание огромной силы книгопечатания. Чтобы доказать это, нам даже не потребуется выйти за границы страниц «Истории жизни...». Так, Андре отмечает недавно напечатанные генеалогические древа королевской семьи²³, которые, без сомнения, подчеркивали древнее британское происхождение Тюдоров и самую известную из всех тем пропаганды династии — альянс Алой розы и Белой розы в браке Генриха с королевой Дома Йорков. В параграфе 78 также упоминается исповедь Перкина Уорбека²⁴, которую Генрих VII напечатал и распространил как в континентальной Европе²⁵, так и в Англии. Следовательно, можно предположить, что Генрих VII был очень расстроен, когда Андре не подготовил ничего, что бы подобным образом подходило для печати, и поэтому разочаровался в нем и обратился к Полидору Вергилию.

Подводя итог, можно отметить: какое бы литературное и историческое значение имели или не имели труды Андре²⁶, они очень важны для того, чтобы проследить корни Тюдоровской политизированной литературы и использование покровительства власти для создания тех сочинений, которые правительство желало видеть. Единственная деталь поздней тюдоровской машины пропаганды, которая пока отсутствовала, — это доступные кадры молодых университетских людей, у которых перспективы на службу и покровительство могли бы вызвать бурный поток необходимых для Двора работ.

---

²³ André. 2010.

²⁴ Ibid. Par. 78.

²⁵ Warbeck. 1913. P. 14-16.

²⁶ Литературные труды Бернара Андре не ограничивались только временем правления Генриха VII. Во время Генриха VIII он написал стихотворение о победах Англии в 1513 г. (*De inclita invitissimi regis nostri Henrici octavi in Gallos et Scotos Victoria*) и Христианские Гимны (*Hymni Christiani*) с хвалебными эпиграммами Эразма, Мора, Уильяма Лили, Андреа Аммонии и других.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бэкон Ф.* История правления короля Генриха VII. / Пер. с англ. В.Р. Рокитянского и др. (Памятники исторической мысли). М.: Наука, 1990. 328 с.
- André B.* Historia Regis Henrici Septimi a Bernardo Andrea Tholosate Conscripta, necnon Alia Quaedam ad Eundem Regem Spectantia. London: Gairdner J. 1858. 476 p.
- André B.* De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia // The University of California, Irvine [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/> (время доступа: 9.02.2012).
- Carlson D.R.* Politicizing Tudor Court Literature: Gaguin's Embassy and Henry VII's Humanists' Response // Studies in Philology 85, 1988. P. 279–304.
- Carlson D.R.* The Latin Writings of John Skelton // Studies in Philology 88, 1991. P. 1-125.
- Chronicles of London (1200–1516) / Ed. by C.L. Kingsford. Oxford: The Clarendon Press, 1905. 422 p.
- Hay D.* The Life of Polydore Vergil of Urbino // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes, 1949, vol. 12. P. 132-151.
- Humanistic Eloquence among the Barbarians in Fifteenth-Century England // Britannia Latina: Latin in the Culture of Great Britain from the Middle Ages to the Twentieth Century. London; Turin: Warburg Institute Colloquia 8, 2005. P. 68–85.
- Kipling G.* The Triumph of Honour: Burgundian Origins of the Elizabethan Renaissance. The Hague: Leiden University Press, 1977. 150 p.
- Pizzi C.* Andreae Ammonii carmina omnia; accedunt tres epistolae nondum editae. Florence: L.S. Olschki, 1958. 103 p.
- Sutton D.J.* Introduction // André Bernard. De Vita atque Gestis Henrici Septimi Historia // The University of California, Irvine. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/andreas/intro.html> (время доступа: 9.02.2012).
- The Contending Kingdoms: France and England 1420–1700 / Ed. by G. Richardson. Aldershot: Ashgate Pub Co, 2008. 210 p.
- Vergil P.* Anglica Historia. Latin text and English translation / Ed. and trans. by D.J. Sutton. Library of Humanistic Texts at the Philological Museum of University of Birmingham's Shakespeare Institute, 2005. [Электронный ресурс] – URL: <http://www.philological.bham.ac.uk/polverg/> (время доступа 9.02.2012).
- Warbeck P.* Confession // Bewsher F.W. The Reformation and the Renaissance (1485–1547). London: G. Bell and Sons, 1913. P. 14-16.
- Кирюхин Дмитрий Вячеславович**, аспирант кафедры Всеобщей истории и дисциплин классического цикла исторического факультета Нижегородского государственного педагогического университета им. К. Минина; bagerlock@gmail.com

Л. В. КЛЕПИКОВА

ОБРАЗ АВСТРИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК В ПЕРЕПИСКЕ ЛЕЙБНИЦА И ИМПЕРАТОРА КАРЛА VI

В статье на примере переписки Г.В. Лейбница с императором Священной Римской империи Карлом VI и его окружением исследуется проект создания Австрийской академии наук. Автор пытается понять, какие практические и идеологические функции должна была выполнять Академия, и определить роль политических и духовных факторов, влиявших на формирование ее образа.

Ключевые слова: Лейбниц, Карл VI, Империя, война за испанское наследство, наука, Просвещение, академия.

Характерной чертой интеллектуального пространства Европы раннего Нового времени стало изменение в понимании роли науки в обществе. Научные изыскания, ранее бывшие уделом узкого круга интеллектуалов, имевших, как правило, духовный сан, теперь вызывали живой интерес светских лиц, главным образом монархов и их ближайшего окружения. Изменился и сам характер исследований. Процесс, начатый «научной революцией», продолжило Просвещение. Развитие знаний в физике, математике, химии ясно демонстрирует, какие задачи встали перед наукой Нового времени, а именно – быть практически полезной. Европейцы пересекали океаны в поисках новых торговых путей, захватывали колонии, развивали промышленное производство, абсолютные монархии укрепляли свой престиж. Причем для монарха престижно было не только умело воспользоваться последними достижениями науки, но и самому стать ее покровителем. Для этих целей в Европе повсеместно основывались академии наук. Еще одно важное преимущество академии заключалось в том, что покровительствующий данной академии монарх первым узнавал об открытиях трудившихся там ученых¹.

Конечно, реальность, в отличие от идеалистических планов политиков и создателей проектов академий, всегда оказывалась сложнее. Проследим это на примере первой попытки создания академии наук в Священной Римской империи, предпринятой немецким просветителем Г.В. Лейбницем и императором Карлом VI в 1713–1715 гг.

Карл VI, ставший императором Священной Римской империи в 1711 г. после скоростижной смерти своего брата Иосифа I, который был известен на всю Европу как покровитель наук и искусств². Кроме

---

¹ *Im Hof*. 1993. S. 96-102.

² *Kunst historische Museum...; Haupt*. 1993; *Rill*. 1992.

того, в конце XVII – начале XVIII в. Европу охватило противостояние, в которое, помимо австрийского монарха, был вовлечен король Франции. Также в конфликте приняли участие Англия, Нидерланды и ряд других европейских государств. Речь идет о войне за Испанское наследство (1701–1714). Будучи представителем рода Габсбургов, Карл VI мечтал о расширении границ Священной Римской империи и объединении европейских земель под габсбургской короной³. Он стал императором в самый разгар войны, но и до того играл значительную роль в этом конфликте. После пресечения испанской ветви Габсбургов, Франция и Австрия поспешили выдвинуть на освободившийся престол своих претендентов. Со стороны Австрии им стал тогда еще эрцгерцог Карл, которого в 1704 г. в Вене провозгласили императором Карлом III Испанским. Уже в 1705 г. на верность ему присягнула Барселона. Таким образом, после обретения этим человеком императорской короны в случае его победы в войне Священная Римская империя возродилась бы в тех границах, в каких она была при императоре Карле V.

Новый император был весьма заинтересован, во-первых, в улучшении технического и медицинского снабжения своей армии, во-вторых, в укреплении своего авторитета в недавно завоеванных землях. Это перекликалось с давней мечтой Лейбница о создании в Европе и, прежде всего, в немецкоязычных странах, сети научных обществ, где совместились бы теория и практика, научные опыты и исследования проводились бы одновременно с обучением нового поколения.

Серия императорских указов и переписка Лейбница с австрийскими адресатами (сам император Карл, Евгений Савойский, императрица Вильгельмина Амалия и др.) доказывают, что император Священной Римской империи живо заинтересовался предложением просветителя.

Первое послание Лейбница австрийскому императору, посвященное научно-образовательной реформе, датируется 1713 г. В этом письме просветитель направил императору ряд предложений по вопросам реформ в сферах церковной политики, книгопечатания и др. Почти в самом конце Лейбниц поднял тему реформы в сфере образования, он писал об образовании подрастающего поколения в связи с практической пользой: «в деле истории, юриспруденции и наук целью является не праздное любопытство, а ...практическая польза»⁴. Лейбниц указывал на «общий рост числа учащихся» (*incrementa studiorum ins gemein*) и,

---

³ Ollinger. 1999.

⁴ Ibid.: «...bey Historia, jure, et scientiis man nicht auff mere curiosa, sondern...auf hauptsächliche Nuzbarkeit abzielet».

таким образом, о необходимости направлять юные умы с помощью науки. Философ неустанно повторял, что повысив качество образования австрийский монарх получит не только повышение общего морально-духовного облика своих подданных, но и значительные улучшения в сферах агрикультуры, строительства, книгоиздательства, деятельности мануфактур и др. Ведь грамотно организованный образовательный процесс, по мысли Лейбница, должен «поставить на конвейер» выпуск грамотных специалистов по агрономии, строительству, медицине и т.д.

Таким образом, уже в первом письме, где затрагивается научно-образовательная тема, Лейбниц сразу заводит речь о злободневных проблемах. Здесь видна его попытка с первых шагов вникнуть в «австрийские реалии». Он хорошо понимал, что шанс на воплощение в жизнь будет иметь только тот проект, который бы учитывал все нюансы политической, экономической и повседневной жизни Империи. Дипломатическая деятельность Лейбница позволила ему в 1712–1714 гг. посетить Вену и на месте ознакомиться с актуальными проблемами этой страны⁵.

В проектах Лейбница переплетались требования, возникшие благодаря наблюдению за реальным положением вещей, и идеалистические представления о возможности проконтролировать морально-умственное развитие учащегося.

Сохранился черновик императорского указа об учреждении академии наук, созданный в промежуток между первым и вторым письмами Лейбница⁶. Видно, что при венском дворе серьезно относились к данному документу: на последней странице предусмотрены места для императорской подписи и печати. Подданных, которым было суждено прочесть этот указ, должна была приятно поразить воля императора, чтобы его «страна и люди уже сейчас насладились плодами, которые, как казалось, принадлежат исключительно мирной жизни»⁷. Несмотря на непрекращающуюся войну, Карл твердо планировал организовать собственную академию наук, не допуская никаких промедлений: ведь она должна была непосредственным образом помогать осуществлению амбициозных планов главы Священной Римской империи.

На основании указа будущую академию предполагалось разделить на три класса: класс Физики (для исследований в области естествознания и биологии), класс Математики (вопросы инженерии и астрономии) и

---

⁵ Герье В.И. Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008.С.529.

⁶ Entwurf von Leibniz zu einem kaiserlichen Diplome der Stiftung einer Societät der Wissenschaften zu Wien // *Klopp*. 1869. S. 236-240.

⁷ Ibid. S. 236.

Класс Литературы (где особое внимание планировалось уделять истории германских народов и систематизации немецкого языка). Интересно, что в приказе была четко прописана необходимости советоваться с монархом по вопросам, касающихся пользы «общего быта» (вопросы гражданской и военной архитектуры, медицины, учреждение мануфактур). Беглого ознакомления с проектом достаточно, чтобы понять: академия обязана служить решению злободневных проблем, стоящих перед правительством Священной Римской империи. Даже изучение восточных языков в классе Литературы могло сослужить службу в случае возможного обретения колоний на Востоке.

Проблему финансирования и обеспечения нового заведения предполагалось решить достаточно радикально. Академия должна была обладать собственным денежным фондом, о функциях которого мы скажем ниже. В соответствии с императорским указом все его «вассалы, слуги и подданные», особенно те, кто «в долгу перед Нами [императором] и народом»⁸, обязаны совершать взносы и самостоятельно устанавливать денежные оклады для организации кунсткамер, развития горного дела, строительства больниц и др. на подвластных землях. Причем кунсткамеры и больницы должны были впоследствии перейти под юрисдикцию Академии наук. Таким образом, император по мере сил старался облегчить нагрузку на государственную казну в случае воплощения проекта. Также обращает на себя внимание тот факт, что в указе *не названы конкретные имена* тех, кто обязан помогать государству содержать фонд для Академии. Это придает императорскому указу некоторую долю туманности и неопределенности, что создает дополнительные трудности для воплощения проекта в жизнь.

Вопрос о науке и образовании вновь поднимается Лейбницем спустя несколько месяцев (март 1713)⁹. Во втором письме к Карлу VI он писал, что «с помощью наук не в последнюю очередь желает содействовать мероприятиям»¹⁰ императора, например, в военном конфликте с королем Франции. Лейбниц говорил о новом Научном обществе, которое должно взять лучшее от уже существовавших (Английского, Французского и Прусского) и усовершенствовать это. Далее он перечислял задачи планируемого Общества. Оно должно: 1) сосредоточить в себе все существующие науки; 2) помимо знаний, запечатленных в книгах, также перенести на бумагу и сохранить ценные сведения, до того пере-

---

⁸ Ibid. S. 239.

⁹ Leibniz an Kaiser Karl VI [Wien, März 1713] // Ibidem.

¹⁰ Ibidem: «Bey denen Scienzen selbst hoffe ich auch nicht wenig zu E. K. Mt gusto zu contribuiere».

дававшихся устным путем (имеются в виду, прежде всего, искусства и ремесла); 3) проводить новые исследования и эксперименты; 4) рассматривать разнообразные предложения, касающиеся науки, так, чтобы о тех из них, которые этого стоят, узнавал бы монарх (по аналогии с Французской Академией наук); 5) премировать тех, кто внес стоящее предложение или сделал полезное открытие. Для выдачи премий и вообще содержания Общества следовало учредить специальный фонд (Fundus). Средства из этого фонда пошли бы также на зарплаты членам Общества и материальное содержание учащихся¹¹.

Кроме того, Лейбниц писал о необходимости закрепления за Академией определенных властных полномочий. Так, Обществу должны были стать подотчетны не только все научно-образовательные учреждения, но и медицинские учреждения (аптеки, госпитали, богадельни), а также медицинская коллегия, учреждение которой также активно пропагандировалось просветителем. Лейбниц мыслил медицинскую коллегия как важнейшую составляющую Научного общества. Дело в том, что в рамках медколлегии тоже совмещались наука, обучение и практика. Главной практической задачей коллегии в сложившихся для Священной Римской империи обстоятельствах Лейбниц видел подготовку квалифицированных военных хирургов¹².

Эта переписка велась как раз в тот период, когда подходила к концу затянувшаяся и кровопролитная война за Испанское наследство. По Утрехтскому мирному договору 1713 г. престол Испании перешел к внуку французского короля Филиппу, который был вынужден отказаться от наследования французской короны. Таким образом, Карл так и не стал императором возрожденной империи. Однако, по условиям того же Утрехтского мирного договора, Священная Римская империя все равно расширяла свои европейские владения. Испанские Нидерланды, а также часть северо-итальянских территорий и остров Сардиния перешли под власть австрийской короны.

Когда увеличивается территория государства, естественным образом встает вопрос не только о реформировании системы управления, но и о том, как на корню пресечь вероятные сепаратистские движения в новоприобретенных землях. В этой ситуации Научное общество могло бы сыграть роль государственного института, средства постоянной связи между столицей империи и провинциями. Оно и относящаяся к нему медицинская коллегия, имея штаб в Вене, т.е. в сердце империи, долж-

¹¹ Leibniz für Kaiser Karl VI (Wien, 21. April 1713) // Ibidem.

¹² Leibniz an Kaiser Karl VI [Wien, 1713] // Ibidem.

ны были обладать равными правами на всех землях (Erblande). Лейбниц постоянно писал о связи (connexa) между Обществом и подконтрольными ему учреждениями, находящимися в разных областях империи и имеющими между собой непрерывное сообщение, например, в виде переписки. Таким образом, учреждение Научного общества нужно было не только «чисто в интересах процветания в провинциях наук, учености и изящных искусств»¹³, но в качестве гаранта централизации власти. Кроме того, это было своеобразной реализацией идеологии космополитизма. Ведь, взаимодействуя друг с другом, Академия и ее филиалы создавали бы единое научное и культурное пространство без политических и национальных границ. По замыслу Лейбница, в будущем такая взаимосвязь должна была распространиться не только на землях Священной Римской империи, но и в других странах Европы¹⁴.

Позднее Лейбниц уточняет задачу Общества по «обработке немецкого языка и истории»¹⁵. Если касательно истории он имеет в виду создание ее официальной имперской версии, сводящейся, прежде всего, к выявлению в ней роли Габсбургской династии, то с обработкой языка дело обстоит серьезнее. На тот момент, в отличие от французского и английского языков, для которых, не в последнюю очередь благодаря деятельности Академий, уже были сформированы универсальные нормативы, немецкий не имел единого стандарта. Мало того, что жители разных немецкоязычных земель не могли понять друг друга из-за несхожих диалектов¹⁶ – не существовало единого свода правописания немецкого языка, что видно из писем самого Лейбница, где одно и то же слово может быть написано тремя разными способами, существительные не всегда пишутся с большой буквы (Wissenschaften может быть написано как с большой буквы, так и с маленькой), присутствуют много французских и латинских слов с чисто немецкими окончаниями и суффиксами (surprenieren от фр. *surprendre*, *contribuiren* от лат. *contribuo*) и т.п.

Таким образом, помимо повышения образовательного уровня населения и помощи государству в решении проблем в военной, инженерной и медицинской сферах, Общество принимало на себя функции связующего звена в области науки (медицина, сельское хозяйство, организация деятельности мануфактур), культуры (литература, изобра-

---

¹³ Leibniz an die Kaiserin Amalia (Hannover, nach September 1715) // *Ibidem*: «...car c'est proprement l'interest des provinces de faire fleurir les sciences, lettres et arts».

¹⁴ Leibniz, 2011.

¹⁵ Leibniz als Johann Philipp Schmid an Kaiser Karl VI ([Hannover], 20. April 1715) // *Klopp*. 1869.

¹⁶ Такая ситуация частично сохраняется в современном немецкоязычном мире.

зительное искусство) и даже военного дела. Это явствует из письма Лейбница от 20 апреля 1715 г.: «учреждение [Общество] должно заниматься не только тем, что относится к внутренним [проблемам], но и внешними контактами»¹⁷. К внутренним задачам он отнес материальную поддержку важнейших членов Научного общества, а также необходимость создавать им все условия для проведения научной работы. Внешние задачи Общества заключались, главным образом, в том, чтобы: 1) сконцентрировать в своих руках библиотеки, лаборатории, обсерватории, анатомические театры; 2) и, благодаря этому, ускорить научные исследования, имеющие целью улучшение производительности мануфактур; 3) к тому же, при облегчении доступа к библиотекам и архивам станет возможна крупномасштабная работа по унификации немецкого языка. Главное, чтобы все эти работы и исследования велись под неустанным наблюдением ведущих специалистов Научного общества. По мнению Лейбница, таким образом, исследования будут проводиться более организованно и оперативно.

В письмах к императору Священной Римской империи проскальзывает идея так называемой «власти ученых». Лейбниц косвенно упоминает о своеобразной иерархии учебных заведений под руководством Академии. Он писал о необходимости «привлечь к этому проекту и делу образовательные учреждения [университеты и факультеты] в Ваших [императорских] землях, за исключением богословских». Кроме того, Лейбниц убеждал императора «помочь [академическому] фонду предоставлением некоторых функций и привилегий по книжной цензуре, (изданию) календарей, газет, устройств для мер и весов, некоторых химических продуктов и т. д.»¹⁸.

В уже упомянутом письме от 20 апреля 1715 г. Лейбниц намекнул на многие вещи (*viele geschäfte*), которым «другие высшие и низшие коллегии» не уделяют должного внимания, но по которым у «избранных людей» из Научного общества всенепременно можно будет получить «хороший совет» и найти помощь¹⁹. Характерно, что именно это письмо просветитель писал императору не от своего имени, а прятался под маской гофрата Йохана Филиппа Шмида. Разумеется, чтобы решиться на такой поступок, у него должны были быть веские причины.

---

¹⁷ Ibid.: «Von diesem Fundo aber wären zu bestreiten, was gehöhret nicht nur zu intrinsecis, sondern auch zu connexis».

¹⁸ Leibniz an Kaiser Karl VI (Laxenburg, 28. Mai 1713) // Ibidem.

¹⁹ Ibid.: «...die aber bey einer solchen Societät außerlesene Leute sichern guthen Raht und beystand finden werden».

Дело в том, что и на этот раз произошло столкновение между представленной в проекте идеальной моделью и суровой реальностью. В 1714 г. была учреждена специальная комиссия во главе с графом Зинцедорфом, которая должна была заниматься разработкой проекта по учреждению имперской Академии наук. Однако ее работа все время тормозилась. В конце концов, в 1715 г. незадолго до смерти Лейбница она и вовсе прекратила свое существование. Виной тому не только интриги венского двора. Когда дело дошло до конкретного воплощения проекта в жизнь, члены комиссии не могли не столкнуться с вопросами о финансировании создания академии и ее дальнейшем денежном содержании. Это дорого обошлось бы имперской казне, которая стремительно истощалась из-за непрекращающихся войн²⁰.

Возникнув на заре Просвещения, академии наук на всем протяжении этой эпохи являлись символом постоянного прогресса человеческих знаний. Суть самого феномена Академий состояла в том, чтобы «поставить достижения науки на службу государству, общества и своих современников»²¹. Случай с проектом Австрийской Академии наук подтверждает данный тезис. Император и его двор нуждались в научных открытиях академии, но не были готовы поддерживать ее материально. Наука должна была решать сиюминутные задачи. Это значит, что от инженеров требовалось проектирование более совершенного вооружения, от медиков – разработка новых анестезирующих и дезинфекционных средств, которые пригодились бы при лечении раненных солдат, а от исследователей истории – создание такой версии исторических событий, которая выставляла бы в максимально выгодном свете государственную власть, покровительствующую данной академии. Идеалистический характер Просвещения заставлял людей, в том числе сильных мира сего, желать мгновенного получения результата. В итоге получался замкнутый круг: императору требовались научные изыскания и технические изобретения от планируемой Академии, в то время как сама Академия нуждалась в поддержке и денежных средствах.

Еще одной немаловажной причиной заморозки проекта явилось окончание Войны за Испанское наследство. Уже не было такой нужды в открытиях, способных улучшить военную сферу. Теперь Карла и его вельмож больше занимали дела, касающиеся освоения и удержания новоприобретенных земель. Непокойно было и в самой Вене. В связи с отсутствием прямых наследников по мужской линии 19 апреля 1713 г.

---

²⁰ Бёдекер Х.-Э. Академии // Мир Просвещения. С.266-273.

²¹ Там же.

Карл издал Прагматическую санкцию, разрешившую наследование престола старшей дочери его покойного брата Иосифа I Марии Жозефе²².

Стратегия быстрого создания Австрийской Академии наук с расчетом на мгновенный результат провалилась.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Герье В. И.* Лейбниц и его век. СПб.: Наука, 2008. 807 с.
- Мир Просвещения. Исторический словарь / Под ред. В. Ферроне и Д. Роша. М.: Памятники исторической мысли, 2003. 668 с.
- Haupt H.* Kunst und Kultur in den Kameronalzahlamtsbüchern Kaiser Karls VI. Horn: Berger, 1993. 186 S.
- Im Hof U.* Das Europa der Aufklärung. München: C. H. Beck, 1995. 270 S.
- Klopp O.* Plan der Gründung einer Societät der Wissenschaften in Wien // Archiv für Ö. G. Wien: die Kaiserlich-Königlichen Hof- und Staatsdruckerei, 1869. S. 159-255.
- Карл VI // Официальный сайт Kunst historische Museum [Wien, 2011]. URL: <http://www.khm.at/khm/sammlungen/gemaeldegalerie/die-geschichte-der-sammlung/reorganisation-unter-kaiser-karl-vi/> (время доступа 08. 12. 2011).
- Leibniz an Kaiser Karl VI // Leibniz an Kaiserin Wilhelmine Amalie // Leibniz als Johann Philipp Schmid an Kaiser Karl VI // Leibniz G. W. Allgemeiner, politischer und historischer Briefwechsel // Официальный сайт Gottfried Wilhelm Leibniz Bibliothek – Leibnizarchiv [Hannover, 2011]. URL: <http://www.gwlb.de/Leibniz/Leibnizarchiv/Veroeffentlichungen/1713ReiheIA.pdf> (время доступа 10 декабря 2011).
- Leibniz G.-W.* Memoire pour des personnes eclairees et de bonne intention // Официальный сайт Sämtliche Schriften und Briefe. R. IV. Politische Schriften. B. 4. [Potsdam, 2011]. URL: http://www.bbaw.de/bbaw/Forschung/Forschungsprojekte/leibniz_potsdam/bilder/IV1text.pdf (время доступа 11 декабря 2011).
- Ollinger E.* Der Traum vom Weltreich. Klosterneuburg: Mayer, 1999. 130 S.
- Rill B.* Karl VI. Graz: Styria, 1992. 350 S.
- Клепикова Любовь Владимировна**, аспирант кафедры всеобщей истории Российского государственного гуманитарного университета; sevelli@rambler.ru

---

²² Впоследствии, после рождения 13 мая 1717 г. у императора Карла дочери Марии-Терезии в соответствии с Санкцией право на трон перешло к ней.

Я. Ю. МУКОСЕЕВА

УРАЛЬСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ЛЕКСИКА
В НАУЧНОМ ТРУДЕ П. С. ПАЛЛАСА
«ПУТЕШЕСТВИЕ ПО РАЗНЫМ ПРОВИНЦИЯМ
РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА»

Участник Академических экспедиций второй половины XVIII в., профессор Петр-Симон Паллас, академик Российской Академии наук, оставил богатое научное наследие. Он собрал многочисленные сведения, касающиеся разных областей знаний, и в своем труде «Путешествие по разным провинциям Российской империи» проявил себя как ученый-универсал.

Ключевые слова: *Петр-Симон Паллас, академические экспедиции, промышленная лексика, горнорудная терминология.*

С самого начала развитие Российской науки было связано с изучением территории России. Открытая в 1725 г. Академия наук, организовав крупномасштабные экспедиции на Урал и в Сибирь, положила начало систематическому описанию этих земель. Маршрут экспедиции под руководством Д.Г. Мессершмидта (1719–1727) проходил через Соликамск, Туринск, Тюмень, Тобольск, до Ялуторовской слободы, затем, в Сибирь, до Нерчинска и обратно тем же маршрутом¹. Во время экспедиции были собраны многочисленные сведения, относящиеся к географии, картографии, составлены коллекции насекомых, птиц, рыб.

Вскоре Академия наук стала инициатором подготовки экспедиции в содружестве с государственными коллегиями. В составе Первой Камчатской экспедиции не было ученых, но затем была организована Вторая Камчатская экспедиция 1733–1743 гг. (Великая Северная экспедиция), самая значимая из всех осуществленных в XVIII в. экспедиций – и по основным задачам, и по числу участников. Задачи по техническому и финансовому обеспечению взяло на себя государство. Состав участников был впечатляющим для того времени: астроном Л. Делиль де ла Кройер, натуралист И.Г. Гмелин, историк Г.Ф. Миллер, студенты, геодезисты, переводчики, солдаты и др. Г.Ф. Миллер провел грандиозную работу по изучению местных архивов, собрал большой этнографический материал, написал «Историю Сибири», основываясь на данных архивных источников. И.Г. Гмелин подготовил полный обзор растительного мира Сибири в своем труде «Флора сибирская».

---

¹ Академическая наука Урала... 2007. С. 18.

Возобновление крупномасштабных академических экспедиций произошло во второй половине XVIII в. Для руководства экспедициями 1768–1774 гг. были созданы три самостоятельных отряда. Первый отряд возглавил профессор естественной истории Петр Симон Паллас, второй отряд – И.И. Лепехин (1740–1802), адъюнкт по ботанике и естественной истории, а третий – Иоганн Петер Фальк, доктор ботаники, профессор, приглашенный в Академию наук по рекомендации Карла Линнея. Основные задачи экспедиций 1768–1774 гг. были сформулированы в специально разработанной Академией наук инструкции. Главная цель – «польза общая государства и распространение наук». Всем членам экспедиций предписывалось вести «обстоятельной журнал», который следовало «каждую зиму» высылать в Академию, а ежемесячно – «известия» и «рапорты», т.е. отчеты, «изыскания и наблюдения разъезжающий испытателей натуры касаться должны»: описания «земель и вод», условий хлебопашества, растениеводства, виноградарства, скотоводства, рыболовства и пр., описания болезней скота и способы его лечения местным крестьянством, виды хозяйственного инвентаря, полезных ископаемых и промышленности².

П.С. Паллас (1741–1811) – ученый-энциклопедист и естествоиспытатель, академик Петербургской Академии наук. Родился в Берлине, где учился в Медико-хирургическом коллегииуме, а также в университетах Галле и Геттингене. В 1760 г. окончил Лейденский университет в Голландии. В 1766 г. был приглашен в Россию, где работал в Петербургской Академии наук и заслужил мировое признание как зоолог, ботаник и палеонтолог, внес крупный вклад в развитие геологии, минералогии и горного дела. П.С. Паллас руководил крупными академическими экспедициями (1768–1774, 1793–1794), связанными с изучением природных богатств Центральной России, Поволжья, Калмыкии, Прикаспия, Урала, Сибири, Предкавказья и Крыма. Первая Оренбургская физическая экспедиция (1768–1773), охватившая треть территории России, стала самой весомо для П.С. Палласа как отечественного ученого. Паллас вел дневники, заметки, писал письма, которые стали основой для создания основного труда ученого – «Путешествия по разным провинциям Российского государства» (СПб., 1773–1788. Ч. 1-3) и ряда других работ.

П.С. Паллас занимался изучением природы Среднего и Южного Урала, от Оренбурга до Денежкина камня, и Зауралья. Он, в частности, открыл месторождение железных руд на горе Качканар, провел анализ

---

² Инструкция... С. 205.

химического состава вод уральских озер, в Челябинском, Троицком и Шадринском уездах изучал соленые озера и солончаки с целью выявления воздействия на озерных рыб. Все это позволило В.В. Литовскому сделать вывод о том, что именно «П.С. Палласу принадлежит идея существования на Урале древнего моря и приоритетные исследования по выявлению влияния химического состава воды в водоемах на видовой состав их водной флоры и фауны»³. Он первым описал нефтепроявления и серные месторождения в Поволжье, Баскунчакских и Илецких соляных промыслах, золотых и других месторождений Урала (Березовского, Кыштымского, Гумешковского, Тагильского и др), медных и полиметаллических месторождений Рудного Алтая, положил начало метеоритике в России, описав и доставив в Петербург обнаруженный в районе Красноярска метеорит, известный под названием «Палласово железо» (метеориты такого типа получили общее название палласитов).

В ходе своего путешествия, П.С. Паллас уделял много внимания описанию Уральских заводов. Он бывал на заводах, судя по всему, встречался с управляющими, мастеровыми и работными людьми. Паллас опирался на методы наблюдения, фиксации, систематизации, описания и объяснения. Описывая заводское оборудование и процесс производства, он активно использовал профессиональную лексику работных и мастеровых людей на уральских заводах второй половины XVIII века.

В лексике главного сочинения П.С. Палласа, «Путешествие по разным провинциям Российской империи» можно выделить группы терминов, характеризующих горнорудное производство, и те, которые относятся к металлургическому производству. «Толковый словарь» В.И. Даля дает интерпретацию ряда понятий, использованных в труде Палласа. По ряду терминов имеются расхождения в толковании понятий Палласом и Далем. Например, понятие иверень, Паллас определял применительно к металлургической промышленности шире, чем использованное В.И. Далем, а именно – как *осколок печи*. В связи с недосмотром мастеров в процессе производства могли возникнуть различные ситуации, связанные с ранениями работников. Паллас писал: «Молоты здесь льют из чугуна; и сие не только причиною, что их часто переменять надлежит, но нередко и то случается, что мастеровые и работники либо жизнь отбившимися от молотов иверьями теряют, либо членов лишаются; и таковая безпрестанная опасность препятствует им в произведении порядочной работы»⁴. Иверни – это куски молотов, которые

---

³ Литовский. 2002. С.77-78.

⁴ Паллас. 1786. С. 160.

при нагреве взрывались и раскалывались, причиняя ранения и убивая работников, это слово также определяется как черепок, осколок чего-то.

П.С. Паллас проявлял интерес к различным способам добычи природных ресурсов. Применительно к способам добычи руды местные жители использовали слово *копань*. В.И. Даль определял это слово в разных значениях, во-первых, яма, вырытая для скопления дождевой воды, во-вторых, неглубокий, ямный колодец, без сруба⁵. Судя по всему, слово *копань* связано со словом *копь*, используемом в горнорудной лексике. У Даля *копь* определялась как место для добычи руды, «рудник, рудокопня, ямный прииск; место, где копают руду, уголь, соль»⁶. Паллас писал: «...да и ныне за недостатком лучших руд, намеревают ею же производить вновь работу от сего рудника, оставалось до Нейвянска токмо шесть верст, и чем ближе мы к оному подъезжали, тем тучнее пошва железом казалась, изобилуя чрезвычайно железными рудами по оной около заводов видно довольно количество ям, копаней и рытвин»⁷. Паллас использовал в своем труде *копань* применительно к ямам, где открытым способом добывали руду. Он привел ряд примеров, связанных с чудской культурой, памятники которой были на Урале и в Сибири. Местные жители часто называли копанями места, где чужь добывала металлы. Еще один пример из труда Палласа: «Здесь по дороге вправо находились различные копани или ширфы, и в оных видна была белая листовенная глина, которая местами красновата и в глубь продолжается: для сей одной фарфоровой земли здесь копали, но видя, что белая глина очень смешена, работу оставили»⁸.

Интересно употребление прилагательного *мраморный*, у Палласа – *мраморная ломальня*. В переводе с немецкого, мрамор, твердый и плотный камень известковой породы, белый и пестрый, идущий в поделки. Возможно, здесь искажение слова в простонародной речи, а Паллас, который записывал дословно все, что интересовало его в беседах с местными жителями, очевидно, записал так, как слово прозвучало в речи.

Особый интерес проявил П.С. Паллас к описанию уральских заводов, побывал практически на всех заводах и подробно описал их устройство, пользуясь определенной схемой, которая помогала ученому в его изучении структуры промышленного производства: он последовательно указывал дату основания, имя хозяина, местоположение завода.

---

⁵ Даль. 1999. Т.2. С. 157.

⁶ Там же.

⁷ Паллас. 1786. С. 226.

⁸ Там же. С. 156.

Он также описывал местоположение реки, прудов, озер, гор, интересовался достопримечательностями. Описывал, если такие были, дополнительные занятия жителей заводов, показывал устройство заводов: печи, оборудование, строения, кузницы, мельницы. Его интересовало, что производят на заводах, в каком объеме, каким образом доставляют в европейскую часть страны или в Сибирь.

При описании заводского устройства чаще всего ученый использовал такие понятия, как, горн, молот (мусорный молот), пест, плющильня, снасть, мельницы разных видов. Основной элемент металлургического производства горн, в трактовке В.И. Даля – род печи с широким челом (шатром), мехом, поддувалом или тягой, для каления и плавильных работ, а также часть рабочей печи, где происходил обжиг и плавка металла. Даль приводит несколько видов горнов: кузнечный, в котором калили или разваривали железо дляковки, выварной, укладный, клинный, косоправный, кричный – большой, для выделки металла из чугуновых криц железа, доменный, уменьшенный, вагранный, чугуноплавильный⁹. Кричный горн мог использоваться в качестве молота¹⁰. Молотом называли орудие в виде костыля, который использовался в боевых сражениях и дляковки. В промышленных условиях использовался железный молот разных видов: выварной, отжимный, клинный, бойный, наклепный, кричный, кузнечный. *Мусорный молот* предназначенный для разбивки остатков или сора от камней или от печей (*мусор* – смесь толченого древесного угля с глиной)¹¹. В производственном процессе использовались песты, т.е. детали в машинах, или боек, кий, толкач, стержень, палец, снаряд в виде песта, которым выдавливали что-либо¹². Плющильня была предназначена для плющения железа в тонкий лист, это был специальный снаряд или заведение для плющения, для беления жести и литья больших и малых колоколов, изготовления проволоки, обеспечения водой плотины. У Даля – это орудие, снаряд, прибор, инструмент, машина, и каждая ее часть¹³; у Палласа – «плющильня, в коей машина промежду двух валов растягивает и плющит полосное железо, машина, где железо на куски разрезают, и плющильный молот с горном»; «плющильня, кою и для разделки употреблять можно, гранильной и большой молот с горнами им принадлежащими»¹⁴.

---

⁹ Даль. 1999. Т. 1. С. 380.

¹⁰ Там же. С. 195.

¹¹ Даль. 1999. Т. 2. С. 361, 342.

¹² Даль. 1999. Т. 3. С. 104.

¹³ Даль. 1999. Т. 4. С. 244.

¹⁴ Паллас. 1786. С. 229, 250.

В производстве использовались такие инструменты и приспособления, как *иготи, колотушки, слюзы* (шлюзы). *Иготь* – ручной инструмент в виде ступки, каменной или металлической. Колотушка представляла собой деревянный молот, закругленное полешко¹⁵. *Слюз*, или шлюз, происходит от немецкого термина *schleuse*, в переводе – творило, вешняк, ворота¹⁶. У Палласа можно прочесть: «...изрядно выстроенная каменная кузница о шести больших горнах для ковки больших заводских и рудокопных орудий; и двадцать четыре горна, поперечными стенами по два и по четыре отделенные, в коих жестяные и железные делают приборы, котлы, горшки, сковороды, махотки, иготи и проч.»¹⁷.

На большей части уральских заводов П.С. Паллас отметил использование различных мельниц, лесопильных, якорных, лудильных фабрик, проволокоделен, слесарен, точилен. В производственных процессах чаще всего была задействована лесопильная мельница, или «мельница пильная, которая не мелет, а пилит» лес¹⁸. Это было связано с технологией производства XVIII века, которая требовала использования леса для поддержания огня. На лудильной фабрике, или мастерской, лудили медную посуду, железные листы, переделывали их в жечь, в белое железо¹⁹. Существовали и мастерские, где производилась проволока, «вложенный металл, сугуга, тяголь, металлическая нитка, струна»²⁰. В слесарных мастерских изготавливали небольшие железные и медные предметы, используя холодную ковку, клепкою с помощью сверла и напильника²¹. *Точильня*, или точильная мастерская, использовалась «для точения железных орудий и колоколов»²². У В.И. Даля – это «заведенье, где точат, остряют выделяемые резучия орудия, топоры, ножи»; в токарной мастерской работники занимались различными точильными работами, в якорной мастерской – ковкой и сваркой якорных частей²³.

На железоделательных заводах размещались литейные заведения, предназначенные для отливки металлических вещей. У Даля и Палласа упоминается *литейный дом*, в котором занимались отливкой из металлов, например, изготовлением пушек, ружей²⁴. В меховой делали мехи,

¹⁵ Даль. 1999. Т. 2. С. 6, 141.

¹⁶ Даль. 1999. Т. 4. С. 130.

¹⁷ Паллас. 1786. С. 230.

¹⁸ Даль. 1999. Т. 2. С. 317.

¹⁹ Там же. С. 371.

²⁰ Даль. 1999. Т. 3. С. 474.

²¹ Даль. 1999. Т. 4. С. 219.

²² Паллас. 1786. С. 229.

²³ Даль. 1999. Т. 4. С. 423, 676.

²⁴ Даль. 1999. Т. 2. С. 256.

в молотовой, или молотковой, молоточной, в особом строении, размещались водяные или паровые молоты. Там же могли размещаться молотовой или кричный стан, устройство, в котором ходит кричный молот; он размещался на железоделательных заводах, и потому кричное здание называли молотовой фабрикой²⁵. В формовых изготавливали формы для литья чугунной посуды и различные заводские припасы. В.И. Даль привел такое объяснение: формовая, то есть относящаяся к форме, маточнику, формовая опока, отверстие, в которое льют металл²⁶. Медноплавильный завод занимался добычей и переработкой меди из руды. У Палласа встречается *медодельня*: «бывшая желтой меди фабрика с двумя обжигальными печами по недостатку меди так как большею частию и протчие Нейвянские медодельни, оставлена без действия»²⁷.

Много терминов, описывающих процесс горнорудных разработок, были заимствованы из немецкого языка. К таким можно отнести приведенные Палласом: шлих (песок, применительно к золотому промыслу), шурф, шахта, рудник, штольня. Русские мастеровые и работные люди Урала заимствовали терминологию у немецких специалистов. При описании устройства Березовского завода Паллас отмечал: «Ниже плотины заводской при Березовке стоят дома для обербергмейстера, шихтмейстера и двух оберстейгеров, кои тогда были все Немцы, также для гиттенфервалтера и управителя»²⁸.

В наименовании должности шихтмейстера видно, что его корень образован от слова *шихт* (напоминает *шлихт*, т.е. специалист по разработке и добыче золотого песка, золота. Шлих (шлихт)– песок, в значении «золотой» был употреблен Палласом при описании Березовских золотопромывален. Даль определяет этот термин как относящийся к горному отмывтому осадку, «остающемуся на промывальном стане». Были разные виды песка, черный шлих – это магнитная крупа, песок, шлиховое золото, которое имело вид мелкого промывтого песка, остающегося после выборки самородков, зерновой песок²⁹. Паллас писал о Березовских золотых промыслах: «При сем заводе, который не много для себя людей требует, ничего больше смотреть не надобно, как чтоб работники беспресанно в ящики рудную толчу накладывали, а другие беспресанно щетками осядающий на лотках шлих сметали»³⁰.

---

²⁵ Там же. С. 343.

²⁶ Даль. 1999. Т. 4. С. 573.

²⁷ Паллас. 1786. С. 242.

²⁸ Паллас. 1786. С. 207.

²⁹ Даль. 1999. Т. 4. С. 640.

³⁰ Паллас. 1786. С. 205.

Добыча полезных ископаемых проводилась как с помощью открытого способа (использовались ямы, или копани) и закрытым методом, на рудниках. Вид рудник мог иметь следующий: рудники были в виде дудки или колодца, шахты, или рудник мог иметь вид хода, подкопа, т.е. штольни. В.И. Даль привел общее название копани, или ямы, где добывается руда. На Урале было еще одно значение, которое можно найти у Даля – это прииск. Шахтой называли дудку, колодец, который использовался для добычи руды³¹. И еще одно понятие, копь, также в значении *рудник*, ямный прииск (место, где добывали руду, уголь, соль)³². Паллас отмечал, что «...заведено было четыре шахты со рвами, ходами, пусками и водометами; шахты были от трех до четырех сажень глубиною, а в спусках глубже тремя саженьями...»³³.

При описании горнорудных разработок, Паллас употреблял термин «штольня», происходящий от немецкого слова *Stollen*, горизонтальная или наклонная подземная горная выработка, имеющая непосредственный выход на земную поверхность и предназначенная для обслуживания подземных работ³⁴. У Даля – это «горная лежащая рудная дудка, ходом или пещерой, с наружным входом»³⁵. Могли использоваться водоливные штольни, предназначенные для качания, закачки воды, или для заливания водой³⁶. У Палласа можно прочесть следующее: «Главная штольня продолжавшаяся на 15 сажень и четыре шахты сажень по шести глубокие совсем завалились»³⁷.

Понятие шурф, или ширф, в трактовке Е.П. Пироговой, это вертикальная или наклонная горная выработка, имеющая выход на поверхность, небольшое сечение и глубина; служит для разведки полезных ископаемых, в данном случае – медной руды³⁸. У В.И. Даля – это горно-разведочная дудка, яма или копань (яма), колодец-напытток, для проведения разведки залежей и поиска руд и драгоценных ископаемых³⁹.

У Палласа читаем: «Так называемые Пишминские рудники в сих местах суть наидревнейшие, и как уже сказано заведены еще в 1745 г. При первой сего рудника яме пробито восемь шахт и ширфов; но поя-

³¹ Даль. 1999. Т. 4. С. 108, 624.

³² Даль. 1999. Т. 2. С. 157.

³³ Паллас. 1786. С. 270.

³⁴ Образ Урала... С. 105.

³⁵ Даль. 1999. Т. 4. С. 645.

³⁶ Даль. 1999. Т. 1. С. 220.

³⁷ Паллас. 1786. С. 271.

³⁸ Образ Урала... С. 94.

³⁹ Даль. Т. 4. С. 648.

вившаяся руды невыгодность причиною была, что ее с 1765 г. оставили. Другой рудник начат шахтою №6, и после еще шестью умножен; оной в глубь и оказывает к рудам надежды, и так для последствия на верху лежащих работают здесь только в то время, когда работники другим ничем не заняты. Третий рудник, заведенный шахтою под №13, умножен еще пятью; и по изобилию своему остается и досель в порядке»⁴⁰.

Благодаря трудам П.С. Палласа, правительство получило представление о природных ресурсах районов, которые до этого были недостаточно известны. Кроме того, его работа предоставила ценный материал для исследования уральской промысловой и промышленной лексики, частично заимствованной у иностранных специалистов, работавших по приглашению государства и частных промышленников.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Академическая наука Урала: Очерки истории / Глав. ред. акад. В.В. Алексеев. Екатеринбург; Санкт-Петербург: Изд-во «Людовик», 2007. 480 с.
- Инструкция для отправленных от Императорской Академии наук в Россию физических экспедиций // *Фрадкин Н.Г.* Академик И.И. Лепехин и его путешествия по России в 1768-1773 гг. М.: Географгиз, 1950. С. 205.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. М.: Рус. яз., 1999.
- Литовский В.В.* Уральская ойкумена: эхо научных бурь. Естественноисторическое описание исследований окружающей среды на Урале. Персоналии. Екатеринбург, 2002. 256 с.
- Образ Урала в документах и литературных произведениях (от древности до конца XIX в.) / Сост. Е.П. Пирогова. Екатеринбург: Изд-во «Сократ», 2007. 384 с., илл.
- Паллас П.С.* Путешествие по разным провинциям Российской империи. Часть 2. Книга 1. СПб.: При Императорской Академии наук, 1786. 476 с.
- Мукосеева Яна Юрьевна*, старший преподаватель кафедры общественных наук Соликамского государственного педагогического института; mukoseeva71@mail.ru

---

⁴⁰ Там же. С. 210.

А. В. ГНОЕВЫХ

ТЕМА РЕВОЛЮЦИИ В ОТДЕЛЕ БЕЛЛЕТРИСТИКИ ЖУРНАЛА «РУССКОЕ БОГАТСТВО» (1904–1914)

Умеренное крыло неонародничества, органом которого был журнал «Русское богатство», выступало за эволюционный путь общественного развития. Художественные произведения, публикуемые там, рисовали негативный образ революционера – морально нечистоплотного, далекого от реальных интересов народа, склонного к схематизму в мышлении.

Ключевые слова: неонародничество, революция, освободительное движение.

Отдел беллетристики занимал видное место в журнале «Русское богатство», крупнейшем издании неонароднического направления. Данный отдел находился в непосредственном ведении выдающегося писателя и общественного деятеля Владимира Галактионовича Короленко, производившего отбор и редактирование присланных рукописей.

Социальная проблематика всегда была главенствующей в отделе беллетристики, а в период с 1904 по 1914 г., отмеченный подъемом освободительного движения и активизацией политической жизни, она приобрела особый колорит – там стала звучать тема революции.

Немногочисленные работы, посвященные политической программе журнале, обходят вниманием вопрос о том, какую роль в идейной борьбе начала XX века играла беллетристика «Русского богатства»¹. То же можно сказать и об исследованиях, касающихся взглядов В.Г. Короленко и его редакторской работы².

Освободительное движение часто питает ущербная идеология – такой тезис был характерен для Короленко и его соредкторов.

Пастор, главный герой романа Конрада Тельмана, пытается своими проповедями искоренить социал-демократическую идеологию, распространившуюся среди рабочих его дяди – крупного промышленника Виллинга. Он принимает за изучение Маркса, Лассалья, Бебеля, «все эти исследования пронизательных, не смущающихся никакими выводами мыслителей, безбоязненно вкладывающих свои персты в гноящиеся раны общественного строя и озаряющих своим светочем глубины человеческих ошибок и сгнившие, но самим временем освященные предания». Однако в этой литературе «не было недостатка в вольном или

---

¹ Об идейной программе см.: *Бережная*. 1980; *Васильева*. 1988; *Махонина*. 2002.

² Об общественно-политических взглядах Короленко в разное время писали: *Блохин*. 2010; *Бялый*. 1983; *Гуцин*. 1996; *Летов*. 1961; *Миронов*. 1962.

невольном искажении научных фактов, искусно направленных против капитализма, религии и существующего порядка вещей. Гипотезы выдавались за факты, из них делались широкие выводы, годные для того, чтобы вводить в заблуждение невежественные умы, подстрекать и отравлять души несбыточными мечтами о будущем»³.

Герой рассказа Генриха Федерера – деревенский сторож. Он очень начитан (знаниям, однако, не хватает системы), прекрасно разбирается в европейской политике, не боится высказывать одобрение в адрес якобинцев и мечтает о равных возможностях для людей всех сословий. Он обращает внимание на неожиданный источник неравенства: «в городе все по партиям разбиты, и кто к партии не принадлежит, к большинству значит, тому не пробиться никогда, хоть будь он семи пядей во лбу... Первым делом религия, политические взгляды, деньги, а уж год спустя – к уму приглядываться начинают, а про сердце вспоминают, уже когда человек на том свете...». Сторож делает порывистое движение – его узкая куртка расходится по швам – возвышенные мысли улетучиваются и он полностью поглощен поисками английской булавки. Оригинально высмеиваются вульгарно трактуемые идеи равенства. Знакомый сторожа восклицает: «Да здравствует всеобщее равенство... у всех должны быть одинаково красивые дома и одинаковое количество больших окон». Но любимая девушка выглядывает из окна маленького («нет, можно и маленькие окна оставить»), корректирует он свои построения). И после пробуждения на следующий день «он думал не о равенстве и преобразованиях, а гармонике и мясных пирогах – надвигалась Масленица...»⁴.

В ряде произведений показано народное восстание, как правило, терпящее поражение. Упор чаще всего делается на неорганизованность мятежников, их неспособность противостоять силам старого порядка.

В романе Жюль Валлеса «Инсургент» рассказывается о событиях 1870-71 гг. – волнениях во французской столице, приведших к установлению Парижской Коммуны. Его герой, карикатурно изображенный революционер Жан Вэнтра сменил множество занятий. Должность в мэрии он теряет из-за вольномыслия: «не выступать публично – с этим я могу еще примириться; как-никак удар нанесен и мне предстоит теперь все радости негласного надзора. Но подать в отставку! Потерять свое местечко! Все статьи, сулящие блестящее будущее, не стоят тарелки супа»⁵. Затем он выступает как сотрудник радикальных изданий:

---

³ Тельман. 1905. № 4. С. 123.

⁴ Федерер. 1907. С. 28.

⁵ Валлес. 1906. № 4. С. 57.

«временами мне становится стыдно за себя, когда критики отмечают и хвалят только мой стиль, когда они не замечают оружия, спрятанного под черным кружевом моей фразы, как меч Ахилла на Скиросе».

В описании восстания в Париже в октябре 1870 г. Валлес доходит до трагикомического гротеска. После захвата Ратуши Вэнтра назначается мэром. «Теперь я могу приступить к тому, что обычно делают носители шарфов. Но что же они делают? – Черт! Я не имею представления – бормочет сосед, которого только что назначили моим помощником и который тоже ждал, чтобы его обучили новому ремеслу⁶. Вдруг является прежний мэр, прошедший через батальон, занявший двор и здание, и требует вернуть ему шарф – символ власти. По приказанию Вэнтра, его заключают в шкаф. Ришар через некоторое время начинает просить разрешение выйти для отправления естественных нужд. «Реакция поднимает голову – только что одно требование, сейчас другое», – так комментирует это один из носителей новой власти. В марте 1871 г., когда в Париже создается Коммуна, у власти внезапно оказываются совершенно неизвестные Вэнтра люди: сапожник Рулье становится министром просвещения, а хозяин прачечной Гралье – министром внутренних дел. «Не было времени для выбора – в разгаре боя. Важно было поднять пролетарское знамя там, где развевалось знамя буржуазии»⁷.

Вацлав Серошевский в повести «Побег» рассказывает о жизни в Сибири политических ссыльных (начало 1880-х гг.). Один из них, радикал Арканов: «Я не считаю конституцию за идеал, который можно написать на знамени, и не вижу другого пути для России, как террор и еще раз террор». Его рассуждения встречают неприятие окружающих: «Это могущественное средство, но не единственное... Насилие иногда неизбежно, но есть ли у вас силы и средства для проведения такой программы? На кого вы рассчитываете, отказываясь от пропаганды среди масс? Насилие не содержит в себе других идеальных элементов, кроме самопожертвования, поэтому оно не обладает притягательной силой, не привлекает последователей». Арканов радуется убийству народовольцами Александра II: «Цепи рабства порваны навсегда!». Ему с раздражением парируют: «несомненно, событие первостепенной важности; главное, какое оно произведет впечатление на простой народ: перестанет ли он боготворить своих властителей или, наоборот, возмутится и встанет против освободителей. И то, и другое возможно! Кто поручится, что это удачное покушение не поведет к еще горшей реакции! Лицо выбрано

---

⁶ Валлес. 1906. № 9. С. 234.

⁷ Валлес. 1906. № 10. С. 34.

неудачно... Для народа он, все-таки, был лучшим царем. Я вижу в этом убийстве, как и в других покушениях, только доказательство политического бессилия и политической бестактности партии!»⁸. История показала, что ответом на террор «Народной воли» стали контрреформы, а народ остался безучастным к происходящему.

В. Яблочков описал трагикомическую ситуацию, когда толпа революционно настроенной молодежи (студенты и гимназисты) воздвигает совершенно ненужную, с тактической точки зрения, баррикаду и, так и не дождавшись прихода рабочих, рассеивается небольшим отрядом казаков⁹. Всевозможные бунтари, о которых повествуют произведения, публикуемые в журнале, оторваны от народа и не знают его реальных нужд.

Герой истории Жана Шантавуана Эжен Шамар в детстве «был брошенным ребенком, потом стал жалким рабочим, потом безработным, неуверенным в завтрашнем дне»; «вследствии своей лениности и чтения вредных книг превратился в анархиста и пропагандиста не словом, а делом». На его совести было множество террористических актов во всех уголках Франции. Общество было повергнуто в ужас, и с поимкой анархиста «Франция вздохнула свободно, словно новый Гераклес избавил ее от сказочного чудовища». Простой народ, находящийся во власти звериных инстинктов, с нетерпением ждал публичной казни Шамара («идея, что справедливость должна получить удовлетворение, набрасывала красивый покров на низкое желание увидеть как две струи крови текут из перерезанного горла»). В тюрьме Шамар заболевает тифом и, таким образом, возникает вероятность, что до публичной казни он не доживет. Власти, не желавшие волнений лишенного очередного развлечения народа, окружают преступника заботой. Уход, хорошее питание, беседа с благочестивыми монашками вызывают у Шамара мысли начать жизнь сначала: «единственное возможное существование для человека – это существование честного труженика»¹⁰.

Мелочная опека со стороны хозяина раздражает рабочих. «...Из упрямства, из желания разозлить надзирателей или из желания их надуть, люди, никогда и не думавшие ни о чем подобном, становятся социал-демократами, то есть совсем не по убеждению и не из-за того, что там сулят золотые горы: большинство знает, что быть с ними заодно очень опасно», – такая ситуация описывается в романе «Что есть истина?»¹¹.

---

⁸ Серошевский. 1906. С. 24.

⁹ Яблочков. 1913. С. 78.

¹⁰ Шантавуан. 1907. С. 28.

¹¹ Тельман. 1905. № 10. С. 34

Неонародники, органом которых был журнал, признавали возможность классового мира: в частности, они подчеркивали отсутствие непримиримых противоречий между интересами рабочих и предпринимателей: чем лучше условия жизни и труда рабочего, тем большую выгоду получает хозяин. В романе Г. Уэллса «Новый Маккиавелли», опубликованном в «Русском богатстве» упоминаются тяжелые условия жизни рабочих, лишенных элементарных социальных гарантий. Чрезвычайно колоритен образ бывшего рабочего с белым невидящим глазом – зрение он потерял в результате производственной травмы и был вынужден оставить привычные занятия. Но показательным и другим – требования рабочих часто неумеренны, а их болезни происходят порой от их же халатного поведения. «Рабочая идеология – односторонняя. Как я раньше этого не понимал?», – так прямо заявляет главный герой¹².

Сам Короленко понимал значение рабочего вопроса, но не считал капиталистов паразитическим классом и признавал, что они играют огромную роль в организации производства¹³. В рассказе Короленко «Легенда о царе и декабристе» (1911) Александр II показан как носитель общенациональных интересов, вступивший во имя преобразований в конфликт с массой консервативно настроенного дворянства. Визит императора в Нижний Новгород накануне реформы принес победу либеральному меньшинству губернского комитета, занимавшегося разработкой проекта освобождения крестьян, над реакционным большинством¹⁴. «Правительство, проводя реформы, стояло впереди своего народа, в его рабской и рабовладельческой массе, и вводило новые начала жизни», – писал Короленко в другом месте¹⁵. Сам император при встрече с промышленником Виллингом одобряет его меры по улучшению жизни рабочих и ставить в пример другим капиталистам¹⁶. Короленко отмечал, что «всегда исходил из идеи, что обращаться нужно не только к совести, но и к учреждениям»¹⁷. Писатель отказывает Л.Н. Толстому в публикации в журнале романа «Начало жизни»: «ваш герой впадает в худшую крайность – полного примирения и даже безразличия ко всему, что выходит за пределы семьи и отношений к ближайшим соседям»¹⁸.

---

¹² Уэллс. 1913. С. 267.

¹³ Короленко. 1953. Т. 5. С. 59.

¹⁴ Короленко. 1911. С. 136.

¹⁵ Короленко. 1955. Т. 9. С. 433.

¹⁶ Тельман. 1905. № 11, С. 199.

¹⁷ Короленко. 1956. Т. 10. С. 78.

¹⁸ Там же. С. 345.

В советское время было принято говорить о близости Короленко к революционному движению. «Положительные герои Короленко свидетельствуют о его революционном демократизме. Все они поборники свободы и социальной справедливости, деятельные и мужественные люди», – так писала Н.Д. Михайловская¹⁹. Сам писатель говорил: «в идеальном образе человека, по которому должна отливаться совершенствующаяся человеческая порода, негодование и гнев против насилия и всегдашняя готовность отдать жизнь на защиту своего достоинства, независимости и свободы должны занимать нормальное место»²⁰. Но от умения постоять за свои идеалы очень далеко до признания революции наилучшим путем решения общественных проблем. Среди бунтарей, представленных в отделе беллетристики журнала, есть, пожалуй, всего один действительно положительный персонаж – это Тиль Уленшпигель, национальный герой Фландрии²¹. Но он, как известно, в первую очередь борец за независимость – в романе де Костера, описывающем эпоху первой в истории буржуазной революции, нигде нет указаний на желание Тили устранить феодализм и дать дорогу началам капитализма.

Критикуя преобразования большевиков, Короленко подчеркивал: «силой задержать самодеятельность в обществе и в народе – это преступление, которое совершало наше старое павшее правительство. Но есть и другое, пожалуй, не меньшее зло – это силой навязывать новые формы жизни, которых народ еще не осознал, и с которыми не мог еще ознакомиться на творческом опыте»²². Таким образом, допуская возможность революции политической, он осуждал идею революции социальной.

В конце 1890-х годов Короленко отмечал, что марксизм «явление живое и интересное. Несомненно, что оно вносит свежую струю даже своими увлечениями и во всяком случае заставляет многое пересмотреть заново... В русской жизни найдется много такого, с чем следует бороться прежде, чем с марксистами. А уж если бороться, то, конечно, так, как борются с явлением, родственным по духу и истекающим из тех же побуждений, что одушевляют и нас»²³. Советские авторы часто упоминали о том, что редактор Короленко отверг присланную ему повесть Сведенцова «Кошмар» как клевету на марксизм²⁴. Однако более внимательный анализ массива беллетристики журнала «Русское богатство»,

---

¹⁹ Михайловская. 1951. С. 39.

²⁰ Короленко. 1956. Т. 10. С. 79.

²¹ Тиль Уленшпигель. 1915. № 1-6.

²² Короленко. 1990. С. 234.

²³ Цит. по: Летов. 1961. С. 47.

²⁴ Миронов. 1962. С. 244.

за подбор которой отвечал Короленко, показывает, что он, несмотря на признание правомерности некоторых выводов марксизма (эксплуатация рабочих и т.д.), считал данное учение односторонним и, тем более, отвергал его революционную составляющую.

Неонародничество выступало за широкую демократизацию России, и в отделе беллетристики были в изобилии представлены прямотаки карикатурные фигуры всевозможных ретроградов. Салтанов из повести В.И. Дмитриевой «Людоеды», который полагал, что русский дворянин не должен читать Толстого, и выражал желание сжечь все университеты и гимназии, описывается как «обнищавший и опустившийся до потери человеческого образа старик». Он отличается особенной неопрятностью и одет в «невероятно затасканный мундир и треуголку, напоминающей растоптанную калошу»²⁵32.

Резюмировать отношение журнала к революции можно цитатой из романа «Что есть истина?»: «Наше время требует мирных реформ и не терпит насильственных переворотов. Революционное восстание только отдалит выполнение ваших справедливых требований на бесконечно далекий срок. Против вас вооружатся все, кто честно и серьезно хотел бы работать над организацией нашего общества, а теперь, из сострадания чувствует себя обязанным протянуть вам руку»²⁶33.

Анализ материалов отдела беллетристики «Русского богатства», слабой в художественном отношении, очень ярко показывает надпартийный характер издания и приверженность его сотрудников к мирному, эволюционному пути общественного развития.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Бережная Л.Г.* Публицистика журнала «Русское богатство» (1905–1915 гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 1980. 234 с.
- Блохин В.В.* А все-таки впереди огни (о реформистском демократизме В.Г. Короленко) // Вестник РУДН, серия История, 2010, № 1.
- Бялый Г.А.* В.Г. Короленко. Л.: Худож. лит. Ленингр. Отд-ние, 1983. 234 с.
- Валлес Ж.* Инсургент // Русское богатство. 1906. № 4-10.
- Васильева Т.А.* Журнал «Русское богатство» и идейно-политическая эволюция народничества (1876–1916 гг.). Дисс. на соиск. уч. степ. к.и.н. М., 1988. 199 с.
- Гуцин Ю.Г.* Реальность и вымысел в произведениях В.Г. Короленко. Глазов: Волговятгиз, 1996.
- Дмитриева В.И.* Людоеды // Русское богатство. 1905. № 3.
- Короленко В.Г.* Легенда о царе и декабристе // Русское богатство. 1911. № 2.
- Короленко В.Г.* Лев Николаевич Толстой // Собр. соч. Т. 5. Воспоминания М., «Правда», 1953.

²⁵ *Дмитриева.* 1905. С. 167.

²⁶ *Тельман.* 1905. № 12. С. 343.

- Короленко В.Г.* Соня на лекции госпожи Лушмановой // Собр. соч. в 10-ти т. Т. 9. М.: ГИХЛ, 1955.
- Короленко В.Г.* Письмо к И.С. Жулину // Там же. Т. 10: Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ, 1956.
- Короленко В.Г.* Письмо к Л.Н. Толстому // Там же. Т. 10: Письма 1879–1921. М.: ГИХЛ, 1956.
- Короленко В.Г.* Письма к Луначарскому // Записки очевидца: Воспоминания, дневники, письма. М., Современник, 1990.
- Летов Б.Д.* Короленко-редактор Л.: Изд-во ЛГУ, 1961. 345 с.
- Махонина С.Я.* История русской журналистики начала XX века. Учеб. пособие. М.: Наука, 2002. 203 с.
- Миронов Г.М.* Короленко М.: Молодая Гвардия 1962. 244 с.
- Михайловская Н.Д.* В.Г. Короленко в борьбе с правительственной реакцией 1880–1890-х. Дисс. на соиск. степ. к. филолог. н. М. 1951.
- Модели общественного переустройства России. М.: Росспэн, 2004.
- Серошевский В.* Побег // Русское богатство. 1906. № 7.
- Тельман К.* Что есть истина? // Русское богатство. 1905. № 4-12.
- Тиль Уленшпигель // Русское богатство. 1915. № 1-6.
- Уэллс Г.* Новый Маккиавелли // Русское богатство. 1913. № 7.
- Федерер Г.* Прометей // Русское богатство. 1907. № 6.
- Шантавуан Ж.* Анархист // Русское богатство. 1907. № 6.
- Яблочков В.* Баррикада // Русское богатство. 1913. № 1.
- Гноевых Алексей Викторович**, аспирант Института российской истории РАН;
uhenko19861@gmail.ru

Д. С. ПЛАТОНОВ

ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА В ПРЕДСТАВЛЕНИЯХ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ

Статья рассматривает отношение эмигрантов к февральским историческим событиям 1917 года. Автор показывает неоднозначность термина «революция» применительно к Февралю 1917 года. Для раскрытия темы используются материалы словарей; журнальных статей и монографий, написанных в эмигрантской среде.

Ключевые слова: революция, смута, переворот, термин, аналогия, словарь.

Одна из уникальных способностей времени – это постоянная изменчивость как его самого, так и окружающей нас действительности. Постепенно меняется не только восприятие и понимание исторических событий, но и тех дефиниций, которые, казалось бы, не должны быть подвластны времени. По этой причине история понятий интересна ничуть не меньше, чем сама история: так как, с одной стороны, вместе с ходом истории модифицируется любой термин, а с другой – изменение содержания понятий наполняет исторические события новым смыслом, придавая им ранее неизвестные оттенки. Содержание терминов можно проследить практически на любом письменном историческом материале, начиная от словарей и заканчивая публицистическими статьями (призванными формировать общественное мнение) и источниками личного происхождения. Однако полученный результат будет не одинаков. Словари, в основном, закрепляют за понятиями общепринятые значения, не зависящие от восприятия отдельно взятого человека, что во многом упрощает, а зачастую и вовсе схематизирует действительность. Но историческое полотно гораздо богаче и сложнее, поэтому каждый раз важно уточнить содержание терминов. Это видно на конкретных примерах, в частности, на примере термина «революция», поскольку это явление разноплановое и в разное время интерпретировалось по-разному.

Со времени существования Советского Союза за историческими событиями февраля 1917 г. твердо закрепилось определение революции. Это событие определялось как «буржуазно-демократическая революция в России, свергнувшая самодержавие и явившаяся важнейшим этапом на пути к Окт. социалистич. революции»¹. Данное определение больше характеризует взгляды советских ученых эпохи застоя, чем отражает исторические реалии.

---

¹ Советская историческая энциклопедия. Т.14. 1973. Стлб. 984.

В период перестройки под революцией в широком смысле слова подразумевали «коренной переворот в жизни общества, который приводит к ликвидации отжившего общественного и политического строя и передаче власти в руки передового класса»². Практически такое понимание революции остается господствующим и в наши дни.

В дореволюционную эпоху, из которой вышли все представители Русского Зарубежья, под революцией понимали «полный и притом если не внезапный, то, по крайней мере, весьма быстрый переворот во всем государственном и общественном строе страны, обыкновенно сопровождаемый революционной борьбой. Последнее, однако, не признается безусловно необходимым... Революцией можно считать и захват власти несколькими лицами или одним лицом (так наз. государственный переворот), если он влечет за собой решительную перемену в правительственной системе и общественных отношениях...»³. Это определение революции было широко распространено.

Однако, как показывает практика, для авторов Русского Зарубежья этот термин не был однозначным: они вкладывали в слово «революция» разное содержание, что послужило благоприятной почвой для всевозможного рода дискуссий в эмигрантской среде. Для одних революция сводилась к политическому явлению, для других – к социальному (борьбе классов) или к духовному. Каждый из авторов толковал это событие со своей точки зрения: исторической, социальной, философской. Именно от понимания революции зависит отбор и выстраивание исторического материала, вследствие чего образ исторических событий приобретает разные конфигурации. Этот тезис можно подтвердить несколькими примерами, заимствуя их как из исторических монографий, так и из лекций и публицистических статей. Исторические источники, рассматриваемые в данной статье, представляют интерес, так как им в историографической литературе было уделено наименьшее внимание.

В трудах историков-эмигрантов события не только Февраля, но и всего 1917 года находили исторические параллели в отечественной истории. Например, у П.Б. Струве 1917 год ассоциировался с российской смутой начала XVII века: «то же духовное шатание не только народных масс, но и высших классах, то же использование чужеземцами внутренней борьбы»⁴, а также «отсутствие нравственной твердости и подлинного патриотизма в высших классах, слабость национального сознания в

---

² Ожегов. 1990. С. 671.

³ Брокгауз, Ефрон. Т. XXVI. №51. 1899. С. 437.

⁴ Струве. 1921. С. 21.

классах средних, анархическая настроенность народных масс»⁵ и др. Тем не менее, «расшатав государство, смута не произвела никакого социального переворота и в этом смысле не была вовсе революцией»⁶. Различие между смутой и революцией как раз и заключается в особом понимании автором последней. «Бунт или смута отличаются от удачной или законченной революции лишь тем, что последняя осуществляется или овеществляется, реализуется или объективируется в каком-то новом праве, а первые к таким достижениям не приводят или приводят лишь в частичной степени»⁷. Понятие революции в интерпретации П.Б. Струве сильно сопрягается с понятием права. «Революция есть нарушение непрерывности правового развития общества, становящейся исходной точкой нового правообразования... Революция есть бунт, коему присущ умысел быть или стать правообразующим фактом или еще короче: *удачная или законченная революция есть бунт, ставший правом*»⁸.

С этих «теоретических» позиций автор подходит к пониманию революции и шире – к истории отечества. Наиболее отчетливо, но в то же время в сжатом виде, концепция истории России нашла свое воплощение в труде П.Б. Струве «Размышления о русской революции» и в статье «Исторический смысл русской революции и национальные задачи», где автор делает большой акцент на взаимоотношения государства и общества. Земский собор, как сословно представительный орган, выросший рядом с царем после смуты, так и не сыграл большой роли в государственной жизни страны, не ограничил самодержавие, и сошел с исторической сцены во второй половине XVII в. Поэтому в XVIII в. Российская империя «была государством, в котором царил единая воля Монарха и только она. В этом таилась для государства величайшая опасность, которая раскрылась лишь в конце XIX века, когда созрели глубочайшие противоречия, обусловленные фактом существования в России, в течение веков, государственной формы неограниченной монархии»⁹. В первой половине XVIII века появилась возможность исправить сложившуюся ситуацию, но при Анне Иоанновне этот шанс оказался упущенным. Избрание на престол племянницы Петра I сопровождалось «кондициями», которые в значительной степени ограничивали власть монарха и могли бы послужить толчком к введению конституции, разработанной князем Д.М. Голицыным. Конституционные проекты и «кондиции» были при-

---

⁵ Там же. С. 21.

⁶ Там же. С. 24.

⁷ Струве. 1923. С. 304.

⁸ Там же. С. 303.

⁹ Струве. 1921. С. 24.

влекательны тем, что содержали в себе юридические гарантии прав человека и идею об «участии населения в государственном строительстве». «В постепенном осуществлении этих начал, в постепенном распространении их на все более и более широкие круги населения заключается гарантия мирного и здорового развития государственности»¹⁰. Тем не менее, история России пошла по другому пути: Анна Иоанновна не сочла нужным считаться с подобными условиями, и тем самым верховная власть отказала обществу принимать какое-либо участие в политической жизни страны. Подобная государственная политика с течением времени постоянно увеличивала разрыв между самодержавием и народом, что и стало основной причиной революции 1917 года.

Соотнося революцию 1917 г. с Французской революцией 1789 г. и русской смутой XVII в., Струве пришел к интересному выводу. Основное отличие между двумя революциями состоит в том, что «Французская революция не только провозглашала идеи, но несмотря на реакцию, к которой она привела, в этой реакции и осуществила свои идеи. Не то в русской революции. Все, что от нее останется, противоречит идеям, ею провозглашенным... Словом, ничего из идей этой революции не осуществилось, а все, что подлинно осуществляется, противоречит ее идеям. Вот почему русскую революцию 1917 и следующих годов следует сблизать, по ее характеру и по соотношению в ней идей и действительности, не только и даже главным образом не с великой французской революцией, а с русской смутой XVI–XVII вв., ибо в нынешней русской революции, как и в первой смуте, осуществляется нечто с этим движением, как таковым, ничего общего не имеющее»¹¹. На основе этого можно сделать вывод о том, что для Струве эталоном революции (по форме и содержанию) была Французская революция 1789 г., поэтому события 1917 года, хоть и являются революцией, но по характеру проведения представляют собой русскую смуту в чистом виде.

Почему люди в критические моменты истории пытаются искать аналогии в прошлом? На этот вопрос отвечает монархист умеренного толка Т.В. Локоть – доктор агрономии, профессор сельского хозяйства и лесоводства: «В переживаемый момент русские люди невольно ищут аналогии в русской истории, стремясь почерпнуть веру и надежду, что и страшные разрушения нынешней революции окончатся для России не политической смертью, а воскресением и новым усилением мощи и могущества»¹². В связи с тем, что работа «Смутное время и революция...»

¹⁰ Там же. С. 26.

¹¹ Там же. С. 33.

¹² Локоть. 1923. С. 3.

была закончена автором в августе 1922 г., в ней отразились надежды и чаяния большинства представителей русского эмигрантского общества тех лет, когда еще было не совсем ясно, куда может повернуться колесо мировой истории. На эмоциональном уровне параллель автора вполне естественна. Посмотрим, как Смутное время и революция соотносятся на концептуальном уровне.

Не углубляясь во все детали исторической концепции ученого, следует отметить, что, по мысли автора, процесс зарождения «дворянской оппозиции» монархии начинает складываться со времен правления Александра I. Дворянство как опора самодержавия, существовавшее на протяжении последних двух веков, должно было уступить место более широким слоям населения. Назревший кризис смог разрешить Александр II, не революционным, а эволюционным путем, проведя в 1861 г. главную социальную реформу, и это особенно подчеркивает автор. Но либеральная оппозиция, требуя от власти «революционных способов «самоограничения»», «незаметно переходила в революционную оппозицию (курсив мой – Д. П.), сливаясь с ней и, попытавшись в феврале 1917 г., действовать заодно с ней..., приняла участие в революционном уничтожении государственной власти...»¹³.

Конечно, автор полностью не отождествляет события Смуты XVII в. со «Смутой XX века», понимая, что аналогий «по внешним формам» можно привести «сколько угодно», но «история не повторяется, а развивается»¹⁴. Но в чем тогда заключается основное сходство двух исторических событий? «Первоисточник Смуты XX века..., как и в Смуте XVII века, коренится в неизбежности процесса социальной перегруппировки сил, на которые должна опираться Верховная Власть государства»¹⁵. Поэтому «основным сходством этих двух крупнейших моментов в истории русской государственности является стремление народа найти и дать более широкую, более национальную политическую опору Государственной Власти – в интересах и Государства, и Народа»¹⁶.

Иначе смотрел на февральские события 1917 г. И.Л. Солоневич. Для него революция «есть широкое, народное и насильственное движение, направленное к свержению или, по крайней мере, к изменению существующего государственного и социального строя. С этой точки зрения настоящими революциями были и Великая французская революция

---

¹³ Там же. С. 99.

¹⁴ Там же. С. 8.

¹⁵ Там же. С. 63.

¹⁶ Там же. С. 94.

и русская революция 1905 года»¹⁷. В статье «Великая фальшивка Февраля», охватывая историю России последних 15-20-ти лет перед февральскими событиями, автор считает, что основной узел противоречий заключался не столько в политической, правовой и экономической, сколько в социальной сфере. К концу XIX в. в Российской империи сформировались новые «энергичные» и «хозяйственные» слои общества, в руках которых оказывались немалые экономические средства, и которые стремились принимать активное участие в политике. Но старый правящий класс препятствовал этому. В 1905 г. опасность окончательного вырождения и банкротства старого правящего класса не была столь очевидна, а столыпинская реформа еще не была проведена, поэтому правящий слой посчитал целесообразным оставить монархическую форму правления. С течением времени мысль о заговоре начинала воплощаться в жизнь. Ее подготовили и реализовали «правые», а не «левые». Автор, выражаясь образно, показывает, что «без военных верхов «дворцовый заговор» пяти московских купцов остался бы стопроцентной маниловщиной»¹⁸. Для этой цели весь Петроград был превращен в «пороховой погреб». Конечно, ни Государственная Дума, ни левые силы не в состоянии были проделать подобное; а «детонатором» в этой истории послужил случайный хлебный бунт «чухонских баб» 23 февраля 1917 года.

Знал ли о готовящемся заговоре император? У И.Л. Солоневича нет указания на осведомленность Николая II в этом вопросе. Царь все свои силы отдавал на театре военных действий: командование армии, решение дипломатических отношений и др. трудности не только во внешней, но и во внутренней политике привели в конечном итоге к тому, что Николай II «допустил **роковой** недосмотр: **поверил** генералам Балку, Гурко и Хабалову. Именно этот **роковой недосмотр** и стал исходным пунктом Февральского **дворцового переворота**»¹⁹. Таким образом, оценивая и определяя Февраль 1917 года, автор пришел к выводу, что это «почти классический случай военно-дворцового переворота, уже потом переросший в март, июль, октябрь и т.д.»²⁰, а генералитету в февральских событиях отводится главная роль.

Работа Солоневича показала, что дворцовый переворот, организованный правящими кругами и военными путем заговора, революцией не является, а может быть только прелюдией к ней. Эту разницу зафиксир-

---

¹⁷ Солоневич. 2007. С. 334.

¹⁸ Солоневич. 2007. С. 382.

¹⁹ Солоневич. 2007. С. 363.

²⁰ Там же. С. 372.

ровали словари. «Так назыв. дворцовые Р. – т.е. захват власти каким-либо высокопоставленным лицом, отнимающим ее от другого лица, при помощи интриги или заговора лиц, принадлежащих к правящему классу, – не составляет Р. в точном смысле этого слова»²¹. В этом пункте «теория» и «практика» полностью совпали.

События Февраля 1917 г. в повествовании историка С.П. Мельгунова предвараются разными планами дворцовых заговоров, а революция в ее классическом варианте началась позже – в марте того же года. Мысль о заговоре вращалась не только в военных и правящих кругах, но и частично просачивалась в общественную среду. В монографии историка «На путях к дворцовому перевороту...» можно выделить как минимум две линии, породившие заговорческие планы, внутри которых было множество течений. Первая из них была распространена в обществе и в великокняжеской среде уже с осени 1916 г., но она «свидетельствовала больше о растерянности, чем о серьезных планах»²² и к моменту решающих событий начала 1917 г. «сама по себе скоро заглохла».

Более реальные и организованные проекты выходили из военной среды, их идейным вдохновителем был А.И. Гучков, но не он один. Большую роль в этом процессе играли Некрасов и Терещенко, так как «через Терещенко проходят нити к Родзянко и к великосветским кругам. Некрасов связывает заговор с думскими сферами и с партией, в которой он состоял и занимал видное положение... Некрасов связывал, таким образом, дворцовый переворот с социалистической частью демократической общественности»²³. Из этой цитаты следует, что не только Государственной Думе, но и отчасти «левым» были знакомы планы готовящегося заговора. В добавление к этому следует отметить, что создавшиеся масонские ячейки, по мнению С.П. Мельгунова, служили проводником между общественным мнением, которому они должны были придать черты организованности и единства, и разными группами заговорщиков. Таким образом, с конца 1916 – начала 1917 г. «речь шла уже о заговоре в стиле дворцовых переворотов XVIII столетия, при которых не исключалась возможность и цареубийства»²⁴.

И наконец, не только Департамент полиции знал о революционных настроениях в обществе, которые росли по мере действий Николая II (принятие поста главнокомандующего во время второй мировой войны,

²¹ Брокгауз, Ефрон. 1899. С. 437.

²² Мельгунов. 2007. С. 178.

²³ Там же. С. 222.

²⁴ Там же. С.141

похороны Распутина в Царском Селе и др.), но и сам император был осведомлен о складывающейся внутривластительской ситуации в стране. Не столько пассивность, сколько «особого рода фатализм» правительства в общем, и царя в частности «объясняет нам причину, почему февральские дни с такой легкостью превратились в революцию»²⁵.

Однако исторические события февраля 1917 года развернулись совершенно не так, как их планировали. Если они «навалились нежданно», застав все русское общество «в состоянии растерянности и неподготовленности», что все-таки произошло в феврале? Мельгунов наполняет термин «революция» особым содержанием. Для него «общество и народ на короткий миг как бы сливаются. Всякие хитроумные политические комбинации оказываются уже запоздавшими. Это и называется революцией. Происходит братание народа и армии. Рождается энтузиазм, скороспелый, может быть, наносный, искусственно вызванный, но все же стихийный»²⁶. Из концепции историка следует, что роковые события февраля 1917 года произошли по случайному стечению обстоятельств, поэтому Мельгунов скептически относится к концепциям тех авторов, которые искали причины февральской революции 1917 г. в отечественной истории задолго до ее осуществления. «Философы истории будут искать корни в глубоком прошлом русского народа и, быть может, за много десятилетий до революции найдут те основы развернувшегося кризиса, которые не давали надежды на мирный исход... Все эти тонкости человеческого ума, игра мысли и воображения не объяснят нам ни хода февральской революции, ни причин ее происхождения»²⁷.

На основе вышесказанного можно сделать вывод о том, что общепринятое определение слова «революция», фиксированное словарями, далеко не было однозначным в среде эмигрантов, как и события февраля 1917 года. Каждый из авторов вкладывал в них определенное, отличное от других содержание, вытекающее из исторической концепции, которой он придерживался. Авторское понимание содержания термина иногда влияло на трактовку события намного больше, чем политическая ориентация и приверженность историка к тому или иному идейно-культурному течению, потому что от него зависел отбор, систематизация и распределение исторического материала внутри повествования и логика самого интеллектуального построения; а от двух последних — отношение, оценка и позиция по отношению к предмету исследования.

---

²⁵ Там же. С. 235.

²⁶ Там же. С. 252.

²⁷ Там же. С. 250-251.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Брокгауз А., Ефрон А.* Энциклопедический словарь. Т. XXVI. № 51. СПб., 1899.
- Локоть Т.В.* Смутное время и революция: политические параллели 1613–1917 г. Берлин: Двуглавый орел, 1923. 103 с.
- Мельгунов С.П.* На путях к дворцовому перевороту. Заговоры перед революцией 1917 года / Предисл. Ю.Н. Емельянова. М.: Айрис-пресс, 2007. 272 с.
- Ожегов С.И.* Словарь русского языка: 70 000 слов / Под ред. Н.Ю. Шведовой. 22-е изд., стер. М.: Рус. яз., 1990.
- Советская историческая энциклопедия. Т. 14. М.: Советская энциклопедия, 1973.
- Солоневич И.Л.* Великая фальшивка Февраля // Россия и революция М.: ФонДИВ, 2007. С. 324-374.
- Солоневич И.Л.* Еще о Феврале // Там же. С. 375-383.
- Струве П.Б.* Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сб. ст. о русской революции / Перепечатка издания 1918 г. М.: Новости, 1991. С. 277-297.
- Струве П.Б.* Познание революции и возрождение духа // Русская мысль. Кн. VI-VIII. Прага-Берлин, 1923. С. 302-311.
- Струве П.Б.* Размышления о русской революции: Публ. лекция, прочит. в ноябре 1919 г. в Ростове-на-Дону. София, 1921. 34 с.
- Платонов Дмитрий Сергеевич***, аспирант кафедры истории и теории исторической науки Российского государственного гуманитарного университета; *dr.dmsr2012@yandex.ru*

А. Г. ВАСИЛЬЕВ

«ФАНТОМНОЕ ТЕЛО» КРАКОВСКОЙ ШКОЛЫ»

Размышляя над книгой молодого польского исследователя Яна Сова «Фантомное тело короля. Периферийные столкновения с современной формой», посвященной классической для польской историографии теме – причинам разделов Речи Посполитой в XVIII в., автор отмечает, с одной стороны, принадлежность ее «краковской традиции», а с другой – новаторский «постдисциплинарный» характер с опорой на современные теоретико-методологические подходы.

Ключевые слова: Речь Посполитая, разделы, мир-системный анализ, теория постколониализма, *longue durée*.

Одним из наиболее значительных событий польской интеллектуальной жизни последних лет стал выход книги молодого краковского исследователя Яна Сова «Фантомное тело короля. Периферийные столкновения с современной формой»¹. Книга была оценена польской научной критикой как новаторская. Отмечалось, что она дает настолько ясный и целостный взгляд на польскую историю на протяжении нескольких веков, что могла бы служить прекрасным учебным текстом.

Профессиональная подготовка автора и характер книги отражают современное состояние поля социально-гуманитарного знания с присущим ему размытием традиционных дисциплинарных границ. Ян Сова (1976 г.р.) изучал польскую филологию, психологию и философию в Ягеллонском университете и в Университете Париж-VIII (Сен-Дени). Доктор социологии, он работает на кафедре современной культуры Ягеллонского университета, применяя для изучения проблем польской истории такие подходы и такой понятийный аппарат, которые до сих пор почти не использовались «профессиональными историками» (лакановский психоанализ в интерпретации С. Жижека, постколониальные исследования, мир-системный анализ, политическая теология Э. Канторовича, онтология события Алена Бадью, теория зависимости и др.).

Ревнителям чистоты границ наук, которые все еще довольно часто встречаются в научных сообществах стран периферийных по отношению к основным направлениям развития современной научной мысли Европы и Америки, Ян Сова говорит, что «разделение знания на дисциплины»

---

¹ Sowa, Jan. *Fantomowe ciało króla. Pereferyjne zmagania z nowoczesną formą*. Kraków. Universitas. 2011. 572 s.

плины возникло как институционализированный артефакт, проистекающий из способа организации такого предприятия, каким является наука. Границы дисциплин не отражают никаких объективных делений явлений, существующих в мире, на экономические, общественные, психологические и т.д. ...В связи с этим я стараюсь также последовательно избегать определения «интердисциплинарный», которое под прикрытием методологической прогрессивности *de facto* скрывает защиту существующих дисциплин. Никакая интердисциплинарность не могла бы существовать, если бы одновременно не существовали сами дисциплины. Намного ближе были бы для меня такие определения, как *унидисциплинарность* или *постдисциплинарность*» (S.30).

Думаю, что сказанное здесь актуально и для отечественной науки. Очевидно, что в отечественной исторической науке давно назрел переход к анализу в первую очередь российской истории с позиций современных методологических подходов, которые давно уже не приписаны в мировой науке ни к какой конкретной «дисциплине». Возможным же это, по моему мнению, станет лишь тогда, когда в российском гуманитарном сообществе в полной мере (и в первую очередь молодыми исследователями) будет осознан нестерпимый анахронизм и провинциализм все еще популярных у нас дискуссий о «границах» научных дисциплин, «заимствовании» методов и подходов, о том, чем же «на самом деле» отличаются историческая культурология от истории культуры, социология культуры от социальной культурологии и т.п., о том, позволительно ли «профессиональному» историку (социологу, филологу и т.д.) использовать «чужие» термины и концепции и т.п. Словом, тогда, когда логика ВАКовских классификаторов специальностей (которые сами давно являются памятником истории науки) перестанет влиять (в первую очередь на уровне ментальности научного сообщества) на логику развития научных исследований.

Книга посвящена классической и ключевой для польской историографии и историософии теме – причинам разделов Речи Посполитой. Этот сюжет был и остается системообразующим как для всех теоретических построений в области польской истории на протяжении последних двух столетий, так и для формирования всех концепций польской национальной идентичности в общественно-политическом дискурсе. В российской историографии аналогичной является тема петровских реформ, в перспективе которых так или иначе рассматривается история Россия и вокруг оценки которых концентрируются все споры о «русской идее».

Точно характеризовал значение таких исторических периодов выдающийся российский историк, один из лучших знатоков польской ис-

торической науки своего времени, Н.И. Кареев: «катастрофа, случившаяся с Речью Посполитой, принадлежит к числу событий, проводящих резкую грань между периодами в историческом бытии народа. Бывают в жизни наций и государств эпохи крутого перелома, когда в сравнительно короткий промежуток времени сразу изменяются самые существенные условия культурно-социальной жизни, когда всему предыдущему подводятся итоги и начинается совершенно новая жизнь. Обыкновенно такие эпохи кризиса... делаются своего рода центрами историко-философского мышления: всё предыдущее развитие рассматривается с точки зрения процесса, приведшего к этому перелому, и из его сущности объясняются главнейшие явления последующей эволюции, так что от того или иного отношения к такой эпохе зависит в своих основах весь философский взгляд почти на всё целое национальной истории»².

Польская профессиональная историческая наука складывалась на протяжении «долгого XIX века», в период утраты государственности. Этот факт наложил на её специфику неизгладимый отпечаток. Причем, вне зависимости от проблематики и периода, разделы Польши составляли для них своеобразную общую перспективу смыслообразования. Для национального самосознания существенно важно было понять, были ли разделы закономерной расплатой за внутренние несовершенства социально-политического устройства, экономическую отсталость, консерватизм элит, манию национального величия и потерю ощущения реальности, или же разделы были свидетельством того, что польское общество передило в своем развитии весь окружающий мир и, как следствие, просто не могло выжить в столь варварском окружении.

Таким образом, события разделов могли быть положены в основу фабулы как «пессимистической», так и «оптимистической» трагедий. «Польские историки, – пишет ведущий британский полонист Н. Дэвис, – были заняты в первую очередь историей разделов. Падение старой Польши, его причины и последствия, остаются и до сегодняшнего дня главной страстью польской историографии. ...Пророки гибели и продавцы надежды составляют здесь прекрасную пару»³.

«Продавцы надежды», «оптимисты» были представлены в первую очередь сторонниками «концепции Лелевеля-Мицкевича». Выдающийся польский историк-романтик Иоахим Лелевель и поэт-романтик Адам Мицкевич нарисовали проникнутую трагическим героизмом картину польской истории. Польша с древнейших времен была носителем

---

² Кареев. 1888. С. 2.

³ Davies. 2001. P. 176.

духа Свободы и опередила в его развитии весь мир. Напуганные тираны убили прекрасную Польшу, которая угрожала им самим фактом своего существования и силой нравственного примера. Однако, подобно Христу, Польша воскреснет и освободит себя вместе со всем остальным человечеством. От возрождения и освобождения Польши поэтому зависит судьба человечества. В этой мессианско-миссианской перспективе главной причиной гибели Польши считались происки внешних врагов в союзе с внутренними предателями. Коренные органические пороки, приведшие к фатальным последствиям, внутри самого польского общества в этой версии национального нарратива практически отрицались.

«Пророки гибели», «пессимисты» наиболее полно выразили свои взгляды в рамках «краковской школы» польской историографии. После поражения январского восстания 1863-64 гг. в условиях галицийской автономии, в рамках которой Австро-Венгерская империя предоставила наибольшие из всех других стран-участниц разделов возможности для развития польского национального движения, группа консервативно настроенных авторов выступила с идеей необходимости избавления от доминирования романтической версии польского прошлого в национальном сознании. Главная идея школы заключалась в том, что причины гибели Польши носили в первую очередь эндогенный, а не внешний характер. Принимаемая романтиками за демократию шляхетская анархия привела государство к гибели. Польша страдала от экономической отсталости, неразвитости городов, нерешенности крестьянского вопроса, военной беспомощности. К моменту разделов Речь Посполитая практически уже не представляла собой государства в точном смысле слова, будучи анархическим конгломератом магнатских владений, населенных эгоистичной шляхтой и равнодушными к судьбе страны в силу полной отстраненности от общественно-политической жизни крестьянством и мещанством. Поэтому разделы были закономерным, неизбежным и даже благотворным для польского общества актом. В условиях «долгого польского XIX века» идеи этой школы носили консервативный характер, призывая отказаться от романтической апологии повстанческой традиции и заняться мирной «органической» работой по развитию хозяйства, просвещения и политической жизни польских земель в условиях существующих политических возможностей.

Понятно, что конкретное историческое событие – разделы Польши второй половины XVIII в. – произошли в результате констелляции внутренних и внешних факторов, но по законам построения нарративов национальной исторической памяти полутона и нюансы устранились в пользу более одномерной черно-белой картины прошлого. В итоге в

польском национальном сознании и в политической жизни и до сего дня в тех или иных формах сосуществуют и противостоят образы романтического «прометеизма» и умеренного прагматизма.

Рецензируемая работа по характеру ответа на вопрос о причинах падения Речи Посполитой принадлежит к «краковской» традиции. Автор четко формулирует свою позицию: поведение того, кто упорно настаивает на том, что упадок Речи Посполитой является результатом внешнего вмешательства, напоминает поведение человека уронившего на землю фарфоровый сервиз и обвиняющего в том, что он разбился, не себя, а силу гравитации (S. 210). Это и подобные встречающиеся в книге положения привели к тому, что многие из польских рецензентов признали в авторе продолжателя традиции краковских консерваторов второй половины XIX в. и правых националистов рубежа XIX-XX вв. Однако тут же приходится делать оговорки, отмечая, что, если краковский исследователь и является их продолжателем, то продолжателем «еретическим». Это связано с тем, что его методологические подходы имеют отношение к левой, (пост)марксистской традиции. Просто сама проблематика польской национальной идеи долгое время была «эксклюзивной» для правого лагеря. В то же самое время применяемые Совой методологические подходы, напротив, традиционно имели «левую» окраску и применялись преимущественно для изучения проблем различных меньшинств, подчиненных групп и сопротивления культурной гегемонии.

Романтические идеи польской исключительности и всемирно-исторической миссии носили характер революционной утопии в период борьбы за независимость в XIX в. и антикоммунистического движения в XX в. Однако в независимой Польше они превратились скорее в консервативную идеологию. И наоборот, «краковские» подходы с их критическим потенциалом по отношению к романтической национальной апологетике из консервативных трансформировались в радикальные.

Методологические основания классической «краковской школы» проделали определенную эволюцию. В первом поколении исследователей, например у Валериана Калинки (1826–1886), это еще были категории греха и провиденциального воздаяния. В следующей же генерации, ярким представителем которой был Михаил Бобржинский (1849–1924), это уже были концепции позитивизма в духе Спенсера и Бокля, а также социал-дарвинизма. Что касается «неокраковской» концепции Яна Совы, то она основывается уже целиком на современных методологиях.

Первое, что отличает «Фантомное тело короля», это рассмотрение интересующей автора проблематики на длинной временной дистанции

– около трех столетий (XVI–XVIII вв.). Здесь автор исходит из теории времени «большой длительности» (*longue durée*) Фернана Броделя. Одной из главных идей автора является то, что причины, приведшие в итоге к разделам Речи Посполитой, вызревали долго, слабость и отсталость страны имели глубокие исторические корни.

Вторым важным методологическим основанием было использование автором идей «географического холизма», связанного с теорией «мир-системного анализа» Ф. Броделя и И. Валлерстайна, а также с достижениями мало, к сожалению, известной в России польской школы экономической истории, представленной такими исследователями мирового уровня, как Витольд Кула, Ежи Топольский, Мариан Маловист и др. Основное положение этого направления заключается в том, что никакие процессы, происходящие в отдельном обществе, государстве и т.д., нельзя понять без помещения его в более широкий контекст, позволяющий понять сложную систему взаимосвязей, в которую исследуемая единица была включена. Именно в периферийном положении Речи Посполитой (как и всего региона Центральной, Восточной и Южной Европы) в системе мирового капиталистического хозяйства усматривает автор причины слабости страны, приведшей ее к гибели в конце XVIII в.

Данное положение также представляется чрезвычайно актуальным для современного российского научно-образовательного контекста, в который в последнее время практически официально внедряется идея России как «государства-цивилизации», которая, будучи примененной к конкретно-историческим исследованиям в качестве методологического основания, может фатально сказаться на возможности понимания многих процессов российской истории, сущность которых может быть раскрыта только в широком европейском или мировом контекстах.

Еще одним важнейшим элементом теоретической конструкции автора является теория постколониализма. Ян Сова отмечает, что в реальности по большинству параметров экономической, политической и духовной жизни Речь Посполитая была более похожа на колониальную периферию Запада в Третьем мире, чем на Запад как таковой. Одновременно Речь Посполитая и позднее Польша (как и большинство обществ региона Центральной и Восточной Европы) описывала и осознала себя исключительно в системе координат западноевропейской цивилизации. Таким образом, в игру входят теории культурной гегемонии, зависимого развития и самоколонизации.

Особое внимание Я. Сова обращает на теорию самоколонизации современного болгарского историка Александра Киоссева, который отме-

чает, что для стран региона Центральной и Восточной Европы характерно самоопределение по отношению к Западу, к которому они чувствуют себя обязанными принадлежать при одновременном ясном осознании своих отличий от «нормы». Отсюда и возникают описания себя в категориях отсталости, недостатка, отсутствия... Так негативные категории, становятся ключевыми для самоопределения. Страны региона оказываются охвачены «постколониальным периферийным синдромом». Он проявляется, как пишет Сова, используя категории Витольда Гомбровича, в «трудных столкновениях с формой». В основе этих столкновений лежит трудность, или даже невозможность, «такого формирования самых общих рамок общественной жизни, которое, с одной стороны, позволило бы соответствовать требованиям эпохи..., а, с другой стороны, позволяло бы каким-то образом “выразить себя”. Современность, увиденная с периферии, представляется, с одной стороны, чрезвычайно ценной и привлекательной, а, с другой, видится чем-то чужим» (S. 31).

В случае Речи Посполитой категория «отсутствия» приобретает особенно актуальный характер, поскольку, с точки зрения автора, к моменту разделов уже на протяжении двух веков польского государства просто... не существовало. Окончание существования Речи Посполитой как «политического тела» Ян Сова датирует 1572-м годом, окончанием правления династии Ягеллонов со смертью последнего короля из этой династии – Зигмунда Августа. После этого Речь Посполитая стала «фантомным государством». И здесь возникает необходимость обращения к «политической теологии» Эрнста Канторовича и Клода Лефорта. Именно название известной книги Канторовича – «Два тела короля» – и легло в основу заглавия исследования Я. Совы, который отмечает, что после окончания правления Ягеллонов у последующих выборных королей было уже только физическое материальное брненное тело, но бессмертное символическое тело-воплощение королевства отсутствовало. Речь Посполитая была фантомом, которому в реальности соответствовал конгломерат мало связанных между собой магнатских владений, охваченный шляхетской анархией и ставший предметом политических игр и соперничества сопредельных держав. Все концепции мессианизма и всемирно-исторической миссии Польши, связанные со шляхетской идеологией сарматизма XVI-XVIII вв., обосновывавшей богоданность политического строя шляхетской демократии и богоизбранность страны, были, по мнению Совы, не более чем фантазмами, призванными скрыть от самих себя факт отсутствия объекта любви и заглушить «фантомные боли» утраченной Республики. Таким образом, разделы

были не уничтожением польского государства (его давно уже не существовало), а резким и болезненным столкновением с Реальным, жестоким нарушением уютного существования в мире проникнутых манией величия невротических фантазмов. Здесь автор обращается уже к идеям лакановского психоанализа в интерпретации С. Жижека.

Размышления над польским «национальным хабитусом» Сова завершает рассуждением о путях выхода из ситуации самоколонизации и зависимого развития. Какова оптимальная стратегия поведения стран Центральной и Восточной Европы в современном мире? «Выйти из игры», объявив себя носителями «особого пути» и «загадочной души»? Но это означает изоляцию и маргинализацию. Объявить свою локальность новой универсальностью, альтернативой мирового значения? Что касается Польши, то это оказывается однозначно невозможно, так как весь символический универсум культуры укоренен в западной культурной традиции и не может содержать в себе никакой развернутой позитивной альтернативы ей. Сова останавливает свой выбор на концепции Терри Иглтона, который подчеркивает, что из ситуации постколониального зависимого развития и самоидентификации можно выйти только путем гегелевского «снятия» оппозиции центр/периферия и помещения себя «по ту сторону» этой дихотомии. Практически это означает обнаружение и развитие в своей локальности того, что является универсальным, культивирование в своей традиции универсальных ценностей современного модернизированного мира.

Завершить мне хотелось бы одной цитатой Я. Сова: «Данная книга... является попыткой заполнить тот пробел, который в польской общественной мысли представляет собой отсутствие систематической и комплексной переинтерпретации польской социальной, культурной, хозяйственной и политической истории, или, говоря в целом - польского хабитуса – с использованием таких теоретических инструментов, как постколониальные исследования, теория зависимости, политическая теология, психоанализ, а также теория гегемонии» (S. 34). Остается только слово «польский» заменить на слово «российский».

БИБЛИОГРАФИЯ

Davies N. Heart of Europe. The Past in Poland's Present. Oxford, New York. Oxford Univ. Press, 2001.

Sowa, Jan. Fantomowe ciało króla. Pereferyjne zmagania z nowoczesną formą. Kraków. Universitas. 2011. 572 s.

Кареев Н. «Падение Польши» в исторической литературе. – СПб., 1888.

Васильев Алексей Григорьевич, кандидат исторических наук, зам. директора Российской академии наук, директор Института культурологии, *vasal2006@yandex.ru*

Д. М. ВОЛОДИХИН

ЛЕГКО О СТРАШНОМ

Рецензия на книгу: *Экштут С.А.* Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: «Молодая гвардия», 2012. 432 с.

Семен Аркадьевич Экштут – уникальный историк, которому на протяжении многих лет удается счастливо усидеть одновременно на двух стульях. Когда выходят его книги, статьи, очерки, профессиональная аудитория со спокойной душой принимает автора как «своего». Почему бы нет? Опора на источники в наличии? Да. Основательный анализ этих источников имеется? Без сомнений. Знание современной литературы вопроса – вплоть до весьма «специальных» работ видно? Профессионалу – да, видно. С другой стороны, читатель-неспециалист, просто интересующийся историей своего отечества гуманитарий, образованный человек, с легкостью читает лучшие книги Экштута. Тот всегда и неизменно задает тон разговора, абсолютно чуждый тяжеловесному вещанию «с кафедры». Он играет с читателем не в игру «профессор и студент», а игру «разговор двух приятелей». А такая беседа должна звучать легко, приятно, занимательно. Собственно, так и есть: ознакомившись с очередным трудом Семена Аркадьевича, получаешь ощущение, будто вдоволь наговорился с блестящим собеседником.

Много лет назад, еще в 1997 г., Экштут, предвидя, какой станет историческая литература в ближайшие десяток-полтора лет, разработал особый метод, коего и придерживается до сих пор. Этот метод именуется «историософским маньеризмом». Он сочетает серьезную историческую основу, философические раздумья (благо, его создатель – доктор философских наук) с изрядной порцией «художества». Получилось нечто вроде изящной кованой решетки: надежно, приятно для глаза и весьма полезно в житейских обстоятельствах.

Из книги в книгу Экштут остается верен философскому маньеризму, суть которого он выразил в нескольких словах: «Мы живем в идеальное время для историософских опытов, когда есть все условия для содержательной, а не спекулятивной интерпретации исторического процесса... Тяга к потустороннему и неземному потеснит гуманистический оптимизм... Воображение и интуиция, связь с мистикой станут новыми опорами для деятельности ученого. Он устремится к виртуозности и усложнению традиционных мотивов. Субъективная основа творчества властно заявит о себе: изучение объекта исследования станет диктоваться

внутренним чувством мастера и подчиняться ему... Объективированному изображению мира будет противопоставлено его художественное воссоздание, ставящее эмоции и переживания выше соблюдения внешнего правдоподобия. Историсофские опыты станут сплавом науки с литературой и искусством»¹. Его новая работа – «Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века» – выполнена в той же манере. И, может быть, давно наработанный стиль нашел в ней наивысшее свое выражение. Все достоинства историсофского маньеризма сфокусированы, доведены до предельного развития. Тут и эксперименты, и интуиция, и художественное воссоздание мира, и литературная виртуозность. И, как и подавляющее большинство книг Экштута, эта издана с тщательно подобранными иллюстрациями. Некоторые из них – уникальны. Это ведь тоже часть историсофского маньеризма: внимательно следить за эстетикой оформления книги. Ее должно быть приятно взять в руки, полистать...

Историсофский маньеризм С.А. Экштута стопроцентно «вписан» в ту группу методических платформ, которая именуется «интеллектуальной историей». Она обращена не только, и даже не столько к «объективно текущему историческому процессу», сколько к концептосфере, или, как удачно было сказано одним из современных ее поклонников, «осмыслению осмысления». Работы Экштута, в том числе и «Повседневная жизнь русской интеллигенции», это, можно сказать, мейнстрим интеллектуальной истории России.

Аннотация книги обещает хронику событий с середины XIX по начало XX в. «Это время – время слома векового уклада русской жизни и активизации революционно-демократического движения, сексуальной революции и отпадения от Церкви, борьбы сословных “предрассудков” и “передовых” идей, промышленного переворота и бурного роста капитализма – противопоставило отцов и детей, взорвало вековые нормы брака, обострило непримиримость державников и прогрессистов, спровоцировало выброс молодёжной “энергии заблуждения”, направленной на разрушение, и в результате подготовило революцию». Все эти темы рассматриваются на примерах литературы, искусства, философских доктрин, социологических исследований, мемуаров, исторических трудов, личных переписок. Многие авторские суждения, что называется, онтологически полемичны и провоцируют на споры. Так, к интеллигенции он причисляет и дворянство, и офицерство, и промышленно-торговые круги, и “новых людей”, объединяя их понятием “образованное общество”,

---

¹ *Экштут*. 1998. С. 271, 273.

пересматривает отношение к самой ментальности русской интеллигенции: «Своеобразной компенсацией невозможности обретения даже очень скромного достатка служил поиск правды, жажда духовности, неуёмное стремление формулировать и решать “проклятые” вопросы». «А может, наоборот, – спросит иной читатель, – “жажда духовности” оставляла его равнодушным к “достатку”?..» Это, конечно, своего рода провокация. Но историософский маньеризм любит провокации. Тем, кто на них поддается, сей метод обещает отличное времяпрепровождение.

Автор разбил повествование на множество небольших главок, что создает ощущение легкости, «ажурности» конструкции книги. Солидный том усваивается без напряжения.

Часть материала публиковалась в прежних книгах Экштута, и вызвала положительные отклики. Здесь – генеральная сумма раздумий автора над эпохой постепенного размывания тех основ, на которых держалась Российская империя или, вернее, русская государственность. Падает сословность, и первым терпит крушение дворянство, привычное служить и вне государевой службы не находящее себе достойного места в жизни. В итоге оно постепенно превращается в паразитарный социальный слой. Шатается вера. В упадок приходят традиционные устои общественного и семейного быта. Активнейшая часть образованного класса в лице интеллигенции видит в государстве врага, а в капитализме – мерзость. Вся империя, когда-то крепкая, по внешней видимости – несокрушимая, качаясь, медленно бредет к катастрофе.

В сущности, книга С.А. Экштута – неспешное переживание этой предкатастрофной эпохи. Величайшее крушение, взятое крупными планами в замедленной съемке. Так, чтобы каждая деталь значила не меньше, нежели совокупность всех деталей. Автор с необыкновенной силой доказывает тезис, согласно которому исторические процессы столь же хорошо видны в мелочах, в единичном, в эпизоде, капризе, жесте исторической личности, как и в могучих магистралях масс, классов, процессов большой длительности, глыбах статистики.

Главки книги тяготеют к двум темам, из которых вырастает два самостоятельных сюжета. *Первый* – о блеске и нищете российской интеллигенции, и хорошо еще, что Экштут пощадил ее потомков, устроив систему образов так, чтобы беспощадные ассоциации с Маниловым и маниловщиной возникали реже, чем ассоциации с милым, мягким, неприспособленным к жизни Обломовым. Но миф об интеллектуальном великолепии дореволюционных интеллигентов он так «заровнял», что «не надо хоронить». *Второй* – о разрушении традиционного общества, сексуальной революции и раскрепощении русской женщины под влия-

нием европейской общественной мысли. Илья Ильич Обломов – человек больших душевных достоинств, но закат его жизни не содержит в себе ничего светлого. Так вот, в книге С.А. Экштута полстолетия из жизни России представлены как судьба одного Большого Обломова. Вся страна, за редкими исключениями, – громадный Обломов. Только вот жить ему уже не на что, душ крепостных за ним не числится. И он стремительно приближается к печальному финалу, хотя пленительные грёзы еще роятся у него в голове...

На протяжении второй половины XIX в. Империя погружается в сумерки, капитализм ведет наступление по пересеченной местности, преодолевая горы и топи, а образованное общество смотрит на новую реальность широко закрытыми глазами. В середине XIX в. традиционные общественные устои быстро разрушаются, исчезает их экономическая основа – труд крепостных крестьян. Капиталистическая модернизация экономики пробуксовывает, но все же на бескрайних землях Империи набирает силы капитализм. Можно сказать, экономические черви жрут корни старинного дворянского вишневого сада, готовя почву для совершенно другого социального строя. Если бы русское образованное общество смирилось с капитализмом как с неизбежной реальностью, постаралось бы приспособиться к буржуазному быту, или, напротив, повело против первого и второго непримиримую борьбу, судьба страны сложилась бы иначе. Бог весть, лучше или хуже была бы та реальность, которая явилась бы на смену 1917 г., но «социалистический эксперимент» точно не наступил бы на хребет страны своей слоновьей пятой.

С.А. Экштут констатирует: наше образованное общество не воспротивилось «экономическим червям» капитализма и не попыталось подстроиться к их неутомимой работе. Оно избрало третий путь – путь мечтательного презрения. Жалкое меньшинство сознательно встроеилось в новую экономическую действительность. Прочие же без особой тоски и печали попрощались с тем, что она губила, но к правилам игры, введенным ею в действие, отнеслись высокомерно и безразлично.

В центре книги – диалог, который ведется между образованным классом и новыми временами. Роль главного источника играет художественная литература и, в меньшей степени, разного рода воспоминания. Выбор абсолютно правильный: именно на страницах литературных произведений идеалы нескольких поколений русских людей представлены в концентрированном виде, ярко и откровенно.

Россия имперская, казенная, державная, отходила в прошлое. Интеллигенция сочиняла реквиемы имперским ценностям. Она уже не создавала торжественных песен во славу русского оружия. Напротив, рус-

ский конкистадор вызывал у нее резко отрицательное отношение. Экшут приводит характерный пример: Надсон, обращаясь в стихотворении «Герою» к генералу Скобелеву, бросает черные слова: «Твой путь – позорный путь! Твой лавр – насмешка злая!» Интеллигенция, выламываясь из системы всеобщей службы, скреплявшей прежнюю Россию, клеймит тех служилых людей, которые еще волокут тяжелый груз в державной упряжке. У нее свой идеал: свобода и гуманизм. Правда, и то, и другое взято в своей предельной, а стало быть, абстрактной форме.

Свободы – да, с 1860-х гг. становится больше. И гораздо влиятельнее, чем раньше, оказываются те, кто берет на себя роль ее глашатаев, вольных творцов, духовных учителей общества. Само общество готово к ним прислушиваться, ждет от них последней истины о том «кто виноват», «что делать» и «как жить честно». Автор книги с яркой выразительностью показывает, сколь большой властью наделяет подобных персон общественное мнение. Фактически они становятся божками на обезбоженной почве. И даже когда они относятся как неблагодарные свиньи к тем, кто материально обеспечивает их творчество (княгиня Тенишева, Мамонтов, Морозов и др.), в глазах общества за ними сохраняется правота. Но практическая жизнь поворачивает их к тому, что свободу надо оплачивать трудом и трудом очень большим. Следовало научиться зарабатывать деньги. Потребовалась образованность нового рода, мало связанная с теми знаниями, которые давали тогда в гимназиях и университетах. Необходимым стало иное отношение к труду и доходу. Все, кто ни попадя, готовы были изливать возвышенно-прекрасные слова ручьями и реками. Но «проклятая реальность» говорила: слова словами, а вот, сколько у вас, молодой человек, за душой червонцев?

Прежде общество строилось на всеобщем долге. В последней трети XIX в. размывается понятие долга в отношении власти, Церкви, даже собственной семьи. Лучшие, может быть, страницы книги посвящены тому, как разваливается традиционная семья, какой ценой эмансипируется русская женщина и как осознает она, освободившись от семейного долга, что теперь никто за просто так ни в чем не станет ее поддерживать. Да и вообще: наступила новая эпоха, никто никому ничего не должен, кроме процентов по займу, а стало быть, и бескорыстной помощи ждать ни от кого не стоит.

Образованное общество страшно разочаровано. Оно возмнило, что избавление от «оков» николаевской эпохи быстро приведет к созданию какого-то гуманистического рая на земле. Собственно, одна из глав книги так и названа: «Гуманистический туман». Рая, конечно же, не наступило. Вместо него пришли «оковы» нового, буржуазного образца,

еще более нестерпимые для интеллигенции. И многие тысячи образованных людей усвоили отношение к окружающей реальности как к проклятой духоте, царству тьмы и безнадежного корыстолюбия. Величайшие русские писатели и драматурги того времени с омерзением писали о предпринимательстве и предпринимателях, о коммерческих проектах и даже о железных дорогах. В их глазах, как показывает автор, прагматичное польздолюбие являлось сущей скверной, хотя многие из них обрели материальный достаток лишь благодаря новой экономической реальности. С.А. Экштут с полным на то основанием говорит: слишком многие ждали революции как «глотка свежего воздуха», жаждали ее, тосковали по ней. Слишком многие предпочли буржуазным ценностям и элементарной личной ответственности всепроникающую силу государства, рождающегося в революционном горниле.

Большой Обломов лежал, лежал, поругивая то имперские ценности, то буржуазные, а экономические черви подгрызали его с боков. Так он предпочел усвоить самую разрушительную идеологию в отношении собственной среды обитания и сгинул вместе с ними в 1917 году.

Солнце Российской империи опустилось за горизонт в октябре 1917-го. Как уже говорилось, процесс медленного, но неуклонного скатывания Большого Обломова к революции растянулся на долгие годы. Одной из главнейших социальных сил, приближавших его к кончине, стала... российская интеллигенция. Она не только с упорством, достойным лучшего применения, губила самоё себя. Она губила многое крепко сделанное и твердо стоящее *вокруг себя*.

С.А. Экштут убедительно показывает: русский интеллигент пореформенной поры являлся *концентрированным Обломовым*. Вернее сказать, это маленький вреденький коллективный Обломов внутри великого пассивного общеимперского Обломова. Похоже на матрешку из хоррора: Обломов в Обломове, притом внутренний, малый, яростно грызет изнутри стенки большого, внешнего. А тот не очень понимает, что с ним творится и как излечить губительную хворь...

В сущности, девиз книги Экштута – «легко о страшном».

Пером одаренного литератора в тоне дружеской беседы – о тяжелой болезни с летальным исходом.

БИБЛИОГРАФИЯ

Экштут С.А. Повседневная жизнь русской интеллигенции от эпохи Великих реформ до Серебряного века. М.: «Молодая гвардия», 2012. 432 с.; ил.

Экштут С.А. На службе российскому Левиафану. М.: Прогресс-Традиция, 1998.

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, доцент кафедры источниковедения Исторического факультета МГУ; volodih@mail.ru

О. И. ЗАХАРОВ

ЗАСЕИВАЯ НОВОЕ ДИСЦИПЛИНАРНОЕ ПОЛЕ

Автор предлагает обзор содержания периодического издания – межвузовского сборника научных трудов «История и историческая память».

Ключевые слова: историческая память, воспоминания, политика памяти.

Сегодня тема исторической памяти стала одной из центральных в исследованиях российских историков. Ей посвящаются диссертации, статьи, сборники. С 2010 г. в Саратове начало выходить периодическое (два раза в год) издание – сборник «История и историческая память».

Стремительно расширяется география: если в первом выпуске приняли участие историки из двух российских городов – Саратова и Ставрополя, то в последующих – авторы из Москвы, Волгограда, Екатеринбурга, Казани, Курска, Петербурга, Воронежа, Нижнего Новгорода, Нижневартовска, Набережных Челнов, а также из Армении (Ереван), Белоруссии (Минск), Польши (Лодзь, Вроцлав) и Украины (Львов).

Статьи распределены по тематическим разделам: часть из них воспроизводится из номера в номер, другие появляются в ответ на авторскую инициативу. Рубрика «Проблемы теории и вопросы практики» представлена только в первом выпуске – статьями Т.А. Булыгиной и Н.И. Шестова¹. Т.А. Булыгина анализирует механизмы формирования коллективной памяти о Великой Отечественной войне, ее создание из образов индивидуальной памяти, подверженных воздействию политики памяти, насаждающей официальную версию войны. Н.И. Шестов рассматривает концепт «политическая память», его соотношение с понятием «историческая память», и доказывает, «что “политическая память” выполняет роль матрицы, на основе которой осуществляется поколенческое воспроизводство структур и качественных характеристик памяти исторической»².

В рубрике «История, власть и массовое сознание» поднимаются вопросы, связанные с нормативной памятью. А.Н. Донин проанализировал учебники дореволюционной и современной России³. А.В. Гладышев показал отношение французских учебников для младшей и средней школы к революции 1789 года⁴, а также раскрыл дидактический образ

---

¹ Булыгина. Вып. 1. С. 5–20; Шестов. Вып. 1. С. 20–31.

² Шестов. С. 20.

³ Донин. 2010. Вып. 1. С. 31–40.

⁴ Гладышев. Вып. 2. С. 30–61.

Наполеона как государственного деятеля и полководца⁵. М.В. Шистеров, реконструировал представления императора и его соратников о географии, а также их трансформацию в результате русского похода⁶.

Тему взаимосвязи исторической памяти и политики продолжают А.В. Баранов и В.И. Мусаев. Первый рассматривает воздействие религиозной памяти на внешнюю политику Ирана: в центре внимания – фигуры аятоллы Хомейни и современных иранских политических деятелей⁷. Мусаев прослеживает «влияние “русского вопроса”» в Прибалтике на состояние российско-прибалтийских взаимоотношений⁸.

В другом аспекте эту тему поднимают А.Н. Бикташева⁹ и К.А. Ильина¹⁰. Бикташева разоблачает созданное художественной литературой представление о ленивом и алчном губернаторе, и показывает кризисное положение казанских губернаторов XIX века, зажатых между интересами центральной власти и местного дворянства, их трагические судьбы. К.А. Ильина, преодолевая магию профессорской риторики и просвещенческих лозунгов, до сих пор определяющих историографическую версию университетского прошлого, прослеживает нарастание процесса бюрократизации университетской повседневности. Е.А. Вишленкова обращает внимание на медико-биологические объяснения социальных проблем России, на метафоры и понятия, которые до сих пор являются ведущими в профанных и научных интерпретациях социальных проблем Российской империи, и доказывает, что мнемический анализ должен включать в себя историческую семантику¹¹.

Проблема памяти раскрывается и на биографических материалах¹². В статье О.Ю. Стародубовой речь идет о трансформации образов русских генералов-участников Брусиловского прорыва, а у П. Цихорацкого – об образах Ю. Пилсудского в 1918, 1926, 1935, 1939 гг.¹³

В постоянном разделе «От политики забвения к политике памяти» А.Н. Галямичев и А.А. Касович¹⁴ представляют результаты анализа

---

⁵ *Гладышев*. Вып. 3. С. 37–58.

⁶ *Шистеров*. Вып. 2. С. 5–30.

⁷ *Баранов*. Вып. 1. С. 51–64.

⁸ *Мусаев*. Вып. 4. С. 87–107.

⁹ *Бикташева*. Вып. 3. С. 58–79; Вып. 5. С. 71–85.

¹⁰ *Ильина*. Вып. 3. С. 133–159.

¹¹ *Вишленкова*. Вып. 4. С. 37–66.

¹² В рубрике «Биографика» собраны статьи о дипломате Ш.Э. Жене, воеводе и дипломате В.Г. Коробьине, ученых М. Хоренаци, П.С. Рыкове, Г. Гербильском, Д.Я. Самоквасове, А. Бочеке, Н.И. Костомарове, о меценате М.П. Беляеве.

¹³ *Стародубова*. Вып. 2. С. 61–87; *Цихорацкий*. Вып. 2. С. 87–99.

¹⁴ *Галямичев, Касович*. Вып. 1. С. 92–97.

почтовых марок с гуситской тематикой, а заодно и их влияния на патриотическое воспитание молодежи 1950–80-х гг. Статья М.А. Васильченко и А.Н. Галямичева¹⁵ касается вопроса о традициях гуситского движения в XV веке, возрожденных в чешских военных подразделениях периода Первой мировой войны.

Местам памяти посвящены статьи Б.П. Маркса и О.Ф. Шаталовой¹⁶. В статье Шаталовой речь идет о трагедиях XX века в Беларуси, и на основе воспоминаний крестьян прослеживается эволюция в их сознании образа «чужого», раскрывается феномен «заимствованной памяти». Польский историк Б.П. Маркс прослеживает историю перезахоронений и мемориальных памятников, показывает политику современных властей в отношении мест памяти советских солдат. Е.А. Вишленкова, Н.А. Попкова, К.Г. Боленко анализируют особенности функционирования музеев и библиотек как культурных институтов и мест памяти¹⁷. В проекте создания музея русской живописи Павла Свинына важна идея собирания художественных артефактов ради утверждения в России культурной нации. Исследователи книжных собраний обращают внимание на другое – дань памяти отечественным просветителям и книголюбам, оставившим соотечественникам свои коллекции.

В разделе «Публикации» читатель обнаружит впервые вводимые в научный оборот источники. Большую их часть сопровождают статьи и комментарии: например публикации А.А. Сеницына и В.А. Соломонова об И.И. Вейцковском¹⁸, статья В.А. Соломонова о Р.А. Таубине и др.¹⁹

Со второго выпуска в сборнике появилась и утвердилась рубрика «Обзоры и рецензии». В ней вышли рецензии на ставшие событиями в российской историографии книги Алексея Щербакова «Наполеон», К.А. Ушмаевой «Высшее историческое образование в России (20–90-е годы XX века)», Е.А. Вишленковой «Визуальное народоведение империи, или Увидеть русского дано не каждому» и др. В рубрике «Юбилей» Ю.Г. Степанов опубликовал два интересных биографических текста о саратовских историках: интервью с легендарным профессором Н.А. Троицким и юбилейную статью о В.А. Соломонове²⁰.

---

¹⁵ Васильченко, Галямичев. Вып. 2. С. 103–109.

¹⁶ Маркс. Вып. 2. С. 148–162; Шаталова. Там же. С. 162–176.

¹⁷ Вишленкова. Вып. 3. С. 108–121; Попкова. Там же. С. 133–154; Боленко. Вып. 4. С. 107–133.

¹⁸ Сеницын. Вып. 1. С. 192–231; Автобиография... С. 231–239.

¹⁹ Соломонов. Вып. 1. С. 239–244; Таубин. Там же. С. 244–261; Соломонов. Вып. 2. С. 235–261; Вып. 4. С. 221–260.

²⁰ Степанов. Там же. С. 267–273; Вып. 5. С. 9–21.

Наконец, в последнем из вышедших номеров данного издания появилась новая рубрика «Историческая память: вопросы историографии и образовательных практик». В ней вышли статьи Г.Н. Ланского «Методологические и концептуальные особенности советской историографии экономической истории России начала XX века»²¹ и Н.И. Шестова ««Историческая память» в структуре профессиональных компетенций политолога»²². Они вывели обсуждение данной темы за рамки собственно социальной и культурной истории, раздвинув тем самым исследовательский горизонт проблемы.

Таким образом, межвузовский сборник научных трудов «Историк и историческая память» за два года перестал быть межвузовским и даже всероссийским, превратившись в регулярное международное издание

БИБЛИОГРАФИЯ

- История и историческая память: Межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. А.В. Гладышева. Саратов, 2010-2012. Вып. 1–5.
- Автобиография И.И. Вейцковского (Публ., вступ. статья А.А. Синицына; коммент. А.А. Синицына и В.А. Соломонова) // Вып. 1. С. 231–239.
- Баранов А.В. Влияние исторической памяти на формирование внешней политики Исламской Республики Иран // Вып. 1. С. 51–64.
- Бикташева А.Н. Механизмы контроля за деятельностью губернаторов в России первой четверти XIX века // Вып. 3. С. 58–79.
- Бикташева А.Н. Губернатор как жертва конфронтации коронной власти, губернского дворянства и «локального» общества (первая половина XIX века) // Вып. 5. С. 71–85.
- Боленко К.Г. Литература по истории России в библиотеке Н.Б. Юсупова (1751–1831): Вторая половина XVIII века // Вып. 4. С. 107–133.
- Булдыгина Т.А. Модели исторической памяти в воспоминаниях о войне // История и историческая память. 2010. Вып. 1. С. 5–20.
- Васильченко М.А., Галямичев А.Н. Преодолевая столетия (Воинские традиции гуситов в Чехо-Словацком корпусе) // Вып. 2. С. 103–109.
- Вишленкова Е.А. Виртуальный «музеум» Павла Свинына – забытая сокровищница русского искусства // Вып. 3. С. 108–121.
- Вишленкова Е.А. Медико-биологические объяснения социальных проблем России (вторая треть XIX века) // Вып. 4. С. 37–66.
- Галямичев А.Н., Касович А.А. Гуситское движение в почтовых миниатюрах // Вып. 1. С. 92–97.
- Гладышев А.В. Формирование исторической памяти: школьные учебники и Французская революция // Вып. 2. С. 30–61.
- Гладышев А.В. Конструирование памяти: можно ли забыть Наполеона, но помнить о Мономотапе // Вып. 3. С. 37–58.

---

²¹ Ланской. Вып. 5. С. 32–43.

²² Шестов. Вып. 5. С. 43–55.

- Донин А.Н. Учебники истории: прошлое и настоящее // Вып. 1. С. 31–40.
- Ильина К.А. Профессора и бюрократические коммуникации в Российской империи первой трети XIX века // Там же. Вып. 5. С. 133–159.
- Ланской Г.Н. Методологические и концептуальные особенности советской историографии экономической истории России начала XX века // Вып. 5. С. 32–43.
- Маркс Б.П. «Места памяти советских солдат погибших в годы Второй мировой войны на территории Лодзи и её окрестностей // Вып.2. С. 148–162.
- Мусаев В.И. Русский вопрос» в странах Балтии в 1990–2000-х гг. и российско-прибалтийские отношения // Вып. 4. С. 87–107.
- Попкова Н.А. Книжное собрание П.М. Мальцева в научной библиотеке Саратовского университета // Там же. Вып. 3. С. 133–154.
- Синицын А.А. Доцент Саратовского университета Иван Иванович Вейцковский // Вып. 1. С. 192–231.
- Соломонов В.А. «Истфак уверенно набирал силы» (воспоминания Р.А. Таубина о довоенной жизни исторического факультета Саратовского университета) // Вып. 1. С. 239–244.
- Соломонов В.А. Письма Н.К. Пиксанова С.Ф. Платонову 1908–1927 годов // Вып. 2. С. 235–261.
- Соломонов В.А. Он же. «Чувствую себя очень неопытным в делах литературных...» (Письма П.Г. Любomiрова С.Ф. Платонову 1912–1929 гг.) // Вып. 4. С. 221–260.
- Стародубова О.Ю. Образ русских генералов, участников Брусиловского прорыва: к вопросу деформации исторической памяти // Вып. 2. С. 61–87.
- Степанов Ю.Г. 80 лет профессору Н.А. Троицкому // С. 267–273.
- Степанов Ю.Г. «Любить университет в себе»: к 50-летию со дня рождения В.А. Соломонова // Вып. 5. С. 9–21.
- Таубин Р.А. К истории истфака Саратовского университета имени Н.Г. Чернышевского (Публ. и коммент. В.А. Соломонова) // Вып. 1. С. 244–261.
- Цихорацкий П. Легенда Юзефа Пилсудского в польском обществе межвоенного периода // Вып. 2. С. 87–99.
- Шаталова О.Ф. «Непреодоленное прошлое»: войны и катастрофы как «места памяти» белорусских крестьян // Вып. 2. С. 162–176.
- Шестов Н.И. Память историческая и память политическая: структура политико-мифологической связи // Вып. 1. С. 20–31.
- Шестов Н.И. «Историческая память» в структуре профессиональных компетенций политолога // Вып. 5. С. 43–55.
- Шистеров М.В. Россия и Урал на ментальных картах Наполеона // Вып. 2. С. 5–30.
- Захаров Олег Игоревич**, стажер-исследователь Института гуманитарных историко-теоретических исследований, аспирант факультета истории НИУ «Высшая школа экономики»; zakharovoleg555@yandex.ru

SUMMARIES

ALLAN MEGILL. For a global history of ideas. The processes of globalization lead to a certain degree of uniformity. But it is easy to overestimate the extent of this uniformity, and hence the extent of the control that any one entity can exercise over the human world. Some theorists of world or global history propose histories that aspire to introduce us to a past that we all share. In the present paper, however, it is proposed that a more important task of large-scale history (and perhaps also of small-scale history) is to lead the consumers of that history to the recognition (although almost certainly not to a full understanding) of differences.

Keywords: *global history, history of ideas, images of past, culture, differences.*

Ya.G. SHEMYAKIN. The phenomenon of 'liminality': socio-cultural contents and historical types. The article has defined the general features of 'liminality' viewed as a particular condition of a person and a society. The author has also concludes that the socio-cultural quality of 'liminality' could acquire various degrees of maturity and historical stability. The concept of 'liminal situation' is differentiated from that of 'liminal civilization' on the basis of the above mentioned criteria. The article demonstrates the historical stages in the development of the main types of civilizational 'liminality'.

Keywords: *limit, liminality, liminal situation, liminal civilization, the First Axial Age, the Second Axial Age.*

Yu.N. GIRIN. Avant-garde as a liminal form of culture. The author suggests that the avant-garde of the early 20th c. represented one of the greatest boundaries in the world art history. It signified a replacement of the traditional 'quietist' world view by a new, unprecedented image of the world. The meanings were 'shifted' from the positions they had been ascribed by the old world view, a new symbolism emerged, forms and meanings changed, and this change was conceptualized by the Russian avant-garde as a 'shift' (A. Kruchenykh), or 'alogism' (K. Malevich), and by the French avant-garde – as 'movement', 'transgression' (A. Breton), *depaysement* (J. Ortega y Gasset).

Keywords: *avant-garde, shift, transgression, liminality, permutation, radicalism, victimization, thanatology, utopia, cosmogony.*

A.A. TOURYGIN. Bielefeld school and the problem of continuity in German historiography. The article focuses on the milestones of continuity in modern German historiography. It considers and analyzes the main historiographical approaches to the studying of the past, research schools and individuals. Also the author compares micro-and macro-approach to the social history. The article is an attempt to comprehend the new historiographical approaches, which have been developed in the works of modern German historians in the context of their discussions.

Keywords: *historiography, continuity, paradigm, discussion, micro- and macro-approach to history, social history.*

L.V. NOURGALEYEVA. Emotional intellect or intellectual emotions? The article is dedicated to the coordination of emotions and intellect, the fundamental relevance of emotive and reflexive State of the human psyche. It aims to show the content validity of psychology perception in such a study. The theme serves as a practical-theoretical refraction with respect to research phenomena associated with intensification of the multimedia context of modern communication systems.

Keywords: *coordination of emotion and intelligence, perception, multimedia communication system.*

O.L. AKOPYAN. Maxim the Greek, Savonarola and the struggle against astrology.

The article is dedicated to the controversies on astrology in Renaissance Italy at the end of XV c. and their influence on the culture of other countries, even Russian. The cause of polemics was the edition of “Disputationes adversus astrologiam divinatricem”, Latin treatise by Pico della Mirandola. In 1497 Pico’s views on the subject were supported by Girolamo Savonarola in his own treatise against astrology. Moreover, later, already in Russia, Maxim the Greek, who was a novice at San Marco monastery in Florence, wrote a number of anti-astrological texts and, though he did not mention Savonarola and Pico and spoke about astrology as a Latin sin, he evidently used their works.

Keywords: *astrology, magic, Maxim the Greek, Savonarola, Pico della Mirandola.*

V.N. ZAKHAROVA. Western Art history of 1970s-2000s on the categories of ‘ideal’ and ‘individuality’ in the Florentine portraiture of the Quattrocento.

The article is dedicated to the critical analysis of Western-European and American scholarship of 1970s–2000s that deals with the aspects of the Early Renaissance portrait in Florence. The main attention focuses on correlation between the categories of ‘ideal’ and ‘individuality’, that is crucial aspects of the 15th-century Italian portraiture.

Keywords: *world art history, Italian Renaissance, portrait, historiography.*

G.V. BAKUS. Physiology of supernatural beings: nature of demons, its representation in German demonological treatises, 1485-1489.

Sexual liaison with demons was one of the most important concepts during all period of Witchhunt, so that European intellectuals faced the problem: to describe conditions for intercourse between witches and *incubi* from the physiological point of view. It occupied the central position in the two most important works in the field, namely, the *Malleus Maleficarum* by Henricus Institoris and the *De Laniis et Phitonices Mulieribus* by Ulrichus Molitoris. In both cases the presence of demon was thought to be a necessary condition for the work of magic and especially for maneficium.

Keywords: *demonology, witchcraft, maleficium, The Hammer of Witches (Malleus Maleficarum), incubi & succubae, intellectual culture.*

I.E. ANDRONOV. The ‘Magdeburg Centuries’: the concept, authors and the organization of work.

A historical work known as the “Magdeburg Centuries” (1559-1574) provoked a long starting point of a long controversy between Lutheran and Catholic historians. The concept of the work was influenced by a two years break in the sessions of the Council of Trent, starting from 1552. The idea was shaped by several Lutheran intellectuals, who formed a board of authors each having with a clearly defined set of duties. The article presents an analysis of the creation of the work’s concept, the shaping of the board of authors and their activities prior to the publication of the first volume.

Keywords: *Early Modern Historiography, Church History, Magdeburg Centuries.*

S.V. FEDOTOV. Innocentius the Book-Lover and the emergence of the literary school of the Nativity of the Theotokos Monastery at Borovsk.

Innocentius the Marvellous, one of the ‘old’ disciples of Paphnutius of Borovsk, laid the foundations of the literary school of the Nativity of the Theotokos Monastery at Borovsk in the late 15th century. It was he who wrote the ‘Life of Father Paphnutius’ created after 2 May 1477 and before February 1479. His literary style is emphatically autobiographic. Innocentius was the monastery’s cellarer, a member of its chapter and could have been elected its hegumen after the death of Paphnutius. The election of a new hegumen provoked a conflict among the monks.

Keywords: *monastic libraries, scriptorium, monastic literary schools, hagiography, Paphnutius of Borovsk, Innocentius the Marvellous, Ivan III.*

I.E. RUDKOVSKAYA. The macro-structure of works by M.M. Shcherbatov and N.M. Karamzin: from permanent experiments towards a communicative breakthrough.

The article presents the comparative analysis of the macro-structure of the 'History of Russia from the earliest times' by M.M. Shcherbatov and the 'History of the Russian state' by N.M. Karamzin, taking into consideration the models offered by the British historiography of the late Enlightenment.

Keywords: *comparative studies of historiography, macro-structure of text, 'the Historical Triumvirate of Britain', M.M. Shcherbatov, N.M. Karamzin.*

S.P. MATVEYEV. The idea of 'middle class' in the Memoirs by François Guizot. This article explores the idea of the middle class as present in the Memoirs of François Guizot. It is shown that the idea resulted from research and political activities of French thinker. Much attention is paid to the historical and intellectual context, as well as to the genetic connection of this idea with the preceding and subsequent traditions of its development.

Keywords: *François Guizot, middle class, memoirs, Restoration, history of ideas.*

O.I. ZAICHENKO. MAIN DETERMINANTS OF THE VIEWS OF RUSSIA BY THE GERMAN CONSERVATIVES OF 1830-40S: A MONARCH AS A REPRESENTATION OF A STATE. The idea of monarchy as the ultimate goal of social development determined the German conservative world view in general and the conservatives' attitude to Russia in particular. The author analyses the perception of the Russian Emperor as a sovereign shared by German conservatives, and shows to what extent the official view of the Russian autocracy corresponded to the concepts of monarchy developed by such conservative political philosophers of the early 19th-century Germany as Friedrich Stahl, Ernst and Leopold von Gerlach, Joseph von Radowitz etc.

Keywords: *the image of Russia, Germany, ideology of conservatism, emperor, absolute power, monarchical state.*

L.P. LAPTEVA. V.I. Gerye and his evaluation of contemporary German universities. The article looks into the evaluation of the study and teaching of world history in German universities made by a Russian scholar V.I. Gerye and is based on his reports of his academic trips there in 1862-64. V.I. Gerye noticed remarkable achievements of German scholars in historical studies, analysed the organization and methods of the teaching of history in German universities, showing both positive features and the shortcomings to be avoided.

Keywords: *Germany, Universities, V.I. Gerye, reports on the academic trip*

A.V. STEPANOV. The Publications by factories in the 19th – early 20th cc. Ivanovo-Voznesensk region as an attempt to shape social memory. The author addresses the problem of social memory and studies the process and instruments of its creation using the example of 'factory books' that were published in the late 19th – early 20th cc. and were dedicated to the history and the state of those factories. The author argues and the 'factory books' represented the Russian industrialists' claim of their own place in history.

Keywords: *social memory, 'factory books', industrial bourgeoisie, charity, education.*

N.A. UTKINA. «With the top of the head perfected as if it were made of ivory » or «a head bald as a naked knee!»: the history of the museification of the Nizhny Novgorod Kremlin. The article is dedicated to the attempt to identify an image of a bald person in the

Ivanovskaya tower of the Nizhniy Novgorod Kremlin as that of V.I. Lenin. Such identification was made by a Nizhniy Novgorod archivist I.I. Vishnevsky in 1926. I.I. Vishnevsky used an image of Lenin to preserve the Nizhniy Novgorod Kremlin.

Keywords: V.I. Lenin, I.I. Vishnevsky, V.A. Desnitsky, the Ivanovskaya tower, the Nizhniy Novgorod Kremlin, museification, images of the past, memory.

V.S. TROFIMOVA. Philosophical Approaches to the “Woman’s Question” in the 17th Century: at the Origins of Modern Feminism. The article discusses traditional (Aristotelian) and innovative (Cartesian) approaches to “woman’s question,” reflected in Lucrezia Marinella’s and Poullain de la Barre’s texts. Marinella anticipated the latest projects to return women’s names to history, and also raised the problem of the nature of the language. Poullain de la Barre may be called one of the first feminists, and feminism as a system of thought may be considered one of the results of scientific and philosophical revolution in Europe in the 17th century.

Keywords: *feminism, “woman’s question,” Lucrezia Marinella, Cartesianism, Poullain de la Barre, gender, women history.*

I.M. ERLIKHSON. The Modern “third woman” in the English Enlightenment novel (D. Defoe). Comparative analysis of Daniel Defoe’s novels “Moll Flanders” and “Roxana” allows the author to show the writers’ attitude to gender equality problems and to draw the social portrait of Modern woman with her psychological qualities, behavioral patterns and perception of the world around and her “self” in it.

Keywords: *Daniel Defoe, Moll Flanders”, “Roxana”, woman, Modern time.*

I.I. VARYASH. Historical consciousness in the late 20th – early 21st cc.: in polemics with L.P. Repina. The author presents a complex analysis of the monograph ‘History at the border of the 20th and 21st centuries’ by L.P. Repina and offers her critical reflections of the state of contemporary historical consciousness.

Keywords: *humanities, history of historical studies, historical consciousness, theory and methodology of history, ‘the territory of a historian’.*

V.V. GOURIN. Moral degradation of the Empire as seen by Tacitus: on the civic identity of the Roman historian. The article deals with the historical and civic identity of Cornelius Tacitus. The author raises questions of civil conscience and active life position of the Roman historian. He also underlines the relevance of these qualities for the representatives of modern historical community. There is a hypothesis in the article about the nature of preserving the existing values in the historian’s works and the reasons for his «refusal» to work with history.

Keywords: *History, antiquity, Tacitus, civic conscience, the crisis of identity.*

D.V. KIRYUKHIN. “The history of the life and accomplishments of Henry VII” by Bernard Andre as an example of politicized history of the Tudor court. The article deals with the early Tudors and the propaganda of the newly-established royal dynasty. The author analyzes the emergence of the genre of politicized history and literature. Particular attention is paid to the personality of the historian in the service of the state.

Keywords: *the early Tudor period, court history, the political order.*

L.V. KLEPIKOVA. The image of the Austrian Academy of Sciences in the correspondence of Leibnitz and Emperor Charles VI. The article deals with the project of the establishment of the Austrian Academy of Sciences discussed in the correspondence of Gott-

fried Wilhelm von Leibniz with Emperor Charles VI and his courtiers. The author tries to understand what kind of the practical and ideological functions were entrusted to the Austrian Academy of Sciences, and to define the role of the political and spiritual factors that influenced the Academy's image.

Keywords: *Empire, Leibniz, Charles VI, the War of the Spanish Succession, science, Enlightenment, Academy.*

Ya.Yu. MUKOSEYEVA. The industrial vocabulary of the Urals in the 'Journey through various provinces of the Russian empire' by P.-S. Pallas. A member of the Academic expeditions of the second half of the 18th century, Peter-Simon Pallas, professor, left the considerable scientific legacy. He presented the results of the expedition in his work, 'Journey through various provinces of the Russian empire' he had written the transaction of «The travel on the different province of Russian empire» where he paid a good deal of attention to linguistic peculiarities of the Urals region.

Keywords: *Peter-Simon Pallas, academic expeditions, industrial vocabulary, mining terminology.*

A.V. GNOEVYKH. The theme of revolution in the belles-lettres section of the 'Russkoe bogatstvo' magazine (1904–1914). The moderate wing of the movement "Neonarodniki" fought for an evolutionary path of social development. Their magazine "Russkoe bogatstvo" portrayed rebels and revolutioners as morally corrupted individuals, standing far from the real interests of the people and inclined to schematism of thought.

Keywords: *public thought, neo-narodnics, intellectuals, liberal movement.*

D.S. PLATONOV. The February of 1917 as viewed by the Russian emigration. The article deals with emigrants' attitude towards the events of the February of 1917. The author demonstrates various interpretations of the term "revolution" concerning of that of February, 1917. The author analyses dictionaries as well as emigrants' magazines and monographs.

Keywords: *revolution, revolt, coup d'état, term, analogy, dictionary.*

A.G. VASILYEV. The 'Phantom body' of the Krakow school. The author reflects on the monograph *Fantomowe ciało króla: Pereferyjne zmagania z nowoczesną formą* (Kraków, 2011) by a young Polish historian Jan Sowa. The study is dedicated to the classical theme of Polish historiography – that of the causes of the partitions of Poland in the 18th c. It is shown that, on the one hand, the monograph belongs to the 'Krakow tradition', and on the other hand, it presents a new 'post-disciplinarian' view and uses new theoretical and methodological approaches.

Keywords: *Poland, partitions, world system analysis, theory of post-colonialism.*

D.M. VOLODIKHIN. To write accessibly about the frightful. Review: S.A. Ekshtut. Everyday life of the Russian Intelligentsia from the Great Reforms to the Silver Age. M., 2012.

Keywords: *Russian intelligentsia, Great Reforms, capitalism.*

O.I. ZAKHAROV. Sowing a new disciplinary field. The author presents a review of a periodical publications – 'History and historical memory'.

Keywords: *historical memory, memoirs, the politics of memory.*

CONTENTS

History and theory

<i>Allan Megill</i> For a global history of ideas.....	5
<i>Ya.G. Shemyakin</i> The phenomenon of ‘liminality’: socio-cultural contents and historical types...../.....	23
<i>Yu.N. Girin</i> Avant-garde as a liminal form of culture.....	46
<i>A.A. Tourygin</i> Bielefeld school and the problem of continuity in German historiography.....	68

Intellectual history today

<i>L.V. Nourgaleyeva</i> Emotional intellect or intellectual emotions?.....	80
<i>O.L. Akopyan</i> Maxim the Greek, Savonarola and the struggle against astrology.....	91
<i>V.N. Zakharova</i> Western Art history of 1970s-2000s on the categories of ‘ideal’ and ‘individuality’ in the Florentine portraiture of the Quattrocento.....	104
<i>G.V. Bakus</i> Physiology of supernatural beings: nature of demons, its representation in German demonological treaties, 1485-1489.....	115
<i>I.E. Andronov</i> The ‘Magdeburg Centuries’: the concept, authors and the organization of work... <i>S.V. Fedotov</i> Innocentius the Book-Lover and the emergence of the literary school of the Nativity of the Theotokos Monastery at Borovsk.....	128
<i>I.E. Rudkovskaya</i> The macro-structure of works by M.M. Shcherbatov and N.M. Karamzin: from permanent experiments towards a communicative breakthrough.....	158
<i>S.P. Matveyev</i> The idea of ‘middle class’ in the Memoirs by François Guizot.....	180
<i>O.I. Zaichenko</i> Main determinants of the views of Russia by the German conservatives of 1830-40s.: a monarch as a representation of a state.....	194
<i>L.P. Лантмева</i> V.I. Gerye and his evaluation of contemporary German universities.....	223

История и память

<i>A.V. Stepanov</i> The Publications by factories in the 19 th – early 20 th cc. Ivanovo-Voznesensk region as an attempt to shape social memory.....	237
<i>N.A. Utkina</i> «With the top of the head perfected as if it were made of ivory» or «a head bald as a naked knee!»: the history of the museification of the Nizhny Nogorod Kremlin.....	256

In the space of gender history

<i>V.S. Trofimova</i>	
Philosophical Approaches to the “Woman’s Question” in the 17 th Century: at the Origins of Modern Feminism	271
<i>I.M. Erlikhson</i>	
The Modern “third woman” in the English Enlightenment novel (D. Defoe).....	281
<i>Discussion club</i>	
<i>I.I. Varyash</i>	
Historical consciousness in the late 20 th – early 21 st cc.: in polemics with L.P. Repina.....	308
<i>Historical notes</i>	
<i>V.V. Gourin</i>	
Moral degradation of the Empire as seen by Tacitus: on the civic identity of the Roman historian.....	324
<i>D.V. Kiryukhin</i>	
“The history of the life and accomplishments of Henry VII” by Bernard Andre as an example of politicized history of the Tudor court.....	330
<i>L.V. Klepikova</i>	
The image of the Austrian Academy of Sciences in the correspondence of Leibnitz and Emperor Charles VI.....	337
<i>Ya.Yu. Mukoseyeva</i>	
The industrial vocabulary of the Urals in the ‘Journey through various provinces of the Russian empire’ by P.-S. Pallas.....	346
<i>A.V. Gnoevykh</i>	
The theme of revolution in the belles-lettres section of the ‘Russkoe bogatstvo’ magazine (1904–1914).....	355
<i>D.S. Platonov</i>	
The February of 1917 as viewed by the Russian emigration.....	363
<i>Reading books...</i>	
<i>A.G. Vasilyev</i>	
The ‘Phantom body’ of the Krakow school.....	372
<i>D.M. Volodikhin</i>	
To write accessibly about the frightful.....	380
<i>O.I. Zakharov</i>	
Sowing a new disciplinary field.....	386
SUMMARIES.....	391
CONTENTS.....	396

СОДЕРЖАНИЕ

История и теория

<i>Аллан Мегилл</i> О глобальной истории идей.....	5
<i>Я.Г. Шемякин</i> Феномен «пограничности»: социокультурное содержание и исторические типы.....	23
<i>Ю.Н. Гирин</i> Авангард как пограничная форма культуры.....	46
<i>А.А. Турьгин</i> Билефельдская школа и проблема преемственности в немецкой историографии.....	68

Интеллектуальная история сегодня

<i>Л.В. Нургалеева</i> Эмоциональный интеллект или интеллектуальные эмоции?.....	80
<i>О.Л. Акопян</i> Максим Грек, Савонарола и борьба с астрологией.....	91
<i>В.Н. Захарова</i> Зарубежное искусствознание 1970-х–2000-х гг. о категориях «идеального» и «индивидуального» в портрете флорентийского Кватроченто.....	104
<i>Г.В. Бакус</i> Физиология сверхъестественного: природа демонов, и ее репрезентация... ..	115
<i>И.Е. Андронов</i> «Магдебургские центурии»: замысел, авторы, организация работы.....	128
<i>С.В. Федотов</i> Книжник Иннокентий Дивный и начало литературной школы монастыря Рождества Богородицы под Боровском.....	144
<i>И.Е. Рудковская</i> Макроструктура трудов М.М. Щербатова и Н.М. Карамзина: от перманентного эксперимента к коммуникативному прорыву.....	158
<i>С.Р. Матвеев</i> Идея «среднего класса» в мемуарах Франсуа Гизо.....	180
<i>О.В. Заиченко</i> Основные детерминанты восприятия России немецкими консерваторами в 30–40-е гг. XIX в.: монарх как воплощение государства.....	194
<i>Л.П. Лаптева</i> В.И.Герье и его оценка современных университетов Германии.....	223

История и память

<i>А.В. Степанов</i> «На пользу и память общества»: издания промышленных предприятий Иваново-Вознесенского региона конца XIX – начала XX в. как опыт создания социальной памяти.....	237
<i>Н.А. Уткина</i> К истории музеефикации Нижегородского кремля: «с отточенным как из слоновой кости верхом головы» или «голова лысая, как голая коленка!».....	256

В пространстве гендерной истории

<i>В.С. Трофимова</i> Философские подходы к «женскому вопросу» в XVII веке: у истоков современного феминизма.....	271
<i>И.М. Эрлихсон</i> “Третья” женщина эпохи Нового времени в английском просветительском романе (Д. Дефо).....	281

Дискуссионный клуб

<i>И.И. Варьяш</i> К вопросу о роли исторического сознания на рубеже XX–XXI вв.: полемизируя с Л. П. Репиной...	308
---	-----

Исторические заметки

<i>В.В. Гурин</i> Моральная деградация империи глазами Тацита: к вопросу о гражданской идентичности римского историка.....	324
<i>Д.В. Кирюхин</i> «История жизни и достижений Генриха VIII» Бернара Андре как пример политизированной истории.....	330
<i>Л.В. Клетикова</i> . Интеллектуальный образ Австрийской академии наук в переписке Г. В. Лейбница и императора Карла VI.....	337
<i>Я.Ю. Мукосеева</i> Уральская промышленная лексика в научном труде П.С. Палласа «Путешествие по разным провинциям Российского государства».....	346
<i>А.В. Гноевых</i> Тема революции в отделе беллетристики журнала «Русское богатство» (1904–1914).....	355
<i>Д.С. Платонов</i> Февраль 1917 года в представлениях русской эмиграции.....	363

Читая книги...

<i>А.Г. Васильев</i> «Фантомное тело» краковской школы.....	372
<i>Д.М. Володихин</i> Легко о страшном.....	380
<i>О.И. Захаров</i> Засеивая новое дисциплинарное поле.....	386
SUMMARIES.....	391
CONTENTS.....	396